

MODERN HUMANITIES
SUCCESS/УСПЕХИ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

№10, 2021 год

Подписано к публикации: 09.08.2021

Главный редактор журнала:

доктор педагогических наук,
профессор

Солопанова Ольга Юрьевна

**«Modern Humanities Success /
Успехи гуманитарных наук»
включен в список ВАК с
8.07.2019г., (Elibrary.ru).**

**Свидетельство о регистрации
СМИ:** Эл № ФС77-75120 от 19 фев-
раля 2019г. Федеральной службой по
надзору в сфере связи, информаци-
онных технологий и массовых ком-
муникаций
(Роскомнадзор)
ISSN 2618-7175 (online)
E-mail: zhurnalnauka2015@yandex.ru
Сайт: <http://mhs-journal.ru>

© Modern Humanities Success /
Успехи гуманитарных наук 2021

Редакционная коллегия по основным направлениям работы журнала:

Абдуллаева Арзугуль Айюбовна (Узбекистан, г. Ташкент) – кандидат филологических наук, доцент
Ахмедов Герман Ибрагимович (Германия, г.Кемниц) – доктор филологических наук, профессор
Биймурсаева Бурулбубу Молдосалиевна (Кыргызстан, г. Нарын) – кандидат педагогических наук, доцент
Богданова Ольга Владимировна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, профессор
Бурибаева Майнура Абильтяевна (Казахстан, г. Астана) – кандидат филологических наук, доцент
Ваджибов Малик Джамалутдинович (РФ, Р. Дагестан) – кандидат филологических наук, доцент
Вегвари Валентина Васильевна (Венгрия, г. Печ) – кандидат педагогических наук, доцент
Вохрышева Евгения Валерьевна (РФ, Самара) – доктор филологических наук, профессор
Гребенникова Вероника Михайловна (РФ, г. Краснодар) – доктор педагогических наук, профессор
Гуревич Любовь Степановна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Дергачева Ирина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Джафаров Тельман Гамзага оглу (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Домброван Татьяна Ивановна (Украина, г. Одесса) – доктор филологических наук, доцент
Дулелова Ирина (Словакия, г. Братислава) – PhD
Захарова Виктория Трофимовна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор филологических наук, профессор
Зумбулдзе Ия Гурамовна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Каминская Елена Альбертовна (РФ, г. Москва) – доктор культурологии, кандидат педагогических наук, доцент
Касымова Рашида Таукеловна (Казахстан, г. Алматы) – доктор педагогических наук, профессор
Киквидзе Инга Джимшеровна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Кротенко Ираида Абесаломовна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Кудрявцева Екатерина Львовна (Германия, г. Гюстро) – кандидат педагогических наук, доцент
Магомедова Тамара Ибрагимовна (РФ, Р. Дагестан) – доктор педагогических наук, профессор
Макеева Вера Степановна (РФ, г. Москва) – доктор педагогических наук, профессор
Маркова Елена Ивановна (РФ, г. Петрозаводск) – доктор филологических наук, старший научный сотрудник
Метревели Медея Гивиевна (Грузия, г. Телави) – доктор педагогических наук, профессор
Мирзоев Махмашариф Сайфович (РФ, г. Москва) – доктор педагогических наук, профессор
Михальчук Тамара Григорьевна (Белорусия, г. Могилев) – кандидат филологических наук, доцент
Наджиева Флора Султан гызы (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Новрузолиева Севда Джаид гызы (Азербайджан, г. Баку) – кандидат филологических наук
Нугуманова Людмила Николаевна (РТ, г. Казань) – доктор педагогических наук, доцент
Оганян Татьяна Борисовна (РФ, г. Ростов-на-Дону) - доктор педагогических наук, доцент
Окорочкова Варвара Борисовна (РФ, г. Якутск) – доктор филологических наук, профессор
Олджай Тюркан (Турция, г. Стамбул) – доктор филологических наук, профессор
Оляндэр Луиза Константиновна (Украина, г. Луцк) – доктор филологических наук, профессор
Панкратова Светлана Анатольевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент
Рзаев Фикрет Чингиз оглу (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Сирота Елена Владимировна (Молдова, г. Бельцы) – кандидат филологических наук, доцент
Тимофеева Анастасия Анатольевна (Чехия, г. Брно) – кандидат филологических наук
Тихомирова Евгения Ивановна (РФ, г. Самара) – доктор педагогических наук, профессор, академик Российской академии Естествознания, академик МААН
Фещенко Татьяна Сергеевна (РФ, г. Москва) – доктор педагогических наук, доцент
Хван Людмила Борисовна (Узбекистан, г. Нукус) – кандидат педагогических наук, профессор
Цветова Наталья Сергеевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент
Червинская Ольга Вячеславовна (Украина, г. Черновцы) – доктор филологических наук, профессор
Шайденко Надежда Анатольевна (РФ, г. Тула) – доктор педагогических наук, профессор
Шкунов Владимир Николаевич (РФ, г. Самара) – доктор исторических наук, доктор педагогических наук, ведущий научный сотрудник
Шмачилина-Цибенко Светлана Витальевна (РФ, г. Омск) – доктор педагогических наук, доцент
Яковлев Евгений Владимирович (РФ, г. Краснодар) – доктор педагогических наук, профессор
Ямалетдинова Галина Александровна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор педагогических наук, доцент

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бочарникова Л.М. СТРУКТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ СОВРЕМЕННОГО УРОКА КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ УЧЕБНЫХ ИНТЕНЦИЙ	7
Сенцова А.Г. ИЗУЧЕНИЕ ВЛИЯНИЯ СТИЛЯ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ НА ИНТЕРЕС К МУЗЫКАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ	12
Артеменко О.Н., Калашникова В.А., Эм Е.А. ПРИМЕНЕНИЕ НОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИСТАНЦИОННЫЙ ФОРМАТ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА ДЛЯ ЛИЦ С ОВЗ И ИНВАЛИДНОСТЬЮ	17
Ван Ли, Цыренова М.И. ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДИСЦИПЛИНЫ «ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК» В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ	21
Григорьева А.В., Ли Жомей, Шмакова Л.В., Яковлева Т.Б. К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ	27
Валеева Г.В. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ФИЛОСОФИЯ» В ВИРТУАЛЬНОЙ АУДИТОРИИ	32
Васильева Н.О. СОДЕРЖАНИЕ ВЫСШЕГО ТОВАРОВЕДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ И ПУТИ ОБНОВЛЕНИЯ	38
Ефимова Е.В., Бабаян А.В. КВЕСТ В РАБОТЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ	45
Даниленко Л.П., Празукин Д.К. ЗНАЧИМОСТЬ СИТУАЦИЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГА	49

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Вишнягова Е.П., Король Е.В. СООТНОШЕНИЯ ВЕРБАЛЬНЫХ И ВИЗУАЛЬНЫХ СРЕДСТВ ВОЗДЕЙСТВИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ	56
Петрова Е.В. ДИСКУРСИВНЫЕ ЖАНРЫ И СФЕРЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ УДАЧИ В РУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРАХ	63
Курпешева А.И., Тулепбергенова Д.Ю. СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АРТИКЛЕЙ В ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ	68

Шимко Е.А., Савватеева Т.Ю. ОТРАЖЕНИЕ ЦЕННОСТНОГО КОМПОНЕНТА КОНЦЕПТА «ВЕРНОСТЬ» ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ВЕРНОСТЬ ДОЛГУ» В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ	72
Абрамова Е.И. ТОПОНИМЫ ФИНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ США: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ	77
Барова А.Г. ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОЙ РАЗГОВОРНОЙ ЛЕКСИКИ И СЛОЖНОСТИ ЕЕ ПЕРЕВОДА В РОМАНЕ Б. НОАК «БАСТИАН»	84
Милявская Н.Б., Остапенко А.А. НЕОСЕМАТИЗАЦИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО «КОМАНДА» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	89
Смирнова М.А., Тенитлов П.С. ФОРМИРОВАНИЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ДЛЯ ОПИСАНИЯ МИРОТВОРЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ В ИТАЛЬЯНСКОМ И ПОРТУГАЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ	94
Цепелева А.Н. ПРАГМАТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ	102
Ягенич Л.В. СТРУКТУРНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИСТОРИИ БОЛЕЗНИ КАК ЖАНРА ПИСЬМЕННОГО ТЕКСТА	107
Бурдун Н.В. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТАХ О БРЕКЗИТЕ	115
Ван В. СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИЧИННЫХ СОЮЗОВ	118
Рылова Е.В., Внучкова Т.Н. ПРАВОВОЙ СТАТУС РУССКОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: НОРМАТИВНАЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩИЕ	123
Будаева Л.Н., Григорьева А.В., Шмакова Л.В. ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ	128
Ефимова А.В., Кошкина Е.Г. ПОРЯДОК ГЛАЗАМИ РУССКИХ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	132
Лю Син ГЕНДЕРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУР)	144

Оян Мэйхэ НОВОЕ РУКОВОДСТВО К ПРЕПОДАВАНИЮ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО – ОЦЕНКА НОВОГО “СТАНДАРТА ОЦЕНКИ УРОВНЯ ВЛАДЕНИЯ КИТАЙСКИМ ЯЗЫКОМ В ПРЕПОДАВАНИИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО”	150
Бурдун Н.В. ОСОБЕННОСТИ АКТУАЛИЗАЦИИ СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В КОНТЕКСТЕ БРЕКЗИТА	155
Кандрашкина О.О. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕРМИНОВ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ АВТОМОБИЛЕСТРОЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЖУРНАЛОВ)	159
Синенко Т.Н. ПОТЕНЦИАЛ ДИСТАНЦИОННОЙ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ВУЗА АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ	164
Ши Цзялу ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТОПОНИМОВ КИТАЯ И РОССИИ В РАМКАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА	170
Комышкова А.Д. ХРИСТИАНСКАЯ МЕТАФОРА В IT ДИСКУРСЕ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	173
Тишкова В.А. РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА ПРОСТРАНСТВА В ТОПОНИМАХ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ОБОЗНАЧЕНИЙ ПРОСТРАНСТВА СУШИ И ВОДНОГО ПРОСТРАНСТВА)	180
Чжао Юаньцзэ ОБРАЩЕНИЕ К ПРОВЕРБИАЛЬНОМУ ФОНДУ ЯЗЫКА КАК ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ КОНЦЕПТА (НА МАТЕРИАЛЕ КОНЦЕПТА «СЕМЬЯ» В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ В СРАВНЕНИИ С РУССКИМ)	184
Шехтман Э.Н., Исаев Д.В. ОБ ИЗУЧЕНИИ ФОРМАЛЬНОГО И СЕМАНТИЧЕСКОГО ВАРЬИРОВАНИЯ В НОВОАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ БИБЛИИ КОРОЛЯ ИАКОВА)	192
Голубева Т.Ю. ЭЛЕМЕНТЫ PR ДИСКУРСА НА СТРАНИЦАХ ВЕБ-САЙТА ВОЕННОГО ВУЗА США (НА ПРИМЕРЕ АКАДЕМИИ ВЕСТ ПОЙНТ)	200

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Ван Миньминь ИССЛЕДОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В КИТАЕ И РОССИИ ПОД ВЛИЯНИЕМ КОРОНАВИРУСА	204
Цзянь Чжэн СПЕЦИФИКА ЖУРНАЛИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПЕРИОД COVID 19	208

Перфильева З.Е. РАСИЗМ, МИМИКРИЯ, СТЕРЕОТИПЫ В РОМАНАХ АББАСА ХИДЕРА	212
Хежева Л.Х., Утижева Л.Б., Кумыкова М.М. ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Б.К. УТИЖЕВА	218
Введенская О.В., Воскресенская М.А. КОНФЛИКТ ПОКОЛЕНИЙ В ОТРАЖЕНИИ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ (НА ПРИМЕРЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ «ВОЗРАСТ- ОРИЕНТИРОВАННЫХ» ИЗДАНИЙ)	225
Юань Е ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ОНЛАЙН МЕДИА НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЖУРНАЛИСТА	232
Цзянь Чжэн, Дун Юэцзяо РАБОТА ЖУРНАЛИСТА В ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ	237
Минина О.В., Киселева М.С. ОСНОВНЫЕ ОБЛИКИ ДОМОВОГО В ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ БЫЛИЧКАХ XXI В.	240
Чжан Шухань ЭТИКА ЖУРНАЛИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	245
Юань Е СПЕЦИФИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННОГО ЖУРНАЛИСТА В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ	251
Васильева Э.В. РУЧНОЙ АНГЕЛ»: МЕТОД «ЛЕЧЕНИЯ ОТДЫХОМ» ДОКТОРА С.У. МИТЧЕЛЛА И ЕГО РЕЦЕПЦИЯ В НОВЕЛЛЕ Ш. ПЕРКИНС ГИЛМАН «ЖЕЛТЫЕ ОБОИ»	254
Маркина К.Н. СПЕЦИФИКА ИНТЕГРИРОВАННЫХ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ	261
Матаненкова Т.А. ЛИРИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ПОЭЗИИ ИРИНЫ ЕРМАКОВОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ «СЕДЬМАЯ»)	266
Толкачев С.П. «ЧУЖИЕ» И ПРИШЕЛЬЦЫ: НОВЫЕ ПАРАДИГМЫ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ ФАНТАСТИКИ	271
Цзянь Чжэн ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ	277

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

СТРУКТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ СОВРЕМЕННОГО УРОКА КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ УЧЕБНЫХ ИНТЕНЦИЙ

*Бочарникова Л.М., преподаватель,
Колледж Московского педагогического государственного университета*

Аннотация: в статье рассматриваются структурные компоненты современного урока, которые реализуют учебные интенции. Подробно разъясняется достижимость учебных целей, значимость системы повторения, описываются приёмы работы с блок-схемами, уточняется вопрос о структурировании процесса обучения на уроке разбора нового материала.

Поднимается вопрос о значимости положительной мотивации обучающихся к учебной деятельности. Даны некоторые аспекты понятий «знание», «понимание», «интенции» на основе научных исследований отечественных и зарубежных авторов. Приводятся данные распределения факторов влияния по среднему размеру эффекта.

Акцент делается на постановке амбициозно достижимых целей перед детьми как стимулирование развития способностей и реализации учебных интенций.

Ключевые слова: блок-схемы, интенции, мотивация, система повторения, современный урок, средний размер эффекта, стратегия преподавания, структурирование, урок разбора нового материала, учебные интенции

Для многих образовательных организаций на сегодняшний день актуальна проблема сложного контингента обучающихся, не мотивированных на высокие образовательные достижения. Отсутствие мотивации у детей обусловлено рядом причин. Чтобы она возникла, ребёнку надо осознать, для чего ему «это» нужно знать. Многочисленные психологические и педагогические исследования, выявляя эффективные педагогические методы,

подтверждают значимость формирования у обучающихся положительной мотивации к учебной деятельности. Сегодня остаются актуальными вопросы о целях обучения и критериях успеха. Результаты распределения факторов влияния по среднему размеру эффекта уникальны (табл. 1). Рассмотрим лишь некоторых из них [9, с. 342], которые для нас важны согласно ключевым позициям нашего исследования.

Таблица 1

№\п	Источник влияния	Фактор влияния	Средний размер эффекта (d)
1.	Ученик	Представление ученика о своём уровне знаний	1,44
		Мотивация	0,48
2.	Школа	Ускоренное обучение	0,88
3.	Стратегии и методы преподавания	Взаимное обучение	0,74
		Обратная связь	0,73
		Обучение поиску решений задач	0,61
		Стратегии преподавания	0,60
		Общеучебные навыки	0,59
		Концепт-карты	0,57
		Учебные цели	0,56
		Поведенческие цели и вводные информационные блоки	0,41
		Иерархическое структурирование процесса обучения	0,19

Предметом настоящей статьи будут являться структурные компоненты современного урока, которые реализуют учебные интенции.

«Интенция (от лат. Intentio – стремление) – намерение, цель, направление или направленность сознания, воли, чувства на какой-либо предмет» [11].

Учебные интенции – это те знания и умения,

отношения и ценности, которым преподаватель обучает детей в рамках определённого цикла занятий или отдельного блока [9, с. 189].

Учебные интенции – это достижимо сложные цели обучающихся.

Реализация ведущей цели происходит посредством набора конкретных тактик. «Выделяют иерархию интенций: цель дисциплины, цель мо-

дуля, цель урока, цель блоков урока. Репертуар интенций разнообразен, и используется для создания гармоничного взаимодействия педагога и обучающихся. Интенциональную направленность имеют все типы и виды уроков, все структурные компоненты урока» [4, с. 34].

Виды деятельности обучающихся позволяют реализовать один или несколько учебных интенций. Вся деятельность на уроке должна представлять собой не набор хаотичных активностей, которые порой никоим образом не соотносятся с учебными интенциями, а должна быть подчинена этим интенциям. Необходимо делать акцент на вовлечённость детей в учебный процесс, формулируя стратегии обучения, моделируя решение поставленных задач, осуществляя поддерживающее взаимодействие с учётом способностей учеников и отслеживая их прогресс на основе обратной связи по поводу эффективности преподавания отдельного предмета, ставя достаточно сложные задачи перед детьми как вызов их возможностям и максимальное стимулирование развития способностей.

Обучающийся, сосредоточившись на освоении и понимании содержания материала, демонстрирует активное участие в процессе обучения [9, с. 189]. Для реализации учебных интенций необходимо сформулировать намерения, повышающие способность ставить цель, поддерживать её и стремиться к достижению следующих целей, тем самым повышая вероятность успешной реализации интенций, относящихся к претворению в жизнь значимых целей [9, с. 190].

Исследование Д. Хэтти, основанное на результатах метаанализов, огромное влияние уделяет стратегиям, ориентированным на учебные интенции и критерии успеха, которые формируют структуру поставленных в рамках урока целей и задач.

Рассмотрим в этом ключе структурные компоненты урока разбора нового материала, представленного в нашем исследовании [1], реализующего учебные интенции.

Учебные цели

Современный урок предполагает возможности использования в образовательном процессе технологий деятельностного типа, формулирования и достижения учебных целей, планирования результата [10, с. 67].

Вопросу проектирования современного урока посвящены диссертации, созданы пособия, даны рекомендации [2, 7, 8].

Эффективно организованная образовательная деятельность начинается с постановки целей. Обучение на основе компетентностного подхода не может не учитывать таксономию образователь-

ных целей Б. Блума, которое уточнили и развили Л. Андерсон и Д. Красвол, представив следующие характеристики мыслительных процессов: запоминание, понимание, применение, анализ, оценка, создание [5, с. 12].

Определяющее значение в образовательной деятельности имеют не столько степень конкретности целей, сколько степень их сложности, которая имеет прямую зависимость с качеством деятельности. Многолетняя практика показала, что успехи в учёбе растут в тех условиях, когда учитель и ученики предпочитают простым целям достижимо сложные цели, соответствующие компетенциям обучающихся. Учебные цели, ориентированные на конкретную задачу и ситуацию, побуждая ученика прикладывать усилия к действию, «делают вызов» способностям ученика, дают установку на саморазвитие и самосовершенство [9, с. 191]. Задача учителя – структурировать компоненты урока так, чтобы обучающиеся могли достигнуть эти цели, добиться успеха в условиях обеспечения обратной связи.

В процессе проведения эксперимента было установлено, что постановка «непростых» целей достаточно эффективна и при обучении детей с особыми образовательными потребностями, с учётом уровня уверенности в себе.

Доказано, что поставленные перед учениками задачи нужной сложности не только зависят, но и оказывают существенное влияние на академические результаты и знания ученика, помогают добиться успеха в образовательной деятельности.

Современный урок даёт возможность сменить вектор от передачи знаний к поиску и осмыслению нового. Учебные интенции и критерии успеха формируют структуру поставленных в рамках урока целей и задач: что я узнаю? чему научусь? зачем мне нужны эти знания? где и как я их прирешу?

На современном этапе важнейшая проблема состоит в осмыслении получаемого знания, постижения его ценности и включения в единую картину мира [6, с. 71]. Следует обратить внимание, что теоретические знания уже недостаточны, особую роль занимает вопрос «Для чего?». На уроке разбора нового материала основополагающим является осмысленное личностно-ценное знание.

Структурирование процесса обучения

Учёные установили, что иерархический порядок подачи материала более эффективен в младших классах ($d=0,44$), а на последующих ступенях обучения общий размер эффекта очень низок ($d=0,07$) [9, с. 196]. Таким образом, структурирование системы уроков по теме, пересмотр этапов урока на конкретном типе урока играет особую роль [1].

Разнообразие типов предохраняет от опасности скатиться к шаблону в построении каждого последующего урока, позволяет чётко организовать учебный процесс. В нашем исследовании типы урока классифицируются, исходя из целей, методов обучения, отбора содержания и способов организации учебной деятельности обучающихся.

Проанализировав состав и содержание этапов, входящих в структуру комбинированного урока, были осмыслены и по-новому сконструированы все типы урока, суть которых – комбинация этапов урока комбинированного. Рассмотрев структуру уроков в представленной системе работы, можно определить, что все другие этапы играют в нем вспомогательную роль и сокращены во времени и объеме [1]. Для реализации учебных интенций на уроке разбора нового материала важны определённые этапы урока.

В традиционном образовательном пространстве учебный процесс превращается в формальную модель, так как часто является линейным, максимально регламентированным и даже хронометрированным [10, с. 94]. Технологии развивающего обучения меняют строгую структуру традиционного урока, определяют содержание понятия «урок» как содержательный отрезок, необходимый и достаточный для решения определённой учебной проблемы и достижения учебной цели. Структура и количество этапов зависят от типа урока, поставленных целей и задач.

Н.А. Чуракова указывает, что «любой урок по своей структуре имеет два слоя, два плана выражения: актуальный и ретроспективный» [10, с. 94]. В процессе обучения актуальным является именно ретроспективный план, который показывает возможности формирования и проявления в различных видах деятельности обучающихся их компетенций. Ретроспективный слой позволяет определить, научены ли обучающиеся мыслить, научены ли работать самостоятельно, научены ли они общаться.

Метапредметность – отличительная черта современного урока, современного образовательного пространства. На современном этапе ценно формирование и развитие метапредметных умений и навыков, готовность ученика повышать образовательный уровень, реализовывать личностный потенциал, стремиться к саморазвитию.

Система повторения

Этап подготовки к активному и сознательному усвоению знаний предполагает отбор вводных информационных блоков, вопросов повторения изученного по теме урока. Это своего рода «мостик» от имеющихся знаний ученика к тому, чему ему предстоит научиться. Размер эффекта устных блоков выше, чем письменных. Важно избегать во

вводных блоках излишней конкретности, лёгкости для обучающихся, так как тогда не будут давать им представления о критериях успеха, о достижимости цели.

В век информационных технологий усиливается роль знаний. Е.В. Кузнецова сравнивает аспекты понятий «знание» и «понимание», указывая, что в процессе преподавания учебной дисциплины необходимо рассматривать знание и понимание в их диалектическом единстве: без понимания нет подлинного знания, а без знания невозможно понимание. Отсюда понимание как достижение осмысленного знания является одной из важнейших целей образования [6, с. 72].

Для обучающихся важна работа с блок-схемами, на основе которых системно выстраивается многократное вариативное повторение, улучшается усвоение учебной информации, понимание его значимости. Осмысленное запоминание является альтернативой механическому заучиванию, зубрёжки. Такая созданная система повторения обеспечивает процесс понимания, помогает обучающимся глубже усвоить информацию, открыть новые грани и смысловые оттенки в изучаемом, развивает память и мышление, служит базой для раскрытия творческих способностей. При этом учитывается контингент класса, способности всех обучающихся. И здесь вступают в силу дифференцированные программы.

В системе работы крупноблочной подачи материала проводится «полётное повторение» в течение 7-10 уроков, что обеспечивает навык работы с информацией. В практике преподавания используется дополнительное календарно-тематическое планирование по системе повторения, которое разрабатывается или обновляется каждый год, с учётом особенностей детей, класса, с учётом дидактического материала в учебнике, с учётом учебных целей.

Блок-схемы [1]

Это одна из форм, в которую облачается учебная интенция, со своим набором правил и инструкций. Особую значимость приобретает работа с блок-схемами в случаях активного участия обучающихся в составлении и развитии этого организационного инструмента. Блок-схемы обеспечивают визуальное отображение информации, что способствует улучшению понимания прочитанного, помогает организовать вербальную информацию. Применение блок-схемы благоприятствует усвоению информации. Известно, что большая часть детей обладает визуальным стилем познания действительности. Они лучше воспринимают информацию, когда устное объяснение материала поддерживается рисунками, иллюстрациями, видеоизображениями, реальными предметами, опы-

тами и т.п., а также путем самостоятельного чтения книг [3, с. 4]. Владение приёмами активизации эйдетической памяти и наличие возможности их применения на уроке в процессе обучения значительно повышают эффективность запоминания (скорость, объем, продолжительность удерживания в памяти и т.п.) [3, с. 7].

Система работы с блок-схемами показала результативность образовательного процесса, большая эффективность которого была достигнута при их использовании перед, во время ознакомления с новым материалом и после него. В этом случае блок-схемы – незаменимый инструмент реализации учебных интенций во время целостного образовательного процесса, наглядно демонстрирующего различные взаимосвязи. Особую значимость это средство обучения приобретает, когда ученики самостоятельно «добывают» новую информацию, предоставляют новые данные, не просто изучают её, а принимают активное участие в её составлении. В этом случае размер эффекта для блок-схемы намного выше, чем «опорные конспекты».

Заключение

Такая система работы прививает каждому ученику чувство личной ответственности за свою работу, стимулирует привычку к волевым усилиям, повышает мотивацию, обеспечивает личностное развитие ребёнка в условиях эмоционального благополучия, психологического комфорта.

Целесообразно учитывать указанные компоненты современного урока, соотнесенность которых дают высокие результаты. Преподавание становится максимально успешным, когда урок структурирован и учебный материал донесён до слушателя.

«Амбициозные учебные интенции оказывают разностороннее воздействие. Они заставляют учеников прикладывать больше усилий и работать напряжённее, чем в условиях низких требований. Подобная интеллектуальная вовлечённость предполагает желание познавать мир, проявление разносторонних интересов. Готовность решать сложные масштабные задачи» [9, с. 282].

Литература

1. Бочарникова Л.М., Машарова Т.В. Структурирование системы уроков по теме – «другой» подход в стратегии преподавания // Вестник педагогических наук. 2021. № 6. С. 7 – 13.
2. Бочарникова Л.М., Солوماتин А.М., Ямшина С.Н., Янычева Г.В. Проектирование современного урока в начальной школе // Материалы участника личностно-ориентированного модуля. М.: Академкнига: учебник, 2013. 56 с.

3. Гузик Н.П. Организация процесса обучения // Управління школою. 2013. № 34-36. С. 1 – 75.

4. Жумагулова Б.С. Интенциональная направленность педагогического дискурса // International journal of experimental education. 2016. № 2. С. 34 – 37.

5. Компетентностно-ориентированные задания. Конструирование и применение в учебном процессе: учебно-методическое пособие / под ред. Н.Ф. Ефремовой. М.: Изд-во «Национальное образование», 2013. 208 с.

6. Кузнецова Е.В. О некоторых аспектах понятий «знание» и «понимание» в условиях компетентностного подхода к обучению // Сибирский педагогический журнал. 2013. № 2. С. 69 – 72.

7. Зайцев В.С. Современные педагогические технологии: учебное пособие: в 2-х кн. Книга 1. Челябинск, ЧГПУ, 2012. 414 с.

8. Современный урок в условиях федерального государственного образовательного стандарта: учебно-методическое пособие / авт. и научн. ред. Т.В. Машарова; авт. А.А. Пивоваров и др. Киров: ООО «Типография «Старая Вятка», 2014 г. – 108 с. (Серия: «Стандарты образования»).

9. Хэтти Джон А.С. Видимое обучение : синтез более 800 метаанализов, посвящённых достижениям школьников. М.: Издательство «Национальное образование», 2017. 432 с. (Антология мировой педагогики).

10. Чуракова Р.Г. Технология и аспектный анализ современного урока в начальной школе. 3-е изд. М.: Академкнига: учебник, 2011. 112 с.

11. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. https://psychology_pedagogy.academic.ru/

References

1. Bocharnikova L.M., Masharova T.V. Strukturirovanie sistemy urokov po teme – «drugoj» podhod v strategii prepodavaniya. Vestnik pedagogicheskikh nauk. 2021. № 6. S. 7 – 13.
2. Bocharnikova L.M., Solomatina A.M., Yamshina S.N., Yanycheva G.V. Proektirovanie sovremennogo uroka v nachal'noj shkole. Materialy uchastnika lichnostno-orientirovannogo modulya. M.: Akademkniga: uchebnik, 2013. 56 s.
3. Guzik N.P. Organizaciya processa obucheniya. Upravlinnya shkoloyu. 2013. № 34-36. S. 1 – 75.
4. Zhmagulova B.S. Intencional'naya napravlenost' pedagogicheskogo diskursa. International journal of experimental education. 2016. № 2. S. 34 – 37.

5. Kompetentnostno-orientirovannye zadaniya. Konstruirovaniye i primeneniye v uchebnom processe: uchebno-metodicheskoye posobie. pod red. N.F. Efremovoy. M.: Izd-vo «Nacional'noye obrazovaniye», 2013. 208 s.

6. Kuznecova E.V. O nekotorykh aspektakh ponyatiy «znanie» i «ponimaniye» v usloviyakh kompetentnostnogo podhoda k obucheniyu. Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal. 2013. № 2. S. 69 – 72.

7. Zajcev V.S. Sovremennyye pedagogicheskiye tekhnologii: uchebnoye posobie: v 2-h kn. Kniga 1. CHelyabinsk, CHGPU, 2012. 414 s.

8. Sovremennyy urok v usloviyakh federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta:

uchebno-metodicheskoye posobie. avt. i nauchn. red. T.V. Masharova; avt. A.A. Pivovarov i dr. Kirov: OOO «Tipografiya «Staraya Vyatka», 2014 g. – 108 s. (Seriya: «Standarty obrazovaniya»).

9. Hetti Dzhon A.S. Vidimoye obuchenie : sintez boleye 800 metaanalizov, posvyashchyonnykh dostizheniyam shkol'nikov. M.: Izdatel'stvo «Nacional'noye obrazovaniye», 2017. 432 s. (Antologiya mirovoj pedagogiki).

10. CHurakova R.G. Tekhnologiya i aspektnyy analiz sovremennogo uroka v nachal'noj shkole. 3-e izd. M.: Akademkniga: uchebnyk, 2011. 112 s.

11. Enciklopedicheskij slovar' po psihologii i pedagogike. https://psychology_pedagogy.academic.ru/

STRUCTURAL COMPONENTS OF MODERN LESSON AS A MEANS OF IMPLEMENTING EDUCATIONAL INTENTIONS

*Bocharnikova L.M., Lecturer,
College of the Moscow State Pedagogical University*

Abstract: the article examines the structural components of a modern lesson that implement educational intentions. The attainability of educational goals, the importance of the repetition system are explained in detail, techniques for working with flowcharts are described, the question of structuring the learning process in the lesson of parsing new material is clarified.

The question is raised about the importance of positive motivation of students for learning activities. Some aspects of the concepts "knowledge", "understanding", "intentions" are given on the basis of scientific research of domestic and foreign authors. The data on the distribution of influencing factors by the average size of the effect are presented.

The emphasis is on setting ambitiously achievable goals for children as stimulating the development of abilities and the implementation of educational intentions.

Keywords: flowcharts, intentions, motivation, repetition system, modern lesson, average effect size, teaching strategy, structuring, a lesson in parsing new material, instructional intentions

ИЗУЧЕНИЕ ВЛИЯНИЯ СТИЛЯ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ НА ИНТЕРЕС К МУЗЫКАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

*Сенцова А.Г., кандидат психологических наук, доцент,
Педагогический институт,
Иркутский государственный университет*

Аннотация: в статье представлено исследование интереса к музыкальной деятельности обучающихся первых классов в условиях общего образования. Установлено, что более пятидесяти процентов детей демонстрируют низкий или ниже среднего уровень интереса к музыкальному искусству. Автором высказано предположение, что на наличие интереса к музыкальной деятельности, существенное влияние оказывает стиль семейного воспитания. В работе предпринята попытка сопоставить результаты исследования этих явлений. На основании, полученных статистических данных сделан вывод о положительном влиянии демократического и авторитарного стилей семейного воспитания на проявления интереса к музыкальной деятельности школьников и необходимости создания условий для совместной музыкальной деятельности детей и родителей.

Ключевые слова: интерес, познавательный интерес к музыкальной деятельности, стиль семейного воспитания, младшие школьники, общее музыкальное образование

Одной из актуальных проблем современного общего музыкального образования, является наличие у учащихся интереса к музыке. Под влиянием интереса у детей развивается музыкальная наблюдательность, интеллектуальная активность, связанная с музыкальным искусством, обостряется работа воображения, восприятия, усиливается произвольное внимание, сосредоточенность. Всё это является залогом достижения цели общего музыкального образования – формирования музыкальной культуры обучающихся.

В XX веке к проблеме интереса обращаются музыковеды, методисты в области музыкального образования, исследователи музыкальной педагогики: Ю.Б. Алиев, О.А. Апраксина, Б.В. Асафьев, В.Б. Бондаревский, Н.А. Ветлугина, Д.Б. Кабалевский, О.П. Радынова, А.Н. Сохор, В.Н. Шацкая. В их трудах подчеркивается, что усвоение знаний, формирование умений и навыков, прежде всего должно быть направлено на развитие интереса к самой музыке, а не превращаться в самоцель [1, 2, 3, 4, 5, 7, 11, 14, 16, 18].

Основоположник системы общего музыкального образования в России Д.Б. Кабалевский считал, что развитие интереса к музыке является главной задачей музыкального образования, без решения которой невозможно достичь успеха в этой области [7].

Таким образом, не вызывает сомнения то, что интерес является системообразующим фактором в достижении цели общего музыкального образования.

С психологической точки зрения важным составляющей в развитии интереса у ребенка является не только сама дисциплина, учебный материал, методическое и педагогическое мастерство учителя, но и семейное воспитание.

Семья выступает средой формирования и раз-

вития личности: здесь ребенок рождается, растет, познает мир, социализируется. Именно в семье развиваются его чувства, закладываются нравственные ценности, формируется физическое и психическое здоровье.

В психологии сложилось представление о стиль семейного воспитания как о пути, в ходе которого осуществляется воспитание ребенка в семье, основанного на «наиболее характерных способах отношения к ребенку родителей, применяющих определенные средства и методы педагогического воздействия, которые выражаются в своеобразной манере словесного обращения и взаимодействия» [15].

Стиль семейного воспитания как характеристика, представляющая собой сочетание приёмов, подходов, методов воспитательной системы. Критерии классификации стилей семейного воспитания изучались в трудах: Захарова А.И. Зверева, О.А., Ганичева А.Н., Куликова Т.А., Минияров В.М., Разумный В.А., Спиваковская А.С., Устинова В.В., Юркевич Н.Г. и др. Исследователи выделяют несколько стилей: авторитарный, демократический, либеральный и попустительский [6, 8, 9, 13, 15, 17].

По мнению В.В. Устиновой, наличие только демократического стиля не всегда бывает эффективным. В каждой семье могут использоваться разные стили в зависимости от ситуаций и обстоятельств [15].

Благотворность влияния семьи на развитие интереса к музыке и творческих способностей ребёнка подтверждают биографии многих музыкантов. Свои первые впечатления связывают с семьей М.И. Глинка, А.С. Даргомыжский, А.П. Бородин, П.И. Чайковский, Д.Д. Шостакович, С.С. Прокофьев и многие другие музыканты. Они отмечают, что домашние музыкальные вечера, атмосфера

любви и уважения к искусству вызывали в них заинтересованность музыкой, воспитали преданность ей. Однако в современных семьях участие родителей в музыкальном развитии детей является редкостью.

Исходя из вышесказанного, можно выявить противоречия:

1) проблема влияния семейного стиля воспитания на интерес к музыкальной деятельности детей как системообразующий фактор музыкального образования не получила достаточного научного осмысления;

2) методическое сопровождение совместной музыкальной деятельности детей и родителей представлено отдельными методическими работами, которые не затрагивают вопросы, связанные со стилями семейного воспитания.

Таким образом, целью нашего исследования можно определить: изучение влияния семейного стиля воспитания на развитие уровня интереса к музыкальной деятельности детей младшего школьного возраста в условиях общего музыкального образования.

Исходя из цели и выявленных противоречий нами была сформулирована проблема исследования: понимая познавательный интерес к музыкальной деятельности, как избирательную направленность личности, на познание музыкального искусства, в силу его эмоциональной привлекательности и жизненной значимости, реализующуюся через активное стремление к музыкальной деятельности [18], мы считаем, что развитие этого психологического феномена зависит от таких воспитательных воздействий характерных для авторитарного и демократического стилей семейного воспитания, как: поощрение детей к самостоятельности и инициативности, вознаграждение за хорошее поведение, создание условий для наиболее полного развития способностей, передача социального опыта ребенку, через требование и контроль за поведением ребенка. В связи с высказанным предположением мы реализовали экспериментальное исследование, в ходе которого диагностировали исходный уровень познавательного интереса младших школьников к музыкальной деятельности, стили семейного воспитания детей, а также предприняли попытку выявить взаимосвязь между этими явлениями.

В ходе эмпирического этапа исследования нами было предпринято изучение познавательного интереса к музыкальной деятельности младших школьников в условиях общего образования и стилей семейного воспитания этих детей. Исследование проходило в одной из общеобразовательных школ г. Иркутска. В исследовании приняла участие 157 первоклассников и их родители (156

семей). Образовательная программа, в русле которой проводилось изучение интереса к музыкальной деятельности, Т.В. Чельшева, В.В. Кузнецова «Музыка».

В качестве диагностического инструмента нами использовалась «Методика по определению показателей развития интереса к музыке» Т.Д. Суловой [10]. Автором методики, выделены пять уровней развития интереса к музыкальной деятельности, характеризующие: эмоциональный отклик детей на музыку; эмоциональную активность; адекватность эмоциональных реакций передаваемому в произведении настроению; сосредоточенность, внимание в процессе восприятия музыки, его устойчивость; активность во время пения; осмысленность ответов; самостоятельность, инициативность в поиске верного ответа; выполнение домашнего задания. Стили семейного воспитания были выявлены с помощью методики С.С. Степанова «Стратегии семейного воспитания». Анализ, полученных данных позволил выделить несколько групп первоклассников с разными уровнями интереса к музыкальной деятельности, а также соотнести эти показатели с результатами опроса родителей.

К первой группе мы отнесли 45 (28,6%) школьников с низким уровнем интереса к музыкальной деятельности. Для детей из этой группы характерны: мотивационная инертность, проявляющаяся в отсутствии устремленности к новым знаниям и умениям в музыкальной области; низкий уровень эмоциональной отзывчивости на музыку, нежелание вслушиваться, эмоционально переживать, постигать музыку; отказ от любой музыкальной деятельности при затруднениях; нежелание выполнять какую-либо музыкальную деятельность (пение, слушание, музыкально-ритмические движения, музыкально-пластическое интонирование); не понимание и не осмысливание музыкально-исторического, музыкально-теоретического материала; нарушение дисциплины, правил поведения на уроке музыки. Большинство детей из этой группы 35 человек (77,7%) воспитываются в семьях с либеральным и 10 человек (22,2%) с попустительским стилем семейного воспитания.

Вторую группу составили 38 человек (24,2%), у которых был выявлен уровень ниже среднего. У детей из этой группы отсутствует интерес к слушанию и исполнению музыки; они проявляют эпизодический интерес к занимательным сторонам музыкальных явлений при отсутствии познавательного интереса к их сущности; дети этой группы не проявляют инициативности, стремятся действовать по образцу, им требуется помощь при выполнении заданий музыкально-

теоретического характера; они часто отвлекаются; не стремятся размышлять о музыке, их ответы односложные; школьники склонны нарушать дисциплину и правила поведения на уроке. В данной группе 19 школьников (50%) воспитываются в семьях с либеральным, 13 детей (34,2%) в семьях с попустительским, 4 ребёнка (10,5%) в семьях с авторитарным и 4 (10,5%) с демократическим стилем воспитания.

Третью группу составили 22 школьника (14%), у которых был выявлен средний уровень проявления интереса к музыкальной деятельности. Для первоклассников этой группы характерны: потребность в систематических побуждениях к деятельности со стороны учителя; необходимость в помощи одноклассников или учителя, при решении сложных задач, низкий уровень самостоятельности; эпизодические включения в музыкальную деятельность (пение, игра на музыкальных инструментах, музыкально-пластическое интонирование, слушание), чаще при наличии условий или выгоды; достаточные музыкально-теоретические и музыкально-исторические знания; проявление интереса к новым знаниям, в основе которых лежат факты и описания; постижение сущности музыкального явления только при помощи учителя; поведение на уроке музыки не устойчивое. Распределение стилей семейного воспитания, в указанной группе, было следующим: 7 детей (31%) воспитывались в семьях с авторитарным, 6 школьников (27,2%) в семьях с демократическим, 3 (13,6%) в семьях с либеральным и 6 (27,2%) с попустительским стилем семейного воспитания.

К четвёртой группе мы отнесли 31 школьника (19,7%) с уровнем интереса к музыкальной деятельности выше среднего. Проявление познавательного интереса к музыкальной деятельности у них характеризуется: желанием участвовать в пении, игре на музыкальных инструментах; зависимостью самостоятельной деятельности от ситуации, наличия побуждения; внимательностью к звучащей на уроке музыке; стремлением разбираться, вникать, сопереживать содержанию музыкального произведения; соответствием музыкально-теоретических и музыкально-исторических знаний требуемому объёму; отсутствием нарушения дисциплины, правил поведения на уроке. В данной группе 13 детей (41,9%) воспитывались в семьях с демократическим, 9 детей (29%) воспитывались в семьях с авторитарным, 5 школьников (16,1%) воспитывались в семьях с попустительским и 4 (12,9%) с либеральным стилем семейного воспитания.

В последнюю, пятую группу вошли 22 школьника (14%) с высоким уровнем интереса к музыкальной деятельности. Дети этой группы проявляют интерес к сущности музыкальных явлений и процессов, к их взаимосвязи и закономерностям. Например, могут установить связь между несколькими, предложенными для слушания произведениями, опираясь на эмоциональное родство этих произведений, средства музыкальной выразительности. Они стремятся разобраться в трудных вопросах при неоднозначности жанра, устанавливают логические связи, опираясь на признаки других жанров. Им свойственен интенсивный, с увлечением протекающий процесс самостоятельной деятельности; стремление к самостоятельному преодолению трудностей. Для школьников с высоким уровнем интереса к музыкальной деятельности характерны: корреляция интересов и склонностей (занятия в сфере дополнительного образования, удовлетворение от посещения концертов, музыкальных спектаклей, желание участвовать в концертной деятельности); активное, эмоционально-окрашенное участие в музыкальной деятельности (пении, игре на музыкальных инструментах, музыкально-пластическом интонировании, слушании), наличие системы мотивов, где ведущими являются нравственный (понимание и следование дисциплинарным требованиям на уроке музыки), эстетический (потребность в общении с произведениями искусства), познавательный (стремление постигать, приобретать новые музыкальные знания и умения). В группе с высоким уровнем интереса к музыкальной деятельности, 11 детей (50%) воспитывались в семьях с демократическим, 9 человек (40,9%) в семьях с авторитарным и 2 ребёнка (9%) воспитывались в семьях с либеральным стилем семейного воспитания.

Анализ данных позволяет с уверенностью констатировать, что первоклассников, которым не интересна музыкальная деятельность больше пятидесяти процентов от общего количества обучающихся. Такую картину нельзя назвать благоприятной для реализации цели общего музыкального образования, что требует дальнейшего исследования проблемы. Кроме того, в результате сопоставления данных, полученных по методикам Т.Д. Суловой и С.С. Степанова, мы выяснили, что стиль семейного воспитания оказывает серьёзное влияние на проявление интереса к музыкальной деятельности у первоклассников. Высокий, выше среднего и средний уровень интереса к музыкальной деятельности, был выявлен у детей, в семье которых преобладают стратегии демократического

и авторитарного стиля воспитания. Дети с низким, и ниже средним уровнем интереса к музыкальной деятельности, воспитываются в семьях с попустительским и либеральным стилем воспитания.

Результаты исследования демонстрируют необходимость в разработке приёмов совместной работы с детьми, и родителями. Формы такой работы могут быть самыми разнообразными: семейные клубы, родительско-детские проекты, внеклассная просветительская деятельность, музыкально-исполнительская родительско-детская деятельность. Результатом работы должны стать изменения в отношениях между родителями и детьми, в подходах родителей к воспитанию, которые связаны с возникновением доверия, внимания, сочувствия, стремления помогать, отказа от назидательности, высокомерия, признанием ценности детских достижений в области музыкального искусства.

Литература

1. Алиев Ю.Б. Методика музыкального воспитания детей. Воронеж: НПО МОДЕК, 1998. 351 с.
2. Асафьев Б.В. Избранные статьи о музыкальном просвещении и образовании. Ленинград: Музыка, 1973. 142 с.
3. Апраксина О.А. Задачи музыкального воспитания в свете реформы школы. М.: Просвещение, 1983. 224 с.
4. Бондаревский В.Б. Воспитание интереса к знаниям. Горький. 1968. 456 с.
5. Ветлугина Н.А. Методика музыкального воспитания. М.: Просвещение, 1989. 270 с.
6. Зверева О.А., Ганичева А.Н. Семейная педагогика и домашнее воспитание. М.: Академия, 2001. 160 с.
7. Кабалецкий Д.Б. Как рассказывать детям о музыке? М.: Просвещение, 2003. 224 с.
8. Куликова Т.А. Семейная педагогика и домашнее воспитание. М.: 1999. 232 с.
9. Миняров В.М. Психология семейного воспитания. М.: Просвещение, 2000. 256 с.
10. Подуровский В.М., Сулова Н.В. Психологическая коррекция музыкально-педагогической деятельности. М., 2001. 320 с.
11. Радынова О.П., Катинене А.И. Музыкальное воспитание дошкольников. М., 1998. 240 с.
12. Разумный В.А. Эстетическое воспитание. М.: Мысль, 1969. 189с.
13. Спиваковская А.С. Как быть родителями. М.: Педагогика, 1986. 157с.
14. Сохор А.Н. Социология и музыкальная культура. М.: Советский композитор, 1975. 202 с.
15. Устинова В.В. Методы и стили воспитания детей. М.: Просвещение, 1996. 147 с.
16. Шацкая В.Н. Музыкально-эстетическое воспитание детей и юношества. М.1975. 200 с.
17. Юркевич Н.Г. Семья и личность. М, 1986. 77 с.
18. Яконюк В.Л. Развитие интереса к профессии учителя музыки. Минск, 1979. 103 с.

References

1. Aliev YU.B. Metodika muzykal'nogo vospitaniya detej. Voronezh: NPO MODEK, 1998. 351 s.
2. Asaf'ev B.V. Izbrannye stat'i o muzykal'nom prosveshchenii i obrazovanii. Leningrad: Muzyka, 1973. 142 s.
3. Apraksina O.A. Zadachi muzykal'nogo vospitaniya v svete reformy shkoly. M.: Prosveshchenie, 1983. 224 s.
4. Bondarevskij V.B. Vospitanie interesa k znaniyam. Gor'kij. 1968. 456 s.
5. Vetlugina N.A. Metodika muzykal'nogo vospitaniya. M.: Prosveshchenie, 1989. 270 s.
6. Zvereva O.A., Ganicheva A.N. Semejnaya pedagogika i domashnee vospitanie. M.: Akademiya, 2001. 160 s.
7. Kabalevskij D.B. Kak rasskazyvat' detyam o muzyke? M.: Prosveshchenie, 2003. 224 s.
8. Kulikova T.A. Semejnaya pedagogika i domashnee vospitanie. M.: 1999. 232 s.
9. Minyarov V.M. Psihologiya semejnogo vospitaniya. M.: Prosveshchenie, 2000. 256 s.
10. Podurovskij V.M., Suslova N.V. Psihologicheskaya korrekciya muzykal'no-pedagogicheskoy deyatel'nosti. M., 2001. 320 s.
11. Radynova O.P., Katinene A.I. Muzykal'noe vospitanie doshkol'nikov. M., 1998. 240 s.
12. Razumnyj V.A. Esteticheskoe vospitanie. M.: Mysl', 1969. 189s.
13. Spivakovskaya A.S. Kak byt' roditelyami. M.: Pedagogika, 1986. 157s.
14. Sohor A.N. Sociologiya i muzykal'naya kul'tura. M.: Sovetskij kompozitor, 1975. 202 s.
15. Ustinova V.V. Metody i stili vospitaniya detej. M.: Prosveshchenie, 1996. 147 s.
16. SHackaya V.N. Muzykal'no-esteticheskoe vospitanie detej i yunoshstva. M.1975. 200 s.
17. YUrkevich N.G. Sem'ya i lichnost'. M, 1986. 77 s.
18. YAkonyuk V.L. Razvitie interesa k professii uchitelya muzyki. Minsk, 1979. 103 s.

**THE STUDY OF THE INFLUENCE OF THE STYLE OF FAMILY EDUCATION
ON THE YOUNGER SCHOOLCHILDREN'S INTEREST IN THE MUSICAL
ACTIVITY IN THE CONDITIONS OF GENERAL EDUCATION**

*Sentsova A.G., Candidate of Psychological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Pedagogical Institute,
Irkutsk State University*

Abstract: the paper presents a study of the interest in the musical activity of students of the first grades in the conditions of general education. It was found that more than fifty percent of children demonstrate a low or below average level of interest in music art. The author suggests that the presence of interest in musical activity is significantly influenced by the style of family education. The paper attempts to compare the results of the study of these phenomena. Based on the obtained statistical data, the conclusion is made about the positive influence of democratic and authoritarian styles of family education on the manifestations of interest in the musical activities of schoolchildren and the need to create conditions for joint musical activities of children and parents.

Keywords: interest, cognitive interest in musical activity, family education style, junior schoolchildren, general music education

ПРИМЕНЕНИЕ НОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИСТАНЦИОННЫЙ ФОРМАТ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА ДЛЯ ЛИЦ С ОВЗ И ИНВАЛИДНОСТЬЮ

*Артеменко О.Н., кандидат педагогических наук, доцент,
Ставропольский государственный педагогический институт,
Калашикова В.А., кандидат педагогических наук, доцент,
Эм Е.А., кандидат педагогических наук, доцент,
Северо-Кавказский федеральный университет*

Аннотация: в статье описана процедура организации образовательного процесса с использованием дистанционных технологий для лиц с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья; описаны актуальные тенденции в профессиональном образовании, охарактеризованы эффективные образовательные технологии и алгоритм организационных действий для выстраивания правильной коммуникации между участниками образовательного процесса с использованием дистанционных форм взаимодействия (Zoom, Skype, WhatsApp, социальные сети, электронная почта и т.д.). Важным аспектом, характеризующим специфику применения цифровых технологий в обучении лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью, является составление и реализация плана дистанционного психолого-педагогического и социально-педагогического сопровождения как образовательного процесса, так и отдельного обучающегося с учетом правил дистанционной работы, организация диагностической работы, онлайн консультирования, проведение учебных занятий (с особой компоновкой форм, методов, способов, приемов обучения, с учетом обеспечения доступности материалов для лиц с ограниченными возможностями здоровья), групповых и индивидуальных коррекционно-развивающих занятий в онлайн режиме и др.

Ключевые слова: профессиональное образование, образовательный процесс, образовательные технологии, дистанционное обучение, обучающиеся с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью, педагог

Новые тенденции в развитии профессионального образования, разработка и реализация эффективных образовательных технологий предоставляют новые возможности как для педагогов вузов, так и для обучающихся, в том числе и студентов, имеющих ограниченные возможности здоровья (ОВЗ) и инвалидность.

Актуальные ориентиры и тенденции, направленные на цифровизацию, индивидуализацию образования, активное внедрение в педагогический процесс адаптированных, информационно-коммуникационных технологий и дистанционного формата организации учебного процесса, позволяют создавать и новый формат взаимодействия между всеми участниками образовательного процесса, создавать новую образовательно-развивающую среду.

В работе со студентами группы, где обучаются лица с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью наибольшую популярность приобрели такие образовательные технологии как технология парного обучения, технология поддержки и технология индивидуализации образовательного процесса:

- Технология парного или взаимного обучения представляет собой новый вариант индивидуализированного развивающего обучения для студентов с ОВЗ и предусматривает организацию их совместной работы в парах со студентами, не имеющими особенностей в развитии. Состав таких пар может быть непостоянным (т.е. сменным – пары сменного состава или динамичные пары),

что способствует снятию барьеров общения, большей раскрепощенности всех обучающихся в учебном процессе, позволяет наладить взаимодействие между собой всех студентов группы, вырабатывает навыки парной / коллективной работы, создает комфортную основу для обучения и способствует более быстрой и лучшей социализации студентов с ОВЗ за счет их партнерского взаимодействия с другими членами учебной группы;

- Технология психолого-педагогической и технической поддержки образовательного процесса для студентов с ОВЗ «Тьюторинг» ориентирована на выстраивание индивидуального процесса психолого-педагогического сопровождения и образовательно-реабилитационной траектории для каждого студента с ОВЗ с возможностью применения в учебном процессе всех технических средств и психолого-педагогических способов поддержки, обеспечивающих повышение качества учебного процесса и его комфортную организацию в зависимости нозологических потребностей студентов;

- Технология индивидуализации образовательного процесса. Данная образовательная технология направлена на создание образовательных условий в инклюзивной группе студентов с максимальной реализацией субъектной позиции студента с ОВЗ в процессе обучения, т.е. технология направлена на осознание студентом целей и задач обучения, обеспечивает возможность выбора учебного материала, форм и методов решения учебных задач.

Охарактеризованные образовательные технологии реализуются как флагман в тренде совершенствования, обеспечения доступности и индивидуализации учебного процесса для студентов с ОВЗ, что в свою очередь обеспечивает эффективность как работы педагогов, так и учебной деятельности студентов с ОВЗ, повышая их внутреннюю мотивацию, способствуя более успешной социализации. Это обеспечивает достижение запланированного качества результатов обучения и может характеризовать используемые педагогом образовательные технологии одновременно и как инновационные и как базовые, с возможностью применения их как в очном, так и дистанционном формате.

В свою очередь, практика дистанционного формата взаимодействия как особенно актуальная в современной ситуации функционирования всех сфер общественной жизни в связи с кризисом, вызванным пандемией коронавируса (COVID-19), определила ее необходимость и для организации учебного процесса, доказав не только свою необходимость, но и эффективность такой формы обучения. Дистанционное обучение обеспечило возможность непрерывной организации обучения в новых условиях и именно поэтому, с уверенностью можно утверждать, что дистанционные образовательные технологии – это технологии, которые активно стали применяться для всех категорий обучающихся, в том числе и для обучения студентов с ОВЗ и инвалидностью, т.к. могут быть использованы на любом этапе освоения учебных дисциплин, при реализации самостоятельной работы студентов, при осуществлении текущего и промежуточного контроля (аттестации), как в индивидуальной, так и в групповой формах.

Так, например, для студентов с ОВЗ и инвалидностью по зрению, эффективность применения дистанционных образовательных технологий во многом определяется не только качеством учебно-методических материалов и их индивидуальным сопровождением, но и созданием определенных условий для наиболее эффективного приёма и передачи необходимой информации во время образовательной деятельности. Реализация данных условий основана на следующих положениях:

- за счет определения адекватных для студентов этой нозологической группы способов получения, способов восприятия, фиксирования, способов воспроизведения и передачи учебной информации - необходимо обеспечить максимальную включенность студентов с нарушениями зрения в ход образовательной деятельности, поддерживать их активное участие в различных видах учебных заданий в течении всего занятия;

- адаптированные методы обучения, применяемые для обучающихся с ОВЗ не должны быть

ущербными для освоения отдельной учебной дисциплины и образовательной программы в полном объеме остальными студентами группы.

Дистанционные образовательные технологии не способны решить все имеющиеся у студента с ОВЗ проблемы и сложности, но осознание обучающимся того, что ему становятся доступны новые знания и умения, то, что он включен в новые формы общения с преподавателями и одногруппниками, дает ему веру в свои силы, что влияет на его заинтересованность и более высокое качество обучения [2].

При организации учебного процесса с использованием дистанционных образовательных технологий для обучающихся с ОВЗ и инвалидностью следует учитывать все имеющиеся у них потребности и весь комплекс психолого-педагогических установок, которые определяют особый набор и компоновку форм, приемов, методов и средств обучения с учетом доступности материалов для лиц с ограниченными возможностями здоровья:

- На начальном этапе, первоочередным организационным действием педагогического коллектива является организация канала коммуникации. Определение нескольких форматов для коммуникации, которые могут быть удобными для участников образовательного процесса и которые включали бы возможности реализации устной и письменной формы общения с помощью Zoom, Skype, WhatsApp, соцсетей, электронной почты и т.д.;

- Необходимым условием является и организация опроса студентов, их родителей и преподавателей, которым предстоит работа со студентами с ОВЗ о проблемах учебного процесса и его эффективной организации. На основе анализа результатов опроса рекомендуется определить актуальные темы (вопросы) для их включения в план дистанционного психолого-педагогического и социально-педагогического сопровождения образовательного процесса и его участников (для опроса можно использовать Google-формы);

- Далее составляется план дистанционного сопровождения образовательного процесса с включением в него:

- а) перечня групповых и индивидуальных консультаций для обучающихся, их родителей, педагогов с учетом результатов опроса (с использованием чатов WhatsApp, соцсетей, вебинарных комнат Zoom и др.);

- б) перечня групповых (коррекционно-развивающих) занятий с обучающимися с ОВЗ в онлайн режиме (с использованием Zoom, Skype, WhatsApp);

- в) онлайн консультаций для педагогов, работающих с инклюзивной группой с целью их психо-

лого-педагогической подготовки и поддержки в период адаптации к дистанционному формату образовательного процесса и взаимодействию со студентом с ОВЗ и инвалидностью (Zoom, Skype, WhatsApp, социальные сети, электронная почта и т.д.).

Кроме того, в процессе обучения для студента должны быть налажены онлайн коммуникации с куратором, преподавателями и дирекцией, инклюзивными центрами вуза [1, 3].

Дистанционное обучение, базирующееся на продуманной системе его организации, позволяет снять основные ограничения, препятствующие обучающимся с ОВЗ и инвалидностью в получении образования, т.к. инновационные образовательные и дистанционные технологии являются прочной основой для образования студентов с ОВЗ и инвалидностью.

Таким образом, изменения, происходящие на рынке труда, ведут к изменениям в системе профессионального образования, что способствует выявлению потребностей в формировании новых компетенций у обучающихся и что ориентирует на реорганизацию образовательного процесса, переосмысление роли в нем как педагога, так и обучающегося, обеспечивает доступность информации в различных ее формах, не только в текстовой, но и звуковой, визуальной. Доступность информации требует постоянного поиска и выбора релевантного и интересного контента, высоких скоростей обработки, что ведет к качественной перестройке образовательного процесса и создает возможность применения нового, расширяя круг возможностей участников образовательного процесса.

Применение в образовательном процессе новых образовательных технологий, внедрение дистанционного взаимодействия в работе со студентами (диагностики, онлайн консультирования и др.), проведение учебных занятий как в офлайн, так и онлайн формате с нетрадиционной компоновкой форм взаимодействия как преподавателей со студенческой, так и студентов между собой, модификация методов, способов, приемов и средств обучения, позволяет обеспечить не только доступ-

ность учебно-методических материалов для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья, но и повышает их качество, обеспечивая большую включенность в учебный процесс всех его участников, их заинтересованность, а значит и способствует повышению уровня знаний студентов. Учебная работа становится более вариативной и привлекательной для обучающихся с ОВЗ и инвалидностью, т.к. наполнена новым содержанием, что делает процесс обучения более эффективным.

Литература

1. Петрова Н.П., Бондарева Г.А. Цифровизация и цифровые технологии в образовании // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 5 (78). С. 353 – 355.
2. Сафуанов Р.М., Лехмус М.Ю., Колганов Е.А. Цифровизация системы образования // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2019. № 2 (28). С. 108 – 113.
3. Цифровизация образования: вызовы современности. Школа «вестии образования»: Яндекс.учебник // Статья от 18 мая 2020 г. Электронный ресурс. Режим доступа: https://vogazeta.ru/articles/2020/5/18/vo_school_yandex/13028-tsifrovizatsiya_obrazovaniya_vyzovy_sovremennosti

References

1. Petrova N.P., Bondareva G.A. Cifrovizaciya i cifrovyte tekhnologii v obrazovanii. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2019. № 5 (78). S. 353 – 355.
2. Safuanov R.M., Lekhmus M.YU., Kolganov E.A. Cifrovizaciya sistemy obrazovaniya. Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Seriya: Ekonomika. 2019. № 2 (28). S. 108 – 113.
3. Cifrovizaciya obrazovaniya: vyzovy sovremennosti. SHkola «vestii obrazovaniya»: YAn-deks.uchebnik. Stat'ya ot 18 maya 2020 g. Elektronnyj resurs. Rezhim dostupa: https://vogazeta.ru/articles/2020/5/18/vo_school_yandex/13028-tsifrovizatsiya_obrazovaniya_vyzovy_sovremennosti

**THE USE OF NEW EDUCATIONAL TECHNOLOGIES AND THE
REMOTE FORMAT OF THE ORGANIZATION OF THE EDUCATIONAL
PROCESS FOR PEOPLE WITH SPECIAL HEALTH AND DISABILITIES**

*Artemenko O.N., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Stavropol State Pedagogical Institute,
Kalashnikova V.A., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Em E.A., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
North Caucasus Federal University*

Abstract: the article describes the procedure for organizing the educational process using remote technologies for people with special health needs and disabilities; describes current trends in professional education, describes effective educational technologies and an algorithm of organizational actions for building correct communication between participants of the educational process using remote forms of interaction (Zoom, Skype, WhatsApp, social networks, e-mail, etc.). An important aspect that characterizes the specifics of the use of digital technologies in teaching people with special health needs and disabilities is the preparation and implementation of a plan for remote psychological, pedagogical and socio-pedagogical support for both the educational process and an individual student, taking into account the rules of remote work, the organization of diagnostic work, online counseling, conducting training sessions (with a special arrangement of forms, methods, techniques, ways of training, taking into account the availability of materials for people with disabilities), group and individual correctional and developmental classes in online mode, etc.

Keywords: professional education, educational process, educational technologies, distance learning, students with special health needs and disabilities, teacher

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДИСЦИПЛИНЫ «ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК» В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

*Ван Ли, кандидат филологических наук, профессор,
Цыренова М.И., кандидат педагогических наук,
Цзянсуский педагогический университет, Китай*

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта: «Исследование и практика идеологических и политических курсов в преподавании русского языка в контексте китайско-русского сотрудничества в области организации обучения». Номер гранта: JYKTZ201912

Аннотация: в статье рассматривается проблема использования воспитательного потенциала дисциплины «Иностранный язык» в учебных заведениях Китайской Народной Республики, участвующих в программах сотрудничества между Китаем и другими странами. В китайских учебных заведениях иностранный язык является рабочим языком обучения, который выполняет двойную задачу: обучения профессиональным навыкам и формирования идеологии. В рамках идеологического и политического образования идеологическое и политическое построение курсов иностранных языков в Китае может стать основным элементом воспитательной работы в образовательных организациях, участвующих в программах сотрудничества Китая и других стран. Чтобы сформировать необходимые качества зрелой личности наряду с высоким уровнем владения иностранным языком и профессиональными навыками, необходимо включить идеологическую и политическую составляющие в учебную программу по иностранному языку, включая четыре аспекта: систему учебных программ, систему учебных материалов, систему обучения и систему управления. Это означает создание системы учебных программ с нравственным воспитанием в качестве цели обучения, построение системы учебных материалов в соответствии с системой учебных программ, преобразование системы учебных материалов в систему обучения в процессе реализации обучения и построение системы управления.

Ключевые слова: воспитательный потенциал; идеологическая составляющая; политическая составляющая; обучение иностранным языкам; учебная программа; зарубежный опыт

Сотрудничество Китайской Народной Республики (далее: КНР) и других стран в организации обучения относится к образовательной деятельности, в рамках которой иностранные и китайские учебные заведения осуществляют сотрудничество на территории Китая с целью проведения образовательных мероприятий, в которых основными субъектами обучения являются китайские учащиеся. 18 марта 2019 года на форуме преподавателей идеологической и политической теории генеральный секретарь КНР Си Цзиньпин отметил, что разработка идеологических и политических учебных программ при организации обучения в рамках сотрудничества Китая и других стран имеет относительно слабый характер [9]. Необходимо усилить взаимодействие между различными учебными программами и курсами, разработать новые идеологические и политические программы, а также повысить качество преподавания и воспитания путем более сознательного подхода со стороны преподавателя. Создание курсов обучения, включающих в себя идеологическое и политическое воспитание молодежи, должно занимать важное место в зарубежном сотрудничестве КНР. Всесторонняя реализация идеологического и политического потенциала в учебной программе является практическим требованием для образовательных учреждений при организации обучения, с целью продвижения идеологического и политического

воспитания, преобразования всех видов учебных программ и курсов идеологической и политической теории в единую силу образования, обучения и совместной реализации системы «Идеологические и политические курсы+учебная программа идеологического и политического воспитания».

Возможности использования воспитательного потенциала дисциплины «Иностранный язык» для формирования патриотических ценностей в современных психолого-педагогических исследованиях, на наш взгляд, изучены не в полном объеме. Однако следует отметить, что проблема развития чувств патриотизма изучается многими исследователями (А.Т. Абдуллаев, В.В. Дьяченко, Н.М. Конжиев, Т.В. Ларина, В.И. Лутовинов, С.А. Марков, Е.И. Мещерякова, В.Ю. Микрюков, Г.Х. Мухамедова, Н.М. Снопко, А.В. Тимофеев и др.). В последние годы также усилилось и внимание к изучению воспитательного потенциала иноязычной подготовки будущих специалистов (А.Я. Данилюк, А.М. Кондаков, В.Н. Карташова, О.В. Коновалова, В.П. Кузовлев, Л.В. Меглинская, Е.И. Пассов, А.С. Суханова и др.).

В модели обучения студентов «специальность+иностранный язык» при организации обучения уровень владения иностранным языком напрямую зависит от результатов тестов на знание языка учащимися, а также качества преподавания приглашенных иностранных специалистов. По-

этому иностранный язык обычно является обязательным предметом для студентов образовательных организаций, реализующих сотрудничество между КНР и другими странами. На его изучение выделяется достаточно большое количество лекционных и семинарских часов. Курсы по иностранным языкам позволяют познакомиться с иными культурными обычаями, они опираются на данные социальной психологии и могут незаметным образом повлиять на мировоззрение студентов, на их жизнь и ценности. В этом и заключается внутренняя взаимосвязь между курсами по иностранным языкам и идеологическим и политическим образованием. Следовательно, в рамках идеологического и политического образования идеологическое и политическое построение курсов иностранных языков может стать основным элементом воспитательной работы в образовательных организациях в рамках сотрудничества КНР и других стран. Так, большинство российских и зарубежных методистов (Е.И. Пассов, С.Ф. Шатилов, Р.В. Рогова, Ф.М. Рабинович, Б.Е. Сахарова) прежде всего говорят о том, что дисциплина «Иностранный язык» наряду с другими учебными дисциплинами обладает в первую очередь большим воспитательным потенциалом [2, с. 46].

Чтобы обеспечить ожидаемые результаты разработки учебной программы с точки зрения идеологии и воспитания, образовательные организации, участвующие в сотрудничестве между КНР и другими странами, должны исходить из четырех аспектов: системы учебных материалов, системы учебных программ, системы обучения, а также системы управления. Это означает создание системы учебных программ с нравственным воспитанием в качестве цели обучения, построение системы учебных материалов в соответствии с системой учебных программ, преобразование системы учебных материалов в систему обучения в процессе реализации обучения и построение системы управления. Все эти четыре компонента обладают характеристиками целостности, гармонии и симбиоза, а их сочетание позволяет всей системе работать эффективно.

Ключ к созданию системы учебных курсов

Ключ к построению учебной программы, включающей идеологическую и политическую составляющие, заключается в корректировке и оптимизации системы учебных программ с макроэкономической точки зрения, уточнении различий между учебными курсами, уточнении акцентов каждого вида учебной программы и выявлении ресурсов идеологического и политического воспитания в учебной программе. В учебных планах образовательных организаций, реализующих сотрудничество между КНР и другими странами,

курсы по иностранным языкам в основном разделены на три категории. К первой категории относятся базовые курсы иностранного языка с упором на базовые языковые навыки. Основное внимание этих курсов уделяется полному изучению гуманистических характеристик самого курса и органическому включению в психологический портрет учащихся таких качеств личности, как самоотверженность, социальная ответственность, понимание и принятие общественной морали, а также других идеологических и политических составляющих, которые тесно связаны с гуманистической грамотностью. И.И. Торубарова подчеркивает, что «воспитательный потенциал предмета «иностранный язык» позволяет развивать чувство патриотизма, формировать уважительное отношение к материальным ценностям других стран и народов, совершенствовать нравственные качества личности студента» [8, с. 184-185.].

Ко второй категории относятся курсы, созданные по модели «иностранный язык+специальность». Идеологическое и политическое воспитание такого рода курсов может сочетаться с профессиональными ценностями, профессиональной этикой, профессионализмом, коллективными интересами и другими элементами обучения.

К последней категории относятся курсы сравнения китайской и иностранной культур. Идеологическое и политическое построение таких курсов направлено на изменение «однополярной» иностранной культуры в традиционных курсах обучения путем обучения национальной культуре и просвещения по основным ценностям, чтобы студенты могли более объективно и всесторонне взглянуть не только на иную, но и на свою культуру. Так, одной из ведущих тенденций обучения иностранным языкам сегодня провозглашается «включение обучаемых в диалог культур путем развития умений сравнения своей собственной и иной культуры, умение представить родную культуру средствами иностранного языка» [3, с. 44-45]. Студентам прививается чувство уважения к культурам других народов как части культуры своей родины и «мировой культуры в целом, а также духовной сопричастности к чужой культуре и постижения ментальности другого народа, что позволяет в конечном счете осмыслить и самобытность собственной культуры» [5, с. 201].

При построении системы курсов иностранного языка следует также обратить внимание на интеграцию и взаимосвязь трех форм проведения занятий: традиционные занятия в аудитории, практические занятия вне аудитории, а также онлайн-занятия. Среди представленных первая форма является основной в обучении. Преподаватели ино-

странных языков тщательно сортируют и проводят глубокий анализ внутренних образовательных элементов учебной программы в классе, что делает преподавание иностранного языка в классе эффективным каналом для продвижения основных моральных ценностей. Знания, умения и навыки учащихся, приобретенные на занятиях первой формы, могут оказать сильную поддержку во время практических и онлайн-занятий. На мероприятиях по языковой практике (праздник культуры иностранного языка, конкурс навыков владения иностранным языком, летняя школа, программы по обмену студентов, учебная поездка за границу, посещение предприятий, научные исследования, стажировка и т.д.) возможно проводить обучение с помощью игры и внедрять достижения в области образования путем интернализации сердцем и экстернализации в профессии. Онлайн-занятия представляют собой платформу сетевых приложений первой и второй форм проведения занятий, которая воплощает глубокую интеграцию учебной деятельности и сетевых информационных технологий. Преподаватели иностранных языков для оказания помощи в обучении могут использовать такие онлайн-платформы, как IMOOС, Rain Classroom, Tencent Classroom, MOODLE и т.д., которые помогают учащимся эффективно использовать ресурсы для самостоятельного изучения иностранных языков, развивают у учащихся навыки критического мышления, способность противостоять плохой сетевой культуре, при этом повышают моральное воспитание и чувство социальной ответственности.

Создание системы учебных материалов является фундаментом

Создание учебных материалов, реализующих образовательную политику партии, является одной из основных задач китайского правительства. Учебные материалы по иностранному языку образовательных организаций, участвующих в программах сотрудничества между КНР и другими странами, должны стать важным средством реализации политики партии в области образования и отражать социалистическое направление работы учебного заведения. Таким образом, в процессе разработки идеологической и политической составляющих учебных материалов по курсу изучения иностранных языков необходимо придерживаться фундаментальной задачи воспитания людей с большим чувством ответственности, а также обязательного включения в структуру знаний, умений и навыков учащихся идеологического и политического элементов воспитания. Целью создания новых программ является улучшение качества образования с идеолого-воспитательной точки зрения, повышение уровня владения студентами ино-

странным языком и их профессиональных навыков, отражение характеристик пошагового подхода и формирования аналитического мышления, реализация на этапе обучения вертикальной связи одних и тех же учебных материалов, взаимосвязи в содержании обучения. В то же время, делая упор на гибкость и практическую направленность учебных материалов, необходимо эффективно удовлетворять разнообразные потребности в изучении иностранного языка учащимися разных специальностей.

Ядром сотрудничества КНР и других стран в организации обучения является внедрение за пределами Китая высококачественных образовательных ресурсов, в том числе современных международных учебных материалов. Чтобы обеспечить правильную ценностную ориентацию учебных материалов, образовательные организации, участвующие в программах сотрудничества между КНР и другими странами, должны провести всестороннюю проверку и исследование содержания представленных учебных материалов. Поскольку иностранные учебные материалы в меньшей степени связаны с китайской культурой, идеологией, основными социалистическими ценностями и другим идеологическим содержанием, образовательные организации сотрудничества Китая и других стран должны придерживаться принципа введения иностранных учебных материалов и разработки местных, при этом, сосредоточившись на фундаментальной задаче воспитания высокоморальных людей, им необходимо создать надежный механизм для разработки и использования учебных материалов, опираясь на внутреннюю силу и преимущества самостоятельно составленных учебных материалов в обучении учащихся. Разработка учебных материалов должна быть стандартизирована с точки зрения обзора, публикации и распространения, обратной связи с контрольными материалами, при этом им необходимо отражать политическое направление, проводимое правительством Китая, и политику партии в области образования, повышать осведомленность учащихся о пути, теории, системе и культуре социализма с китайской спецификой. Кроме того, система учебных материалов по иностранным языкам в образовательных организациях сотрудничества Китая и других стран также должна иметь характеристики интернационализации. Совместная работа китайских и иностранных специалистов в образовательных организациях, где существуют кафедры иностранных языков, необходима с точки зрения создания платформы внутреннего и международного сотрудничества и обмена, чтобы обеспечить каналы связи для разработки и продвижения учебных материалов по иностранным языкам с идеологиче-

ской и политической составляющей.

Создание системы учебных материалов является самым важным

Традиционная система обучения иностранному языку фокусируется на обучении языковым знаниям и развитии способностей, игнорируя понимания иного образа мышления и нравственных ценностей и не имеет четкой идеологической и политической ориентации. Для того чтобы фундаментальная задача образования была реализована, образовательным организациям сотрудничества КНР и других стран необходимо не только включать идеологические и политические идеи в учебную программу и систему учебных материалов, но и внедрять их в систему обучения. Идеологические и политические идеи курса рекомендуется реализовывать на каждом занятии иностранного языка и в каждой учебной ситуации, а традиционный стиль преподавания иностранного языка будет обновлен с учетом аспектов целей обучения, содержания, методов обучения и методов оценки. Таким образом, система обучения будет находиться в центре идеологической и политической системы построения учебной программы по иностранному языку.

Чтобы сформировать образовательную экологическую среду идеологического и политического мастерства, образовательные организации сотрудничества КНР и других стран должны создать многомерную цель обучения, которая сочетает в себе передачу знаний, обучение способностям и ценностным ориентирам. Для достижения этой цели при разработке содержания обучения преподаватели должны не только придерживаться принципа «поверхностного орошения», принимать во внимание гуманитарные аспекты самой дисциплины «Иностранный язык», извлекать идеологические и политические элементы универсального значения, такие как идеалы и убеждения, чувство ответственности, патриотизм, любовь к родине, но также проводить «точечный капельный полив», руководствуясь учебным планом и профессиональной ориентацией обучения. Например, содержание учебных материалов по иностранному языку для финансовых специальностей должно подчеркивать достижения социально-экономического развития Китая, социалистической системы, отражать финансовые нравственные нормы, национальную финансовую безопасность. Для естественно-научных и технических специализаций необходимо уделять внимание возрождению национальной промышленности, инженерной этике, духу совершенствования мастерства, самоотверженности, любви к работе, стремлению к правде и прагматичности. В учебных материалах для медицинских специальностей необходимо делать упор

на воспитании дружелюбия, спасения жизней, рассказывать о профессиональных идеалах великих врачей, стремлении к спасению раненых и работе с полной самоотверженностью и т.д.

Гибкие методы обучения могут не только стимулировать интерес студентов к обучению, но и помочь в полной мере раскрыть скрытую образовательную ценность курсов по иностранным языкам. В курсах «иностранный язык+специальность» применяется метод обучения, использующий описание реальной ситуации, в которой учащийся сталкивается с необходимостью использовать язык в качестве инструмента, например, для объяснения типичных случаев отечественных и зарубежных инноваций и предпринимательства. В рамках таких курсов студенты начинают понимать текущее состояние развития отечественной и зарубежной промышленности и будущие тенденции их специальностей, интегрируют «личную мечту» о карьерном росте в дело реализации великой «китайской мечты». С разных точек зрения и уровней языкового выражения, способа мышления, исторической традиции, политической системы, религиозно-правовой культуры и моральных принципов, можно и нужно научить студентов критически относиться к западному образу жизни и концепции мышления, усилить понимание культурной безопасности и заложить хорошую основу для развития их страны.

Создание системы управления является гарантией

Гарантия совершенной системы является предпосылкой для обеспечения научной, стандартизированной и нормативной работы идеологической и политической составляющих учебной программы. Система организационного руководства является основой для построения идеологической и политической системы управления курсами по иностранным языкам в образовательных организациях сотрудничества КНР и других стран. Данные учреждения должны создать ведущую систему и рабочий механизм для включения идеологической и политической составляющих в курсы по иностранным языкам, улучшения общего планирования и проектирования верхнего уровня, установить нормативные институциональные механизмы на основе выбора учебных материалов, учебной программы, организации обучения и оценки качества преподавания, а также предоставить необходимые гарантии с точки зрения средств, персонала и средств информационных технологий в целях формирования всесторонней организационной структуры руководящей группы по планированию и управлению учебными программами, осуществления тесной координации между различными отделами образовательного учреждения, осуществ-

ления конкретного развития работы кафедры иностранных языков, в полной мере реализации преподавателями своей основной роли.

Чтобы совершенствовать идеологическую и политическую систему управления курсами по иностранному языку, китайским иностранным школам, образовательным организациям, участвующим в программах сотрудничества Китая и других стран, также необходимо улучшить систему подготовки преподавателей иностранных языков, изменить их подход, повысить качество преподавания путем ежегодного прохождения курсов повышения квалификации, посещения лекций, коллективной подготовки уроков, демонстрационного обучения, обучающих семинаров, образовательных конкурсов и других форм. Чтобы в конечном итоге сформировать команду преподавателей иностранных языков, нацеленных в своей деятельности не только на обучение языку, но и на нравственно-идеологическое воспитание студентов. При оценке качества преподавания необходимо в первую очередь обратить внимание на то, как улучшилась образовательная функция обучения по учебной программе, насколько усилилось нравственное воспитание и ценностное руководство в качестве важных контрольных показателей, а также степень реализации передачи знаний, повышение качества способностей и одновременно с этим улучшение руководства как результат оценки. Исходя из этого, необходимо создать полный механизм мониторинга качества преподавания, включающий оценку преподавания, обратную связь и контроль исправления ошибок. При оценке преподавателей необходимо использовать результаты оценки качества преподавания, включая показатели образования в качестве важной основы для ежегодной оценки преподавателей и оценки научной деятельности.

Сотрудничество КНР и других стран в организации обучения является формой межгосударственного, межкультурного и кросс-образовательного сотрудничества, привлекающей китайских и иностранных партнеров, а также множество заинтересованных сторон. В связи с этим, в системе идеологического и политического управления учебной программой по иностранному языку необходимо установить три уровня взаимосвязи и механизма координации: внутришкольный, внутригосударственный и зарубежный. Прежде всего, преподаватели иностранных языков в образовательных организациях сотрудничества Китая и других стран должны быть на постоянной связи с преподавателями идейно-политического курса в институтах марксизма, усваивать и извлекать уроки из опыта преподавания курса идеологической и политической теории, повышать свою осведом-

ленность и способность обучать людей, «плечом к плечу» выполнять педагогическую, идеологическую и политическую работу. Во-вторых, китайские преподаватели иностранных языков должны активно осуществлять обмен и сотрудничество с иностранными преподавателями во внедрении идеологической и политической составляющих в учебную программу, чтобы создать «единую нить». Наконец, китайские образовательные организации, имеющие связи с зарубежными организациями, должны совместно создать платформу для обмена и сотрудничества, чтобы посредством семинаров, встреч по обмену опытом и других способов продвигать включение идеологической и политической составляющих в учебные программы, а также для формирования образовательного сообщества.

Литература

1. Басова И.А. Воспитательный потенциал предмета «Иностранный язык» в старших классах общеобразовательной организации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. 2019. № 1. С. 26 – 36.
2. Бородихина С.П. Воспитательный потенциал дисциплины «Иностранный язык» в вузе. Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 6-2 (24). С. 46 – 48.
3. Булыгина М.В., Копырина М.В. Формирование познавательного интереса школьников как условие повышения качества иноязычного образования // Вестник ЮУрГУ. Серия: «Образование. Педагогические науки». 2017. Т. 9, № 3. С. 44 – 50.
4. Липина Е.А. Роль дисциплины «Иностранный язык» в учебно-воспитательном процессе // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 2. С. 187 – 190. [Электронный ресурс]. URL: <https://human.snauka.ru/2017/02/20542> (дата обращения: 09.07.2021)
5. Любова Т.В., Евграфова О.Г. Воспитательный потенциал дисциплины «Иностранный язык» в формировании межкультурной компетенции студентов неязыковых направлений подготовки // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 4 (58): в 3-х ч. Ч. 3. С. 199 – 203.
6. Мещерякова Е.И., Ларина Т.В., Еремин А.В., Суханова А.С. Особенности формирования патристических ценностей будущих офицеров с использованием воспитательного потенциала дисциплины «Иностранный язык» // «Воздушно-космические силы. Теория и практика». № 17. С. 230 – 240.

7. Суханова А.С. Роль дисциплины «иностранный язык» в формировании патриотических ценностей // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты. Лингвометодические проблемы и тенденции преподавания иностранных языков в неязыковом вузе: материалы V Международной научно-методической конференции (24 мая 2019 г.). Омск: ОАБИИ, 2019. С. 385 – 387.

8. Торубарова И.И. Воспитательный потенциал дисциплины «иностранный язык» в медицинском вузе // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 2 с. 182 – 185.

9. http://www.gov.cn/xinwen/2019-03/18/content_5374831.htm?cid=303

References

1. Basova I.A. Vospitatel'nyĭ potencial predmeta «Inostrannyĭ yazyk» v starshih klassah obshcheobrazovatel'noĭ organizatsii. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Pedagogika. 2019. № 1. S. 26 – 36.

2. Borodihina S.P. Vospitatel'nyĭ potencial discipliny «Inostrannyĭ yazyk» v vuze. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2013. № 6-2 (24). S. 46 – 48.

3. Bulygina M.V., Kopyrina M.V. Formirovanie poznatel'nogo interesa shkol'nikov kak uslovie povysheniya kachestva inoyazychnogo obrazovaniya. Vestnik YUUrGU. Seriya: «Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki». 2017. T. 9, No 3. S. 44 – 50.

4. Lipina E.A. Rol' discipliny «Inostrannyĭ yazyk»

v uchebno-vospitatel'nom processe. Gumanitarnye nauchnye issledovaniya. 2017. № 2. S. 187 – 190. [Elektronnyĭ resurs]. URL: <https://human.snauka.ru/2017/02/20542> (data obrashcheniya: 09.07.2021)

5. Lyubova T.V., Evgrafova O.G. Vospitatel'nyĭ potencial discipliny «Inostrannyĭ yazyk» v formirovanii mezhkul'turnoj kompetentsii studentov neyazykovykh napravlenij podgotovki. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2016. № 4 (58): v 3-h ch. CH. 3. S. 199 – 203.

6. Meshcheryakova E.I., Larina T.V., Eremin A.V., Suhanova A.S. Osobennosti formirovaniya patrioticheskikh cennostej budushchih oficerov s ispol'zovanie vospitatel'nogo potenciala discipliny «Inostrannyĭ yazyk». «Vozdushno-kosmicheskie sily. Teoriya i praktika». № 17. S. 230 – 240.

7. Suhanova A.S. Rol' discipliny «inostrannyĭ yazyk» v formirovanii patrioticheskikh cennostej. Problemy modernizatsii sovremennogo vysshego obrazovaniya: lingvisticheskie aspekty. Lingvometodicheskie problemy i tendentsii prepodavaniya inostrannykh yazykov v neyazykovom vuze: materialy V Mezhdunarodnoĭ nauchno-metodicheskoi konferentsii (24 maya 2019 g.). Omsk: OABII, 2019. S. 385 – 387.

8. Torubarova I.I. Vospitatel'nyĭ potencial discipliny «inostrannyĭ yazyk» v medicinskom vuze. Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2011. № 2 s. 182 – 185.

9. http://www.gov.cn/xinwen/2019-03/18/content_5374831.htm?cid=303

EDUCATIONAL POTENTIAL OF THE DISCIPLINE “FOREIGN LANGUAGE” IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE PEOPLE’S REPUBLIC OF CHINA

*Wang Li, Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Professor,
Tsyrenova M.I., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.),
Jiangsu Normal University (Xuzhou, China)*

Abstract: the article deals with the problem of using the educational potential of the discipline "Foreign Language" in educational institutions of the People's Republic of China participating in cooperation programs between China and other countries. In Chinese educational institutions, a foreign language is a working language of instruction, which performs a dual task: teaching professional skills and forming an ideology. Within the framework of ideological and political education, the ideological and political construction of foreign language courses in China can become the main element of educational work in educational organizations participating in cooperation programs between China and other countries. In order to form the necessary qualities of a mature person, along with a high level of foreign language proficiency and professional skills, it is necessary to include ideological and political components in the foreign language curriculum, including four aspects: the curriculum system, the system of educational materials, the training system and the management system. This means creating a system of training programs with moral education as the goal of training, building a system of training materials in accordance with the system of training programs, transforming the system of training materials into a training system in the process of implementing training and building a management system.

Keywords: educational potential; ideological component; political component; teaching foreign languages; curriculum; foreign experience

К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

*Григорьева А.В., преподаватель,
Ли Жомей, доцент,
Шаньдунский гидротехнический институт, Китай,
Шмакова Л.В., ассистент,
Яковлева Т.Б., кандидат филологических наук, доцент,
Оренбургский государственный медицинский университет Минздрава РФ*

Аннотация: в данной статье предпринята попытка рассмотреть некоторые формы и значение социальной (*социально-психологической*) адаптации иностранных студентов, приезжающих на обучение в Россию. Причем, мы видим объективную необходимость обозначить не только взаимосвязь, но и взаимозависимость социальной адаптации с погружением в культуру страны изучаемого языка с развитием и повышением учебной мотивации на первых-вторых курсах.

Авторами рассматриваются отдельные примеры из практики, которые дали объективно положительный результат в работе с иностранными студентами в плане обозначенной проблемы; приводятся результаты анкетирования первокурсников, что позволяет внести необходимые и возможные коррективы в планируемую работу. Мы отмечаем высокую эффективность использования в работе (аудиторной и внеаудиторной) с иностранными студентами метода глобальной симуляции. Причем, очень непростые условия вынужденного дистанционного обучения последнего года еще раз подтвердили целесообразность и положительные результаты такого подхода в изучении русского языка как иностранного.

На наш взгляд, это не только важные компоненты педагогической деятельности, но и необходимая база, одновременно условие и средство повышения мотивации обучения и качества образования. В конечном итоге, именно это и определяет главную цель работы не только кафедры русского языка как иностранного, но и университета в целом.

Ключевые слова: социально-психологическая адаптация, учебная мотивация, метод глобальной симуляции, внеаудиторная работа

Проблема социальной (*социально-психологической*) адаптации студентов, приезжающих получить образование в России, вызывает большой интерес в научно-профессиональном сообществе. Конференции, форумы, вебинары дают возможность поделиться имеющимся опытом и узнать, как работают в этом направлении коллеги других учебных заведений. Анализ специальной литературы по обозначенной проблеме показал, что сегодня многие вузы, работающие с иностранными студентами, активно используют опыт психологической школы Б.Г. Ананьева, результаты научных исследований и экспериментов Н.В. Кузьминой, ученых-исследователей и практиков, которые на современном этапе особо выделяют проблему студенчества [2, 4, 7, 9]. В педагогическом сообществе уже обозначен целый ряд публикаций и направлений зарубежных авторов, которые изучают особенности привыкания первокурсников из разных стран к новым условиям жизни в России, так как определенная аналогия очевидна [4].

Аналитические обзоры материалов методических конференций объективно оправдывают значение такого подхода. Иностранные студенты попадают в Россию в тот возрастной период, когда личностное развитие еще не завершено, характер еще не сформировался окончательно, происходят

очень сложные психологические изменения на этапе становления взрослой жизни, но далеко не все готовы к таким серьезным переменам в силу целого ряда вполне объективных причин. Обращаем внимание, что в этом контексте очень большая роль отводится высокой мотивированности молодых людей и чувству оптимизма, свойственному не только личностным особенностям, но и возрасту. С другой стороны, нельзя не учитывать и наличие субъектных особенностей обучающихся (возрастных, гендерных, интеллектуальных, коммуникативных и др.); в том числе, профессиональных и личностных характеристик преподавателей; специфики учебных курсов, необходимости самостоятельно организовывать свой быт и рабочее время, досуг и т.д. Закономерно следует, что конечный планируемый и ожидаемый результат обучения возможен только при внимательном отношении ко всем обозначенным позициям.

Мы предлагаем к рассмотрению проблему социализации и учебной мотивации иностранных студентов, приехавших в Россию, чтобы получить профессиональное образование. На первом курсе они сразу же начинают интенсивное изучение русского языка как иностранного. Более того, русский язык сразу же становится для них жизненно необходимым.

На начальном этапе овладения новым иностранным языком изначально предусмотрены методически определенные этапы: знакомство и усвоение новой фонетики, запоминание новых слов и речевых конструкций, элементарных правил грамматики. В нашем случае русский язык сразу становится и *целью*, и *средством* изучения. Существующие методики позволяют получать хорошие результаты в достаточно короткие сроки. Однако следует отметить, что именно в этот период студенты сталкиваются с очень серьезными проблемами социальной адаптации и социально-психологической. Ситуация закономерная. Новое место, люди, язык; жизнь в общежитии, соседи по комнате, кухня, быт – это далеко не полный список, с чем придется столкнуться в первое время, поэтому студентам приходится искать новые модели поведения и знакомиться сразу с несколькими видами культур. На наш взгляд, очень точно «адаптация толкуется как «процесс, во время которого индивид переходит из состояния *ошеломления* переменой до интегрирования перемен в своей жизни» Так что, адаптация представляет собой психологический процесс, случающийся тогда, когда студенты двигаются от стадии перехода до принятия ими новой ситуации и объединяют эту ситуацию в свою жизнь» [4, 8].

Через различные формы общения человек пытается *приспособиться к среде*. Уже на первых порах и студенты интуитивно совершают различные коммуникационные действия: это и личные (внутриличностные) и уже социальные (межличностные).

Анализируя нашу проблему, мы отмечаем, что здесь срабатывает еще один возрастной аспект обучаемых – часть из них уверены, что могут успеть сделать все, сделать быстро и правильно; другую часть пугает объем и сложность новых задач. Обе эти крайности одинаково вредят достижению конечной цели обучения, хотя первокурсники хорошо мотивированы, настроены на результат, но объективно готовы к этому далеко не все. Первые месяцы в чужой стране, в незнакомом городе, далеко от семьи становятся для них серьезным испытанием. В этом плане очень большая нагрузка ложится на куратора, в первую очередь, и преподавателя русского языка. Речевое развитие и повышение учебной мотивации выходит за рамки академических часов и уроков по расписанию на бытовую почву. То есть, аудиторные занятия должны находить органичное продолжение за стенами университета в реальном пространстве города. Мы особо подчеркиваем значение и результаты живого коммуникативного взаимодействия за пределами

университета. Например, студентам нравятся специфические задания, которые дают им возможность показать себя. В учебных группах практикуется установка ходить по городу пешком, ездить на автобусе, (не такси), а потом делиться впечатлениями. (Что удивило, что понравилось, что смутило, какие услышал и запомнил новые слова). Анализируя все новое, мы неизбежно касаемся вопроса традиций и обычаев разных стран, повседневного поведения человека в быту.

Мы отмечали уже, что студентам приходится «сознательно развивать умение отбирать и использовать языковые средства в зависимости от ситуации общения; умение быстро и правильно ориентироваться в новых условиях общения. Постепенно преодолевается барьер стеснительности в общении с *чужими* – коммуникативные ситуации в магазине, в аптеке, в банке, в транспорте, на улице практикуются студентами уже после отработки на аудиторных занятиях» [12, с. 53]. В этом случае дает хорошие результаты метод глобальной симуляции, известный еще с семидесятых годов XX века.

К этой практике добавляется еще и ежевечерний обмен впечатлениями с семьей. Эти рассказы позволяют условно сократить расстояние между студентами и близкими, услышать похвалу родных. Со временем обучающиеся начинают снимать короткие видео своих попыток общения (в магазине, в парикмахерской, на улице). Следовательно, начинает формироваться осознанная коммуникативная позиция, а наши студенты начинают погружаться в реалии новой культуры в новых социальных условиях. То есть, теперь воспринимается не только сам факт события, но и предпринимается попытка его понять и сравнить с уже известным или похожим из своего личного жизненного опыта. Обучаемый становится субъектом живого межкультурного взаимодействия. Первокурсники очень отзывчивы на похвалу, они хотят произвести впечатление на своего преподавателя, старшекурсников, им нравится самим почувствовать свой внутренний рост. Поэтому процесс накопления новых слов начинается очень динамично.

Мы снова выделяем роль куратора в поддержании мотивации студентов: наступает момент усталости физической и эмоциональной. Изучению иностранного языка способствует только осознанная необходимость в нем. В нашем случае мы говорим еще и о родных и близких, которые связывают очень большие надежды с обучением своих детей, уже гордятся ими. Студенты понимают, что образование, профессия, рабочее место в будущем в своей стране – это задача-максимум, и задача-минимум – подгото-

виться к практике и в итоге хорошо сдать выпускные экзамены!

Время, потраченное на адаптацию в чужой стране, и приобретенный качественно новый жизненный опыт помогают погружению первокурсников в учебный процесс и повышает уровень подготовки. Бикультурный подход помогает понимать и принимать условия новой жизни, снижается уровень тревожности в общении с русскоязычными студентами и преподавателями. Этот сложный комплекс определяет задачу профессорско-преподавательского состава и кураторов групп первого курса помочь студентам-иностранцам как можно быстрее и без психологических травм адаптироваться к университетской действительности и самостоятельной жизни в чужой стране, в чужом городе.

Мы уже писали ранее, что «Психологическая адаптация определяется активностью личности и выступает как единство аккомодации и ассимиляции. Референтными показателями адаптированности сегодня являются полное отсутствие или низкий уровень тревожности и высокий уровень самооценки» [3], основанные на объективном анализе ситуации. Мы рассматриваем внеаудиторную работу со студентами как одну из важнейших форм в этом контексте. Как показывает практика, в этом направлении результативно работает весь комплекс известных способов вовлечения иностранных обучающихся в жизнь и культуру России и специфическую повседневную действительность университета и нового города.

Мы не будем останавливаться на специфике наиболее эффективных типов и форм экскурсионной работы именно с иностранными студентами. Назовем лишь только те, которые, на наш взгляд, оказались очень прагматичными в обозначенном контексте и активно используются в работе. Бесспорно, следует продолжать практику ознакомительной экскурсии студентов с университетским комплексом, причем обязательно пешую через центр города. Магазины, кафе, театры, площадь и скверы – это первое знакомство с городом, где предстоит провести долгих шесть лет жизни! Конечно же, обращаем внимание на прохожих! Можно в этой ситуации использовать сразу три языка: русский – английский – и родной язык студентов! В последнем случае нам помогают студенты второго курса, обязательно хорошо говорящие по-русски! В этом случае срабатывает и мотивационный эффект! Вновь приехавшие студенты видят, как сумели овладеть языком их соотечественники за год, они видят дружеские отношения обучающихся и преподавателя – это срабатывает положительно.

В своей работе по развитию коммуникационных навыков и увеличению лексического запаса студентов первого и второго курсов мы используем посещение продуктовых (в первую очередь) и других магазинов – это больше, чем просто экскурсия! Прежде всего, повышается лексический запас, развиваются навыки общения. В то же время мы объясняем, что и как можно приготовить, какие продукты предпочтительнее, учим сравнивать цены. Это очень важно, потому что практическое большинство студентов никогда не участвовали в ведении домашнего хозяйства в своей семье, не занимались покупками продуктов. Большое влияние на процесс адаптации студентов имеет климатический фактор, поэтому изучение темы «Подготовка к зиме» мы продолжаем в магазинах одежды и обуви, и уже позже начатая работа продолжается в отделе бытовой техники. Отдельное внимание уделяем посещению рынков и торгово-развлекательных комплексов, театров и кинотеатров, массовых гуляний.

На второе по значимости место в процессе социально-психологической адаптации и знакомства с культурой страны изучаемого языка выносятся культурные мероприятия, которые разрабатывают и проводят кураторы групп. Наиболее полезными и интересными для студентов однозначно названы следующие: «Сила России – в единстве народа», «Песня – душа народная», «Оренбург моими глазами», «Виртуальная экскурсия по городам России», «Оренбургский пуховый платок», «Театральная Россия»; сюда же мы включили мероприятия по ознакомлению с народными праздниками и традициями: Новый год, Рождественские гулянья, Масленица, Парад и Вальс Победы.

В процессе работы над обозначенной выше проблемой нами была предложена анкета, цель которой – определение особенностей и наиболее результативных форм внеаудиторного общения со студентами-новичками. Абсолютное большинство отметило как сложность и одновременно привлекательность необходимость много говорить на русском языке. Знакомство с новым городом, новыми людьми; узнавание и запоминание новых слов и речевых конструкций, умение самостоятельно использовать их в бытовой повседневности повышало самооценку, но было сопряжено с ощущением почти физической усталости. Только на третьем месте были отнесены к трудностям первых месяцев жизни в чужой стране отрыв от семьи, друзей и родины. Возможно, что и в этом случае сказались возрастные и характерные ментальные особенности.

Следует отметить, что обучение в университете почти никто не отметил как одну из трудностей, что еще раз доказывает, что иностранные студен-

ты, уже спланировав свое ближайшее будущее, пока не готовы дать объективную оценку своим реальным способностям. Часто самооценка явно завышена. В их сознании сложилась модель научной и профессиональной карьеры, что и повлияло на мотивацию выбора места обучения в России.

Анализ полученных результатов опроса, а также личные наблюдения позволили сделать вывод, что процесс адаптации растягивается на достаточно долгое время. Бесспорно, все это очень индивидуально. Одни первый раз уехали из дома, у других уже есть опыт самостоятельной жизни во время учебы в колледже; кто-то очень тяжело привыкает к новой кухне, к необходимости самообслуживания и т.д. Вместе с тем все студенты отмечают как большой плюс проживание в общезжитии. Это новые друзья, общение, совместное проведение своих национальных праздников. Здесь же начинается тесный контакт со студентами старших курсов и получение полезной информации о жизни в России вообще и об учебе в частности.

Считаем возможным, обратить отдельное внимание земляческие отношения – студенты из одного города поддерживают тесную связь, помогают друг другу и заботятся. Здесь наблюдается уважительное отношение к старшим, особенно если у них высокие результаты в учебе. Всегда можно обратиться за помощью в разрешении каких-то сложных ситуаций. Студенты очень ценят внимание, уважение и доверие преподавателя. Так складывается представление и понимание общих усилий на пути к выбранной цели.

Очевидно, что представленный в статье краткий обзор отдельных видов и форм работы с иностранными студентами – это только часть возможной и уже планируемой дальнейшей работы. Процесс социально-психологической адаптации априори подразумевает непрерывность, следовательно, дальше должны быть использованы новые формы с учетом изменившегося общего уровня развития обучающихся. Бесспорно, полученные результаты могут стать ориентиром для оптимизации работы со студентами и помогут организовать дальнейший процесс адаптации с учётом всех выявленных факторов. Объективно следует вывод, что должна быть единая политика сопровождения иностранных студентов, координация и взаимодействие работы всех соответствующих подразделений; контакт с русскоязычными студентами.

Литература

1. Антонова В.Е. Дорога в Россию: учебник русского языка (базовый уровень). М.: ЦМО МГУ им. М.В. Ломоносова; СПб.: Златоуст, 2013. 256 с.

2. Беликова Л.Г., Шутова Т.А., Степанова С.Б. Русский язык: Первые шаги. Ч. 1: учебное пособие. СПб: Изд-во С.-Петербур. Университета, 2000. 172 с.

3. Бобнева М.И. Социальные нормы и регуляция поведения. М., 1978. С. 44.

4. Ван Ю. Социально-психологическая адаптация иностранных студентов: проблемы исследований в англоязычной литературе // Интернет-журнал «Мир науки». 2018. № 2. <https://mir-nauki.com/PDF/63PSMN218.pdf>

5. Гез Н.И. Некоторые вопросы теории урока иностранного языка // Общая методика обучения иностранным языкам: хрестоматия. Москва: Русский язык, 1991. С. 123 – 136.

6. Дьякова В.Н. Диалог врача с больным: пособие по развитию речи для иностранных студентов-медиков (электронное издание). 6-е изд. СПб.: Златоуст, 2015. 228 с.

7. Иванова, М.И. 2001. Социально-психологическая адаптация иностранных студентов к высшей школе России: дис. ... д-ра психол. наук. СПб.: СПбГТУ.

8. Казнышкина И.В. Коммуникативные игры на уроках русского языка как иностранного. М., 1983.

9. Кривцова И.О. Социокультурная адаптация иностранных студентов к образовательной среде российского вуза (на примере Воронежской государственной медицинской академии им. Н.Н. Бурденко) // Фундаментальные исследования. 2011. № 8-2. С. 284 – 288. URL: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=27948>(дата обращения: 15.06.2021)

10. Пассов Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. М.: Русский язык, 1989. 276 с.

11. Шкалик А.С. Учебно-речевые игры на занятиях по РКИ как средство активизации речевой деятельности студентов на начальном этапе обучения // Полилингвильность и транскультурные практики. М., 2011. № 4.

12. Яковлева Т.Б., Малахова О.М. Мотивация как основной компонент структуры учебной деятельности и способ повышения качества образования // Педагогические чтения: ежегодник. Вып. 2. Волгоград: НИЦ «Абсолют», 2020. 78 с. ISBN 978-5-6041032-1-9

References

1. Antonova V.E. Doroga v Rossiyu: uchebnik russkogo yazyka (bazovyy uroven'). M.: CMO MGU im. M.V. Lomonosova; SPb.: Zlatoust, 2013. 256 s.

2. Belikova L.G., SHutova T.A., Stepanova S.B. Russkij yazyk: Pervye shagi. CH. 1: uchebnoe posobie. SPb: Izd-vo S.-Peterb. Universiteta, 2000. 172 s.

3. Bobneva M.I. Social'nye normy i regulyaciya povedeniya. M., 1978. S. 44.

4. Van YU. Social'no-psihologicheskaya adaptaciya inostrannyh studentov: problemy issledovaniy v angloyazychnoj literature. Internet-zhurnal «Mir nauki». 2018. № 2. <https://mir-nauki.com/PDF/63PSMN218.pdf>

5. Gez N.I. Nekotorye voprosy teorii uroka inostrannogo yazyka. Obshchaya metodika obucheniya inostrannym yazykam: hrestomatiya. Moskva: Russkij yazyk, 1991. S. 123 – 136.

6. D'yakova V.N. Dialog vracha s bol'nym: posobie po razvitiyu rechi dlya inostrannyh studentov-medikov (elektronnoe izdanie). 6-e izd. SPb.: Zlatoust, 2015. 228 s.

7. Ivanova, M.I. 2001. Social'no-psihologicheskaya adaptaciya inostrannyh studentov k vysshej shkole Rossii: dis. ... d-ra psihol. nauk. SPb.: SPbGTU.

8. Kaznyshkina I.V. Kommunikativnye igry na urokah russkogo yazyka kak inostrannogo. M., 1983.

9. Krivcova I.O. Sociokul'turnaya adaptaciya inostrannyh studentov k obrazovatel'noj srede

rossijskogo vuza (na primere Voronezhskoj gosudarstvennoj medicinskoj akademii im. N.N. Burdenko). Fundamental'nye issledovaniya. 2011. № 8-2. S. 284 – 288. URL: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=27948>(data obrashcheniya:1 5.06.2021)

10. Passov E.I. Osnovy kommunikativnoj metodiki obucheniya inoyazychnomu obshcheniyu. M.: Russkij yazyk, 1989. 276 s.

11. SHkalikova A.S. Uchebno-rechevye igry na zanyatiyah po RKI kak sredstvo aktivizacii rechevoj deyatel'nosti studentov na nachal'nom etape obucheniya. Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki. M., 2011. № 4.

12. YAKovleva T.B., Malahova O.M. Motivaciya kak osnovnoj komponent struktury uchebnoj deyatel'nosti i sposob povysheniya kachestva obrazovaniya. Pedagogicheskie chteniya: ezhegodnik. Vyp. 2. Volgograd: NIC «Absolyut», 2020. 78 s. ISBN 978-5-6041032-1-9

SOCIO-PSYCHOLOGICAL ADAPTATION OF FOREIGN STUDENTS

Grigorieva A.V., Lecturer,

Li Zhomei, Associate Professor,

Shandong Hydraulic Engineering Institute, China,

Shmakova L.V., Assistant Professor,

Yakovleva T.B., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,

Orenburg State Medical University Ministry of Health of the Russian Federation

Abstract: this article is an attempt to consider some forms and significance of social (socio-psychological) adaptation of foreign students. Moreover, we see an objective need to identify not only the relationship, but also the interdependence of social adaptation with immersion in the culture of the country of the target language with the development and increase of educational motivation of students from India in the first and second courses.

This article examines some examples from the practice of the department, which gave an objectively positive result in working with foreign students in terms of the indicated problem; the results of the survey of freshmen are given, which allows making the necessary adjustments in the work with students. We note the high efficiency of using the global simulation method in work with foreign students (classroom and extracurricular). Moreover, the very difficult conditions of distance learning of the last year once again confirmed the feasibility and positive results of this approach.

In our opinion, these are not only important components of pedagogical activity, but also a necessary base, at the same time a condition and a means of improving the quality of education. Ultimately, this is precisely what determines the main goal of the work of our department and the university as a whole.

Keywords: socio-psychological adaptation, educational motivation, global simulation method, extracurricular work

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ФИЛОСОФИЯ» В ВИРТУАЛЬНОЙ АУДИТОРИИ

*Валеева Г.В., кандидат философских наук, доцент,
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого*

Аннотация: в статье рассматривается методика преподавания дисциплины «Философия» в виртуальной аудитории в условиях дистанционного обучения. Автор отмечает, что использование цифровых технологий изменяет классические методики обучения, привнося новые методы, позволяющие обогатить преподавание, выстроить его в соответствии с индивидуальной образовательной траекторией студента и повысить качество полученных знаний, что является весьма актуальным в условиях цифровой трансформации образования и перехода к цифровому обществу. Представлен обзор цифровых технологий, используемых в высшем образовании и их возможностей для эффективного обучения. Указано, что цифровые технологии послужили инструментом организации учебной деятельности в условиях вынужденного перехода на дистанционный формат обучения. Отмечается, что для реализации в online-формате гуманитарных дисциплин, специфика которых заключается в мировоззренческой природе познания, опирающаяся не только на профессиональные знания преподавателя, но и на диалоговую систему обучения, необходимо организовать виртуальную аудиторию при помощи цифровой технологии видеоконференцсвязь (ВКС). Показаны методы преподавания философии посредством цифровой платформы Golee Meet, которая создает все условия для проведения лекционных и семинарских занятий, осуществления контроля знаний студентов в виртуальной аудитории. Указываются преимущества и недостатки реализации дисциплины в виртуальной аудитории. Делается вывод о том, что виртуальная аудитория, организованная при помощи цифровой технологии видеоконференцсвязь, позволяет взаимодействовать участникам учебного процесса на уровне, сопоставимом с очной работой в аудитории ВУЗа. Вместе с тем, виртуальная аудитория, открывает возможности для новых, эффективных методов преподавания дисциплины «Философия» как мировоззренческой формы познания в условиях дистанционного обучения.

Ключевые слова: цифровое общество, цифровая трансформация образования, цифровые технологии, дистанционное обучение, высшее образование, виртуальная аудитория, учебный процесс, методы обучения, гуманитарные дисциплины, философия

В настоящее время цифровая трансформация, вызванная социально-экономическим развитием мировых сообществ, происходит во всех сферах современного российского общества, в том числе и образовании. Цифровизация образования, с одной стороны, это «формирование цифровой образовательной среды, как совокупности цифровых средств обучения...», с другой – «глубокая модернизация образовательного процесса, призванного обеспечить подготовку человека к жизни в условиях цифрового общества...» [2, с. 8]. Безусловно, использование цифровых технологий в образовательном процессе в корне изменяет классические методики обучения, привнося новые, эффективные методы, позволяющие обогатить преподавание, выстроить его в соответствии с индивидуальной образовательной траекторией студента и повысить качество полученных знаний, что является весьма актуальным в условиях цифровой трансформации системы образования и перехода к цифровому обществу.

Цифровизация образования предусматривает реализацию образовательных программ «...в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников» [10]. К цифровым технологиям, используемым сегодня в высшем образовании и позволяющим взаимодействовать участникам учебного процесса удаленно, от-

носятся: online-курсы (массовые открытые – MOOC и закрытые – SPOC), электронная информационно-образовательная среда ВУЗа (ЭИОС), цифровые образовательные платформы, технологии видеосвязи (видеоконференции – ВКС), online-тренажеры, online-симуляторы и т.д. Применение указанных технологий способствует:

- доступному и гибкому обучению;
- персонализации образования;
- непосредственному вовлечению студентов в активную учебную деятельность и научно-исследовательскую работу благодаря интерактивности инновационных образовательных технологий;
- формированию критического мышления, коммуникаций, культуры общения;
- формированию цифровой грамотности;
- формированию конкурентоспособных профессионалов, ориентированных на саморазвитие и самообразование;
- реализации концепции непрерывного образования, цель которой заключается в «постоянном развитии человека как личности, субъекта деятельности и общения на всем протяжении жизни» [13].

Важно отметить, что использование цифровых технологий в образовательном процессе стало особенно актуальным, когда из-за эпидемиологической ситуации все учебные заведения (в том

числе высшая школа) согласно рекомендации Минобрнауки РФ в марте 2020 года перешли на дистанционное обучение. Так, в работах современных исследователей: Н.Р. Букейханова, С.И. Гвоздковой, Е.В. Бутримовой [3], И.В. арабельской [5], Н.Н. Плужниковой [7], О.Ю. Семенова, А.И. Дёмко [8] и др., отмечается, что цифровые технологии послужили инструментом организации учебной деятельности в условиях вынужденного перехода на online-формат и источником многообразия методов и форм преподавания. Различные цифровые решения позволили преподавателям в ускоренном темпе адаптировать учебный процесс к новым условиям, вызванным пандемией Covid-19.

По мнению Фармановой Б.А., «внедрение дистанционного образования в учебный процесс вуза, возможно только в условиях, когда преподаватель осваивает инновационные способы организации и проведения дискуссий, развивает навыки дистанционного обучения у студентов...» [9]. Особенно это характерно для гуманитарных дисциплин, преподаваемых в online-формате, поскольку их специфика заключается в мировоззренческой природе познания, которая опирается не только на глубокие профессиональные знания преподавателя, но и на диалоговую систему обучения, моделирование конкретных ситуаций, требующих решения или поиска ответа на проблемный вопрос [11]. Поэтому для реализации дисциплин гуманитарного блока в условиях дистанционного обучения необходимо обеспечить виртуальную аудиторию с возможностью «создания множества удаленных друг от друга рабочих мест для выполнения одинаковых в содержательном отношении учебных процедур при возможности интерактивного взаимодействия друг с другом и преподавателем» [12, с. 18]. Отметим, что в виртуальной аудитории, основой построения которой являются цифровые технологии, взаимодействие преподавателя и студентов может осуществляться на уровне, сопоставимом с реальной аудиторией в ВУЗе [4], а формат online-обучения можно максимально приблизить к традиционному (offline).

Одним из инновационных способов реализации дисциплины «Философия» в условиях дистанционного обучения является технология ВКС – «современная телекоммуникационная услуга, позволяющая в режиме online общаться и вести совместную работу при территориальной удаленности субъектов» [1] и способствующая обеспечению виртуальной аудитории. Преимуществами данной технологии являются:

- оперативность;
- возможность непосредственного общения в реальном времени;

- обеспечение коммуникаций больших групп независимо от территориального расположения;
- возможность обмена мультимедийным контентом (аудио, видео, текст, изображения и т.п.).

Как видим, технология ВКС вполне создает все условия для проведения лекционных и семинарских занятий, осуществления контроля знаний студентов в виртуальной аудитории.

Для организации и проведения занятий по дисциплине «Философия» в формате ВКС может быть использована цифровая платформа Goglee Meet. В зависимости от тарифа платформа предоставляет следующие возможности:

- создавать неограниченное количество видеовстреч и формировать подгруппы в личном календаре, что позволяет грамотно выстроить недельную учебную нагрузку преподавателя;
- собрать в виртуальной аудитории от 100 до 250 участников, что очень важно для потоковых лекционных занятий;
- время проведения встречи от 60 минут до 300 часов, позволяет проводить занятия в соответствии с учебным расписанием;
- использование электронной доски, трансляции экрана, чата – способствует вовлечению студентов в учебный процесс; росту автономии и развитию способности к концентрации на предмете;
- субтитры – дублирование речи преподавателя или выступление студента важно при возможных возникающих проблемах с аудиосигналом;
- проводить опросы в ходе видеовстреч, что позволяет выяснить объем знаний студента по той или иной теме;
- функция «Raise your hand» – виртуальное поднятие руки, позволяет студентам поочередно высказываться, не перебивая друг друга и преподавателя;
- функция отслеживания участников видеоконференции способствует мониторингу студентов (присутствующих или пропускающих занятия);
- функция записи видеовстреч позволяет избежать спорных моментов (например, на экзамене);
- функция блокировки анонимных пользователей позволяет избежать срыва занятий.

При организации занятий в формате ВКС на платформе Goglee Meet преподавателю необходимо заранее запланировать видеовстречу, создать ссылку – web link (при необходимости, используя функционал цифровой платформы, продублировать на весь семестр) и посредством email сделать рассылку («приглашение») на электронные адреса студентов группы. В соответствии с учебным расписанием преподаватель и студенты встречаются в

виртуальной аудитории. Как и в реальной аудитории не исключены опоздания, в данном случае причины могут заключаться в некачественном интернет-соединении или подключении к ВКС. После того как все участники заняли свои места в виртуальной аудитории, преподавателю стоит произвести контроль посещаемости и акцентировать внимание на том, что бы у студентов была подключена камера. Однако, важно не забывать о возможных форс-мажорах (связанные прежде всего с дистанционным обучением и цифровыми технологиями), психологической составляющей, и случаях, когда у студентов отсутствует возможность использовать современный гаджет с веб-камерой.

В начале лекционного занятия по дисциплине «Философия» преподавателю необходимо раскрыть содержание темы и указать основополагающие категории, используя при этом наглядный материал. Такую возможность обеспечивает функция демонстрации экрана. Например: тема лекции: «Введение в философию»; демонстрация презентации с экрана компьютера/планшета преподавателя: «Основные разделы философского знания и их проблематика». Подобный метод позволяет повысить эмоциональность online-занятия, содействует пониманию содержательной стороны темы лекции, усвоению и запоминанию основных терминов (в данном случае знаний основных разделов философии и понимания их базовых категорий), способствует самостоятельной учебной деятельности студентов.

Изложение лекционного материала по дисциплине «Философия» в виртуальной аудитории должно быть четким и лаконичным; основные положения, категории, даты, имена должны быть даны студентам под запись. Учитывая специфику философии как мировоззренческой формы знания, во время лекции преподавателю необходимо вовлекать студенческую аудиторию в философский дискурс, который способствует развитию навыков критического мышления, аналитических способностей, умения логично и аргументировано формулировать и отстаивать собственное видение проблем и их решения. Для этого преподаватель может задавать предельные вопросы, на которые нельзя дать однозначного, завершённого ответа. Например, тема: «Гносеология (теория познания)»; предельный вопрос: «Можно ли познать мир или он остается «тайной» для разума человека?».

Еще одним важным моментом лекционного занятия в виртуальной аудитории является создание «эффекта присутствия», который содействует концентрации и вниманию студентов. Этого можно достичь благодаря комментированию препода-

вателем своих технических действий и действий студентов. Например, «Включите звук. Вас отлично слышно в эфире. Пожалуйста, выскажите свое мнение относительно сократовского метода исследования мудрости человека». Или, «Давайте вместе уточним, сколько студентов высказалось в чате положительно на утверждение Аристотеля о том, что человек – политическое животное».

В завершении лекции в виртуальной аудитории преподаватель подводит итоги, формулирует выводы и дает краткий анонс следующей темы.

Методика проведения семинарских занятий по дисциплине «Философия» в виртуальной аудитории ориентирована на овладение студентами приемами ведения дискуссий, полемики, диалога и их реализации в процессе коммуникации, профессиональной и научно-исследовательской деятельности. После контроля присутствующих на занятии, преподаватель дает возможность обучающимся выступить с докладом самостоятельно или вызывает студента из списка группы. Как правило, на доклад отводится десять минут, после чего преподаватель ставит задачу, на которую студенты, опираясь на имеющиеся знания и материалы семинара, должны найти индивидуальное или коллективное решение. Для группового обсуждения идей в наглядном формате можно использовать электронную доску (в данном случае Google Jamboard). Например, тема семинара: «Введение в историю философии»; задача: в хронологическом порядке выстроить периоды развития философской мысли и соотнести мыслителей с временными рамками и основными принципами этапов философии. Каждый студент в виртуальной аудитории имеет возможность редактирования файлов электронной доски (в данном случае заполнение таблицы «Периодизация истории философии» и соотнесение ее содержания), преподаватель – корректировать и дополнять. Данный метод делает процесс изучения философии более содержательным и обширным; повышает учебную мотивацию студентов; способствует раскрытию творческих способностей на основе полученных знаний.

Введение студентов в круг специальных философских проблем, связанных с областью будущей профессиональной деятельности, способствует развитию навыков самостоятельного и критического мышления, способности к самоорганизации и саморазвитию, что соответствует требованиям к специалистам, востребованным на современном рынке труда. Поэтому важной составляющей семинарского занятия является работа с философскими первоисточниками, а так же выполнение практических (тестовых) заданий. В виртуальной аудитории, используя Google Chat, преподаватель может дать студентам ссылку на тестовое задание,

расположенное в облачном хранилище или на адаптированный философский текст с вопросами по его содержанию. Например, тема семинара: «Философская антропология»; ссылка на текст и задание, расположенные на платформе онлайн-курса «Философия» [6]. Соблюдая дедлайн, студенты выполняют задания непосредственно на занятии и отправляют преподавателю на электронную почту или прикрепляют файл в чат.

Экзамен по дисциплине «Философия» может так же проходить в виртуальной аудитории. Для этого необходимо предоставить студентам доступ к экзаменационным билетам, расположенным на Google Диск. В избежание спорных моментов заранее стоит произвести ранжирование студентов по билетам, а так же включить видеозапись экзамена, предварительно уведомив об этом студентов. Отведенное время на подготовку – 25 минут, после чего студент выступает с устным ответом, при необходимости отвечает на поставленные вопросы преподавателя, на основании чего выставляется итоговая оценка за курс.

Как видим, методика преподавания дисциплины «Философия» в виртуальной аудитории максимально приближена и проецирует происходящее в реальной аудитории ВУЗа, что является неоспоримым преимуществом. Однако, реализация дисциплины в виртуальной аудитории, организованной с помощью ВКС не лишена недостатков:

- при большой загруженности виртуальной аудитории, ухудшается аудио в видео трансляция, что усложняет передачу информации;

- коммуникативные и психологические барьеры, возникающие в установлении контактов между участниками виртуальной аудитории, существенно затрудняют смысловое содержание информации;

- отсутствие дисциплинированности и самомотивации у некоторых студентов приводит к несвоевременному подключению к ВКС, не выполнению заданий и как следствие поверхностному усвоению учебного материала;

- не всегда можно идентифицировать студента, находящегося в виртуальной аудитории (исключением является, например, прокторинг);

- проблема контроля достоверности знаний (например, когда при выполнении заданий студенты используют возможности интернета для поиска верного ответа или решения);

- этические проблемы (новые формы обмана на занятии/экзамене, падение культуры общения и поведения на занятии в виртуальной аудитории; утрата субординации между преподавателем и студентами и т.д.);

- несмотря на «эффект присутствия» и синхронную работу в виртуальной аудитории, отсутствие общения offline является существенным недостатком, поскольку традиционная (очная) форма обучения позволяет преподавателю «эмоционально окрасить знания» и максимально раскрыть специфику предмета философии.

Таким образом, виртуальная аудитория, организованная при помощи цифровой технологии видеоконференцсвязь, позволяет взаимодействовать участникам учебного процесса на уровне, сопоставимом с очной работой в аудитории ВУЗа. Вместе с тем, виртуальная аудитория, открывает возможности для новых, эффективных методов преподавания дисциплины «Философия» как мировоззренческой формы познания в условиях дистанционного обучения.

Литература

1. Баскаков Ю.А., Соболева О.М. Использование видеоконференцсвязи в учебном процессе [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-videokonferentssvyazi-v-uchebnom-protssesse> (дата обращения: 19.07.2021)

2. Блинов В.И., Сергеев И.С., Есенина Е.Ю. и др. Педагогическая концепция цифрового профессионального образования и обучения: монография / под науч. ред. В. И. Блинова. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. 112 с.

3. Букейханов Н.Р., Гвоздкова С.И., Бутримова Е.В. Оценка эффективности цифровых технологий преподавания в условиях Covid-19 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-effektivnosti-tsifrovyyh-tehnologiy-prepodavaniya-v-usloviyah-ssovid-19> (дата обращения: 19.07.2021)

4. Владимиров Л.В., Воробьева А.В., Остроух А.В. Проектирование системы обмена учебно-методической информацией между участниками учебного процесса [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/27/3099/> (дата обращения: 19.07.2021)

5. Карабельская И.В. Использование цифровых технологий в образовательном процессе высшей школы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-tsifrovyyh-tehnologiy-v-obrazovatelnom-protssesse-vysshey-shkoly> (дата обращения: 19.07.2021)

6. Онлайн курс Философия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://online.tspu.ru/course/view.php?id=5> (дата обращения: 19.07.2021)

7. Плужникова Н.Н. Цифровизация образования в период пандемии: социальные вызовы и риски [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-obrazovaniya-v-period-pandemii-sotsialnye-vyzovy-i-riski> (дата обращения: 19.07.2021)

8. Семенов О.Ю., Дёмко А.И. Применение телекоммуникационных технологий в дистанционном обучении [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/primeneniye-telekommunikatsionnyh-tehnologiy-v-distantsionnom-obuchenii> (дата обращения: 19.07.2021)

9. Фарманова Б.А. Опыт внедрения дистанционного обучения в преподавание гуманитарных дисциплин в системе высшего образования [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-vnedreniya-distantsionnogo-obucheniya-v-prepodavanie-gumanitarnyh-distiplin-v-sisteme-vysshego-obrazovaniya> (дата обращения: 19.07.2021)

10. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2021) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/9ab9b85e5291f25d6986b5301ab79c23f0055ca4/ (дата обращения: 19.07.2021)

11. Шагбанова Ю.Б. Преподавание гуманитарных дисциплин в высшем учебном заведении: опыт и основные тенденции [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/prepodavanie-gumanitarnyh-distiplin-v-vysshem-uchebnom-zavedenii-opyt-i-osnovnye-tendentsii> (дата обращения: 19.07.2021)

12. Ширшов Е.В. Информация, образование, дидактика, история, методы и технологии обучения. Словарь ключевых понятий и определений: учебное пособие. М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2017. 138 с.

13. Шленов Ю.В., Бетин О.И., Юрьев В.М., Чванова М.С., Астафьева Н.Е. Концепция развития системы непрерывного образования России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-razvitiya-sistemy-neprepryvnogo-obrazovaniya-rossii> (дата обращения: 19.07.2021)

References

1. Baskakov YU.A., Soboleva O.M. Ispol'zovanie videokonferentsvyazi v uchebnom processe [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-videokonferentsvyazi-v-uchebnom-protssesse> (data obrashcheniya: 19.07.2021)

2. Blinov V.I., Sergeev I.S., Esenina E.YU. i dr. Pedagogicheskaya koncepciya cifrovogo professional'nogo obrazovaniya i obucheniya: monografiya. pod nauch. red. V. I. Blinova. Moskva: Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS, 2020. 112 s.

3. Bukejhanov N.R., Gvozdkova S.I., Butrimova E.V. Ocenka effektivnosti cifrovih tehnologij prepodavaniya v usloviyah Sovid-19 [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-effektivnosti-tsifrovih-tehnologiy-prepodavaniya-v-usloviyah-sovid-19> (data obrashcheniya: 19.07.2021)

4. Vladimirov L.V., Vorob'eva A.V., Ostrouh A.V. Proektirovanie sistemy obmena uchebno-metodicheskoy informaciej mezhdru uchastnikami uchebnogo processa [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://moluch.ru/archive/27/3099/> (data obrashcheniya: 19.07.2021)

5. Karabel'skaya I.V. Ispol'zovanie cifrovih tehnologij v obrazovatel'nom processe vysshej shkoly [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-tsifrovih-tehnologiy-v-obrazovatel'nom-protssesse-vysshey-shkoly> (data obrashcheniya: 19.07.2021)

6. Onlajn kurs Filosofiya [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://online.tsput.ru/course/view.php?id=5> (data obrashcheniya: 19.07.2021)

7. Pluzhnikova N.N. Cifrovizaciya obrazovaniya v period pandemii: social'nye vyzovy i riski [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-obrazovaniya-v-period-pandemii-sotsialnye-vyzovy-i-riski> (data obrashcheniya: 19.07.2021)

8. Semenov O.YU., Dyomko A.I. Primenenie telekommunikatsionnyh tehnologij v distantsionnom obuchenii [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/primeneniye-telekommunikatsionnyh-tehnologiy-v-distantsionnom-obuchenii> (data obrashcheniya: 19.07.2021)

9. Farmanova B.A. Opyt vnedreniya distantsionnogo obucheniya v prepodavanie humanitarnyh disciplin v sisteme vysshego obrazovaniya [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-vnedreniya-distantsionnogo-obucheniya-v-prepodavanie-gumanitarnyh-distiplin-v-sisteme-vysshego-obrazovaniya> (data obrashcheniya: 19.07.2021)

10. Federal'nyj zakon «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» ot 29.12.2012 N 273-FZ (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.06.2021) [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/9ab9b85e5291f25d6986b5301ab79c23f0055ca4/ (data obrashcheniya: 19.07.2021)

11. SHagbanova YU.B. Prepodavanie gumanitarnykh disciplin v vysshem uchebnom zavedenii: opyt i osnovnye tendencii [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa:

<https://cyberleninka.ru/article/n/prepodavanie-gumanitarnykh-distiplin-v-vysshem-uchebnom-zavedenii-opyt-i-osnovnye-tendentsii> (data obrashcheniya: 19.07.2021)

12. SHirshov E.V. Informaciya, obrazovanie, didaktika, istoriya, metody i tekhnologii obucheniya.

Slovar' klyuchevykh ponyatij i opredelenij: uchebnoe posobie. M.: Izdatel'skij dom Akademii Estestvoznaniya, 2017. 138 s.

13. SHlenov YU.V., Betin O.I., YUr'ev V.M., CHvanova M.S., Astaf'eva N.E. koncepciya razvitiya si-stemy nepreryvnogo obrazovaniya Rossii [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepsiya-razvitiya-sistemy-nepreryvnogo-obrazovaniya-rossii> (data ob-rashcheniya: 19.07.2021)

METHODS OF TEACHING THE DISCIPLINE "PHILOSOPHY" IN THE VIRTUAL CLASSROOM

Valeeva G.V., Candidate of Philosophical Sciences (Ph.D.), Associate Professor, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract: the article considers the methodology of teaching the discipline "Philosophy" in a virtual classroom in the conditions of distance learning. The author notes that the use of digital technologies changes the classical teaching methods, introducing new methods that allow enriching teaching, building it in accordance with the individual educational trajectory of the student and improving the quality of knowledge obtained, which is very relevant in the conditions of digital transformation of education and the transition to a digital society. An overview of digital technologies used in higher education and their opportunities for effective learning is presented. It is indicated that digital technologies have served as a tool for organizing educational activities in the conditions of a forced transition to a distance learning format. It is noted that in order to implement humanities disciplines in the online format, the specifics of which are the ideological nature of cognition, based not only on the professional knowledge of the teacher, but also on the interactive learning system, it is necessary to organize a virtual audience using digital video conferencing technology (VCS). The methods of teaching philosophy through the Goglee Meet digital platform are shown, which creates all conditions for conducting lectures and seminars, monitoring students' knowledge in a virtual audience. The advantages and disadvantages of implementing the discipline in a virtual audience are indicated. It is concluded that the virtual audience, organized with the help of digital video conferencing technology, allows the participants of the educational process to interact at a level comparable to full-time work in the university audience. At the same time, the virtual audience opens up opportunities for new, effective methods of teaching the discipline "Philosophy" as a worldview form of cognition in the conditions of distance learning.

Keyword: digital society, digital transformation of education, digital technologies, distance learning, higher education, virtual audience, educational process, teaching methods, humanities, philosophy

СОДЕРЖАНИЕ ВЫСШЕГО ТОВАРОВЕДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ И ПУТИ ОБНОВЛЕНИЯ

*Васильева Н.О., кандидат технических наук, доцент,
Красноярский государственный аграрный университет*

Аннотация: в статье рассматриваются факторы, предопределяющие необходимость и направления качественного обновления содержания высшего товароведного образования. Дается их характеристика в ракурсе профессиональной сферы. Приоритетным признан курс на «фундаментализацию», предусматривающий восстановление диалектического понимания сущности категории «товар», как методологического основания товароведной практики и образования. Отмечены негативные моменты, тормозящие развития товароведного образования: не разработан профессиональный стандарт товароведа; производственная, а не товароведная, ориентация профессиональных стандартов, рекомендованных для разработки образовательной программы по направлению подготовки 38.03.07; документы стратегического планирования не включают вопрос подготовки кадров для сферы товарного обращения; не сформулирована цель товароведной деятельности и др. Высказывается мнение, что рекомендации научного сообщества преподавателей-товароведов по развитию одноименной области знаний, являются спорными, методологически не подкреплены, а, следовательно, не обеспечивают перспектив высшему товароведному образованию. Обозначены некоторые дидактические приемы проектирования содержания образования, реализующие необходимые изменения на уровне явного знания, содержания, зафиксированного в учебных разработках. Определены возможные пути применения товароведных знаний в иных профессиональных сферах и формы их встраивания в соответствующие образовательные стандарты и программы.

Ключевые слова: содержание образования, высшее товароведное образование, факторы развития, пути обновления

Введение

Цель статьи заключается в выявлении факторов развития и возможных путей обновления содержания высшего товароведного образования, способствующих восстановлению и росту востребованности товароведных знаний в российской экономике.

Основная часть

Вопросы содержания высшего профессионального образования и его обновления являются непреходящими, как объективно обусловленная, ответная реакция системы образования на изменения запросов консолидированного потребителя (государство, отрасль, личность, научное и бизнес-сообщество, смежные уровни образования).

Особое место занимают выпускники направлений подготовки 38.03.07 Товароведение и 38.03.06 Торговое дело, тех профессиональных областей, которые определяют вектор развития торговли. Сегодня мы сталкиваемся с противоречием, когда торговля, ключевой донор ВВП (12,3%) [1], драйвер экономического роста развивающейся экономики России, основной работодатель (19,1% занятого населения) [2], имеющая проблемы с качеством реализуемых товаров, утратила интерес к специалистам с высшим торгово-товароведным образованием, особенно товароведам.

Не в пользу товароведов звучит утверждение о том, что «в наследство от большевистской экономики нам достался один атавизм – товароведение и товароведы» [3]. Ослабляет роль товароведа план продовольственного ритейла – X5 Retail Group «произвести электронную замену товароведов и мерчендайзеров для работы с товарными запасами в торговом зале» [4].

Действия со стороны государства, профессионального бизнес-сообщества также не дают надежд на упрочения позиций товароведного образования.

Негативным моментом является отсутствие в государственных и отраслевых планово-прогнозных документах концепции развития российской торговли, содержательных требований к кадровому обеспечению отрасли. Сравнение двух отраслевых документов «Стратегия развития торговли в Российской Федерации» на период 2015-2020 г.г. и 2020-2025 г.г. по части вопроса подготовки профессиональных кадров, оказывается не в пользу Стратегии до 2025 года. Если в Стратегии-2020 поднималась проблема дефицита и низкой квалификации кадров, объясняемая быстрым развитием торговой отрасли и «недостаточным качеством обучения торговым специальностям в российских вузах», то в новом прогнозном сценарии, ориентированном на инновации в отрасли, вопрос о кадрах не затрагивается.

Ожидаемое в вузовской среде введение ФГОС ВО 3++ по направлению подготовки Товароведение откладывалось в связи с отсутствием профессионального стандарта «товароведа». Однако, утвержденный в августе 2020 г. образовательный стандарт не указывает ни торговлю, ни товароведение в качестве основной области профессиональной деятельности, предполагающих выстраивание экономических отношений с покупателем иными субъектами, опосредуемых товаром. То

есть профессиональные компетенции товароведа определяется через требования к специалистам промышленной или узкопрофессиональной финансово-экономической сферы, что не совсем корректно. Очевиден, рекомендуемый перечень профессиональных стандартов для направления подготовки Товароведение был определен вынужденно, без опоры на научный и профессиональный подход, лишь на основе внешних признаков как то понятия «качество», «сертификация», «экспертиза» др. в названиях профессиональных стандартов.

В работе [5] представлен методический алгоритм формирования профессионального стандарта «Товароведа непродовольственных товаров», основанный на анализе большого массива документов, регламентирующих должностные обязанности специалиста. Это подтверждает, что профессиональный стандарт товароведа должен и может быть разработан, причем специалистами товароведения. По нашему мнению, документ должен быть более обобщенный по содержанию без выделения отраслевой (товарной) специализации, но отражающий совокупность трудовых действий по отношению к множественным аспектам «товара» и продукции, находящейся на этапе перехода из сферы производства в сферу обращения на разной организационно-технологической основе.

Приведенные факты указывают на противоречивость и фактически кризис в ситуации в высшем товароведном образовании, ставят ряд вопросов, требующих разрешения самой системой профессионального образования.

Проблемы высшего товароведного образования неоднократно поднимались и предлагались конкретные пути исправления ситуации в работах исследователей – преподавателей товароведения В.И. Бакайтис, Ю.А. Бриевского, В.И. Криштафович, И.В. Кротовой, М.А. Николаевой, Ю.И. Сидоренко и др.

Предложения для повышения престижа направления подготовки, сделанные по итогам работы научно-методической конференции «Товароведение будущего» (17.02.2021, г. Москва) озвучивает В.И. Криштафович. Первое – изменение названия направления с «Товароведение» на «Экспертиза и управление товарами», и второе – перенос направления подготовки из образовательной области «Экономика» в область «Сфера обслуживания» (что уже было в 2009 г.) или «Междисциплинарную» (не предусмотрена на настоящий момент) [6].

Авторитетный ученый в области товароведения М.А. Николаева, напротив, видит перспективы высшего товароведного образования, если «перевести образовательное направление «Товароведение» в укрупненную группу технологических

направлений, что позволит усилить технологическую подготовку товароведов» [7]. Такой подход можно рассматривать, как путь сужающий круг товароведных знаний и функций, замыкающий их на производственных аспектах формирования качества и безопасности (преимущественно продовольственных продуктов).

Отталкиваясь исключительно от сложившегося стереотипа товароведа и «социалистического товароведения» [8] направление подготовки не обеспечит себе самостоятельности и перспектив развития.

В то же время М.А. Николаева абсолютно точно объясняется сложившееся положение «недостаточностью фундаментальных исследований ... по вопросам методологии товароведной науки» [9].

Приведенные факты стимулируют отыскание научно обоснованных ответов на вопрос «Следует ли сохранить направление подготовки «Товароведение?» и «Каков вектор и методы модернизации его содержания?».

Сохранение товароведения как вида профессиональной деятельности и, следовательно, подготовки специалиста-товароведа, безальтернативно предопределено рыночной экономикой, в которой важнейшим объектом, опосредующим экономические отношения купли-продажи, является товар.

Обновление содержания образования, отражающего исторический контекст общественного развития, рассматривается, как непрерывная адаптация компетенций выпускника под воздействием динамично изменяющейся социально-экономической среды, обеспечивающая соответствие его запросу коллективного субъекта.

Значимыми факторами внешней среды, определяющими концептуальный образ высшего товароведного образования из числа общих, воздействующих на современное высшее профессиональное образование, нами определены:

- фундаментализация;
- национальные и исторические особенности товароведного образования;
- компетентностная образовательная парадигма;
- направления развития профессиональной сферы (торговли);
- прагматизация содержания образования;
- гуманизация.

Фундаментализация содержания товароведного образования достигаемая, как правило, «классическим» путем, за счет включения в учебный план фундаментальных наук, философии, экологии формирует «сверхпрофессиональное» образование. Считается, сегодня оно является «основой профессиональной гибкости, требуемой постоянно изменяющимися условиями современного рынка»,

«дающее возможность быстро осваивать все новое» [10]. Основы фундаментальных знаний создают единую мировоззренческую научную систему необходимую для саморазвития, становления независимой, способной к принятию компетентных решений личности (Л.С. Гребнев, Г.П. Щедровицкий). Специфика профессиональной области предполагает обязательное освоение базовых положений не только фундаментальных дисциплин как основы познания вещественной природы товара, но и прикладных дисциплин, составляющих фундамент товароведной деятельности (основы экономики, маркетинга, товароведения).

Особенность фундаментальности для товароведения состоит в выполнении ею методологической функции. Она определяет: 1) предмет науки и практики, 2) методы познания его сущности, и не допускает субъективности толкований.

«Товароведение имеет предметом объект торговли – товар, понимаемый как удобоперемещаемая (движимая) ценность, идущая по направлению от производителя к потребителю...» [11]. Онтология феномена «товар», обозначенная в словарной статье ученым Я.Я. Никитинским, составляет первую сторону фундаментальности товароведения. Подмена категории «товар» понятиями «продукция», «предмет», «изделие», «продукт», повсеместно наблюдаемая сегодня в научных и учебных товароведных исследованиях, привела к системным проблемам и должна быть устранена.

Гносеологическая основа фундаментальности товароведения состоит в познании дихотомической многоуровневой сущности товара как целостности, как объекта, имеющего количественную (стоимость, объем, количество) и качественную определенность.

Естественно-технический и экономический аспекты объекта изучения в каждом конкретном случае могут быть «развернуты», разделены, но для последующих эффективных действий объединены в одно емкое понятие «товар», с необходимыми акцентами. Это допускает несколько вариантов реализации товароведных знаний и подходов к их получению.

Первый – сохранение самостоятельного направления подготовки 38.03.06

с усилением экономических компетенций, подтверждаемых, включением в выпускную квалификационную работу товароведов проектного раздела с расчетом социально-экономической эффективности рекомендаций по совершенствованию объекта.

Профили направления целесообразно выделять не по способу потребления (продовольственные/непродовольственные) товара, а по их конечному использованию, «Товароведение потреби-

тельских товаров» и «Товароведение товаров производственно-технического назначения», или ориентируясь на особенности товара в среде внутренней, внешней и даже в цифровой торговле.

Второй, перспективный вариант предусматривает возможность разработки профиля «Товароведение» в технологических отраслевых направлениях подготовки или изучение дисциплины, формирующей социально-экономическое понимание цели разработки продукта, материала, технологии.

Третий путь предполагает в рамках направления подготовки «Торговое дело» обязательное изучение теории товароведения, выведенную из учебных планов или замененную на краткие курсы товароведения. Нами предлагается единое издание «Теория товароведения», разделы которого раскрывает общие, присущие товару характеристики, независимо от его узкого функционального использования, материально-вещественной состава.

Национальные и исторические особенности высшего товароведного образования, сложившиеся с момента его официального утверждения (1907 г.), как фактор, ориентирующий на перенос лучших достижений в современные реалии и на недопущение ошибок прошлого. Перспективны для использования, как материализованное содержание образования, учебники по товароведению, с глубокой естественно-технической проработкой. В то же время они предупреждают о недопустимости перекоса в сторону технологии и материаловедения. Спад интереса к товароведению, начиная с 90-х годов предупреждает об опасности недооценки экономического блока в товароведной подготовке и абсолютизации тезиса «роль товара в товароведении должна оцениваться как продукта потребления прежде всего с точки зрения значимости его в удовлетворении потребностей человека» [8]. Сохраняет актуальность и рассматривается как руководство к разработке действенных документов для организации товароведного образования мысль, высказанная уже в 1932 на Всесоюзном съезде по подготовке кадров потребкооперации. «... товароведческая дисциплина как дисциплина научная должна быть разработана нашими (товароведными, авт.) теоретическими кадрами. Мы сплошь и рядом имеем педагогов из легкой промышленности, которые зачастую направляют нашу работу не в ту сторону, какую мы хотим и в какую надо» [12].

Направления развития профессиональной сферы рассматриваются как фактор, определяющий кардинальные изменения к содержанию требуемых компетенций и приводящий к количественно-структурным трансформациям на рынке труда товароведов. Уже сегодня упал спрос на «классического» товароведа по контролю качества и экспер-

тизе товаров, хотя на лицо и динамизм ассортимента, и сохраняющиеся проблемы с качеством реализуемых товаров. Достаточно указать, что по состоянию на 14.07.21, по профессии «Товаровед» в России было открыто всего 865 вакансий, а для выполнения традиционных товароведных функций по проведению складского и аналитического пооперационного учета товаров приглашаются выпускники по направлениям экономика, математика, информатика [13]. Очевидно, что гарантия безопасности и обеспечение комплекса востребованных потребительских свойств, преимущественно закрепляется за производственной сферой, а инновационные технологии количественного формирования ассортимента, выстраивания эффективных технологий доведения товара до конечного потребителя для разных форм торговли сохраняется за отраслью, которые обязан применять товаровед «новой формации». Интересен вариант, вполне реализуемый в обозримом будущем, передачи товароведу комплекса трудовых функций в цепи поставки товаров в структуре товароведной «цифровой» фирмы, являющейся заказчиком, владельцем, «провайдером» товара [14], обладающего необходимой потребительной ценностью.

Ведущим необратимым трендом развития сферы торговли является цифровизация товара, технологий продажи, контроля. Перспективны и усиливаются тренды: 1) перенос операций купли-продажи особенно из розничной торговли на рынок e-commerce (прирост к 2024 г. на 34% [15]), сопровождаемый тенденцией лояльности потребительского поведения в отношении товара; 2) омниканальная торговля и автоматизированный гибридный формат торгового предприятия; 3) обработка данных о качественно-количественных характеристиках товара, поставщиках, потребителей и планирование результатов в цифровом формате, требующая умений работать с «Big data». Товаровед по качеству является одновременно аналитиком, логистом. Конкурентоспособность товароведу на рынке труда гарантирует комплексность и универсальность знаний и навыков, колоссальную долю в которых занимает владение информационно-цифровыми технологиями выполнения традиционно товароведных и новационных функций.

Прагматизация содержания товароведного образования отчетливо обозначилась после перехода от плановой социально-ориентированной экономики к рыночной. Современный обучающийся выстраивает требования к образованию, ожидая получить в вузе практически полезные знания, умения и навыки, позволяющие сразу по окончании вуза включиться в экономически эффективный лично для него производственный процесс. С

другой стороны, установка, порожденная личными экономическими интересами студента выгодна обществу, поскольку его труд является источником прибыли хозяйствующего субъекта. Прагматизм при наличии конкуренции на рынке труда ценен тем, что стимулирует стремление человека к приобретению новых знаний, умений, информации, к ориентации на их обновление и развитие.

Реализация тренда обеспечивается практико-ориентированной моделью образования, характеризующейся проектированием содержания образования на основе профессиональных стандартов, на основе компетенций.

Развитие профессионализма обеспечивается совокупностью педагогических подходов, стимулирующих проявление умения создавать новое знание или воплощать его в практической деятельности. Так, контекстный подход предусматривает «разрешение “профессионально подобных” ситуаций», «воссоздание предметного и социального контекстов профессиональной деятельности» (А.А. Вербицкий). Метод проектов, педагогические идеи которого неразрывно связаны с прагматической философией Дж. Дьюи, позволяет формировать компетенции через творческую интеллектуальную деятельность, нацеленную на достижение лично значимого, реального профессионально-ориентированного результата.

Негативное последствие прагматизма – это возможность разрушения фундаментальных основ образования, когда образуется ситуация «сочетание компетентности и технологической адекватности с глубочайшим невежеством» [16], а базовые научные теории, законы, понятия считаются избыточными.

Устранение отрицательной черты предполагает не только отбор фундаментальных дисциплин еще на стадии проектирования образовательной программы, но использование специальных дидактических приемов по их освоению. Например, использование в учебных изданиях «прагматических текстов». Прагматический текст иллюстрирует положения фундаментальной науки фактами прикладного товароведения, создавая осознанную мотивацию к изучению фундаментальных дисциплин, восприятие их как базы, без которой освоение специальной дисциплины на уровне механического запоминания либо невозможно, либо недостаточно глубокое. Так, физический показатель «прозрачность» важен при экспертизе, так как позволяет определить условия выдержки и возраст вин, место произрастания винограда; «цвет» муки коррелирует с ее сортом; ферменты лактопероксидаза и щелочная фосфатаза определяются при контроле качества пастеризации и выявлении фальсификата.

Гуманизация товароведного образования рассматривается нами в двух аспектах. Гуманизация как цель, когда принципы гуманизма в социуме и профессиональных отношениях становятся неотъемлемым мировосприятием, жизненной позицией выпускника вуза, обеспечиваются навыки их реализации. В рыночной экономике как никогда актуальна эта сторона гуманизации, поскольку принципы гуманизма, зафиксированные в правовых документах слабо подкреплены практическими действиями (экологический кризис, нравственный кризис и др.), что усугубляется конфликтными ситуациями в области производственных профессиональных отношений, как то, нарушение прав потребителя на безопасность, качество товара, информацию о нем.

Основным средством гуманизации содержания является гуманитаризация – введение в образовательную программу оптимального по наименованиям и часам набора гуманитарных, социальных, правоведческих дисциплин.

Другая сторона предполагает «распространение идей гуманизма на содержание, формы и методы проектирования образования» (Г.М. Коджаспирова). Это формирует ситуацию, когда обучающийся становится равноправным субъектом образования, а процесс его получения сопряжен с возможностью человека обратиться к самому себе и максимально проявить свою индивидуальность, личность. Так, предусмотренные нормативными документами в области образования статус студента как «участника образовательных отношений», «возможность оценивания ... содержания, ... в целом и отдельных дисциплин (модулей) и практик», «выбора элективных дисциплин» реализуются с учетом мнения и при участии студентов.

Товаровед будучи связующим звеном между производителем и потребителем материальных благ, принимает на себя социальную обязанность – закуп и реализацию качественного и безопасного товара, недопуская к реализации несоответствующего товара, не подвергая опасности тем самым жизнь и здоровье покупателя. Сформировать гуманность позволяет концепция «прагматического» или «практико-ориентированного» гуманизма (Дж. Дью, Е.А. Седов, Е.Н. Фихтнер, А.В. Цеев). Содержания учебных задач в русле концепции должно показывать студенту, что личная экономическая удовлетворенность (прагматический аспект) будет достигнута, если результат совершения трудовых действий, принятия профессиональных решений пусть в учебных ситуациях, будет в гармонии с общечеловеческими ценностями (гуманистический аспект). Обучающийся должен уметь рассчитать, как «негуманные» решения (реализация товара с истекшим сроком годности или продукции, не имеющей документа о подтверждении соответствия), будучи выявлены, могут привести к

непредвиденным финансовым потерям, например, необходимости финансовой компенсации материального и морального ущерба при возврате или устранении недостатков товара, а прагматические экономические ожидания работника не реализуются.

Заключение

Итак, фундаментальная основа товароведной практики и образования – категория «товар» с присущей ей дихотомической природой (потребительная стоимость ~ экономическая стоимость), присущая рыночной экономике и общественному разделению труда, обеспечивает непреходящий характер профессии. Процесс социально-экономического развития допускает на определенном этапе доминирование одной из сторон диалектической сущности товара, но при сохранении ее единства и целостности.

Своевременный учет факторов изменяющейся социально-экономической реальности является обязательным условием обновления содержания высшего товароведного образования. Концептуальный образ высшего товароведного образования инвариантный компонент, предполагающий фундаментальность знаний, социально ответственную и гуманную личность, владение инновационными технологиями по обращению с товаром. Вариативный компонент составляют компетенции, необходимые для экономической эффективной деятельности в профессиональной сфере, для работы в смежных областях, а также построения траектории индивидуального профессионального и личностного развития.

Литература

1. Динамика и структура ВВП России // Бюллетень о текущих тенденциях Российской экономики. № 62. Июнь. 2020. URL: ac.gov.ru/publications/ (дата обращения: 19.07.2021)
2. Труд и занятость в России. 2019: Стат.сб. // Росстат. М., 2019. 135 с.
3. Репьев А. Маркетинговое мышление, или Клиентомания. М.: Эксмо. 2006. 384 с.
4. В «Пятерочках» и «Перекрестках» установят электронную замену товароведов и мерчендайзеров. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2017-11-29_v_pyaterochkah_i_perekrestkah_poyavyatsya_tsi (дата обращения: 08.06.2020)
5. Кротова И.В., Сапсаева Е.А., Савицкая Э.В. Методические подходы к разработке профессионального стандарта «Товаровед непродовольственных товаров» // Полихотомические классификации профессиональных терминов в научной и учебной литературе // Материалы межрегион. тематич. сб. с международ. участием. Изд-во Курганский государственный университет. Курган, 2021. С. 290 – 300.

6. Криштафович В.И. Проблемы и перспективы развития товароведения // Товаровед продовольственных товаров. 2021. № 4. С. 246 – 253.

7. Николаева М.А., Евдокимова О.В., Иванова Т.Н. Актуальные проблемы подготовки и востребованности товароведов на рынке труда // Индустрия питания. 2020. Т. 5. № 1. С. 71 – 80.

8. Дунин-Барковский В.Н. За социалистическое товароведение // Фронт науки и техники. 1935. Вып. 9. С. 89 – 94.

9. Николаева М.А. Актуальные проблемы научного товароведения // Индустрия питания. 2017. № 3. С. 46 – 51.

10. Фёдоров М.П. Особенности политехнической модели высшего образования Мир измерений. 2009. № 3. С. 54 – 60.

11. Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб.: Семеновская Типо-Литография И.А. Ефрона, 1901. Т. XXXIII. С. 401.

12. Гагиева А.К. Роль Центросоюза СССР в формировании системы профессионального кооперативного образования (30-40-е гг. XX в.) // Вестник Российского университета кооперации. 2011. № 1 (6). С. 3 – 9.

13. Портал по трудоустройству Trud.com. URL: <https://russia.trud.com/salary /692/3764.html> (дата обращения: 19.07. 2021)

14. Заднепровская А.А. Современное состояние и перспективы специальности «Товароведение и экспертиза качества потребительских товаров»: товаровед новой формации // Образование и наука без границ: социально-гуманитарные науки. 2016. № 5. С. 210 – 212.

15. Интернет-торговля в России 2020. URL: https://datainsight.ru/ DI_eCommerce 2020 (дата обращения: 10.07. 2021)

16. Рахинский Д.В. Особенности прагматизации образования на современном этапе // Современное образование: инновации и перспективы. Материалы V Всеросс. науч.-практ. конф., посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Изд-во Университет РАО Красноярский филиал, Красноярск, 2015. С. 120 – 122.

References

1. Dinamika i struktura VVP Rossii. Byulleten' o tekushchih tendenciyah Rossijskoj ekonomiki. № 62. Iyun'. 2020. URL: ac.gov.ru/ publications/ (data obrashcheniya: 19.07. 2021)

2. Trud i zanyatost' v Rossii. 2019: Stat.sb. Rosstat. M., 2019. 135 s.

3. Rep'ev A. Marketingovoe myshlenie, ili Klientomaniya. M.: Eksmo. 2006. 384 s.

4. V «Pyaterochkah» i «Perekrestkah» ustanovyat elektronnyu zamenu tovarovedov i merchendajzerov.

URL: [https://www.cnews.ru/news/top/2017-11-29_v_pyaterochkah_i_perekrestkah_poyavyatsya_tsi \(data obrashcheniya: 08 .06. 2020\)](https://www.cnews.ru/news/top/2017-11-29_v_pyaterochkah_i_perekrestkah_poyavyatsya_tsi (data obrashcheniya: 08 .06. 2020))

5. Krotova I.V., Sapsaeva E.A., Savickaya E.V. Metodicheskie podhody k razrabotke professional'nogo standarta «Tovaroved neprodovol'stvennyh tovarov». Polihotomicheskie klassifikacii professional'nyh terminov v nauchnoj i uchebnoj literature. Materialy mezhtregion. tematich. sb. s mezhdunarod. uchastiem. Izd-vo Kurganskij gosudarstvennyj universitet. Kurgan, 2021. S. 290 – 300.

6. Krishtafovich V.I. Problemy i perspektivy razvitiya tovarovedeniya. Tovaroved prodovol'stvennyh tovarov. 2021. № 4. S. 246 – 253.

7. Nikolaeva M.A., Evdokimova O.V., Ivanova T.N. Aktual'nye problemy podgotovki i vostrebovaniya tovarovedov na rynke truda. Industriya pitaniya. 2020. Т. 5. № 1. S. 71 – 80.

8. Dunin-Barkovskij V.N. Za socialisticheskoe tovarovedenie. Front nauki i tekhniki. 1935. Vyp. 9. S. 89 – 94.

9. Nikolaeva M.A. Aktual'nye problemy nauchnogo tovarovedeniya. Industriya pitaniya. 2017. № 3. S. 46 – 51.

10. Fyodorov M.P. Osobennosti politekhnicheskoy modeli vysshego obrazovaniya Mir izmerenij. 2009. № 3. S. 54 – 60.

11. Enciklopedicheskij slovar'. Izd. F.A. Brokgauz, I.A. Efron. SPb.: Semenovskaya Tipo-Litografiya I.A. Efrona, 1901. Т. НКНKHIII. С. 401.

12. Gagieva A.K. Rol' Centrosoyuza SSSR v formirovanii sistemy professional'nogo kooperativnogo obrazovaniya (30-40-e gg. XX v.). Vestnik Rossijskogo universiteta kooperacii. 2011. № 1 (6). S. 3 – 9.

13. Portal po trudoustrojstvu Trud.com. URL: <https://russia.trud.com/salary /692/3764.html> (data obrashcheniya: 19.07. 2021)

14. Zadneprovskaya A.A. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy special'nosti «Tovarovedenie i ekspertiza kachestva potrebitel'skih tovarov»: tovaroved novoj formacii. Obrazovanie i nauka bez granic: social'no-gumanitarnye nauki. 2016. № 5. S. 210 – 212.

15. Internet-torgovlya v Rossii 2020. URL: https://datainsight.ru/ DI_eCommerce 2020 (data obrashcheniya: 10.07. 2021)

16. Rahinskij D.V. Osobennosti pragmatizacii obrazovaniya na sovremennom etape. Sovremennoe obrazovanie: innovacii i perspektivy. Materialy V Vseross. nauch.-prakt. konf., posvyashchennoj 70-letiyu Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne. Izd-vo Universitet RAO Krasnoyarskij filial, Krasnoyarsk, 2015. S. 120 – 122.

CONTENT OF HIGHER COMMODITY SCIENCE EDUCATION: FACTORS OF DEVELOPMENT AND WAYS OF RENEWAL

*Vasilyeva N.O., Candidate of Engineering Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Krasnoyarsk State Agrarian University*

Abstract: the article discusses the factors that determine the need and directions of qualitative renewal of the content of higher commercial education. They are described in the professional sphere. The course on «fundamentalization» is recognized as a priority, providing for the restoration of dialectical understanding of the essence of the category «goods», as the methodological basis for commodity practice and education. Negative moments were noted that inhibit the development of commodity science education: a professional standard for commodity science has not been developed; production, rather than merchandising, orientation of professional standards recommended for the development of an educational program in the field of 38.03.07 training; strategic planning documents do not include the issue of training of personnel for the sphere of commodity circulation; the purpose of commodity science, etc., is not formulated. It is believed that the recommendations of the scientific community of commodity teachers on the development of the field of knowledge of the same name are controversial, methodologically unsupported, and, therefore, do not provide prospects for higher commodity education. Some didactic techniques for designing the content of education are indicated, which implement the necessary changes at the level of explicit knowledge, content recorded in educational developments. Possible ways of application of commercial knowledge in other professional fields and forms of their incorporation into the corresponding educational standards and programs are determined.

Keywords: content of education, higher commodity education, development factors, ways of renewal

КВЕСТ В РАБОТЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ

*Ефимова Е.В., кандидат экономических наук, доцент,
Бабаян А.В., доктор педагогических наук, профессор,
Пятигорский государственный университет*

Аннотация: статья посвящена проблеме применения квеста в работе учреждения дополнительного образования детей, использованию данной интерактивной формы, позволяющей осуществлять постоянное взаимодействие участников. Обозначены этапы создания квеста: определение тематики, зависящей от его цели и задач; определение целевой аудитории; выбор места проведения; разработка заданий квеста, соответствующих его тематике, цели и задачам, целевой аудитории. Указывается, что каждый отдельный этап программы квеста должен соответствовать теме мероприятия, что будет способствовать созданию положительной атмосферы, позитивному настрою у детей. Авторы исходят из того, что использование квеста как интеллектуальной и развивающей игры, инновационной формы организации социально-культурной и просветительской деятельности в учреждении дополнительного образования детей может содействовать формированию активности, инициативности, силы воли, стремлению к успеху. Характеризуется опыт МБУДО «Центр детского туризма, экологии и творчества имени Р.Р. Лейцингера» (г. Пятигорск, Ставропольский край) по использованию в работе с детьми квестов: проведение экскурсионно-краеведческого квеста «По страницам истории Пятигорска», исторического квеста для школьников города «Я люблю Пятигорск!», посвященного 239-летию города и празднованию дня Ставропольского края; краеведческого квеста в рамках недели памяти Р.Р. Лейцингера.

Ключевые слова: квест, игра, интерактивность, учреждение дополнительного образования детей, социально-культурная деятельность

Важной чертой развития сферы образования и культуры в настоящее время стало появление социально-культурных технологий, направленных на стимулирование активной культурной деятельности людей. В целях совершенствования просветительской и социально-культурной деятельности учреждения дополнительного образования детей внедряют в свою работу интерактивные формы и технологии. Интерактивность характеризуется интенсивной коммуникацией, общением, обменом информацией. Применение интерактивных форм в работе учреждений дополнительного образования позволяет осуществлять постоянное взаимодействие участников. Интерактивные технологии обеспечивают наглядность, повышают внимание и интерес к экспозиции, создают положительный эмоциональный фон и вовлекают посетителя в действие. Разнообразные интерактивные технологии, преобразующие образовательные и социально-культурные площадки, обеспечивают обратную связь, возможность непосредственного взаимодействия посетителя с экспозицией. Применение интерактивных форм в процессе взаимодействия с посетителями стимулирует их активность, способствуют их погружению в воспитательно-образовательную среду учреждения.

Учреждения дополнительного образования детей в своей работе применяют различные интерактивные формы: интерактивные экскурсионные программы, квест-игры, мастер-классы, театрализованные экскурсии и др.

Квест относится к инновационной форме работы. С помощью квеста можно моделировать активность участников пространства, усиливать их

роль и т.д. Как показывает практика, квест представляет собой игру-головоломку, имеющую сюжет, требующую решения умственных и логических задач в определенный промежуток времени. Проведение квеста в учреждении дополнительного образования детей позволяет провести познавательное приключение, в ходе которого при помощи подсказок участники квеста добывают информацию.

Исследователь Л.Ю. Каштанова отмечает, что в квесте важным является «сюжетно-композиционное построение, особенности разработки конфликта и форм импровизации в ходе игровых действий» [2, с. 31-36]. В современной научной литературе есть мнение о том, что квест является распространенной формой игры. Методических рекомендаций по разработке и применению на практике квест-игр недостаточно. В словарно-справочной литературе квест обозначен жанром командных интеллектуально-подвижных игр, включающих элементы городского ориентирования [4, с. 134-135].

На основе научных трудов В.А. Лепаловского нами ранее была составлена методика создания квеста-игры, включающая взаимосвязанные этапы [1, с. 97]:

1. Определение тематики квеста как его визитной карточкой, вектора движения разработчика квеста. Тематика квеста зависит от его цели и задач.

2. Определение целевой аудитории, количества человек, их возраст. Этот этап позволяет определить сложность заданий квеста.

3. Выбор места проведения квеста, что зависит от цели, задач, того, на базе чего реализуется квест, какого рода задания по задумке автора будут включены в игру.

4. Разработка заданий квеста, соответствующих его тематике, цели и задачам, целевой аудитории.

Каждый отдельный этап программы квеста должен соответствовать выбранной теме мероприятия, это поможет создать положительную атмосферу, с самого начала создать у детей позитивный настрой. Часто необходимо наличие конкретных материально-технических ресурсов. Квест должен быть построен в соответствии с конкретным этапным порядком, на каждом этапе необходимо выполнить задание, на что отводится определенное количество времени. Выполнив все задания, игроки приходят к контрольной точке, где после решения итоговой задачи игра заканчивается.

Квест-игры относительно недавно стали включать в образовательные процессы. Квест – это игра приключенческого характера, специальным образом организованные виды исследовательской и игровой деятельности, где особым образом задействуются одновременно интеллектуальные, логические, творческие, физиологические и другие способности участников. В игре участникам предоставляется возможность проявить находчивость и смекалку, потренировать память и внимательность. «Живой» квест выполняет ряд образовательных и воспитательных функций, а его развлекательная, игровая форма способствует развитию у детей интереса и повышает их активность [6, с. 80-81]. Обязательное условие квеста – наличие заданий проблемного характера. Е.В. Харьковская, Е.С. Штанько, П.И. Ефремова выделяют по форме проведения несколько видов квестов: – веб-квесты (виртуальные), созданные в сети Интернет; – реал-квесты («живые» квесты), организуемые на природе, в классе, или музее [7, с. 197-202].

Использование квеста как инновационной формы организации социально-культурной и просветительской деятельности в учреждении дополнительного образования детей актуально в связи с тем, что квесты, представляя собой интеллектуальную и развивающую игру, способны содействовать формированию активности, инициативности, силы воли, решительности и спокойствию в различных обстоятельствах, стремление к успеху, т.е. содействуют решению социальных и психологических проблем личности [7, с. 202].

Практический интерес представляет опыт МБУДО «Центр детского туризма, экологии и творчества имени Р.Р. Лейцингера» (г.Пятигорск) по использованию в работе с детьми квестов.

Центр в 2021 г. организовал и приглашал учащихся 3-4 классов школ г. Пятигорска принять участие в экскурсионно-краеведческом квесте «По страницам истории Пятигорска». Квест состоялся в исторической части г. Пятигорска и включал в себя практические элементы краеведческой олимпиады «По страницам истории Пятигорска. Достопримечательности города, памятники истории, культуры и природы Пятигорска». Приняли участие в квесте 12 команд школьников, которые посетили такие исторические объекты города, как парк Цветник, грот Дианы, Нагорный парк, Академическую галерею, беседку Эолова арфа, Емануельевский парк, памятник генералу А.П. Ермолову. В рамках квеста были проведены дополнительные заочные конкурсы: конкурс исследовательских мини-проектов на тему «Летопись Пятигорска», конкурс рисунков на тему «Мой город самый лучший».

В сентябре 2019 г. специалисты МБУДО «Центра детского туризма, экологии и творчества имени Р.Р. Лейцингера» провели исторический квест для школьников города «Я люблю Пятигорск!», посвященный 239-летию города и празднованию дня Ставропольского края. В историческом квесте приняло участие около 150 школьников и студентов Пятигорска, 28 команд. Традиционно участники были поделены на две возрастные группы – старшую (учащиеся 8 – 11 классов) и младшую (учащиеся 5-7 классов). Старт дистанции располагался у одной из главных достопримечательностей города – у Места дуэли М.Ю.Лермонтова и пролегал по дороге вокруг горы Машук с выходом в центральную часть «Старого Пятигорска» с финишированием у памятника М.Ю. Лермонтову.

При организации квестов сотрудники Центра руководствуются методическими рекомендациями и специально составленными и утвержденными в Центре Положениями. Так, например, в соответствии с «Положением о проведении краеведческого квеста в рамках недели памяти Р.Р. Лейцингера», целями и задачами являются: пропаганда здорового образа жизни средствами туризма и краеведения; воспитание у школьников патриотизма, бережного отношения к историческому наследию своего города и региона КМВ; участие обучаемых Центра в мероприятиях, посвящённых памяти Р.Р. Лейцингера, основателя ученического туризма в России; организация коллективной деятельности воспитанников; формирование основ безопасности и культуры поведения в городе.

В начале данного мероприятия, в соответствии с Положением, у входа в парк Цветник каждая команда получила маршрутный лист, задание (легенды) и стоимость в баллах каждого правильно найденного объекта. Команда самостоятельно выбирала маршрут. Предлагалось 8 легенд, надо вы-

брать не менее 5 объектов, связанных с именем и деятельностью Р.Р. Лейцингера. Определив объект по легенде, команда посещала объект, делала фото команды на его фоне. Команды финишировали в Усадьбе Р.Р. Лейцингера (Центр, ул. Теплосерная, 52). На финише каждая команда могла получить дополнительные баллы, ответив на краеведческие вопросы. В содержании квеста предполагалась возможность использования экспозиции Музея истории туризма и альпинизма в России МБУДО «Центра детского туризма, экологии и творчества имени Р.Р. Лейцингера». На финише команды сдавали зачётную маршрутную карточку с выстроенным маршрутом, а также предоставляли фотоотчёт, по которому он выставляет баллы. Победители квеста награждались грамотами.

Анализ проведения данного квеста показал, что он ориентирован на максимальное вовлечение участников во взаимодействие с историко-культурным материалом посредством игры, творческого поиска и решения интеллектуальных задач.

Исследование показало, что в ходе участия в квесте человек раскрывает себя, позволяет себе быть самим собой, общается с новыми людьми и узнает много нового. Применение в практике учреждения дополнительного образования детей квеста способствует повышению интеллектуальной активности обучающихся, достигается эффективность их деятельности. Они включаются активно, с большим желанием в деятельность, у них происходит развитие навыков оригинального мышления, используют возможность нестандартно мыслить, способность быстро реагировать и принимать интересные решения. Использование интерактивных технологий в образовательном и социально-культурном пространстве оживляет само пространство, активизирует интерес участников, позволяют им проявлять большую свободу, ставят перед выбором, вызывая желание изучать и экспериментировать. Все это свидетельствует о целесообразности использования квестов в работе учреждений дополнительного образования детей.

Литература

1. Бабаян А.В., Еремина О.С., Аتماйкина В.О. Языковой квест как элемент социально-культурной деятельности в дополнительном образовании детей // Сибирский учитель. 2018. № 3 (118). С. 95 – 99.
2. Каштанова Л.Ю. Социально-педагогический потенциал интерактивности в музейно-выставочных пространствах / Актуальные про-

блемы социально-культурной деятельности; сост. В.А. Кавера, Е.В. Эртман. СПб.: НИЦАРТ, 2019. С. 31 – 36.

3. Макаров Д.В., Егунова О.В. Интерактивные технологии в работе современного музея и их влияние на культуру и образование // Власть. 2013. № 5. С. 56 – 58.

4. Шагалова Е.Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века. М.: Астрель, 2011.

5. Социально-культурная деятельность: теоретические и технологические основы: коллективная монография / под ред. Е.В. Ефимовой, А.В. Бабаян. Пятигорск: ПГУ, 2019. 199 с.

6. Социально-культурная деятельность: теория и практика проектирования: учебное пособие / под ред. Е.В. Ефимовой, А.В. Бабаян. Пятигорск: ПГУ, 2019. 136 с.

7. Харьковская Е.В., Штанько Е.С., Ефремова П.И. Квест-технология как способ активизации досуга молодежи в сельской социокультурной среде // Современные наукоемкие технологии. 2019. № 10. С. 197 – 202.

References

1. Babayan A.V., Eremina O.S., Atmajkina V.O. Yazykovoj kvest kak element social'no-kul'turnoj deyatel'nosti v dopolnitel'nom obrazovanii detej. Sibirskij uchitel'. 2018. № 3 (118). S. 95 – 99.
2. Kashtanova L.YU. Social'no-pedagogicheskij potencial interaktivnosti v muzejno-vystavochnyh prostranstvah. Aktual'nye problemy social'no-kul'turnoj deyatel'nosti; sost. V.A. Kavera, E.V. Ertman. SPb.: NICART, 2019. S. 31 – 36.
3. Makarov D.V., Egunova O.V. Interaktivnye tekhnologii v rabote sovremennogo muzeya i ih vliyanie na kul'turu i obrazovanie. Vlast'. 2013. № 5. S. 56 – 58.
4. SHagalova E.N. Samyj novejsij tolkovyj slovar' russkogo yazyka XXI veka. M.: Astrel', 2011.
5. Social'no-kul'turnaya deyatel'nost': teoreticheskie i tekhnologicheskie osnovy: kollektivnaya monografiya. pod red. E.V. Efimovoj, A.V. Babayan. Pyatigorsk: PGU, 2019. 199 s.
6. Social'no-kul'turnaya deyatel'nost': teoriya i praktika proektirovaniya: uchebnoe posobie. pod red. E.V. Efimovoj, A.V. Babayan. Pyatigorsk: PGU, 2019. 136 s.
7. Har'kovskaya E.V., SHtan'ko E.S., Efremova P.I. Kvest-tekhnologiya kak sposob aktivizacii dosuga molodezhi v sel'skoj sociokul'turnoj srede. Sovremennye naukoemkie tekhnologii. 2019. № 10. S. 197 – 202.

**QUEST IN THE WORK OF AN INSTITUTION OF
ADDITIONAL EDUCATION FOR CHILDREN**

*Efimova E.V., Candidate of Economic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Babayan A.V., Doctor of Pedagogic Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Pyatigorsk State University*

Abstract: the article is devoted to the problem of using the quest in the work of an institution of additional education for children, the use of this interactive form that allows for constant interaction of participants. The stages of creating a quest are outlined: determining the topic depending on its purpose and objectives; determining the target audience; choosing the venue; developing quest tasks that correspond to its theme, goals and objectives, and the target audience. It is indicated that each separate stage of the quest program should correspond to the theme of the event, which will contribute to the creation of a positive atmosphere, a positive attitude among children. The authors proceed from the fact that the use of the quest as an intellectual and developmental game, an innovative form of organizing socio-cultural and educational activities in the institution of additional education of children can contribute to the formation of activity, initiative, willpower, and the desire for success. The experience of Center for Children's Tourism, Ecology and Creativity named after R.R. Leitzinger (Pyatigorsk, Stavropol Territory) on the use of quests in working with children: conducting an excursion and local history quest "Through the pages of the history of Pyatigorsk", a historical quest for schoolchildren of the city "I love Pyatigorsk!", dedicated to the 239th anniversary of the city and the celebration of the day of the Stavropol Territory; a local history quest within the framework of the week of memory of R.R. Leitzinger is characterized.

Keywords: quest, game, interactivity, institution of additional education for children, socio-cultural activity

ЗНАЧИМОСТЬ СИТУАЦИЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГА

Даниленко Л.П., доцент,

Празукин Д.К., кандидат экономических наук,

Томский государственный архитектурно-строительный университет

Аннотация: *цель статьи:* цель статьи: раскрыть проблему изучения актуальной темы «Значимость ситуаций неопределенности в профессиональной деятельности» обусловленная тем, что ситуации неопределенности имеют важное значение в профессиональной деятельности педагога. Акцентируется внимание на проявление неопределённости и её влияния на всю жизнедеятельность человека, становление его мировоззрения. Ставится задача изучения данного феномена в образовании; каково влияние всё более явной неопределённости на становление сознания будущего педагога и как учитывать это влияние в процессе его профессиональной подготовки.

В статье отмечается, что неопределенность как особенность человеческого познания является основой для раскрытия новых возможностей.

Процедура и методы исследования: Методологию исследования составил системный подход к определению педагогического управления, который представляет собой вид управления образовательной организацией, реализуемый путем педагогической профессиональной деятельности по отношению к ученическому коллективу в целях качественного его изменения. Статья раскрывает содержание понятия неопределенности; приведен анализ проблемы учёта фактора неопределённости в процессе профессиональной подготовки учителя и анализ выявленного уровня понимания данной проблемы студентами педагогического вуза. В проведённом пилотном исследовании в аспекте данной проблемы была поставлена цель выявить степень влияния фактора неопределённости на формирующееся мировоззрение студентов. Уделено внимание причинам возникновения неопределенности. Подчеркивается тот факт, что неопределенность влияет на когнитивные способности, восприятие, аффективное состояние и поведение людей.

Практическая значимость: Практическая значимость данной работы заключается в выработке эффективных стратегий преодоления ситуаций, связанных с неопределенностью. Следовательно, для системы образования определяется задача учить жить человека в условиях неопределённости, быть толерантным к неопределённости, уметь самостоятельно принимать осознанные и ответственные решения в ситуациях неопределённости, проявлять разумную активность и креативность.

Ключевые слова: условия неопределенности, психологическое проектирование, профессиональная деятельность педагога, индивидуальный стиль саморегуляции, рефлексивность, толерантность к неопределенности

Введение

Современная система образования находится в периоде непрерывных изменений, Такая динамика сопряжена с наличием в образовательной среде разнообразных ситуаций неопределенности. Представляется вполне естественным, что вся жизнь, равно как и сфера профессиональной деятельности педагогического работника проистекает на фоне динамики условий жизни, обстоятельств и определенных событий. Однако в качестве основной проблемы в данной сфере выступают весьма завышенные ожидания, равно как и излишняя степень субъективной определенности, превосходящая объективную предсказуемость. Но несмотря на это, сравнительно новые компетенции и роли педагогического работника как мастера в рамках школы неопределенности достаточно перспективны, так как педагог будет являться своеобразным навигатором в мире образования и науки [1, с. 15].

На этом фоне особой актуальностью отличаются вопросы, которые непосредственно связаны с разработкой стратегий, которые направлены на нивелирование ситуаций, тесно связанных с неопределенностью и ее последствиями.

Не секрет, что профессиональная деятельность педагога высшей школы отличается высокой

сложностью, причем это характерно как для формы, так и для содержания данной деятельности. Однако именно данный момент предопределяет тот факт, что процесс становления профессиональной деятельности педагога вполне закономерно является достаточно длительным.

Профессиональная деятельность педагога реализуется посредством функций, выполняемых им. Перечислим и рассмотрим указанные функции более детально.

1. **Воспитательная функция.** Полагаем, что именно данная функция по праву является одной из основных функций, а также более постоянной и охватывает большое количество людей, в частности, обучающихся лиц, воспитанием которых занимается педагог.

2. **Обучающая функция.** В качестве раздела учебного процесса, обучение отнесено к сфере профессиональной педагогической деятельности, однако стоит учитывать тот факт, что заниматься систематическим обучением может только такое лицо, которое имеет достаточный уровень профессиональной подготовки. Одновременно с этим, обучение, кроме прочего, также является воспитательным средством.

3. Коммуникативная функция. Любая педагогическая деятельность связана с общением, ведь именно в процессе общения происходит обучение учащихся, а также их воспитание. Как следствие, рассматриваемую функцию вполне можно отнести к функциям, входящим в число профессионально-педагогических функций. Стоит отметить, что данная функция обладает определенной значимостью, так как проблема важности и взаимосвязи общения и педагогики подтверждается в научной и педагогической литературе.

4. Организаторская функция. Представляется, что любой педагог будет иметь дело с совершенно различными группами учеников, а также взаимодействовать с коллегами, другими работниками, общественностью. В связи с этим, ему необходимо на практике согласовывать различные действия и определить место каждого субъекта в тех или иных правоотношениях.

5. Коррекционная функция и ее наличие в целом во многом обусловлено тем, что деятельность педагога направлена на проведение диагностики, а также на мониторинг учебно-воспитательного процесса, на анализ и оценку результатов данной деятельности, в том числе, результатов промежуточного характера. Однако не всегда полученные результаты будут соответствовать ожиданиям в связи с чем, педагог должен корректировать как свои действия в рамках педагогической деятельности, так и действия подопечных лиц. Стоит отметить, что если педагог не будет осуществлять деятельность подобного рода, то весьма затруднительно будет предсказать результаты учебного процесса, что явно говорит о том, что данная функция вполне заслуженно является профессиональной функцией педагога [13].

Методологические исследования

Теперь обратимся к обстоятельствам неопределенности.

Неопределенность как отсутствие или неполнота информации о чём-либо проявляется в различных сферах человеческой деятельности. В настоящее время в связи с ускорением развития многих направлений научного знания, цифровизацией и других инновационных преобразований растёт проявление неопределенности и её влияния на всю жизнедеятельность человека, становление его мировоззрения [4]. Учитывать этот фактор необходимо и в процессе педагогического образования, помня, что мироощущение педагога, система его ценностных установок оказывают сильное влияние на обучающихся. Отсюда можно сформулировать проблему изучения данного феномена в образовании: каково влияние всё осознаннее оседающей неопределенности на становление сознания будущего педагога и как учитывать это влияние в про-

цессе его профессиональной подготовки. В проведённом пилотном исследовании в аспекте данной проблемы была поставлена цель выявить степень влияния фактора неопределенности на формирующееся мировоззрение студентов, обучающихся на педагогическом и психолого-педагогическом направлениях и обозначить возможные пути формирования готовности к осуществлению педагогической деятельности в условиях выраженной неопределенности в процессе профессиональной подготовки. Неопределенность как особенность человеческого познания является основой для раскрытия новых возможностей [10, с. 141]. В одной статье не представляется возможным раскрыть все аспекты заявленной проблемы и пути её решения, но в данном случае ставилась задача постановки проблемы учёта фактора неопределенности в процессе профессиональной подготовки педагога и анализ выявленного уровня понимания данной проблемы студентами педагогического вуза [12].

В. Гейзенберг и Э. Шредингер сформулировали принцип неопределенности для естественных наук. Существует предположение, что неопределенность является фундаментальным свойством природы и заложена в самой природе человека. В дальнейшем этот принцип был перенесён в гуманитарную область, в которой точно предопределить возможный результат достаточно сложно. В научных работах неопределенность понимается как категория, которая отражает отсутствие любой (материальной или идеальной) упорядоченности.

Неопределенность является атрибутивным источником риска, т.к. разрешается путём поиска альтернативных решений, результат которых слабо предсказуем по своим последствиям [9, с. 52].

На проявление неопределенности в социальных явлениях, по мнению исследователей, влияет:

- наличие зависимости от таких событий, которые предвидеть с полной определенностью едва ли представляется возможным;
- наличие или отсутствие потенциальных альтернатив;
- степень сложности, а также относительность измерения и анализа;
- отсутствие заданных параметров для принятия решения и для выбора действия;
- риск того, что в конце не получится достичь успеха [8, с. 9; 14].

Состояние неопределенности своеобразно влияет на развитие общества, в формировании которого немалую роль играет образование. Известно, что в рамках ситуации неизвестности почти любому индивиду будет испытывать чувство страха и стресс. Как указывал Г. Хофстеде, состояние неопределенности не только порождает повышенный стресс, но и повышает агрессивность людей,

высвобождает негативную энергию. В связи с этим, им была разработана матрица, необходимая для измерения в культурах уровня избегания неопределённости. Так, Г. Хофстеде выявил, что в обществе с высоким уровнем избегания состояния неопределённости, формируются самые подробные законы, а также ряд неформальных правил, которые направлены на регулирование поведения людей в той или иной ситуации. В свою очередь, в культурах с низким уровнем избегания неопределённости люди обладают высокой склонностью к риску и в неизвестной ситуации они не так часто подвержены сильному стрессу. Как следствие, в таком обществе правила устанавливаются лишь в случаях, когда в этом возникает крайняя необходимость. Стоит отметить, что в культурах с разным уровнем избегания неопределённости, как было установлено в рамках анализа данного феномена, наблюдаются различные установки, в части поведения учеников и учителей. Так, в культурах с высоким уровнем избегания неопределённости студенты и ученики видят в своих педагогах носителей безусловной истины, способных дать ответ абсолютно на любой вопрос. В свою очередь, в культурах с низким уровнем избегания неопределённости ученик достаточно часто не соглашается с преподавателем, может отстаивать свою точку зрения, что считается признаком критического мышления и чаще поощряется. Следовательно, для системы образования определяется задача учить жить человека в условиях неопределённости, быть толерантным к неопределённости, уметь самостоятельно принимать осознанные и ответственные решения в ситуациях неопределённости, а также проявлять креативность и разумную активность, формировать людей, для которых характерен низкий уровень избегания неопределённости. Стоит отметить, что активные действия в ситуациях неопределённости, а также позитивный опыт преодоления данной ситуации суще-

ственно повышают устойчивость к сложным ситуациям жизни [7, с. 93].

Современное образование приобретает всё более всеобщий характер, что делает его более неопределённым [14]. Результат образования всё сложнее предопределить и гарантировать. Принцип неопределённости может быть применен практически ко всем составляющим образования:

- неопределённость образа обучающегося, воспитанника, меняющегося от поколения к поколению;
- неопределённость цели (самоопределяющаяся личность, самоорганизующийся и саморазвивающийся коллектив и т.п.);
- неопределённость содержания;
- неопределённость информационного воздействия на субъектов образовательного взаимодействия;
- неопределённость педагогического общения, неопределённость педагогического оценивания и педагогических конфликтов;
- неопределённость результативности современных образовательных технологий и т.д. [2, с. 457].

Неопределённость в образовании усиливается в условиях постоянных инновационных процессов, цифровизации. Образование всё больше превращается в «конструкцию смыслов осознанного понимания будущего» [5, с. 17].

Неопределённость возникает, когда детали обстоятельств неоднозначны, запутанны, непредсказуемы или вероятностны; когда человек находит информацию или знания недоступными, противоречивыми или нестабильными. Люди также воспринимают неопределённость, оценивая вероятность того или иного события. Испытываемая неопределённость наиболее высока, когда вероятность события считается равной половине или когда все варианты выглядят одинаково возможными, если существует несколько альтернатив.

Таблица 1

Пример избегания неопределённости на занятиях

Избегание слабой неопределённости	Избегание сильной неопределённости
Студенты – активные участники.	Студенты – пассивные получатели
Учителя ожидают взаимодействия.	Учителя не ждут взаимодействия.
Студенты хотят говорить.	Студенты не хотят говорить.
Учителя ждут вопросов.	Учителя не ждут, что их спрашивают.
Возникают риски.	Рисков можно избежать.
Творчество ценится.	Ценится точность.

Неопределенность влияет на когнитивные способности, восприятие, аффективное состояние и поведение людей [15]. Неопределенность может затруднить решение проблем или принятие решений; может привести к предполагаемой неспособности предвидеть и контролировать свое будущее; может противостоять стремлению к значению.

Неопределенность часто описывается как вызывающее тревогу когнитивное состояние, которым можно управлять с помощью поведения, направленного на поиск информации. Ван Санктум Босет описал неопределенность как неприятное и тревожное переживание. Однако некоторые исследования подчеркивают неотъемлемость и значимость неопределенности в жизни, иллюстрируя ее как «естественный ритм жизни или фундаментальную характеристику сложных систем» [3, с. 19].

Острота проблемы неопределенности возрастает в период юности и ранней взрослости, в период активного личностного и профессионального самоопределения и самореализации. В педагогическом образовании это имеет двойное значение, т.к. в процессе подготовки педагога надо способствовать формированию у него готовности к личност-

ной и профессиональной жизнедеятельности в условиях неопределённости и к тому, что он должен понимать и уметь как учить своих воспитанников существовать в мире постоянно возрастающей неопределённости [1]. Задачи обучения, в основе которого лежит принцип неопределенности, – это обучение творчеству, воспитание весьма самостоятельной личности, которая не только умеет принимать решения, но и может нести ответственность за их принятие, обладает навыками критического мышления, а также вести дискуссии и споры. Это – «критическое обучение свободного человека, способного жить в ситуации неопределенности». Неопределённости, нестабильность выступают факторами развития самостоятельного мышления, стимуляторами самообразования и формирования собственной системы взглядов и убеждений путём поиска новых знаний и аргументов. Потребность в приобретении новых знаний возникает именно тогда, когда выясняется, что проблему надо решать, а необходимых знаний и умений недостаточно [6, с. 95].

Выделим качества, необходимые для успешного преодоления неопределенности.

Таблица 2

Качества, необходимые для успешного преодоления неопределенности

Уровень образованности	разносторонне образованный, эрудиция, всестороннее развитие, разносторонность взглядов
Волевые качества	целеустремленность, решительность, сила воли, стойкость, смелость, упорство, настойчивость, уверенность в себе, самоуверенность, отвага, твердость, самоорганизованность, дисциплинированность
Личностные качества	оптимизм, рациональность, ответственность, внутренний стержень, принципиальность, эмоциональная пластичность, адаптивность, заинтересованность, трудолюбие, спонтанность, уравновешенность, здравомыслие, смекалка, самооценка, любознательность, адекватность, толерантность, устойчивый взгляд на жизнь, понимание себя, своих потребностей; нацеленность на результат
Наличие умений и навыков	умение находить выход в любой ситуации, делать правильные выводы, готовность к риску; умение постоянно совершенствоваться, принимать решения, правильно расставлять приоритеты, слушать и слышать, умение не поддаваться чужому мнению
Свойства и характер мышления	быстрота и гибкость мышления, критичность мышления, умение думать, креативность

«От вполне обоснованной догадки человека к гипотезе, а затем к теории, именно таков путь познания, ведущий от незнания к знанию, а от неопределенности к истине, в том числе, путем разума, чувств, критического мышления и воображения. Для тех лиц, которые этими способностями обладают, относительная неопределенность является вполне нормальной вещью, так как она вызывает активизацию жизни и способностей человека.

Определенность может быть либо унылой, либо мертвой», – считал Э. Фромм. Создавать подобные проблемные, неопределённые ситуации может подготовленный к этому педагог. Какими качествами ему необходимо обладать:

- определённой свободой взглядов и суждений, поведения и личностного самовыражения, независимой позицией;
- пониманием развивающихся возможностей ис-

пользуемых методов и технологий, готовящих к функционированию в условиях неопределённости;

- пониманием, что любой завышенный контроль убивает развитие;

- готовностью к риску, которая подразумевает способность педагога максимально эффективно осуществлять текущую деятельность в условиях сложной жизненной ситуации с неопределённым исходом.

Педагоги, готовые к риску, обладают высоким уровнем самоконтроля; верой в свои возможности; с внутренним локусом контроля, которые умеют использовать информацию в неопределённой ситуации; с высокими показателями социальной адаптации, установкой на успешность. Такой педагог более восприимчив к инновационной деятельности, к творчеству.

Представленная характеристика педагога, готового работать в условиях неопределённости и готовящего к этому своих воспитанников, является, по сути, программой подготовки педагога в процессе профессионального образования к работе в условиях неопределённости. Понятно, что начинать такую подготовку надо не в вузе, а с самого детства, потому что формирование личностных качеств человека требует целенаправленных усилий, длительности во времени. Однако профессиональная ориентация будущих педагогов осуществляется в процессе обучения в педагогических образовательных учреждениях: колледжах и вузах. «Университет – будь он для химиков, физиков, математиков, юристов – учит всегда многомерности жизни и творчества, терпимости к непонятному и попытке постигнуть бескрайнее и разнообразное» (Д.С. Лихачёв) [11].

В большой мере этому способствует специально ориентированная система профессионального воспитания и современные образовательные технологии с акцентом использования технологии решения исследовательских задач (ТРИЗ), технологии формирования критического мышления, проектной технологии, кейс-технологии. Так кейс – стадии предназначено для получения знаний по дисциплинам, истина в которых плюралистична, т.е. нет однозначного ответа на поставленный вопрос, а есть несколько ответов, разной степени убедительности. Собственно, все интерактивные технологии работают в подобном проблемном поле, а «неопределённость, как известно, является неотъемлемым свойством проблемной ситуации, связанной с принятием решения». Выделим качества, необходимые для успешного преодоления неопределённости.

Очевидно, что на современном этапе развития люди достаточно часто оказываются в ситуации неопределённости, однако это не снижает предъ-

являемые к ним требования в части активности и самостоятельности. Полагаем, что в таких ситуациях знания относительно процесса саморегуляции являются для практической деятельности педагога объективной необходимостью. Это обуславливает то, что в рамках психологического проектирования педагог должен мобилизовать и координировать свои личностные ресурсы для достижения целей учебного процесса и целей своей активности.

Заключение

Результатом анализа является утверждение, что проблема неопределённости всё шире становится предметом исследования в философии, психологии, педагогике. Под влиянием проводимых исследований постепенно меняются взгляды на цели и задачи воспитания и обучения на всех образовательных уровнях в сторону учёта фактора неопределённости. Всё это даёт основание утверждать, что в процессе профессионального обучения необходимо ставить цель и решать задачи формирования готовности подрастающего поколения и молодёжи к личностной и профессиональной жизнедеятельности в условиях неопределённости. Будущих педагогов в процессе профессиональной подготовки необходимо ориентировать на формирование такой готовности у обучаемых на всех уровнях образования.

Литература

1. Баева И.А. Психологическая безопасность образовательной среды как ресурс психического здоровья субъектов образования // Психологическая наука и образование. 2012. № 4. С. 11 – 17.
2. Белорусова Е.А. Ситуация неопределённости как источник развития личности // Молодой учёный. 2018. № 50 (236). С. 455 – 459. URL: <https://moluch.ru/archive/236/54669/> (дата обращения: 03.06.2021)
3. Борисова Т.С. Ситуации социальной неопределённости – негатив или позитив в современном жизненном пространстве молодёжи? // Научно-практическая интернет-конференция с международным участием «Воспитание в условиях неопределённости». Москва, 2018. С. 16 – 22. <http://ippdrao.ru/wp-content/uploads/7783-vospitanie-v-usloviyah-neopredelennosti.pdf> (дата обращения: 15.04.2021)
4. Вайндорф-Сысоева М.Е. Педагогика: Краткий курс лекций. М.: Юрайт, 2013. 197 с.
5. Зинченко В.П. Толерантность к неопределённости: новость, или психологическая традиция? // Вопросы психологии. 2007. № 6. С. 3 – 20. URL: <https://www.hse.ru/data/686/941/1224/зин3.pdf> (дата обращения: 02.02.2021)

6. Корнилова Т.В. Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностной регуляции решений и выборов // Психологический журнал. 2013. № 34 (3). С. 89 – 100.

7. Корнилова Т.В., Чумакова М.А. Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера // Экспериментальная психология. 2014. Т. 7. № 1. С. 92 – 110.

8. Кригер Е.Э. Типы ситуаций неопределенности в профессиональной деятельности педагога // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2014. № 1 (142). С. 9 – 12. <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-12019/> (дата обращения: 03.05.2021)

9. Леонтьев Д.А. Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. С. 40 – 54. <http://psystudy.ru/num/2015v8n40/1110-leontiev40.htm> (дата обращения: 12.05.2021)

10. Михина М.В. Неопределенность: основные характеристики и определение // Международный научный журнал инновационная наука. 2018. № 5-2. С. 140 – 143.

11. Станченко Е.Н. Профессиональная деятельность педагога в школе // Актуальные задачи педагогики: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Чита, апрель 2014 г.). Чита: Изд-во Молодой ученый, 2014. С. 147 – 150. <https://moluch.ru/conf/ped/archive/102/5461/> (дата обращения: 21.05.2021)

12. Фролов Ю.В., Вайнер М.Э. Социально-профессиональная адаптация молодых педагогов в образовательных учреждениях: монография. М.: Московский городской педагогический университет. 2013. 168 с.

13. Шабанова Т.Л. Тревожность педагога и способы её регуляции: монография. Саратов: Вузовское образование, 2014. 77 с. <https://search.rsl.ru/ru/record/01004408410> (дата обращения: 10.03.2021)

14. Julian Pigott. Uncertainty Avoidance in a Japanese Junior High School // The University of Birmingham MA Applied Linguistics Module 5: Language Teaching Methodology 30th July 2007. <https://www.birmingham.ac.uk/Documents/college-art-slaw/cels/essays/languageteaching/LTMUncertaintyAvoidance> (дата обращения: 11.03.2021)

15. Mishel M.H. Uncertainty is a natural rhythm to life. <https://medium.com/uncertainty-management-for-entrepreneurs/03-literacy-review-a6b7e863627f> (дата обращения: 11.03.2021)

References

1. Baeva I.A. Psihologicheskaya bezopasnost' obrazovatel'noj sredy kak resurs psihicheskogo zdorov'ya sub"ektov obrazovaniya. Psihologicheskaya nauka i obrazovanie. 2012. № 4. С. 11 – 17.

2. Belorusova E.A. Situaciya neopredelennosti kak istochnik razvitiya lichnosti. Molodoj uchenyj. 2018. № 50 (236). С. 455 – 459. URL: <https://moluch.ru/archive/236/54669/> (data obrashcheniya: 03.06.2021)

3. Borisova T.S. Situacii social'noj neopredelennosti – negativ ili pozitiv v sovremennom zhiznennom prostranstve molodezhi? Nauchno-prakticheskaya internet-konferenciya s mezhdunarodnym uchastiem «Vospitanie v usloviyah neopredelennosti». Moskva, 2018. С. 16 – 22. <http://ippdrao.ru/wp-content/uploads/7783-vospitanie-v-usloviyah-neopredelennosti.pdf> (data obrashcheniya: 15.04.2021)

4. Vajndorf-Sysoeva M.E. Pedagogika: Kratkij kurs lekcij. M.: YUrajt, 2013. 197 с.

5. Zinchenko V.P. Tolerantnost' k neopredelennosti: novost', ili psihologicheskaya tradiciya? Voprosy psihologii. 2007. № 6. С. 3 – 20. URL: <https://www.hse.ru/data/686/941/1224/zin3.pdf> (data obrashcheniya: 02.02.2021)

6. Kornilova T.V. Psihologiya neopredelennosti: edinstvo intellektual'no-lichnostnoj regulyacii reshenij i vyborov // Psihologicheskij zhurnal. 2013. № 34 (3). С. 89 – 100.

7. Kornilova T.V., Chumakova M.A. Shkaly tolerantnosti i intolerantnosti k neopredelennosti v modifikacii oprosnika S. Badnera. Eksperimental'naya psihologiya. 2014. Т. 7. № 1. С. 92 – 110.

8. Kriger E.E. Tipy situacij neopredelennosti v professional'noj deyatel'nosti pedagoga. Vestnik TGPU (TSPU Bulletin). 2014. № 1 (142). С. 9 – 12. <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-12019/> (data obrashcheniya: 03.05.2021)

9. Leont'ev D.A. Vyzov neopredelennosti kak central'naya problema psihologii lichnosti. Psihologicheskie issledovaniya. 2015. Т. 8. № 40. С. 40 – 54. <http://psystudy.ru/num/2015v8n40/1110-leontiev40.htm> (data obrashcheniya: 12.05.2021)

10. Mihina M.V. Neopredelennost': osnovnye harakteristiki i opredelenie. Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal innovacionnaya nauka. 2018. № 5-2. С. 140 – 143.

11. Stanchenko E.N. Professional'naya deyatel'nost' pedagoga v shkole. Aktual'nye zadachi pedagogiki: materialy V Mezhdunar. nauch. konf. (g. CHita, aprel' 2014 g.). CHita: Izd-vo Molodoj uchenyj, 2014. С. 147 – 150. <https://moluch.ru/conf/ped/archive/102/5461/> (data obrashcheniya: 21.05.2021)

12. Frolov YU.V., Vajner M.E. Social'no-professional'naya adaptaciya molodyh pedagogov v obrazovatel'nyh uchrezhdeniyah: monografiya. M.: Moskovskij gorodskoj pedagogicheskij universitet. 2013. 168 c.

13. SHabanova T.L. Trevozhnost' pedagoga i sposoby eyo regulyacii: monografiya. Saratov: Vuzovskoe obrazovanie, 2014. 77 c. <https://search.rsl.ru/ru/record/01004408410> (data obrashcheniya: 10.03.2021)

14. Julian Pigott. Uncertainty Avoidance in a Japanese Junior High School. The University of Birmingham

MA Applied Linguistics Module 5: Language Teaching Methodology 30th July 2007. <https://www.birmingham.ac.uk/Documents/college-art-slaw/cels/essays/languageteaching/LTMUncertaintyAvoidance> (data obrashcheniya: 11.03.2021)

15. Mishel M.H. Uncertainty is a natural rhythm to life. <https://medium.com/uncertainty-management-for-entrepreneurs/03-literacy-review-a6b7e863627f> (data obrashcheniya: 11.03.2021)

SIGNIFICANCE OF SITUATIONS OF UNCERTAINTY IN THE PROFESSIONAL ACTIVITY OF THE TEACHER

*Danilenko L.P., Associate Professor,
Prazukin D.K., Candidate of Economic Sciences (Ph.D.),
Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering*

Abstract: *aim of the article:* the aim of the article is to reveal the problem of studying the current topic "The significance of situations of uncertainty in professional activity" due to the fact that situations of uncertainty are important in the professional activity of a teacher. Attention is focused on the phenomenon of uncertainty and its impact on the entire life of a person, the formation of his worldview. The task is to study this phenomenon in education; what is the influence of increasingly obvious uncertainty on the formation of the future teacher's consciousness and how to take this influence into account in the process of his professional training. The article notes that uncertainty as a feature of human cognition is the basis for the disclosure of new opportunities.

Research procedure and methods: The methodology of the study was a systematic approach to the definition of pedagogical management, which is a type of management of an educational organization realized through pedagogical professional activity in relation to the student team in order to change it qualitatively. The article reveals the content of the concept of uncertainty. The analysis of the problem of uncertainty factor in the process of teacher training and the analysis of the revealed level of understanding of this problem by students of a pedagogical university is given. In the pilot study of this problem, the goal was to identify the degree of influence of the uncertainty factor on the emerging worldview of students. Attention is paid to the reasons for the emergence of uncertainty. The fact that uncertainty affects people's cognitive abilities, perception, affective state, and behavior is emphasized.

Practical significance: The practical significance of this work lies in the development of effective strategies for overcoming situations associated with uncertainty. Therefore the task of teaching a person to live in conditions of uncertainty, to be tolerant to uncertainty, to be able to make conscious and responsible decisions in situations of uncertainty independently, to show reasonable activity and creativity is defined for the education system.

Keywords: teacher, higher school, conditions of uncertainty, psychological design, professional activity of a teacher, individual style of self-regulation, reflexivity, tolerance to uncertainty

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

СООТНОШЕНИЯ ВЕРБАЛЬНЫХ И ВИЗУАЛЬНЫХ СРЕДСТВ ВОЗДЕЙСТВИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ

Вишнягова Е.П.,

*Король Е.В., кандидат филологических наук, доцент,
Сургутский государственный университет*

Аннотация: в статье рассматриваются речевые стратегии воздействия в текстах англоязычной социальной рекламы, проводится анализ эффекта воздействия при сочетании вербальных и визуальных средств. В современном мире социальная реклама играет важную воздействующую роль, освещая проблемы, связанные с экологией, войнами, межличностными отношениями и другими остро стоящими проблемами; информация представленная в сжатой, экспрессивно-художественной форме, используется как инструмент вовлечения индивидуума в социальные процессы. Именно поэтому стратегии создания социальной рекламы представляют интерес для отдельного рассмотрения. Целью работы было определить речевые стратегии, используемые в текстах рекламы и меру их воздействия в соотношении вербального и визуального контента. Научная новизна заключается в исследовании речевых стратегий в социальной рекламе с психолингвистическим обоснованием связи вербальных и визуальных средств воздействия, а также, в определении частотных видов речевых стратегий, применяемых в социальной рекламе. На основе применения когнитивно-семантического, компонентного и стилистического анализа авторы работы пришли к выводам, что структурирование социальной рекламы имеет свои особенности и, что тесная связь текстов и видео контента рекламы усиливает эмоциональный эффект воздействия. Детальное исследование с психолингвистическим обоснованием рекламообразующих средств воздействия дало возможность определить частотные виды стратегий, применяемых в англоязычной социальной рекламе и проанализировать средства усиления воздействия рекламы на социум.

Ключевые слова: социальная реклама; вербальные средства воздействия; визуальные средства воздействия; речевые стратегии; манипуляция; провокация; ирония

Введение

«Реклама – двигатель торговли!», – провозгласил предприниматель Людвиг Метцель еще в 1878, основав в России первое рекламное агентство. С тех пор развитие рекламы двигалось по экспоненте, привлекая внимание к продуктам, меняя отношение к жизни, ценностям, культуре, проникая во все новые сферы человеческой деятельности. Рекламные изображения, тексты, видеоролики, не только окружают нас, но, по сути, современный человек живет в мире, управляемом рекламными текстами, которые проникают не только во все ниши жизнедеятельности, но и в наше сознание.

Глобализация мирового сообщества, быстрый рост населения, создают немало крупных и мелких вопросов и проблем социально-общественного характера, что привело к значительному возрастанию роли социальной рекламы в современном мире. Именно поэтому социальную рекламу можно встретить сегодня во всех сферах жизни современного человека.

Интерес лингвистов, социологов и психологов к данному типу рекламы обусловлен не только множеством социальных и общественных проблем, возникших в 20 веке и влияющих на качество нашей жизни сегодня, но и различиями в функциональном аспекте коммерческой и социальной типов реклам. Вопрос в том, чтобы понять, какие элементы воздействия необходимы, как пра-

вильно создать текст, предназначенный не для единичного привлечения клиента (увидел – купил товар), а для более долгосрочного и глубокого воздействия на адресную категорию; формирования не только отношения к действительности, но и мировоззрения, гражданской позиции и даже к действиям по преобразованию окружающего мира.

Литературный обзор

Прежде чем приступить к анализу содержания англоязычной социальной рекламы, необходимо отметить, что отличительными ее чертами являются краткость, ёмкость и сила воздействия. Эти черты направлены на достижение главной цели социальной рекламы – побудить общество к решению существующих проблем. Г.Г. Николайшвили определяет миссию социальной рекламы как изменение поведенческих моделей в обществе [5, с. 9]. О. Савельева даёт следующее определение социальной рекламы, которое акцентируется на функциональном аспекте: «это реклама, направленная на распространение полезных, с точки зрения общества, социальных норм, ценностей, моделей поведения, знаний, содействующих совместному существованию в рамках этого общества» [6, с. 18].

Исходя из представленной целевой установки, становится понятно, что важную роль в формировании и организации текстовых отрезков в рамках рекламы играют речевые стратегии, которые позволяют выстроить вербальный компонент таким

образом, чтобы слова или фразы имели наиболее эффективное воздействие на сознание реципиента, вызывали у него эмотивный отклик и направляли его действия. Именно поэтому, правильный подбор речевой стратегии являются залогом успеха текстов этого типа рекламы. В связи с этим вопрос исследования речевых стратегий и соотносящихся с ними параметров воздействия в социальной рекламе становится актуальным для лингвистического исследования. Изучению различных аспектов речевого воздействия посвящено множество научных трудов как отечественных, так и зарубежных специалистов в области коммуникативной лингвистики, таких как О.С. Иссерс, И.А. Стернина, Т. ван Дейка, и многих других.

С позиций прагмалингвистического подхода исследователи определяют стратегию как «совокупность речевых действий» [7, с. 58], или как «цепочку решений говорящего, его выборов определенных коммуникативных действий и языковых средств» [4, с. 192]. О.Я. Гойхман и Т.М. Надеина в своей работе "Речевая коммуникация" речевой стратегией называют «осознание ситуации в целом, определение направления развития и организация воздействия в интересах достижения цели общения» [1, с. 208].

О.С. Иссерс определяет речевую стратегию как план комплексного речевого воздействия, которое осуществляет говорящий для воздействия на партнера, особый способ речевого поведения, совокупность речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи говорящего [2]. Исходя из этого определения, следует отметить, что речевые стратегии неразрывно связаны с речевой ситуацией и коммуникативным актом. Автор также выделяет модель коммуникативного акта, включающую в себя адресанта (источника сообщения), получателя (адресата), собственно сообщение с языковым кодом, канал связи (посредник), обратную связь, коммуникативный контекст, помехи (шумы). Каждая из этих составляющих модели могут обладать воздействующим потенциалом и может использоваться для решения тактических и стратегических задач передачи сообщения, намерения и воздействия или отклика в определенных ситуативных условиях.

Анализируя речевые стратегии в построении русскоязычного рекламного дискурса, В.И. Карасик предлагает свою классификацию, где к основным стратегиям речевого воздействия относит манипуляцию, провокацию, иронию и ложь. Он также отмечает, что сообщение, которое содержит ту или иную речевую стратегию, передает метафорически переосмысленный чужой опыт, нередко вымышленный, с целью внушить необходимую мысль адресату.

Иссерс О.С. подойдя к рассмотрению рекламы с разных аспектов, разработала широкую и сложную классификацию речевых стратегий воздействия рекламного контента, которая распространяется на рекламный текст в целом. Такой подход требует более масштабного и углубленного анализа исследуемого материала. В связи с этим, в рамках представляемого анализа англоязычного текста социальной рекламы, мы ограничимся четырьмя стратегиями, которые выделяет В.И. Карасик.

Материалы и методы

В ходе исследования ставились следующие задачи: выделить корпус текстовых отрезков социальной рекламы; проанализировать теоретические взгляды на характеристики и формообразующие стратегии рекламного текста, определить особенности социальной рекламы; провести анализ лингвистических и экстралингвистических средств формирования текстов англоязычной социальной рекламы и определить воздействующий эффект.

Материалом проведенного исследования послужили 130 фрагментов текстов англоязычной социальной рекламы. Методологической базой исследования послужили научные труды Иссерс О.С., Карасика В.И., Николайшвили Г.Г. и др.

Для анализа текстового контента большей частью обращались к семантическому анализу лингвистических единиц и их ассоциативно-смысловому наполнению, что предполагает когнитивное осмысление текста. Стилистический анализ предполагал определение тропов или образных элементов текстового содержания. Анализ видео контента и его воздействующего потенциала в основном опирался на анализ когнитивного опыта и связанных с ним образов в национальной картине мира.

Результаты и обсуждение

Итак, рассмотрим каждую из выделенных и описанных стратегий, которые, на наш взгляд, широко используются именно в структуре рассматриваемых в работе текстов. В.И. Карасик понимает манипуляцию как осознанное воздействие, противоположное воздействию через демонстрацию физической и психической силы, влиянию через авторитет личности и аргументированному ведению беседы [3]. В подобном подходе рекламный посыл продвигают двое: автор рекламы и реципиент, при этом функция автора рекламы – убедить реципиента, что следование рекомендации рекламы выгодно именно реципиенту, а не рекламирующей стороне.

Рассмотрим пример социальной рекламы, направленной на формирование социально ответственности у человека за вред, наносимый окружающей среде (рис. 1).

текст на плакате:

WHAT ON EARTH ARE WE DOING TO OUR PLANET? [8]

Рис. 1.

В приведенном образце рекламы автор прибегает к манипуляции, объединяя вербальный компонент и видеоряд. Предлагаемый в рекламе единственный вопрос: «*WHAT ON EARTH ARE WE DOING TO OUR PLANET?*», прежде всего, представляет собой эмотивно оформленный (восклицание *What on earth...*) вербальный отрезок, а употребление временной формы Present Continuous / Progressive акцентирует внимание на постоянстве подразумеваемого процесса. Эмотивное вопросительное предложение в данной рекламе можно считать непосредственным инструментом манипуляции. Реклама манипулирует чувством совести реципиента и мотивирует его к действию (подумать, как ответить на вопрос). Видеоряд с изображением животного (льва), прикрывающего глаза лапой (чтобы не видеть того, что творит человек), подкрепляет формирование чувства эмоционального отклика реципиента. Известно, что человек прибегает к такому жесту, когда испытывает чувство стыда, которое, в свою очередь, вызывает рефлекторное желание оправдаться. Жест в визуальном образе животного – царя природного мира – вызывает подсознательное ощущение превосход-

ства льва, как более взрослого старшего товарища или родителя, реагирующего на необдуманные поступки ребенка. Реципиенту приходится задуматься над ответом на вопрос, и, тем самым, задуматься над своей ролью, участием в отношении к окружающей среде, и тем, что он ещё может предпринять для исправления сложившейся ситуации. Манипуляция в данном случае заключается в том, что текст в совокупности с видео контентом, способствует стимуляции душевного отклика, осознанию вины, размышлениям и принятию самостоятельного решения реципиентом. Таким образом, лингвистический элемент, подкрепленный изображением, является прекрасным примером использования стратегии манипуляции в социальной рекламе.

Согласно характеристике В.И. Карасика, провокация – это вид манипуляции, которая выражает намерения говорящего, но без формального обращения к адресату или указания на него, опирается на имплицитную / виртуальную ситуацию, не существующую вне контекста. Задача провокации вызывать у адресата реакцию посредством скрытого давления в реплике говорящего [3].

текст на плакате:

“*Imagine this is yours*” [9]

Рис. 2.

Эпатаж в современном мире стал считаться одним из наиболее выгодных способов привлечения внимания обывателя. Шоковое воздействие на человека вызывает бурные эмоции, что стимулирует запуск оценочной реакции, обдумыванию ситуации, запоминанию момента. Безусловно, не менее популярной речевой стратегией в формировании текстов социальной рекламы является провокация. Рассмотрим это на примере (рис. 2).

В рассматриваемой рекламе визуализация играет ведущую роль и доминирует над текстовым сообщением. Вербальный элемент представлен мелким шрифтом (в рамочке, как надпись под музейным экспонатом или охотничьим трофеем), смысл которой не сразу обращает на себя внимание, что ярко демонстрирует, как текст и изображение вместе могут создавать действенную провокацию. Рассмотрим это изображение внимательнее: уголок охотника с горделивым и дорого оформленным трофеем на стене на фоне дорогого ружья. Оно сразу вызывает у нас целый ряд визуальных эмотивных ассоциаций и провоцирует негативную реакцию, особенно у взрослого человека. Далее, наше внимание переключается на текст: *«Imagine this is yours»*. Вербальная составляющая рекламы сразу проецирует уже возникшие негативные эмоции к охотникам на собственный жизненный опыт, семейные отношения, тем самым провоцируя реципиента на принятие ситуации. Употребление абсолютных притяжательных местоимений в английском языке невозможно безотносительно контекста с указанием объекта реальности, с которым оно соотносится. Используемое абсолютное местоимение *yours* имплицитно восстанавливает предшествующий контекст, восполняемый видеорядом: *your child*. В случае, когда

проблема существует не абстрактно, а касается лично каждого, человек не может остаться равнодушным к ситуации. Таким образом, неприемлемость ситуации, инициируемой этой социальной рекламой достигает своей цели – провоцирует реципиента на участие в решении проблемы сохранения животного мира, оберегать и защищать его, как собственного ребенка, а не убивать для развлечения.

Третья речевая стратегия, рассматриваемая в работе В.И. Карасика – ирония. Также, как и в традиционном подходе определения стилистических средств языка, В.И. Карасик понимает иронию в рекламном тексте как употребление слова, выражения, объемного текста в смысле, противоположном буквальному [3]. Однако, стоит заметить, что сообщения иронического дискурса не всегда представляют собой комические высказывания и работают только на создание ироничного эффекта. Ирония может быть скрытой и явной, выражать разное настроение и оценку, а также быть безобидной или язвительной. Ирония универсальна в качестве средства воздействия, она основана на парадоксальности, двусмысленности и эмоциональной окрашенности.

Исходя из цели и задач социальной рекламы, сразу можно предположить частотность использования речевой стратегии, связанной с эмотивным воздействием (рис. 3). Структура представленной социальной рекламы отличается от предыдущих примеров. Здесь текст разделен на 2 части, расположенные в различных частях пространства по принципу последовательности восприятия сверху вниз. Это сделано намеренно, чтобы реципиент обратил внимание на текст, отделенный видеоконтентом, в необходимой последовательности.

текст на плакате:

«ONE CHILD HOLDING SOMETHING THAT'S BEEN BANNED IN AMERICA TO PROTECT THEM. GUESS WHICH ONE»

«We won't sell Kinder chocolate eggs in the interest of child safety. Why not assault weapons?» [10]

(<https://briff.me/2015/07/13/social-issue-ads/>)

Рис. 3.

Первая часть сформулирована в виде загадки: «ONE CHILD HOLDING SOMETHING THAT'S BEEN BANNED IN AMERICA TO PROTECT THEM. GUESS WHICH ONE». На изображении рекламы мы видим детей, где один ребенок держит шоколадное яйцо с игрушкой, другой держит оружие. Ирония просматривается как вербально, так и в предлагаемой игре в загадки (часть текста выделена другим цветом, как выделяют задание детям). Автор предлагает реципиенту угадать, какой из изображенных в детских руках предметов недоступен для детей в США? Реципиент при этом испытывает недоумение, чувство, что над ним подшучивают, ведь выбор очевиден – оружие не должно быть доступно детям. Ирония раскрывается во второй части текста рекламы: «We won't sell Kinder chocolate eggs in the interest of child safety. Why not assault weapons?», где автор сообщает, что в США детям запрещена продажа шоколадных яиц, но доступно оружие. Этот пример рекламы подчёркивает абсурдность существующих законов, действуя на контрасте между общепринятыми стереотипными представлениями и существующими законами. Ирония проявляется не только в использовании вербальной единицы *protect them (children)*, на фоне грозного боевого оружия, но и на уровне когнитивного диссонанса в понимании абсурдности создавшейся реальной ситуации в социуме. Таким образом, задавая, казалось бы,

глупый вопрос или предлагая поиграть в детскую игру, авторы рекламы обращают внимание реципиента на сложную социальную проблему, формируя ироничное, если не сказать, саркастичное отношение к результатам законодательного творчества.

Четвертую речевую стратегию – ложь – В.И. Карасик определяет как концепт с содержанием коммуникативного действия сознательного введения в заблуждение и выражением в виде системы стратегий и тактик намеренного искажения информации. В рамках проводимого исследования реклам с использованием этой стратегии не выявлено. На наш взгляд, этот вид речевого воздействия не может быть применим или трудно сочетается с коммуникативной задачей социальной рекламы, так как одной из задач анализируемого типа рекламы является информирование реципиента о существующих проблемах. В подобной ситуации, авторы используют прием противоположный ложному высказыванию, но используя настоящую статистику, подлинную информацию, выбирают поражающие воображение факты. Рассмотрим следующий пример, который не имеет текста, оформленного в виде слоганов, стилистических приёмов, обращений и т.д. Здесь представлены только рисунок и фактическая информация (рис. 4).

Рис. 4.

В анализируемом примере речевой стратегией, воздействующей на реципиента, можно считать прямое использование реальной статистики, а именно: цитируется достоверный факт – *1,5 MILLION CHILDREN DIE EVERY YEAR FROM DRINKING POLLUTED WATER*, где цифровые данные при соотношении с единицей «*every year*» создают эффект неприятия, дополняемый изображением воды в виде смертоносного ядерного гриба. Авторы рекламы опираются на фоновые знания реципиента об ужасных последствиях атомного взрыва, ассоциируя когнитивное осознание со-

Текст на плакате:

1,5 MILLION CHILDREN
DIE EVERY YEAR FROM
DRINKING POLLUTED
WATER. [11]

бытия с проблемой с питьевой водой, особенно, в некоторых регионах Африки, где реальные данные являются шокирующим фактом. Визуальная часть рекламы связывает обе негативные реакции, демонстрируя нам каплю воды в форме облака взрыва, подчеркивая её опасность.

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что в структурировании социальной рекламы широко используются такие речевые стратегии, как манипуляция, провокация и ирония. Применение рассмотренных речевых стратегий позволяет создателям выразить

социально-общественные идеи, формировать личностное отношение к общественному явлению в краткой, лаконичной форме, при этом с максимальной выразительностью. Вместе с тем речевые стратегии способствуют формированию у реципиента необходимого мнения, вызывает у него ожидаемую реакцию и побуждает к определенным действиям. Четвертая стратегия (ложь), на наш взгляд, не может быть использована для формирования социально-общественной позиции граждан, так как подача ложной информации не сочетается с положительными намерениями. Как альтернатива стратегии ложного высказывания в англоязычных социальных рекламах используется стратегия констатации фактической, но шокирующей информации.

При этом тесная связь текстов и видео контента помогает создателям рекламы визуализировать проблему, усилить продолжительность желаемого эффекта, призвать реципиента к участию в решении социальных проблем, определению своего гражданского отношения к ним.

Литература

1. Гойхман О.Я., Надеина Т.М. Речевая коммуникация: учебник / Под ред. проф. О.Я. Гойхмана. М.: ИНФРА-М, 2003. 272 с. (Серия: "Высшее образование")
2. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 4-е, изд. стер. М.: КомКнига, 2006 г. 289 с.
3. Карасик В.И., Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009 г. 406 с.
4. Макаров М. Основы теории дискурса. Москва «Гнозис» 2003 г. 280 с.
5. Николайшвили Г.Г. Социальная реклама: теория и практика. Москва: Аспект Пресс, 2008 191 с: ил. + цв. вклейка
6. Савельева О. Введение в социальную рекламу. Москва: РИП-холдинг, 2006. 168 с.
7. Труфанова В.Я. Путь к общению. A Way to Social Interaction . М. "Русский язык", 2001 г. 144 с.
8. Сайт Pinterest. URL:

<https://www.pinterest.pt/pin/379357968588437776/>
(дата обращения: 11.04.2021)

9. Шедевры социальной рекламы. URL: <https://umbrella.green/shedevryi-sotsialnoy-reklamyi/>
(дата обращения: 11.04.2021)

10. Сайт Pinterest. URL: <https://www.pinterest.ru/pin/474355773245926225/?d=t&mt=signup> (дата обращения: 11.04.2021)

11. Сайт Pinterest. URL: <https://www.pinterest.fr/pin/104145810109490839/>
(дата обращения: 11.04.2021)

References

1. Gojzman O.YA., Nadeina T.M. Rechevaya kommunikaciya: uchebnik. Pod red. prof. O.YA. Gojmana. M.: INFRA-M, 2003. 272 s. (Seriya: "Vyssee obrazovanie")
2. Issers O.S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi. 4-e, izd. ster. M.: KomKniga, 2006 g. 289 s.
3. Karasik V.I., YAzykovye klyuchi. M.: Gnozis, 2009 g. 406 s.
4. Makarov M. Osnovy teorii diskursa. Moskva «Gnozis» 2003 g. 280 s.
5. Nikolajshvili G.G. Social'naya reklama: teoriya i praktika. Moskva: Aspekt Press, 2008 191 s: il. + cv. vklejka
6. Savel'eva O. Vvedenie v social'nuyu reklamu. Moskva: RIP-holding, 2006. 168 s.
7. Trufanova V.YA. Put' k obshcheniyu. A Way to Social Interaction . M. "Russkij yazyk", 2001 g. 144 s.
8. Sajt Pinterest. URL: <https://www.pinterest.pt/pin/379357968588437776/>
(data obrashcheniya: 11.04.2021)
9. SHedevry social'noj reklamy. URL: <https://umbrella.green/shedevryi-sotsialnoy-reklamyi/>
(data obrashcheniya: 11.04.2021)
10. Sajt Pinterest. URL: <https://www.pinterest.ru/pin/474355773245926225/?d=t&mt=signup> (data obrashcheniya: 11.04.2021)
11. Sajt Pinterest. URL: <https://www.pinterest.fr/pin/104145810109490839/>
(data obrashcheniya: 11.04.2021)

**CORRELATION OF VIDEO AND VERBAL MEANS IN
THE IMPACT OF ENGLISH SOCIAL ADVERTISING**

*Vishnyagova E.P.,
Korol E.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Surgut State University*

Abstract: the article considers speech strategies of influence in the texts of English-language social advertising, analyzes the effect of influence when combining verbal and visual means. In the modern world, social advertising plays an important influencing role, highlighting problems related to the environment, wars, interpersonal relations and other acute problems; information presented in a concise, expressive and artistic form is used as a tool for involving an individual in social processes. That is why strategies for creating social advertising are of interest for a separate consideration. The aim of the work was to determine the speech strategies used in advertising texts and the measure of their impact in the ratio of verbal and visual content. The scientific novelty consists in the study of speech strategies in social advertising with a psycholinguistic justification of the connection between verbal and visual means of influence, as well as in determining the frequency types of speech strategies used in social advertising. Based on the application of cognitive-semantic, component and stylistic analysis, the authors of the work came to the conclusions that the structuring of social advertising has its own characteristics and that the close connection of texts and video advertising content enhances the emotive effect of exposure. A detailed study with a psycholinguistic justification of advertising-forming means of influence made it possible to determine the frequency types of strategies used in English-language social advertising and to analyze the means of enhancing the impact of advertising on society.

Keywords: social advertising; verbal means of influence; visual means of influence; speech strategies; manipulation; provocation; irony

ДИСКУРСИВНЫЕ ЖАНРЫ И СФЕРЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ УДАЧИ В РУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРАХ

*Петрова Е.В., преподаватель,
Военный университет Минобороны России*

Аннотация: в настоящем исследовании проводится анализ дискурсивных жанров, служащих «средой обитания» понятия удачи. Целью исследования ставится выявление особенностей концептуализации названного понятия в повседневной городской и сельской культурах. В поле нашего зрения оказались такие аспекты понятия удачи, как приоритеты городского и сельского жителя, связанные с повседневной культурой города и села, выраженные соответствующими лексическими единицами в особых сочетаемостных контекстах.

Рассматриваются языковые средства, отражающие восприятие понятия удачи в русской и польской культурах жителями города и сельской местности. Понятие удачи исследуется с точки зрения культурологии, аксиологии, лингвокультурологии и когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: удача, успех, концепт, дискурс, социальный срез, городская и сельская среда, функции удачи

Культура, образ жизни и ценности городской среды неизменно связаны с понятием урбанизации. В число приоритетов жителя мегаполиса входят деловая активность, предприимчивость, профессионализм, стремление к успеху и материальному благополучию. *Удача, успех, процветание и временной фактор* отнесены к категории безусловных ценностей урбанизированной среды обитания.

Как в русском, так и в польском этнокультурном ареалах понятие *успеха* (польск. *sukces*) все чаще оказывается доминирующей идеей современной жизни в городе. Так, Майя Вольны-Пеирс в книге «Язык успеха в современной общественной коммуникации» указывает, что в мире появилась «тенденция называть все хорошее именно успехом»: „*Na sukces pracuje się całe życie!* <...> „*Sukces lub jego brak to ostateczny wynik wielu dziedzin ludzkiej aktywności!* – «На успех работаешь всю жизнь <...>. Успех или его отсутствие – это конечный результат многих областей человеческой активности» [17, s. 188]. Характерно, что автор рассматривает удачу как часть успеха, отмечая, что во многих дефинициях понятия *успех* подчеркивается «компонент удачливости, везения, осуществленных намерений» [Ibid., s. 189]. В русском и польском языках имеется немалый пласт общеизвестных пословиц, смысл которых сводится к тому, что удача является плодом человеческих усилий (а не свободной игрой случая), например: «Каждый человек кузнец своего счастья» [3, с. 244]. Символами удачи, к которым надо стремиться, в разных польских городах являются следующие артефакты: „*Warszawski trzewiczek, toruński pierniczek, gdańska wódeczka, krakowska dzieweczka!* – «Туфля в Варшаве, пряник в Торуне, водка в Гданьске, девушка в Кракове» [11, s. 340].

Концепт удачи находит вербальное воплощение в ряде широко употребляемых жителем города

номинативных единиц. Ср., например, *powodzenie* – ‘удача’, *pomyślność, fart* – ‘везение’, *sukces* – ‘успех’, *awansowpracy (karierze)* – ‘продвижение в работе (карьере)’, *sukceswinteresach* – ‘успех в бизнесе’, *autorytet w gronie rówieśników* – ‘авторитет в кругу ровесников’ и др. Удача обывателя мегаполиса связана с профессиональной реализацией и образовательной сферой, достижениями в научно-технической отрасли, сфере потребления материальных благ и рациональном распределении ресурсов. Подкрепим сказанное иллюстративным материалом.

(1) Профессиональные достижения. Значимость упомянутой сферы находит выражение в следующих словосочетаниях: *podpisać выгодный контракт, конструктивно провести переговоры, успешно реализовать проект, провести удачную рекламную кампанию; pogoń za zyskiem* – ‘погоня за прибылью, экономической рентабельностью’ [13, Vol. 4, s. 1105], *wyjsć naswoje* – ‘получить прибыль, заработать’ [Ibid., Vol. 4, s. 600].

(2) Научно-техническая отрасль знания. Обратимся к примерам: *próby / doświadczenia wypadły pomyślnie* – ‘испытания увенчались успехом’, *udany / nieudany eksperyment* – ‘удачный / неудачный эксперимент’. В мире науки успех нередко связан с рождением нетривиальной, свежей идеи. Эмоционально-экспрессивный возглас «Эврика!» имеет международное значение и соотносится с лексемами «нашел, понял, открыл» [7, с. 906]. В польском языке слово *Eureka / Heureka!* трактуется аналогичным образом: «возглас радости, издаваемый после совершения какого-либо открытия или решения трудной проблемы (этот возглас якобы издал Архимед после открытия основного закона гидростатики)» [13, Vol. 1, s. 1140].

Современная сфера высоких технологий неизменно связана с компьютеризацией, телефонией, современными трендами в сфере IT. Устойчивое словосочетание *być nabieżąco* – ‘быть технически

подкованным, всегда находиться в режиме «онлайн», достаточно полно и лаконично, на наш взгляд, отражает современные тенденции.

(3) Общество потребления и реклама. В русском культурно-языковом пространстве лексема *удача* достаточно часто встречается в различных рекламных логотипах, слоганах и брендах. Рассмотрим некоторые из них:

- «Лови удачу с «Золотой Коронай!» – данный слоган гарантирует выгодные и успешные денежные переводы [14].

- «Море Удачи» – название предприятия по приобретению недвижимости на морском побережье [15].

- «Семь слонов удачи!» – название акции (лотерейного розыгрыша) поездок в Индию торговой марки «Рив гош» [15].

- «Не проходите мимо своей удачи!» – слоган банка Валют-Транзит [16].

Рекламная сфера и культура потребления неизменно входят в число городских приоритетов. Удачное вложение средств, выгодное приобретение по низкой цене (ср. англ. *a good value for money*), удачная покупка связаны с образом современного успешного горожанина. В польском языке сферы рекламы, потребления и инвестиционной активности связаны с выражением *korzystne oferty* – ‘выгодное предложение’. Воля случая вербализована в польских поговорках *przypadki chodzą po ludziach* – ‘случайности подстерегают человека’, *aniż się powiedzie!* – ‘авось повезет!’. Антиподами концепта удачи выступают проигрыш, неподвижные расходы, неудачное приобретение.

(4) Сфера образования. Обучение в высшей школе связано со успешной сдачей сессии и, конечно же, счастливым билетом. Удача – плод неожиданного везения. Ср., например, *szczęśliwy traf* – ‘случайное везение’ и *szczęśliwy zbieg okoliczności* – ‘благоприятное стечение обстоятельств’. Наряду с этим удача может быть и закономерным результатом усилий, приложенных на пути к успеху, о чем свидетельствует устойчивое изречение *on upornie pracował na swój sukces*. В этом случае удача является прогнозируемой и планируемой ценностью. Сравним антонимичное польское изречение *łatwy, tani sukces* – ‘легкий, дешево доставшийся успех’ [13, Vol. 3, s. 1447].

Удача или неудача во время проверки педагогом качества усвоения учебного материала – неизменные атрибуты школьной жизни. В качестве примера приведем типичную классную ситуацию, подстерегающую школьника: *nauczyciel wyrwie czy nie wyrwie* – ‘вызовут к доске или не вызовут’. В некотором смысле учитель олицетворяет собой фатум, неумолимый рок.

(5) Развлекательная сфера. Как в русской, так и в польской лингвокультурах индустрия развлечений в целом, а также рекламные акции, лотерейные розыгрыши и азартные игры ассоциируются с городской средой, *фактором везения и удачи*. Мир шоу-бизнеса изобилует объявлениями о всевозможных конкурсах, кастингах, призовых розыгрышах: *konkursy, castingi, losowanie nagród* [10, s. 770, 662, 792]. Семантика лексем *szansa* схожа, о чем в полной мере свидетельствует изречение *szansa na sukces* – ‘шанс на успех’.

(6) Передвижение на муниципальном транспорте также может быть осмыслено в категориях *удачи, везения или невезения*. Причем речь идет не только о безбилетном проезде, но и о перемещении в городской среде в часы пиковой загруженности метро, дорог и т.д. В эмоциональном отношении подобного рода удачный или, напротив, негативный опыт, нередко гиперболизируется.

Анна А. Зализняк, И.Б. Левонтина и А.Д. Шмелев отмечают: «распространение идеологии *успеха, потребления и наслаждения*, вызывающее у части российского общества протест и активизацию дискурса о традиционных русских ценностях, тем не менее проявилось в появлении новых слов и значений» [4, с. 302]. При этом «русское слово *успешный* до относительно недавнего времени могло употребляться только по отношению к действиям, деятельности, процессам (успешные переговоры, успешная работа и т.п.), но не по отношению к людям. Однако за последние годы сочетание *успешный человек* стало очень распространенным <...>. Традиционно в русской культуре успех не рассматривался как основополагающая жизненная ценность <...>» [4, с. 302-303].

Далее мы предлагаем обратиться к анализу языкового выражения концепта успеха с точки зрения народного фольклора, ассоциируемого в первую очередь с жителями села и культурой сельской повседневности. Удачу и неудачу, сопутствующие селянину на протяжении всей его жизни, воплощены в народном фольклоре. В фокусе нашего внимания оказались народные поверья, паремии (пословицы и поговорки), гадания, символика предзнаменований.

В сравнении с урбанизированным образом жизни, жизнь на селе подчинена наследию традиций, вере в проведение (*польс.* *opactwo*) и удачу. Бытует мнение о том, что каждодневный труд, общее благополучие, богатый урожай и здоровый скот зависят от высших сил, неподвластных воле человека. Согласно поверьям сельской народной культуры, сверхъестественные «нечистые силы», приносящие беды и неудачи, можно умиловить или даже отпугнуть с помощью особых ритуалов [8, с. 145-195].

В отличие от городской среды, повседневная культура села богата на приметы и суеверия. Приметы символичны и предшествуют тем или иным или природным явлениям [6, с. 54]. В качестве иллюстрации приведем польское изречение *zwiastun nieszczęścia, niedobry znak* – ‘дурная примета, недобрый знак’. Народные предания и приметы, формируемые в недрах этноса, выступают предвестниками хорошего и плохого. Приметы – народное достояние, влияющее на наши поступки и по сей день. Примет много, их список открыт.

Понятие удачи – неотъемлемая часть народного русского фольклора. Эпические песни-сказания повествуют о подвигах богатырей. Сюжетная основа былин связана с ратными подвигами славных сынов земли Русской. Неизменной спутницей богатырей, совершающих героические деяния, выступает *удача*.

Удача может представать перед человеком в облике явлений природы. В произведениях народного фольклора ненастье, грозы и дожди олицетворяют неудачу, нечто зловещее и неизбежное. Солнечная погода, напротив, предвещает успех, благоприятное стечение обстоятельств.

Сравним часть когнитивной дефиниции (детальной и многоуровневой развернутой дефиниции, строящейся на основе понятия языковой картины мира) лексемы *pogoda* – ‘погода’ в польском языке из «Словаря народных стереотипов и символов» (том «Метеорология») под редакцией Ежи Бартминьского (SSiSL). «Состоянием атмосферы, наиболее благоприятным для человека, считается солнечная погода. Если говорят, что *będzie pogoda* – ‘будет погода’, что *rozpogadza się* – ‘распогоживается’, это значит, что будет светить солнце, что *przejaśniasię* – ‘проясняется’. Лексема *pogoda* – ‘погода’ обнаруживает себя в обиходно-разговорном языке и противопоставлена слову *niepogoda* – ‘непогода’ (отсутствие солнца, облачность, дождевые осадки и град, вихри, грозы с громом и молнией) [12, Vol. 3, s. 25].

В русском и польском лингвокультурных ареалах народное восприятие удачи отражено в пословицах и поговорках. В паремиях, заключает С.Г. Воркачев, «отражается «наивная картина» мира его носителей <...>, а лексическая семантика представляет «обыденное сознание» этноса, в котором закреплены память и история народа, его опыт познавательной деятельности, мировоззрение и психология» [1, с. 67]. В.И. Даль говорит о пословицах как о «достоянии общенародном» [2, с. 8].

Народный характер пословиц подчеркивается в дефиниции издания «Русский язык Энциклопедия» (РЯЭ). Пословица – это «устойчивое в речевом обиходе, ритмически и грамматически орга-

низованное изречение, в котором зафиксированы практический опыт народа и его оценка определенных жизненных явлений» [5 с. 355].

Связь с народной культурой ярко проявляется в наличии так называемых «календарных пословиц» (см. подробнее: *Sł Folkloru*), зафиксированных, в частности в «Словаре польского фольклора» под редакцией Ю. Кжижановского. В любом собрании пословиц, утверждает источник, «можно найти множество сентенций о месяцах и днях, причем дни эти обозначены не цифрами в пределах данных месяцев, а именами святых покровителей. <...> Эти пословицы носят характер или метеорологических прогнозов, или указаний, когда какие работы нужно начинать» [11, s. 338]. Ср.: „*Suchy kwiecień, mokr ymaj, będzie żytoni bygaj*» – «Сухой апрель, мокрый май, будут хлеба словно роща» [Ibid.].

Приводимый языковой материал наглядно свидетельствует о многогранности концепта удачи в повседневной сельской культуре. Понятие удачи отражает стремление человека познать свою судьбу, истолковать грядущие события. Различные мистические практики (гадания, ворожба, вера в предзнаменования, астрологический прогноз и пр.) – характерные приметы жизни на селе. Анализ концепта удачи, выраженного в характерных дискурсивных жанрах русского и польского языков, позволяет сделать вывод о живучести и распространенности народных примет и суеверий.

Подведем итоги. В рассматриваемой языковой паре концепты *удачи* переплетаются с понятием *успеха* как привнесенного извне эталона благополучной жизни в городе. В городской и сельской средах концепт удачи реализуется дифференцировано. При этом межъязыковой сопоставительный анализ говорит о семантическом тождестве. Различия концептов удачи носят, с нашей точки зрения, формально-дистрибутивный характер. Ядерным компонентом анализируемых концептов в русском и польском языках выступает *удача как счастливое стечение обстоятельств, случайность*. В некоторых случаях *удача – закономерный результат прилагаемых усилий*, целенаправленной деятельности человека. Однако в большинстве случаев удача не поддается логическому осмыслению, благодаря чему понятия удачи и судьбы родственны друг другу.

Литература

1. Воркачев С.Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа: монография / Техн. ун-т Кубан. гос. технол. ун-та. Краснодар, 2002. 142 с.
2. Даль В.И. Напутное // Даль В.И. Пословицы русского народа: сборник В. Даля. М.: Гос. Изд-во худ. литературы, 1957. С. 4 – 31.

3. Жигулев А.М. Русские пословицы и поговорки. М.: Московский рабочий, 1965. 360 с.

4. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с. (Язык. Семиотика. Культура).

5. РЯЭ – Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. 703 с.

6. СО – Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1987. 797 с.

7. СОШ – Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой.

8. Толстой Н.И. Религиозные верования древних славян // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. М.: Индрик. 1996. С. 145 – 195.

9. Шмелев А.Д. Сквозные мотивы русской языковой картины мира // Анна А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев (2005): сборник статей: Ключевые идеи русской языковой картины мира. Издатель А. Кошелев. Москва, «Языки славянской культуры». Серия: Язык. Семиотика. Культура. С. 452 – 464.

10. NSRPPR – Nowy słownik rosyjsko-polski. Wydanie z płytą CD / Pod red. J. Wawrzyńczyka. Warszawa: Wyd. Naukowe PWN, 2010. 1264 s.

11. SI Folkloru – Słownik Folkloru Polskiego / Pod red. Juliana Krzyżanowskiego. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1963. 486 s.

12. SSiSL – Słownik stereotypów i symboli ludowych / Koncepcja całości i redakcja Jerzy Bartmiński. Zastępca redaktora Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska. T. 1. Kosmos. Meteorologia. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2012. 522 s.

13. USJP – Uniwersalny słownik języka polskiego: W4 t. / Pod. red. Stanisława Dubisza. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2006.

14. URL: <http://www.perevod-korona.com/Pages/lottery.aspx> (дата доступа: 17.05.2015).

15. URL: <http://www.rivegauche.ru/news/promo/sem-slonov-udachu> (дата доступа: 17.05.2015).

16. URL: <http://www.textart.ru/baza/slogan/finans/bank5.html> (дата доступа: 17.05.2015).

17. Wolny-Peirs M. Języksukcesuwęspółczesnejpolskiej komunikacji publicznej. Warszawa: Trio, 2005. 219 s.

References

1. Vorkachev S.G. Koncept schast'ya v russkom yazykovom soznanii: opyt lingvokul'turologicheskogo analiza: monografiya. Tekhn. un-t Kuban. gos. tekhnol. un-ta. Krasnodar, 2002. 142 s.

2. Dal' V.I. Naputnoe. Dal' V.I. Posloviцы russkogo naroda: sbornik V. Dal'ya. M.: Gos. Izd-vo hud. literatury, 1957. S. 4 – 31.

3. ZHigulev A.M. Russkie posloviцы i pogovorki. M.: Moskovskij rabochij, 1965. 360 s.

4. Zaliznyak A.A., Levontina I.B., SHmelev A.D. Klyucheveye idei russkoj yazykovoj kartiny mira. M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2005. 544 s. (YAzyk. Semiotika. Kul'tura).

5. RYAE – Russkij yazyk. Enciklopediya. gl. red. YU.N. Karaulov. 2-е изд., pererab. i dop. M.: Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya; Drofa, 1997. 703 s.

6. SO – Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka. Pod red. N.YU. SHvedovoj. 18-е изд., stereotip. M.: Russkij yazyk, 1987. 797 s.

7. SOSH – Tolkovyj slovar' russkogo yazyka S.I. Ozhegova i N.YU. SHvedovoj.

8. Tolstoj N.I. Religioznye verovaniya drevnih slavyan. Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. M.: Indrik. 1996. С. 145 – 195.

9. SHmelev A.D. Skvoznnye motivy russkoj yazykovoj kartiny mira. Anna A. Zaliznyak, I.B. Levontina, A.D. SHmelev (2005): sbornik statej: Klyucheveye idei russkoj yazykovoj kartiny mira. Izdatel' A. Koshelev. Moskva, «YAzyki slavyanskoj kul'tury». Seriya: YAzyk. Semiotika. Kul'tura. S. 452 – 464.

10. NSRPPR – Nowy słownik rosyjsko-polski. Wydanie z płytą CD. Pod red. J. Wawrzyńczyka. Warszawa: Wyd. Naukowe PWN, 2010. 1264 s.

11. SI Folkloru – Słownik Folkloru Polskiego. Pod red. Juliana Krzyżanowskiego. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1963. 486 s.

12. SSiSL – Słownik stereotypów i symboli ludowych. Koncepcja całości i redakcja Jerzy Bartmiński. Zastępca redaktora Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska. T. 1. Kosmos. Meteorologia. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2012. 522 s.

13. USJP – Uniwersalny słownik języka polskiego: W4 t. Pod. red. Stanisława Dubisza. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2006.

14. URL: <http://www.perevod-korona.com/Pages/lottery.aspx> (дата доступа: 17.05.2015).

15. URL: (data dostupa: 17.05.2015).
<http://www.rivegauche.ru/news/promo/sem-slonov-udachy> (data dostupa: 17.05.2015).
16. URL:
<http://www.textart.ru/baza/slogan/finans/bank5.html>
17. Wolny-PeirsM. Języksukcesuwspółczesnejpolskiejomunikacjipublicznej. Warszawa: Trio, 2005. 219 s.

DISCURSIVE GENRE AND SPHERES OF CONCEPTUALIZATION OF THE CONCEPT OF LUCK IN RUSSIAN AND POLISH CULTURES

*Petrova E.V., Lecturer,
Military University of the Russian Ministry of Defense*

Abstract: this study focuses on discursive genres that serve as the "habitat" of the concept of luck. The aim of this paper is to identify conceptualization features in everyday urban and rural cultures. We analyze such aspects of the concept of luck as priorities of urban and rural residents related to the daily culture of the city and village, expressed by relevant lexical units in special combinational contexts.

Language means, reflecting the perception of the concept of luck in the Russian and Polish cultures by city and countryside dwellers were considered. The concept of luck is investigated from the point of view of culturology, axiology, linguoculturology and cognitive linguistics.

Keywords: luck, success, concept, notion, discourse, social survey, city and rural areas, functions of luck

СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АРТИКЛЕЙ В ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Курпешева А.И., кандидат педагогических наук,
Тулебергенова Д.Ю., кандидат педагогических наук,
Астраханский государственный технический университет

Аннотация: целью настоящей статьи является определение правил использования определенных и неопределенных артиклей в технических текстах. Основными задачами исследования являются: 1) проанализировать теоретический материал; 2) рассмотреть понятие «технический текст»; 2) определить особенности употребления артиклей в научных текстах. Научной новизной статьи является указание на возможности применения артиклей в технических текстах, а также обобщение предыдущих исследовательских работ, посвященных этому вопросу. Теоретической значимостью статьи является обобщение норм и правил употребления определенных и неопределенных артиклей в технических текстах. Практической значимостью исследования является возможность использования теоретического материала на практических занятиях по английскому языку, посвященных теории и практике перевода. В список литературы вошли научные исследования русских и зарубежных авторов, посвященные особенностям употребления артиклей в научных текстах. Автор приходит к выводу, что технические тексты, которые отличаются краткостью изложения, точным подбором языковых средств, тяготением к научному изложению, обладают своими специфическими особенностями употребления определенных и неопределенных артиклей. Автору удалось выделить 18 специфических особенностей, которые впоследствии могут дополняться в следующих научных работах.

Ключевые слова: артикль, определенный и неопределенный артикль, технический текст, английский язык

Предметом настоящей статьи является рассмотрение категории артиклей и специфика их использования в технических текстах английского языка. Актуальность исследования объясняется необходимостью детального изучения категории артикля в английском языке. Рассмотрению этого вопроса посвящены исследования русских и зарубежных авторов, которые будут отмечены в данной работе.

Обратимся к понятию «технический текст». По мнению А. Л. Буран, особенностью технического текста является единая система терминологии, которая имеет однозначное толкование для специалистов отдельной профессиональной группы [2, с. 97]. Ю.А. Гордунов и Л.А. Долбунова отмечают следующие признаки технических текстов: 1) предварительное обдумывание высказываний монологического характера; 2) строгий отбор языковых средств; 3) тяготение к нормированной речи; 4) логическая последовательность изложения; 5) стремление автора к точности, сжатости и однозначности [3].

Актуальность работы обусловлена специфической значимостью артиклей при написании технических текстов.

Артикль в английском языке является дейктической лексемой, способной актуализировать в речи ряд концептуальных категорий, которые, в свою очередь, используются для выражения категорий общего и частного, определенного и неопределенного, категории уникальности [9, с. 9].

Необходимо отметить, что главной особенностью употребления артиклей в английском языке является обозначение спецификации имен существительных, которая строится на оппозиции абстракции и конкретизации. В качестве примера

можно привести позиции абстракции («*The blue sky began to be covered with dark clouds*») и конкретизации («*A speech portrait is a linguistic personality embodied in speech*»).

В английском языке выделяется три вида артиклей: определенный (the), неопределенный (a/ an), нулевой (zero). По данным исследователей Е.А. Moravcsik [10, с. 64] и В. Heine [9, с. 83], если в языке есть определенный артикль, то неопределенный артикль также существует в грамматической системе. Артикль является служебной частью речи, поэтому выполняет четыре основные функции: коммуникативную, морфологическую, синтаксическую и семантическую [5, с. 45].

Как отмечает С.Г. Ахметова, вопрос о сочетаемости существительных с артиклями не сводится к вопросу об исчисляемости и неисчисляемости. Он требует конкретных слов [1, с. 15]. Необходимо отметить, что близкие по значению имена существительные, в силу своих семантических особенностей по-разному сочетаются с артиклями: с этой целью проводится семантический анализ существительных: «*French has a similar character*» (особенность языка), «*The character is the totality of all mental and spiritual properties of a person*» (характер человека).

Многообразие форм употребления артиклей в научных текстах создает сложность его употребления и различение терминов «значащее отсутствие артиклей» и неупотребление – «опущение» [4, с. 40].

Исследователь А.А. Херина считает, что в научно-технических материалах английского языка часто опускаются определенные артикли [8]. В работе В.Н. Комиссарова подтверждается опущение определенного артикля в технических текстах.

Ученый отмечает отсутствие артикля перед названиями конкретных деталей технических устройств, в описаниях и инструкциях [6, с. 127]. Кроме этого, перед названием научных областей тоже очень часто опускается артикль в технических текстах.

В современном английском языке категория артикля способна выступать в качестве маркера эмоционального восприятия происходящих в настоящее время событий. Отсутствие артикля перед номинативным словом (именем существительным) способствует развитию семантики обобщения, абстрагирования от конкретной тематики по отношению к терминам и понятиям в техническом тексте: «*IPF Investments provides the funding and support to develop and launch innovative products in Russian market*». Получается, что в данном примере компания «*IPF Investments*», предоставляющая финансирование и способствующая выводу инвестиционных продуктов на российский рынок, является обобщенным и абстрактным термином, хотя обозначает конкретное название фирмы. В предложении «*Pure propane is too expensive for home heating, so it is paired with butane*» пропан как химическое вещество обозначает конкретный термин, однако, отсутствие определенного артикля *the* придает тексту семантику обобщения.

Употребление определенного артикля, указывающего на что-либо значимое, способствует выполнению ориентирующей функции языка: «*The laser involved in this new welding system does not move from one welding point to the next*», др.

При переводе технических текстов на английский язык необходимо соблюдать следующие правила употребления артиклей:

1. Если перед неопределенным местоимением *one* употребляется имя прилагательное, то употребляется неопределенный артикль *a/an*: *a gaseous one*.

2. При переводе научных текстов, технических и математических необходимо учитывать буквальный перевод артиклей: *a/an* – некоторый, *the* – этот, определенный: «*Given a vector space X and a subspace X_0 of X , arrange the factor space X/X_0* ».

3. Перед лексемой *own* запрещается использовать артикли *a* и *an*. Это объясняется тем, что числительное *own* относится к подклассу постдетерминаторов, поэтому перед ним необходимо употреблять притяжательное прилагательное [7, с. 52].

4. Кроме этого необходимо, чтобы термины в формуле благозвучно звучали, поэтому правила употребления артиклей *a/an* не распространяются

на написание математических и физических формул: *an f-algebra*, *a U-boat*, др.

5. При написании сокращений необходимо употреблять артикли *a/an* (*an USA*), кроме акронимов *UNESCO*, *NATO*.

6. В сочетаниях *there is* и *there are* употребление определенного артикля *the* запрещено: *there exists a unique x such that $\varphi(x)$ holds*.

7. Указательное местоимение *such* нельзя использовать вместе с определенным артиклем *the*, местоимением или притяжательным прилагательным.

8. Перед указанием ссылок на определители можно употреблять артикли, либо использовать ссылки без определенного артикля *the*: *The time has come to prove the theorem / We now prove Theorem 3.5*. Оба предложения построены грамматически верно. В первом предложении определенный артикль *the* указывает на рассматриваемую теорему. Во втором случае артикль не требуется, поскольку предложение построено с грамматической основой.

9. При написании словосочетания «Теорема Пифагора» уместны два варианта перевода на английский язык: *The Pythagorean theorem / Pythagoras' theorem*.

10. В вопросительных конструкциях («*I wonder what rule applies here*») запрещается использовать артикль между лексемами *what* и *rule*.

11. В технических текстах после глаголов (*present*, *generalize*, *systematize*) существительные (*parametrization*, *dimension*, *conclusion*, *stability*, др.) употребляются с нулевым артиклем. Это распространяется на глаголы и существительные со значением профессиональной тематики [7, с. 54].

12. Перед отглагольными существительными неопределенный артикль *a/an* не употребляется: *process*, *advice*, *guidance*, *progress*, *research*, *information*, др.

13. При составлении списков определенный артикль *the* не повторяется.

14. Перед местоимением *same* и перед прилагательными в превосходной степени необходимо поставить определенный артикль *the*.

15. Если в начале текста пишется «*Consider a trapezoid ABCD*», то после нее можно употреблять фразы: «*the area of AB, AC, AD*».

16. Прилагательные в превосходной степени не требуют существительного, поэтому перед ними необходимо употреблять определенный артикль *the*: *right*, *wrong*, *very*, *only*, *main*, др.

17. Для каждого существительного необходим свой артикль, кроме указанных исключений.

18. Если после имени существительного стоит *of* или *that*, то перед существительным требуется указать определенный артикль *the*.

Таким образом, мы рассмотрели особенности употребления определенных и неопределенных артиклей в технических текстах. Специфика технических текстов заключается в том, что они тяготеют к нормированной речи, сжатой, точной и однозначной. При соблюдении правил автор текста сможет корректно перевести научный текст с русского языка на английский без нарушения грамматических и синтаксических норм.

Литература

1. Ахметова С.Г. Синтактика и прагматика английского артикля: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. 1989. 34 с.

2. Буран А.Л. К вопросу об основных лингвистических характеристиках технического текста // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 4 (119). С. 95 – 104.

3. Горбунов А.Ю., Долбунова Л.А. Структура и языковые особенности англоязычных текстов технической документации [Электронный ресурс] // Огарёв-Online. 2015. № 12 (53). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-iyazykovye-osobennosti-angloyazychnyh-tekstov-tehnicheskoy-dokumentatsii> (дата обращения: 23.06.2021)

4. Долгина Е.А. Категория артикля в английском языке: методы исследования // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 4. С. 45 – 52.

5. Долгина Е.А. Нулевой артикль и стилистическое опущение артикля в английском языке: принципы разграничения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2008. № 2. С. 39 – 45.

6. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.

7. Кутателадзе С.С. Russian – English in writing: советы эпизодическому переводчику. 4-е изд., испр. И доп. Новосибирск: Изд-во Инс-та математики, 2000. 195 с.

8. Херина А.А. Особенности научно-технического перевода [Электронный ресурс] // Academy. 2015. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-nauchno-tehnicheskogo-perevoda> (дата обращения: 23.06.2021)

9. Heine Bernd. On the role of context in grammaticalization. In Wischer I. et al. (eds.). 2002. P. 83 – 101.

10. Magidova I.M., Tymchuk E.V. English Articles as Deictic Words. M.: MAX Press, 2004. 84 p.

11. Moravcsik Edith A. Determination. Working Papers on Language Universals 1. 1969. P. 63 – 98.

References

1. Ahmetova S.G. Sintaktika i pragmatika anglijskogo artiklya: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. 1989. 34 s.

2. Buran A.L. K voprosu ob osnovnyh lingvisticheskikh harakteristikah tekhnicheskogo teksta. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2012. № 4 (119). S. 95 – 104.

3. Gorbunov A.YU., Dolbunova L.A. Struktura i yazykovye osobennosti angloyazychnyh tekstov tekhnicheskoy dokumentacii [Elektronnyj resurs]. Ogaryov-Online. 2015. № 12 (53). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-iyazykovye-osobennosti-angloyazychnyh-tekstov-tehnicheskoy-dokumentatsii> (data obrashcheniya: 23.06.2021)

4. Dolgina E.A. Kategoriya artiklya v anglijskom yazyke: metody issledovaniya. Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. № 4. S. 45 – 52.

5. Dolgina E.A. Nulevoj artikl' i stilisticheskoe opushchenie artiklya v anglijskom yazyke: principy razgranicheniya. Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i special'nost'. 2008. № 2. S. 39 – 45.

6. Komissarov V.N. Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty): ucheb. dlya in-tov i fak. inostr. yaz. M.: Vysshaya shkola, 1990. 253 s.

7. Kutateladze S.S. Russian – English in writing: soveti epizodicheskomu perevodchiku. 4-e izd., ispr. i dop. Novosibirsk: Izd-vo Ins-ta matematiki, 2000. 195 s.

8. Herina A.A. Osobennosti nauchno-tehnicheskogo perevoda [Elektronnyj resurs]. Academy. 2015. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-nauchno-tehnicheskogo-perevoda> (data obrashcheniya: 23.06.2021)

9. Heine Bernd. On the role of context in grammaticalization. In Wischer I. et al. (eds.). 2002. P. 83 – 101.

10. Magidova I.M., Tymchuk E.V. English Articles as Deictic Words. M.: MAX Press, 2004. 84 p.

11. Moravcsik Edith A. Determination. Working Papers on Language Universals 1. 1969. P. 63 – 98.

THE SPECIFICS OF USING ARTICLES IN TECHNICAL TEXTS

*Kurpesheva A.I., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.),
Tulepbergenova D.Yu., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.),
Astrakhan State Technical University*

Abstract: the purpose of this article is to define the rules for the use of definite and indefinite articles in technical texts. The main objectives of the study are: 1) analyze the theoretical material; 2) consider the concept of "technical text"; 3) determine the features of the use of articles in scientific texts. The scientific novelty of the article is an indication of the possibility of using articles in technical texts, as well as a generalization of previous research papers on this issue. The theoretical significance of the article is the generalization of the norms and rules for the use of definite and indefinite articles in technical texts. The practical significance of the research is the possibility of using theoretical material in practical English classes devoted to the theory and practice of translation. The list of references includes scientific studies by Russian and foreign authors devoted to the peculiarities of the use of articles in scientific texts. The author comes to the conclusion that technical texts, which are distinguished by the brevity of their presentation, the exact selection of language means, the attraction to scientific presentation, have their own specific features of the use of definite and indefinite articles. The author managed to identify 18 specific features, which can later be supplemented in the following scientific papers.

Keywords: article, definite and indefinite article, technical text, English

ОТРАЖЕНИЕ ЦЕННОСТНОГО КОМПОНЕНТА КОНЦЕПТА «ВЕРНОСТЬ» ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ВЕРНОСТЬ ДОЛГУ» В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ

*Шимко Е.А., доктор филологических наук, профессор,
Савватеева Т.Ю., аспирант,
Мичуринский государственный аграрный университет*

Аннотация: статья посвящена описанию ценностного компонента концепта «верность» во фразеологических единицах тематической группы «Верность долгу» в этнокультурном аспекте. Исследование проводится на материале данных лексикографических источников современного русского языка, иллюстрирующих не только языковые значения, но и особенности ментального пространства носителей языка. В работе используется метод этнокультурного моделирования, в рамках которого изучается специфика национально-культурного колорита русского народа, получившая языковое выражение в семантическом пространстве.

Описание ценностного компонента концепта «верность» на примере тематической группы «Верность долгу» в концепции этнокультурного аспекта установило следующие особенности: в русской картине мира верность долгу соотносится с понятиями 'честное обещание', 'подчинение государственной власти', 'исполнение условленного', 'признание личной доблести, мужества, силы', 'самое сокровенное'.

Результаты проведенного анализа способствуют созданию словарей этнокультурного типа и могут применяться в чтении спецкурсов.

Ключевые слова: концепт «верность», фразеологические единицы, этнокультурное моделирование, тематическая группа «Верность долгу», национальная специфика, семантический анализ, русская языковая картина мира

На современном этапе развития лингвистики наблюдается интерес к языку как явлению национальной культуры. Область исследований включает традиции, обряды, нормы общения, национальные особенности мышления, рассматриваемые в качестве культурных знаков, соотносящихся со знаками языка [2, 4, 7, 8, 12]. Данный подход к научным работам осуществляется в рамках этнолингвистики, которая предполагает единую основу изучения духовной культуры и знаков языка.

В настоящее время принято считать, что трансляция культуры через язык наиболее отчетливо проявляется в лексической семантике, а в ряду лексических единиц именно фразеологизмы аккумулируют культурологические факторы и способны репрезентировать концепт.

Задача работы состоит в детальном представлении ценностного компонента концепта «верность» во фразеологических единицах тематической группы «Верность долгу» в этнокультурном аспекте. Для решения обозначенной задачи используется метод этнокультурного моделирования, позволяющий определить ментальное пространство человека.

Изучим проявление ценностного компонента концепта «верность» на примере тематической группы «Верность долгу», представленной фразеологическими единицами: «присягнуть на верность», «верность делу», «верность Родине», «верность власти», «в награду за верность» в этнокультурном аспекте. Выясним семантическое наполнение данных фразеологизмов.

Рассмотрим фразеологизм «присягнуть на верность» в концепции семантического анализа. Об-

ратимся к этимологическому описанию слов «верность» и «присягнуть».

В этимологии лексемы «верность», согласно историко-этимологическому словарю П.Я. Черных, выделяются следующие значения: 'религиозное мировоззрение', 'доверие', 'союз', 'честность', 'правда', 'истина', 'обещание', 'дружба', 'договор', 'обет' [11, т. 1, с. 141].

По данным толковых словарей современного русского языка лексическая единица «верность» эксплицирует значения: 'полная преданность, правдивость, твердость в слове, стойкость в деле, истинная вера' [1, т. 1, с. 297], 'стойкость и неизменность в чувствах, отношениях, в исполнении обязанностей, долга, точность, неизбежность' [5, с. 73], 'доверие, надежность, прочность, истина' [9, с. 252], 'уверенность, убеждение, твердое сознание, понятие о чем-либо, особенно о предметах высших, не вещественных, духовных' [1, т. 1, с. 296].

Глагол «присягнуть» образован от имени существительного «присяга», встречающегося в славянских языках: украинский «присяга» – 'клятва', старославянский «ПРИСАГА» – 'клятва', сербохорватский «присећа се» – 'давать клятву, присягнуть', словенский «prisêga» – 'присяга', «prisêgati» – 'присягать', чешский – «přísaha», «přísahati», словацкий – «prísaha», «prisahat'», польский – «przysięga», «przysięgać», верхнелужицкий – «přsaha», «přsahać», нижнелужицкий – «pśiega», «pśiegaś» [10, т. 3, с. 367]. Лексема «присягнуть» в современном русском языке имеет значения: 'клясться', 'дать присягу, клятву, клятвенное обещание или уверенье в чем', 'призывать гласно и торжественно Бога во свидетельство, с установ-

ленными церковью обрядами, целуя Святой Крест и Евангелие' [1, т. 3, с. 752].

В словаре русской ментальности В.В. Колесова слово «присяга» трактуется как 'торжественное обещание, данное соблюдать верность', 'клятвенное уверение не нарушать обязательства перед господином, обществом или государством' [3, т. 2, с. 111].

В образе фразеологизма «присягнуть на верность» отражены представления о том, что в древности слово-обещание было столь же материально, как и письменный договор, скрепленный печатью, и являлось одним из ценных качеств мужчины как личности, вызывающей к себе уважение и почтительное отношение со стороны окружающих.

Фразеологическая единица «присягнуть на верность» роль символа честного обещания.

В русском языке встречаются фразеологизмы, которые передают значение 'подчинение поведения интересам государству': «верность делу», «верность Родине», «верность власти». Изучим семантические особенности их употребления.

Проанализируем фразеологическую единицу «верность делу». Выделим слово-компонент, создающий образ фразеологизма, – «дело» и определим его этимологическое и современное толкование.

Русская лексема «дело» имеет сходство со словами в славянских языках: украинский – «діло», старославянский – «ДѢЛО», болгарский – «дело», сербохорватский – «дјеџло», словенский – «dëlo», чешский – «dílo», польский – «dziato», верхнелужицкий – «džěto», нижнелужицкий – «žěto», родственно индоевропейскому корню «*dhē-». Сравните: литовский «pradebỹs» – 'яйцо, подложенное в гнездо', «priedēlĕ» – 'приложение', древнеисландский «dalidun» – 'совершили', «dall» – 'легкий, обходительный' [10, т. 1, с. 496]. Слово «дело» в современном русском языке обозначает: 'работу, занятие', 'деловую надобность', 'разговорное: полезное занятие', 'обязанность', 'поступок', 'профессию, мастерство, круг знаний', 'промышленное или коммерческое предприятие', 'разговорное: крупную, важную работу; прибыльное, выгодное занятие, предприятие', 'разговорное: положение вещей, обстоятельства', 'событие, происшествие, факт', 'административно-судебное разбирательство по поводу какого-нибудь события, факта: судебный процесс', 'канцелярское: собрание документов, относящихся к какому-нибудь факту, событию или к лицу', 'военное: сражение, бой', 'разговорное: обстоятельство, вещь, явление', 'предмет ведения какой-нибудь отрасли государственного управления; ведомство' [9, т. 1, с. 680-681].

В русской ментальности под словом «дело» понимается 'тяжелый физический труд, уникальное действие', 'соединение нравственных и духовных предпочтений человека' [3, т. 1, с. 196].

Исходя из вышеизложенного обозначим, что фразеологизм «верность делу» отображает стереотипное представление об исполнении условленно-го, взятых на себя обязанностей.

Опишем семантику фразеологической единицы «верность Родине». Исследуем исторические и современные значения слова-компонента – Родина.

Имя существительное «Родина» имеет соответствия в родственных языках: украинский «родина» – 'семья', белорусский «родзіна» – 'семья', болгарский «родина» – 'родина, место рождения', сербохорватский «родина» – 'обилие плодов', словенский «rodina» – 'обилие плодов', чешский, словацкий «rodina» – 'семья', польский «rodzina» – 'семья' [10 т. 3, с. 491]. Современные значения лексемы «Родина» подразумевают: 'Отечество, страна, в которой человек родился и гражданином которой он состоит', 'место рождения кого-нибудь', 'переносное: место возникновения чего-нибудь' [9, т. 3, с. 1370].

В рамках русской ментальности Родина представляет собой контаминацию понятий – «место», «время», «субъекты рождения», «земля», «государство», «вера», «предки», то есть включает физические, социальные и духовные аспекты, являющиеся ключевыми для нашей культуры [3, т. 2, с. 180].

Следовательно, «земля» – первооснова жизни, предполагающая рождение и бытие народа и составляющая занимаемую им площадь, границы которой обозначаются пределом и рубежами [3, т. 1, с. 307].

«Государство» – имеющая свободу держава, земля, страна, находящаяся под властью государя [3, т. 1, с. 173].

«Вера» – определенность в истинности духовности; надежность в слове, доверие в деле, возможность разумности в мысли [3, т. 1, с. 85].

Образ фразеологизма соотносится с самым сокровенным для человека по отношению к чему он испытывает особенно трепетное чувство, сопряженное с желанием охранять это от какого-либо вторжения.

Итак, фразеологизм «верность Родине» выступает как символ самого сокровенного, заветного, почитаемого.

Разберем семантические возможности фразеологической единицы «верность власти». Проанализируем слово-компонент, создающее образ фразеологизма, – «власть».

Русская лексема «власть» родственна украинской – «волость», белорусской – «волосць», древнерусской «волость» – 'область, территория, государство, власть', старославянской – «ВЛАСТЬ», болгарской «власт» – 'власть', сербохорватской «влâст», словенской «lâst» – 'владение, собственность', чешской «vlást» – 'родина', словацкой «vlást» – 'родина', латышской «vâlsts» – 'государство', литовской «valsčius» – 'волость' [10, т. 1, с. 344]. В современном русском языке слово «власть» указывает на следующие значения: 'право и возможность подчинять кого-что-нибудь своей воле, распоряжаться действиями кого-нибудь', 'политическое: права и полномочия правительства, правительственного лица', 'политическое: образ правления, государственный строй', 'переносное: могущественное влияние, принудительная сила', 'лица, облеченные властью, начальство' [9, т. 1, с. 310].

Словарь русской ментальности В.В. Колесова связывает власть со способностью и возможностью реализовывать волю, при этом оказывать давление на социум вопреки желанию его членов [3, т. 1, с. 108].

Следовательно, в основе образа фразеологизма «верность власти» лежит понятие подчинения действий человека государственной власти.

Для русских фразеологических единиц свойственна номинация, в основе которой лежит значение 'вознаграждение, дар за какие-либо заслуги и отличия': «в награду за верность». Прокомментируем употребление этого фразеологизма с этнокультурной точки зрения. Опишем этимологию слова-компонента – «награда».

По данным этимологического словаря русского языка М. Фасмера лексема «награда» заимствована из церковнославянского языка и встречается в украинском, белорусском – «нагорода», болгарском – «нагрѣда», сербохорватском – «награда», словенском – «nagrâda», чешском «náhrada» – 'замена', польском – «nagroda». Восходит к праславянской основе «*nagorditi» – 'пожаловать градом, городом' [10, т. 3, с. 37]. Д.Н. Ушаков сформулировал следующие значения слова «награда»: 'дар, почетное вознаграждение за какие-нибудь заслуги, отличия', 'переносное: счастливое завершение, утешение, воздаяние' [9, т. 2, с. 325-326].

В русской культурной традиции дар являлся одним из способов регулирования взаимоотношений в обществе и представлял собой ритуализированную передачу предмета. Главным предметом дара у древних славян был хлеб, который олицетворял богатство, жизненную силу и долю. К предметам дарения также относятся деньги, посуда, одежда, домашняя птица, скот. Как правило дарение использовалось в семейных обрядах – свадебном и похоронном, родинно-крестинном, календарных и окказиональных [6, с. 68-74].

Следовательно, фразеологизм «в награду за верность» играет роль стереотипа знака отличия среди равных за выдающиеся заслуги и доблестный труд или как признание личной доблести, мужества, силы.

Рассмотрев ценностный компонент концепта «верность» на примере тематической группы «Верность долгу», отметим отличительные черты, характерные для русской лингвокультуры. Вывод продемонстрируем в виде схемы (рис. 1).

Рис. 1. Специфика значений фразеологических единиц тематической группы «Верность долгу»

Таким образом, использование в данной статье метода этнокультурного моделирования позволило описать проявление ценностного компонента концепта «верность» во фразеологических единицах тематической группы «Верность долгу» с учетом национального колорита; обосновать, что ис-

тория и культура являются составной частью концептосферы народа, получающей языковое выражение, включенное в семантическое пространство языка.

Литература

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4т. М.: АСТ: Астрель, 2001. Т. 1. 1158 с., Т. 2. 1280 с., Т. 3. 928 с., Т. 4. 1152 с.
2. Иванов Вяч. Проблемы этносемиотики // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.: Наука, 1989. С. 38 – 35.
3. Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности: в 2 т. Т. 1. С.-Петербург: Златоуст, 2014. 592 с.; Т. 2. С.-Петербург: Златоуст, 2014. 592 с.
4. Никитина С.Е. Культурно-языковая картина мира в тезаурусном описании (на материале фольклорных и научных текстов): дис. ... в виде науч. докл... докт. филол. наук. М.: Ин-т языкознания РАН, 1999. 54 с.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Оникс: Мир и Образование, 2007. 976 с.
6. Рикман Э.А. Место даров и жертв в календарной обрядности // Календарные обычаи и обряды: Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 68 – 74.
7. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 512 с.
8. Толстая С.М. Стереотип в этнолингвистике // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. Тезисы докладов. М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1995. С. 124 – 127.
9. Ушаков Д.И. Толковый словарь русского языка: в 4т. М.: ТЕРРА, 1996. Т. 1. 824 с., Т. 2. 520 с., Т. 3. 712 с., Т. 4. 752 с.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4т. М.: Астрель: АСТ. Т. 1. 2004, 588 с.; Т. 2. 2009, 671 с.; Т. 3. 2007, 830 с.; Т. 4. 2009, 860 с.
11. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. Т. 1. М.: Рус. яз., 1993. 623 с.; Т. 2. М.: Рус. яз., 1993. 560 с.
12. Шимко Е.А. Экспликация культурных ценностей в лексико-фразеологических системах родственных языков: дис. ... докт. филол. наук. М., 2019. 720 с.

References

1. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4t. M.: AST: Astrel', 2001. T. 1. 1158 s., T. 2. 1280 s., T. 3. 928 s., T. 4. 1152 s.
2. Ivanov Vyach. Problemy etnosemiotiki. Etnograficheskoe izuchenie znakovyh sredstv kul'tury. L.: Nauka, 1989. S. 38 – 35.
3. Kolesov V.V., Kolesova D.V., Haritonov A.A. Slovar' russkoj mental'nosti: v 2 t. T. 1. S.-Peterburg: Zlatoust, 2014. 592 s.; T. 2. S.-Peterburg: Zlatoust, 2014. 592 s.
4. Nikitina S.E. Kul'turno-yazykovaya kartina mira v tezaurusnom opisani (na materiale fol'k-lornyh i nauchnyh tekstov): dis. ... v vide nauch. dokl... dok. filol. nauk. M.: In-t yazykoznanija RAN, 1999. 54 s.
5. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka. M.: Oniks: Mir i Obrazovanie, 2007. 976 s.
6. Rikman E.A. Mesto darov i zhertv v kalendarnoj obryadnosti. Kalendarnye obychai i obryady: Istoricheskie korni i razvitie obychaev. M., 1983. S. 68 – 74.
7. Tolstoj N.I. YAzyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoj mifologii i etnolingvistike. M.: Indrik, 1995. 512 s.
8. Tolstaya S.M. Stereotip v etnolingvistike. Recherche i mental'nye stereotipy v sinhronii i diahronii. Tezisy dokladov. M.: In-t slavyanovedeniya i balkanistiki RAN, 1995. S. 124 – 127.
9. Ushakov D.I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: v 4t. M.: TERRA, 1996. T. 1. 824 s., T. 2. 520 s., T. 3. 712 s., T. 4. 752 s.
10. Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4t. M.: Astrel': AST. T. 1. 2004, 588 s.; T. 2. 2009, 671 s.; T. 3. 2007, 830 s.; T. 4. 2009, 860 s.
11. CHernyh, P.YA. Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazykah. V 2 t. T. 1. M.: Rus. yaz., 1993. 623 s.; T. 2. M.: Rus. yaz., 1993. 560 s.
12. SHimko E.A. Eksplikaciya kul'turnyh cennošej v leksiko-frazeologicheskikh sistemah rodstvennyh yazykov: dis. ... dokt. filol. nauk. M., 2019. 720 s.

**REFLECTION OF THE VALUE COMPONENT OF THE CONCEPT
«LOYALTY» IN THE PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE THEMATIC GROUP
«LOYALTY TO DUTY» IN THE ETHNO-CULTURAL ASPECT**

*Shimko E.A., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Savateeva T.Yu., Postgraduate,
Michurinsk State Agrarian University*

Abstract: the article is devoted to the description of the value component of the concept «loyalty» in the phraseological units of the thematic group «Loyalty to duty» in the ethno-cultural aspect. The research is based on the data of lexicographic sources of the modern Russian language, which illustrate not only the language meanings, but also the features of the mental space of native speakers. The paper uses the method of ethno-cultural modeling, which studies the specifics of the national-cultural color of the Russian people, which has received linguistic expression in the semantic space.

The description of the value component of the concept of «loyalty» on the example of the thematic group «Loyalty to duty» in the concept of the ethno-cultural aspect established the following features: in the Russian picture of the world, loyalty to duty correlates with the concepts of 'honest promise', 'submission to state power', 'fulfillment of the agreed', 'recognition of personal valor, courage, strength', 'the most intimate'.

The results of the analysis contribute to the creation of dictionaries of the ethno-cultural type and can be used in reading special courses.

Keywords: concept «loyalty», phraseological units, ethno-cultural modeling, thematic group «Loyalty to duty», national specifics, semantic analysis, Russian language picture of the world

ТОПОНИМЫ ФИНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ США: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

*Абрамова Е.И., кандидат филологических наук, доцент,
Московский государственный областной университет*

Аннотация: исследование посвящено социокультурным особенностям топонимов США, обусловленных финской миграцией в XVII-XX вв. В данных топонимах отражены идеология и культурно-духовное наследие, опыт миграции и ассимиляции в США, расселение мигрантов, преимущественный вид занятия. Целью исследования является анализ финского социокультурного вклада в топонимию США, что требует рассмотрения этих групп топонимов, их структуры, хронологии, семантики в контексте финской миграции в США, анализ отдельных фактов топонимического нейминга, определение объема и особенностей указанных топонимов в социокультурном аспекте. Были выделены три этапа переселения финнов на территорию США, отличающиеся целью миграции и местом переселения, что обусловило объем и социокультурную характеристику исследуемых топонимов. Было выявлено, что топонимы первой волны финской миграции преимущественно являются английскими словами. Наибольшее количество топонимов появилось в результате третьего, самого массового этапа миграции. Исследование показало, что топонимы, связанные с миграцией финнов, являются словами английского языка, словами финского происхождения, зачастую графически ассимилированными, и гибридными явлениями. Значительное количество топонимов, появившихся в результате третьей волны миграции, являются перенесенными (трансплантированными), которые по своей прагматике предстают как мемориальные или коммеморативные. Также было замечено, что при трансплантации топонима часто наблюдается его переход из одной категории в другую по причине отсутствия соответствующего вида географического объекта. Также отмечаются случаи минимизирования топонима. В целом, культурная мотивированность топонимов, обусловленных финской миграцией в США, преобладает над природной и географической, поскольку эти топонимы являются вторичными и характерны для этапа более развитого общества. Результаты проведенного исследования будут интересны социолингвистам, лингвокультурологам, лексикологам и специалистам по межкультурной коммуникации и лингвострановедению. Возможно использование алгоритма при исследовании вклада других этнических групп в топонимию США.

Ключевые слова: топоним, миграция, перенесенный топоним, гибридный топоним, финский, топоформант

Введение

Изучение топонимии территории дает ценную информацию об истории, культуре региона, верованиях и воззрениях этнической группы, их роде занятия. Дональд Орт, бывший секретарь Совета США по географическим названиям отмечал, что в топонимах заключены язык, история и география, а сами они являются частью языка и менталитета.

Подобно археологическим пластам топонимы отражают периоды заселения территории, в том числе разными этносами или группами людей с разными языками и разными традициями и принципами номинации искусственных и естественных объектов окружающей среды. Топонимия США является ярким примером наличия нескольких этнических слоев топонимов в каждом штате. Доевропейский слой коренных или аборигенных топонимов индейского происхождения характерен для всех штатов (около 17% топонимов) [8, с. 39]. Слой топонимов англосаксонского происхождения является мотивированным и доминирующим на всей территории США. В слоях заимствованных топонимах и топонимах, содержащих указание на отличную от англосаксонской этничность, отражается особенность топонимической системы США. Информация о дистрибуции таких топонимов по штатам и внутри штата, преобладающем классе этнически-обусловленных топонимов, зна-

чении топонимов позволяет сделать существенные выводы об особенностях миграции с европейского континента, расселении мигрантов, преимущественном виде занятия, идеологии и культурно-духовном наследии.

Топонимы США финского происхождения или обусловленные миграцией финнов в Новый Свет относятся к топонимам третьего слоя. С лингвистической точки зрения они включают соответственно ассимилированные в английском языке финские слова или составные топонимы, образованные от английского слова, с компонентом Finn. Тем не менее концептуально данные топонимы также обусловлены финской миграцией.

Объект и предмет исследования

Объектом исследования служат топонимы финского происхождения и топонимы английского происхождения, обусловленные финской миграцией в США, с компонентом Finn. Таким образом, предпринимается попытка анализа финского социокультурного вклада в топонимию США, что и является **целью** данного исследования. Задачи, обусловленные целью, предполагают рассмотрение этих групп топонимов, их структуры, хронологии, семантики в контексте финской миграции в США, анализ отдельных фактов топонимического нейминга, в конечном итоге, определение объема и особенностей указанных топонимов в социокультурном аспекте. Предметом исследования вы-

ступают семантические, словообразовательные, социокультурные и социолингвистические характеристики топонимов в контексте финской эмиграции в США.

Материалом послужила топонимия США, представленная в словарях топонимов, а также сборниках и энциклопедиях по топонимии отдельных штатов США (Миннесота, Мичиган, Массачусетс, Вашингтон, Висконсин). Алгоритм исследования обусловлен целью и включает сбор фактического материала, описание и классификацию, соотнесение семантики и структуры топонимов с социокультурными феноменами.

Методология исследования

Выделенные методом сплошной выборки указанные топонимы были проанализированы с помощью комплекса методов: метода социолингвистической интерпретации (соотношение между языковым и общественным феноменами, социально-коммуникативная функция и отражение существующей идеологии), лингвокультурологического метода (установление культурной семантики языковых знаков) и метода прагматического анализа (обусловленность авторского выбора средств передачи значения знака). Результаты позволяют оценить финский след в топонимии США и соотнести его с вкладом других европейских эмигрантов, выявить особенности социокультурной ассимиляции каждого этноса.

При исследовании данной междисциплинарной проблемы мы опирались на работы широкого диапазона, в первую очередь теоретические исследования советских и российских ученых-топонимистов (А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Е.Л. Березович, В.А. Никонов, Э.М. Мурзев), а также на работы исследователей топонимии англоязычных стран (Mills A., Леонтович О.А., Уразметова А.В.).

Нельзя не согласиться с тем, что название существует только в обществе, и как всякое социальное явление, подчиняется исторической закономерности [5, с. 26]. Английский топонимист А. Миллз (A. Mills) называет топонимы метафорично *linguistic fossils* (языковые ископаемые) [11, с. xi] и утверждает, что несмотря на то, что они были созданы для описания места в плане топографии, внешности, ситуации, использования, владения, они потеряли связь и являются просто знаками. Вместе с тем, Миллз признает, что в каждом топониме за знаком находится часть культурного наследия, включающая язык, исторические события и топографию места [11, с. xi]. Утверждается, что топонимия территории репрезентирует бытовой вариант картины мира [2, с. 79]. В целом, говоря об аксиоматичности культурно-исторической ценности собственных имен, Е.Л. Березович подчерки-

вает необходимость выработки методологии извлечения культурно-исторической информации из имен собственных, ее описания и интерпретации. Сюда ученый относит информацию об этнической истории, социальной жизни, материальной и духовной культуре. Последний тип информации, как утверждает Березович Е.Л., наименее эксплицитен [2, с. 17].

Д.Р. Амирова в рамках данного подхода к исследованию топонимов употребляет термин «этнографический топоним» по отношению к образованным от этнонимов и патронимов, от личных имен, прозвищ, от слов и терминов, отображающих мифологические и религиозные взгляды народа [1, с. 9-15].

Указанные факторы и их комбинации дают простор для классификаций топонимов по разным признакам (в том числе традиционные классификации, основанные на структурном и лексико-семантическом подходе) и обуславливают выводы об этнической и национальной специфике топонимической системы.

Классификации топонимов, предлагаемые топонимистами, при общей схожести отличаются национально-культурными особенностями, что отражает историю, культуру и географию региона. В частности, в топонимии США наблюдается большое количество перенесенных топонимов, однако в отличие от России, где перенос осуществлялся из одного региона в другой, в большинстве случаев в пределах одного языка, перенос топонимов в случае с американской топонимией происходил через океан – из других стран и культур, а также языков.

О.А. Леонтович указывает в качестве факторов разнородности американской топонимии пестроту этнического состава как следствие, в том числе массовой эмиграции [3, с. 178]. Автор подчеркивает исторические и географические факторы специфики и отмечает «субъективную струю» топонимии страны [3, с. 177].

Дж. Р. Стюарт (George R. Stewart), исследователь американской топонимии, выделял такие методы номинации объектов на территории США при прибытии колонистов разного происхождения: описательные (*descriptive*), ассоциативные (*association*), мемориальные (*commemorative*), связанные с происшествиями (*incident*), притяжательные (*possessive*), рекомендательные (*commendatory*), народно-этимологические (*folk etymology*), искусственные (*coined*), ошибочные (*mistake*), перенесенные (*transfer and shift*) [12, с. 44]. Под перенесенными понимают уже существующие топонимы, которые трансплантированы мигрантами с одного места на другое. Такие топонимы называют также топонимами-мигрантами.

Данная классификация в некоторой степени культурно и исторически обусловлена и отражает заселение Нового Света колонистами.

Большая часть исследуемых топонимов в данной статье относятся к группе перенесенных топонимов (transfer/ shift), противопоставленной группе первичных топонимов. Перенесенные топонимы – частое явление в Новом свете, в то время как первичные топонимы – главная модель номинации в ранних обществах. Доля названий, означающих природные свойства объекта, преобладает на ранних ступенях развития и убывает с усилением власти человека над природой [5, с. 26]. Считается, что процесс номинации объекта отличается от переноса имени, поскольку при переносе происходит выбор уже созданного топонима. Поэтому перенесенные имена функционально схожи с памятными именам, как результат ностальгии по месту, обозначенному первичным топонимом.

Появление перенесенных топонимов не является уникальным явлением, их можно обнаружить во многих частях света, поскольку миграции являются присущим человеческому обществу явлением. Передвигаясь в новое место, мигранты несут с собой и знакомые им топонимы. Причины переноса имени разнообразны: по идеологическим мотивам с целью закрепить свое господство [3, с. 166], как ностальгия по покинутой земле и стремление сохранить ее часть в имени, идентификация группы мигрантов с местом происхождения, удобство использования топонима на новом месте, похожим на оставленное.

Рассмотрим, как топонимы финского происхождения вписываются в эту систему, и насколько номинация, категории соотносятся с представленной классификацией, какие особенности обусловлены социолингвистическими факторами: причинами, этапами и временем переселения, особенностями расселения, особенностями языка, принадлежащего к другой языковой семье.

Несмотря на то, что финны относятся к поздним колонистам, преимущественно эмигрировавшими в США в 1864-1920, все же около полутысячи финнов [9, с. 55] участвовали в колонизации Америки еще в XVII веке. Губернатор Пенсильвании У. Пенн писал в 1673 г., что первыми плантаторами были голландцы, а затем финны и шведы, занявшиеся земледелием. Финны прибыли в Америку на территорию, известную как Новая Швеция по разрешению шведской королевы Кристины. Одним из отцов-основателей США был John Morton, этнический финн, отец которого англизировал фамилию Marttinen по прибытию в Америку. Хотя уже к началу XVIII века финны ассимилировались с немцами и англичанами, их наследие – бревенчатая хижина – стала символом американских

первопроходцев [10, с. 5]. Память о финских поселенцах жива в топонимах вдоль реки Делавэр: Finland (Marcus Hook), Torne, Lapland, Finns Point, Mullica Hill, и Mullica River.

После 1809 г., когда Финляндия стала частью Российской империи, финны вместе с русскими работали на Аляске и остались там за неимением средств или возможностей вернуться. Этнические финны, руководители Русско-Американской компании Arvid Adolf Etholén и Johan Hampus Furu-hjelm оставили память о себе в топонимах. Так, остров Etolin (ранее Duke of York) назван в честь уже губернатора Аляски по фамилии Etholén (1840-45). Существуют и другие географические объекты, названные по имени губернатора: Etolin Strait, Etolin Wilderness, Etolin Harbor, Cape Etolin, Mount Etolin. Надо отметить, что топонимы с компонентом Etolin основаны на русском варианте финской фамилии. В честь другого губернатора, а также исследователя и вице-адмирала Фуругельма Ивана Васильевича (фин. Johan Hampus Furu-hjelm) названы гора Mount Furuhelm и улица Furuhelm Street в городе Ситка на Аляске.

Массовая эмиграция финнов в США началась в 1830-х гг. Первыми на новом континенте обосновались часто покинувшие ради земледелия корабли матросы, которые поселились в штатах, имеющих выход к океану, или в крупных городах. В честь одного из них, Carl Erik Engelbert, известного путешественника, банкира и промышленника, сменившего имя на Charles Linn Sjö-dahl, назван парк Linn Park в Алабаме в 1980 г. В целом, это были единичные случаи, поэтому топонимов, напоминавших об этом периоде, немного.

В 1860-70-х гг. массовые переезды финнов были связаны со следующими причинами. Компании, добывающие медь в Мичигане, набирали опытных рабочих из Финляндии, вслед за которыми двинулись и другие, поскольку газеты ярко описывали США как страну свободы, демократии и равенства. Наибольшее количество финнов прибыло в штат Миннесота, который получил прозвище «Хельсинки в Америке». В Мичигане проживало 40% эмигрантов из Финляндии [9, с. 55-56]. Финны селились общинами вне крупных городов, сохраняя свою культуру, язык, церковь, образ жизни и традиционные занятия (добыча полезных ископаемых, заготовка леса и земледелие). Они по большей части приехали в Америку заработать и вернуться на родину, однако далеко не всем это удалось. Ностальгия по родине обусловила наличие множества топонимов, имеющих финское происхождения или отношение к финскости, в указанных штатах, которые прилагаются к небольшим поселениям и территориям, основанных или в основном заселенных финнами, или к мел-

ким географическим объектам, зачастую ранее не имевшим обозначения. Наибольшее количество топонимов обнаруживается в Миннесоте, Мичигане и Висконсине, т.к. именно эти штаты, топографически и климатически похожие на Финляндию, приняли финских переселенцев.

Интересно то, что топоним зачастую переносится на другой объект, например, с озера на населенный пункт, с государства на населенный пункт и т.д. Перенос названия с одного объекта на другой меняет географическое содержание топонима [5, с. 116]. Никонов выделяет метафорические переносы названия по кажущемуся кому-либо сходству (при этом другие могут не видеть сходства) или идеологические как результат моральной связи нового названия с его прототипом (память о родном месте) [5, с. 117]. Также наблюдается тенденция минимизирования объекта, на который переносится топоним, отсюда многие топонимы становятся микротопонимами, т.е. топонимами, известными узкому кругу людей, живущих вблизи микрообъекта [6, с. 86]. Наличие большого количества топонимов для обозначения мелких поселений говорит о желании ранних финских поселенцев держаться вместе и жить изолированно от других этнических групп после прибытия в США (что само по себе было значительным событием для крестьян, ранее живших в основном замкнуто) и сохранить в себе часть родины.

Ожидаемо, что перенесенные топонимы будут заметной частью в топонимии финского происхождения. Рассмотрим примеры из этой группы. Интерес представляет название местечка Lodoga в округе Колуса, штат Калифорния. В 1902 г. на карте оно было обозначено как Ladoga, что, возможно, названо в честь озера Ладога или в честь ранее основанного финнами населенного пункта Ladoga в Индиане или Висконсине. Тауншип Savo в Южной Дакоте назван по финской исторической провинции Savo. Деревня Larsmont в штате Миннесота названа финско-шведскими поселенцами по родному городу Larsmo на севере Финляндии с добавлением английского форманта -nt (от mount/mountain) [Upham, 311], структурно этот топоним также относится к искусственным. Деревня Suomi (1916) основана финскими мигрантами. Тауншип Salo назван по финскому городу Salo «лес, чаща».

Деревня Wainola в штате Мичиган дает пример мемориального топонима (коммеморативного). Поселившиеся здесь первыми финны назвали место по распространенному финскому имени Väinö (Waino), следовательно Wainola – дом Waino. Невключенная территория Waino в штате Висконсин в свое время была центром финской эмиграции. Деревня Kaleva, находящаяся в Мичигане, названа по легендарному карело-финскому эпосу Калевала

и основана Якобом Саари для финских эмигрантов. В штате Миннесота находится тауншип (административная единица) Kalevala Township, также основанный финскими переселенцами. Невключенная община Tapiola в Мичигане названа по имени финского мифологического бога леса Тапио, Tapiola – земля бога Tapio. Местечко Samro в штате Вайоминг названо по волшебному предмету как источнику счастья в Калевале. Деревня Snellman в штате Миннесота также представляет собой пример мемориального имени в честь известного финского философа, политика и ученого, идеолога финского национального движения Юхана Вильгельма Снельмана (Johan Vilhelm Snellman, 1806-1881) [13, с. 34]. Невключенная коммуна в штате Миннесота Esko носит имя одного из 19 основателей поселения Александра Эско, который занялся земледелием до 1890 г. Ныне не существующий город Pelto (фин. «вспаханное поле») в штате Северная Дакота недалеко от границы с Миннесотой назван (1914) по финской фамилии Джона Пелто, первопоселенца или основателя (1887) [14, с. 215]. Доказательством этого служит то, что наибольшее количество носителей этой фамилии живут в соседнем штате Миннесота. Деревня Heinola в штате Миннесота названа по фамилии Matti Heinonen, в доме которого открылся магазин, а затем в 1908 и селение. Коммуна Pelkie в штате Мичиган, названа, предположительно, в честь финна-первopоселенца по фамилии Pelkinen. Этническая отнесенность в этом случае обусловлена наличием большого числа мигрантов из Финляндии в этом месте. Ранее это место называлось Күго, которое изменилось на Kugo как более подходящего для алфавита в связи со строительством железной дороги. Местечко Nisula названо по имени финна-мигранта Аугуста Нисула, который в 1903 г. первым прибыл в это место и основал почту. Ныне не существующий город Karinen в Южной Дакоте был основан семьей финских первопроходцев. Erkki Mullikka, один из финских поселенцев 17 века получил топонимы в штате Нью Джерси, на берегах реки Делавэр: Township of Mullica, Mullica River, Mullica Hill, Mullica Hill Pond, Mullica Landing Point.

Обобщая примеры, выделим основу для номинации в этой группе. Большинство приведенных случаев населенный пункт получает название по фамилии первopоселенца (-ев) или основателя, иногда с добавлением топоформанта -la или с удалением форманта антропонима -nen для придания слову языковых черт топонима. Основой номинации служит также распространенное этническое имя, этническое имя мифологического персонажа (Kaleva, Tapio), мифический предмет, фамилия известного человека, соотносимого с идеологией

этничности (Snellman). С мифическим персонажем соотносится место его обитания, которое также становится топонимом. Важной особенностью данных топонимов является то, что они характерны для третьего этапа миграции, самого массового, вынужденного бедностью финнов на родине и обусловленного их надеждой на лучшую долю. В этих топонимах отразилась ностальгия по родине, стремление сохранить этническую идентичность и гордость за историческое прошлое, что помогало мигрантам преодолевать трудности и иметь опору в новой жизни.

Следующая группа топонимов является псевдоперенесенными, поскольку при сохранении экстралингвистической основы, когда топоним соотносится с местом в Финляндии, лингвистически эти топонимы являются английскими словами. Деревня Finland в штате Миннесота появилась благодаря финским иммигрантам в 1895 г., хотя название получила только в 1911 г. [13, с. 310]. Озеро Finn Lake в штате Миннесота названо по преобладающему этническому происхождению поселенцев. Мыс Finns Point на границе штатов Нью-Джерси и Делавэр был назван финнами, поскольку был частью колонии New Sweden в 1638 г. Невключенная община Lapland в Индиане также имеет отношение к финским поселенцам. Другие примеры: ручей Finn Creek, долина Finn Draw, нефтяное месторождение Finn Oil Field, местечко Finn Hall, залив Finn Harbor, долины Finn Canyon и Finn Hollow, болото Finn Swamp и др. Сложно выяснить сейчас, кто является автором топонимов – финны, использовавшие английский язык, или англоязычные американцы для выделения территории группы финнов или по ассоциации с этничностью европейских первопоселенцев территории. В этом случае данные топонимы являются в некотором роде экзотопонимами для финской эмиграции, т.к. названия Suomi и Lappi переведены на английский язык. В международной картографической терминологии Финляндия по господствующей европейской модели является экзонимом страны Suomi [4, с. 211]. Название страны Суоми (Suomi) – «земля болот» (от suo «болото», maa «земля»). Шведское название Finland – «страна охотников» (от др.-сканд. fin «охотник», land «земля, страна») [7, с. 439].

Подводя черту под многочисленными примерами, выделенными в одну группу по социолингвистическим причинам, отметим языковые особенности. Топонимы Suomi, Savo, Salo, Ladoga является полностью перенесенными, т.к. сохранилось финское написание и значение. Однако, топонимы Finland, Finn Lake, Finns Point, Lapland не содержат элементов финского языка, они являются английскими словами, и с финскостью связаны

по соотнесенности. Возможно, название было дано другими этническими группами или самими англоговорящими финнами для обозначения границ финской территории. Также необходимо отметить, что перенос топонима осуществлялся с изменением категории, например, лимноним (имя озера) стал ойконимом (название населенного пункта). Топоним как название страны, провинции был перенесен на населенный пункт.

К рекомендательным или оценочным топонимам можно отнести следующие. Место Toivola («место надежды») в штате Мичиган, которое получило свое название в 1901 г. в связи со строительством железнодорожной платформы первоначально называлось Urhola («место героев») т.к. автор топонима пастор Хайдеман, который должен был указать место крещения детей, предположил, что только герои могут жить в таких сложных условиях. Toivola считалось более оптимистичным названием для места проживания общины. Незаселенная община Onnela («место счастья») основана поселенцами с севера Финляндии. Данные топонимы отражают мечту мигрантов, покинувших родные места в поисках лучшей доли, и призрачный ориентир на лучшую жизнь.

Гибридные топонимы являются своего рода компромиссом между финским и английским языками, когда финское слово в ассимилированной форме употребляется с родовым английским компонентом. Так, небольшая река в штате Мичиган называется Jarvi Creek от финского järvi «озеро». Данный пример показывает утрату особенностей финской графики. Интересным представляется здесь использование родового финского слова в качестве собственного, т.к. в английском языке оно не этимологизируется. Другие примеры: небольшие реки Hanson Creek, Haukkala Creek, Kurikka Creek, Ladoga Creek, Ojalla Creek, Maki Creek, Salme Creek, местечки Salmi Ranch, Sampo Mine, Oma Township, озера Lehto Lake, Maki Lake, Kauppi Lake, Wirkkala Ponds.

Выводы

Исследование сегмента топонимии США, обусловленной финской иммиграцией, позволило сделать следующие выводы:

1. Выделяются три этапа переселения финнов на территорию США. Каждый этап характеризуется объемом миграции и местом переселения. Эти факторы напрямую повлияли на объем и социокультурную характеристику исследуемых топонимов. Так, наибольшее количество топонимов появилось в результате самого массового этапа миграции. Топонимы, появившиеся на Аляске, связаны с антропонимами и образованы «сверху», а не «снизу». Топонимы

первой волны финской миграции преимущественно являются английскими словами.

2. Топонимы, связанные с миграцией финнов, в социолингвистическом аспекте являются словами английского языка, словами финского происхождения, зачастую ассимилированными, и гибридными явлениями.

3. Значительное количество топонимов, появившихся в результате третьей волны миграции, являются перенесенными (трансплантированными), которые также можно характеризовать как мемориальные или коммеморативные.

4. При перенесении финского топонима в США наблюдается переход топонимов из одной категории в другой, например, лимноним становится ойконимом. Одной из причин этого видится отсутствие соответствующего географического или географо-политического объекта, например, страна/ государство Suomi в Европе соотносится с древней Suomi в США. Также присутствует минимизация топонима.

5. Отмечаем культурную мотивированность топонимов, обусловленных финской миграцией в США, которая преобладает над природной и географической, поскольку эти топонимы являются вторичными и характерны для этапа более развитого общества.

Уникальная история возникновения и развития США обусловила значительный пласт этнически обусловленных топонимов, в частности, созданных переселенцами из Европы. Несмотря на общие причины и условия миграции, каждая этническая группа получила собственный опыт переезда и ассимиляции, что получило отражение в том числе в топонимии.

Литература

1. Амирова Дж.Р. Этнографические топонимы Азербайджана: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1992.
2. Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Мифологический образ пространства. М.: Либроком, 2009.
3. Леонтович О.А. Введение в англоязычную ономастику. М.КДУ, 2012.
4. Мурзаев Э.М. Топонимика и география. М.: Наука, 1995.
5. Никонов В.А. Введение в топонимику. М.: Изд-во ЛКИБ 2011.
6. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978.
7. Поспелов Е.М. Географические названия мира: Топонимический словарь. М.: Русские словари: Астрель: АСТ, 2002.

8. Уразметова А.В. Топонимическая система США. Первичная и вторичная номинация. М.: Флинта, 2018.

9. Coleman N.L., Veka O. A Handbook of Scandinavian Names. University of Wisconsin Press, 2010.

10. Knipping M. Finns in Wisconsin. Wisconsin Historical Society, 2013.

11. Mills A.D. Oxford Dictionary of the British Place Names. Oxford, 2003.

12. Kovecses Z. American English: An Introduction. Broadview Press, 2000.

13. Upham W. Minnesota Place Names: A Geographical Encyclopedia Minnesota Historical Society Press, 2001.

14. Williams M.A.B. Origins of North Dakota Place Names. Bismarck tribune, 1966.

References

1. Amirova Dzh.R. Etnograficheskie toponimy Azerbajdzhana: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Baku, 1992.
2. Berezovich E.L. Russkaya toponimiya v etnolingvisticheskom aspekte: Mifologicheskij obraz prostranstva. M.: Librokom, 2009.
3. Leontovich O.A. Vvedenie v angloyazychnuyu onomastiku. M.KDU, 2012.
4. Murzaev E.M. Toponimika i geografiya. M.: Nauka, 1995.
5. Nikonov V.A. Vvedenie v toponimiku. M.: Izd-vo LKIb 2011.
6. Podol'skaya N.V. Slovar' russkoj onomasticheskoy terminologii. M.: Nauka, 1978.
7. Pospelov E.M. Geograficheskie nazvaniya mira: Toponimicheskij slovar'. M.: Russkie slovari: Astrel': ACT, 2002.
8. Urazmetova A.V. Toponimicheskaya sistema SSHA. Pervichnaya i vtorichnaya nominaciya. M.: Flinta, 2018.
9. Coleman N.L., Veka O. A Handbook of Scandinavian Names. University of Wisconsin Press, 2010.
10. Knipping M. Finns in Wisconsin. Wisconsin Historical Society, 2013.
11. Mills A.D. Oxford Dictionary of the British Place Names. Oxford, 2003.
12. Kovecses Z. American English: An Introduction. Broadview Press, 2000.
13. Upham W. Minnesota Place Names: A Geographical Encyclopedia Minnesota Historical Society Press, 2001.
14. Williams M.A.B. Origins of North Dakota Place Names. Bismarck tribune, 1966.

PLACE NAMES OF FINNISH ORIGIN IN THE USA: SOCIAL AND CULTURAL ASPECTS

*Abramova E.I., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Moscow Region State University*

Abstract: the paper researches into social and cultural aspects of US place names conditioned by Finnish migration in the XVII-XX centuries. These place names reflect the ideology, cultural heritage, migration experience, assimilation in the USA and domineering occupations of Finnish immigrants. The objective of the research is to analyse and assess the Finnish sociocultural contribution to the US toponymy, which involves examining these place names, their structure, chronology, semantics in the light of the Finnish migration to the USA, case studies of some place names, assessing the amount and specific features of the toponyms in the sociocultural aspect. The paper describes three stages of Finnish migration to the USA which differ in the number of immigrants, the purpose of migration and location of Finnish settlements. These factors affected the amount of place names the migration gave rise to, and sociocultural characteristics of the discussed place names. The paper identifies the fact that the place names formed in the first period of Finnish migration are predominantly English-based words. Most place names of Finnish origin appeared during massive migration of Finns to the USA. The research discovered the fact that place names linked with Finnish migration to the USA are etymologically English words, Finnish words, which are frequently assimilated, and hybrid names. Most place names, the third wave of migration resulted in, are transfer place names, which pragmatically are commemorative names. Moreover, transferred toponyms are frequently used for a geographical object of a different category due to the absence of the corresponding object. Also, some place names are minimized. On the whole, these place names are conditioned more by cultural rather than geographical and landscape factors because these place names are categorized as secondary, which are typical of more developed society. The results of the research may be of interest to those working in the sphere of sociolinguistics, linguistic oculture, lexicology, country studies and intercultural communication. The algorithm can be applied to analyse the contribution to the US toponymy by other ethnic groups.

Keywords: place name, toponym, migration, transfer toponym, hybrid toponym, Finnish, topoformant

ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОЙ РАЗГОВОРНОЙ ЛЕКСИКИ И СЛОЖНОСТИ ЕЕ ПЕРЕВОДА В РОМАНЕ Б. НОАК «БАСТИАН»

*Барова А.Г., старший преподаватель,
Елабужский институт,
Казанский федеральный университет*

Аннотация: статье рассматриваются особенности разговорной лексики в романе Б.Ноак «Бастиян» и возможности ее перевода с немецкого языка на русский. Актуальность статьи определяется возросшим интересом к проблемам адекватной передачи смысла художественного иноязычного текста при переводе, в соответствии с авторским замыслом, а также необходимостью исследования разговорной, просторечной лексики как неотъемлемой части речи человека. Перевод художественных текстов представляет собой особый вид деятельности и связан со многими сложностями, поскольку должен осуществляться с учетом языковых, культурологических, социальных и других факторов. В связи с этим мы ставим следующие задачи: рассмотреть понятия «разговорная речь», «разговорная лексика немецкого языка», охарактеризовать основные особенности немецкой разговорной лексики; проанализировать особенности немецкой разговорной лексики и возможности ее перевода в романе Б. Ноак "Бастиян".

Проведенный анализ позволил выявить, что в произведении преобладают слова со сниженной стилистической окраской, имеющие фонетические особенности, характерные для разговорной лексики. Теоретическая значимость работы определяется введением в научный оборот художественного текста Б.Ноак, отсутствующего в русскоязычном переводе, а также определением территориальных и иных особенностей немецкой разговорной речи. Практическая значимость заключается в возможном использовании данных материалов на занятиях по практике перевода, в качестве лингвостилистического анализа текста.

Ключевые слова: разговорная лексика, перевод, немецкий язык, фонетические особенности, диалект, фразеологическая единица

Постановка проблемы

В своем функциональном аспекте язык характеризуется несколькими уровнями, из которых особого внимания заслуживает лексический, так как именно лексический уровень достаточно «подвижен» и изменчив. При этом наиболее проблемным является разговорный уровень языка, так как он наиболее близок к живой коммуникации, состоит из просторечий, зачастую из жаргонной и табуированной лексики. Как отмечает В.Д. Девкин, говоря о характере разговорной речи, сказанное отличается «одномоментностью», невозможностью возврата, «невозможностью зачеркнуть нежелательное, отказаться от неосторожно и необдуманно сказанного, непосредственность и импульсивность высказывания ставят перед говорящим ряд психологических проблем, которые влияют на оформление речи» [2, с. 15]. Разговорная речь является тем пластом современного языка, который используется в неофициальном, неформальном устном общении, отличается от языка литературного, официального целым рядом фонетических, грамматических, лексических, стилистических признаков и особенностей.

В текстах художественной литературы разговорная лексика часто используется с целью создания индивидуальности образа, для передачи определенного колорита быта и речи, как средство придания особой эмоциональности речи.

Важно помнить, что, реконструируя речевые особенности своих персонажей, производя отбор лексики, писатель руководствуется собственными

принципами, исходит из поставленных им задач. По утверждению Я. И. Рецкера, «адекватный перевод невозможен без учета стилистической стороны подлинника» [5, с. 130]. Очевидно, что переводчик должен стремиться сохранить художественную и стилистическую окраску исходного текста, стараться правильно воспроизводить стиль художественного произведения, которое он переводит. Согласно В.Н.Комиссарову, перевод – это вид языкового посредничества, который всецело ориентирован на оригинал [3]. То есть одной из основных задач при переводе является передача не только идейного содержания, но и того эмоционального фона, который заключен в языке оригинала. Важным при переводе является принятие во внимание особенностей национальной культуры, традиций народов-носителей языка. При переводе необходимо учитывать, что некоторые лексические элементы могут иметь ярко выраженную национальную окраску, и при переводе не всегда удаётся найти подходящее соответствие в языке перевода.

В качестве языковых особенностей разговорного стиля можно определить следующие: использование невербальных средств (интонация, ритм, паузы, темп речи) употребление обиходной лексики, фразеологических оборотов, диалектизмов, эмоционально экспрессивной лексики; использование грамматических конструкций, для которых характерны неполные предложения, нарушение синтаксиса и др.

Результаты исследования Особенности разговорной речи в романе Б. Ноак «Бастиан»

Роман Б.Ноак «Бастиан» повествует о жизни немецкого студента Бастиана Гутмана, который влюбляется в Катарину Фройде, работающую врачом и проводит свое свободное время с ней. Герои книги раскрываются через такие характеристики как речь, описание внешности, поступки, психологический портрет – все это помогает проанализировать сам персонаж и понять тот смысл, который писатель скрыл в этом герое. Язык не только является отражением действительности, но интерпретирует ее, создает культурную реальность, в которой пребывает человек. Учитывая то, что Б. Ноак пишет о жизни простых людей, а герои ее произведений – это представители молодого поколения, то их речь зачастую изобилует разговорной и диалектной лексикой. Анализ речевого облика персонажей способствует раскрытию и особенностей поэтики произведений писательницы.

Что касается особенностей немецкой разговорной лексики, то на примере романа Б.Ноак «Бастиан» были выделены следующие характерные для речи героев черты.

1. Фонетические особенности:

1. Наличие элизии. Элизия в лингвистике выражается посредством усечения (сжимания) звука (гласного, согласного или слога) в слове или целой фразе, с целью экономии произносительных усилий говорящего. Элизия может быть непреднамеренной и восприниматься как «невнятное произношение» или как «пропущенный звук» в непрерывном потоке речи [6].

„Dann nehmen S' doch zwei“, sagte die Blumenfrau [7, S. 13].

„Ja. Hab' ich“ [7, p. 15].

„Ich werd' nächste Woche entlassen“ [7, p. 82].

„Ich geb' ihr nicht die Flasche“, schrie er. „Ich geb' ihr die Brust!“ [7, p. 134]

2. Аферезис – утрата начального звука или звуков слова. Аферезисные сокращенные единицы состоят в основном из двух, реже одного слогов, встречаются преимущественно в обиходной разговорной речи и могут иметь оттенок фамильярности [1, с. 64].

„Was 'n los?“ [7, p. 27]

„Da liegst du 'rum“, schrie er voll sittlicher Empörung [7, p. 27].

„Micky, ich rate dir, such dir 'ne andere Bleibe. Sonst gibt's ein Unglück!“ [7, p. 28]

„Wir setzen uns da 'rüber“ [7, p. 67].

„Und wenn wir Bruder Hermann nach Haus schicken mit 'nem schönen Gruß, wir kämen später?“ [7, p. 233]

3. Синкопа – фонетическое явление, заключающееся в выпадении как правило безударного звука, или группы звуков, или даже целого слога в слове (чаще всего в середине слова).

Doktor Freude ist *drin* [7, p. 18].

„Machen Sie sich nichts *draus*“ [7, p. 19].

„Das kommt *drauf* an“ [7, p. 53].

4. Стяжение – слияние двух смежных гласных в один гласный или в дифтонг. Стяжение, как и другие фонетические изменения, бывает часто фонетическим, но также может стать частью морфологии языка.

„Ich hab' ihn *im* Urlaub kennen gelernt – vorigen Herbst“ [7, p. 32].

Er hatte Katharina Freude *am* Ende des Flurs gesehen [7, p. 53].

Sie hörte seine Abwärtssprünge auf der Treppe und kehrte *ins* Zimmer zurück und wusste nicht, wo sie mit dem Auf- und Umräumen beginnen sollte [7, p. 123].

„Hübsch“, sagte Susi und legte Kathrinchen *aufs* Bett [7, p. 123].

2. Лексические особенности:

1. Присутствие слов со сниженной стилистической окраской.

„Im Krankenhaus muss jeder Strauß seine eigene Vase haben, egal, wie *spillrig* er ist“ [7, p. 15]. В данном примере использовано слово *spillrig* – разговорный вариант слова *dürr* (скудный).

„Sie schimpfen, wenn man Soße aufs Bett *kleckert*“ [7, p. 16]. *Kleckern* – разговорная форма слов *sich beflecken, schmutzen*.

Eine ganz junge Lernschwester schubste das Bett vor sich her im Takt zu ihrem mexikanischen *Geträller* [7, p. 17]. В данном примере вместо нейтрального слова *der Gesang* автор использовала разговорное – *das Geträller*.

„Ich hatte eine *Karambolage*“ [7, p. 71]. *Die Karambolage* – полисемантическое слово, и в этом примере было использовано его разговорное значение.

2. Использование в речи усилительных частиц, таких как *ja, doch, mal* и т.д. Это очень важная часть каждого языка, ведь именно они помогают нам правильно расставить акценты, подчеркнуть что-то, выделить из общего контекста. Без частиц язык был бы сухим и невзрачным.

„Siehst du *doch*. Ich bekomme ein Baby“ [7, p. 31].

„Wer hat *denn* gesagt, dass deine Hose nicht fein genug ist, wer hat *denn* gesagt, dass du eine neue kaufen sollst? Wer *denn*, bitte schön?“ [7, p. 206].

„Ich mein *ja bloß*“, sagte sie einlenkend [7, p. 206].

„Na, das ist *ja* prima, Frau Guthmann“, rief er bestürzt munter [7, p. 256].

„Da, Bub – hör die das zu, was hier steht: ‚Die alte Frau Guthmann‘ – in Klammern ‚70‘ – kannst du mir mal sagen, weshalb sie hinter jeden, über den sie schreiben, das Alter setzen müssen?“ [7, p. 276]

3. Так называемые слова-отговорки, которые «поглощают» значения многих слов и которые можно понять только из контекста ситуации (Ding, Sache, Zimt, machen и т. д.)

„Machen Sie sich nichts draus“ [7, p. 19]. Этот пример можно перевести, как “*Не парьтесь*”.

„So ein goldiges Ding!“ [7, p. 53] В этом случае слово *Ding* можно опустить и перевести предложение, как “*Какая прелесть!*”

3. Синтаксические особенности:

1. Употребление эллиптических предложений. Эллипсис определяется как пропуск элемента высказывания, легко восстанавливаемого в данном контексте или ситуации.

„Kennen Sie ihn?“ – “*Flüchtig*” [7, p. 92].

„Was repariert dein Vater?“ – „*Augen*“ [7, p. 232].

2. Обрыв предложений, когда мысль не договаривается до конца.

„Ach geh – schlimm?“ [7, p. 13]

„Siehst du, Bub. Wenn ich nicht so gedrängt hätte – steig aus – schnell –“ [7, p. 108]

„Das fragst du mich? Fährst mit einem Biene in meinem Auto spazieren, während ich...“ [7, p. 193]

3. Наличие междометий в предложениях. Основная функция междометий – придание речи разнообразной эмоциональной окраски. Междометия широко применяются в современном немецком языке и являются неотъемлемой составляющей эмоционально окрашенной разговорной речи, делающая ее более экспрессивной и живой.

„Achgottachgott!“ [7, p. 16]

„Ach Sie schon wieder“ [7, p. 33].

„Aha“ [7, S. 82].

„Tja... eigentlich komisch“ [7, p. 245].

Основной характерной чертой разговорной речи является ее диалогичность, что вовсе не означает, что она используется только в диалогах. С таким же успехом специфическая разговорная речь может представлять собой монолог или полилог. На примере романа «Бастиан» мы увидели, что немецкая разговорная речь имеет множество фонетических, лексических и синтаксических особенностей. Особенно много в тексте различных междометий и частиц-усилителей, что делает речь персонажей выразительнее и эмоциональнее.

Проблема перевода разговорной речи

Поскольку в произведениях Б. Ноак действие, как правило, разворачивается в Берлине или Баварии, то достаточно широко для придания речи местного колорита используются диалектизмы, служащие отражением типичных особенностей жизни населения, такие как *Clarks* – британский,

интернациональный изготовитель обуви и продавец; *der Mottenfiffi* – ироничное название плюшевого медведя; *die Ische* – разговорное для *das Mädchen* (*девушка*), *der Knies* территориальное для *der Streit* (*спор, ссора*) – использование подобной лексики показывает тесную связь языка художественных произведений данного автора с живым языком.

Речь героев изобилует диалектной лексикой, что является одной из основных проблем для понимания её читателем: *Diese Familie vermehrt sich wie die Karnickel...* (7, p. 46) – «Эта семья размножается как кролики» (перевод А.Г. Баровой). *Das Karnickel* территориальное название кроликов, в литературном немецком общераспространенным является слово *das Kaninchen*.

В качестве примеров разговорной речи, приведем следующие отрывки из текста. «Aber manchmal ist es *verflixt* schwer so allein» [7, p. 32]. Слово *verflixt* относится к словам сниженного регистра и может звучать даже грубо. Русские эквиваленты этого слова: проклятый, чертовский. Таким образом, мы можем перевести данный пример, как «Но иногда *чертовски* тяжело быть одной» (перевод А.Г. Баровой). Если при переводе мы постараемся избежать фамильярной лексики, то можно использовать нейтральные слова, усиливающие значения слов, например, «ужасно», «очень», «невероятно» и т.д.

«Ach, *Mensch! Mensch, Micky*» – [7, p. 29]. *Mensch* в разговорной речи используется как форма обращения в ситуациях восклицания, удивления, шока или восхищения. В данном случае нам понадобится лексическая трансформация, и предложение на русском будет звучать следующим образом: «О, *Боже! Господи, Микки*» (перевод А.Г. Баровой).

Не являются единичными фразеологические русские соответствия немецким отдельным жаргонным словам. «*Die gehen höchstens auf die Nerven*» [7, p. 18] – «Которые, в крайнем случае, лишь *действуют на нервы*» (перевод А.Г. Баровой). «*Bastian war abgeblitzt*» [7, p. 19] – «Бастиан *получил от ворот поворот*» (перевод А.Г. Баровой). Окраска идиом и фразеологизмов схожа с разговорной. При отсутствии в переводящем языке соответствий переводчик вынужден искать замены.

«Eine ganz junge Lernschwester *schubste* das Bett vor sich her im Takt zu ihrem mexikanischen *Geträller*» [7, p. 17]. Глагол *schubsen* имеет нейтральный синоним – *anstößen/ stoßen*. *Das Geträller* в этом примере – также практически полное соответствие литературного существительного *der Gesang*. При переводе на русский язык в этом случае необходима нейтральная стилистика: «*Очень молодая медсестра толкала кровать вперед в такт мек-*

сиканским песенкам, которые она напевала» (перевод А.Г. Баровой).

«Auf dem Sofa, auf seinem Arbeitstisch, den Stühlen und am Fußboden lagen ihre Ketten, Höschen, Blüschchen, Jeans – soviel *Plunder* auf seinem Besitzung – und der ärgste *Plunder* war Micky selbst in seinem Bett... » [7, p. 27] – «На диване, на рабочем столе, на стульях и на полу лежали ее бусы, нижнее белье, блузки, джинсы – куча всякого *барахла*, разбросанного по его квартире – и самым главным *барахлом* была Микки, лежащая в его кровати...» (перевод А.Г. Баровой). В случае с этим примером важно передать отношение главного героя к персонажу, которого он описывает. Замена разговорного слова *der Plunder* нейтральным эквивалентом означала бы потерю эмфазы.

«Im Krankenhaus muss jeder Strauß seine eigene Vase haben, egal, wie *spillrig* er ist» [7, p. 15]. *Spillrig* может выступать в качестве просторечного синонима слова *dürr*, и обозначать «худощавый», «тощий», «худой как щепка». Поскольку это прилагательное относится к слову *Strauß*, мы переводим предложение, соблюдая узуальную норму: «В больнице у каждого букета должна быть своя ваза, независимо от того, насколько он *скуден*» (перевод А.Г. Баровой).

Прилагательное *geschafft* – многозначное. В разговорной речи оно обозначает измотанное, очень изнурительное состояние, и может передаваться с очень яркой семантикой, например, «в полнейшей замоте» или «без задних ног». В следующем примере мы решили выбрать нейтральный эквивалент, подходящий по контексту: *Er war geschafft* [7, p. 17]. – Он был *измотан*.

Разговорный глагол *kleckern* имеет отрицательную, даже ироничную семантику. Его можно перевести, как пачкать, пачкаться во время еды, есть неаккуратно. Рассмотрим пример: «*Sie schimpfen, wenn man Soße aufs Bett kleckert*» [7, p. 16]. – «Чуть *испачкаешь* простынь соусом, они сразу начинают ругаться» (перевод А.Г. Баровой).

«...Ihre Familie *stand Kopf*...» [7, p. 19] – данный пример показывает, что использованная фразеологическая единица участвует не только в категоризации пространственных отношений, но и при вторичной метафоризации служат для обозначения значений оппозиции «правильное-неправильное» положение объектов, отношений. При переводе мы не стали использовать русский эквивалент фразеологизма, вместо этого мы выбрали более нейтральное выражение: «...Ваша семья была *ошарашена*...» (перевод А.Г. Баровой).

Неопытные германисты могут испытывать трудности при переводе глагола *gucken*, тогда как его синонимы *schauen* и *sehen* известны и понятны всем. Поскольку в данном случае переход из фа-

мильярной стилистики в просторечье очевиден, остановим свой выбор эквивалента в переводе на русских глаголах смотреть, выглядеть. «*Wie ein Penner*» – «*Ich guck‘ gern in die Bäume. Du nicht?*» [7, p. 184] – «Ну и дурак» – «Мне нравится смотреть на деревья, а тебе – нет?» (перевод А.Г. Баровой). У существительного *Penner* есть два значения: так называют людей без места жительства, бездомных, а ещё используют это слово в качестве оскорбления.

Заключение

Анализ языкового материала показал, что при переводе художественных текстов важен учет многих особенностей: социальных, культурных, этических и эстетических установок, традиций словоупотребления в соответствующей среде.

При переводе немецкой лексики со сниженной стилистикой чаще всего приходится прибегать к языковым средствам русского языка без определенной стилистической окраски. Использование сниженной лексики русского языка при переводе необходимо только тогда, когда эквивалент не нарушает эстетику текста перевода.

Одной из задач переводчика является вызвать у читателя те же эмоции, что и оригинальной произведение. Относительно произведения Б. Ноак «Бастиян» можно сделать следующие выводы: в романе преобладает разговорный стиль повествования. Наиболее частые явления – фонетические особенности (элизия, афerezис, синкопа и стяжение) и слова со сниженной окраской; часто встречаются частицы-усилители и междометия, наблюдаются эллиптические предложения, но намного реже.

Мы предложили свой вариант перевода некоторых примеров из романа, ввиду отсутствия русскоязычного варианта данного произведения, и проанализировали отдельные лексические единицы, относящиеся к словам сниженного регистра. Мы выявили, что при переводе такой экспрессивной лексики важно не только опираться на эквивалент в литературном варианте языка, но и учитывать денотативное значение используемой лексической единицы, её территориальный вариант, порой и идеологическую окрашенность.

Литература

1. Алексеева И.С. Введение в переводоведение: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования. 6-е изд., стер. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2012. 368 с.

2. Девкин В.Д. Немецкая разговорная речь. Синтаксис и лексика. М.: Международные отношения, 1979. 256 с.

3. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. Москва: Высш. Шк., 1990. 253 с. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/2063337/> (дата обращения: 20.05.2021)

4. Коняшкин А.А. О соотношении понятий «разговорная речь» и «разговорный стиль» // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-ponyatiy-razgovornaya-rech-i-razgovornyy-stil> (дата обращения: 2.07.2021)

5. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. М.: «Р. Валент», 2007. С. 130.

6. Халевина С.Н. Явления редукции и элизии в современном немецком языке. URL: <https://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/1290> (дата обращения: 07.06.2021)

7. Noak B. Bastian. Роман (на нем.яз.). Задания. Ключи: Сост. Заданий Супрун Н.И., М. Майер-Верман. М.: Ин. Язык, 2001. 352 с.

References

1. Alekseeva I.S. Vvedenie v perevodovedenie: ucheb. posobie dlya stud. uchrezhdenij vyssh. prof. Obrazovaniya. 6-e izd., ster. SPb.: Filologicheskij

fakul'tet SPbGU; M.: Izdatel'skij centr «Akademiya», 2012. 368 s.

2. Devkin V.D. Nemeckaya razgovornaya rech'. Sintaksis i leksika. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1979. 256 s.

3. Komissarov V.N. Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty): ucheb. dlya in-tov i fak. inostr. yaz. Moskva: Vyssh. SHk., 1990. 253 s. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/2063337/> (data obrashcheniya: 20.05.2021)

4. Konyashkin A.A. O sootnoshenii ponyatij «razgovornaya rech'» i «razgovornyj stil'». Vestnik Hakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova. 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-ponyatiy-razgovornaya-rech-i-razgovornyy-stil> (data obrashcheniya: 2.07.2021)

5. Recker YA.I. Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika. Ocherki lingvisticheskoy teorii perevoda. M.: «R. Valent», 2007. S. 130.

6. Halevina S.N. YAvleniya redukcii i elizii v sovremennom nemeckom yazyke. URL: <https://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/1290> (data obrashcheniya: 07.06.2021)

7. Noak B. Bastian. Roman (na nem.yaz.). Zadaniya. Klyuchi: Sost. Zadaniy Suprun N.I., M. Majer-Verman. M.: In. YAzyk, 2001. 352 s.

FEATURES OF THE GERMAN COLLOQUIAL VOCABULARY AND THE COMPLEXITY OF ITS TRANSLATION IN THE NOVEL BY B. NOAK "BASTIAN"

*Barova A.G.,
Elabuga Institute,
Kazan (Volga region) Federal University*

Abstract: the article considers the features of the colloquial vocabulary in the novel "Bastian" by B. Noak and the possibilities of its translation from German into Russian. The relevance of the article is determined by the increased interest in the problems of adequate interpretation of the meaning of a literary foreign-language text in translation, in accordance with the author's plan, as well as the need to study spoken, colloquial vocabulary as an integral part of human speech. Translation of literary texts is a special type of activity and is associated with many difficulties, as it must be carried out taking into account linguistic, cultural, social and other factors. In this regard, we set the following tasks: to consider the concepts of "colloquial speech", "colloquial vocabulary of the German language", to characterize the main features of the German colloquial vocabulary; to analyze the features of the German colloquial vocabulary and the possibilities of its translation in B. Noak's novel "Bastian".

The analysis made it possible to reveal that the words with a reduced stylistic coloring, having phonetic features characteristic of colloquial vocabulary, predominate in the work. The theoretical significance of the work is determined by the introduction into scientific circulation of the literary text of B. Noak, which is absent in the Russian translation, as well as the definition of territorial and other features of the German colloquial speech. The practical significance lies in the possible use of these materials in translation practice classes, as a linguistic and stylistic analysis of the text.

Keywords: colloquial vocabulary, translation, German, phonetic features, dialect, phraseology

НЕОСЕМАНТИЗАЦИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО «КОМАНДА» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

*Милявская Н.Б., кандидат филологических наук, доцент,
Остапенко А.А., кандидат филологических наук, доцент,
Балтийский федеральный университет им. И. Канта*

Аннотация: в статье рассматриваются преобразования, произошедшие в семантике существительного *команда* под влиянием английского языка. Обосновывается, что копирование способов употребления английского существительного *team* в российском коммерческом дискурсе приводит к изменению синтагматики существительного *команда* и прилагательного *командный*, к появлению калькированного термина *командообразование (тим билдинг)*, к популяризации фраземы *командный дух (тим спирит)* и активизации ассертивного речевого акта «*Мы – команда*». Результатом изменений в функционировании слова становится его неосемантизация, в рамках которой деактуализируется сема «иерархического подчинения», вытесняемая семой «сплоченность членов команды как условие эффективного достижения поставленных целей».

Ключевые слова: семантическая деривация, неосемантизация, англо-американские заимствования, команда, тим спирит, тимбилдинг

Введение

Изучение изменений, происходящих в значении слова, составляет одну из важнейших задач лексической семантики. Основным вектором в анализе многозначности слова является определение типов семантических сдвигов и описание моделей семантических преобразований. В качестве источника языкового материала используются, как правило, словарные статьи, в которых в соответствии с лексикографической традицией многозначность слова представлена в виде его самостоятельных лексико-семантических вариантов. Значительно менее разработанным является вопрос об изучении семантических преобразований, которые протекают в современных дискурсивных практиках и еще не получили своей фиксации в академических лексикографических источниках [1, 3, 8]. В данной работе анализу подвергается функционирование существительного *команда*, семантика которого претерпела за последние десятилетия значительные изменения, еще не привлечшие внимания российских лингвистов и лексикографов.

Материалы и методы

Теоретико-методологической базой исследования явились работы в области семантической деривации, неосемантизации и англосемантизации как ее разновидности [11, 12]. Особое внимание к семантической деривации связано с активно протекающими в русском и других европейских языках процессами изменения значений слов. Как указывает О.Е. Павловская, «актуальность изучения семантической деривации как одного из основных способов словообразования обусловлена тем, что на протяжении последних десятилетий в связи с глобальными изменениями, происходящими в общественно-политической, экономической, научной и культурной жизни страны, процессы возникновения новых значений у уже существующих слов становятся все более активными, что

отвечает одной из главных потребностей современности – наименованию новых явлений при экономии языковых средств» [6]. Появление у слов новых значений в современном русском языке чаще всего происходит под воздействием английского языка как донора глобализационных перемен, что обусловило использование в нашей работе термина англосемантизация, под которым понимается «изменение значений автохтонных слов под воздействием английского языка» [12]. Основные методы исследования: дефиниционный, функционально-дискурсивный и сравнительно-сопоставительный анализ.

Результаты и обсуждение

Пришедшее в русский язык из французского языка слово *команда* является многозначным и имеет следующие значения:

Команда, -ы, ж. 1. Краткий устный приказ командира по установленной форме. 2. Начальствование над какой-л. Воинской частью; командование. 3. Небольшая воинская часть. 4. Личный состав, экипаж судна. 5. разг. шутол. Группа лиц, компания, ватага. [4]. Кроме вышеуказанных, в других словарях выделяются дополнительно значения «пожарная команда» и «спортивная команда» [10].

Если принимать во внимание традиционную лексикографическую практику, согласно которой первое значение является исходным, а все остальные производными, то следует признать, что в основе первичных семантических преобразований слова *команда* лежит метонимический сдвиг – от команды как устной формы приказа к ее адресату – группе людей, которые данную команду выполняют. Неслучайно все выделяемые словарями ЛСВ слова относятся к тем объединениям, функционирование которых происходит в рамках подчинения командованию: воинская часть, экипаж судна, пожарная или спортивная команда. Только в значении «группа

лиц, компания» наблюдается деактуализация смыслов «подчинения членов группы ее начальнику» и происходит расширение значения до любой формы объединения людей, маркируемое словарями как принадлежность разговорного стиля.

С конца 90-х годов в России начинается резкая смена социально-экономического устройства, его переориентация на более успешные, западные образцы функционирования. Трансляция англо-американской экономической модели получает свою объективацию в языковой форме, в виде зарождающегося российского экономического дискурса, носящего все признаки вторичности по отношению к дискурсу англоязычному. Объектами заимствований становятся как структурные экономические модели, так и способы их номинации в английском языке. Наряду с прямыми лексическими заимствованиями происходит процесс неосемантизации русских или ранее заимствованных слов. Так, в семантической структуре слова *рынок* на первое место выходит значение 'сфера свободного товарно-денежного обращения', оттесняющее на второй план более привычное, локативное значение «место для торговли». Слово *продукт* переживает семантическое расширение, включая в ряд своих референтов виртуальные продукты и т.п. [3].

Не менее интересные изменения претерпевает семантика существительного *команда*. Примерно с конца 90-ых годов слово начинает активным образом использоваться в текстах менеджмента организации и психологии бизнеса. Данная прикладная область, сама по себе являющаяся в западных странах высокодоходным бизнесом, генерирует различные понятия, которые затем последовательно внушает целевой аудитории в качестве обязательного условия успешного построения и функционирования бизнеса. К числу таких понятий относится и слово *команда*, которое отдельные авторы предлагают считать «термином». Бизнес-психолог М.В. Громова пишет: **«термин «команда» вошел в речевой оборот в организации сравнительно недавно**, поэтому общепринятого его понимания пока нет. Еще 20-30 лет назад главными ассоциациями русского человека, вызываемыми данным словом, были бы приказ, военная или спортивная команда. В настоящее время в бизнесе команда – это «сплоченное взаимодействие членов группы, объединенных одной целью, общими ценностями, умением распределять ответственность и групповые роли» [2]. Сходные определения находим и в других менеджмент-источниках: «Команда – это группа людей, которые регулярно

взаимодействуют и координируют свою работу для достижения общей цели». «Команда – это группа людей, работающих вместе над достижением конкретной бизнес-цели» [13].

Как видим, областью функционирования семантически обновленной *команды* становится бизнес-дискурс, а присущий ранее значению слова иерархический принцип организации «начальник – подчиненный» в предложенных толкованиях отсутствует (во всяком случае, эксплицитно). Напротив, во всех дефинициях подчеркивается взаимодействие, координация и сплоченность членов группы, стремящихся достичь конкретную бизнес-цель. Данные изменения представляют собой калькирование тех смыслов и тех способов речеупотребления английского существительного *team* (команда), которые сложились в рамках англоязычного коммерческого дискурса.

Большинство словарей английского языка указывают на три основных значения данного слова:

Team: 1) a group of people who play a sport or game together against another group of players; 2) a group of people who have been chosen to work together to do a particular job. 3) two or more animals that are used to pull a vehicle [15]. Первое значение относится к спортивным организациям, второе – к области менеджмента и третье именуется группой животных, соответствуя русскому слову *упряжка*. Согласно данным поисковой системы Google, наиболее высокочастотные коллокации слова *team* относятся к его употреблению в качестве прилагательного: *team skills, team work, team leader, team spirit, team building*. Среди атрибутивных сочетаний обращает на себя внимание фразеологизированный оборот *dream team* (команда мечты), представляющий собой своего рода гипоним основного регулятивного концепта американского народонаселения – *American dream* (американская мечта).

Анализ способов внедрения нового, экономического видения слова *команда* в российский коммерческий дискурс показывает, что процесс его англосемантизации происходит в результате калькирования высокочастотных англо-американских коллокаций при параллельном использовании прямых заимствований. Среди согласованных определений слова *команда* чаще всего встречаются: *эффективная, успешная, профессиональная команда*. Обновленную сочетаемость с существительными получает прилагательное *командный*, соответствующее аналитическому английскому прилагательному *team* (*team leader* и т.п.). Если ранее наиболее устойчивым в русском языке сочетанием являлось *командный голос*, закрепленное в культурной

памяти прецедентным текстом «командный голос вырабатываю» (фильм «Офицеры»), то в настоящее время наиболее частотными являются сочетания из области психологии бизнеса: *командная деятельность, работник, стиль, менеджмент, лидер, девиз, дух, дисциплина, компетенции, методы, ценности* и др.

Статус термина приобретает также калькированное с английского *teambuilding* сложное слово *командообразование*. Под командообразованием предлагается понимать:

«Построение команд, командообразование, или тимбилдинг (англ. Team building – построение команды) – термин, обычно используемый в контексте бизнеса и применяемый к широкому диапазону действий для создания и повышения эффективности работы команды [7].

Тимбилдинг (англ. *Team building* – построение команды) – одна из моделей корпоративного менеджмента, обеспечивающих полноценное развитие компании, являющихся одним из наиболее эффективных инструментов управления персоналом и труда в команде [9]. Существуют также определения, которые подчеркивают бенефактивность сплоченной трудовой деятельности для каждого члена команды, например: тимбилдинг – осознанные коллективные действия, на благо каждого индивидуума и команды в целом [9], или же определения, подчеркивающие естественность и благотворность тимбилдинга, осознаваемую уже первобытным человеком: «Первые упоминания о тимбилдинге, как основе совместных действий дошли до нас с наскальной живописью в пещерах эпохи раннего палеолита, на которой изображены сценки коллективной охоты на диких животных» [9].

Следует отметить, что прямое заимствование *тимбилдинг* используется в русскоязычном сегменте интернета значительно чаще (результатов: примерно 1 200 000), нежели его калькированный вариант *командообразование* (результатов: примерно 499 000), что вполне объяснимо, с одной стороны, громоздкостью полученного русскоязычного термина, с другой стороны, свойственной российскому менеджменту традицией использования английских слов как средств повышения своего статуса.

В систему различных техник командообразования (корпоративные встречи, квесты, корпоративы и т.п.) встраивается еще один термин из области бизнес-психологии, функционирующий преимущественно в форме прямого заимствования *тим спирит*, иногда в английском написании *team spirit* (командный дух). Кембриджский словарь истолковывает значение данного сочетания следующим образом [14]:

1. a feeling of belonging together that the members of a group have towards others in the group;

2. a way of thinking and acting that shows loyalty to your team and its members;

3. the feeling of pride and loyalty that exists among the members of a team and that makes them want their team to do well or to be the best.

Как видим, *тим спирит* – это чувство сплоченности, это образ мышления, демонстрирующий лояльность членов команды по отношению друг к другу, и, наконец, это чувство гордости, которое мотивирует членов команды действовать так, чтобы быть лучшими. Иначе говоря, *тим спирит* служит целям увеличения эффективности труда в условиях конкурентного общества, при этом довольно успешно скрывает от участников команд наличие собственника бизнеса, получающего не только духовные дивиденды от высокого командного духа своих работников.

При анализе способов трансляции бизнесценностей в русский дискурс, и, как следствие, в русское языковое сознание, следует обращать внимание не только на структурно-семантические структуры, синтагматику и степень ассимиляции заимствуемых единиц, но и на характер речевых актов, в которых они объективируются. Так, в речи различных персонажей фильмов (особенно молодежных), в победных выкриках групп, тиражируемых российским телевидением в рамках многочисленных конкурсных передач, устойчивым стало употребление ассертивного речевого акта «Мы – команда». В публичной автопрезентации данного типа задействованы аутосуггестивные вербальные техники, способствующие перформатизации высказывания. «Мы – команда» становится своего рода рекурсивным высказыванием, претендующим на статус устойчивого, и выходит за пределы собственно коммерческого дискурса. Национальный корпус русского языка фиксирует значительное количество примеров употребления данного речевого акта вне связи с бизнесом:

- *Как мы с вами здорово объединили наши способности! Мы – настоящая команда!*

- *Мы – творцы, каждый день мы делаем то, что другим кажется невероятным! Дух, сила и воля к победе – это то, что нас объединяет. Мы – команда [5]!*

Заключение

Таким образом, построение системы российского менеджмента на основе англо-американских образцов находит свое отражение в русскоязычном коммерческом дискурсе. Употребление слова *команда* в калькированных с английского языка сочетаниях, изменение синтагматики слова, его фразеологизация в виде сочетаний *тим спирит* и

«Мы – команда», появление сложного слова *командообразование*, или *тимбилдинг* – все это в совокупности приводит к изменению семантики слова *команда*. Сема «принцип иерархического подчинения» деактуализируется, на первый план выходит намеренно экспонируемая сема «сплоченность членов команды», рассматриваемая как условие эффективного достижения поставленных целей.

Литература

1. Белов В.А. Семантическая деривация имен существительных // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 459. С. 5 – 14.
2. Громова М.В. Мы – Команда. URL: <https://www.b-seminar.ru/article/show/154.htm> (дата обращения 21.04.2021).
3. Кацман Е.М. О семантических трансформациях русских существительных в языке коммерции и рекламы // Научный диалог. 2017. № 2. С. 44 – 56.
4. Малый академический словарь / под ред. А.П. Евгеньева. М., 1958. С. 102 – 103.
5. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/index.html>
6. Павловская О.Е., Пузикова Г.В. Проблемы понимания сущности семантической деривации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. 2019. Т. 4 (70). № 2. С. 217 – 231.
7. Построение команд. URL: https://finances.social/management_695/postroenie-komand-39565.html (дата обращения 11.04.2021).
8. «Свое» vs «чужое» в дискурсивных практиках современного русского языка: монография / под ред. Н.Г. Бабенко, Т.М. Шкапенко. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2019.
9. Тимбилдинг. URL: <https://teamevent.ru/stati/timbilding-postroenie-komandy/> (дата обращения: 11.05.2021).
10. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний. М.: Альта-Принт, 2008. 1239 с.
11. Шкапенко Т.М., Ваулина С.С. Проблемы терминологизации и теоретического описания уровней языковой деривации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2020. Т. 19. № 6. С. 204 – 215.
12. Шкапенко Т.М., Милявская Н.Б. Понятие англосемантизма в теории заимствований: к постановке проблемы Universum // Филология и искусствоведение: электрон. научный журнал, 2017. № 9 (43). URL: <http://universum.com/ru/philology/archive/item/5121> (дата обращения: 13.04.2021)

<http://universum.com/ru/philology/archive/item/5121> (дата обращения: 13.04.2021)

13. E-executive.ru. URL: <https://www.e-executive.ru/wiki/> (дата обращения 12.04.2021)

14. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения 21.05.2021)

15. Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/team>

References

1. Belov V.A. Semanticheskaya derivaciya imen sushchestvitel'nyh. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. № 459. S. 5 – 14.
2. Gromova M.V. My – Komanda. URL: <https://www.b-seminar.ru/article/show/154.htm> (data obrashcheniya 21.04.2021).
3. Kacman E.M. O semanticheskikh transformacijah russkikh sushchestvitel'nyh v yazyke kommercii i reklamy. Nauchnyj dialog. 2017. № 2. S. 44 – 56.
4. Malyj akademicheskij slovar'. pod red. A.P. Evgen'eva. M., 1958. S. 102 – 103.
5. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka. URL: <http://ruscorpora.ru/index.html>
6. Pavlovskaya O.E., Puzikova G.V. Problemy ponimaniya sushchnosti semanticheskoy derivacii. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. Nauchnyj zhurnal. 2019. T. 4 (70). № 2. S. 217 – 231.
7. Postroenie komand. URL: https://finances.social/management_695/postroenie-komand-39565.html (data obrashcheniya 11.04.2021).
8. «Svoe» vs «chuzhoe» v diskursivnyh praktikah sovremennogo russkogo yazyka: monografiya. pod red. N.G. Babenko, T.M. SHkapenko. Kaliningrad: Izd-vo BFU im. I. Kanta, 2019.
9. Timbilding. URL: <https://teamevent.ru/stati/timbilding-postroenie-komandy/> (data obrashcheniya: 11.05.2021).
10. Ushakov D.N. Bol'shoj tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo yazyka: 180000 slov i slovosochetanj. M.: Al'ta-Print, 2008. 1239 s.
11. SHkapenko T.M., Vaulina S.S. Problemy terminologizacii i teoreticheskogo opisaniya urovnej yazykovoj derivacii. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, YAzykoznanie. 2020. T. 19. № 6. S. 204 – 215.
12. SHkapenko T.M., Milyavskaya N.B. Ponyatie anglosemantizma v teorii zaimstvovanj: k postanovke problemy Universum. Filologiya i iskusstvovedenie: elektron. nauchnyj zhurnal, 2017. № 9 (43). URL: <http://universum.com/ru/philology/archive/item/5121> (data obrashcheniya: 13.04.2021)

13. E-xecutive.ru. URL: <https://www.e-xecutive.ru/wiki/> (data obrashcheniya 12.04.2021)

14. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (data obrashcheniya 21.05.2021)

15. Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/team>

NEOSEMANTIZATION OF THE NOUN "TEAM" IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE

*Milyavskaya N.B., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Ostapenko A.A., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Immanuel Kant Baltic Federal University*

Abstract: the article discusses the transformations occurred in the semantics of the noun *team* under the influence of the English language. It is proved that reflecting the ways we use the English noun *team* in the Russian commercial discourse leads to a change in syntagmatics of both the noun and adjective *team*, to the appearance of a loan term *teambuilding*, to the popularization of the phraseme *team spirit* and the activation of the assertive speech act "We are a team". Changes in word functioning resulted in its neosemantization, when the seme "hierarchical subordination" is deactualized and replaced by the seme "team members' cohesion as a condition for effective achievement of goals".

Keywords: semantic derivation, neosemantization, Anglo-American borrowings, team, team spirit, team building

ФОРМИРОВАНИЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ДЛЯ ОПИСАНИЯ МИРОТВОРЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ В ИТАЛЬЯНСКОМ И ПОРТУГАЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

*Смирнова М.А., кандидат филологических наук,
Тенилов П.С., кандидат педагогических наук,
Военный университет Министерства обороны Российской Федерации*

Аннотация: статья посвящена изучению основных тенденций, наблюдаемых в итальянском и португальском языках в области развития военной терминологии в лексико-семантическом поле лексемы «миротворчество». Методом компонентного анализа проводится сопоставительное исследование имен собственных, заимствований и калек, формирующих ключевые понятия в указанной области. Помимо необходимости конкретизировать определение военного термина, целью работы является изучение сдвигов в когнитивном пространстве, формирующем концептуальную область войны. Возникновение в языке нового термина обусловлено не только появлением нового денотата, но и изменениями во всем геополитическом комплексе ситуаций, связанных с военными операциями, и их последующей оценкой. Лингвистические вопросы пронизывают все уровни военного дела, от стратегического до оперативно-тактического. Используемая терминология определяет видение участников конфликта относительно его вариантов развития, а также формируют мнение мирового сообщества в целом, что впоследствии сказывается на характере миротворческой операции, проводимой силами международного контингента. Исследование военной терминосистемы является актуальным не только с точки зрения теории языка и переводоведения, но и для понимания функционирования языка как социального явления.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле; компонентный анализ; лексикология; итальянский язык; португальский язык; военная терминология; миротворчество

Введение

Военные термины – довольно значительная категория слов в языке. Будучи частью открытой динамической языковой системы, военная лексика, с одной стороны, является частью терминологии, понимаемой как «совокупность слов и словосочетаний, обозначающих специальные научные и технические понятия и служащих для осуществления коммуникации в данной области» [1, с. 38], а другой представляют собой терминологическую систему, то есть «упорядоченное множество терминов с зафиксированными отношениями между ними» [1, с. 38]. Очевидно, что критерием для классификации военной терминологии будут не лингвистические (лексико-грамматические) параметры, а характеристики коммуникативной ситуации, в которой задействован тот или иной термин. Поэтому вслед за В.П. Коровушкиным мы предлагаем понимать под военным термином «стандартную лексическую или синтаксическую номинативную единицу с нейтральной коннотацией, обозначающая общевоеенное или военно-специальное научно-техническое понятие и функционально закреплённая за профессионально-корпоративной областью военного дела конкретного общества и соответствующей военной сферой функционирования национального языка в военном социуме» [2, с. 132].

В качестве динамической системы военная терминология постоянно развивается. Как отмечает М.С. Оренсе, «es lógico suponer que en aquel entonces las distintas disciplinas militares necesitaron buscar y establecer una nueva terminología capaz de

dar cuenta de los progresos conseguidos, sobre todo tras comenzar a dar muestras de falta de precisión la existente hasta ese momento» [3]. Говоря о важности изучения лингвистической составляющей военного дела, М. Kelly утверждает, что «at an operational level, language is a crucial factor in communication within armed forces, between combatants, and between the forces and the civilian population with whom they come into contact» [4, p. 482].

Среди военной терминологии принято выделять следующие группы:

1. организационные термины (стратегические, тактические);
2. военно-политические термины;
 1. военно-дипломатические термины;
 2. военно-технические термины (относятся к разным видам вооружённых сил и родам войск) и некоторые другие [5].

Представляется обоснованным предположить, что на стратегическом уровне терминологическую категорию, описывающую ситуацию военных действий и имплицитно формирующую отношение к ней задействованных сторон, будут представлять военно-дипломатические и военно-политические термины. Наиболее ярко это проявляется в области военных конфликтов и миротворческих операций по их урегулированию. Целью исследования, проведенного на основе сопоставительного анализа итальянской и португальской лексики, имеющей отношение к семантическому полю «миротворчество», было выявить основные способы номинации компонентов ситуации в указанных языках: путем образования неологизмов, иноязыч-

ных заимствований, качественных сдвигов в семантическом поле, изменения особенностей их употребления и функционирования. В качестве основного методологического приема был предложен метод системного научного описания на основе компонентного анализа, включающий вычленение языковых единиц, их классификацию и сопоставление, в сочетании индивидуальными концептуальными составляющими, свойственными каждому из языков. Исследование проведено на базе лексики, полученной методом сплошной выборки в процессе написания учебных пособий по практическому курсу военного перевода итальянского и португальского языков.

1. Миротворческие операции в современном геополитическом контексте

Одной из отличительных особенностей современного этапа развития мирового сообщества являются многочисленные вооруженные конфликты. Политическая нестабильность в ряде государств, наличие реальной угрозы межнациональных и межгосударственных конфликтов поставили перед международным сообществом серьезную проблему их предотвращения, ликвидации и предопределили необходимость создания глобальной системы мер международной безопасности в виде миротворческой деятельности.

Наряду с возрастанием ее роли расширяется и спектр задач, которые приходится решать в ходе подготовки и проведения миротворческих операций. Это обусловлено, прежде всего, изменением самой природы конфликтов, которые перестали носить только межгосударственный характер, и стали возникать внутри самих государств (Сомали, Руанда, бывшая Югославия). Соответственно, изменяется и сам характер операций и миссий, которые превращаются из сугубо военных в многофункциональные с расширением круга задач по способам, формам и характеру применения войск.

Организация тылового обеспечения соединений и частей миротворческих сил зависит от воздействия таких факторов, как их правовой статус; тип и характер миротворческих операций (демонстрации, блокады и др. операции ВС стран членов ООН, НАТО и иных международных организаций); основные задачи при их проведении (наблюдение за выполнением условий перемирия; содействие созданию безопасной обстановки в зоне ответственности и др.); масштабы конфликта и построение линии разграничения противоборствующих сторон; состав воинских контингентов; тип и масштабы применения вооружений; подчиненность, срок пребывания и условия вывода миротворческих сил; установленный порядок их тылового обеспечения, а также военно-политические, социально-экономические, физико-географичес-

кие и другие условия проведения миротворческих операций.

2. Лексика, входящая в семантическое поле 'миротворческая операция'

Согласно словарю терминов МЧС России, миротворческая операция – это совокупность согласованных и взаимосвязанных по цели, задачам, месту и времени коллективных действий международных сил, в том числе и военного характера, осуществляемых после возникновения конфликта, в соответствии с нормами и принципами Международного права, направленных на разрешение международных споров, предотвращение и прекращение вооруженных конфликтов с целью устранения угрозы международному миру и безопасности [6]. Миротворческие операции осуществляются специально создаваемыми миротворческими силами (воинскими контингентами или миссиями военных наблюдателей). Согласно Манильской декларации от 15.11.1995 и резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 44.21 «О поддержании международного мира, безопасности и международном сотрудничестве во всех областях», к миротворческим операциям относятся:

- традиционные миротворческие операции;
- операции по поддержанию мира;
- операции по сохранению/восстановлению мира;
- операции по укреплению мира;
- операции по принуждению к миру и другие.

2.1. Названия миротворческих операций

Для номинации миротворческих операций и миссий, как правило, характерны полные названия с соответствующей аббревиатурой, но также присваивается неофициальное название, которое как правило имеет в своем составе прилагательное, отражающее суть операции («активный», «решительный» и т.д.). Повторяющихся в одном регионе конфликтам миссиям могут присваиваться номера, которые обозначаются римскими цифрами.

2.1.1. Аббревиатуры и акронимы

В настоящее время под эгидой ООН проводится 12 миротворческих операций, среди которых в том числе:

UNMOGIP – United Nations Military Observer Group in India and Pakistan (eng.)

UNMIK – United Nations Interim Administration Mission in Kosovo (eng.)

MINURSO – Misión de las Naciones Unidas para la Organización de un Referéndum en el Sáhara Occidental (esp.)

MINUSMA – Mission multidimensionnelle intégrée des Nations unies pour la stabilisation au Mali (fran.)

MONUSCO – Mission de l'Organisation des Nations unies pour la stabilisation en République démocratique du Congo (fran.)

MINUSCA – Mission multidimensionnelle intégrée des Nations unies pour la stabilisation en Centrafrique (fran.) и другие.

Как можно увидеть, основным способом наименования операций под эгидой ООН является аббревиация (образование инициальных типов аббревиатур или акронимов). При этом можно обратить внимание, что буквенная последовательность указывает на язык, средствами которого был образован акроним, в нашем случае – английский, французский и испанский. Основанием для этого могут несколько факторов: 1) национальный контингент с наибольшей численностью военнослужащих (миссии в Индии, Пакистане и Косово); 2) официальный язык на территории проведения миссии (Мали, Демократическая Республика Конго, ЦАР); 3) в редких случаях – историческая территория распространения языка (Западная Сахара, в 1958-1976 гг. Испанская Сахара, бывшая испанская колония). Соответственно, при интеграции в иноязычное окружение акроним сохраняется (с сохранением произносительной нормы языка-реципиента при фонации), а составляющие его элементы переводятся или калькируются, например: **UNMOGIP** – Grupo de Observadores Militares das Nações Unidas para Índia e Paquistão (port.), Gruppo di Osservatori delle Nazioni Unite tra l'India e il Pakistan (it.); **MONUSCO** – Missão das Nações Unidas na República Democrática do Congo (port.), missione dell'Organizzazione delle Nazioni Unite per la stabilizzazione nella Repubblica Democratica del Congo (it.).

2.1.2. Имена собственные

Большинству операций, проводимых под эгидой НАТО, присваиваются в качестве названия «кодовые слова» на английском языке (основном рабочем языке Североатлантического Альянса, помимо французского), описывающие операцию с точки зрения характера ее протекания или основного назначения, например:

Missione Resolute Support – операция «Решительная поддержка» (небоевая операция НАТО в Афганистане);

Sea Guardian – операция «Морской страж» (постоянно действующая операция НАТО в Средиземном море, главная цель которой – предотвращение контрабанды материалов, которые могут быть использованы террористами; пришла на смену операции **Active Endeavour** – «Активные усилия»);

Ocean Shield – операция «Океанский щит» (операция НАТО по борьбе с сомалийским пират-

ством в Аденском заливе и у берегов Африканского Рога, завершена 15 декабря 2016 г.);

Essential Harvest – операция «Богатый урожай» (миротворческая операция НАТО в Республике Северная Македония в августе-сентябре 2001 г.); впоследствии операции **Amber Fox** («Янтарная лиса», завершена 15 декабря 2002 г.) и **Allied Harmony** («Союзническая гармония», завершена 31 марта 2003 г.).

В отличие от русского языка, в котором в обязательном порядке образуется переводная калька (с сохранением стилистического регистра, ср. «Морской страж», а не «сторож»), в итальянском и португальском языках сохраняются неинтегрированные заимствования. Так, в циркуляре № 1078/2001 мы встречаем: Ministério da Defesa Nacional autoriza o Chefe do Estado-Maior-General das Forças Armadas a aprontar, sustentar e empregar a equipa de EOD (Explosive Ordnance Disposal), para participar na operação «Essential Harvest» na Macedónia [7] или описание миротворческих операций в Приложении к приказу №11 от 15 мая 2018 г. Министерства обороны Италии [8].

2.1.3. Смешанные типы

В отличие от операций, проводимых под эгидой ООН и НАТО, миротворческие операции под эгидой Евросоюза имеют три основных способа номинации:

1. с помощью аббревиатуры, составленной по схеме EU (указание на Евросоюз) + частица, описывающая область, на которую направлена поддержка в рамках миссии + географическое название региона, например:

EUBAM – миссии по обеспечению безопасности границ и пограничного контроля, из англ. *Border Assistance Mission* (EUBAM Libia, EUBAM Moldova e Ucraina, EUBAM Rafah);

EUCAP – миссии по содействию и наращиванию потенциала национальных правоохранительных структур, из сокращения англ. *Capacity Building Mission* (EUCAP Somalia, EUCAP Sahel Mali);

EULEX – миссии по укреплению и поддержанию конституционного режима в правовом государстве, из латинского *LEX* «закон» (EULEX Kosovo);

2. по той же схеме, однако вторая часть аббревиатуры указывают на силы, задействованные в операции:

EUPOL – миссии по поддержанию правопорядка, в состав которых входят силы полиции (EUPOL Afghanistan, EUPOL RD Congo);

EUFOR – миссии, обеспечиваемые силами быстрого реагирования Евросоюза (EUFOR Tchad);

3. имена собственные, отсылающие, как

правило, к какому-либо мифологическому персонажу, и потому коннотированные:

Althea – миссия ЕС по поддержанию мира в Боснии, названа по имени сестры Леды Алфеи. В древнегреческом Ἀλθαία – «та, что исцеляет»;

Atalanta – миссия ЕС в прибрежных водах Сомали по противодействию пиратству, от имени древнегреческой героини Ἀταλάντη – «непоколебимая».

2.2. Заимствования и кальки

Говоря о путях пополнения военной терминологии в итальянском и португальском языках, мы вынуждены констатировать, что развитие лексической системы происходит по общепринятым в соответствующих языках моделях, а именно посредством неологизации (морфологической и семантической) и различных видов заимствования, включая в первую очередь переводные кальки и неинтегрированных заимствования из английского языка, выступающего в роли международного языка-посредника. Это связано с членством Италии и Португалии в НАТО и общей ориентированностью на западную военную доктрину. Это подтверждает М.Н. Лату, говоря, что связь с определенной лингвокультурой в наименьшей степени репрезентируется в транслитерированных терминах или терминологических элементах, заимствованных из других языков. «Появление и функционирование транслитерированных немотивированных терминов определяется <...> экстралингвистическими факторами» [9, с. 104-105].

Так, большая часть руководящих документов по миротворческой деятельности написаны на английском языке, и ряд терминов удобнее использовать, не переводя их на язык носителя или участника миссии. Особенно это касается названий миссий и операций, о которых уже говорилось выше, основных тактических элементов и мероприятий, проводимых в ходе миссий (например, ключевые аббревиатуры наносятся на борту машин и техники именно на английском языке).

В настоящей статье мы рассмотрим два наиболее частотных типа развития итальянской и португальской терминосистем в рамках семантического поля 'миротворчество' – неинтегрированное (неадаптированное) заимствование и калькирование. Неадаптированное заимствование предполагает перенос лексемы в исходной форме в язык-

реципиент с полным сохранением ее графического оформления. Заметим, что итальянский и португальский языки оказываются чрезвычайно «удобной» средой по причине использования латинского алфавита, поэтому можно условно пренебречь фонетической интеграцией, сделав поправку на свойственную языку или национальному варианту орфоэпическую норму и уровень владения английским языком каждого отдельного военнослужащего. С точки зрения морфологической интеграции, по традиции заимствованной лексеме в итальянском и португальском языках присваивается мужской род. Форма множественного числа в итальянском образуется с помощью нулевого окончания и маркируется соответствующим артиклем и, при наличии, окончанием прилагательным в составе словосочетания: **il** peacemaker **italiano** – **i** peacemaker**o** **italiani**, а также согласованием с предикатом на уровне фразы.

В португальском языке, как правило, форма множественного числа сохраняется за счет морфологических средств языка-отправителя: **o** peacemaker **português** – **os** peacemaker**s** **portugueses** (port.). В некоторых редких случаях это справедливо и для итальянского языка: **il** joint regional detachment – **i** joint regional detachments, **la** battle group – **le** battle groups (it). Можно обратить внимание, что в последнем случае заимствованию был присвоен женский род, что объясняется новейшей тенденцией в итальянском языке, в соответствии с которой род калькируется с итальянского переводного дублета: **la** joint force (< it. forza, f.), **la** multinational brigade (< it. brigata, f.).

Последний пример подводит нас вплотную к калькированию как второму основному способу расширения терминосистемы в итальянском и португальском языках. Будучи наиболее распространенным видом взаимодействия между заимствованием и словообразованием, калькирование производится по двум основным моделям: путем дословного перевода компонентов лексемы или комбинированным способом, где к переводной основе добавляется словообразовательный аффикс [10].

Ниже в сводной таблице представлены основные пути интеграции англоязычных миротворческих терминов в итальянский и португальский языки:

Таблица 1

№ п/п	Исходная лексема	Итальянский язык	Португальский язык	Перевод на русский язык
1.	Peacekeeping	1) Il peacekeeping, m. 2) Il mantenimento della pace	A manutenção da paz	Поддержание мира
2.	Peacemaking	1) Атрибуция рода неустойчивая: а) по аналогии с peacekeeping оформляется по мужскому роду б) женский род калькируется с итальянского дублета la pacificazione 2) L'edificazione della pace	Apoio à paz	Содействие миру, миротворчество
3.	Peacebuilding	1) Il peacebuilding, m. 2) Il consolidamento della pace	A consolidação da paz	Миростроительство
4.	Peaceenforcement	1) La peace enforcement, f. 2) L'imposizione della pace	A imposição à paz	Принуждение к миру
5.	Peacemaker	1) Il peacemaker, m. 2) Il fautore della pace	Pacificador	Миротворец
6.	Battle Group	1) Il battle group, m. 2) Il Gruppo di combattimento	1) O battle group, m. 2) O grupo de combate	Боевая тактическая группа
7.	Extraction force	1) L'extraction force, f. 2) La forza di estrazione	1) A extraction force, f. 2) A força de extração	Силы эвакуации
8.	Task Force	1) La task force, f. 2) (Unità operativa)	1) A task force, f. 2) A força-tarefa	Оперативная группа
9.	Joint Operations Area	1) La Joint Operations Area, f. 2) L'area delle operazioni congiunte	1) A Joint Operations Area, f. 2) A área das operações conjuntas	Зона проведения операции объединенных сил
10.	Multinational brigade	1) La multinational brigade, f. 2) La brigata multinazionale	1) A multinational brigade, f. 2) A brigada multinacional	Многонациональная бригада
11.	Regional detachment	1) Il Regional detachment, m. 2) Il distaccamento regionale	1) O Regional detachment, m. 2) O destacamento regional	Региональное подразделение
13.	Preventive diplomacy	La diplomazia preventiva	A diplomacia preventiva	Превентивная дипломатия
14.	Preventive deployment	Lo spiegamento preventivo	A (o) projeção (desdobramento) preventiva(o)	Превентивное развертывание войск
15.	Conflict prevention	La prevenzione dei conflitti	A prevenção dos conflitos	Предотвращение конфликтов

Рассмотренные примеры позволяют сделать следующие выводы:

1. В контексте частотность употребления неинтегрированной лексемы оказывается выше, чем соответствующей кальки на итальянском и португальском языках. Поскольку речь идет о военных интернационализах, этот результат представляется ожидаемым, так как в ситуации непосредственного коммуникативного акта в ходе выполнения миротворческой миссии силами международного контингента позволяет прибегать к более эффективному переключению кодов, что способствует сохранению темпа коммуникации и минимизирует вероятность коммуникативного провала.

2. В итальянском и португальском языках исключения составляют лексемы с элементом «превентивный», за исключением тех случаев, когда они входят в состав названия миротворческой миссии, например, *The United Nations Preventive Deployment Force* (Силы превентивного развертывания ООН, Македония).

3. Атрибуция рода происходит в основном путем калькирования рода с соответствующей лексемы в языке-реципиенте, за исключением в итальянском языке лексемы *peacemaking*, которая фиксируется в различных источниках и как оформленная по мужскому роду, и как оформленная по женскому. Причиной этому является, с одной стороны, принцип аналогии, согласно которому все английские существительные на *-ing* интерпретируются как существительные мужского рода, что, с другой стороны, противоречит роду итальянского аналога *pacificazione*, *f.*, который вопреки распространенному мнению не образован итальянскими словообразовательными средствами по английской модели. Термин *pacificazione* представляет собой классическое ученое слово, вошедшее в язык из лат. *PATIFICATIO*, *-IONIS*. В португальском языке атрибуция рода в целом строится по модели итальянского языка, но, как правило, форма множественного числа сохраняется за счет морфологических средств языка-отправителя (*os peacemakers portugueses*).

4. *Peacebuilding* переводится на итальянский и португальский языки как *consolidamento della pace*, то есть «укрепление мира», потому что дословный перевод «строительство» оказался уже закрепленным за «содействием миру» – *edificazione della pace*, в связи с чем произошел семантический сдвиг. В португальском языке *peacebuilding* переводится как *consolidação da paz*. Дословный перевод данной лексемы соответствует итальянскому варианту, но лексема *peacemaking* в

португальском языке переводится как *apoio à paz* (поддержка мира). При этом слово «строительство» (*edificação militar*) используется в португальском военном подязыке для обозначения термина «строительство вооруженных сил» или «военное строительство» (речь идет о военном строительстве как о стратегическом процессе оптимизации состава вооруженных формирований, а не о строительстве каких-либо объектов).

5. В целом, итальянский и португальские языки предпочитают дословные кальки без словообразовательных аффиксов, используя там, где это возможно, соответствующий «романский» интернационализм или наиболее близкое по значению слово. Если же это по той или иной причине невозможно, как, например, в случае с *task force*, которая не была переведена как «*forza operativa*» (*it.*), *força-tarefa* (*pt.*), поскольку семантика слова *forza* (*força*) не предполагает количественного ограничения («небольшая группа»), возможно употребление итальянского или португальского аналога. Однако в контексте международных миротворческих операций и миссий сочетание *unità operativa* не будет соответствовать коммуникативной ситуации, поэтому ограничивается внутренними операциями по поддержанию правопорядка. Таким образом, *task force* и *unità operativa* представляют собой, по определению Л.Н. Иорданской и И.А. Мельчука, прагматические фраземы, то есть «завершенную речевую последовательность, однозначно идентифицирующую определенный сегмент отображаемой внеязыковой действительности с точки зрения места, времени, участников события, авторской модальности» [11, с. 228].

6. Следует отметить, что существуют определенные различия в употреблении военных интернационализмов в бразильском и европейском вариантах португальского языка, что делает знание контекста еще более важным. В бразильской армии часто встречается калькирование терминов, характерных для вооруженных сил США. Например, такое понятие как *joint operations area* в Бразилии останется без изменений с добавлением определенного артикля женского рода, в то время как в Португалии распространен вариант *a área das operações conjuntas*. Но бывают и обратные ситуации, например, заимствованный термин *a task force* характерен для европейского варианта португальского языка, в то время как в бразильском варианте широко применяется калька *a força-tarefa*.

Заключение

Попытка систематизации военной лексики связана с решением нескольких вопросов, в частности разграничения термина и не-термина, а также интерпретации с точки зрения социолингвистических переменных в контексте субкодов и профессионального жаргона, то есть социолекта, включающего также коннотированную лексику, не отвечающую требованиям терминологической нейтральности, сниженную лексику, вульгаризмы и примеры индивидуальной не институционализированной неологизации. Анализ лексико-семантической группы лексемы «миротворчество» на основе итальянского и португальского языков показал параллелизм развития военной терминосистемы этих близкородственных языков, что связано с интернациональным характером описываемой военной деятельности, однако процесс интеграции и формирования новых лексических единиц зависит как от лингвистических возможностей самого языка, так и от экстралингвистических факторов, знание которых приобретает все большее значение. Учитывая влияние военного подъязыка на формирование общественного мнения в отношении современной геополитической обстановки, типологическое и сопоставительное изучение терминосистемы представляется перспективным не только для военных переводчиков и лингвистов, но и широкого спектра специалистов в области гуманитарных наук.

Литература

1. Кобрин Р.Ю. О понятиях «терминология» и «терминологическая система» // История отечественного терминоведения: в 3-х т. / под ред. Татарина В.А. М., 2003. Т. 3. С. 35 – 40.
2. Коровушкин В.П. Основы контрастивной социолектологии: монография: в 2 ч. Череповец: ГОУ ВПО ЧГУ, 2005.
3. Orense M.S. El estudio de los procedimientos de formación de palabras en el léxico militar moderno: la derivación verbal // Tonos Digital. 2018. Issue 35 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tonosdigital.es/ojs/index.php/tonos/article/view/2010/1019> (дата обращения: 27.04.2021)
4. Kelly M. Language and new forms of warfare // The Palgrave Handbook of Languages and Conflict. Southampton, 2019. P. 481 – 498.
5. Ванягина М.Р., Канатаев Д.В. Перевод военных многокомпонентных терминов // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2018. № 4. Т. 1. С. 13 – 18.
6. Словарь терминов МЧС России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mchs.gov.ru/ministerstvo/o-ministerstve/terminy-mchs-rossii/term/2099> (дата

обращения: 10.04.2021)

7. Portaria n.º 1078/2001 [Электронный ресурс]. URL: <https://dre.pt/application/conteudo/631213> (дата обращения: 13.05.2021).

8. Decreto n. 11 del 15.05.2018 [Электронный ресурс]. URL: https://www.difesa.it/SGD-DNA/GiornaleUfficiale/Dispense2018/Documents/MAGGIO/20MAG/DI_n_11_modifica_all_A_M_N.pdf (дата обращения: 14.05.2021)

9. Лату М.Н. Репрезентация лингвокультурных особенностей во внутренней форме терминов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 3 (044). С. 99 – 106.

10. Степанова М.Д., Фляйшер В. Теоретические основы словообразования. М.: Высшая школа, 1984.

11. Иорданская Л.Н., Мельчук И.А. Смысл и сочетаемость в словаре. М.: Языки славянской культуры, 2007.

References

1. Kobrin R.YU. O ponyatiyah «terminologiya» i «terminologicheskaya sistema». Istoriya otechestvennogo terminovedeniya: v 3-h t. pod red. Tatarinova V.A. M., 2003. T. 3. S. 35 – 40.
2. Korovushkin V.P. Osnovy kontrastivnoj sociolektologii: monografiya: v 2 ch. Cherepovec: GOU VPO CHGU, 2005.
3. Orense M.S. El estudio de los procedimientos de formación de palabras en el léxico militar moderno: la derivación verbal. Tonos Digital. 2018. Issue 35 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.tonosdigital.es/ojs/index.php/tonos/article/view/2010/1019> (data obrashcheniya: 27.04.2021)
4. Kelly M. Language and new forms of warfare. The Palgrave Handbook of Languages and Conflict. Southampton, 2019. P. 481 – 498.
5. Vanyagina M.R., Kanataev D.V. Pervod voennyh mnogokomponentnyh terminov. Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva. 2018. № 4. T. 1. S. 13 – 18.
6. Slovar' terminov MCHS Rossii [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.mchs.gov.ru/ministerstvo/o-ministerstve/terminy-mchs-rossii/term/2099> (data obrashcheniya: 10.04.2021)
7. Portaria n.º 1078/2001 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://dre.pt/application/conteudo/631213> (data obrashcheniya: 13.05.2021).
8. Decreto n. 11 del 15.05.2018 [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.difesa.it/SGD-DNA/GiornaleUfficiale/Dispense2018/Documents/MAGGIO/20MAG/DI_n_11_modifica_all_A_M_N.pdf (data obrashcheniya: 14.05.2021)

9. Latu M.N. Rezentatsiya lingvokul'turnyh osobennostej vo vnutrennej forme terminov. Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2015. № 3 (044). S. 99 – 106.

10. Stepanova M.D., Flyajsher V. Teoreticheskie osnovy slovoobrazovaniya. M.: Vysshaya shkola,

1984.

11. Iordanskaya L.N., Mel'chuk I.A. Smysl i sochetaemost' v slovare. M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2007.

THE DEVELOPMENT OF TERMINOLOGY DESCRIBING PEACEKEEPING OPERATIONS IN THE ITALIAN AND PORTUGUESE LANGUAGES

Smirnova M.A., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),

Tenitilov P.S., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.),

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Abstract: the article is devoted to the study of the main trends observed in the Italian and Portuguese languages in the development of military terminology in the lexical and semantic field of the lexeme “peacekeeping”. By the method of component analysis, a comparative study of proper names, borrowings and neologisms forming key concepts in this area is carried out. In addition to the need to specify the definition of the military term, the purpose of the work is to study the shifts in the cognitive space that forms the conceptual area of war. The emergence of a new term in the language is due not only to the appearance of a new denotation, but also to changes in the entire geopolitical complex of situations related to military operations and their subsequent assessment. Linguistic issues permeate all levels of military affairs, from strategic to operational and tactical. The used terminology determines the vision of the participants in the conflict regarding its development options, and also forms the opinion of the world community as a whole, which subsequently affects the nature of the peacekeeping operation conducted by the forces of the international contingent. The study of the military term system is relevant not only from the point of view of the theory of language and translation studies, but also for understanding the functioning of language as a social phenomenon.

Keywords: semantic field; component analysis; lexicology; the Italian language; the Portuguese language; military terminology; peacekeeping

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ

*Цепелева А.Н., аспирант,
Московский государственный областной университет*

Аннотация: в статье исследуются особенности перевода на русский язык английской художественной литературы. Рассматривается прагмакоммуникативная характеристика художественного текста как одно из направлений дискурсивного аспекта исследования, акцентирующего внимание на языковую личность, формирующую вербальное пространство в какой-либо сфере человеческой деятельности. Прагматическая эквивалентность включает такие оценочные показатели, как коммуникативный эффект и установка на адресата. В ходе исследования удастся установить, что художественный текст как лингвистический материал, раскрывающий особенности национальной культуры, наглядно демонстрирует возможности использования прагмакоммуникативного принципа перевода для передачи с английского языка на русский социокультурного компонента, конструирующего в художественном (реалистичном) произведении окружающую действительность. Сопоставительный анализ социокультурных компонентов в английской и русской художественной литературе подтверждает основное положение лингвокультурологии о различии между национальными языковыми картинами мира (НЯКМ). В переводе процесс отражения реального мира осложнен, так как переводчик при передаче текста с одного языка на другой (в процессе двустороннего перевода) выступает одновременно как получатель (текста оригинала) и как автор переводимого им текста. Для достижения адекватного перевода художественного текста, содержащего социокультурный компонент, используется алгоритм первичной и вторичной коммуникации.

Ключевые слова: художественный перевод, эквивалентность, дискурс, прагмакоммуникативная характеристика текста, языковая личность, вербальное пространство, коммуникативный эффект

Введение

В современной теории художественного перевода получила распространение концепция прагматической эквивалентности как доминирующего фактора и включающего такие значимые для оценки качества перевода показатели, как коммуникативная интенция, коммуникативный эффект и установка на адресата [10, с. 145].

Цель статьи состоит в определении средств адекватной передачи фактологического компонента художественного текста при его переводе с одного языка на другой, в свете современных направлений лингвистического подхода.

Прагмакоммуникативная характеристика художественного текста представляет одно из направлений дискурсивного (речевого) аспекта исследования, когда центральное место отводится языковой личности, формирующей вербальное пространство в каком-либо виде человеческой деятельности, взаимодействующей при этом с другими участниками этой деятельности. В художественной литературе взаимодействует автор (адресант) как языковая личность, создаваемая текст, и языковая личность читателя (адресата / реципиента). Предметом дискурсивного исследования может быть также текст (в разных масштабах понимания термина), рассматриваемый как результат речевой деятельности языковой личности [9, с. 2]. При этом, учитываются такие интерпретирующие смысл текста и связанные между собой средства, как контекст, подтекст, интертекст. Контекст, лингвистический (ближнее или дальнее лингвистическое окружение, в котором находится анали-

зируемое языковое выражение) и нелингвистический (прагматическая ситуация, которая привлекается в качестве затекстового интерпретанта), служит по мере необходимости интерпретантом, способствует установлению значения, определяемого на его основе выражения. Контекст расширяется за счет самой разнообразной информации, если она способствует лучшему пониманию смысла анализируемого произведения.

Анализ теоретических работ по данной тематике свидетельствует о необходимости в работе над художественным переводом следовать дискурсивным принципам алгоритма «автор – текст – читатель» с учетом ближнего или дальнего лингвистического окружения и экстралингвистического фактора. В соответствии с положениями прагмакоммуникативного подхода учитывается также неизбежное усложнение алгоритма (дублирование) за счет появления линии «переводчик (читатель оригинала / автор перевода) – переводной текст – читатель (не владеющий языком оригинала художественного произведения)», и, наконец, расширение используемого контекста, способствующего пониманию смысла переводимого текста.

Материалы и методы

На материале романа «Masters» английского писателя Ch.-P. Snow (Ч.-П. Сноу) и его русского перевода «Наставники» уточняются характеристики художественного текста, понятие фактологического компонента художественного текста, в свете прагмалингвистики, определяются условия корреляции английского и русского лингвокультурных

пространств с целью достижения адекватности перевода и установкой на русскоговорящую аудиторию.

Исследуемый роман по своим жанровым характеристикам относится к реалистическому типу современной художественной литературы, копирующей с фотографической точностью действительность, которая составляет фактологический компонент произведения. Литература такого типа называется профессиональным (индустриальным, отраслевым) романом, но о его признании как отдельного литературного жанра вопрос пока не стоит. Описываемая в художественном произведении реальность, служащая фоном, на котором разворачивается сюжет, представляет собой так называемую фактологическую составляющую. Она служит поддержкой в процессе реализации авторского замысла, несущего философско-эстетическое послание, заключенное в произведении.

В статье фактология романа исследована на основе современного понимания методологии как лингвофилософского основания восприятия и сенсорно-ментальной обработки материального мира человеком [2, с. 15]. В художественном произведении – философско-эстетическом послании с целью воздействия на читателя – представлена фикция (конструкт), подражание (термин Платона) материальной реальности окружающего мира.

Рассматривая художественную литературу как искусство, в статье подчеркивается его особенность по сравнению с некоторыми видами искусства, например, изобразительного, музыкального или пластического, воздействующая на человека сила которых основана на сенсорной основе. Художественное слово, минуя зрительный, слуховой, вкусовой, тактильный каналы, воздействует на человеческие чувства посредством вербального кода, функционирующим в качестве «информативного транслятора». Слово, заключающее в себе информацию, в романе отличается повышенной выразительностью, художественностью, авторской метафоричностью, фразовая просодия текста – благозвучностью. Эти черты присущи, в основном, описанию и повествованию, но и диалогическая речь романа отличается от бытового диалога в плане художественности, так как представляет собой результат творческой обработки автора.

Результаты исследования

Анализ исходного текста и его русского перевода показал, что, в соответствии с основными положениями прагмалингвистического подхода, социокультурные элементы в переводном тексте видоизменены.

Социокультурный компонент исследован в статье на предмет его тематической классификации, отражающей национально-культурные особенности:

Таблица 1

Классификация социокультурного (фактологического) компонента			
Социально-исторические особенности и традиции	Процедура выборов главы колледжа	Структура и функционирование ученого совета колледжа	Особенности быта преподавателей колледжа: традиционное облачение профессоров, организация питания, условия проживания

Различия между национальными языковыми картинками мира, представляют собой определённое препятствие при переводе художественной литературы. Одной из причин считается интерференция родной культуры, значительно осложняющая межкультурную коммуникацию. В исследуемом романе английская лексика: master, bursar, square, rector, rectory, combination room вызывает у русскоязычного читателя определенные ассоциации, например:

- Master – мастер, мэтр – перевод в словаре: классный руководитель, глава колледжа, в переводе романа: наставник; bursar – что-то, имеющее отношение к бурсе – в переводе романа: казначей;

- square – перевод в словаре: квадрат, сквер – в переводе романа - профессорская шапочка;

- rectory – что-то или кто-то, имеющий отношение к ректору, перевод в словаре: дом приходского священника, дом ректора, в переводе романа – резиденция главы колледжа;

- combination room – комбинированное помещение, в переводе романа – преподавательская. Лингвокультурологический подход к переводу подобной лексики, предполагающий адаптацию текста, представляется необходимым. Равно как применение гипонимического перевода, позволяющего сохранить местный колорит и, в то же время, дать читателю переводного текста представление о социокультурном объекте.

Обсуждение

Лингвокогнитивный механизм создания художественного текста включает формулирование автором своего философско-эстетического замысла, этап воссоздания в воображении образов действительности, запечатленных его памятью, образов персонажей с типичными чертами внешности и поведения, создание сюжетной линии романа с драматической развязкой. Помноженный на жизненный опыт и талант писателя, этот алгоритм приводит к творческому успеху. В процессе пере-

вода художественного текста алгоритм дублируется за счет языковой личности переводчика-билингва, выступающего адресатом исходного текста и, одновременно, автором переводного текста, адресованного читателю на родном для этого читателя языке.

Одной из особенностей языковой картины мира состоит в том, что реальная действительность отражается в разных культурных сегментах, в том числе, в художественной литературе, индивидуально и приближенно, иногда со значительными отклонениями от реальности. Нередко, искажение окружающей реальности производится автором умышленно. Фотографическая точность воспроизведения реальности не является целью, главным в художественном произведении, оказываются не объективность, а образность и типичность персонажей, объединённых эстетико-философским замыслом автора.

Образность отображения реального мира рассчитана на чувства человека, воспринимающие как реальный мир, так и воображаемую модель. Этот процесс характеризуется двойным неточным отражением мира: сначала создается неточная модель реальной действительности автором художественного произведения, затем созданная модель субъективно интерпретируется её получателем, так как интерпретация художественного произведения не обязательно и не всегда совпадает с замыслом автора.

Двойственная позиция переводчика (получатель / отправитель текста) рассмотрена в статье на примере прагмакоммуникативной модели перевода, одним из компонентов которой считается предметная ситуация первичной и вторичной коммуникации [10, с. 52]. Речь идет об одной и той же внеязыковой ситуации, представленной в текстах на разных языках. Задействованная в разных коммуникативных актах и представленная в текстах, функционирующих в разной языковой и культурной среде, одна и та же ситуация может быть представлена с определенными различиями. Ситуативные признаки, характерные для одной коммуникативной ситуации, могут оказаться нерелевантными в другой. Анализ предметной ситуации с выявлением языковых и культурных особенностей, представляет собой часть первого этапа перевода – интерпретации текста, когда переводчик выступает его получателем. На этом этапе далеко не вся информация, необходимая для передачи текста на другой язык, представлена эксплицитно. Важное значение приобретают на этом этапе эрудиция переводчика и, в частности, знания в области предметной ситуации текста. Когда представленный в тексте языковой материал недостаточен для однозначной интерпретации, для адек-

ватного понимания текста требуется переводческий опыт и разного масштаба контекст.

Заключение

Результаты исследования особенностей перевода фактологической составляющей художественного текста приводят к следующему заключению.

- Художественный текст как лингвистический материал, раскрывающий особенности национальной культуры, наглядно демонстрирует возможности использования прагмакоммуникативного принципа перевода для передачи с английского языка на русский социокультурного компонента, конструирующего в художественном (реалистичном) произведении окружающую действительность.

- Сопоставительный анализ социокультурных компонентов в английской и русской художественной литературе подтверждает основное положение лингвокультурологии о различии между национальными языковыми картинами мира (НЯКМ).

- В переводе процесс отражения реального мира осложнен, так как переводчик при передаче текста с одного языка на другой (в процессе двустороннего перевода) выступает одновременно как получатель (текста оригинала) и как автор переводимого им текста.

- Для достижения адекватного перевода художественного текста, содержащего социокультурный компонент, используется алгоритм первичной и вторичной коммуникации.

Литература

1. Ахренова Н.А. Интернет-лингвистика: новая парадигма в описании языка интернета // Вестник МГОУ. Сер.: Лингвистика. М.: Изд-во МГОУ, 2016. № 3. С. 8 – 14.
2. Елифанцева Н.Г. Культурологический вектор в переводе: передача на русский язык значений французских глаголов движений и жестов человека // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 1 (79). Ч. 2. С. 302 – 305. Тамбов, Изд-во «Грамота».
3. Жирова И.Г. О проблеме перевода экстралингвистических компонентов с русского языка на английский // Вестник МГОУ. Сер.: Лингвистика. М.: Изд-во МГОУ, 2013. № 5. С. 60 – 66.
4. Лебедева А.А. К вопросу об эквивалентности лексических единиц при переводе // Вестник МГОУ. Сер.: Лингвистика. М.: Изд-во МГОУ, 2016. № 2. С. 156 – 163.

5. Лиходкина И.А. Заглавие как важный компонент паратекста и специфика его перевода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 2 (80). Ч. 1. С. 110 – 113.

6. Нелюбин Л.Л. Введение в технику перевода (когнитивный теоретико-прагматический аспект). М.: Флинта: Наука, 2012. 216 с.

7. Рецкер Я.И. Лекции по теории и практике перевода (из архива Л.Л. Нелюбина). М.: МГОУ, 2012. С. 83.

8. Серю П. Анализ дискурса во Французской школе (дискурс и интердискурс) // Семиотика: антология. М.: Академический проспект Проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 549 – 562.

9. Степанов Ю.С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принципы Причинности [Электронный ресурс]. URL: <https://studopedia.info/3-18663.html> (дата обращения: 15.01.2021)

10. Швейцер А.Д. Теория перевода (статусы, проблемы, аспекты) [Электронный ресурс]. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/shveyz/ (дата обращения: 10.02.2021)

11. Сноу Ч.П. Наставники. [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/snou_charlz/nastavniki.html (дата обращения: 15.02.2021)

12. Snow C.P. The Masters. [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/Snow_Charles/the_masters.html (дата обращения: 15.02.2021)

References

1. Ahrenova N.A. Internet-lingvistika: novaya paradigma v opisaniy yazyka internet. Vestnik MGOU. Ser.: Lingvistika. M.: Izd-vo MGOU, 2016. № 3. S. 8 – 14.

2. Epifanceva N.G. Kul'turologicheskij vektor v perevode: peredacha na russkij yazyk znachenij francuzskih glagolov dvizhenij i zhestov cheloveka. Filo-

logicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2018. № 1 (79). CH. 2. S. 302 – 305. Tambov, Izd-vo «Gramota».

3. ZHirova I.G. O probleme perevoda ekstralingvisticheskikh komponentov s russkogo yazyka na anglijskij. Vestnik MGOU. Ser.: Lingvistika. M.: Izd-vo MGOU, 2013. № 5. S. 60 – 66.

4. Lebedeva A.A. K voprosu ob ekvivalentnosti leksicheskikh edinic pri perevode. Vestnik MGOU. Ser.: Lingvistika. M.: Izd-vo MGOU, 2016. № 2. S. 156 – 163.

5. Lihodkina I.A. Zaglavie kak vazhnyj komponent parateksta i specifika ego perevoda. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2018. № 2 (80). CH. 1. S. 110 – 113.

6. Nelyubin L.L. Vvedenie v tekhniku perevoda (kognitivnyj teoretiko-pragmaticheskij aspekt). M.: Flinta: Nauka, 2012. 216 s.

7. Recker YA.I. Lekcii po teorii i praktike perevoda (iz arhiva L.L. Nelyubina). M.: MGOU, 2012. S. 83.

8. Serio P. Analiz diskursa vo Francuzskoj shkole (diskurs i interdiskurs). Semiotika: antologiya. M.: Akademicheskij prospekt Proekt, Ekaterinburg: Delovaya kniga, 2001. S. 549 – 562.

9. Stepanov YU.S. Al'ternativnyj mir. Diskurs. Fakt i principy Prichinnosti [Elektronnyj resurs]. URL: <https://studopedia.info/3-18663.html> (data obrashcheniya: 15.01.2021)

10. SHvejcer A.D. Teoriya perevoda (statusy, problemy, aspekty) [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/shveyz/ (data obrashcheniya: 10.02.2021)

11. Snou CH.P. Nastavniki. [Elektronnyj resurs]. URL: https://royallib.com/book/snou_charlz/nastavniki.html (data obrashcheniya: 15.02.2021)

12. Snow C.P. The Masters. [Elektronnyj resurs]. URL: https://royallib.com/book/Snow_Charles/the_masters.html (data obrashcheniya: 15.02.2021)

THE PRAGMATIC LEVEL OF EQUIVALENCE IN LITERARY TRANSLATION

*Tsepeleva A.N., Postgraduate,
Moscow Region State University*

Abstract: the article examines the features of the translation of English fiction into Russian. The article considers the pragmacommunicative characteristic of a literary text as one of the directions of the discursive aspect of research, focusing on the linguistic personality that forms the verbal space in any sphere of human activity. Pragmatic equivalence includes such evaluation indicators as the communicative effect and the attitude towards the addressee. The research established that the literary text as a linguistic material that reveals the peculiarities of national culture clearly demonstrates the possibilities of using the pragmatic principle of translation to transfer from English to Russian the socio-cultural component that constructs the surrounding reality in an artistic (realistic) work. A comparative analysis of the socio-cultural components in English and Russian fiction confirms the main position of linguoculturology about the difference between the national language pictures of the world. In translation, the process of reflecting the real world is complicated, as the translator, when transferring a text from one language to another (in the process of two-way translation), acts simultaneously as the recipient (of the original text) and as the author of the text being translated by him. To achieve an adequate translation of a literary text containing a socio-cultural component, an algorithm of primary and secondary communication is used.

Keywords: literary translation, equivalence, discourse, pragmacommunicative characteristic of the text, linguistic personality, verbal space, communicative effect

СТРУКТУРНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИСТОРИИ БОЛЕЗНИ КАК ЖАНРА ПИСЬМЕННОГО ТЕКСТА

Ягенич Л.В.,

Институт филологии,

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Аннотация: статья посвящена определению структурно-лингвистических характеристик письменного документального медицинского текста истории болезни на материале английского языка. Структурная организация данного медицинского документа и его высокая информативность, получающая выражение в определенных языковых средствах, способствуют фиксации, хранению, а также однозначному и точному пониманию информации о развитии заболевания. Описаны следующие структурные элементы документа «История болезни»: chief concern (CC); history of present illness (HPI); past medical history (PMH) including preexisting illnesses; medication history; and allergies; family history (FH); social history (SH); review of systems (ROS). Информация о пациенте требует регламентированного описания, которое осуществляется в тексте определённым набором лексических средств в соответствии с четкими стилистическими нормами оформления с целью правильного восприятия данных. Путём математического подсчёта определены единицы, которые обеспечивают информационную насыщенность и плотность медицинского документального текста. Полученные результаты подтверждают высокую частотность употребления имён существительных, прилагательных, аббревиатур и сокращений. Грамматические формы простого настоящего и прошедшего времени, настоящего завершённого времени как в активном, так и в пассивном залогах способствуют однозначности репрезентации информации. Для рекомендаций и представления прогностических действий превалирует употребление модальных глаголов.

Ключевые слова: письменный медицинский текст, документ, структурный анализ, лингвистический анализ, история болезни

Виртуальное восприятие мира и популярность цифровых технологий значительно влияют на социальные и научные аспекты деятельности человека, одновременно определяя осознание важности функционирования его как биологической сущности.

Человечество получает все новые и новые вызовы в виде инфекционных заболеваний, пандемий, генетических сбоев, дефектов строения органов, врождённых и приобретённых патологий. В свете этих событий специалистам в области медицины приходится быстро и качественно оказывать помощь людям. Возможность использования всемирной сети, ежедневно описывая свой профессиональный опыт и фиксируя результаты исследований, проводить онлайн консультации и операции, собирать интернет-консилиумы для передачи знаний и прогрессивных методик является способом быстрого разрешения проблемных ситуаций.

Сложившаяся ситуация получила развитие в создании форумов и баз данных. Примером могут служить сайт The Cochrane Collaboration и библиотека Best Evidence, а также сайт PubMed, содержащий научные статьи с новейшими разработками и актуальными экспериментальными данными. Такой подход мобилизует, модернизирует и оптимизирует сферу здравоохранения, открывая новые, ранее неизвестные горизонты для устного и письменного профессионального дискурса с целью изучения и обсуждения протекания внутренних процессов в организме человека, а также методик лечения.

Значимая информация требует языковой фиксации. С целью однозначного восприятия данных она вербализируется определёнными лексическими единицами в соответствии со строгими стилистическими нормами [12, с. 32].

Как известно, все жанры письменных медицинских текстов имеют определённую структуру. Ряд научных исследований посвящен одному из самых распространённых видов письменного научного медицинского текста – научной статье, с регламентированным изложением материала в соответствии с международными правилами IMRAD [21, 7].

При этом недостаточное количество трудов, посвящённых медицинским документам в целом, определяет актуальность изучения структуры и лексического наполнения истории болезни, а также необходимость рассмотрения данного текста в международной номенклатуре медицинской документации.

Этот документ играет значимую роль в медицинском дискурсе: врач передаёт информацию о больном своим коллегам в текстовой форме определённой структуры, с минимальным использованием лексических единиц и грамматических форм для максимальной информационной насыщенности текста.

Проблемами изучения текста занимаются многие лингвисты, среди которых следует отметить И.Р. Гальперина, Ф.К. Уракову, В.З. Демьянкова [4, 13]. Существует множество определений текста, сформулированных различными исследователями [1, 3, 4, 8, 10]. Полноту понимания этого

термина включает в себе данное определение: текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершённостью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединённых разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определённую целенаправленность и прагматическую установку [4, с. 3-4].

К вопросу структуры документных медицинских текстов лингвисты обращались неоднократно [2, 9, 12, 15, 17], изучая общие характеристики подобных текстов. Необходимость изучения медицинского документа «История болезни» приобретает особое значение в условиях пандемии и лечения последствий заболеваний.

Профессиональная деятельность врача требует строгого оформления обязательной документации. Это предполагает информационную структурированность, плотность и насыщенность медицинского текста. Особенности медицинских документных текстов и нормы заполнения медицинских документов представлены в ряде исследований [5, 16, 17, 23, 24], в которых определена необходимость порядка представления данных посредством языковых единиц [16, 19, 20].

Чёткость и однозначность изложения, регламентированное использование терминов, аббревиатур и сокращений имеет большое значение для восприятия текста. Следует отметить, что изложение материала в соответствии с определённым алгоритмом является конститутивной характеристикой письменного медицинского документного текста, принадлежащего к группе профессиональных текстов.

Для заполнения истории болезни регламентированы и приняты определённые языковые единицы, характерные для медицинского текста [6]. Примером служит профессиональная терминология, связанная с симптомами (backache, rash, bloody nose), названиями диагнозов (sore throat, chickenpox, brain cancer) и лекарственных препаратов (Azithromycin, Paracetamol, Prednisolone) [11, с. 57].

Медицинские тексты направлены на убеждение адресата в необходимости выполнения действий, предусмотренных адресантом [19, с. 127]. История болезни является звеном между пациентом и врачом. Это связано с её коммуникативной функцией. Научно-информационный жанр истории болезни используется для донесения смысла как для не обладающего знаниями особенной терминологии больного, так и для любого из специалистов, связанных с процессом диагностики или лечения с

целью получения реакции пациента и персонала, чем достигается прагматическая функция [2; 8]. Целенаправленность медицинского текста предполагает донесение краткой и точной информации о состоянии здоровья, предположениях и других вопросах читателю (пациенту или коллеге).

Существует необходимость комплексного изучения проблем взаимодействия медицины и лингвистики, а также возможных проблем и перспектив применения данного взаимодействия на практике [8, с. 16].

Медицинский документный текст, повествующий о поэтапном изменении физиологических процессов пациента, в основе которых находятся различные факторы личного и профессионального характера, а также окружающая его среда называется историей болезни. Лечащий врач фиксирует результаты опроса больного, его близких и знакомых людей с целью получения информации, полезной для диагностики и оказания медицинской помощи [15, р. 539]. Составление истории болезни содержит актуальные сведения, аккумулирует информацию по диагностированию.

В условиях глобализации и цифровизации электронный документ способствует быстрому информированию врача и даже при отсутствии возможности личного консультирования способствует оказанию своевременной и качественной медицинской помощи пациенту [9]. Конфиденциальность истории болезни обуславливается содержащейся в ней информацией о национальной, религиозной и этнической принадлежности, семейных обстоятельствах, ценностях и личных вещах [24, р. 32]. Врачебное владение пресуппозиционной информацией обеспечивает понимание проблем и корректное внесение данных. Составление истории болезни должно проходить с учётом структурной правильности её написания и корректности использования медицинской терминологии [2, 12, 13].

Целью данной статьи является выполнение структурно-лингвистического анализа документа «История болезни» на английском языке как одного из жанров письменного профессионального документного текста.

В соответствии с данными, которые мы находим в нормативных документах англоязычных стран, на примере США, ключевыми элементами истории болезни являются следующие: chief concern (CC); history of present illness (HPI); past medical history (PMH) including preexisting illnesses; medication history; and allergies; family history (FH); social history (SH); review of systems (ROS) (перевод наш: главное беспокойство; история настоящего заболевания; прошлый медицинский анамнез, включая ранее существовавшие заболе-

вания, историю приема лекарств и аллергии; семейный анамнез; социальная история; обзор систем) [15, 19]. При этом следует отметить, что заполнение документа производится по схеме независимо от медицинского работника с использованием стандартизированной аббревиатуры и сокращений.

Проиллюстрируем структурные элементы документа «История болезни».

1. Для описания *появившихся симптомов* предлагается воспользоваться алгоритмом, который имеет выражение: LIQORAAA: Location; intensity (on a scale of 1 to 10); quality (e.g., sharp, aching, burning, pressure-like pain); onset; radiation; aggravating factors; alleviating factors; associated symptoms (*перевод наш*: «место расположения, интенсивность (по шкале от 1 до 10), качество (например, острая, ноющая, жгучая, похожая на давление, боль), начало, радиация, отягчающие факторы, смягчающие факторы, сопутствующие симптомы»).

Для описания симптомов в большей степени используются существительные, оценочные единицы, причастия, устойчивые сочетания слов и метафорические выражения, реже – глаголы в формах 3-го лица прошедшего времени, относящиеся к проявлению беспокойства, и принятые в медицинской практике сокращения [8, с. 86; 14, с. 73]. В собраниях историй болезни приводятся примеры с полной характеристикой симптоматики различных болезней. Например: «Periodic pain in the right hypochondrium, pulling in nature, not associated with food intake; constant aching pains in the left hypochondrium, not associated with food intake and body position; cutaneous itching; -increased fatigue, unmotivated weakness, decreased performance, lethargy; increased abdominal volume; decrease in body weight; shortness of breath with little exercise» [23, p. 84-87] (*перевод наш*: «Тянущие периодические боли в правом подреберье и постоянные ноющие боли в левом подреберье, не связанные с приёмом пищи; кожный зуд; повышенная утомляемость, слабость, снижение работоспособности, вялость; увеличенный объем живота; снижение массы тела; одышка при малой физической нагрузке»).

2. Выделяют два типа *истории настоящего заболевания* (Hogan Personality Inventory (HPI) – тест личностного потенциала). Краткий HPI включает описание от одного до трёх элементов, example: «Dull pain in left knee over the past 2 weeks» (*перевод наш*: «Тупая боль в левом колене в течение последних 2 недель»). Для написания, главным образом, используются такие языковые единицы, как существительные и прилагательные. Расширенный HPI включает четыре и более элементов,

example: «Dull pain in left knee over the past 2 weeks. Patient stated pain started after his fall during the soccer game. The pain relieved by sitting, warm compress, and ibuprofen and aggravated by walking or standing» (*перевод наш*: «Тупая боль в левом колене в течение последних 2 недель. Пациент заявил, что боли начались после падения во время футбольного матча. Боль облегчается при сидении, теплом компрессе и ибупрофене и усиливается при ходьбе или стоянии»). В расширенной форме появляются глаголы, причастия, устойчивые словосочетания, а также возможны клинические и анатомические термины, неологизмы и метафорические выражения [15, 21]. Например: «Considers himself ill since 2001, when he first noted the severity and pain in the right hypochondrium, nausea, appetite disorder, general malaise. Went to the local polyclinic and after a full examination in a hospital (including liver biopsy) was diagnosed with liver cirrhosis. On the background of the therapy, the patient's well-being improved, his condition stabilized. In 02.2005, he was repeatedly hospitalized for bleeding from esophageal varices. From 02. 2005, marked splenomegaly, hypersplenism. He did not receive regular therapy. A real deterioration since 01.2011, when he noted the appearance of shortness of breath with little physical exertion, severe general weakness, increased fatigue, skin itching, weight loss, an increase in the abdomen in volume. Due to the progression of the above complaints, he turned to the polyclinic at his place of residence. Was hospitalized» (*перевод наш*: «Считаю себя заболевшим с 2001 года, когда впервые заметил сильные боли в правом подреберье, была тошнота, нарушения аппетита, общего недомогания. Обратился в поликлинику по месту жительства и после полного обследования и биопсии печени диагностировали цирроз печени. Самочувствие пациента улучшилось, состояние стабилизировалось. С февраля 2005 г. неоднократно госпитализирован с кровотечением из вен пищевода. С февраля 2005 г. выражена спленомегалия, гиперспленизм. Регулярной терапии не получал. Произошло ухудшение с января 2011 г., появилась одышка, сильная общая слабость, повышенная утомляемость, кожный зуд, похудание, увеличение живота в объёме. В связи с прогрессированием вышеуказанных жалоб пациент обратился в поликлинику по месту жительства. Был госпитализирован») [17].

Существует три типа описания анамнеза:

- 1) СС и краткий HPI; обычно принимают в экстренных ситуациях;
- 2) СС, краткий HPI и соответствующие ROS;
- 3) СС, HPI, РМН, FH, SH, ROS – охватывает все типы описания анамнеза.

Следует отметить, что типом анамнеза определяется лингвистическое наполнение документа, употребление терминов, аббревиатур и сокращений [14, с. 59]. В примере, представленном выше, подсчитаны языковые единицы в полных историях болезни.

3. *Предыдущий медицинский анамнез* (PMH) – это описание состояния здоровья пациента до текущего визита [17, с. 72; 23, с. 59-61].

Ключевые элементы: детские болезни, основные болезни взрослых, прошлый хирургический анамнез (type, date, and location of past surgical procedures), лекарства, отпускаемые по рецепту и без рецепта, лекарственные средства, содержащие лекарственные растения, дозы и частота приёма. Например: «Jean Marley was born on April 21, 1953. She was the last (third) child in the family, she was breastfed by her mother. She assesses her childhood and school years as good, the food was adequate. She grew and developed normally in mental and physical development did not lag behind her peers. After leaving school, she entered the Pedagogical Institute, which she graduated in 1975. Since 1976, she worked in her speciality – a physics teacher at a high school in Brentwood. Considers herself ill since September 2002, for the first time there were dull pressing pains in the chest. In this case, the patient took nitroglycerin, but there was no effect. To relieve pain, she took: Valocordin and forced pose (stood against the wall, raised her arms above her head and rested against the wall). These pains arose in connection with increased psycho-emotional stress, as well as at a height of great physical exertion (climbing 3 floors, walking more than 500 m), accompanied by shortness of breath, tachycardia, which appeared without pressing pain» [16, с. 122-123] (*перевод наш*: «Жан Марли родилась 21 апреля 1953 года. Она была последним (третьим) ребёнком в семье, находилась на грудном вскармливании. Детство и школьные годы оценивает как хорошие, питание было нормальным. В умственном и физическом развитии не отставала от сверстников. После окончания школы поступила в Педагогический институт, который окончила в 1975 году. С 1976 года работала по специальности – учителем физики в средней школе в Брентвуде. Считает себя больной с сентября 2002 г., когда впервые появились тупые давящие боли в груди. В этом случае пациент принимал нитроглицерин, но эффекта не было. Для облегчения боли она приняла Валокордин и вынужденную позу (встала у стены, подняла руки над головой и упёрлась в стену). Эти боли возникли в связи с повышенным психоэмоциональным напряжением, а также значительными физическими нагрузками (подъём на 3 этаж, ходьба более 500

м), сопровождающимися одышкой, тахикардией без давящих болей)».

Также записывается информация об аллергических реакциях на каждый аллерген, непереносимости пищи, приеме наркотических веществ, предыдущих травмах (например, motor vehicle accidents, falls) и госпитализациях, переливании крови, иммунизации, скрининговых обследованиях (например, Papsmear, mammogram, colonoscopy), психиатрических заболеваниях (any psychological intervention or hospitalization), сексуальной и социальной жизни.

При составлении предыдущего медицинского анамнеза самыми распространёнными языковыми единицами являются существительные, глаголы, также присутствуют прилагательные, причастия, наречия, числительные, аббревиатуры и сокращения. Развита клиническая терминология.

4. *История семьи* (FH) – болезни у кровных родственников первой и второй степени родства, насчитывающего не менее двух поколений.

Ключевые элементы: возраст и состояние здоровья ближайших кровных родственников; список основных заболеваний кровных родственников первой степени родства; генетические дефекты (например, «cysticfibrosis, betathalassemia, hemophilia, Huntington disease, glycogenstorediseases») (*перевод наш*: «Кистозный фиброз, бета-талассемия, гемофилия, болезнь Хантингтона, болезни накопления гликогена»); жизненный статус ближайших кровных родственников [23, с. 85–89]. Если родственник умер, необходимо указать возраст на момент смерти и причину смерти. Если жив, но болен, то их болезни и прогноз; если жив и здоров, то «жив и здоров (A&W)».

Основную массу языковых единиц в истории семьи составляют клинические термины, указывающие на проблемы со здоровьем родных больного. Встречаются прилагательные и причастия, поясняющие проблему, устойчивые выражения, аббревиатуры и принятые медицинские сокращения [1, с. 101-108]. Менее всего используются существительные. Например: «Name: Billy Ray Steward; Sex: male; Year born / died (or current age): 1956; Ethnicity: Australian; Major medical conditions: Osteoporosis at 45, high blood pressure, heart disease; Lifestyle issues: Lifetime smoked». [20] (*перевод наш*: «Имя: Билли Рэй Стюард; пол: мужской; год рождения / смерти (или текущий возраст): 1956 г.; этническая принадлежность: австралиец; основные заболевания: остеопороз в 45 лет, высокое кровяное давление, сердечные заболевания; проблемы образа жизни: курил всю жизнь»).

5. *Социальная история* – часть истории болезни, которая затрагивает социальные аспекты (е. г.,

occupation, socioeconomic status, drug use) (перевод наш: «род занятий, социально-экономический статус, употребление наркотиков») жизни пациента, которые могут иметь отношение к текущему состоянию здоровья [23, с. 96-102].

Социальная история включает в себя персональные данные. Например, «place of birth, history of childhood and adolescence, level of education, and marital status» (перевод наш: «Место рождения, история детства и юности, уровень образования и семейное положение»). Это род занятий и текущая работа, социально-экономический статус и условия жизни. Существуют профессии, связанные с опасностями для здоровья (например, «exposure to heavy metals or carcinogenic materials») (перевод наш: «Воздействие тяжёлых металлов или канцерогенных материалов») [23, р. 50]. Социальная история, включающая в себя разнообразную информацию, может содержать различные языковые единицы: существительные, прилагательные, причастия, устойчивые сочетания слов, вводные слова, глаголы в различных формах, оценочные единицы и сокращения. Количество тех или иных единиц зависит от объёма информации и её спецификации, характеризуется распространением одних

языковых единиц и отсутствие других ввиду объективных причин.

б. *Обзор систем* (ROS) – список вопросов, упорядоченный в соответствии с системами органов и направленный на установление причины симптомов. Существует два типа обзора: комплексный и целенаправленный. Второй тип охватывает большее количество пунктов, является более распространённым по тематике, но узким, с точки зрения лингвистики. Целенаправленный обзор охватывает только определённые системы органов, которые, по мнению лечащего врача, связаны с основной проблемой [19, с. 278-280]. Часть ROS в истории болезни состоит исключительно из клинических и анатомических терминов при преобладании последних. Среди них могут использоваться прилагательные (для уточнения), а также принятые в медицинской практике сокращения и аббревиатуры. При этом, следует отметить, что прослеживается употребление определённых грамматических форм [20]. В заключительной части могут употребляться фармакологические термины и глаголы, выражающие перспективы процесса лечения.

В табл. 1 представим среднее содержание (%) языковых единиц в истории болезни на основании анализа документных текстов этого жанра.

Таблица 1

Процентные показатели употребления языковых единиц в структурных элементах документа «История болезни»

лингвистические единицы	Бланк (%)	СС (%)	НПИ (%)	РМН (%)	РН (%)	SH (%)	ROS (%)
существительные	47,93	40,54	47,13	29,27	36,67	38	40,58
прилагательные	26,45	29,73	11,5	7,3	10	12,4	25,54
причастия	6	2,7	2,3	0	3,35	3,16	0,9
глаголы	0	5,4	14,94	17,07	10,4	17,05	2,72
наречия	0	5,4	4,6	4,88	3,31	6,2	2,17
числительные	3,3	2,7	10,34	9,76	6,67	10,85	5,07
вводные слова	0	2,7	1,15	0	0	3,04	0,36
анатомические термины	0	5,4	3,45	0	6,7	1,55	11,42
клинические термины	0	2,7	6,9	19,51	16,64	0,85	6,89
аббревиатуры	11,58	0	0	4,88	0	0,7	0,54
новые слова	0	0	0	0	0	1,55	0,18
устойчивые словосочетания	0	2,7	2,3	0	3,29	2,33	1,09
сокращения	10,74	0	0	7,32	3,33	0,77	2,54

Употребление в историях болезни определённых грамматических форм способствует однозначности представления информации: простое настоящее и прошедшее времена, настоящее завершённое время как в активном, так и в пассивном залогах. Например: «One month later, our patient was readmitted after suffering an out-of-hospital VF cardiac arrest from which she was successfully resuscitated (...) On recovery, our patient accepted

our recommendation that she undergo ablation of the focus of ventricular ectopy but she refused implantable cardioverter defibrillator (ICD) therapy» [19]. Для описания рекомендаций и представления прогнозических действий преобладают модальные глаголы *should*, *will*: «The psychological aspect of this condition *should not* be underestimated because he was ashamed of his front teeth and was not able to smile»... «The tooth *will* preserve the remaining al-

veolar ridge and help the adolescent psychologically» [26].

Таким образом, англоязычный документ «История болезни» имеет чёткую структуру с соответствующей ей информативной насыщенностью, которая обеспечивается посредством лингвистических единиц, среди которых высокий процент употребления имён существительных, прилагательных, аббревиатур и сокращений.

Литература

1. Аликаев Р.С., Аликаева М.Р. Частотные параметры словосочетаний в семантико-синтаксических универсалиях научного текста // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2011. № 13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chastotnye-parametry-slovochetaniy-v-semantiko-sintaksicheskikh-universaliiyah-nauchnogo-teksta> (дата обращения: 18.05.2021)
2. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика. М.: Наука, 2006. 254 с.
3. Галкина С.Ф. Медицинская карта амбулаторного больного как жанр естественной письменной речи: к постановке проблемы // Вестник КемГУ. 2012. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/meditsinskaya-karta-ambulatornogo-bolnogo-kak-zhanr-estestvennoy-pismennoy-rechi-k-postanovke-problemy> (дата обращения: 28.05.2021)
4. Галкина С.Ф. Институциональный медицинский текст: опыт лингвистического анализа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-2 (78). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnyy-meditsinskiy-tekst-opyt-lingvisticheskogo-analiza> (дата обращения: 28.05.2021)
5. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / отв. ред. Г.В. Степанов. изд. 9-е. М.: URSS, 2016. 139 с.
6. Кушнерук С.П. Документный текст: свойства и состав // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2009. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dokumentnyy-tekst-svoystva-i-sostav> (дата обращения: 28.05.2021)
7. Маджаева С.И. Лингвистическая характеристика медицинского документа «История болезни» // Известия ВГПУ. 2011. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskaya-harakteristika-meditsinskogo-dokumenta-istoriya-bolezni> (дата обращения: 28.05.2021)
8. Морозова А.В. Управление публикационной активностью авторов: научная публикация в формате IMRaD // Вестник Брянского государственного технического университета. 2019. № 3 (76). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-publikatsionnoy-aktivnostyu-avtorov-nauchnaya-publikatsiya-v-formate-IMRaD> (дата обращения: 27.06.2021)
9. Меньшенина И.А. Специфика организации и коммуникативно-речевая классификация медицинского англоязычного текста // Вестник ВГМУ. 2014. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-organizatsii-i-kommunikativno-rechevaya-klassifikatsiya-meditsinskogo-angloyazychnogo-teksta> (дата обращения: 28.05.2021)
10. Петренко А.Д., Ягенич Л.В. От медицинского трактата до постановки диагноза в виртуальном пространстве: характеристика истории болезни // Известия ВГПУ. 2019. № 2 (135). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-meditsinskogo-traktata-do-postanovki-diagnoza-v-virtualnom-prostranstve-harakteristika-istorii-bolezni> (дата обращения: 28.05.2021)
11. Палютина З.Р. Медицинская лингвистика как новое научное направление: проблемы становления и развития // Медицинский вестник Башкортостана. 2013. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/meditsinskaya-lingvistika-kak-novoe-nauchnoe-napravlenie-problemy-stanovleniya-i-razvitiya> (дата обращения: 28.05.2021)
12. Просвирнина Л.Г. Метафорические термины в английском экономическом дискурсе // Язык и культура. 2015. № 2 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metaforicheskie-terminy-v-angliyskom-ekonomicheskom-diskurse> (дата обращения: 28.05.2021)
13. Ромашова О.В. Жанрово-стилевая специфика медицинского документа (на материале медицинской карты стационарного больного) // МНКО. 2014. № 5 (48). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovo-stilevaya-spetsifika-meditsinskogo-dokumenta-na-materiale-meditsinskoy-karty-statsionarnogo-bolnogo> (дата обращения: 28.05.2021)
14. Уракова Ф.К. Текст как объект лингвистики // Культурная жизнь Юга России. 2007. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tekst-kak-obekt-lingvistiki> (дата обращения: 28.05.2021)
15. Циммерман Я. С. Синдром раздраженной кишки: какова его истинная сущность? // Клиническая медицина. 2014. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sindrom-razdrzhennoy-kishki-kakova-ego-istinnaya-suschnost> (дата обращения: 28.05.2021)
16. Aitken L.M., Marshall A.P. Writing a case study: ensuring a meaningful contribution to the literature. Aust Crit Care. 2007. № 20. 132 p.

17. Bates B., Hoekelman R.A. Guide to physical examination. Third Edition. Philadelphia: J.B. Lippincott Company. 1995. 34 p.

18. Department of Health and Human Services-Centers for Medicare & Medicaid Services 6: Collection of case histories. 2012. № 4. 84 p.

19. Dhillon P.S., Domenichini G., Gonna H., etc. Ventricular fibrillation treated by cryotherapy to the right ventricular outflow tract: a case report. Journal of Medical Case Reports. 2016. № 10 (1).

20. Gopal M.A. Standardized case history format for clinical psychology and psychiatry professionals // International Journal of Psychology and Psychiatry. 2015. № (2): 48. URL: https://www.researchgate.net/publication/282900515_A_standardized_case_history_format_for_clinical_psychology_and_psychiatry_professionals/citations (дата обращения: 16.05.2021)

21. Hinkel E. Research Findings on Teaching Grammar for Academic Writing // English Teaching. 2013. № 68 (4):3.

22. Li L.-J., Ge G.-Ch Gender analysis: Structural and linguistic evolution of the English-medium medical research article (1985-2004) // English for Specific Purposes. 2009. № 28. P. 93 – 104.

23. Longmore M., Wilkinson I., Davidson E. H, Foulkes A., Mafi A. Oxford Handbook of Clinical Medicine. Oxford: OUP. 2010. 321 p.

24. Nakano S., Nakahira J., Sawai T., Kadono N., Minami T. Unexpected hemorrhage during robot-assisted laparoscopic prostatectomy: a case report. J Med Case Rep. 2016. 240 p.

25. Protopapas A.D., Athanasiou T. Evolving dimensions in medical case reporting // J Med Case Rep. 2011. 164 p.

26. Schaaf H., Kerkmann H., Pitka F., Niko C., Attia S. Replantation of a displaced incisor in a boy with a cleft lip and alveolus: a case report. // J Med Case Rep. 2016. № 10. 255 p.

References

1. Alikaev R.S., Alikaeva M.R. Частотные параметры словосочетаний в семантико-синтаксических универсалиях научного текста. Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2011. № 13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chastotnye-parametry-slovosochetaniy-v-semantiko-sintaksicheskikh-universalijah-nauchnogo-teksta> (дата обращения: 18.05.2021)

2. Baranov A.N. Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoreticheskie osnovaniya i praktika. M.: Nauka, 2006. 254 s.

3. Galkina S.F. Medicinskaya karta ambulatornogo bol'nogo kak zhanr estestvennoj pis'mennoj rechi: k postanovke problem. Vestnik KemGU. 2012. № 3. URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/meditsinskaya-](https://cyberleninka.ru/article/n/meditsinskaya-karta-ambulatornogo-bolnogo-kak-zhanr-estestvennoj-pis'mennoj-rechi-k-postanovke-problemy)

[karta-ambulatornogo-bolnogo-kak-zhanr-estestvennoj-pis'mennoj-rechi-k-postanovke-problemy](https://cyberleninka.ru/article/n/meditsinskaya-karta-ambulatornogo-bolnogo-kak-zhanr-estestvennoj-pis'mennoj-rechi-k-postanovke-problemy) (дата обращения: 28.05.2021)

4. Galkina S.F. Institucional'nyj medicinskij tekst: opyt lingvisticheskogo analiza. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 12-2 (78). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institucionalnyj-meditsinskij-tekst-opyt-lingvisticheskogo-analiza> (дата обращения: 28.05.2021)

5. Gal'perin I.R. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya. otv. red. G.V. Stepanov. izd. 9-e. M.: URSS, 2016. 139 c.

6. Kushneruk S.P. Dokumentnyj tekst: svojstva i sostav. Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskij region. Seriya: Obshchestvennye nauki. 2009. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dokumentnyj-tekst-svojstva-i-sostav> (дата обращения: 28.05.2021)

7. Madzhaeva S.I. Lingvisticheskaya harakteristika medicinskogo dokumenta «Istoriya bolezni». Izvestiya VGPU. 2011. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskaya-harakteristika-meditsinskogo-dokumenta-istoriya-bolezni> (дата обращения: 28.05.2021)

8. Morozova A.V. Upravlenie publikacionnoj aktivnost'yu avtorov: nauchnaya publikaciya v formate IMRaD. Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2019. № 3 (76). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-publikatsionnoj-aktivnostyu-avtorov-nauchnaya-publikatsiya-v-formate-imrad> (дата обращения: 27.06.2021)

9. Men'shenina I.A. Specifika organizacii i kommunikativno-rechevaya klassifikaciya medicinskogo angloyazychnogo teksta. Vestnik VGMU. 2014. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-organizatsii-i-kommunikativno-rechevaya-klassifikatsiya-meditsinskogo-angloyazychnogo-teksta> (дата обращения: 28.05.2021)

10. Petrenko A.D., YAgenich L.V. Ot medicinskogo traktata do postanovki diagnoza v virtual'nom prostranstve: harakteristika istorii bolezni. Izvestiya VGPU. 2019. № 2 (135). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-meditsinskogo-traktata-do-postanovki-diagnoza-v-virtualnom-prostranstve-harakteristika-istorii-bolezni> (дата обращения: 28.05.2021)

11. Palyutina Z.R. Medicinskaya lingvistika kak novoe nauchnoe napravlenie: problemy stanovleniya i razvitiya. Medicinskij vestnik Bashkortostana. 2013. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/meditsinskaya-lingvistika-kak-novoe-nauchnoe-napravlenie-problemy- stanovleniya-i-razvitiya> (дата обращения: 28.05.2021)

12. Prosvirina L.G. Metaforicheskie terminy v anglijskom ekonomicheskom diskurse. YAzyk i kul'tura. 2015. № 2 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metaforicheskie-terminy-v-anglijskom-ekonomicheskom-diskurse> (data obrashcheniya: 28.05.2021)

13. Romashova O.V. Zhanrovo-stilevaya specifik medicinskogo dokumenta (na materiale medicin-skoj karty stacionarnogo bol'nogo). MNKO. 2014. № 5 (48). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovo-stilevaya-spetsifika-meditsinskogo-dokumenta-na-materiale-meditsinskoy-karty-statsionarnogo-bolnogo> (data obrashcheniya: 28.05.2021)

14. Urakova F.K. Tekst kak ob"ekt lingvistiki. Kul'turnaya zhizn' YUga Rossii. 2007. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tekst-kak-obekt-lingvistiki> (data obrashcheniya: 28.05.2021)

15. Cimmerman YA. S. Sindrom razdrazhennoj kishki: kakova ego istinnaya sushchnost'? Klinicheskaya medicina. 2014. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sindrom-razdrazhennoj-kishki-kakova-ego-istinnaya-sushchnost> (data obrashcheniya: 28.05.2021)

16. Aitken L.M., Marshall A.P. Writing a case study: ensuring a meaningful contribution to the literature. Aust Crit Care. 2007. № 20. 132 p.

17. Bates B., Hoekelman R.A. Guide to physical examination. Third Edition. Philadelphia: J.B. Lippincott Company. 1995. 34 p.

18. Department of Health and Human Services-Centers for Medicare & Medicaid Services 6: Collection of case histories. 2012. № 4. 84 p.

19. Dhillon P.S., Domenichini G., Gonna H., etc. Ventricular fibrillation treated by cryotherapy to the right ventricular outflow tract: a case report. Journal of Medical Case Reports. 2016. № 10 (1).

20. Gopal M.A. Standardized case history format for clinical psychology and psychiatry professionals. International Journal of Psychology and Psychiatry. 2015. № (2): 48. URL: https://www.researchgate.net/publication/282900515_A_standardized_case_history_format_for_clinical_psychology_and_psychiatry_professionals/citations (data obrashcheniya: 16.05.2021)

21. Hinkel E. Research Findings on Teaching Grammar for Academic Writing. English Teaching. 2013. № 68 (4):3.

22. Li L.-J., Ge G.-Ch Gender analysis: Structural and linguistic evolution of the English-medium medical research article (1985-2004) // English for Specific Purposes. 2009. № 28. P. 93 – 104.

23. Longmore M., Wilkinson I., Davidson E. H, Foulkes A., Mafi A. Oxford Handbook of Clinical Medicine. Oxford: OUP. 2010. 321 p.

24. Nakano S., Nakahira J., Sawai T., Kadono N., Minami T. Unexpected hemorrhage during robot-assisted laparoscopic prostatectomy: a case report. J Med Case Rep. 2016. 240 p.

25. Protopapas A.D., Athanasiou T. Evolving dimensions in medical case reporting. J Med Case Rep. 2011. 164 p.

26. Schaaf H., Kerkmann H., Pitka F., Niko C., Attia S. Replantation of a displaced incisor in a boy with a cleft lip and alveolus: a case report. J Med Case Rep. 2016. № 10. 255 p.

STRUCTURAL AND LINGUISTIC ANALYSIS OF THE CASE HISTORY AS A GENRE OF WRITTEN TEXT

*Yagenich L.V.,
Institute of Philology,
V.I. Vernadsky Crimean Federal University*

Abstract: The article is devoted to the determination of the structural and linguistic characteristics of the written documentary medical text of the medical history based on the material of the English language. The structural organization of this medical document and its high information content, which is expressed in certain language means, contribute to the fixation, storage, as well as an unambiguous and accurate understanding of information about the development of the disease. The following structural elements of the document "case history" are described: chief concern (CC); history of present illness (HPI); past medical history (PMH) including preexisting illnesses; medication history; and allergies; family history (FH); social history (SH); review of systems (ROS). Information about the patient requires a regulated description, which is carried out in the text by a certain set of lexical means in accordance with clear stylistic norms of design in order to perceive correctly the data. By mathematical calculation, the units that provide the information saturation and density of the medical document text are determined. The results obtained confirm the high frequency of the use of nouns, adjectives, abbreviations and acronyms. Grammatical forms of the simple present and past tense, the present perfect tense both in the active and passive voices contribute to the unambiguity of the representation of information. For recommendations and presentation of predictive actions, the use of modal verbs prevails.

Keywords: written medical text, document, structural analysis, linguistic analysis, case history

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТАХ О БРЕКЗИТЕ

Бурдун Н.В.,

*Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации*

Аннотация: в настоящей статье рассматриваются особенности функционирования фразеологических единиц (ФЕ), используемых в текстах тематической группы «Брекзит». Исследование проводилось на материале изданий “The Economist” и “The Spectator” за период с 2018 по 2019 год. Фразеологизм определяется в соответствии с широким пониманием данного термина: к числу ФЕ относятся также пословицы, поговорки, афоризмы. Представленные в текстах фразеологические единицы сгруппированы по принципу возрастающей сложности их семантической структуры (от фразеоматизмов до идиом). Выявляются фразеоматизмы, используемые исключительно в рамках данного контекста и выполняющие преимущественно номинативную, терминологическую функцию. При исследовании единиц, которые являются средством прагматического воздействия, отмечается характерное для качественной прессы использование библеизмов, известных изречений, цитат на других языках. На примере одной из идиом, представляющей собой отсылку к конкретному высказыванию политика, рассматриваются особенности употребления ФЕ, обладающих высокой цитируемостью в контексте Брекзита.

Ключевые слова: фразеологизм, фразеоматизм, идиофразеоматизм, идиома, Брекзит, качественная пресса

Принятое по итогам референдума решение Великобритании о выходе из состава Европейского союза стало причиной серьезных общественных разногласий. На протяжении последних пяти лет вопрос Брекзита активно обсуждался в мировых СМИ. Особое внимание данной проблематике уделяется в британской прессе, в частности, в текстах качественных изданий, которые, как известно, славятся обилием средств художественной выразительности, в том числе ресурсов фразеологии.

Перед тем, как перейти к обзору функций ФЕ в исследуемых текстах, стоит отметить, что под фразеологизмом в рамках данной статьи понимается воспроизводимая в готовом виде языковая единица, состоящая из двух или более ударных компонентов словного характера, фиксированная по своему значению, составу и структуре [3, с. 52]. Так, рассмотрению подлежат единицы, представляющие все разделы фразеологии: идиомитку, идиофразеоматику, фразеоматику [2, с. 15].

Для начала обратимся к группе фразеоматизмов, составляющих периферию фразеологического фонда языка, иными словами, устойчивым оборотам с непереосмысленным, но осложненным значением. По результатам анализа материала соответствующих статей изданий “The Economist” и “The Spectator” за период с 2018 по 2019 год удалось установить, что в контексте Брекзита появляются новые фразеоматизмы (no deal, Irish backstop), которые используются в качестве терминов, обозначая определенные реалии, и их функции сводятся к номинативной. Например:

How attempts to stop no deal could help Theresa May get her deal passed [The Economist, 26/01/2019].

Как попытки остановить выход из ЕС без соглашения могут помочь Терезе Мэй в утверждении ее проекта сделки парламентом.

History will judge UK ministers harshly for the Irish backstop [The Spectator, 10/11/2018].

«Ирландский бэкстоп»: суд истории будет строг к британским министрам.

Однако в остальных случаях фразеоматизмы, как и фразеологизмы в целом, наряду с номинативной функцией реализуют прагматическую. В контексте Брекзита среди единиц данной группы особо можно отметить использование известных цитат и изречений, которые мы вслед за Н.М. Шанским также относим к ресурсам фразеологии [3]. Такие единицы отличаются немобильностью и используются в рассматриваемых текстах в качестве заголовка. Рассмотрим один из примеров:

The king is dead! Long live the king! Mr Corbyn increasingly plays the role of the monarch, smiling benignly from the party platform, while Mr McDonnell does the real work of creating policies [The Economist, 29/09/2018].

Король умер! Да здравствует король! Джереми Корбин все больше играет роль монарха, доброжелательно улыбаясь с партийной трибуны, в то время как на деле разработкой политических мер занимается г-н МакДоннелл.

Так, в статье, посвященной лидеру Лейбористской партии и оппозиции Джереми Корбину, в качестве подзаголовка используется выражение “The king is dead! Long live the king!”, которое служит отсылкой к вступлению на престол нового монарха и способствует созданию комического эффекта.

С этой же целью в исследуемых текстах используются устойчивые выражения на других языках:

¡Hasta la victoria Corbynista! While a Brexit-induced political crisis raged in Britain, the Labour leader was in Mexico to watch the new president – who calls Mr Corbyn his “eternal friend” – being sworn in [The Economist, 02/02/2019].

До победы команданте Корбина! Пока в Великобритании бушевал вызванный Брекзитом политический кризис, лидер Лейбористской партии был в Мексике, где присутствовал на церемонии инаугурации новоизбранного президента, который называет Джереми Корбина «другом навеки».

Заголовком в данном случае служит известная фраза Че Гевары “¡Hasta la victoria siempre!” (с исп. «До победы, всегда!»). При этом осуществляется замена одного из компонентов фразеоматизма на фамилию британского политика, что позволяет усилить экспрессивность высказывания, придать ему ироничный характер.

Перейдем к категориям ФЕ более высокой степени семантической сложности – идиофразеоматизмам и идиомам, фразеологизмам, которые подверглись частичному или полному переосмыслению. В данном случае прагматическая функция реализуется за счет присущей этим единицам экспрессивно-образной составляющей. Особенностью идиом и идеофразеоматизмов является высокий удельный вес коннотативного аспекта значения и входящего в его состав экспрессивно-оценочного компонента. Лежащий в основе ФЕ образ, хотя и не является ярким, может вызывать устойчивые ассоциации, что способствует имплицитной трансляции оценки. Особенно эффективно это реализуется благодаря использованию языковой игры:

*Arron’s golden calf [The Economist, 10/11/2018].
Золотой телец Аррона.*

Так, в данном заголовке благодаря употреблению фразеологизма обыгрывается сходство имен одного из главных спонсоров кампании по прекращению членства в ЕС Аррона Бэнкса и ветхозаветного героя Аарона, который переплавив все имеющееся золото в статую быка, устроил массовое поклонение идолу. Осуществляется перенос данной характеристики на героя статьи, при этом в емкой и лаконичной форме.

Важно отметить, что среди идиом, как и среди фразеоматизмов, присутствуют ФЕ, представляющие собой отсылку к выступлениям политических лидеров и обладающие высокой цитируемостью в рамках данного контекста. При этом используются не новые выражения, а уже имеющиеся в употреблении фразеологические единицы.

Рассмотрим, например, наиболее частотный для данной тематической подборки текстов фразеологизм “to have one’s cake and eat it”:

Britain would be able to have its cake and eat it as Mr Johnson pronounced in a phrase that should be carved on his tombstone [The Economist, 27/10/18].

Выражаясь словами Бориса Джонсона, которые должны быть высечены на его надгробной плите, Великобритания сможет съесть один пирог дважды.

Идиома происходит от известной пословицы “You cannot have your cake and eat it (too)” (досл. «Нельзя иметь пирог и съесть его»). Как видно из предыдущего примера, фразеологизм служит отсылкой к высказыванию одного из главных идеологов кампании за выход из состава ЕС – Бориса Джонсона. Впоследствии авторы статей неоднократно обращались к данным словам, как правило критикуя ярых сторонников Брексита, указывая на их нежелание идти на компромисс. Интересно, что при использовании идиомы в текстах СМИ зачастую обыгрываются прямые значения компонентов фразеологизма. Например:

Promises of having your cake and eating it have given way to a less appetizing offering [The Economist, 24/11/18].

Обещания усидеть на двух стульях (претворить в жизнь принцип «один пирог два раза съешь») сменились менее заманчивыми (аппетитными) предложениями.

В представленном примере фразеологизм не подвергается структурным изменениям, однако иногда двойная актуализация значения компонентов ФЕ сопровождается и формальными преобразованиями:

Perhaps two dozen Tory MPs want such an outcome, now that a cake-and-eat -it deal is off the menu [The Economist, 24/11/18].

Порядка двадцати парламентариев от партии Тори, возможно, рассчитывают на такой исход, учитывая то, что возможность заключения сделки по принципу «один пирог два раза съешь» исчезла как позиция из меню.

В исследуемых нами текстах отмечается также использование данной ФЕ в более усеченной форме. Рассмотрим в качестве примера следующий заголовок:

*Still having its cake [The Economist, 12/01/2019].
А пирог и ныне там.*

Автор статьи критикует неспособность парламентариев обеспечить слаженную и оперативную работу над текстом соглашения. Посредством использования компонентов идиомы “to have one’s cake and eat it” со свойственной изданию иронией подчеркивается то, что некоторые политики по-прежнему не готовы отказаться от старого подхода.

Иногда такой прием может быть использован в сочетании с другими средствами, например, фразеологическим насыщением [1]:

They (Brexiters) believed that leaving the EU would be a cake walk [The Economist, 1/11/2018].

Сторонники Брекзита считали, что выйти из ЕС будет невероятно просто, и при этом чрезвычайно выгодно.

В данном случае компонент “cake”, отсылающий к часто цитируемой в данном контексте идиоме, входит в состав другой ФЕ “to be a cakewalk” (аналог в русском языке – «пара пустяков»). Несмотря на то, что для компонента “cakewalk” более распространенным является слитное написание, в данном случае, для того чтобы сделать отсылку более наглядной, составляющие компонента представлены по отдельности. И наряду с этим обращает на себя внимание характерная для каламбура двойная актуализация значений компонентов, что, как и в случае с остальными окказиональными изменениями, обеспечивает большую экспрессивность ФЕ, силу их эмоционального воздействия.

Итак, с точки зрения функциональности фразеологизмы, используемые в текстах о Брекзите, можно условно разделить на две группы: ФЕ, выполняющие исключительно номинативную функцию, и ФЕ, выполняющие наряду с номинативной, прагматическую функцию. К первой группе относятся несколько фразеоматизмов, используемых в текстах в качестве терминов для обозначения реалий переговорного процесса. Ко второй – все остальные ФЕ (в особенности ФЕ категории идиом и идеофразеоматизмов). Такие фразеологизмы

придают тексту выразительность, служат для создания комического эффекта, при этом предполагается, что реципиент располагает необходимыми лингвокультурными знаниями. Для усиления прагматического эффекта фразеологизмы нередко размещаются в заголовке или подзаголовке статьи. Кроме того, достаточно распространены случаи окказионального преобразования фразеологизмов, что особенно характерно для единиц, обладающих высокой цитируемостью в рамках данного контекста.

Литература

1. Арсентьева Е.Ф., Аюпова Р.А., Сафина Р.А. и др. Контекстуальное использование фразеологических единиц / под ред. проф. Е.Ф. Арсентьевой. Казань: Хэтер, 2009. 168 с.
2. Кунин А.В. Английская фразеология. Москва: Высш.школа, 1970. С. 15 – 97.
3. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. Москва: Рус. язык, 1985. С. 52 – 55.

References

1. Arsent'eva E.F., Ayupova R.A., Safina R.A. i dr. Kontekstual'noe ispol'zovanie frazeologicheskikh edinic. pod red. prof. E.F. Arsent'evoy. Kazan': Heter, 2009. 168 s.
2. Kunin A.V. Anglijskaya frazeologiya. Moskva: Vyssh.shkola, 1970. S. 15 – 97.
3. SHanskij N.M. Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka. Moskva: Rus. yazyk, 1985. S. 52 – 55.

SPECIAL ASPECTS OF FUNCTIONING OF THE PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE TEXTS ON BREXIT

Burdun N.V.,

*Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*

Abstract: this article discusses the special aspects of the phraseological units' (PUs) functioning in the thematic cluster of texts on Brexit. The research material was taken from the relevant articles of “The Economist” and “The Spectator” for the period of 2018-2019. Phraseology is defined in the broad sense of the term and includes proverbs, sayings and aphorisms. The PUs under consideration are classified by the increasing degree of semantic opacity (from phraseomatisms to idioms). The paper notes the emergence of new phraseomatisms performing predominantly nominative, terminological function, as well as abundance of biblicalisms, dicta, set expressions in other languages among pragmatic phraseological units. Using the example of one of the idioms serving as a reference to a specific statement of a politician the study dwells on the contextual use of idioms frequently quoted in the context of Brexit.

Keywords: phraseology, phraseomatism, semi-idiom, idiom, Brexit, quality press

СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИЧИННЫХ СОЮЗОВ

Ван В., аспирант,
Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта

Аннотация: в данной статье рассматриваются служебных слов. Цели исследования – описывается специфика союзов как средства выражения каузальных отношений. Задача исследования – выделяются особенности выражения причинных союзов семантики, стилистической окраской, вносятся некоторые уточнения в стилистическую оценку союза со стороны его книжности, нейтральности, разговорности, рассматриваются семантические характеристики данных союзов в русском языке, а также пунктуационные особенности конструкций со союзом «*потому что*». Данная статья может быть полезна студентам и магистрантам, изучающим причинно-следственную связь. Для иностранных студентов, изучающих русский язык, поймите причину союзов в русском языке.

Ключевые слова: причинные союзы, обусловленность, семантика, сложное предложение, союзы стилистически окрашенные, союзы книжные и разговорные, сложное предложение, служебное слово

Изучение обусловленности в лингвистике является давней традицией, еще в 19 веке лингвисты начали изучать категорию обусловленности. Проблема обусловленности в языке и речи рассматривалась во многих работах как отечественных (Н.И. Греч, А.Х. Востоков, А.А. Шахматов, В.В. Виноградов, А. Ф. Михеев, Б.Н. Головин, Г.В. Валимова, Е.С. Скобликова и др.), так и китайских лингвистов (Ли Цинь, Сюэ Ынку и др.), все эти лингвисты исследуют определение обусловленности, семантики и их выражения в различных синтаксических структурах. А причинно-следствие отношения – одна из важных и сложных взаимосвязей в отношениях обусловленности (В.В. Бабайцева. «Современный русский язык», 1981; Л.А. Дерibas и К.И. Мишина, «Типы предложений в русском языке», 1981; О.Е. Пекелис. Семантика причинности и коммуникативная структура: *потому что* и *поскольку*, 2008 и др.). В данной статье рассматриваются причинные союзы в области семантических и стилистических аспектах.

Причинно-следственные отношения состоят из двух взаимосвязанных категорий: причина и следствие. Категория причинности представляет собой неделимый комплекс. Причинно-следственное отношение – это связь между двумя явлениями: одно из них является основной для реализации другого, и причинную связь можно разделить на два типа: собственно-причинное, несобственно-причинное значение: «В предложениях с собственно-причинным значением в придаточном совмещается фактическое основание (истинная причина) и довод, аргумент, мотивирующий то, что утверждается в главном»; «В предложениях с несобственно-причинным значением придаточное, содержащее аргумент, основание, фактически сообщает о следствии того, о чем сообщается в главном, а главное заключает в себе реальную причину того, о чем говорится в придаточном» [1, с. 579].

Э.Д. Шапиро выделяет каузальное отношение на две разновидности причины по семантике: при-

чины, вызывающей следствие, и причины, обосновывающей действие [2]. Эта классификация в целом согласуется с выражением отношений «собственно-причинное» и «несобственно-причинное» Русской грамматики-80, за исключением разницы в названии.

Союзы недифференцированных значений указывают на причинное отношение в наиболее общей форме и не определяют природу причинной зависимости вне контекста. К ним относятся такие союзы, как: *потому что, так как, поскольку, ибо* и т.д. К дифференцированным значениям относятся такие союзы: *оттого что, из-за того что, благодаря тому что, в связи с тем что* и др.

Вместе с союзом недифференцированную типа *потому что, так как, поскольку* являются самыми популярными союзами при выражении собственно-причинного значения в сложноподчиненном предложении, они часто употребляются в книжной стиле. Союз *ибо* отмечается как книжный, большинство составных союзов употребляются в книжной стиле.

По мнению большинства лингвистов союз *потому что* на то, что он играет роль основного выразителя причинно-следственных отношений, указывает и сама его форма, и его наиболее частое употребление в сложноподчиненных предложениях с придаточным причины, а также то, что он передает целый ряд оттенков каузальных отношений в предложении. По мнению ряда исследователей (2. 4. 6), они имеют слабую окраску непринужденной речи, употребляются как в книжной, так и в разговорной речи.

Потому что отличается от других союзов, он может употребляться расчлененно, с паузой перед *что*, и как цельная союзная группа. При расчленении союза он допускает употребление лексических актуализаторов модально-оценочных слов и частиц: *лишь, еще и, да, просто, именно, может быть*, что вносит дополнительный смысловой элемент. В всех случаях расчлененности союза

предложение имеет только собственно-причинное значение [1, с. 580]. Например: *просто, только, именно* указывают на единственность, самоочевидность причинных отношений; *и, еще* указывают на дополнительное отношение причины, эти частицы и модально-оценочные слова приносят разные окраски причинному отношению.

Амигдала способна запускать эмоциональный отклик посредством экстренного реагирования именно потому, что параллельная отражательная цепь начинается между ней и неокортексом. [Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ / Д. Гоулман – «Мани, Иванов и Фербер (МИФ)», 1995 – (МИФ Саморазвитие)].

По поводу позиционной специализации союза потому что предложения фиксированы: либо за главной, либо в интерпозиции. Союз в основном не начинают собою сложного предложения, но в разговорной речи это правило изменяется: в разговорной беседе союз потому что может ставить в начале предложения заглавными буквами, когда мы можем понимать, что главное предложение опущено. Кроме того, когда союз потому что разложен, предложения с потому также могут быть помещены в начало предложения. Ср.: Потому ли, что счастье делает нам добрее, она стала более терпимой, менее язвительной, более мягкой [http://bkrs.info].

Сложное предложение с союзами причины *ибо, поскольку* употребляются в научном стиле, официально-деловом и публицистическом стиле, потому что в этих предложениях более логично и аргументировано.

Старославянский союз **ибо** имеет книжную окраску, и он принадлежат высокому стилю, как другие устаревшие союзы, достаточно широко распространен в книжном стиле. «Союз *ибо* – единственный сохранившийся в русском языке союз причины» [11, с. 301], союз *ибо* возник из сочетаний *и* и *бо*, Е.А. Иванчикова отмечает, что союз *ибо* к концу XIX века стал активнее употребляться в книжной, большинство научной речи [12, с. 187]. Другие старославянские причинные союзы постепенно уходят из языка из-за их универсальности и слабости в подчинительном функциональном выражении придаточных предложений.

При выражении несобственно-причинного отношения в предложении усложняется, по семантике мы выделяем причинное отношение на 8 типов причины: *непосредственная причинная зависимость, стимул для совершения действия, благоприятная причина, неблагоприятная причина, причинное основание, логическое основание, альтернативная мотивация и добавочная причина* и т.д.

Выражая логическое основание, говорящий не только объясняет реальную причину, но и указывает на причину в качестве аргумента для логического рассуждения, обычно выражаемого в сложноподчиненном предложении главного подчиненного с союзами *потому что, так как и поскольку*. Например:

- У него, наверное, болит нога, потому что он прихрамывает. [Социальная сеть «ВКонтакте» – URL: <http://vk.com/> (дата обращения: 21.04.2021)]

- Преподаватель заболел, потому что простудился. / преподаватель, наверное, заболел, потому что занятия отменили. [Социальная сеть «ВКонтакте» – URL: <http://vk.com/> (дата обращения: 21.04.2021)]

Первое предложение выражает отношение собственно-причинное, определяется причинно-следственная связь между придаточным и главным предложением (в предложении указывается прямая причина возникновения главного предложения). А второе предложение выражает отношение логического вывода, связь между рассуждением и выводом определяется между главным и придаточным предложением. (вывод логических рассуждений содержится в главном предложением «наверное, преподаватель заболел», а в придаточном предложении содержит основание для такого вывода «потому что занятия отменили»). Фактически, в придаточном предложении содержит результат логического рассуждения, а реальная причина содержится в главном: *Асфальт мокрый, потому что прошел дождь. (реальный) / Прошел дождь, потому что асфальт мокрый. (логическое рассуждение)*. [Социальная сеть «ВКонтакте» – URL: <http://vk.com/> (дата обращения: 21.04.2021)].

Обычным способом выражения несобственно-причинного (причинно-аргументирующего) значения с союзом *потому что* является соединение союза с вводным (модальным) словом или словосочетанием (*очевидно, видимо, вероятно, явно* и т.д.), принимающим на себя в этих случаях роль компонента двухместного союзного соединения. [1, с. 580] Используем слова *явно, безусловно, очевидно...*, чтобы указать на надежность говорящего определения выводов говорящим, слова *наверное, вероятно, может быть...* указываем на достоверность неопределенного заключения говорящего. Ср. *Трудно поверить, что раньше я никогда не видел такой иллюстрации, но, очевидно, не видел, потому что отчетливо помню, что был поражен*. [Брайсон Б. Краткая история почти всего на свете: экскурсия в окружающий мир/ Б. Брайсон – «Издательство АСТ», 2003 – (Просто о необычном и сложном)]. *Наверное, недавно прошел дождь, потому что асфальт мокрый*. [Социальная сеть

«ВКонтакте» – URL: <http://vk.com/> (дата обращения: 21.04.2021)]

В учебном литературе видим, что союз *благодаря тому что* в принципе выражает благоприятную причину, он указывает не только причину, но и дополнительное значение благоприятности причины. Но на некоторых примерах мы можем отметить, что иногда союз *благодаря тому что* означает нейтральный, т. е. он не указывает на благоприятные условия, а выражает непосредственную причину: Все это стало возможным благодаря тому, что автор сам глубоко переживал и выстрадал тот опыт, которым он делится в своей книге [Марина Л. Очерки православной психотерапии. На пути в землю обетованную]. Последнее название появилось благодаря тому, что для изготовления фигурок используются только натуральные материалы [Соленое тесто. Поделки, игрушки, сувениры, панно, фоторамки]. Здесь причина не указывает на положительный эффект, просто указывает на причину, можем заменить ее союзом потому что: Все это стало возможным потому, что автор сам глубоко переживал и выстрадал тот опыт, которым он делится в своей книге; Последнее название появилось, потому что для изготовления фигурок используются только натуральные материалы.

Союз *из-за того что* выражает указывает на причину несостоявшегося или нежелательно действия, он выражает неблагоприятную причину, например: «Мне впервые стало стыдно из-за того, что я такая большая и неуклюжая.» [Вот это истории! №. 23 (200), ноябрь 2019, 24].

Союзы *в связи с тем что* выражает причинное основание: *Прошу продлить срок сдачи экзаменов до 20.04.2016 в связи с тем, что мне нужно пересдать экзамен по математике.* [Заявление. И.А. Петрова. 2016.]

Союз *оттого что (или оттого, что)* указывают на непосредственную причинную зависимость, тесную связь между причинной и следствием: *Все несчастья происходят оттого, что русские разучились сидеть дома возле родимой печки, а шляются по всему миру, как бездомные цыгане.* [Пиккуль В. С. Честь имею. Том I / В. С. Пиккуль – «ВЕЧЕ», 1987.]

Союз тем более что обозначает добавочную причину, дополнительный аргумент, привлекаемый для обоснования [20. С. 70]: *Судя по ряду казусов, ответ будет глубоко неоднозначным. Тем более что грань между двумя видами интеллекта порой достаточно зыбкая.* [Из газеты «комсомольская правда». №. 121 (27047) 29 октября 2019 год].

Составные союзы сохраняют семантические особенности предлогов, от которых они образованы. Валгина Н. С. отмечает, что большинство со-

ставных причинных союзов почти исключительно относятся к книжной речи делового характера и способны расчленяться [3].

Русские составные союзы уже формировались в XV-XVIII вв. направленные на точное указание характера отношений между частями сложных предложений. Это в основном обусловлено формированием и развитием официально-делового и научного стилей и определяется задачей коммуникации в этой области: составные союзы позволяют выражать сложное предложение в точной и понятной форме [10, с. 67-68].

Приведенные выше вопросы относятся к категории семантико-стилистических характеристик. Семантико-стилистический – это наука о языке, изучение семантики заключается в выяснении закономерностей семантического выражения, внутренней интерпретации, различных аспектов семантического выражения личности и общностей. Освоить стилистику может значительно повысить уровень письменной речи студентов, и наша научная работа и опубликованные статьи относятся к научному языку, но большинство студентов не хватает языковых средств и выразительных способностей научного стиля, поэтому необходимо изучить стилистические характеристики союзов.

Таким образом, системное исследование причинных союзов с точки зрения семантико-стилистического аспекта, направление на раскрытие взаимосвязи формальных и семантических параметров сложных конструкций в качестве базовых для выявления в их структуре и семантике стилистического компонента.

Литература

1. АН СССР институт русского языка. Русская грамматика. Т. II: Синтаксис. Изд-во. Наука. М.: 1980.
2. Шапиро Э.Д. Выражение причинно-следственных отношений в сложноподчиненных предложениях разных типов // Вестник Чувашского университета. Ставрополь, 2008. № 18.
3. Валгина Н.С. Современный русский язык: синтаксис: учебник для вузов. 4-е изд. М.: «Высшая школа» 2003.
4. Константинова Л.А., Гончарова Н.Н., Щенникова Е.П. Грамматика русского языка. Ч. II: учебное пособие по русскому языку для студентов-иностранцев II курса / под ред. д-ра пед. наук Л.А. Константиновой. Тула: Изд-во ТулГУ, 2007.
5. Скобликова Е.С. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения (теоретический курс): учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2006.

6. Новикова А.А. Союз ибо в романе Н.С. Лескова «Соборяне» // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. Изд-во: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева», 2012.

7. Бессалов А.Ю. Структурно-семантическая характеристика причинных союзов BECAUSE и PARCE QUE // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2012. № 10 (125).

8. Теляковская М. В. Стилистическая характеристика причинных союзов // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. Изд-во: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева», 2012.

9. Кузнецова Л.М. Функционально-стилистические особенности причинных союзов в «Почте духов» И. А. Крылова // Вестник. Вестник Тверского государственного университета. Серия "Филология", 2013. Вып. 2. С. 122 – 129.

10. Кузнецова Р.Д. Формирование составных союзов в русском языке: учебное пособие. Калинин: КГУ, 1978.

11. Преображенская М.Н. Сложноподчиненные предложения причины. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение. М.: Наука, 1979.

12. Иванчикова Е.А. Развитие подчинительных конструкций функциональных типов. Очереди по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в строе сложноподчиненного предложения. М.: Наука, 1964.

13. Галкина Наталия Павловна. Функционально-стилистическая адаптация причинных союзов в научном стиле русского языка (на материале произведений естественно-научного цикла // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2013. № 3. С. 144 – 146.

References

1. AN SSSR institut russkogo yazyka. Russkaya grammatika. T. II : Sintaksis. Izd-vo. Nauka. M.: 1980.

2. SHapiro E.D. Vyrazhenie prichinnosledstvennyh otnoshenij v slozhnopodchinennyh predlozheniyah raznyh tipov. Vestnik CHuvashskogo universiteta. Stavropol', 2008. № 18.

3. Valgina N.S. Sovremennyy russkij yazyk: sintaksis: uchebnik dlya vuzov. 4-e izd. M.: «Vysshaya shkola» 2003.

4. Konstantinova L.A., Goncharova N.N., SHCHennikova E.P. Grammatika russkogo yazyka. CH. II : ucheb-noe posobie po russkomu yazyku dlya studentov-inostrancev II kursa. pod red. d-ra ped. nauk L.A. Konstantinovej. Tula: Izd-vo TulGU, 2007.

5. Skoblikova E.S. Sovremennyy russkij yazyk. Sintaksis slozhnogo predlozheniya (teoreticheskij kurs): ucheb. posobie. 3-e izd., ispr. i dop. M.: Flinta: Nauka, 2006.

6. Novikova A.A. Soyuz ibo v romane N.S. Leskova «Soboryane». Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: gumanitarnye i social'nye nauki. Izd-vo: Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya «Orlovskij gosudarstvennyj universitet im. I.S. Turgeneva», 2012.

7. Bessalov A.YU. Strukturno-semanticheskaya harakteristika prichinnyh soyuzov BECAUSE i PARCE QUE. Vestnik TGPU (TSPU Bulletin). 2012. № 10 (125).

8. Telyakovskaya M. V. Stilisticheskaya harakteristika prichinnyh soyuzov. Uchenye zapisi Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: gumanitarnye i social'nye nauki. Izd-vo: Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya «Orlovskij gosudarstvennyj universitet im. I.S. Turgeneva», 2012.

9. Kuznecova L.M. Funkcional'no-stilisticheskie osobennosti prichinnyh soyuzov v «Pochte du-hov» I. A. Krylova. Vestnik. Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Filologiya", 2013. Vyp. 2. S. 122 – 129.

10. Kuznecova R.D. Formirovanie sostavnyh so-yuzov v russkom yazyke: uchebnoe posobie. Kalinin: KGU, 1978.

11. Preobrazhenskaya M.N. Slozhnopodchinennye predlozheniya prichiny. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Sintaksis. Slozhnoe predlozhenie. M.: Nauka, 1979.

12. Ivanchikova E.A. Razvitie podchinitel'nyh konstrukcij funkcional'nyh tipov. Ocheredi po istoricheskoy grammatike russkogo literaturnogo yazyka XIX veka. Izmeneniya v stroe slozhnopodchinennogo predlozheniya. M.: Nauka, 1964.

13. Galkina Nataliya Pavlovna. Funkcional'no-stilisticheskaya adaptaciya prichinnyh soyuzov v nauchnom stile russkogo yazyka (na materiale proizvedenij estestvenno-nauchnogo cikla. Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova. 2013. № 3. S. 144 – 146.

SEMANTIC AND STYLISTIC FEATURES OF CAUSAL CONJUNCTIONS

*Wang W., Postgraduate,
Immanuel Kant Baltic Federal University*

Abstract: this article discusses the use of service words. The purpose of the study is to describe the specifics of conjunctions as a means of expressing causal relations. The task of the study is to highlight the features of the expression of causal conjunctions of semantics, stylistic coloring, some clarifications are made to the stylistic assessment of the conjunction from the side of its bookishness, neutrality, colloquialism, the semantic characteristics of these conjunctions in the Russian language are considered, as well as punctuation features of constructions with the union "because". This article may be useful for students and undergraduates studying causality. For foreign students studying Russian, to understand the reason for the conjunctions in the Russian language.

Keywords: causal conjunctions, conditionality, semantics, complex sentence, stylistically colored conjunctions, book and colloquial conjunctions, complex sentence, service word

ПРАВОВОЙ СТАТУС РУССКОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: НОРМАТИВНАЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩИЕ

*Рылова Е.В., кандидат филологических наук, доцент,
Внучкова Т.Н., кандидат филологических наук,
Алтайский государственный медицинский университет*

Аннотация: статья посвящена современному состоянию русского языка, его официальным статусам и особенностям функционирования. Закон о русском языке, принятый 1 июня 2005 года, закрепляет в качестве правовой диспозиции лингвистический термин – *современный русский литературный язык*. Однако его значение в законе о языке не приводится, следовательно, его исполнение и регулирование действия может быть избирательным. В разговорной речи, в рекламных материалах и информации средств массовой коммуникации часто встречаются нарушения норм современного русского литературного языка.

Ключевые слова: государственный язык, официальный современный русский литературный язык, нормы литературного языка

Современный быстро изменяющийся мир предполагает динамичное развитие всех самоорганизующихся систем, находящихся во взаимодействии. К таковым относится человек и его социальное пространство, а также язык как правовые нормы, функционирующие в обществе, призваны стабилизировать и регулировать социальные процессы, в том числе и языковые.

Глобальные процессы современного мира приводят к рождению глобальных катастроф, какой явилась для всего человечества пандемия коронавируса. Во всех мировых языках появились новые слова, обозначающие ситуацию, связанную с этой болезнью: пандемия, локдаун, самоизоляция, так слово «коронавирус» стало словом 2020 года в России [8]; в живой разговорной речи носителей русского языка увеличилось количество слов, традиционно относящихся к сфере медицины: вакцинация, вентиляция лёгких, ИВЛ (искусственная вентиляция лёгких), «красная зона», слово «врач» как наиболее частотное слово года указали 23% опрошенных россиян [8].

Сегодня глобализация всё чаще понимается как уничтожение национальных культур. Глобальные процессы в современном мировом лингвокультурном пространстве неизбежно приводят к непоправимым изменениям. Так, в результате активной человеческой жизнедеятельности наблюдается исчезновение элементов животного и растительного мира, что влечёт архаизацию лексики, исчезновение слов в языке. Миграционные процессы, происходящие сегодня в мире, стали причиной появления «полуговорящих людей» – гастербайтеров, которые владеют своим родным (материнским) языком, но не имеют возможности его использовать, и минимально усваивают язык того государства, где вынуждены зарабатывать себе на жизнь.

Языковая ситуация в современном мире также характеризуется глобальными процессами. Языко-

вая политика одних государств призвана навязывать стандартную (литературную) форму национального языка целым народам, а языковая политика других стран направлена на сохранение хотя бы символической функции своего языка при утрате коммуникативной (ирландский язык, который имеет статус государственного, но практически не используется в Ирландской республике). Исследователи утверждают, что при сегодняшнем разнообразии языков (всего в мире насчитывается от 2500 до 7000 языков) через сто лет сохранится лишь 50% используемых сегодня [11, с. 1-2]. Происходит постепенное обеднение языковой палитры. Можно сказать, что тем самым мы утрачиваем смысловое своеобразие, обедняем когнитивное развитие. За каждые две недели умирает примерно 1 язык. С другой стороны, английский язык в его американском варианте усиливает свой статус, и на сегодня, не являясь государственным, объявлен официальным в 27 штатах США.

Русский язык – это *государственный язык* РФ. Этот статус русского языка закреплён в Конституции 1993 г. (ч. 1 ст. 68 Конституции РФ) впервые [7]. Поправки к Конституции РФ, принятые в 2020 году, явились значимыми для языкового сознания наших соотечественников: 29% опрошенных респондентов указали словосочетание-стимул «поправки к Конституции» в качестве одного из запомнившихся за год.

В советское время русский язык официально не имел статуса государственного языка. Однако в царской России он был государственным, при этом, как утверждают специалисты, официальных этнических привилегий русские не имели, но государство поддерживало и православную религию, и русскую культуру, и русский язык [1, с. 29].

Государственный язык обычно понимается как официальный основной язык, что позволяет, по мнению авторов многочисленных комментариев к Конституции, консолидировать многонациональ-

ное российское общество, не умаляя значения языков других этнических групп, проживающих на территории РФ. Республики в составе РФ обычно закрепляют в собственных конституциях два официальных языка: русский и язык титульной национальности республики (ч. 2 ст. 68 Конституции РФ).

Обычно в научной литературе понятия «официальный язык» и «государственный язык» рассматриваются как синонимичные. Эксперты ЮНЕСКО в 1953 г. предложили разграничивать эти понятия по функциям: государственный язык призван выполнять интеграционную функцию в государстве в политической, социальной и культурной сферах (является символом государства), официальный язык – язык государственного управления, законодательства, судопроизводства [3].

Различают статус официального языка и государственного языка, отмечает А.М.Алпатов, государственный язык закреплен в конституциях в качестве символа [1, с. 277].

Действующий сегодня закон о русском языке вводит понятие, известное лингвистам, но не всегда понятное носителям языка: *современный русский литературный язык* [7].

Термин *современный* имеет два значения: 1) язык с эпохи А.С. Пушкина и до наших дней; 2) язык конца XX – начала XXI веков [9, с. 11]. Со времён А.С.Пушкина, так как А.С. Пушкин писал на живом разговорном языке, и это стало модно (ср. стихи Державина). Конечно, сегодня пушкинский язык не понятен юному читателю: «тут бегаёт дворовый мальчик, в салазки Жучку посадив, себя в коня преобразив...» Да и первые строки Евгения Онегина: «Мой дядя *самых честных правил...*», требуют филологического комментария. Характеристика языка рубежа веков включает: жаргонизацию (капуста, бабки, комок, крутой и др.) заимствования, чаще из английского языка (юзер, импичмент, гипермаркет и др.) унификацию делового языка (договор / контракт, автобиография + анкета / резюме, управленец / менеджер и др.), а также увеличение числа просторечий с различной оценкой (тута, здесь, нифига, хреново и др.). Современный русский язык во времена Интернета и цифровизации подвержен влиянию ИТ-терминологии и сленга социальных сетей, всего того, что в современной лингвистике называется сетевым дискурсом. Русский язык – это родной язык русского народа, на котором русский народ строит свою культуру. Русский язык – это также один из славянских языков. Русский язык – один из распространённых языков мира, является официальным рабочим языком ООН наряду с английским, арабским, испанским, китайским и француз-

ским [5]. Русский язык – язык межнационального общения как на территории Российской Федерации, так и на территории стран бывшего СССР. Сегодня можно говорить о растущей популярности русского языка в деловом международном пространстве: коммерческие переговоры между российскими, польскими, турецкими и китайскими бизнесменами нередко проходят на русском языке. По количеству людей, изучающих русский язык, русский язык занимает 5 место в мире. Также 5 место сохраняется за русским языком по числу людей, владеющих им как родным, а также по общей численности говорящих. Русский язык – это самый распространённый язык в Европе. Это четвёртый язык среди самых переводимых языков в мире. Седьмой среди языков, на которые переводится большинство книг. В 2013 году русский язык вышел на 2-е место среди самых популярных языков Интернета.

Под литературным языком понимается форма исторического существования национального языка, которая принимается его носителями за образцовую. Литературный язык складывался исторически. Это проверенная временем система языковых элементов, речевых средств, которые прошли «длительную культурную обработку в текстах (письменных и устных) авторитетных мастеров слова, в устном общении образованных носителей национального языка» [4, с. 303]. Наличие литературного языка функционирование и формирование) – это следование традициям западной культуры. Восточные языки традиционно представлены множеством языков и диалектов, например, современный китайский. Северный диалект китайского языка и южный сложно назвать собственно диалектами, часто северяне и южане не понимают друг друга. Единой литературной формы не существует, что усложняет ведение делопроизводства, судопроизводства, осуществление образовательного процесса.

С точки зрения западного лингвиста литературный язык может быть принят как «стандартный». Этот термин указывает на обобщённый и создаваемый характер нормированных языковых идиом. В англоязычной лингвистике литературные языки часто понимаются как языки-посредники, которые обеспечивают профессиональную коммуникацию между мало знакомыми людьми. Следовательно, стандартный язык – это язык в определённой мере искусственный, «спускаемый свыше» по официальным каналам, он отсутствует в спонтанном семейном общении и в окружении сверстников [2]. Стандартные языки не могут быть эффективным средством выражения этнической самобытности и неповторимой индивидуальности говорящего. Эти функции, по мнению социолинг-

вистов, выполняют другие формы существования языка, более пригодные для самоидентификации говорящих. Так трактуется английский язык как иностранный. Характерно, что в западной традиции из сферы употребления стандартного языка исключена художественная литература, требующая глубокого стилистического, а, значит, индивидуального творческого подхода к языку, то есть всё то, что не укладывается в понятие «стандарта» [2, с. 39].

В отечественной лингвистике *литературный язык* – это нормированная, кодифицированная форма, её нормы представлены в словаре. Русские словари XX в. в качестве иллюстраций часто использовали художественную литературу (ср. словарь Д.И. Ушакова, БАС). Литературная норма современного русского языка ориентирована на лучшие образцы художественной литературы.

Русский язык как национальный язык не однороден по своему составу. Он включает в себя понятие литературного языка, территориального диалекта, социального жаргона и просторечия. Некоторые авторы также рассматривают понятие молодёжного сленга. Отдельно в русском языке выделяется понятие инвективы. Таким образом, всё, что не является литературным языком с точки зрения закона о языке, нарушает норму права (см. диспозицию закона).

В живой разговорной русской речи нарушение данного закона не является редкостью. Повседневное деловое общение сегодня пестрит профессиональными жаргонизмами, просторечными словами и выражениями: *вызова, срока, эксперт, ходатайствовать, возбуждено, осужденный и др.* Экспрессивной («безлимитище») и оценочной просторечной лексикой (ср. речь диспетчера при вызове такси: *машинка, телефончик, пять минуток*; речь продавца: *колбаска, помидорчики, огурчики, чистенько, мяско, газировочка и др.*). С экранов телевизоров звучит нелитературная политическая речь: *увеличилась в разы, на порядок выше, касательно нормы права*; нарушается сочетаемость слов: *выступили о необходимости; вопрос стоит о том, чтобы...; свидетель подтвердил о том, что ...; мы увидели о том, что ...* Не ослабевают влияние тюремно-лагерного жаргона на литературную норму: «поехал на тюрьму» (т.е. не на долго), а не в тюрьму; отсюда: *на фирму, а не в фирму; «присаживайтесь», а не садитесь* (предполагается «сесть в тюрьму»). Молодёжный сленг: *пена, жесть, печалька, обнимашки (няшки) и пр.* Заимствованная лексика, чаще английская, сегодня звучит подчёркнуто современно: *абьюзер, харасмент, хейтер, хайп, луки, лайки, селфи, легинсы, каршеринг, глясе, тирамису, прет-а-порте и пр.* Заимствуется не только английская лексика,

но и традиционно английские модели синтаксических конструкций используются в качестве калек: *У меня есть идея! Это отличная идея!*

Нарушения литературного языка мы наблюдаем в средствах массовой информации, в частности, в текстах рекламы и заголовках. Рассмотрим несколько примеров.

Пример современной рекламной вывески: *Обалденно вкусная еда*. При этом просторечное слово *обалденно* (от слова балда) в словаре М. Фасмера определено как: 1. шишка; дубина; кувалда; болван, дурак. 2. «большой топор» [10]. Так чем же угощают в таком заведении общепита?

Но в рекламных материалах используют не только просторечные элементы, но и намеренно искаженные формы слов (добиваясь эффекта каламбура). Так, рекламный слоган кампании «Burger King» звучит так: *Это не курица. Это хавваца*. В данном примере обыгрывается созвучие финальной части возвратных глагольных форм (-*тся*) и существительного (-*ца*). Кроме того, в слогане используется лексическая единица, производная от глагола *хавать* (относимого словарями к категории жаргона).

В рекламном слогане строительных инструментов авторы креативной идеи использовали фразу: *Пилит лучше, чем пила*. В данном примере имеет место быть многозначное слово *пилить* (значения: резать пилой и непрерывно упрекать). Здесь мы видим лексические значения, включенные в литературный язык, но существенно различающиеся сферой использования (профессиональная и общедо-бытовая с эмоциональной окраской).

В рассмотренных примерах видны намеренные ошибки, стилистические или функциональные смешения в использовании единиц литературного языка. Но в средствах массовой информации нередко встречаются ошибки, возникшие от нарушений норм литературного языка. Также приведем несколько примеров.

В рекламном объявлении дезинфицирующих салфеток читаем следующее: *Дезинфицирующие салфетки. Активная быстрая дезинфекция. Дезинфицирует бактерии, грибки и вирусы*. В данном рекламном обращении нарушен принцип сочетаемости слов, нормативный для литературного языка.

«Дезинфицировать что-то» обозначает осуществление дезинфекции, т.е. уничтожение болезнетворных микробов при помощи специальных средств. Таким образом, выражение *дезинфицирует бактерии*, по сути, означает, что на бактериях будут уничтожены бактерии, т.е. бактерии будут безопасными и «чистенькими».

В рекламном объявлении: «Микролакс» для детей с укороченным носиком разработан специаль-

но для малышей от 0 до 3 лет – нарушен порядок слов, что приводит к искажению смысла и незапланированному комическому эффекту.

Аналогичная ошибка наблюдается в заголовке: *Внучка Елизаветы II вышла замуж за бывшего офицанта в русском кокошнике*. Такие ошибки, вероятно, обусловлены достаточно свободным порядком слов, присущим русскому языку.

Приведем ещё один пример заголовка с нежелательным комическим эффектом, основанным на использовании омографа: *Синоптики рассказали, когда приморцы передохнут от жары*. В русском литературном языке существуют омографы *передохнуть* (перевести дух) и *перед'охнуть* (умереть в большом количестве одному за другим, перемереть).

Аналогичные примеры встречаются достаточно часто. Лингвисты объясняют такие явления в языке стремлением индивидуализировать язык, придать ему стилистическую окраску, высказать оценку, вызвать экспрессию, привлечь внимание. Однако если подобные слова и выражения становятся предметом рекламы, торговых вывесок или публичных высказываний, юридическая норма посредством лингвистической экспертизы может наложить вето на использование подобной лексики. Федеральная антимонопольная служба обычно ведёт практику подобных разбирательств. На органы государственной власти возложены функции защиты, поддержки и контроля не только за соблюдением норм использования современного русского литературного языка, но и функции содействия изучению русского языка. Исторический опыт существования языка свидетельствует о том, что частота просторечных выражений и оценочных средств в языке не увеличивается со временем, такие высказывания не входят в лексическое ядро, а остаются на периферии. Можно констатировать, что правовая норма не в силах регулировать активные языковые процессы, поэтому приходится уповать на избирательную силу великого и могучего русского языка.

Литература

1. Алпатов В.М. 150 языков и политика. 1917-2000. Социологические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: Крафт+, Ин-т востоковедения РАН, 2000, 224 с.
2. Германова Н.Н. Искусственные языки воображаемых сообществ: проблема национальных языков в западной лингвистике // Вестник МГЛУ. Вып. 557. Языкознание. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2009. 272 с.
3. Доровских Е.М. К вопросу о разграничении понятий «государственный язык» и «официальный язык» // Журнал российского права. 2007. № 12. С.

38 – 41.

4. Культура русской речи: энциклопедический словарь – справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сквородникова, Е.Н. Ширяева и др. М.: Флинта: Наука, 2003. 840 с.

5. Леонтьев А.А. Культуры и языки народов России, стран СНГ и Балтии: учебно-справочное пособие. М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1998. 312 с.

6. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.

7. Правовой сайт КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 24.05.2021 г.)

8. Сайт РБК [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/06/06/2021/60bb85a79a794770367fc9c7> (дата обращения: 14.06.2021 г.)

9. Белошапкова В.А., Брызгунова Е.А., Земская Е.А. и др. Современный русский язык: учеб. для филол. спец. Высших учебных заведений / Под ред. В.А. Белошапковой. М.: Азбуковник, 1997. 928 с.

10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 1: А-Д: Ок. 4000 слов: пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2004. С. 114.

11. Целищев Н.Н. Язык, этническая идентичность и национальное самосознание [Электронный ресурс]. режим доступа: <https://docviewer.yandex.ru/view> (дата обращения: 12.06.2021 г.)

References

1. Alpatov V.M. 150 yazykov i politika. 1917-2000. Sociologicheskie problemy SSSR i postsovetского prostranstva. M.: Kraft+, In-t vostoковедения РАН, 2000, 224 s.
2. Germanova N.N. Iskusstvennye yazyki voobrazhaemyh soobshchestv: problema nacional'nyh yazykov v zapadnoj lingvistike. Vestnik MGLU. Vyp. 557. Yazykoznanie. M.: IPK MGLU «Rema», 2009. 272 s.
3. Dorovskih E.M. K voprosu o razgranichenii ponyatij «gosudarstvennyj yazyk» i «oficial'nyj yazyk». Zhurnal rossijskogo prava. 2007. № 12. S. 38 – 41.
4. Kul'tura russkoj rechi: enciklopedicheskij slovar' – spravochnik. Pod red. L.YU. Ivanova, A.P. Skovorodnikova, E.N. SHiryayeva i dr. M.: Flinta: Nauka, 2003. 840 s.
5. Leont'ev A.A. Kul'tury i yazyki narodov Rossii, stran SNG i Baltii: uchebno-spravochnoe posobie. M.: Moskovskij psihologo-social'nyj institut: Flinta, 1998. 312 s.

6. Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'. Gl. red. V.N. YArceva. M.: Sov. enciklopediya, 1990. 685 s.

7. Pravovoj sajt Konsul'tantPlyus [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (data obrashcheniya: 24.05.2021 g.)

8. Sajt RBK [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.rbc.ru/society/06/06/2021/60bb85a79a794770367fc9c7> (data obrashcheniya: 14.06.2021 g.)

9. Beloshapkova V.A., Bryzgunova E.A., Zemskaya E.A. i dr. *Sovremennyy russkij yazyk:*

ucheb. dlya filol. spec. Vysshih uchebnyh zavedenij. Pod red. V.A. Beloshapkovoj. M.: Azbukovnik, 1997. 928 s.

10. Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4 t. T. 1: A-D: Ok. 4000 slov: per. s nem. i dop. O.N. Trubacheva. M.: OOO «Izdatel'stvo Astrel'»: OOO «Izdatel'stvo AST», 2004. S. 114.*

11. Celishchev N.N. *YAzyk, etnicheskaya identichnost' i nacional'noe samosoznanie* [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://docviewer.yandex.ru/view> (data obrashcheniya: 12.06.2021 g.)

THE LEGAL STATUS OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE MODERN MULTICULTURAL SPACE: NORMATIVE AND FUNCTIONAL COMPONENTS

*Rylova E.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Vnuchkova T.N., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Altai State Medical University*

Abstract: the article is about the current state of the Russian language, its official statuses and peculiarities of its functioning. The current law on the Russian language was adopted on June 1, 2005 N 53-FZ "On the state language of the Russian Federation" with amendments and additions dated 05.05.2014 N 101-FZ. It introduces the concept of modern Russian literary language. In colloquial speech, in advertising materials and materials of mass communication, violations of the norms of the modern Russian literary language are often encountered.

Keywords: state language, official language, modern Russian literary language, norms of the literary language

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

*Будаева Л.Н., кандидат педагогических наук, доцент,
Оренбургский государственный медицинский университет,
Григорьева А.В., преподаватель,
Шаньдунский гидротехнический институт, Китай,
Шмакова Л.В., ассистент,
Оренбургский государственный медицинский университет*

Аннотация: активная интеграция русского языка в мировой образовательный процесс требует качественного использования новых технологий. Для формирования коммуникативных компетенций у студентов, изучающих русский язык как иностранный, необходимы инновационные технологии, целью которых является развитие речевого взаимодействия у обучающихся в условиях современного образовательного процесса. Необходимость применения новых методов и технологий активно обсуждается учеными сегодня. Предлагаемая нами методика «Квест-игра» позволит преподавателю проверить изученное и сформировать необходимые умения и навыки говорения. Игра подразумевает интеграцию полученных знаний в практику, а задачи, решенные в результате игры, развивают навыки самообразования и устную речь. Чем ярче впечатления от занятия, тем больше лексического материала будет усвоено студентами. Игра подразумевает выполнение обучающимися определенного задания, предполагающего интеграцию полученных знаний в практику. Поставленная сложная задача должна быть разделена на более мелкие, а тематическое пространство создается в соответствии с поставленной целью. Данная методика может применяться на этапе повторения или закрепления материала, что помогает преподавателю разнообразить образовательный процесс, а студенту-иностранцу – интегрироваться в реальную практическую ситуацию. Нужно помнить, что коммуникативное пространство квест-игры должно соответствовать изучаемой теме.

Ключевые слова: русский язык как иностранный (РКИ), инновационные методы, квест-игра, тематическое пространство, коммуникативные компетенции, образовательное пространство

Введение

Современный образовательный процесс с каждым годом требует от преподавателя совмещения традиционных форм обучения с инновационными методами. Так как сегодня в мире происходит интеграция русского языка в мировой образовательный процесс, то от преподавателя требуется максимальное и качественное использование новых образовательных технологий.

Применение этих передовых форм позволяет совместить традиционные методы с инновационными. Среди них можно выделить: игровые, мультимедийные, ассоциативные. Их целью является – формирование коммуникативной компетенции у обучающихся. Подобная структура уроков РКИ дает хороший уровень развития навыков аудирования и говорения, позволяет корректировать навыки чтения и письма, усваивать межкультурный опыт. На таких уроках учащиеся вовлечены в процесс обучения, имеют возможность понимать и рефлексировать получаемую информацию.

Проблема применения того или иного метода или формы обучения сегодня активно обсуждается специалистами по методике обучения РКИ.

Именно поэтому мы предлагаем обратить внимание на инновационную методику «Квест-игра», которая позволяет проверить, изученный материал и сформировать необходимые умения и навыки.

Методы исследования

Мы представляем только часть нашего исследования инновационной методики «Квест-игра», при проведении которого были использованы следующие методы: описательный, сопоставительный, методы контроля и измерения, методы обработки данных и внедрения результатов.

В данной статье мы обращаем внимание на инновационные методы, позволяющие сформировать коммуникативные компетенции у студентов при обучении РКИ для более активного вовлечения в процесс обучения языку.

Запоминание слов напрямую зависит от эмоций. Эту мысль высказывает Н.В. Мартиросян в статье «О некоторых инновационных технологиях в преподавании РКИ». Он говорит о том, что «инновационные подходы в преподавании РКИ базируются на эмоциональной памяти обучающихся» [7, с. 143-145].

Чем ярче впечатления от занятия, тем больше лексического материала будет усвоено студентами. Так, при изучении мочевого выделительной системы особые эмоции у студентов-медиков из Индии вызывает слово «моча» [8], которое в переводе с хинди означает «друж». Соответственно звучание и значение этого медицинского термина, а также его однокоренных слов легко запоминается и не вызывает трудностей.

На элементарном уровне при изучении лексико-грамматической группы «Еда и напитки» [1]

студентам из Индии вообще не требуется времени на запоминание и заучивание слова «чай», так как это слово также звучит на хинди «चाय». Студентам из Китая тоже не составит огромного труда запомнить это слово, потому что его звучание на китайском языке «茶 [chá]» почти совпадает с русским. При обучении преподавателю следует обратить внимание на подобные языковые совпадения, так как студентам не требуется огромное количество времени на «зазубривание» полученной информации, потому что включается в работу ассоциативный ряд.

С целью усиления впечатления от нового материала и для его лучшего усвоения мы обратили внимание на образовательные квест-проекты, описанные Н.В. Николаевой [9]. Нами была изучена и протестирована инновационная методика «Квест-игра», которая основывается на линейном решении (по цепочке) поставленных задач. Данная методика позволяет преподавателю проверить изученный материал и сформировать у обучающихся необходимые умения и навыки.

«Квест» – это командная игра, популярная среди современной молодежи. В основе этой игры лежит достижение определенного результата, путем решения небольших ситуационных задач. Полученный ответ будет своего рода подсказкой на пути к достижению цели. Основное требование – работа «коллективного разума» при достижении цели [3].

Как и любая образовательная методика РКИ «Квест-игра» направлена не только на приобретение знаний, но и на практическое их использование [8]. Главным является отсутствие ограничения, т.е. игроки могут пользоваться книгами, пособиями, ресурсами интернета, переводчиком.

Коммуникативное пространство квест-игры должно соответствовать изучаемой теме. Например, на элементарном уровне при изучении шестого (предложного) падежа в значении места [1] тема «Университет» познакомит первокурсников со структурой вуза и позволит закрепить изученное на уроке РКИ. Группа делится на подгруппы, ставится одна общая цель, для решения которой необходимо выполнить ряд мелких заданий. Например, в нашем случае общая цель – это структурированный доклад об университете. Задача каждой микрогруппы – выбрать корпус университета, исследовать его и подготовить мини-рассказы, на основе которых создается большой текст о вузе, содержащий полную информацию о том, на каком этаже находится библиотека, столовая, деканат, ректорат и др. В процессе работы преподаватель напоминает и повторяет со студентами окончания шестого падежа и конструкцию

«Где находится что».

На базовом уровне возможна другая тема: «Город». Главным тематическим пространством здесь могут выступать глаголы движения [2], так при их изучении часто возникают трудности в понимании значений и дальнейшем употреблении.

Тематическое пространство создается в соответствии с целью. Мы поставили перед студентами цель – повторение и закрепление глаголов движения. Игра подразумевает выполнение обучающимися определенного задания, предполагающего интеграцию полученных знаний в практику. При этом сложная задача делится на более мелкие.

Студентам было предложено задание: дойти из пункта А в пункт Б, используя подсказки. Например, «продолжите маршрут, направлением, которого будет являться антоним употребленного наречия». Например, «поверните налево». На практике студенты должны повернуть направо. Так как студенты получают установку свободного пользования всех подсказок, то также они имеют возможность задавать вопросы прохожим.

Подобный опыт описан И.А. Зимней в учебнике «Педагогическая психология». Она отмечает важность такого субъект-субъектного равно партнёрского сотрудничества [6]. В нашем случае все участники: сильные и слабые студенты, ощущают себя в равном положении, так как результатом будет итоговый коллективный рассказ.

Практические задачи, решенные в результате квест-игры, безусловно, развивают навыки самообразования и устную речь. Подобная форма закрепления материала повышает интерес и вызывает азарт, развивая устную речь. Именно коммуникативный аспект такого обучающего метода ориентирован не только на получение новых умений и навыков, но и направлен на способы усвоения материала.

Перед преподавателем стоит главная задача – смоделировать реальное многостороннее общение группы в практической ситуации, найти интересную и увлекательную тему квест-игры, составить план и задействовать всех студентов группы, проверить выполнение заданий каждым участником. Эмоциональная составляющая игры должна основываться на соревновательном духе участников. Ошибки, допущенные во время работы, исправляются коллективно.

Выполнение условий квеста проходит поэтапно. Подразумевается участие преподавателя на первом – этапе организации и на последнем этапе – проверки. Его работа в составлении заданий не только для всей для всей группы, но и для микрогрупп и каждого студента в отдельности. При этом задания должны быть интересны, понятны и, что не менее важно, выполнимы. Состав участников

тоже имеет большое значение. Необходимо распределить состав групп так, чтобы сильные студенты работали вместе со слабыми. Задачи раздаются преподавателем каждому в отдельности в соответствии с его знаниями и умениями.

Самостоятельным для участников игры является второй этап, на котором все студенты выполняют задания и составляют отчет. Проверка проделанной работы и исправление ошибок происходит на этом же этапе.

Методика «Квест-игра» может применяться на более поздних этапах обучения РКИ, когда обучающиеся уже владеют достаточным количеством знаний. Наше исследование проводилось со студентами-медиками во время их клинической практики в России [4]. При этом задания были направлены на формирование и закрепление профессиональных умений и навыков.

Например, микрогруппа получила информацию, содержащую имя и адрес больного. Цель и задача: *опросить пациента и заполнить медицинскую карту*. Студенты вспоминают разделы медкарты: паспортные данные, жалобы, история настоящего заболевания [5]. В зависимости от уровня владения языком преподаватель может дать задания участникам игры по разным разделам медкарты.

Информация собирается по частям в соответствии с планом опроса. Задача преподавателя обратить внимание и проследить за последовательностью задаваемых вопросов, потому что четкость результата будет зависеть от правильности поставленных целей и задач. При этом важно напомнить об уточняющих вопросах и их важности в дальнейшем лечении. В случае простудных заболеваний такими вопросами могут быть: *куда отдает боль, какой кашель: сухой или влажный и другие*.

Так как задания для каждого участника распределяются преподавателем в зависимости от уровня владения языком, то наиболее сильные студенты могут производить непосредственный опрос пациента, менее сильные – фиксировать ответы, а слабые – снимать видео и т.д.

На последнем – третьем этапе каждой микрогруппой был представлен отчет о состоянии их больного. Отчет передан студентами в письменной форме. Преподавателем были проверены употребленные формы и конструкции, связность информации и грамматика, особое внимание обращено на то, как студенты «перевели» жалобы пациента в симптомы.

Таким образом, анализ результатов исследования показал, что в процессе обучения РКИ применение методики «Квест-игра» на разных этапах помогает преподавателю разнообразить образова-

тельный процесс. Студенту-иностранцу, в свою очередь, помогает интегрироваться в реальные практические ситуации.

Исходя из проведенного исследования можно сделать вывод о важности формирования у студентов определенных ассоциаций при обучении РКИ. А сформированные в процессе «Квест-игры» ассоциации помогут определить значение слова без его перевода.

Литература

1. Антонова В.Е., Набахина М.М., Толстых А.А. Дорога в Россию: учебник русского языка (элементарный уровень). 4-е изд. М.: ЦМО МГУ им. М.В. Ломоносова; СПб.: Златоуст, 2009. 306 с.
2. Антонова В.Е., Набахина М.М., Толстых А.А. Дорога в Россию: учебник русского языка (базовый уровень). 4-е изд. М.: ЦМО МГУ им. М.В. Ломоносова; СПб.: Златоуст, 2009. 256 с.
3. Галустян О.В. Практика применения веб-квеста в обучении английскому языку // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 2. С 115 – 118.
4. Дьякова В.Н. Подготовка к клинической практике: пособие по развитию речи для иностранных студентов-медиков. 7-е изд. СПб.: Златоуст, 2016. 308 с.
5. Дьякова В.Н. Диалог врача с больным: пособие по развитию речи для иностранных студентов-медиков. 7-е изд. СПб.: Златоуст, 2016. 228 с.
6. Зимняя И.А. Педагогическая психология. Ростов-на-Дону, 1997.
7. Мартиросян Н.В. О некоторых инновационных технологиях в преподавании РКИ // Материалы Международной научно-технической конференции. Книга 12. Москва, МГТУ «МАМИ», 2010 г. 537 с.
8. Куриленко В.Б., Титова Л.А., Смолдырева Т.А., Макарова М.А. Говорим о медицине по-русски (II сертификационный уровень владения русским языком как иностранным в учебной и социально-профессиональной макросферах): учебник. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2013. 392 с.
9. Николаева Н.В. Образовательные квест-проекты как метод и средство развития навыков информационной деятельности учащихся // Вопросы Интернет-образования. 2002. № 7. С. 69 – 70.

References

1. Antonova V.E., Nabahina M.M., Tolstyh A.A. Doroga v Rossiyu: uchebnik russkogo yazyka (elementarnyj uroven'). 4-e izd. M.: CMO MGU im. M.V. Lomonosova; SPb.: Zlatoust, 2009. 306 s.
2. Antonova V.E., Nabahina M.M., Tolstyh A.A. Doroga v Rossiyu: uchebnik russkogo yazyka (bazovyj uroven'). 4-e izd. M.: CMO MGU im. M.V. Lomonosova; SPb.: Zlatoust, 2009. 256 s.

3. Galustyan O.V. Praktika primeneniya veb-kvesta v obuchenii anglijskomu yazyku. Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. 2015. № 2. S 115 – 118.

4. D'yakova V.N. Podgotovka k klinicheskoj praktike: posobie po razvitiyu rechi dlya inostrannyh studentov-medikov. 7-e izd. SPb.: Zlatoust, 2016. 308 s.

5. D'yakova V.N. Dialog vracha s bol'nym: posobie po razvitiyu rechi dlya inostrannyh studentov-medikov. 7-e izd. SPb.: Zlatoust, 2016. 228 s.

6. Zimnyaya I.A. Pedagogicheskaya psihologiya. Rostov-na-Donu, 1997.

7. Martirosyan N.V. O nekotoryh innovacionnyh tekhnologiyah v prepodavanii RKI. Materialy Me-

dunarodnoj nauchno-tehnicheskoy konferencii. Kniga 12. Moskva, MGTU «MAMI», 2010 g. 537 s.

8. Kurilenko V.B., Titova L.A., Smoldyreva T.A., Makarova M.A. Govorim o medicine porusski (II sertifikacionnyj uroven' vladeniya russkim yazykom kak inostrannym v uchebnoj i social'no-professional'noj makrosferah): uchebnik. 2-e izd., ster. M.: FLINTA, 2013. 392 s.

9. Nikolaeva N.V. Obrazovatel'nye kvest-proekty kak metod i sredstvo razvitiya navykov informacionnoj deyatel'nosti uchashchihsya. Voprosy Internet-obrazovaniya. 2002. № 7. S. 69 – 70.

FORMATION OF COMMUNICATIVE COMPETENCIES WHEN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

*Budaeva L.N., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Orenburg State Medical University,
Grigorieva A.V., Lecturer,
Shandong Hydraulic Engineering Institute, China,
Shmakova L.V., Assistant Professor,
Orenburg State Medical University*

Abstract: the active integration of the Russian language into the world educational process requires the qualitative use of new technologies. For the formation of communicative competencies among students studying Russian as a foreign language, innovative technologies are needed, the purpose of which is to develop speech interaction among students in the conditions of the modern educational process. The need to apply new methods and technologies is actively discussed by scientists today. The "Quest-game" methodology proposed by us will allow the teacher to check what he has learned and form the necessary speaking skills and abilities. The game involves the integration of the acquired knowledge into practice, and the tasks solved as a result of the game develop self-education skills and oral speech. The brighter the impressions of the lesson, the more lexical material will be learned by students. The game involves the students performing a certain task, involving the integration of the acquired knowledge into practice. The set complex task should be divided into smaller ones, and the thematic space is created in accordance with the set goal. This technique can be used at the stage of repetition or consolidation of the material, which helps the teacher to diversify the educational process, and the foreign student to integrate into a real practical situation. It should be remembered that the communicative space of the quest game should correspond to the topic being studied.

Keywords: Russian as a foreign language (RFL), innovative methods, quest-game, thematic space, communicative competencies, educational space

ПОРЯДОК ГЛАЗАМИ РУССКИХ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

*Ефимова А.В.,
Кошкина Е.Г., кандидат филологических наук,
Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики,
Школа иностранных языков*

Аннотация: в данной статье рассматривается концепт «порядок» в русскоязычной лингвокультуре. Концепт анализируется как специфическое национально-культурное образование, существующее детерминированное языком и выражаемое им.

Объектом представленного исследования становится ментальное представление русских о порядке. Предметом являются репрезентанты концепта «порядок» в лингвокультуре русских.

Исследование выполнено в рамках семантико-когнитивного подхода, предложенного теоретико-лингвистической школой Воронежского университета.

Статья предполагает анализ когнитивных дифференциальных и когнитивных классификационных признаков концепта, выявленных путем анализа единиц номинативного, паремиологического и ассоциативного поля, являющихся вербализаторами рассматриваемого концепта. Задачами исследования, представленного в статье, становятся 1) инвентаризация единиц номинативного поля (прямой номинант, его синонимы и производные), паремиологического поля (пословицы, поговорки, устойчивые выражения о порядке), а также ассоциативного поля (для этого проводится ассоциативный эксперимент с представителями русской лингвокультуры), 2) описание семантики инвентаризованных единиц, 3) когнитивная интерпретация результатов семантического анализа, 4) описание структуры концепта через совокупность его дифференциальных и классификационных признаков.

Настоящее исследование вносит вклад в изучение концептосферы русского языка. В этом заключается его теоретическая значимость. Его практическая ценность состоит в том, что полученные результаты могут использоваться в ряде лекционных курсов и на практических занятиях в рамках тем по лингвокультурологии и когнитивной лингвистике.

Предлагаемое исследование представляется перспективным. Рассмотренного концепта может быть продолжено в компаративном аспекте, в частности, можно будет сравнить одноименные концепты в разных лингвокультурах, что позволит сделать ряд интересных выводов о культурно-национальных особенностях этих лингвокультур.

Ключевые слова: концепт, описание концепта, русская лингвокультура, номинативное поле концепта, паремиологическое поле концепта, ассоциативное поле концепта, лексико-семантический анализ концепта, когнитивные дифференциальные признаки концепта, когнитивные классификационные признаки концепта, когнитивный анализ

Когнитивная лингвистика (далее КЛ), являясь одной из относительно новых отраслей лингвистики, занимается изучением психических процессов, а также того, как они отражаются в жизни человека и языке. По определению В.З. Демьчкова и Е.С. Кубряковой «когнитивная лингвистика изучает язык как когнитивный механизм, играющий роль в кодировании и трансформировании информации» [5, с. 53-55]. Большой интерес к когнитивным исследованиям с конца 80-х годов XX столетия (отметим, что проблемами усвоения и обработки информации, способами ментальной репрезентации знаний с помощью языка ученые начали заниматься уже в XIX веке. Во второй половине XX века начинается фронтальная разработка лингвокогнитивных проблем, на это же приходится появление основных публикаций по когнитивной лингвистике [8, с. 8-9]) обусловлен тем, что благодаря когнитивным методам анализа удастся заниматься проблемами взаимоотношения языка и мышления, роли человека в языке и роли языка для человека.

Концепт наряду когницией, категоризацией, картиной мира, фреймом, сценарием, скрипом и

концептосферой является одним из основных понятий КЛ.

Термину «концепт» сложно найти какое-либо одно ёмкое и однозначное определение. В данной статье мы будем опираться на определение, предложенное учеными И.А. Стерниным и З.И. Поповой, которые понимают концепт как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [8, с. 212].

В настоящее время существует четыре основные направления исследования концепта: лингвокогнитивное, лингвокультурологическое, лингвистическое и психолингвистическое. Нам представляется важным описать лингвокогнитивный и лингвокультурологический подход. Лингвокогнитивные исследования имеют своим объектом «ресур-

сы нашего сознания», называемые ментальными или психическими, они направлены на изучение структур, несущих информацию, которая формирует опыт человека и лежит в основе нашей картины мира [5, с. 90].

Второй подход – лингвокультурологический – исходит из того, что существующий в лингвокультуре концепт – это «ячейка культуры» [8, с. 10], ее часть, в которой «собрано» представление индивида и общества о чем-либо. Важно отметить, что концепт – это результат многовекового развития человека и социума, имеющий обязательно национальную специфику и детерминированный целым рядом других экстралингвистических факторов (от природных условий до исторических событий).

Исследование, представленное в данной статье, выполнено в рамках второго подхода и опирается, в частности, на семантико-когнитивный анализ языка, сформулированный теоретико-лингвистической школой Воронежского университета [8, с. 3]. Под семантико-когнитивным анализом языка подразумевается «исследование соотношения семантики языка с концептосферой народа, соотношения семантических процессов с когнитивными» [8, с. 18]. Главное положение этой методологии заключается в том, что «в концептосферу людей можно проникнуть через изучение семантики и что язык – это одно из средств доступа к сознанию человека, его концептосфере, к содержанию и структуре концептов как единиц мышления» [8, с. 18].

Исходя из вышесказанного, попробуем описать интересующий нас концепт через семантико-когнитивный анализ вербализующих его единиц. Для инвентаризации единиц-вербализаторов концепта воспользуемся теорией номинативного поля. По утверждению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, номинативное поле концепта неоднородно. Его неоднородность выражается в существовании ядерной и периферийных зон. В ядре номинативного поля сконцентрированы лексемы, которые наиболее часто вербализуют концепт в языке. Как правило эти лексемы также являются нейтральными, не имеющими стилистической окраски, не употребляемые в переносном смысле и т.д. Периферийная зона заполнена неоднородными лексемами. Друг от друга их отличает частотность употребления при вербализации концепта, а также стилистическая окраска, степень конкретности и наглядности образного представления и т.д. Таким образом говоря о периферии, мы должны вести речь о ее трех зонах – ближней, дальней и крайней.

Возвращаясь к семантико-когнитивному анализу, опишем его алгоритм, следуя которому мы сможем проанализировать концепт. Сначала строится номинативное поле концепта из единиц-репрезентантов, затем осуществляется анализ и описание их семантики. Выделенные семы под-

вергают когнитивной интерпретации, в результате чего устанавливают когнитивные признаки, совокупность которых отражает, по сути, структуру самого концепта. На заключительном этапе исследования рекомендуется проводить ассоциативный эксперимент с тем, чтобы верифицировать полученные результаты когнитивного описания у носителей языка.

Следуя описанному алгоритму, займемся в первую очередь инвентаризацией единиц номинативного поля. Однако, в дополнение к этому, для более точного установления структурирующих концепт когнитивных признаков, привлечем к семантико-когнитивному анализу также паремии (пословицы, поговорки, крылатые выражения и афоризмы), которые образуют паремиологическое поле.

Инвентаризация единиц номинативного поля подразумевает подбор лексем методом сплошной выборки в соответствующих словарях (см. список использованных словарей [1, 9, 10, 11, 12, 15]). Конечно, в первую очередь определяется ключевое слово-репрезентант концепта. Оно представляет собой его прямую номинацию. Далее следует подобрать лексемы-производные, образованные от ключевой, например, префиксально-суффиксальным способом, а также однокоренные слова (единицы разных частей речи) и, конечно же, синонимы.

После того, как построены номинативное и паремиологическое поля, можно приступать к следующему этапу анализа – семантическое описание инвентаризованных единиц. Для описания семантики привлекаются как этимологические (см. список использованных словарей [16, 17]), так и толковые (см. список использованных словарей [2, 13, 14]) словари. Результатом семантического описания при помощи дефинирования, этимологического и паремиологического анализа становится набор отдельных семантических компонентов – сем. Далее следует очень важный этап когнитивной интерпретации и формулирования когнитивных признаков, которые «репрезентируются теми или иными значениями» [8, с. 141], после чего можно говорить о завершенности семантико-когнитивного анализа и делать выводы о структуре рассматриваемого концепта.

Теперь, когда были изложены основные теоретические моменты анализа концепта, обратимся к практической части нашего исследования и рассмотрим, что собой представляет концепт «Порядок» в русской лингвокультуре.

Сама лексема «порядок» будет являться ключевым словом-репрезентантом номинативного поля концепта. Периферия будет заполнена так, как показано на рис. 1.

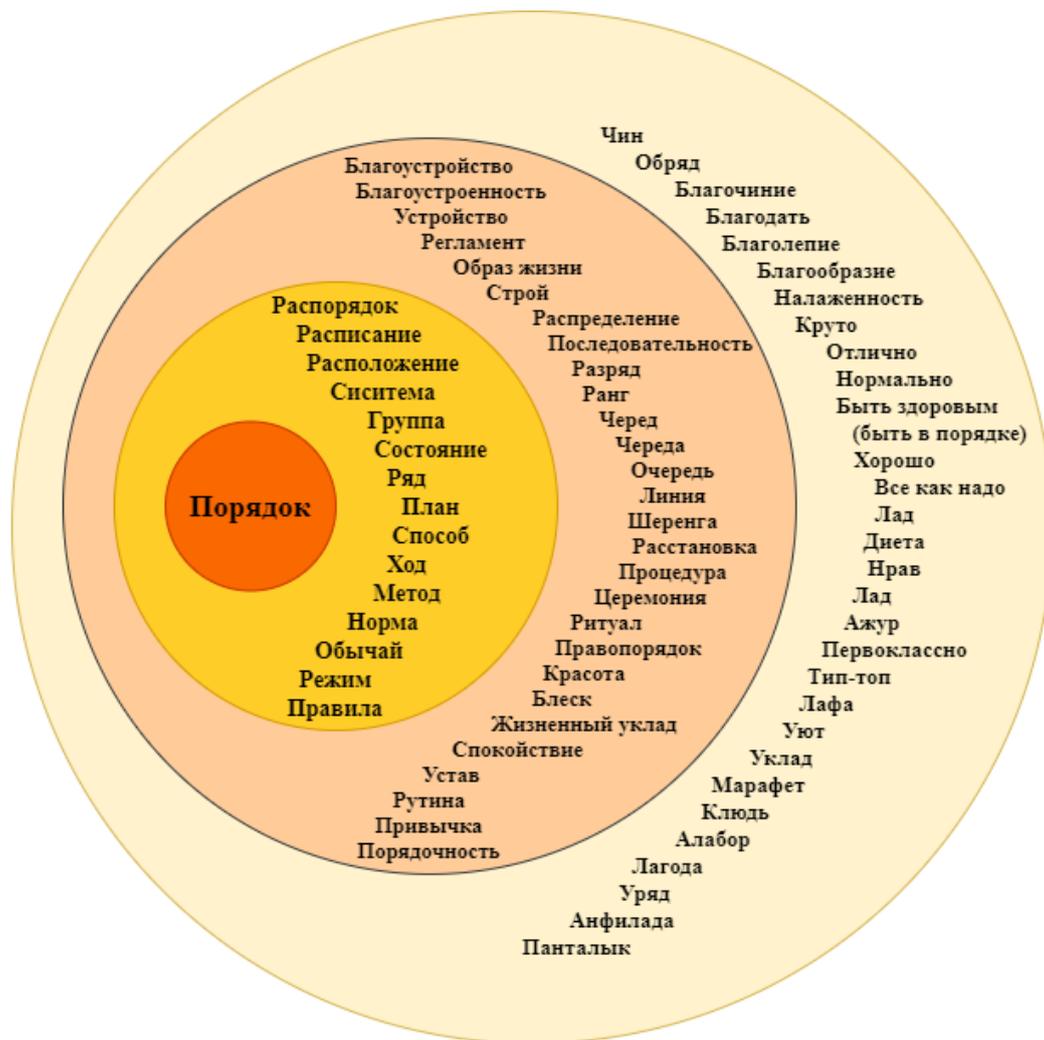

Рис. 1.

Согласно представленному выше алгоритму анализа следующий этап – семантико-этимологический анализ инвентаризованных номинантов поля.

Лексическая единица «Порядок» родственно лит. «ginda» (ряд, линия), а также латыш. «giedu» (приводить в порядок). По свидетельству словарей в древнеславянском имелось слово «рат», которое означало «мировой порядок».

Толковые словари С.А. Ожегова [13], Д.Н. Ушакова [14], С.А. Кузнецова [2] содержат подробнейшие дефиниции лексемы «Порядок». Выберем ряд значимых определений. Таким образом получаем, что порядок – это

- состояние благоустройства;
- состояние налаженности;
- расположение чего-либо;
- правильное состояние;
- систематичность;
- организованное состояние;
- последовательность / последовательный ход чего-н.;
- правила;

- способ, метод, путь;
- построение (военный термин);
- ряд домов, составляющих одну сторону улицы;
- группа семейств (в биологии и ботанике);
- нормы общественного устройства, образа жизни.

После семантико-этимологического анализа ключевой лексемы-номинанта концепта «Порядок» обратимся к репрезентантам (синонимам и производным) из периферийной области (распределение, расположение, расписание, налаженность, распорядок, режим, группировка, благоустройство, церемониал, норма, система, чин, регламент, церемония, метод, способ, обычай, план, разряд) и также опишем их происхождение и семантику.

Распорядок (производное от «порядок») трактуется как установленный порядок [13, 17].

Под **расписанием** (праслав. *рьсѣти – «писать») понимают «график, который содержит информацию о времени и месте чего-н.» [13, 17].

Расположение (православ. *ložití. – «расположить») – это как порядок размещения чего-н, так и хорошее отношение, симпатия к кому-чему-н. [17]

Налаженность может быть истолковано как «приведение в рабочее состояние», «регулирование», «организованность» [17].

Если исходить из того, что порядок – это еще и **система** (греч. «συστήμα») – составление, то последнюю стоит понимать как форму организации, как целое, представляющее собой единство частей, которые находятся между собой во взаимосвязи [17].

Распределение (правосл. *dělití) – это размещение, расположение в определенной последовательности, порядке [13, 17].

Система – это «(1) определённый порядок в расположении и связи действий; (2) форма организации чего-н.; (3)

Метод (фр. «méthode» – это «прием, способ, метод», греч. «methodos» – путь, способ) трактуется словарями как это «система способов осуществления чего-н.» [13, 17]

Чин (общесл. «сінъ» – порядок, индоевр kei- «приводить в порядок») определяется как служебный разряд / класс (у военных), как чиновник / служащий, представитель какого-н. ведомства [13, 17].

Норму (лат. «norma» – правило, мера) определяют как признанный обязательным порядок [13, 17].

Регламент (фр. «règlement») следует понимать как правила, которые регулируют порядок какой-н. деятельности, как отведенное на собрании для речи, выступления время [13, 17].

Режим (лат. «regimen») – управление, правление) дефинируется как условия деятельности работы, распорядок дел, действий [13, 17].

Церемония (лат. «caerimonia» – святость, культовый обряд) – это «(1) торжественный обряд, это порядок проведения, совершения чего-н. [13], [17].

Синонимом порядка считается также **благоустройство** (русск.-церк.-слав. «благоустроить-вати», где «благо» (добро, доброе деяние), которое означает то «наличие всех необходимых удобств [16].

Обычай («обыкъ») – привычка, обычай) определяется как правила поведения, устоявшиеся и принятые в определенном обществе [13, 17].

Разряд следует понимать как подразделение внутри какого-н. класса, степень, официально утверждённый уровень квалификации в профессии [13, 17].

План (лат. «planta» – очертание) также является синонимом порядок и определяется как намеченная система деятельности, в рамках которой предусмотрен определенный порядок, последовательность и сроки, это также взаимное расположение частей и др. [13, 17].

И наконец, **способ** (древнечеш. «zrósob») – это «действие, также система действий, которые используются при исполнении какой-н. работы, при осуществлении чего-н.» [13, 17].

Теперь, когда происхождение и значение репрезентантов рассматриваемого концепта описаны, попытаемся установить набор сем, помогающих в свою очередь выявить определенную совокупность когнитивных дифференциальных признаков в структуре концепта (которые могут быть объединены в более крупные – когнитивно-классификационные признаки). Представим сказанное в схематичном виде.

Рис. 2.

Семантико-когнитивный анализ единиц номинативного поля концепта «Порядок» делает возможным охарактеризовать представление русского человека о порядке следующим образом: порядок в понимании русского человека – это благоприятное физическое состояние, это также комфорт души, (психологический комфорт). Порядок приносит в жизнь гармонию, порядок – это эстетика. Порядок – это норма жизни, это последовательность, размеренность, поступательность. Это то, что правильно, общепринято. Порядок ассоциируется с наличием иерархии, это системность, это также метод / способ осуществления чего-либо.

Обратимся далее к описанию паремиологического поля, которое представлено семью группами паремий, содержащих ключевое слово концепта и его синонимы. Мы проведем семантико-когнитивный анализ паремий и установим ряд КДП и ККП. Получившиеся результаты представим схематично.

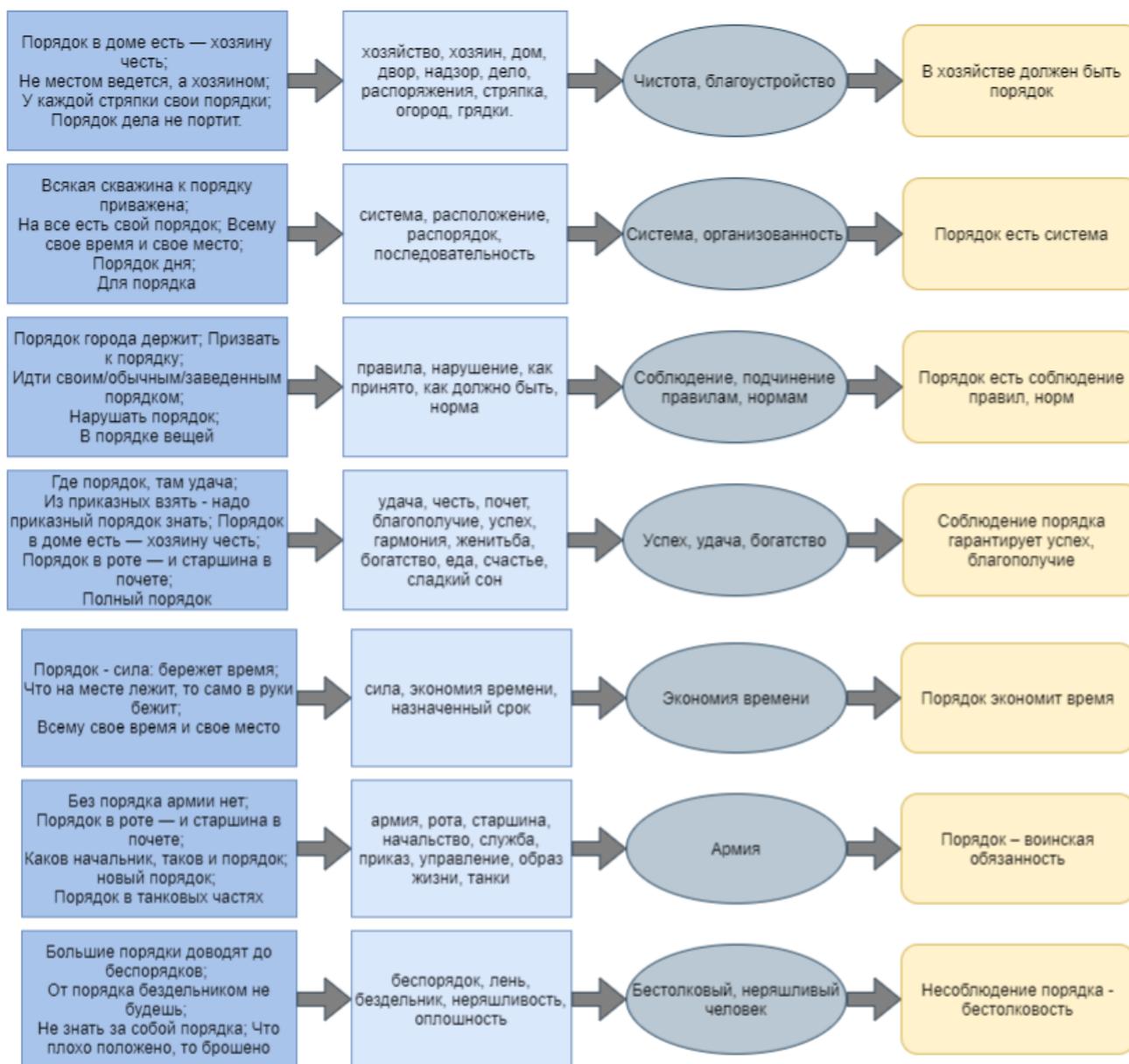

Рис. 3.

Рассмотрев паремии, которые также вербализуют концепт «Порядок», заключаем следующее: для русского человека важно, чтобы порядок был в хозяйстве. Его обязательно следует соблюдать, поскольку это гарантирует успех и благополучие. Более того, кто чтит порядок, тот не расточает

бездарно свое время. Тот, кто не соблюдает порядок, живет бестолково и неправильно.

После анализа единиц номинативного и паремиологического полей обратимся к рассмотрению ассоциатов – единиц ассоциативного поля, которые были инвентаризованы в ходе ассоциативного

опроса среди представителей русской лингвокультуры (всего 61 человек) в возрасте от 21 до 50 лет.

В опросе приняло участие 61 человек. Респондентам надо было ответить на 7 вопросов. Полу-

ченные результаты представлены далее в форме диаграмм.

Полученные результаты представлены далее в форме диаграмм.

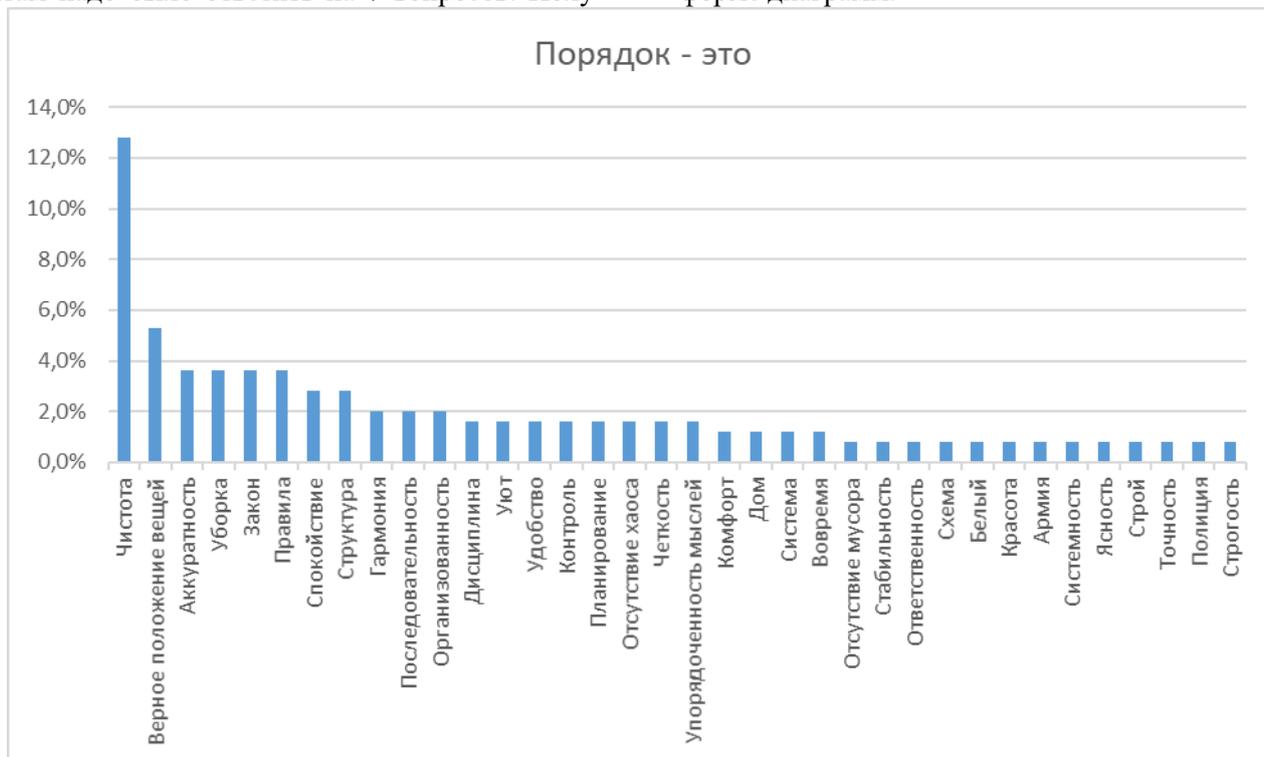

Рис. 4. Порядок – это ... (3-5 ассоциации)

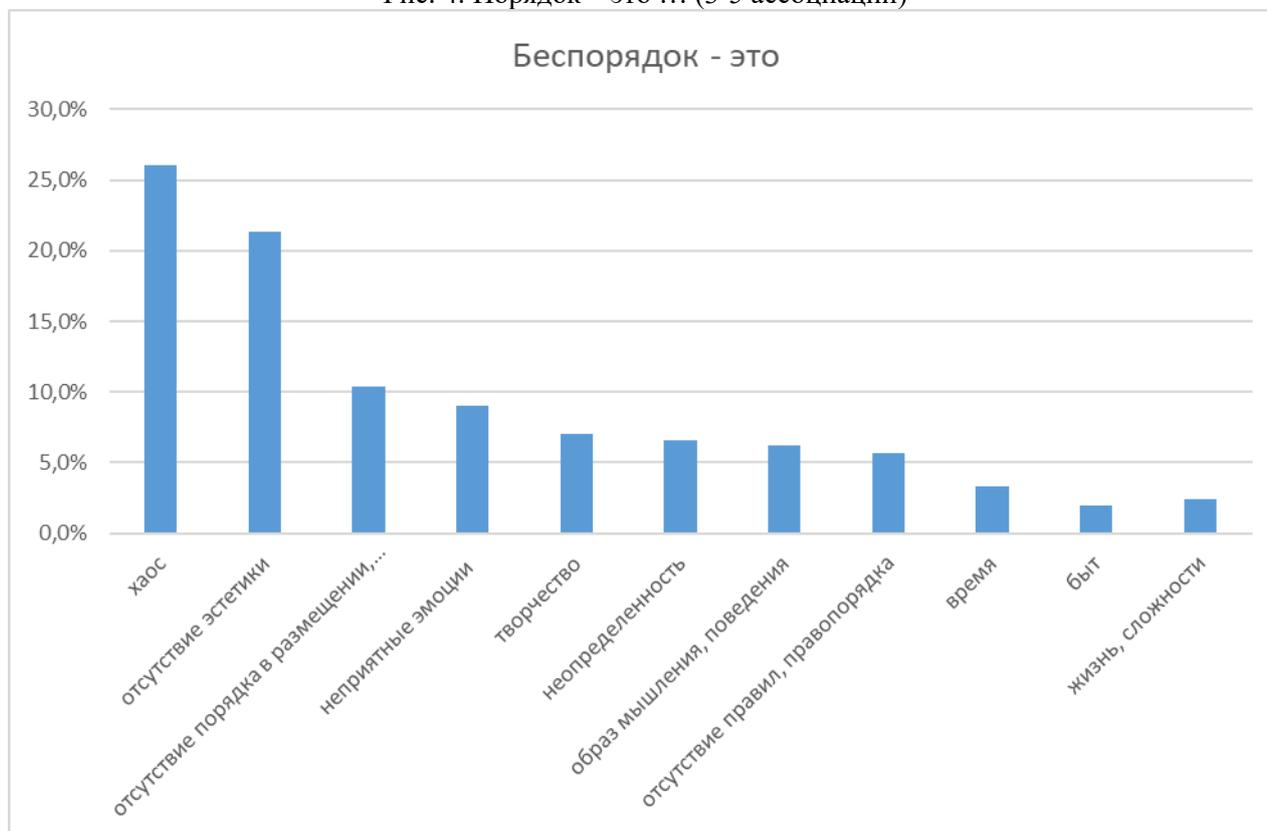

Рис. 5. Беспорядок – это ... (3-5 ассоциации)

Выберите предложение, которое наиболее точно Вас описывает:

a. Вы любите порядок / всячески поддерживаете порядок.

b. Вы скорее любите порядок / стараетесь поддерживать порядок.

c. Вам не всегда удается поддерживать порядок / соблюдать порядок.

d. Вы не умеете соблюдать порядок / Вам сложно соблюдать порядок.

e. Вы любите устраивать беспорядок.

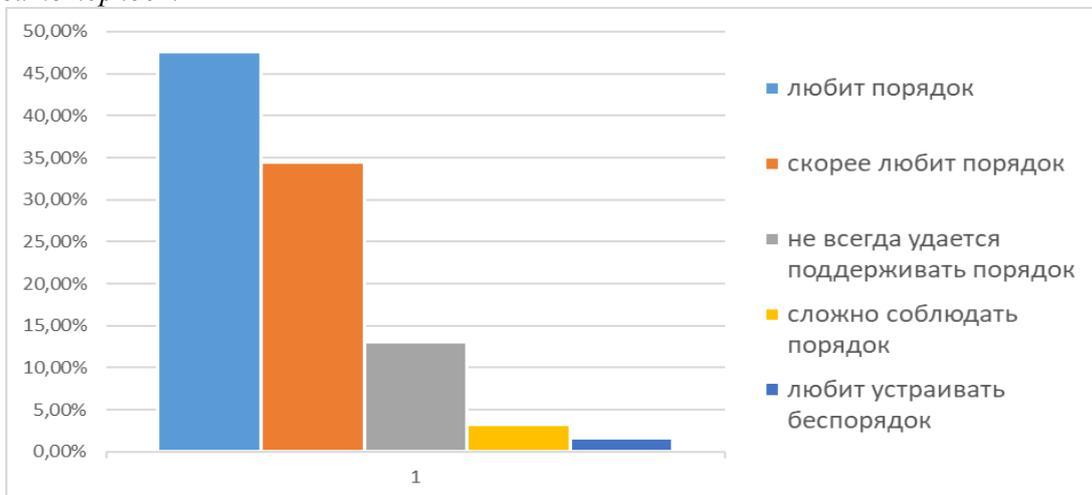

Рис. 6.

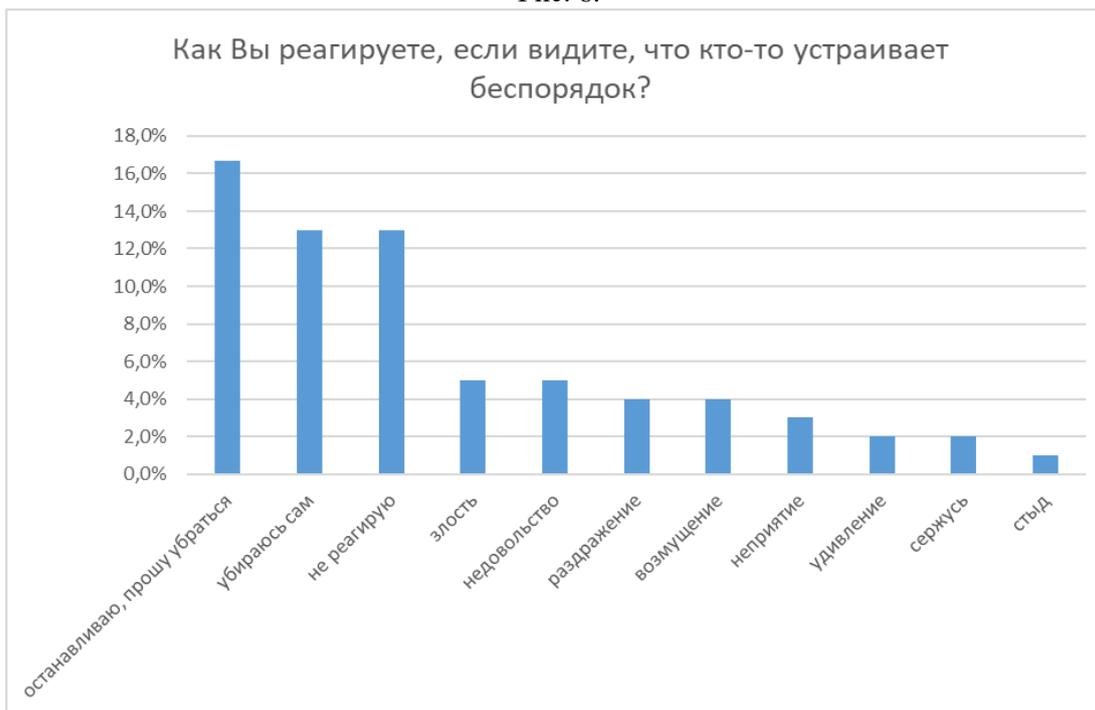

Рис. 7. Как Вы реагируете, если видите, что кто-то устраивает беспорядок?

Рис. 8. Что лично Вы можете сделать, чтобы был порядок?

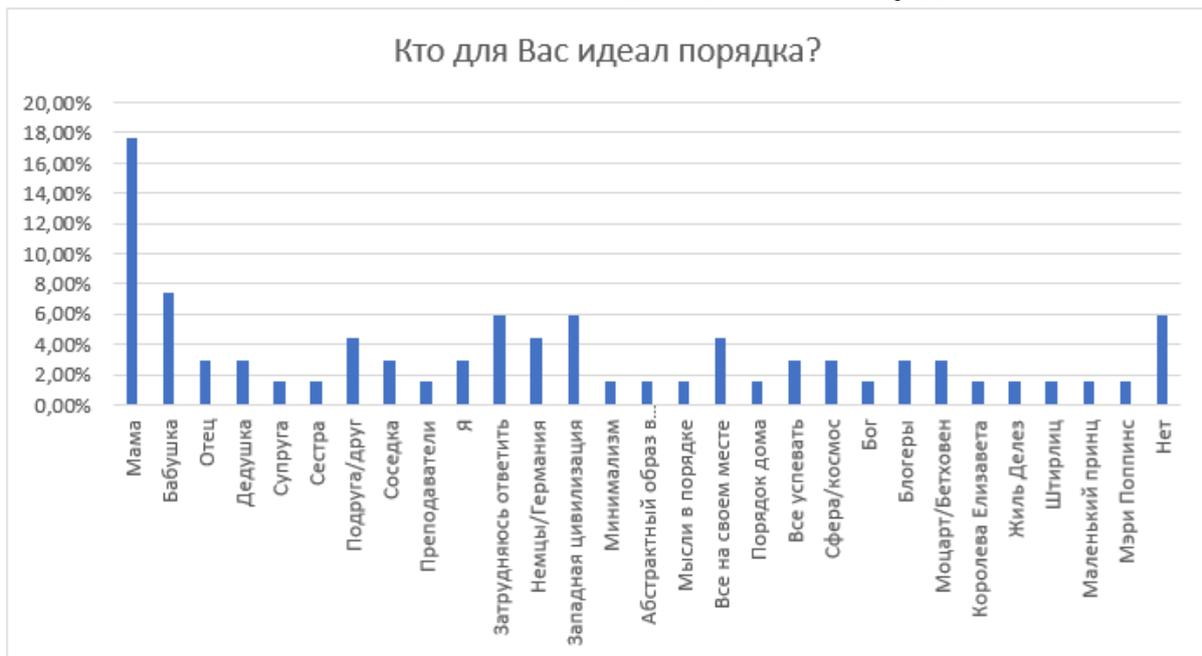

Рис. 9. Кто для Вас идеал порядка?

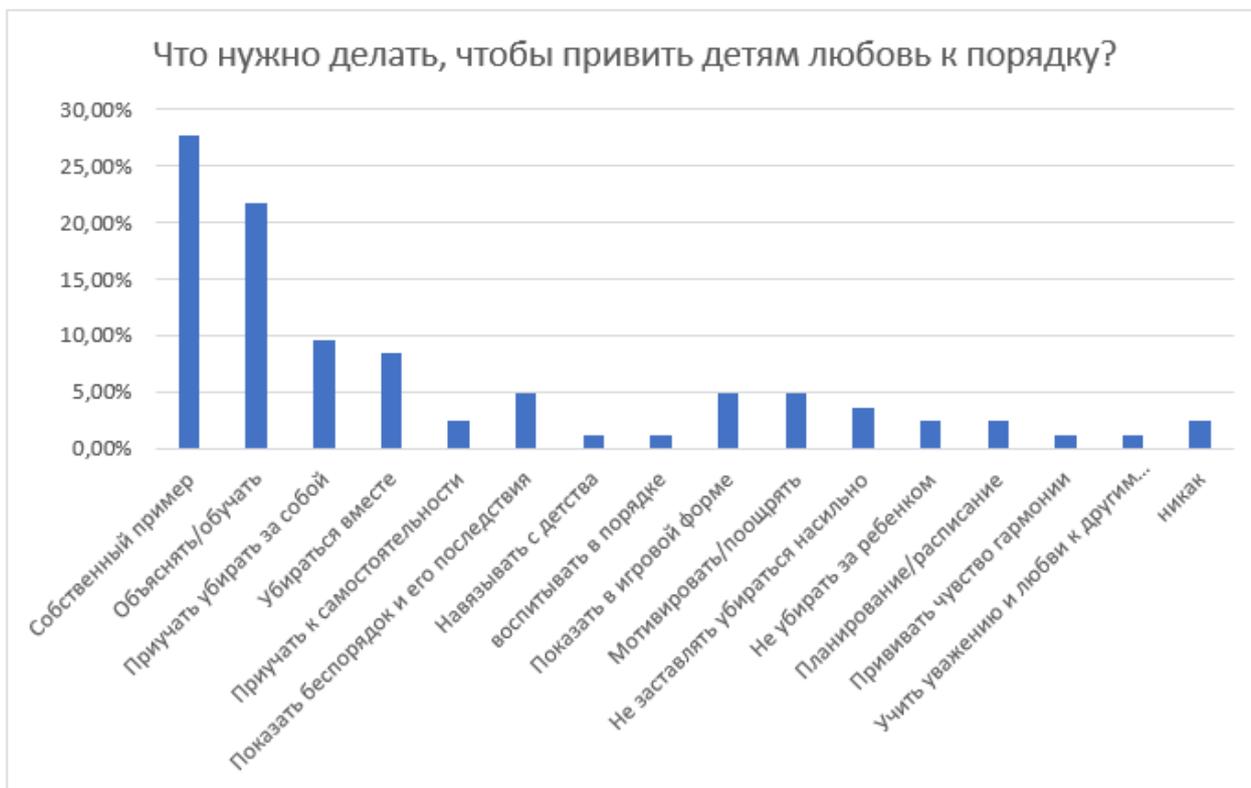

Рис. 10. Что нужно делать, чтобы привить детям любовь к порядку?

На основе проведенного исследования, мы можем сделать ряд интересных выводов об отношении русских к порядку. Полученные результаты свидетельствуют о том, что порядок – достаточно важная и значимая часть русской лингвокультуры. Порядок для русского человека – это норма, система, комфорт, благополучие, чистота, успех, гарантия разумного обращения со временем. Более 60% опрошенных готовы создавать порядок сами, а 15% уверены, что через воздействие на окружающих можно добиться порядка и от них. Для самих опрошенных важен идеал порядка, которым для большинства является близкие родственники. Прививать порядок детям своим примером, обучать и наставлять готовы соответственно третья и пятая часть поучаствовавших в опросе русских.

Подводя итог исследованию, результаты которого описаны в настоящей статье, обозначим его перспективность, которая нам видится в сравнительном анализе восприятия и понимания порядка представителями двух лингвокультур. Это может быть следующим шагом в работе над концептом «Порядок».

Литература

1. Большой сборник пословиц [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://posloviz.ru/10.04.2021>
2. Большой толковый словарь русского языка Кузнецова [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<https://gufo.me/dict/kuznetsov> 03.03.21

3. Гаврилова А.С. Словарь синонимов и антонимов современного русского языка. 50000 слов / под ред. А.С. Гаврилова. М.: Аделант, 2014. 800 с.

4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 331 с.

5. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Лузина Л.Г., Панкрац Ю.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 245 с.

6. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 1993. Т. 52. № 1.

7. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие для филологов. 7-е изд. стереотип. М.: Флинта, 2016. 296 с.

8. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 314 с.

9. Пословицы русского народа. В.И. Даль [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vdahl.ru/> 10.04.2021

10. Пословицы, поговорки, крылатые фразы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://igra1.com/index.htm> 10.05.21

11. Сборник народной мудрости [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sbornik-mudrosti.ru/> 10.04.2021

12. Словарь русской идиоматики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rus-idiomatika-dict.slovaronline.com/> 10.03.21

13. Толковый словарь Ожегова С.И. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/> 03.03.21

14. Толковый словарь Ушакова Д.Н. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ushakovdictionary.ru/> 03.03.21

15. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель, АСТ 2008. 879 с.

16. Этимологический онлайн-словарь русского языка Семёнова А.В. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/semyonov/> 10.03.21

17. Этимологический онлайн-словарь русского языка Фасмера М. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> 10.03.21

References

1. Bol'shoj sbornik poslovic [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://posloviz.ru/> 10.04.2021

2. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka Kuznetsova [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> 03.03.21

3. Gavrilova A.S. Slovar' sinonimov i antonimov sovremennogo russkogo yazyka. 50000 slov. pod red. A.S. Gavrilova. M.: Adelant, 2014. 800 s.

4. Karasik V.I. YAzykovoј krug: lichnost', koncepty, diskurs. Volgograd: Peremena, 2002. 331 s.

5. Kubryakova E.S., Dem'yankov V.Z., Luzina L.G., Pankrac YU.G. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov. Pod obshchej red. E.S. Kubryakovoј. M.: Filol. f-t MGU im. M. V. Lomonosova, 1997. 245 s.

6. Lihachev D.S. Konceptosfera russkogo yazyka. Izvestiya RAN. Ser. lit. i yaz. 1993. T. 52. № 1.

7. Maslova V.A. Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku: ucheb. posobie dlya filologov. 7-e izd. stereotip. M.: Flinta, 2016. 296 s.

8. Popova Z.D., Sternin I.A. Kognitivnaya lingvistika. M.: AST: Vostok – Zapad, 2007. 314 s.

9. Poslovcy russkogo naroda. V.I. Dal' [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://vdahl.ru/> 10.04.2021

10. Poslovcy, pogovorki, krylatye frazy. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://igral.com/index.htm> 10.05.21

11. Sbornik narodnoj mudrosti [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://sbornik-mudrosti.ru/> 10.04.2021

12. Slovar' russkoј idiomatiki. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://rus-idiomatika-dict.slovaronline.com/> 10.03.21

13. Tolkovyj slovar' Ozhegova S.I. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://slovarozhegova.ru/> 03.03.21

14. Tolkovyj slovar' Ushakova D.N. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://ushakovdictionary.ru/> 03.03.21

15. Fyodorov A.I. Frazеologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka. M.: Astrel', AST 2008. 879 s.

16. Etimologicheskij onlajn-slovar' russkogo yazyka Semyonova A.V. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://lexicography.online/etymology/semyonov/> 10.03.21

17. Etimologicheskij onlajn-slovar' russkogo yazyka Fasmera M. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> 10.03.21

RUSSIAN ORDER: LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECT

*Efimova A.V.,
Koshkina E.G., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
National Research University Higher School of Economics,
School of Foreign Languages*

Abstract: this article discusses the concept of "order" in the Russian-language linguoculture. The concept is analyzed as a specific national-cultural formation that exists determined by the language and expressed by it.

The object of the presented research is the mental representation of Russians about the order. The subject is the representatives of the concept of "order" in the Russian linguoculture.

The study was carried out within the framework of the semantic-cognitive approach proposed by the Theoretical and Linguistic school of Voronezh State University.

The article involves the analysis of cognitive differential and cognitive classification features of the concept, identified by analyzing the units of the nominative, paremiological and associative fields that are verbalizers of the concept under consideration. The objectives of the research presented in the article are 1) inventory of units of the nominative field (direct nominee, its synonyms and derivatives), the paremiological field (proverbs, sayings, stable expressions about the order), as well as the associative field (for this purpose, an associative experiment is conducted with representatives of Russian linguoculture), 2) description of the semantics of the inventoried units, 3) cognitive interpretation of the results of semantic analysis, 4) description of the structure of the concept through a set of its differential and classification features.

This research contributes to the study of the conceptual sphere of the Russian language. This is its theoretical significance. Its practical value lies in the fact that the results obtained can be used in a number of lecture courses and in practical classes within the framework of topics on linguoculturology and cognitive linguistics.

The proposed study seems promising. The considered concept can be continued in the comparative aspect, in particular, it will be possible to compare the concepts of the same name in different linguistic cultures, which will allow us to draw a number of interesting conclusions about the cultural and national characteristics of these linguistic cultures.

Keywords: concept, description of the concept, Russian linguoculture, nominative field of the concept, paremiological field of the concept, associative field of the concept, lexical and semantic analysis of the concept, cognitive differential features of the concept, cognitive classification features of the concept, cognitive analysis

ГЕНДЕРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУР)

Лю Син, доктор филологических наук,
Сучжоуский университет, Китай

Аннотация: в статье описываются прагматические особенности средств невербальной коммуникации, раскрываются их важные функции в процессе межличностного взаимодействия. Вместе с тем делается упор на анализе влияния биологических и социальных факторов на невербальное поведение мужчин и женщин в межкультурной коммуникации. На основе примеров доказывается, что в связи с анатомо-физиологическими и психологическими особенностями, свойственными мужчинам и женщинам, а также с половыми ролями и стереотипами, предъявляемыми обществом к лицам обоих пола, гендерная дифференциация характеризует невербальное коммуникативное поведение: во-первых, для каждого из полов имеется своя собственная невербальная система передачи информации; во-вторых, многие невербальные знаки являются общими для мужчин и женщин, но под влиянием многочисленных факторов способы их выполнения разные. Отмечается также, что гендерная дифференциация в русской и китайской невербальной коммуникации обладает заметной национальной спецификой.

Ключевые слова: гендерная дифференциация, невербальная коммуникация, прагматические особенности, функции, национальная специфика

Как правило, основным средством передачи информации между людьми считается язык. Помимо языка, в процессе межличностного контакта часто используются и так называемые невербальные средства общения, в состав которых входят жесты, мимика, позы, интонация, пространство и т.д. В русском языке данный тип коммуникативного взаимодействия людей, осуществленный без использования слов, называется «невербальная коммуникация» (в английском языке известная под термином «*nonverbal communication*»). В связи с тем, что при помощи невербальных знаков говорящие могут правильнее выразить свои мысли, настроения и намерения, а слушающие могут полнее и точнее понять скрытый смысл сказанного, невербальные каналы передачи информации входят в сферу исследований прагматики. Как и вербальный язык, невербальные средства общения сами по себе представляют собой сложную знаковую систему и обладают многочисленными прагматическими особенностями.

Как отмечают китайские русисты Чжао Айго, Чжоу Миньчуань и др., «одной из наиболее характерных особенностей теорий лингвистической прагматики является "постичь сущность через явление", т.е. правильно понять скрытый смысл высказывания через его буквальное значение, чтобы добиться успешной коммуникации» [1, с. 272]. Например, в определенном контексте подлинное значение русского вопросительного предложения "У вас есть часы?" состоит в том, чтобы попросить собеседника сообщить точное время (который час сейчас?), а не узнать, носит ли он часы или нет. Подобным же образом, в повседневной жизни невербальные знаки более всего используются для выражения подразумеваемого значения, и их истинный смысл часто далек от поверхностных выражений тела человека. Между тем каждый жест

человека подобен слову в языке, он обладает разными значениями в зависимости от ситуации. Так, например, в русском языке жест «*пожать плечами*» может выражать недоумение, раздумье, пренебрежение, удивление и т.п. А в китайском языке довольно простой жест «*пожать руку (или рукопожатие)*» также имеет следующие пять значений: 1) вежливое приветствие при знакомстве, встрече, прощании; 2) жест поздравления или жест, выражающий сочувствие; 3) знак волнения и умиления; 4) знак доверия, благодарности и поощрения; 5) знак дружбы и примирения [2, с. 208]. Но это не оказывает никакого влияния на процесс обмена информацией и идеями между людьми. Причина этого заключается в том, что невербальные средства общения обладают высокой чувствительностью к контексту, точно так же, как слова, что позволяет им четко реализовать то или иное значение в каждой конкретной ситуации. Ср.:

(1) [Заносский] *Винват. У меня достаточно гордости, чтобы молчать. И хотя Дарья Дмитриевна, очевидно, привела меня сюда разоблачать – я молчу. (Закрывает рот рукой.)* (А. Толстой, Ракета)

По мнению А.А. Акишиной и др., жест «*закрывать рот рукой*» применяется главным образом для выражения следующих значений: 1) сожаление по поводу сказанного; 2) «ничего никому не скажу», «молчу»; 3) горе, отчаяние [3, с. 74-75]. Но в вышеупомянутом примере на основе анализа речи говорящего (*Заносского*), в особенности фразы «*я молчу*» можно определить, что «*закрывать рот рукой*» здесь означает лишь одно, а точнее, «ничего никому не скажу». К тому же, в данном случае этот жест содержит в себе и прагматическое значение "неудовлетворение".

Наряду с этим, принцип Кооперации в прагматике также может быть применен для объяснения

характеристик невербальных знаков. Особенно это относится к максиме количества и максиме качества. Как известно, максима количества требует, чтобы человек говорил не больше, но и не меньше того, чем это нужно, т.е. делать свой вклад настолько информативным, насколько необходимо. А максима качества, предписывающая правдивость и истинность высказывания, конкретизируется следующими постулатами: не говори того, что ты считаешь ложным; не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований. В невербальной коммуникации основными носителями информации для человека являются самые простые и прямые звуковые сигналы или движения тела, которые способны несравненно образнее и яснее передавать смысл, чем бесконечное множество словосочетаний или предложений. В случае, когда объем информации, передаваемой с помощью речи, является недостаточным, невербальные сигналы могут выполнять и дополнительную функцию. Еще более важным является то, что невербальные средства общения как система знаков, сопровождающих какой-то речевой или иной фрагмент коммуникации, обычно выражают истинное эмоциональное состояние коммуниканта. Таким образом, даже если собеседник говорит неправду, некоторые звуковые явления или жесты, в особенности выражение лица, которые всегда выдают истинные намерения и чувства человека, разоблачают его ложь. Ср.:

(2) – *Доброе утро, – сказал Олег, пожимая Елене руку и задерживая её в своей.*

– *Здравствуйте, – холодно ответила девушка, отнимая руку.* [3, с. 89]

В вышеупомянутом примере несмотря на то, что Елена ответила на приветствие Олега "Здравствуйте", ее подсознательное движение «*отнимать руку*» и холодный тон полностью показывают ее прохладное отношение к Олегу. В связи с этим можно сделать вывод, что в данной ситуации общения "Здравствуйте" – это приветственное слово всего лишь из вежливости. По отношению к данному феномену в китайском языке существует такое выражение: «*Говорим одно, а думаем совсем другое*». Несомненно, это действительное изображение функции невербальных средств коммуникации, противоречащих содержанию вербальной информации, а также является одним из проявлений их эмоциональной функции [4, с. 30].

Как своеобразный способ передачи информации, отличающийся от вербального языка, невербальные средства в межличностном общении выполняют многочисленные и своеобразные функции. Среди них необходимо особенно отметить следующие: 1) вспомогательная функция, т. е. дополнение и уточнение содержания вербального

сообщения, подчеркивание значимой информации; 2) функция, выражающая и скрывающая настроение; 3) замещающая функция; 4) регулятивная функция, т. е. управление ходом коммуникативного процесса, а точнее, установление, поддержание или завершение контакта. В процессе межязыковой и межкультурной коммуникации невербальные знаки также играют незаменимую и существенную роль. Но как отмечает китайский ученый Би Цзивань в своей работе, «люди, привыкшие к собственным культурным нормам и правилам невербальной коммуникации, не видят в них ничего особенного, но чрезвычайно чувствительны к невербальному поведению представителей других культур, что может привести к непониманию и недоразумениям» [5, с. 8]. При этом автор особо подчеркивает, что культурный конфликт, вызванный различиями в невербальном поведении между собеседниками, бывает гораздо серьезнее, чем различия в вербальной системе коммуникации. И чем более свободно владеет жестикулирующим языком, тем более серьезным является культурный конфликт, возникший в результате отправки неправильных или неуместных невербальных сообщений [5, с. 8]. Ведь, как сказано выше, эмоции и чувства человека в большинстве случаев проявляются именно посредством невербальных сигналов.

На самом деле, даже в рамках одной и той же национальной культуры на выбор и использование невербальных средств общения, которые могут быть восприняты как особое социальное явление, неизбежно влияет и множество социальных факторов, среди которых следует отметить гендер. Исследования, проведенные российскими и китайскими учеными за последние годы, показали, что гендер как одна из базовых характеристик личности, обуславливающих психологическое и социальное развитие человека, формулируется в процессе социализации, определяет невербальное поведение человека в тех или иных ситуациях. Например, тембр голоса у мужчин и женщин всегда бывает разным. Вообще говоря, китайцам нравятся, когда взрослые женщины говорят звонким голосом, что проявляется, прежде всего, в таких фразеологизмах, как «*голос, похожий на пение соловья*» (声如莺啼), «голос, приятный как у соловьев и ласточек» (莺声燕语), «голос, красивый как звук пения иволги» (黄鹂出谷) и т. д. В романах женский голос часто описывается как «*прекрасный, как весенний ручей*» (如娟娟泉水般美妙), «*хрустальный, как серебряный колокольчик*» (清脆如银铃般) и «*чистый, как жаворонок*» (如百灵鸟般婉转清脆). Такие голоса, как правило, оцениваются в обществе как изящные и привлекательные, и по-

этому пользуются большой популярностью среди женщин (особенно женщин в подростковом возрасте, который является чувствительным периодом для формирования гендерной идентичности и принятия гендерных ролей) [6, с. 24]. В отличие от женского, мужской голос в коллективном сознании должен быть глубоким и грустным. При общении с человеком если мужчина говорит острым голосом, который чаще всего встречается у женщин, то это отступление от общепринятых гендерных норм и оценивается большинством членов социума как "женоподобное".

В действительности наличие гендерных расхождений в невербальной коммуникации характерно для самых разных культур, что можно охарактеризовать следующим образом: во-первых, для представителей обоих полов имеется своя собственная невербальная система передачи информации. В книге «Мужчины и женщины в невербальной коммуникации», опубликованной в 2005 г., Российский ученый Г.Е. Крейдлин четко высказал свое мнение по этому поводу на примере русского жестового языка. Он отметил, что «в каждом из известных мне языков жестов существуют типичные мужские позы, жесты рук и головы, манеры и походки. Мужскими являются, например, такие русские позы и жесты, как *сидеть, развалившись в кресле; стоять, широко раздвинув ноги; чесать в затылке; потирать руки; стукнуть кулаком по столу*» [7, с. 62-63]. А женский стиль кинетического поведения, как и мужской, тоже отражается в особых жестах, позах, походках и манерах. По мнению Г.Е. Крейдлин, русские женские жесты – это, например, *поправить волосы; чуть наклонить голову; ходить, покачивая бедрами; пощечина; сидеть, сомкнув колени; сидеть коленка на коленку, поигрывая ступней* (поза молодых девушек, широко используемая в русской студенческой среде) [7, с. 70].

Во-вторых, многие невербальные средства общения являются общими для мужчин и женщин, но под влиянием культурных, социальных, психологических и иных факторов способы их выполнения разные. Так, например, *рукопожатие* как форма приветствия широко распространено в мире, но в соответствии с разными правилами, созданными обществом с учетом биологических особенностей, мужчины и женщины во время общения обычно выполняют его по-разному. Например, в словаре «Жесты и мимика в русской речи», составленном А.А. Акишиной, Х. Канно и др., выделяются два часто используемых вида рукопожатия в русском языке: 1) *протянуть лодочкой (кому)* – при рукопожатии ладонь не раскрыта, а сложена лодочкой, т.е. большой палец прижат к указательному, остальные пальцы крепко

сжаты и немного согнуты; 2) *протянуть руку лопатой (кому)* – при рукопожатии пальцы не согнуты, а вытянуты. По мнению авторов, первый вариант выражает смущение, неловкость при знакомстве или приветствии, и чаще встречается у женщин, а второй указывает на невоспитанность или пренебрежительное отношение к собеседнику при знакомстве или приветствии, и чаще используется мужчинами [3, с. 80-81].

Тем не менее, как отмечает Г.Е. Крейдлин, «помимо очевидных расхождений в форме реализации одних и тех же невербальных знаков, противопоставленными оказываются также некоторые мужские и женские невербальные формы выражения одного и того же смысла в пределах данного жестового языка» [7, с. 61]. Например, в случае умственного затруднения или недоумения мужчины чаще потирают рукой подбородок или чуть тянут вниз мочки ушей, трут лоб, щеки или тыльную сторону шеи, а женщины пользуются совсем другими жестами, например, они, «несколько приоткрыв рот, прикладывают указательный палец к нижним передним зубам либо приставляют его к подбородку» [8, с. 208]. Вот еще, к примеру, «китайские мужчины, приветствуя другого на расстоянии, машут обычно вытянутой рукой, что китайским женщинам несвойственно: выполняя то же движение, они держат руку близко к телу» [9, с. 237-238].

У каждого народа, как в России и Китае, имеется своя национальная культура, традиции и обычаи. Это обуславливает национальную специфику невербального поведения мужчин и женщин в межкультурной коммуникации. Например, Г.Е. Крейдлин отметил, что «выражая смысл "смущение", русские мужчины чаще потирают рукой подбородок или нос, а женщины потирают щеки или область непосредственно перед шеей» [7, с. 61]. Но в Китае мужчины и женщины, находящиеся в том же самом эмоциональном состоянии, пользуются совсем другими жестами. При смущении китайские мужчины всегда используют жест «*чесать в затылке*», а женщины ведут себя по-разному: в большинстве случаев они закрывают лицо одной или двумя ладонями, так чтобы партнер не видел ее лица. Обычно она старается закрыть ладонями не только глаза, но и щеки.

В России приветственный жест *поцелуй* широко используется во всех аспектах жизни. И в зависимости от ситуации существует очень много самых разных по форме и смыслу видов поцелуев, среди которых самым представительным является «*целовать руку*» или «*приложиться к руке*», указывающий учтивость, вежливость уважение, или даже преданность одного человека другому. Брать протянутую руку другого человека и прика-

саться губами к тыльной стороне ладони – это галантное приветствие русских мужчин по отношению к женщинам. Но в Китае люди, кроме влюбленных и супруг, редко здороваются жестом **«поцелуй руки»**. Это явление, с одной стороны, связано с национальным этикетом, распространившимся по всему Китаю в течение тысяч лет, и с другой, со стыдливостью и сдержанностью восточных мужчин и женщин. В общем, китайские мужчины стесняются целовать руку женщины, а женщины, не привыкши к такому виду тактильного контакта, постоянно чувствуют себя неловко, особенно на улице и в других общественных местах [10, с. 127]. Ср.:

(3) [Степан:] *Прошу извинить... я только проститесь, Касьяновна. (Целуя руки.) Будь тут здорова и весела.* (Л. Леонов, Метель)

(4) – *Я не помешала?* – *спросила Нина Александровна.*

– *Напротив!* – *воскликнул плановик и приложился сухими губами к руке Нины Александровны. – Если бы вы знали, как вас обожает Людмила!* (В. Липатов, Повесть без начала, сюжета и конца)

(5) Лу Кай, дрожа от напряжения, хватается Ма Юэ за руку, ... И он вдруг **подносит руку к своему лицу и рту!** (*Lu Kai chan chan wei wei de zhua zhu ta yue de shou, ... tu ran na zhe zhe zhi shou tie zai zi ji de lian shang, zui shang!*) (Jiang Zilong, Huguang)

В примерах (3) и (4) жесты **«целовать руку»** и **«приложиться к руке»** применяются в разных ситуациях, но с точки зрения пола жестикулирующих они одинаковы: оба жеста выполняются мужчинами (Степан и плановик) с той целью, чтобы здороваться с собеседником противоположного пола (т.е. Касьяновна и Нина Александровна). А в примере (5) отношения между коммуникантами Лу Кай и Ма Юэ бывают очень сложными. Это общение не только между бывшими учителем и учеником, но и между товарищами. Более того, Ма Юэ была замужем, но с помощью ряда жестов **«хватать за руку»**, **«подносить руку к его лицу и рту»**, она поняла, что Лу Кай влюблен в нее (и это факт). Дело в том, что жест **«целовать руку»** воспринят в Китае как знак любви, выражающий интимную близость.

Между тем культурные различия и проявляются в языке маски (это особая форма общения, которая включает в себя не только выражение лица, но и движения других частей тела, которые осознанно используют люди для маскирования своих истинных намерений), особенно в **улыбке**. Можно сказать, что улыбка – это оптимальное выражение лица человека, которое можно назвать самыми красивыми цветами в мире, но в разных культурах улыбке часто придается разное значение. Напри-

мер, китайцы очень любят улыбаться, они выступают за концепцию **«Улыбка делает человека на десять лет моложе»** (笑一笑, 十年少). В Китае люди не только улыбаются знакомым, но и улыбаются незнакомым людям, что свидетельствует о вежливости и дружелюбии. Особенно в сфере обслуживания, требуется встречать клиентов с улыбкой. В традиционной культуре Китая были выдвинуты различные критерии и требования к способам улыбки мужчин и женщин. Как говорят, женщины во всякое время должны быть терпимыми и красивыми. Даже если они не могут удержаться, следует **«улыбаться сдержанно, не обнажая зубов»**, **«красиво улыбаться»**, **«улыбаться с закрытым ртом»** или **«улыбаться сквозь зубы»**, чтобы поддержать признанный обществом образ прекрасной леди. Но для китайских мужчин практически нет таких строгих ограничений. Во время разговора они могут **«громко смеяться»**, **«беззаботно смеяться»**, и даже **«смеяться, держаться за живот»**, т.е. полностью и до конца выразить свои истинные чувства.

В русском национальном сознании улыбка оценивается отрицательно, она отождествляется со смехом, ухмылкой, усмешкой, насмешкой, издевкой. Как отмечает И.А. Стернин, «улыбаться – особое, собственно русское образование от лыбать – улыбаться, усмехаться» [11, с. 151]. Подобные стереотипные представления русского народа о улыбке находят отражение в ряде паремий: **«Улыбнуться – скоро известись»**, **«Смех без причины – знак дурачины»**, **«В чем живет смех, в том и грех»**. Таким образом, русские вообще не любят улыбаться во время общения с людьми, не говоря уже о улыбке незнакомым людям. В России даже в сфере обслуживания крайне редко встречается так называемая вежливая улыбка. Это особенно верно для мужчин, считающих себя рассудительными, разумными и серьезными. По их мнению, улыбка как мимика лица, выражающая глупость, насмешку или дерзость, может подорвать их авторитет. И поэтому в ходе ежедневных социальных контактов, особенно в более официальных деловых ситуациях, большинство из них не улыбаются, чтобы произвести впечатление серьезного человека.

Напротив, русские женщины гораздо чаще улыбаются. Как отмечает М. В. Ермолаева, «женская улыбка в произведениях русских классиков представлена полно и разнообразно: это и прелестная живая улыбка Анны Карениной, и лучезарная искренняя улыбка Наташи Ростовской, и ясная, красивая, но бездушная улыбка Элен Безуховой, и печальная улыбка княжны Веры и великое множество самых разных в оценочном плане женских улыбок» [12, с. 104]. В реальной жизни мать

никогда не перестанет улыбаться своему ребенку, любимому, дорогому человеку, поскольку улыбка как знак приветствия, расположения и миролюбия самой природой заложена в женское сознание. Даже перед лицом незнакомых людей русские женщины часто демонстрируют сдержанную улыбку, проявляя своеобразную доброту. Например, когда их спрашивают дорогу на улице, они всегда встречаются с улыбкой, терпеливо объясняя, как пройти; при встрече с знакомыми того же или противоположного пола русские женщины также громко и открыто смеются [13, с. 18-19]. Исходя из этого, вполне можно предположить, что улыбка — это гендерно маркированный типично женский мимический сигнал. То, что россияне вообще не улыбаются, обычно относится к мужчинам, а не к женщинам.

Обобщая вышесказанное, можно утверждать, поведенческие различия между мужчинами и женщинами проявляются не только в вербальной коммуникации, но и в невербальной. Более того, в разных географических и культурных регионах мужчины и женщины всегда ведут себя по-разному: во-первых, один и тот же смысл может быть выражен разными невербальными знаками; во-вторых, один и тот же невербальный знак может означать разные эмоции. В связи с этим каждый участник межкультурной коммуникации должен стараться изо всех сил узнать о гендерных нормах и образе мышления собеседника, а также своевременно управлять своей коммуникационной стратегией в случае надобности. Только таким образом можно преодолеть культурный шок и добиться взаимопонимания между людьми противоположных полов из разных стран и культур.

Литература

1. Чжао Айго, Чжоу Миньчуань и др. Российское лингвистическое наследие 20-го века: Теории, методы и школы. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2012. 520 с.
2. Чжоу Гогуан, Ли Сяннун. Язык тела китайцев. Гуанчжоу: Изд-во "Высшее образование Гуандун", 2017. 292 с.
3. Акишина А.А. и др. Жесты и мимика в русской речи. М.: Русский язык, 1991. 144 с.
4. Лю Син. Исследование русской невербальной коммуникации в аспекте гендерных стереотипов — на материале русского соматического языка: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Сучжоу: Сучжоуский университет, 2021. 203 с.
5. Би Цзивань. Межкультурная невербальная коммуникация. Пекин: Изд-во преподавания и исследования иностранных языков, 1999. 174 с.
6. Чжао Жунхуй. Исследование гендерных особенностей произношения в русском языке // Русский язык в Китае. 2002. № 3. С. 23 – 26.
7. Крейдлин Г.Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. М.: Языки славянской культуры, 2005. 224 с.
8. Монтегю А. Прикосновение: значение кожи для человека. Нью-Йорк: Харпер и Роу, 1971. 338 с.
9. Стефенсон Дж., Пайн Н., Чжан Ливэй, Се Цзянь. Изучение широко используемых жестов в Нанкине, КНР // Семиотика. 1993. № 3/4. С. 235 – 259.
10. Лю Син, Чжан Сяолин. Гендерная характеристика тактильного поведения в русском и китайском языках // Успехи гуманитарных наук. 2021. № 8. С. 124 – 130.
11. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. М.: Флинта, Наука, 2006. 326 с.
12. Ермолаева М.В. Гендерные стереотипы невербального коммуникативного поведения (на материале процессуальных фразеологических единиц) // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 7. С. 102 – 104.
13. Чжоу Миньчуань. Сопоставительное исследование русско-китайского соматического языка в аспекте гендерных стереотипов // Русский язык в Китае. 2018. № 1. С. 10 – 19.

References

1. CHzhao Ajgo, CHzhou Min'chuan' i dr. Rossijskoe lingvisticheskoe nasledie 20-go veka: Teorii, metody i shkoly. Pekin: Izdatel'stvo Pekinskogo universiteta, 2012. 520 s.
2. CHzhou Goguan, Li Syannun. YAzyk tela kitajcev. Guanchzhou: Izd-vo "Vysshee obrazovanie Guandun", 2017. 292 s.
3. Akishina A.A. i dr. ZHesty i mimika v russkoj rechi. M.: Russkij yazyk, 1991. 144 s.
4. Lyu Sin. Issledovanie russkoj neverbal'noj kommunikacii v aspekte gendernyh stereotipov – na materiale russkogo somaticheskogo yazyka: dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni doktora filologicheskikh nauk. Suchzhou: Suchzhouskij universitet, 2021. 203 s.
5. Bi Czivan'. Mezhekul'turnaya neverbal'naya kommunikaciya. Pekin: Izd-vo prepodavaniya i issledovaniya inostrannyh yazykov, 1999. 174 s.
6. CHzhao ZHunhuj. Issledovanie gendernyh osobennostej proiznosheniya v russkom yazyke. Russkij yazyk v Kitae. 2002. № 3. S. 23 – 26.
7. Krejdlin G.E. Muzhchiny i zhenshchiny v neverbal'noj kommunikacii. M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2005. 224 s.

8. Montegyu A. Prikosnovenie: znachenie kozhi dlya cheloveka. N'yu-Jork: Harper i Rou, 1971. 338 s.

9. Stefenson Dzh., Pajn N., CHzhan Livej, Se Czyan'. Izuchenie shiroko ispol'zuemyh zhestov v Nankine, KNR. Semiotika. 1993. № 3/4. S. 235 – 259.

10. Lyu Sin, CHzhan Syaolin. Gendernaya harakteristika taktil'nogo povedeniya v rusском i kitajskom yazykah. Uspekhi gumanitarnyh nauk. 2021. № 8. S. 124 – 130.

11. Prohorov YU.E., Sternin I.A. Russkie: kom-

munikativnoe povedenie. M.: Flinta, Nauka, 2006. 326 s.

12. Ermolaeva M.V. Gendernye stereotipy neverbal'nogo kommunikativnogo povedeniya (na materiale processual'nyh frazeologicheskikh edinic). Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2009. № 7. S. 102 – 104.

13. CHzhou Min'chuan'. Sopostavitel'noe issledovanie rusско-kitajskogo somaticheskogo yazyka v aspekte gendernyh stereotipov. Russkij yazyk v Kitae. 2018. № 1. S. 10 – 19.

GENDER DIFFERENTIATION IN INTERCULTURAL NONVERBAL COMMUNICATION (BASED ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND CHINESE CULTURES)

*Liu Xing, Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor),
Soochow University, China*

Abstract: the article describes the pragmatic features of nonverbal communication means, reveals their important functions in the process of interpersonal interaction. At the same time, emphasis is placed on the analysis of the influence of biological and social factors on the nonverbal behavior of men and women in intercultural communication. Based on the examples, it is proved that in connection with the anatomical, physiological and psychological characteristics peculiar to men and women, as well as with the sexual roles and stereotypes imposed by society on persons of both sexes, gender differentiation characterizes nonverbal communicative behavior: firstly, each of the sexes has its own nonverbal information transmission system; secondly, many nonverbal signs are common for men and women, but under the influence of numerous factors, the ways of their implementation are different. It is also noted that gender differentiation in Russian and Chinese nonverbal communication has a noticeable national specificity.

Keywords: gender differentiation, nonverbal communication, pragmatic features, functions, national specificity

НОВОЕ РУКОВОДСТВО К ПРЕПОДАВАНИЮ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО – ОЦЕНКА НОВОГО “СТАНДАРТА ОЦЕНКИ УРОВНЯ ВЛАДЕНИЯ КИТАЙСКИМ ЯЗЫКОМ В ПРЕПОДАВАНИИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО”

*Оян Мэйхэ, профессор,
Шанхайский политико-юридический университет, Китай*

Аннотация: китайский язык является наиболее распространенным языком в мире и одним из шести официальных языков Организации Объединенных Наций. Однако влияние международного китайского образования несовместимо со статусом Китая как второй по величине экономики мира. Информатизация, стандартизация международного китайского образования и локализация преподавательского состава являются эффективными способами содействия интернационализации китайского образования. В этой статье обсуждается фон публикации “Стандарта оценки уровня владения китайским языком в преподавании китайского языка как иностранного (2021)”, проводится исследование содержания “Стандарта” с точки зрения его рамок, руководящей роли в преподавании китайского языка как иностранного в будущем, а также соответствующих мер для улучшения уровня преподавания китайского языка как иностранного в рамках “Стандарта”.

Ключевые слова: преподавание китайского языка как иностранного, “Стандарт”, уровень, соответствующие меры

Введение

20 апреля 2021 г. по случаю Двенадцатого дня китайского языка в Организации Объединенных Наций, в Пекинском университете языка и культуры было устроена презентация новой книги “Стандарта оценки уровня владения китайским языком в преподавании китайского языка как иностранного” (далее именуемые “Стандарт”) и международный симпозиум, организаторами выступили Центр международного языкового сотрудничества и Пекинского университета языка и культуры. 24 марта 2021 г. “Стандарт” был опубликован совместно Министерством образования Китайской Народной Республики и Государственным комитетом Китая по работе в области языка и письменности, и официально он вступит в силу с 1 июля 2021 года. Выпуск и введение в действие “Стандарта” имеют большое значение. “Стандарт” – это государственный стандарт преподавания китайского языка как иностранного в новую эру, и является первым нормативным стандартом, который всесторонне описывает и оценивает навыки и уровень владения китайским языком иностранных учащихся. “Стандарт” представляет собой важную основу обучения, преподавания, тестирования и оценки в преподавании китайского языка как иностранного, и является важной мерой для улучшения онаучивания и стандартизации преподавания китайского языка как иностранного, а также “Стандарт” имеет важное руководящее значение и справочную ценность как для преподавателей, так и для студентов и отраслевых ученых в области преподавания китайского языка как иностранного.

Фон публикации “Стандарта”

Во-первых, оценка языковой способности учащихся в соответствии со стандартами является мировой тенденцией. Изучающий язык всегда надеется получить возможность учиться в стране,

где говорят на этом языке. Несколько влиятельных тестов на определение уровня владения языком в настоящее время имеют научную оценочную систему, аналогичную “Стандарту” в качестве академической поддержки. Общеввропейские компетенции владения иностранным языком (CEFR) были впервые выпущены в 2001 году Европейской ассоциацией языковых тестировщиков (ALTE), CEFR используются для оценки достижений учащихся на изучаемом ими языке, а также в качестве руководства к оценке обучения. Этот набор Стандарта не только предлагает основу для оценки уровня владения языком в Европейском Союзе, но также является ценным справочником для оценки других языков в мире, что имеет большое значение. Тест TOEFL (Тест по английскому языку как иностранному) используется большой популярностью с 1980-х годов в Китае, является стандартом для оценки уровня владения английским языком иностранцев, которые хотят учиться в Соединенных Штатах. Всемирно признанная Международная система оценки уровня владения английским языком (IELTS) была создана в 1989 году Британским советом и экзаменационной комиссией Кембриджского университета, является одним из самых известных международных тестов по стандартизации английского языка, оказавшая значительное влияние в Китае в последние годы. В Российской Федерации также действует государственное тестирование по русскому языку как иностранному (ГТРКИ), которое представляет собой национальный стандартизированный тест, созданный для оценки уровня владения русским языком для лиц, не являющихся носителями русского языка. 12 апреля 2018 года Китайский стандарт оценки уровня владения английским языком (CSE) официально выпущен Министерством образования Китайской Народной Рес-

публики и Государственным комитетом Китая по работе в области языка и письменности, является первым стандартом владения английским языком для китайцев, и он был введен в действие с 1 июня 2018 года. Таким образом, в условиях глобализации оценка языковой способности учащихся в соответствии с научными стандартами является не только осуществимым, но и является общей тенденцией.

Во-вторых, рыночный спрос вызван увеличением числа учащихся, приезжающих в Китай. В 2018 году число иностранных студентов, приезжающих в Китай, составляет около 500 000 человек из 196 стран и регионов мира, и следует отметить, что в том числе 64 страны вдоль маршрута “Один пояс, один путь” [1]. Значительная часть этих студентов обучается на языковых курсах китайского языка, и около 50% из них училось на ученую степень и обучалось на китайском языке. А по трепованию к учебе и жизни в Китае (учащимся, сдавшим HSK4 или HSK5 легче подать заявку на стипендию), до приезда в Китай у тех, кто имеет относительно хороший уровень китайского языка, у них всегда будет больше преимуществ и возможностей.

В-третьих, академическое накопление достигло требований к умениям для формулирования “Стандарта”. С 1987 года китайские эксперты и ученые изучают стандартизацию оценки уровней владения китайским языком, и в 1988 г. был опубликован первый стандарт оценки уровня владения китайским языком в преподавании китайского языка как иностранного – “Стандарт оценки уровня владения китайским языком и программа оценки уровня” (пробное внедрение) [2]; в 1992 году была опубликована “Программа оценки уровня владения лексикой и китайской письменности”; в 1996 году была опубликованы “Стандарт оценки уровня владения китайским языком и программа оценки уровня владения грамматикой”; в 2007 году была опубликована “Классификация уровня слога, китайской письменности и лексики в преподавании китайского языка как иностранного”, которая создала первый национальный стандарт “трехмерного эталона” – слог, китайская письменности и лексика в преподавании китайского языка как иностранного; в 2018 году начали разрабатываться “Стандарт оценки уровня владения китайским языком в преподавании китайского языка как иностранного”. Как выше изложено, публикация “Стандарта оценки уровня владения китайским языком в преподавании китайского языка как ино-

странного” (2021 г.) – это академическое достижение более чем 30-летнего академического накопления нескольких поколений ученых, и является академическим стандартом преподавания китайского языка как иностранного в новую эру.

Основные содержания “Стандарта”

Первое. Основная конструкция “Стандарта”. “Стандарт” делит оценку уровня владения китайским языком учащихся на “три категории и девять уровней”. На основе четырех основных элементов – слог, китайская письменность, лексика и грамматика – “Стандарт” формирует “четырёхмерный эталон”, и в “Стандарте” способности речевого общения, содержание тематической задачи и количественные показатели языка составляют три параметра оценки, аудирование, говорение, чтение, письмо и перевод рассматриваются в качестве пяти языковых навыков, всё это помогает точно определять уровень владения китайским языком учащихся. Основное содержание “Стандарта” состоит из восьми частей, т.е. предисловие, предел, термины и определения, описание уровня, список слогов, список китайской письменности, словарь и Приложение А (нормативное) – программа оценки уровня владения грамматикой. В том числе, часть описания уровня в основном разработана на основе трех параметров оценки: способности речевого общения, содержание тематической задачи и количественные показатели языка, определяет базовое выполнение основных навыков: аудирования, говорения, чтения, письма и перевода изучающих китайский язык на каждом уровне; в списке слогов указаны определённые слоги, которые должны усвоить изучающие китайский язык на каждом уровне; в списке китайской письменности определяются китайские иероглифы и рукописные китайские иероглифы, которые должны усвоить изучающие китайский язык на каждом уровне; в словнике определяются конкретные слова, которые должны усвоить изучающие китайский язык на каждом уровне; и в программе оценки уровня владения грамматикой устанавливается грамматика, которая должны усвоить изучающие китайский язык на каждом уровне.

Второе. Основные требования “Стандарта”. “Стандарт” предъявляет требования к содержанию и количеству с точки зрения слогов, китайских иероглифов, словарного запаса и содержания грамматики, которые должны усвоить изучающие китайский язык на каждом уровне.

Таблица 1

Количественные показатели языка Стандарта оценки уровня владения китайским языком в преподавании китайского языка как иностранного [3]

категорий	уровень	слог	китайские иероглиф	словарный запас	грамматика
начинающий	HSK1	269	300	500	48
	HSK2	199/468	300/600	772/1272	81/129
	HSK3	140/608	300/900	973/2245	81/210
средний	HSK4	116/724	300/1200	1000/3245	76/286
	HSK5	98/822	300/1500	1071/4316	71/357
	HSK6	86/908	300/1800	1140/5456	67/424
продвинутый	HSK7-9	202/1110	1200/3000	5636/11092	148/572

Примечание: в таблице есть два числа до и после"/". Первое число указывает количество новых добавленных языковых элементов на этом уровне, а число позади указывает количество языковых элементов, накопленных до этого уровня. Количественные показатели языка высокого уровня больше не разбиваются

Иностранцы изучающие китайский язык на начальном уровне должны уметь понимать простые языковые материалы и составлять короткий абзац с помощью часто употребляемым типом предложений; что касается требования к коммуникации, то можно проводить простое повседневное общение; в отношении межкультурного аспекта требуется первичное представление о китайской культуре и осуществление предварительного межкультурного общения.

Иностранцы изучающие китайский язык на среднем уровне должны уметь понимать различные темы и материалы среднего уровня сложности, способно написать простые и пояснительные сочинения объемом не менее 300 слов; что касается требования к коммуникации, то уметь выражаться в абзацах по более сложным темам в повседневной жизни; в отношении межкультурного аспекта требуется понимание китайской культуры на базовом уровне; а касается коммуникативной способности, то требуется выполнять неофициальные приемы и простые задачи устного перевода, а также выражаться свободно.

Иностранцы изучающие китайский язык на продвинутом уровне должны уметь понимать сложные языковые материалы по разным темам, писать статьи на различные темы, и уметь выполнять последовательный перевод в официальной обстановке; в общении должны уметь провести углубленное обсуждение, а также регулировать способ выражения в соответствии с коммуникативной ситуацией, и говорить тактично; а что касается межкультурного аспекта, то требуется знать больше о китайской культуре и иметь кругозор на международном уровне и компетенцию межкультурного общения.

Третье. Академическая инновация “Стандарта”. На основе научных данных предлагается новый способ обучения, то есть обучение слогов в целом,

интегрированное чтение и обучения с помощью непосредственного вызова, чтобы решить проблему “видящих слова и не знающих звука” у иностранных студентов, которая актуальна на протяжении длительного времени в преподавании китайского языка как иностранного. В “Стандарте” разумно предусмотреть пропорциональное распределение распознавания чтения, китайского иероглифа, и рукописного иероглифа, чтобы решить проблему, что трудно писать китайские иероглифы иностранным студентам; оптимизировать грамматические знания, что помогает повысить стандартизацию и эффективность преподавания китайской грамматики. Академическая инновация “Стандарта” в аспекте слога, китайского иероглифа, лексики и грамматики может не только повысить эффективность преподавания китайского языка как иностранного, но и действительно помогать иностранным студентам в изучении китайского языка.

Влияние “Стандарта” на преподавание китайского языка как иностранного

После того, как “Стандарт” официально опубликован и введен в действие в 2021 году, он будет оказывать позитивное влияние на преподавание китайского языка как иностранного во всем мире на длительное время.

Во-первых, преподавание китайского языка как иностранного станет более научным и эффективным. Поскольку “Стандарт” содержит подробные правила оценки уровня владения китайским языком относительно слога, китайского иероглифа, лексики и грамматики на начальном и среднем уровнях, и указывает яснее не только цель преподавая, но и цель обучения учащихся, и всё обоснованно. Для иностранных студентов изучение китайского языка не будет так запутан, как раньше.

Во-вторых, оказывать непосредственное влияние на преподавание китайского языка как иностранного. “Стандарт” четко указывает, какие части знания должны быть усвоены иностранным обучающимся начального и среднего уровня. Что должен делать преподаватель, то исходя и из составления учебных материалов, употребления методов обучения, тестирования, оценивания и т.д., помогает учащимся быстрее и лучше достигать вышеизложенные требования. Несмотря на то, что языковые требования на продвинутом уровне не так конкретны, как на начальном и среднем уровнях, требования одинаково ясны, особенно с точки зрения пяти языковых навыков: аудирования, говорения, чтения, письма и перевода.

В-третьих, оказывать непосредственное влияние на тенденцию тестовых вопросов HSK. По настоящее время Тест HSK является наиболее научным и эффективным средством оценки уровня владения китайским языком иностранных обучающихся. Стандарт тестовых вопросов HSK является конкретным воплощением “Стандарта” в оценке, он будет уделять приоритетное внимание выполнению требований “Стандарта” к преподаванию китайского языка как иностранного, и отражает критерии оценки “Стандарта” для иностранных обучающихся китайский язык.

Меры и предложения по выполнению требования к “Стандарту”

Во-первых, педагогические работники преподавания китайского языка как иностранного должны быть знакомы со “Стандартом”. В качестве международного стандарта китайского языка, выпущенного и внедренного Министерством образования Китайской Народной Республики и Государственным комитетом Китая по работе в области языка и письменности, он является нормативным и авторитетным в преподавании китайского языка как иностранного. Это “Стандарт” является не только руководством к действию для педагогических работников преподавания китайского языка как иностранного, но и руководством в их повседневной профессиональной деятельности. Педагогические работники преподавания китайского языка как иностранного должны быть хорошо знакомы с конкретными требованиями “три категории и девять уровней”, чтобы помогать иностранным изучать китайский язык.

Во-вторых, принять эффективные меры, чтобы помочь иностранным обучающимся китайский язык выполнить требование к “Стандарту”. Преподаватели должны соответствовать требованиям “Стандарта” в отношении содержания обучения, методов обучения, средства обучения, стандарта тестирования и т.д., отражать требования “Стандарта” и незаметно помогать иностранным обучающимся

ознакомиться со “Стандартом” и усвоить его, эффективно улучшить уровень китайского языка иностранных обучающихся.

В-третьих, иностранные обучающиеся китайский язык должны активно адаптироваться к требованиям “Стандарта”. В связи с тем, что “Стандарт” играет ведущую роль в преподавании китайского языка как иностранного в будущем, иностранные обучающиеся китайский язык должны активно ознакомиться с требованиями “три категории и девять уровней” “Стандарта”, особенно требования третьего, пятого и седьмого уровней. Иностранцы обучающиеся китайский язык учатся в соответствии со стандартами, это будет улучшать целенаправленность и эффективность у них, так как чем лучше овладеть китайским языком на начальном уровне, тем легче удовлетворить требованиям начального уровня средней категории; то же самое относится к среднему и продвинутому уровням.

Заключение

“Стандарт” представляет собой нормы преподавания китайского языка как иностранного, его выпуск и внедрение в 2021 году окажут предвидимое влияние на преподавание китайского языка как иностранного во всем мире на долгое время в будущем: Иностранцам студентам будет проще, легче и эффективнее изучать китайский язык, тест HSK также примет новые изменения в соответствии со “Стандартом”. Как преподаватели, так и иностранные обучающиеся китайский язык, все они должны активно ознакомиться с требованиями “Стандарта” и адаптироваться к ним, а также принять активно эффективные меры по внедрению “Стандарта”.

Литература

1. Китайская ассоциация высшего образования по управлению иностранными студентами // Годовой отчет об обучении иностранных студентов в Китае (2019 г.), март, 2020 г. С. 1.
2. Лю Инлинь, Ма Цзяньфэй, Чжао Гочэн. Стандарт оценки уровня владения китайским языком в преподавании китайского языка как иностранного (Национальный стандарт интерпретации текста). Изд-во Пекинского университета языка и культуры. Апрель, 2021. Т. 1. С. 1.
3. Министерство образования Китайской Народной Республики и Государственный комитет Китая по работе в области языка и письменности // Стандарт оценки уровня владения китайским языком в преподавании китайского языка как иностранного (Национальный стандарт интерпретации текста). Изд-во Пекинского университета языка и культуры. Апрель, 2021. С. 1 – 2.

References

1. Kitajskaya asociaciya vysshego obrazovaniya po upravleniyu inostrannymi studentami. Godovoj otchet ob obuchenii inostrannyh studentov v Kitae (2019 g.), mart, 2020 g. S. 1.

2. Lyu Inlin', Ma Czyan'fej, CHzhao Gochen. Standart ocenki urovnya vladeniya kitajskim yazykom v prepodavanii kitajskogo yazyka kak inostrannogo (Nacional'nyj standart interpretacii teksta). Izd-vo Pekinskogo universiteta yazyka i kul'tury. Aprel', 2021. S. 1 – 2.

kinskogo universiteta yazyka i kul'tury. Aprel', 2021. T. 1. S. 1.

3. Ministerstvo obrazovaniya Kitajskoj Narodnoj Respubliki i Gosudarstvennyj komite Kitaya po rabote v oblasti yazyka i pis'mennosti. Standart ocenki urovnya vladeniya kitajskim yazykom v prepodavanii kitajskogo yazyka kak inostrannogo (Nacional'nyj standart interpretacii teksta). Izd-vo Pekinskogo universiteta yazyka i kul'tury. Aprel', 2021. S. 1 – 2.

A NEW GUIDE TO INTERNATIONAL CHINESE LANGUAGE EDUCATION COMMENT ON THE LATEST "CHINESE PROFICIENCY GRADING STANDARDS FOR INTERNATIONAL CHINESE LANGUAGE EDUCATION"

*Ouyang Meihe, Professor,
Shanghai University of Political Science and Law, China*

Abstract: Chinese is the language spoken by most people in the world and one of the six official languages of the United Nations. However, the influence of international Chinese education is not compatible with the status quo of China as the world's second largest economy. The scientization, informatization, standardization of international Chinese education and the localization of the teaching staff are effective ways to promote the internationalization of Chinese education. This article discusses the background of the publication of the "*Chinese Proficiency Grading Standards for International Chinese Language Education*"(2021), studies the content of the "Standards" from the framework, and the guiding role of the "Standards" for future International Chinese Language Education. Under the requirements of the "Standards", corresponding measures should be taken in order to improve the standard of International Chinese Language Education.

Keywords: international chinese language education, "standards levels, countermeasures

ОСОБЕННОСТИ АКТУАЛИЗАЦИИ СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В КОНТЕКСТЕ БРЕКЗИТА

Бурдун Н.В.,

*Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации*

Аннотация: настоящая статья посвящена особенностям трансляция оценки и акцентирования актуальных для автора смысловых компонентов посредством использования фразеологических единиц (ФЕ) различной степени семантической сложности. Исследование проводилось на материале статей о Брексите. Использовались тексты изданий “The Economist” и “The Spectator” (2018-2019 гг.). Применен метод компонентного дефиниционного анализа, а также элементы коммуникативно-семантического анализа. Теоретической основой послужили работы А.В. Кунина, И.А. Стернина, В.Г. Гака, Н.М. Шанского. Установлено, что наиболее часто исследуемые фразеологизмы способствуют актуализации таких сем, как «неприятность» и «неразумность». Представлен соответствующий иллюстративный материал.

Ключевые слова: фразеологизм, фразеоматизм, идиома, Брексит, сема, структура фразеологического значения, контекст

Фразеологические единицы располагают значительным прагматическим потенциалом, что, как известно, служит одной из главных причин частого использования ФЕ в текстах прессы. Употребление ФЕ даже без окказиональных преобразований позволяет автору быстрее и эффективнее донести свой посыл до реципиента. В этой связи при изучении функционирования фразеологизмов в рамках определенного контекста представляется целесообразным рассмотреть роль ФЕ в трансляции коммуникативно значимых семантических компонентов, а также примеры взаимодействия фразеологизма с его контекстным окружением.

В качестве материала исследования выбраны тексты изданий “The Economist” и “The Spectator” (2018-2019 гг.). Все статьи посвящены проблеме Брексита и в большинстве случаев содержат критику, как самого решения о выходе из состава ЕС, так и процесса его реализации. Не случайно, по результатам компонентного дефиниционного и коммуникативно-семантического анализа 110 ФЕ (135 употреблений) было выявлено, что в структуре фразеологического значения исследуемых еди-

ниц, наиболее часто на первый план выходят такие семы, как «неприятность» и «неразумность».

В статье представлены конкретные случаи актуализации данных семантических компонентов посредством фразеологизмов. Для подтверждения наличия семы в структуре значения ФЕ, приводятся несколько словарных дефиниций фразеологизма, однако лексикографические источники используются вариативно ввиду отсутствия выбранной ФЕ в некоторых словарях.

Прежде всего, стоит обратить внимание на фразеоматизмы. Для этих единиц характерна невысокая степень семантической сложности и наличие компонентов, употребляемых в прямом значении. В таком случае сема может получать эксплицитное выражение, что повышает ее яркость:

*It provides her with the most powerful whipping device: support me or you might end up with this **disaster in waiting** [The Economist, 22/08/2018].*

*Theresa May's Brexit strategy is **brewing trouble** within her party [The Spectator, 08/04/2019].*

Таблица 1

Словарные дефиниции наиболее значимых лексических компонентов

Disaster – a sudden calamitous event bringing great damage, loss, or destruction broadly: a sudden or great misfortune or failure [9].

Trouble – a cause of distress, annoyance, or inconvenience [9].
--

В обоих примерах актуализируется ядерная для данных фразеологизмов сема «неприятность». Эксплицирующие сему слова обладают эмоционально-экспрессивной окраской, что позволяет дать резко отрицательную характеристику действиям Терезы Мэй и положению дел в стране.

Отметим также, что иногда сема, имея статус ядерной, но не самой яркой в структуре значения

фразеоматизма, в рассматриваемом контексте может значительно усиливаться и входить в актуальный смысл семантически реализуемой ФЕ:

*Anarchists such as Jacob Rees-Mogg and Dominic Raab, by contrast, regard a no-deal Brexit as a **bliss in disguise** [The Economist, 19/01/2019].*

Таблица 2

Словарные дефиниции ФЕ “blessing in disguise” и слова “anarchist”

Blessing in disguise – something that seems bad or unlucky at first, but results in something good happening later [5].	something that seems to cause problems , but that you later realize is a good thing [8].
An unfortunate event or situation that results in an unforeseen positive outcome [7].	If you say that something is a blessing in disguise, you mean that it causes problems and difficulties at first but later you realize that it was the best thing that could have happened [6].
Anarchist – someone who wishes to destroy the existing government and law [5].	

Так, в структуре значения фразеологизма “blessing in disguise” преобладает, как правило, положительный эмоциональный семантический компонент «благоприятный исход». При этом в рассматриваемом контексте происходит нейтрализация данной семы и усиление семы «неприятность» (диагностическим маркером является слово “anarchist”, значение которого содержит сему «разрушение» в качестве ядерного компонента). Таким образом, при погружении в контекст фразеологизм с положительной коннотацией приобретает обрат-

ное значение, актуализируя смысл «то, что повлечет за собой негативные последствия». В данном случае такая характеристика дается осуществлению выхода из ЕС без соглашения.

Еще более значительный прагматический эффект обеспечивается за счет использования идиом: *MPs kick the Brexit can down the road. Again. Where does this leave British politics? The simple answer is: as **stuck** as ever [The Economist, 19/10/2019].*

Таблица 3

Словарные дефиниции ФЕ “to kick the can down the road” и “to be stuck”

To kick the can down the road – (informal) to avoid or delay dealing with a problem [5].	to delay dealing with a serious problem in the hope that it will go away [8].
Especially in politics, to postpone or defer a definitive action, decision, or solution, usually by effecting a short-term one instead [7].	to postpone dealing with a problem until some later time [6].
To be stuck - in a difficult situation , or unable to change or get away from a situation [5].	

Фразеологизм “to kick the can down the road” обладает живой внутренней формой, которая, по словам А.В. Кунина, входит в коннотативный аспект идиоматического значения. Внутренняя форма данной идиомы основана на образном переосмыслении следующей ситуации: человек от нечего делать пинает по дороге жестяную банку. Так, коннотативный компонент значения выражает неодобрение, а функциональный компонент – принадлежность к разговорной речи (неофициальность звучания). Не случайно ФЕ имеет стилистическую помету “informal” (табл. 3).

Таким образом, наряду с семой «неприятность/тяжелое положение», которая является пе-

риферийной для фразеологизма, но получает эксплицитную лексическую поддержку, актуализируется смысл «откладывать на потом решение проблемы из-за нежелания ее решать», дается негативная оценка работе парламентариев и сложившейся ситуации.

Интерес представляет то обстоятельство, что фразеологизм, может способствовать актуализации семы, не имея ее в своей семантической структуре, однако дополняя семантическое содержание соседней лексемы, эксплицирующей данную сему:

*Brexit, **mother of all messes** [The Economist, 17/01/2019].*

Таблица 4

Словарные дефиниции ФЕ “the mother of sth” и слова “mess”

the mother of all (something) an extreme example of something [5].	used for emphasizing that something is very big, serious, or exciting [8].
The largest, most extreme , or ultimate example of a particular kind of thing [7].	used to say that something is larger, better, worse, etc., than all other things of the same kind [9].
Mess – a difficult situation with a lot of problems, especially because people have made mistakes [8].	

В представленном примере идиома “the mother of all” содержит семантический компонент «наивысшая степень/ максимальность» (табл. 4), который дополняет содержание семы «неприятность», эксплицируемой словом “mess”, семным конкретизатором. Такое сочетание семантических компонентов позволяет повысить экспрессивность негативной оценки, данной автором статьи явля-

нию Брекзита.

Распространенным является использование идиом для актуализации смысла «неспособность действовать разумно»:

The Brexit ultras are losing the plot. Tories holding true to the principles of liberal democracy [The Spectator, 26/07/18].

Таблица 5

Словарные дефиниции ФЕ “to lose the plot” и слова “ultra”

To lose the plot – to no longer be able to act normally or understand what is happening [5].	to no longer understand a situation or know how to deal with it [8].
If someone loses the plot, they become confused or crazy , or no longer know how to deal with a situation [7].	to become confused or crazy [9].
Ultra – (usually disapproving) a person who has extreme political or religious opinions, or opinions that are more extreme than others in the same political party, etc. [5].	

В данном случае на первый план выходит ядерная для фразеологизма сема «неразумность». В сочетании с неодобительно-оценочным значением слова “ultra” все это помогает в яркой форме транслировать оценку действий крайне правых сторонников Брекзита.

Для усиления прагматического эффекта наряду с актуализацией семы «неразумность» посредством ФЕ может осуществляться редупликация данного семантического компонента. Рассмотрим следующий отрывок:

*One possibility is that the ultras are making so much noise precisely because they have lost the war. Most Tory MPs regard them as nutters. Mrs May is determined to stick to her Brexit plan. And the party is in no mood for a leadership fight in the middle of the negotiations. **Taking over the asylum**. Yet the depressing truth is that it does matter. The hard-core Brexiteers exercise a gravitational pull on the party [The Economist, 6/10/18].*

Таблица 6

Словарные дефиниции ФЕ “lunatics have taken over the asylum”, слова “nutter”

Lunatics have taken over the asylum – The people least capable of running a group or organization are now in charge. Said especially when the result is total chaos or calamity [7].	The individuals who should be overseen or regulated are running the show [6].
Nutter – someone who is crazy, silly, or strange [5].	

В представленном примере посредством идиомы реализуется актуальный смысл «неспособность управлять, вызванная глупостью (слабоумием)». При этом как сам фразеологизм, хотя он и представлен в усеченном виде, так и редуплицирующее сему «неразумность» слово “nutter” содержат экспрессивно-оценочный семантический компонент (Табл.6), что способствует усилению данной семы и актуализации негативной коннотации. Таким образом, как и в предыдущем примере, осуждаются действия крайне правых сил, но в этот раз в более грубой и эмоциональной форме: выражается насмешка и пренебрежение.

Таким образом, проанализировав то, как посредством ФЕ в текстах рассматриваемой нами тематической группы актуализируются семы «неприятность» и «неразумность», удалось установить, что данные семы могут быть представлены эксплицитно за счет наличия в составе самой ФЕ

соответствующих лексических компонентов, что характерно для фразеоматизмов, также в случае с идиомами присутствовать в семантической структуре ФЕ, но получать эксплицитную лексическую поддержку и усиливаться за счет контекста, или же отсутствовать в структуре значения самой ФЕ, но за счет использования фразеологизма характеризоваться повышенной интенсивностью семантического признака. Отдельно стоит отметить, что особую экспрессивность транслируемой оценке придает использование идиом, обладающих живой внутренней формой, в сочетании с лексической редупликацией коммуникативно значимой семы.

Литература

1. Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики 1971. Москва: АН СССР Институт русского языка, 1972. С. 367 – 395.
2. Кунин А.В. Английская фразеология. Москва: Высш.школа, 1970. С. 15 – 97.
3. Стернин И.А., Саломатина М.С. Семантический анализ слова в контексте. Воронеж, 2011. 148 с.
4. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. Москва: Рус. язык, 1985. С. 52 – 55.
5. Cambridge dictionary: официальный сайт. Cambridge University Press, 2021. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения: 24.07.2021)
6. Collins dictionary: официальный сайт. Collins, 2021. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 24.07.2021)
7. Farlex dictionary of idioms: официальный сайт. Farlex, Inc., 2021. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 24.07.2021)
8. Macmillan dictionary: официальный сайт. Macmillan Education Limited, 2021. URL: <https://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения: 24.07.2021)
9. Merriam-Webster Dictionary: официальный сайт. Merriam-Webster, Inc., 2021. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 24.07.2021)

References

1. Gak V.G. K probleme semanticheskoy sintagmatiki. Problemy strukturnoj lingvistiki 1971. Moskva: AN SSSR Institut russkogo yazyka, 1972. S. 367 – 395.
2. Kunin A.V. Anglijskaya frazeologiya. Moskva: Vyssh.shkola, 1970. S. 15 – 97.
3. Sternin I.A., Salomatina M.S. Semanticheskij analiz slova v kontekste. Voronezh, 2011. 148 s.
4. SHanskij N.M. Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka. Moskva: Rus. yazyk, 1985. S. 52 – 55.
5. Cambridge dictionary: oficial'nyj sajt. Cambridge University Press, 2021. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (data obrashcheniya: 24.07.2021)
6. Collins dictionary: oficial'nyj sajt. Collins, 2021. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (data obrashcheniya: 24.07.2021)
7. Farlex dictionary of idioms: oficial'nyj sajt. Farlex, Inc., 2021. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/> (data obrashcheniya: 24.07.2021)
8. Macmillan dictionary: oficial'nyj sajt. Macmillan Education Limited, 2021. URL: <https://www.macmillandictionary.com/> (data obrashcheniya: 24.07.2021)
9. Merriam-Webster Dictionary: oficial'nyj sajt. Merriam-Webster, Inc., 2021. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (data obrashcheniya: 24.07.2021)

**SPECIAL ASPECTS OF THE SEMANTIC ACTUALIZATION OF THE
PHRASEOLOGICAL UNITS USED IN THE TEXTS ON BREXIT**

Burdun N.V.,

*Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*

Abstract: this article deals with the peculiarities of expressing evaluation and highlighting communicatively relevant semantic components by means of phraseological units (PUs) of various degrees of semantic opacity.

The research material was taken from the articles on Brexit published in “The Economist” and “The Spectator” in 2018-2019. The study used the method of component definition analysis, elements of communicative and semantic analysis. The theoretical basis includes the works of A.V. Kunin, I.A. Sternin, V.G. Gak, N.M. Shansky. It has been found that the phraseological units most often contribute to the actualization of such semes, as “trouble” and “unreasonableness”. The paper presents relevant illustrative material.

Keywords: phraseological unit, phraseomatism, idiom, Brexit, seme, phraseological meaning structure, context

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕРМИНОВ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ АВТОМОБИЛЕСТРОЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЖУРНАЛОВ)

*Кандрашкина О.О., кандидат филологических наук, доцент,
Самарский государственный технический университет*

Аннотация: лексический анализ технической терминологии является актуальным в связи с высокими темпами научно-технического прогресса. Цель статьи – выявить продуктивные способы словообразования терминов в сфере автомобилестроения. Выборка составила 650 специальных лексем из англоязычных научных статей. Методом исследования послужил морфологический анализ терминов. Исследование показало, что наиболее продуктивными способами терминообразования выступают синтаксический способ и морфологический способ словосложения. Анализ выявил, что двухсловные и трехсловные терминологические сочетания представляют репрезентативный тип терминов. Наиболее частотными структурными типами двухкомпонентных словосочетаний являются *N.+N.* (сущ.+сущ.), *N.+Ger.* (сущ.+герундий), *Adj.+Ger.* (прил.+герундий). Трехкомпонентные терминологические словосочетания в исследуемой терминосистеме чаще представлены моделями *N.+N.+N.* (сущ.+сущ.+сущ.) и *Adj.+N.+N.* (прил.+сущ.+сущ.). Такие многокомпонентные термины способствуют более точному и конкретному наименованию сложных процессов в автомобильной промышленности, свойств и характеристик автомобилей. Композитное терминообразование представляет репрезентативный подтип и составляет около 25% от всей выборки терминов. Структурный анализ композитов показал, что самыми распространенными типами сложных слов выступают прилагательные, образованные по модели *Adj.+N.* (прил.+сущ.), и прилагательные, где второй элемент представлен причастием II или причастием I (*V.+ -ed/-ing.*). Результаты анализа словообразовательных типов терминов автомобильной отрасли свидетельствуют о стремлении исследователей к краткости изложения и точности в номинации сложных понятий, характерных для данной терминосистемы.

Ключевые слова: морфологический анализ, производный термин словообразование, термин-компонит, терминологическое словосочетание, технический термин

Исследование терминологической лексики является одной из наиболее актуальных проблем раздела лексикологии. Потребность изучения и анализа терминов в научном дискурсе связана с непрерывным развитием различных сфер деятельности и ростом технического прогресса. Инновации в научно-технической сфере способствуют появлению новых терминов, характерных для сферы их употребления. Актуальность изучения словообразования терминов обусловлена стремительным развитием научного знания и необходимостью специалистов ориентироваться в англоязычной специальной лексике, соответствующей их профилю работы.

Цель статьи – выявить наиболее продуктивные способы словообразования терминов автомобилестроения и их основные структурные типы.

Материалом исследования послужила выборка 650 терминов из статей узкоспециализированных журналов *Automotive Engineering*, *Automotive Testing Technology International*, *the International Journal of Automotive Engineering*, *International Journal of Automotive and Mechanical Engineering* за 2020-2021 гг.

Ключевым понятием для нашей статьи выступает определение термина. Опираясь на исследования таких ученых как С.В. Гринев, Д.С. Лотте, О.С.Ахманова, Г.Г. Хакимова дает следующую обобщенную дефиницию термина как специальной лексической единицы, выполняющей особую функцию наименования специализированного и

профессионального понятия, которая и позволяет отличать его от других языковых единиц в языковой системе [7, с. 1138].

Термин является базовым понятием терминоведения, предметом которого выступают термины и их совокупности (терминологии и терминосистемы), а также закономерности складывания, конструирования, функционирования и использования этих совокупностей [6, с. 20].

Лингвисты выделяют ряд признаков, разграничивающие терминологическую и общеупотребительную лексику.

Основными дифференцирующими признаками специальной лексики, выделенные учеными, являются четкость и ограниченность значения терминов, дефинированность, однозначность толкования и стилистическая нейтральность [3, с. 27-29].

Существует классификация терминов по различным признакам. Для нашего исследования актуально разделение терминологических единиц на однословные (монологемные) и полилексемные (термины-словосочетания), и дальнейшее подразделение терминологических словосочетаний (ТС) на простые (состоящие из двух слов) и сложные, которые включают в себя более двух лексем.

Терминология технической сферы автомобилестроения в английском языке имеет определенные лексические особенности, обусловленные техническими спецификациями, названиями деталей, узлов, агрегатов и систем автомобиля.

Способы словообразования новых терминов подразделяются на морфологический, синтаксический и семантический [3, с. 67]. В контексте нашего исследования мы рассматривали морфологический и синтаксический способы пополнения терминологической лексики. Морфологический тип словообразования относится к наиболее продуктивным. Он заключается в прибавлении аффиксов (префиксов и/или суффиксов) к основе слова. Тип присоединяемой морфемы определяет производную лексическую единицу как префиксальную, суффиксальную или префиксально-суффиксальную.

Префиксы обладают собственным лексическим значением, способным изменять значение исходного слова, в отличие от суффиксов, которые меняют форму слова и, поэтому, являются формообразующими.

В технической сфере репрезентативны специальные лексемы, образованные при помощи префиксов греческого и латинского происхождения. В ходе анализа терминосистемы сферы автомобилестроения были выявлены продуктивные приставки *multi-* и *super-* латинского происхождения (37 терминов):

– *super-fast, supersport;*

– *multi-axis, multi-port, multi-mode, multi-laser, multi-material.*

Следует отметить, что некоторые исследователи относят препозитивные морфемы такого типа к аффиксоидам в силу их переходного характера между полнозначными словами и суффиксами [4, с. 6]. Основными отличиями аффиксоидов от аффиксов, по мнению лингвистов, являются фонетическая протяженность и этимология, так как большинство приставок такого типа изначально имело статус корневой морфемы [2, с. 37].

Производные прилагательные с приставкой *super-* несут такие значения как высшее качество, наибольшая выраженность признака и его превосходство.

Префикс *multi-* в префиксальных терминах указывает на значение множественности и полифункциональности.

Аффиксальные термины с словообразовательными элементами *hyper-* и *ultra-* не представляют репрезентативный подтип (27 слов):

– *hyper-dense, ultra-fast, ultra-reliable.*

Специальные лексемы с приставками *hyper-*, *ultra-*, *super-* обладают значением превосходства и употребляются при описании инновационных технологий в автомобилестроении.

В качестве терминоэлементов, выступающих в суффиксальной функции, используются морфемы

-ion/-tion и *-able/-ible*, при помощи которых образовано 78 терминов из общей выборки:

– *validation, suspension, transmission, electrification, simulation, indication, virtualization, dilution, calibration, intervention, differentiation, deceleration, acclimatization;*

– *wearable, parkable, combustible.*

Приведенные суффиксальные термины образованы от глагольной корневой морфемы. Их частотность определяется сферой употребления, и, помимо названий частей или узлов автомобиля (*suspension, transmission*), аффикс *-tion* в отглагольных существительных несет в себе лексическое значение процесса, действия, или результата этого процесса, выраженного корневой морфемой.

Лексический анализ выявил аффиксальные термины, представленные отглагольными прилагательными. Словоизменяющий суффикс *-ed* служит для образования простых прилагательных, которые указывают на признак или качество обозначаемого ими процесса или предмета. Производные термины такого типа насчитывают 67 слов:

– *tailored, standardized, related, manned, rugged, integrated, renowned, camouflaged, midsized.*

Среди суффиксальных терминов с морфемой *-ed* следует выделить композиты, образованные по модели **N.+P₂** (сущ. + прич. II):

– *streamlined, roof-mounted, sheet-based, fast-back-styled, touch-based, construction-related, vehicle-mounted, structure-borne, engine-powered, battery-powered.*

Сложнопроизводные прилагательные такого типа выполняют уточняющую и конкретизирующую функцию и способствуют краткости и точности излагаемого материала.

Репрезентативную выборку представляют и специальные лексемы, образованные с помощью суффикса *-ing* (56 единиц):

– *steering, seating, testing, proving, missing, supporting, platooning, restraining, networking, self-driving, sub-freezing.*

Отглагольные прилагательные с суффиксом *-ing* могут являться вторым элементом в сложных терминах, образованных по типу **N.+Adj.** (сущ.+прил.) (26 терминов):

– *path-following, time-saving, cost-saving.*

Одним из продуктивных способов пополнения терминологической лексики выступает словосложение, при котором несколько корневых морфем соединяются и образуют сложное слово или композит. Количественный анализ сложных терминов-композитов показал, что наибольшей продуктивностью обладает модель **Adj.+N.** (прил.+сущ.), где основы соединяются при помощи дефиса. В

ходе исследования в рамках данной модели были выявлены репрезентативные для терминосистемы автомобилестроения сложные прилагательные с первым элементом – прилагательным *low* или *high* (47 лексических единиц):

– *low-latency, low-amplitude, low-intensity, low-frequency, low-grip, high-precision, low-reliability, high-speed, high-performance, high-bandwidth, high-definition, high-volume;*

– *long-range, last-mile, single-source, wide-angle.*

Среди терминов, образованных при помощи словосложения частотными выступают сложные существительные (реже – глаголы), состоящие из двух основ, где определяющий компонент стоит перед определяемым и поясняет его значение:

– *spearhead, floorpan, drivetrain, powertrain, testbed, roadside, to greenlight.*

Результаты систематизации аффиксов по степени частотности показывают, что наибольшей продуктивностью в сфере терминообразования в автомобильной терминологии обладают аффиксы *in-, re-*, выступающие в префиксальной функции (36 терминов):

– *resurface, reorganization, recirculation, resupply; uncertainty, unmanned, unsurpassed, uneven, uncertainty.*

Особенностью технических статей автомобильной тематики является наличие сложных слов синтаксического типа, образованных посредством компрессии словосочетаний (24 термина):

– *driven-by-wire project, performance-to-weight ratios, angled-to-the-driver, once-in-a-century*

Вышеприведенные синтаксические сложные слова представляют собой обособившиеся синтагмы, сохранившие соединительные основы служебных слов. [1, с. 163].

В предметной области автомобилестроения синтаксический способ словообразования также считается продуктивным. Анализ специальной лексики выявил значительное количество двух- и трехкомпонентных ТС, среди которых можно выделить несколько структурных моделей их образования.

Использование двух- и многокомпонентных терминов в современных научных статьях по автомобильной промышленности обусловлено тем, что однословные термин не способны в полной мере удовлетворять требованиям научной коммуникации в наименовании сложных процессов, описаний, характеристик и свойств.

В настоящей статье частотным типом ТС выступают субстантивные словосочетания, компоненты которых соединены с помощью атрибутивной связи. В выборке двухкомпонентных терминов

(60 единиц) преобладают лексические единицы, образованные по следующим моделям:

1. **N.+N.** (сущ.+сущ.)

– *model validation, energy density, power duct, shock test, motion sickness, navigation path, chassis development, weldment fixture, component configuration, measurement microphone, automatic configuration.*

ТС такого типа представляют собой атрибутивные словосочетания с именем существительным в функции препозитивного определения, которое является определяющим элементом к ядерному элементу – существительному.

Следующий репрезентативный тип представляют модели двухсловных терминологических сочетаний, образованные по структурному типу:

2. **N.+Ger.** (сущ.+герундий) (37 ТС) / **Adj.+Ger.** (прил.+герундий) (46 ТС):

– *homologation testing, absolute positioning, relative positioning, vehicle testing, deconhesion modeling, pressure sensing.*

ТС этой модели – это атрибутивные словосочетания с прилагательным или существительным в функции препозитивного определения.

Многокомпонентные ТС, как правило, строятся на базе двухкомпонентных. Среди трехкомпонентных терминов (87 сочетаний) наиболее частотны терминологические сочетания, образованные по следующим структурным типам:

1. **N.+N.+N.** (сущ.+сущ.+сущ.):

– *drive test system, powertrain test cells, emissions test rooms, radar echo generator, road debris intrusion, pressure measurement solutions, energy absorption characteristics.*

2. **Adj.+N.+N.** (прил.+сущ.+сущ.):

– *road driving simulation, acoustic wind tunnels, integral process thermostats, hydraulic block manifold, gasoline fuel Injection, unmanned ground vehicles, geographical road structures, electromagnetic radiation monitoring, autonomous driving technologies.*

В большинстве случаев в целях краткости и экономичности излагаемого научного материала многокомпонентные терминологические словосочетания в научных статьях после первого употребления подвергаются инициальному (буквенному) типу сокращения – аббревиации:

– Mixed Mode Multi-Port Vector Network Analyzer (**MMVNA**)

– The Ford Automation Software Template (**FAST**)

– continuously variable valve lift (**CVVL**)

– port fuel injection (**PFI**)

– gasoline direct injection (**GDI**).

В ходе анализа англоязычных терминов в сфере

автомобилестроения было выявлено, что наиболее репрезентативным способом словообразования выступает синтаксический и морфологический способы. Наличие большого количества ТС обусловлено тем, что простые монолексемные термины не способны в достаточной мере передавать основные понятия и явления. Морфолого-синтаксический способ пополнения терминологической лексики тесно связан с синтаксическим, так как многокомпонентные терминологические сочетания после первого упоминания в статье в дальнейшем в тексте заменяются аббревиатурами. Исследование показало, что словосложение выступает достаточно продуктивным способом пополнения научно-профессиональной лексики. Композиты составляют около 25% терминов из выборки, и представляют собой сложные прилагательные, реже – существительные. Можно сделать вывод о том, что аффиксальные термины не представляют репрезентативный подтип. Префиксальные термины представлены производными словами с префиксами латинского происхождения. Наиболее репрезентативны префиксально-суффиксальные термины, что можно объяснить спецификой исследований в области автомобильной промышленности и потребностью в точных номинациях.

Литература

1. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. 376 с.
2. Ваганова Н.В. Морфемный статус препозитивного элемента multi – в английском и русском языках // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2013. № 1 (2). С. 36 – 40.
3. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение:

учебное пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2008 г. 304 с.

4. Дьячкова Е.С. Полусуффиксы и образования с ними в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. фил. наук. Барнаул, 2011. 22 с.

5. Елисеева В.В. Лексикология английского языка: учебник. СПб.: СПбГУ, 2003. 233 с.

6. Лейчик М.В. Терминоведение: предмет, методы, структура. М., книжный дом «Либроком», 2009. 256 с.

7. Хакимова Г.Г. Термин как лингвистическая единица, термин в теории терминополья // Вестник Башкирского университета. 2013. Т. 18. № 4. С. 1136 – 1142.

References

1. Arnol'd I.V. Leksikologiya sovremennogo anglijskogo yazyka: ucheb. posobie. M.: FLINTA: Nauka, 2012. 376 s.

2. Vaganova N.V. Morfemnyj status prepozitivnogo elementa multi – v anglijskom i russkom yazykah. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo. 2013. № 1 (2). S. 36 – 40.

3. Grinev-Grinevich S.V. Terminovedenie: uchebnoe posobie. M.: Izdatel'skij centr «Akademiya», 2008 g. 304 s.

4. D'yachkova E.S. Polusuffiksy i obrazovaniya s nimi v sovremennom anglijskom yazyke: avtoref. dis. ... kand. fil. nauk. Barnaul, 2011. 22 s.

5. Eliseeva V.V. Leksikologiya anglijskogo yazyka: uchebnik. SPb.: SPbGU, 2003. 233 s.

6. Lejchik M.V. Terminovedenie: predmet, metody, struktura. M., knizhnyj dom «Librokom», 2009. 256 s.

7. Hakimova G.G. Termin kak lingvisticheskaya edinica, termin v teorii terminopolya. Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2013. T. 18. № 4. S. 1136 – 1142.

**WORD-FORMATION ANALYSIS OF TERMS OF THE SUBJECT AREA
OF THE AUTOMOTIVE INDUSTRY (USING THE EXAMPLE
OF ENGLISH-LANGUAGE MAGAZINES)**

*Kandrashkina O.O., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Samara State Technical University*

Abstract: lexical analysis of technical terminology is gaining more attention due to the rapid scientific research and innovations. The purpose of the article is to reveal the most productive ways of word formation of terminology in the field of automotive engineering. The main method is a morphological analysis. 650 terms from journals and scientific articles were analyzed. The research revealed that the most productive types of word formation are composition and syntactic type of word building. Two- and three-word terminological combinations present the most frequent type of terms. Their usage enables to describe complex processes, properties and mechanisms in the automotive industry. The findings identify that terminological units consisting of two elements are formed according to the models *N.+N.* and *N.+Ger./ Adj.+Ger.* Terminological phrases made up of three elements are presented by the structural types like *N.+N.+N.* and *Adj.+N.+N.* Compounds account for about 25 % of the terms under analysis. The research showed that compound adjectives with the second element formed with -ed/-ing affixes and adjectives of structural type *Adj. + N.* represent the most common types of composition word formation. Lexical analysis of automotive terminology reflects a tendency for conciseness and accuracy in nominating complex notions and phenomena specific for this terminological system.

Keywords: compound term, derivative term, morphological analysis, technical term, terminological combination, word formation

ПОТЕНЦИАЛ ДИСТАНЦИОННОЙ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ВУЗА АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

*Синенко Т.Н., кандидат педагогических наук, доцент,
Волгоградский государственный технический университет*

Аннотация: статья посвящена анализу потенциала дистанционной формы обучения студентов английскому языку. Изменения, происходящие в современном образовании в связи с процессами глобализации и миграции народов, с одной стороны, и пандемией COVID-19, с другой стороны, привели к востребованности и распространению цифровизации образования, применению смешанного формата обучения студентов вузов.

Современный преподаватель иностранного языка должен владеть методикой проведения занятия как очного, так и дистанционного форматов, знать и уметь применять в практической деятельности интернет-ресурсы и информационно-коммуникативные технологии. В связи с этим особую важность приобретают приемы и методы дистанционного формата обучения, нацеленные на профессионально-коммуникативную подготовку будущего специалиста на занятиях по иностранному языку в вузе.

В процессе исследования были применены следующие методы: теоретический анализ педагогической и методической литературы по изучаемой проблеме, метод наблюдения и анализ педагогического опыта.

Результаты проведенного исследования заключаются в описании потенциала дистанционной формы обучения, характерных для данной формы обучения приемов и методов обучения иностранному языку наряду с описанием дидактических условий, способствующих эффективному усвоению знаний.

Полученные в ходе исследования результаты могут быть применены при подготовке будущих специалистов в высшей школе. Статья будет полезна преподавателям иностранного языка и специалистам, преподающим на курсах повышения квалификации.

Ключевые слова: цифровизация образования, дистанционная форма обучения, самостоятельная познавательная деятельность студентов, чат, подкаст, метод проектов

Среди множества вопросов, которые решает современная образовательная система Российской Федерации, проблематика, связанная с дистанционной формой обучения, занимает первое место. В условиях глобализации, связанной с этим востребованности высококвалифицированных специалистов, способных конкурировать на международном рынке труда, актуален вопрос подготовки вузами специалистов, владеющих иностранными языками, профессионально-коммуникативной компетенцией, современными цифровыми технологиями и осознающих необходимость постоянного повышения квалификации на протяжении всей жизни.

Подчеркивая значимость дистанционной формы обучения, Е.Л. Богданова [1] приходит к выводу о том, что информационно-коммуникативные технологии способствуют более эффективному решению определенных образовательных задач при условии наличия адекватной психолого-педагогической поддержки. Е.Л. Богданова подчеркивает то, что в некоторых ситуациях дистанционная форма обучения становится единственным шансом для человека получить высшее образование, подчеркивая то, что специфика информационно-коммуникационной образовательной среды требует соответствующих ей, специфических методов достижения развивающих образовательных эффектов.

Из вышесказанного следует, что современный преподаватель иностранного языка должен вла-

деть методикой проведения занятия как очного, так и дистанционного форматов, уметь применять в практической деятельности информационно-коммуникативные технологии, на практике владеть методами и приемами работы с разнообразными ресурсами сети Интернет в целях интенсификации образовательного процесса. В этой связи особую важность приобретает готовность преподавателя вуза к освоению существующих и к разработке новых приемов и методов для дистанционного формата обучения, нацеленных на профессионально-коммуникативную подготовку будущего специалиста на занятиях по иностранному языку в вузе. Последнее особенно актуально ввиду глобальной информатизации образовательного пространства.

Благодаря информатизации образовательного пространства современному преподавателю иностранного языка доступны разнообразные электронные учебники и пособия, онлайн-энциклопедии и словари, дидактические материалы и наглядно-иллюстративный материал, тренажеры для закрепления студентами пройденного лексического и грамматического материала, видео- и фотоматериалы (например, виртуальные экскурсии), цифровые библиотеки и пр. Излишне говорить о важности прохождения преподавателями вузов программ профессиональной подготовки и повышения квалификации онлайн, участии педагогов в международных онлайн-конференциях дистанционного формата.

Согласно Е.С. Полат и М.Ю. Бухаркиной [4] организация современного учебного процесса должна быть нацелена, с одной стороны, на дифференциацию учебного процесса с учетом уровня подготовки и способностей студентов, с другой стороны, на активизацию самостоятельной познавательной деятельности будущих специалистов.

Применение на занятиях по иностранному языку современных информационно-коммуникативных технологий, с нашей точки зрения, способствует мотивации учебной деятельности студентов вуза, активизации самостоятельной познавательной деятельности студентов, формированию навыков самостоятельной работы. Благодаря им каждый студент получает возможность (в случае необходимости) заниматься по индивидуальной траектории обучения, планируя собственную учебную деятельность сообразно собственному уровню знаний, способностям и исходя из наличия времени. Благодаря применению ресурсов сети Интернет и информационно-коммуникативных технологий преподаватель иностранного языка получает возможность разнообразить средства и приемы обучения, создать на продвинутом этапе обучения студентов профессионально-ориентированную учебную ситуацию, совершенствовать навыки аудирования и говорения будущих специалистов. Также, применяя аудио- и видеоматериалы, различные тренажеры, предназначенные для совершенствования лексических и грамматических навыков студентов, преподаватель получает также возможность совершенствовать письменную речь студентов при помощи ресурсов сети Интернет. При помощи вышеуказанных средств обучения преподаватель иностранного языка получает возможность привнести новизну в содержание учебного материала. Новизна технических средств и использование аудио- и видеоматериалов для проведения занятий различных форматов (занятий-дискуссий, занятий-экскурсий или, например, занятий-конференций) также положительно влияет на заинтересованность и стимулирует мотивацию студентов к дальнейшему изучению дисциплины «иностраный язык».

При формировании и совершенствовании навыков аудирования и устной речи, навыков чтения и письменной речи в условиях дистанционного формата обучения студентов иностранному языку в вузе целесообразно осуществлять организуя работу студентов в чате, применяя подкасты и метод проектов (веб-проектов).

Работа в чате (от англ. chat – «беседа») представляет собой текстовый диалог в сети Интернет, который ведут участники беседы в режиме онлайн (например, во время занятия). Преподаватель ино-

странного языка, как правило, работает с группой, состоящей из 8-10 студентов, такое количество участников чата позволяет использовать данное средство обучения наиболее эффективно. Проводя занятия по иностранному языку онлайн, например в SKYPE или Moodle, преподаватель получает возможность провести организационный момент, сообщить тему и цели занятия («закрепив» эту информацию в чате), организовать, в случае необходимости, выполнение ряда заданий в чате (как текстовом, так и голосовом). Так, иногда целесообразно вынести на обсуждение проблему соответствующую теме занятия, нацеленную на активизацию мыслительной, познавательной деятельности участников чата на конкретном занятии, предложив каждому студенту изложить свою точку зрения в чате. Преподаватель также может разместить или осуществить рассылку материалов, необходимых студентам для выполнения домашнего задания, материалов для следующего занятия.

В процессе работы в чате студенты получают возможность закрепить речевые клише, совершенствовать навыки письменной речи, в случае выполнения лексических и грамматических упражнений студенты совершенствуют лексико-грамматические навыки. Записи чата (т.н. «протокол» чата) доступны студентам и позволяют вернуться спустя некоторое время к необходимой информации, повторить пройденный на предыдущих занятиях материал, уточнить домашнее задание или скачать выложенный преподавателем материал в любое время.

Отметим то, что работе в чате должна предшествовать разъяснительная работа преподавателя, предупреждающая ряд ошибок студентов и касающаяся, прежде всего, соблюдения правил поведения при работе в чате (например, вовремя выходить онлайн) и уважения других участников чата (не перебивать друг друга, пользоваться функцией «поднятая рука») и пр. Также преподавателю иностранного языка следует заранее обратить внимание студентов на то, что общение в чате ведется на изучаемом иностранном языке и необходимо обратить внимание как на орфографию, грамматику, так и на правильность употребления лексических единиц и речевых клише в записях чата. С целью предупреждения ошибок рекомендуется заранее ознакомить студентов с лексикой и речевыми клише, соответствующими тематике следующего занятия.

Работа с подкастами. Понятие «подкастинг» восходит к английскому слову «broadcast». В «Словаре языка средств массовой информации США» данное понятие определяют как «процесс

передачи информации широкой публике посредством электромагнитной энергии» [5, с. 78].

В контексте современных образовательных технологий под подкастингом понимают процесс создания и распространения аудио- или видеотрансляций (т.е. подкастов) во всемирной паутине. Подкаст представляет собой аудио- или видеозапись, которая может быть сделана любым пользователем и размещена в сети Интернет для прослушивания или просмотра. Подкасты подразделяют на аутентичные (созданы для носителей языка и посвящены реалиям жизни в конкретной стране) и учебные (созданы для учебных целей) [9].

Учебные подкасты подразделяют на группы, ориентируясь, прежде всего, на уровень владения студентами вуза изучаемым иностранным языком.

К первой группе мы относим подкасты, которые посвящены разнообразным ситуациям общения и реалиям повседневной жизни, традициям и культуре конкретной страны (стран) изучаемого языка. Как правило, подкасты данной группы могут быть записаны как носителями языка, так и путешественниками, не являющимися носителями языка [3]. Подкасты данной группы целесообразно применять на начальном этапе изучения иностранного языка, поскольку они демонстрируют реальные ситуации общения и знакомят студентов с разговорной речью носителей языка, и, обращают внимание обучающихся иностранному языку студентов на наличие диалектов и акцентов, способствуют закреплению речевых клише и пройденного лексико-грамматического материала соответствующего начальному уровню. С помощью подкастов, посвященных культуре, традициям, достопримечательностям и истории страны изучаемого языка преподаватель иностранного языка может заинтересовать и мотивировать студентов к дальнейшему изучению иностранного языка.

Ко второй группе учебных подкастов следует отнести профессионально-ориентированные подкасты адресованные, прежде всего, студентам, владеющим изучаемым иностранным языком на продвинутом уровне и заинтересованным в изучении определенного подязыка в соответствии с избранным будущим специалистом профессиональным направлением. Профессионально-ориентированные подкасты чаще всего посвящены трудовым обязанностям специалистов различных профилей, иногда в сети Интернет размещают подкасты содержащие обзорные экскурсии по предприятиям. Такого рода подкасты нацелены, прежде всего, на привлечение потенциальных сотрудников из числа обучающихся студентов-старшекурсников различных стран, свободно владеющих иностранным языком (чаще, английским)

и заинтересованных в прохождении стажировки и последующем конкурсном отборе, дающем право на трудоустройство на предприятиях какого-либо крупного консорциума.

Работа с профессионально-ориентированными подкастами помогает преподавателю создать на занятии профессионально-ориентированную учебную ситуацию, а студенту – изучить новую и/или закрепить ранее пройденную терминологию, совершенствовать навыки аудирования, лексико-грамматические навыки (в случае выполнения заданий по содержанию прослушанного или просмотренного подкаста) и получить представление о будущей профессиональной среде, адаптироваться к ней.

К третьей группе подкастов следует отнести подкасты общенаучной направленности, адресованные магистрантам и аспирантам, научным сотрудникам и посвященные актуальной научной проблематике, научным публикациям. Многие подкасты данной группы записаны начинающими учеными, они бесплатны, доступны на YouTube, имеют определенную периодичность издания.

Метод проектов. Согласно Е.С. Полат метод проектов представляет собой «способ интеллектуального и нравственного развития учащихся в процессе совместной деятельности учителя и учащегося над разрешением возникающей проблемной ситуации» [2, с. 350]. В зависимости от преобладающей в процессе разработки проекта деятельности и особенностей ее организации проекты подразделяют на исследовательские, поисковые, творческие, информационные, ролево-игровые (по преобладающему в проекте виду деятельности); моно- и междисциплинарные проекты (по предметно-содержательной области); по характеру координации проекты могут быть явной координации и скрытой координации; по характеру контактов проекты подразделяют на внутривузовские, региональные и международные; ориентируясь на количество участников проекты могут быть индивидуальными, парными или выполненными группой студентов; по продолжительности проекты подразделяют на краткосрочные (студенты работают над ними в течении 2-3 занятий), на среднесрочные (от месяца до полугода) и на долгосрочные (работа над долгосрочным проектом длится от полугода до года) [2, с. 350].

Говоря о применении метода проектов при обучении студентов 1 курса иностранному языку в вузе, заметим, что студенты работают с междисциплинарными проектами, как правило, социокультурной тематики, посвященными исследованию культуры, традиций, страноведческих реалий англоговорящих стран. Студенты 2 курса выполняют междисциплинарные проекты по профессио-

нально-ориентированной тематике. Магистранты разрабатывают междисциплинарные проекты как по профессионально-ориентированной тематике, так и общенаучной направленности. Поскольку проектная деятельность осуществляется студентами вуза в рамках выполнения семестровой работы, то на разработку и подготовку проекта по иностранному языку (английскому) у студентов, как правило, уходит от 2-3 месяца.

Метод проектов позволяет эффективно организовать не только аудиторную учебную деятельность студентов, но и способствует приобретению навыков самостоятельной работы студентов вуза по дисциплине «иностранному языку» [6, 7, 8]. Преподаватель иностранного языка, применяя метод проектов, создает учебную ситуацию, которая, с одной стороны, нацелена на решение профессионально-ориентированных задач, а с другой стороны, способствует приобретению будущими специалистами навыков эффективного межличностного взаимодействия в профессиональной деятельности и на формирование межэтнической толерантности. В процессе выполняемой в сотрудничестве учебной деятельности по разработке, подготовке и реализации проекта студенты приобретают навыки работы в команде, навыки организаторской деятельности и самоконтроля [11].

Метод проектов используют как в традиционной системе обучения, так и в смешанном и дистанционном форматах обучения. Современные информационные образовательные технологии позволяют осуществлять подготовку и реализацию веб-проектов, в основе которых находятся информационно-коммуникативные технологии, применяемые участниками проекта в качестве средства связи, например, ведение студентами переписки в чате онлайн, общение студентов в блоге, применение электронной почты в учебных целях.

И.В. Харламенко подчеркивает то, что веб-проекты предоставляют изучающим иностранный язык студентам возможность наладить общение с носителями языка, работать с аутентичными источниками во время подготовки необходимых для реализации проекта материалов [10].

В процессе разработки проекта студенты осуществляют поиск необходимой информации в сети Интернет. Работая с иноязычными текстами, студенты закрепляют ранее усвоенную лексику (терминологию по специальности), знакомятся с новыми лексическими единицами (на продвинутом этапе - терминологическими единицами). Студенты также совершенствуют навыки чтения и перевода иноязычных текстов, проводят анализ соответствия найденного материала тематике выполняемого проекта по заданным критериям, стремясь избежать избыточности текста, студенты учатся

извлекать основную информацию, реферировать текст по специальности. Следовательно, на этапе разработки проекта, студенты расширяют словарный запас, совершенствуют навыки поискового чтения и письменной речи.

В процессе работы в сотрудничестве над проектом в малых группах студенты совершенствуют навыки устной речи, общаясь на иностранном языке на сайте (решают организационные вопросы, вносят предложения, взаимодействуют по вопросам внесения каких-либо изменений, дополнений вносимых в совместно разрабатываемый проект). В этом случае студенты получают возможность совершенствования навыков устной речи (преимущественно диалогического характера), в частности, имеет место закрепление речевых клише выражающих одобрение (неодобрение), согласие (несогласие) с каким-либо вопросом и т.п., совершенствуют навыки постановки вопросов разного типа.

На этапе демонстрации выполненного проекта студенты совершенствуют навыки аудирования и устной речи. Студент, выступающий с презентацией по теме проекта (при проведении видеоконференции такую возможность получают несколько студентов), приобретает опыт монологического изложения сути проекта, на практике демонстрирует степень владения пройденным ранее лексико-грамматическим материалом. На данном этапе студенты учатся аргументировать свою точку зрения относительно соответствия (несоответствия) проекта тем или иным критериям, совершенствуют навыки ведения дискуссии.

Ввиду процессов глобализации и цифровизации, характеризующих современный социум, одной из наиболее актуальных проблем современной системы высшего образования является обновление как содержания образования, так и используемых в процессе обучения иностранному языку методов, приемов и средств обучения. Именно применение разнообразных средств и методов обучения, в том числе характерных для дистанционной формы обучения иностранному языку (английскому), таких как работа в чате при проведении онлайн занятий, использование учебных подкастов на занятиях и проектная деятельность способны привнести новизну в образовательный процесс, разнообразить формы занятий (занятия-видеоконференции, занятия-дискуссии и пр.), обеспечить взаимодействие с носителями языка и др. и тем самым мотивировать студентов к изучению иностранных языков. Несомненно, смешанная модель обучения позволяет преподавателю иностранного языка, с одной стороны, несколько разнообразить формы работы, заданий на занятиях, обновить содержание образования и предоста-

вить возможность каждому студенту образовательные возможности большие в сравнении с традиционной формой обучения. С другой стороны, актуальны вопросы качества образования, в частности, контроля усвоения студентами учебного материала, актуальности учебного контента и ответственного отношения студента к собственной учебе, планированию промежуточных и достижения итоговых результатов в процессе обучения в вузе, в том числе и на занятиях по английскому языку.

Литература

1. Богданова Е.Л., Прохорова М.Л. Гуманизация дистанционного образования в условиях модернизации высшей школы. М.: Изд-во СГУ, 2009. 162 с.
2. Методика обучения иностранным языкам: традиции и современность / Под ред. А.А. Миролюбова. Обнинск: Титул, 2010. 464 с.
3. Одинокая М.А., Несветова С.Л. Учебные подкасты в обучении иностранному языку студентов технического вуза // Интерактивная наука. 2017. № 4 (14). С. 61 – 63
4. Полат Е.С., Бухаркина М.Ю. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студентов высш. учеб. Заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2007. 368 с.
5. Р. Терри Элмор Словарь языка средств массовой информации США. М.: Рус. яз., 1992. 668 с.
6. Синенко Т.Н. О готовности преподавателя иностранного языка к организации самостоятельной работы студентов // Современный ученый. 2019. № 6. С. 98 – 104.
7. Синенко Т.Н. Особенности реализации метода проектов на занятиях по иностранному языку в вузе // Современный ученый. 2019. № 3. С. 159 – 164.
8. Синенко Т.Н., Залипаева О.А. Информационные образовательные технологии в вузе (на примере занятий по иностранному языку) // Вестник педагогических наук. 2021. № 2. С. 112 – 116.
9. Сысоев П.В. Подкасты в обучении иностранному языку // Язык и культура. 2014. № 2 (26). С. 189 – 201.

10. Харламенко И.В., Титова С.В. Вики-проект в обучении иностранному языку в вузе // Преподаватель XXI век. 2018. № 4. С. 112 – 126.

11. Sinenko T.N. Formation Of Interethnic Tolerance Through Educational Situations At Foreign Language Classes. European Publisher; 2021; Available from: doi:10.15405/epsbs.2021.05.195

References

1. Bogdanova E.L., Prohorova M.L. Gumanizaciya distancionnogo obrazovaniya v usloviyah modernizacii vysshej shkoly. M.: Izd-vo SGU, 2009. 162 s.
2. Metodika obucheniya inostrannym yazykam: tradicii i sovremennost'. Pod red. A.A. Mirolyubova. Obninsk: Titul, 2010. 464 s.
3. Odnokaya M.A., Nesvetova S.L. Uchebnye podkasty v obuchenii inostrannomu yazyku studentov tekhnicheskogo vuza Interaktivnaya nauka. 2017. № 4 (14). S. 61 – 63
4. Polat E.S., Buharkina M.YU. Sovremennye pedagogicheskie i informacionnye tekhnologii v sisteme obrazovaniya: ucheb. posobie dlya studentov vyssh. ucheb. Zavedenij. M.: Izdatel'skij centr «Akademiya», 2007. 368 s.
5. R. Terri Elmor Slovar' yazyka sredstv massovoj informacii SSHA. M.: Rus. yaz., 1992. 668 s.
6. Sinenko T.N. O gotovnosti prepodavatelya inostrannogo yazyka k organizacii samostoyatel'noj raboty studentov. Sovremennyj uchenyj. 2019. № 6. S. 98 – 104.
7. Sinenko T.N. Osobennosti realizacii metoda proektov na zanyatiyah po inostrannomu yazyku v vuze. Sovremennyj uchenyj. 2019. № 3. S. 159 – 164.
8. Sinenko T.N., Zalipaeva O.A. Informacionnye obrazovatel'nye tekhnologii v vuze (na primere zanyatij po inostrannomu yazyku). Vestnik pedagogicheskikh nauk. 2021. № 2. S. 112 – 116.
9. Sysoev P.V. Podkasty v obuchenii inostrannomu yazyku. YAzyk i kul'tura. 2014. № 2 (26). S. 189 – 201.
10. Harlamenko I.V., Titova S.V. Viki-proekt v obuchenii inostrannomu yazyku v vuze. Prepodavatel' XXI vek. 2018. № 4. S. 112 – 126.
11. Sinenko T.N. Formation Of Interethnic Tolerance Through Educational Situations At Foreign Language Classes. European Publisher; 2021; Available from: doi:10.15405/epsbs.2021.05.195

THE POTENTIAL OF THE DISTANCE FORM OF TEACHING ENGLISH TO UNIVERSITY STUDENTS

*Sinenko T.N., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Volgograd State Technical University*

Abstract: the article is devoted to the analysis of the potential of the distance form of teaching English to university students. The changes taking place in modern education in connection with the processes of globalization and migration of peoples, on the one hand, and the COVID-19 pandemic, on the other hand, have led to the demand and spread of digitalization of education, the use of a mixed format of teaching university students.

A modern teacher of a foreign language should be familiar with the methods of conducting classes in both full-time and remote formats, know and be able to apply Internet resources and information and communication technologies in practical activities. In this regard, the techniques and methods of distance learning aimed at professional and communicative training of a future specialist in foreign language classes at a university are of particular importance.

In the course of the study, the following methods were used: theoretical analysis of pedagogical and methodological literature on the studied problem, the method of observation and analysis of pedagogical experience.

The results of the study are the description of the potential of the distance learning form, the techniques and methods of teaching a foreign language characteristic of this form of learning, along with the description of didactic conditions that contribute to the effective assimilation of knowledge.

The results obtained in the course of the study can be applied in the training of future specialists in higher education. The article will be useful for foreign language teachers and specialists who teach advanced training courses.

Keywords: digitalization of education, distance learning, project method, independent cognitive activity of students, chat, podcasting

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТОПОНИМОВ КИТАЯ И РОССИИ В РАМКАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

*Ши Цзялу, аспирант,
Российский университет дружбы народов*

Аннотация: в рамках статьи проводится лингвистический анализ топонимов Китая и России, проводится сравнительное исследование семантических и лексических особенностей номинации топонимов на примере китайского и русского языков. В статье дается определение топонимов, представлена их общая специфика. В процессе исследования проводится анализ особенностей образования топонимов в сопоставимых языках. В процессе проведения исследования предпринята попытка проведения комплексного лингвистического исследования китайских и русских топонимов в рамках представительного анализа. В результате проведенного исследования доказано, что в русском языке топонимы непосредственно связаны с конкретными реальными событиями, существующими личностями и историческими фактами. В то же время, топонимы китайского языка отражают эстетическое восприятие китайской нации и носят характер метафоричности и образности.

Полученные в процессе исследования практические результаты могут быть использованы в педагогической практике при преподавании китайского и русского языка, переводоведении, сравнительном языковедении. Кроме того, материалы статьи могут быть использованы для составления пособия, которое будет включать в себя номинации топонимов на китайском и русском языке.

Ключевые слова: лингвистический анализ, сравнительное языковедение, топонимы, номинация топонимов

Введение

В настоящее время среди лингвистов неоднократно подчеркивалась актуальность исследования топонимов, что обусловлено совокупностью разных факторов. Так, необходимость исследования номинации топонимов Китая обусловлена, прежде всего, тем, что такое исследование позволяет выявить характерные особенности функционирования такой лексики. Кроме того, актуальность исследования обусловлена необходимостью осуществления сопоставительного анализа номинации топонимов в контексте разных языков для определения соответствующих особенностей семантического и лексического характера в номинации таких единиц на примере Китая и России.

В современных научных источниках предпринимались попытки проведения лингвистического анализа топонимов. Исследованием топонимических единиц в качестве компонентов языковой картины мира занимались Ф.Г. Фаткуллина [6], Г.Т. Омарова [4] и другие ученые. В рамках А.С. Кравченко [2], Ш. Шао, А.С. Космачевой [1] и других исследователей проводился анализ топонимических единиц в китайском языке. Сопоставительным исследованием топонимических единиц в китайском и русском языке занимались такие исследователи, как С.Н. Сокольникова [5], Л. Лю [3] и других ученых.

Выступая конкретным лексическим пластом, топонимы, как справедливо отмечает С.Н. Сокольникова, включают в себя соответствующую информацию исторического и культурного характера, которая, в свою очередь, выступает доста-

точно важным элементом языковой картины мира. Благодаря такой информации, – пишет ученый, происходит аккумуляция соответствующих особенностей национального характера и этнического опыта народа в зависимости от языка [5, с. 325].

Таким образом, проведение сравнительного лингвистического исследования топонимов Китая и России в рамках представительного анализа способствует определению специфики номинации топонимических единиц, особенностей языковой картины мира сопоставимых языков. Выделенные обстоятельства в особенности повышают уровень актуальности исследуемой темы для китайского и российского общества, в силу повышения межкультурного взаимодействия между странами.

Цель исследования: определение основных семантических и лексических особенностей топонимов Китая и России в рамках проведения лингвистического анализа в процессе осуществления представительного анализа.

Организация исследования

Для проведения лингвистического анализа топонимов Китая и России в рамках представительного анализа, первоначально мы провели исследование общей специфики топонимов.

Разделом ономастики является топонимика, исследующая собственные имена. Данный раздел науки, как следует подчеркнуть, находится на стыке географии, истории и языковедения.

Топонимика, по мнению Г.Т. Омаровой, направлена на исследование географических названий, принимая во внимание их значение эти-

мологического характера, содержание и структуру, исторические трансформации и ареал распространения топонимических единиц [4]. Согласно терминологическому определению, представленному в работе современных исследователей, топонимы – это лексика, которая непосредственно обозначает географические названия [7, с. 1935].

Благодаря топонимам, как справедливо отмечается в научных изысканиях китайского ученого Лю Лу, можно исследовать культурологический и лингвистический концепт национального места, к которому принадлежат соответствующие топонимические единицы [3, с. 100].

Кроме того, в рамках настоящего исследования было целесообразно остановиться на исследовании особенностей образования топонимов в сопоставимых языках.

При рассмотрении основных способов образования топонимических единиц в русском языке следует указать на тот факт, что в топонимии русского языка наиболее характерно суффиксальное образование:

- *ск* (Подольск, Волжск);
- *ин* (Ступино, Люблино);
- *ев* (Пузево, Лосево);
- *ов* (Тамбов и т.д.).

В письме русского языка топонимические единицы всегда обозначаются начальной прописной буквой, дефис в топонимах русского языка так же используется в ряде случаев.

Что же касается способов образования топонимов в Китае, то их образование, прежде всего, обусловлено мотивами геополитического и исторического характера. Китайская Народная Республика, как следует подчеркнуть, оставалась долгое время закрытой от внешнего мира. Именно поэтому в государстве была сформирована уникальная по своей структуре и своеобразная культура, которая не подвергалась никакому внешнему влиянию. А.С. Кравченко пишет, что в Китае под топонимами принято понимать лексику, которая была сформирована в результате способа сложения корней. Такая система образования топонимических единиц, как справедливо подчеркивает исследователь, выражена с помощью китайских иероглифов, которые выступают одним из способов фиксации мировой картины [2, с. 376]. Выделим основные модели образования топонимов в Китае:

- числительное + существительное:
- 三水 [Саньшуй] – «три реки»;
- существительное + существительное:
- 安康 [Анькан] – «спокойствие» + «здоровье»;
- прилагательное + существительное:
- 南山 [Наньшань] – «южные горы».

В результате практически полной неизменности китайских иероглифов, топонимы Китая сохранили изначальную семантическую структуру в течение долгого исторического периода.

В топонимике Китая наиболее известными формантами выступают следующие:

- 南 [нань] – юг;
- 运河 [юньхэ] – канал;
- 湖 [ху] – озеро;
- 源、泉 [юань, цюань] – источник, ручей;
- 江、河 [цзян, хэ] – река;
- 海 [хай] – море;
- 湾 [вань] – залив;
- 北 [бэй] – север;
- 岗 [ган] – холм;
- 峰 [фэн] – вершина;
- 滩 [тань] – мель;
- 岛 [дао] – остров;
- 庙 [мяо] – храм;
- 屯 [тунь] – поселение;
- 路 [лу] – дорога;
- 山 [шань] – гора;
- 林 [лин] – лес;
- 土 [ту] – земля;
- 岸 [ань] – берег;
- 沟 [гоу] – ров и т.д.

В результате присутствия в китайском языке таких формантов топонимических единиц можно получить исходную информацию о соответствующем объекте географического характера, определить гидронимы, ойконимы, оронимы, т.е. наиболее распространенный вид топонимической единицы.

Результаты исследования

В результате проведенного исследования было установлено, что топонимы в русском языке, прежде всего, связаны с отражением конкретных исторических личностей и фактов исторического характера.

В то же время, китайские топонимы отражают непосредственное эстетическое восприятие китайской науки и имеют характер метафоричности и образности.

Если обратиться к структуре топонимов, то можно обнаружить тот факт, что они отражают знания и культуре и языке страны, мировосприятия и этническом опыте нации в собственной языковой семантике.

Сопоставительное исследование свидетельствует о том, что в большей степени это отражается на примере китайского языка, в котором представлено множество иероглифов, по структуре практически не изменяющейся. Исследование поз-

волило сделать вывод о наличии определенных общих и различных семантических и лексических особенностей топонимов в Китае и России.

Литература

1. Космачева А.С., Шао Ш. Особенности топонимов в китайском языке // Язык и культура: сб. ст. XXVI Междунар. науч. конф. Томск: НИТГУ, 2016. С. 204 – 206.
2. Кравченко А.С. Особенности формирования топонимики Китая // Современные научные исследования и разработки. 2018. № 11 (28). С. 375 – 377.
3. Лю Лу. Способы и мотивы наименования географических объектов в китайском и русском языках // Литера. 2021. № 5. С. 97 – 105.
4. Омарова Г.Т. Теоретические проблемы изучения топонимов: онтологический и гносеологический аспекты [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusnauka.com/4_SND_2012/Philologia/3_99890.doc.htm (дата обращения: 20.07.2021)
5. Сокольников С.Н. Сопоставительное исследование топонимов русского и китайского языков // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 6 (31). Ч. 1. С. 324 – 326.
6. Фаткуллина Ф.Г. Топонимическая лексика как отражение национальной языковой картины мира // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2014. № 3. Т. 1. С. 212 – 225.
7. Ши Цзялу. Сравнительный анализ топонимов в русском и китайском языках в аспекте лексико-семантических особенностей номинации // Фило-

логические науки. Вопросы теории и практики. 2021. № 6. С. 1934 – 1937.

References

1. Kosmacheva A.S., SHao SH. Osobennosti toponimov v kitajskom yazyke. YAzyk i kul'tura: sb. st. XXVI Mezhdunar. nauch. konf. Tomsk: NITGU, 2016. S. 204 – 206.
2. Kravchenko A.S. Osobennosti formirovaniya toponimiki Kitaya. Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki. 2018. № 11 (28). S. 375 – 377.
3. Lyu Lu. Sposoby i motivy naimenovaniya geograficheskikh ob"ektov v kitajskom i russkom yazykah. Litera. 2021. № 5. S. 97 – 105.
4. Omarova G.T. Teoreticheskie problemy izucheniya toponimov: ontologicheskij i gnoseologicheskij aspekty [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.rusnauka.com/4_SND_2012/Philologia/3_99890.doc.htm (data obrashcheniya: 20.07.2021)
5. Sokol'nikova S.N. Sopostavitel'noe issledovanie toponimov russkogo i kitajskogo yazykov. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2011. № 6 (31). CH. 1. S. 324 – 326.
6. Fatkullina F.G. Toponimicheskaya leksika kak otrazhenie nacional'noj yazykovoj kartiny mira. European Social Science Journal (Evropejskij zhurnal social'nyh nauk). 2014. № 3. T. 1. S. 212 – 225.
7. SHi Czyalu. Sravnitel'nyj analiz toponimov v russkom i kitajskom yazykah v aspekte leksiko-semanticheskikh osobennostej nominacii. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2021. № 6. S. 1934 – 1937.

LINGUISTIC ANALYSIS OF CHINA AND RUSSIAN TOPONYMS WITHIN THE FRAMEWORK OF REPRESENTATIVE ANALYSIS

*Shi Jialu, Postgraduate,
Peoples' Friendship University of Russia*

Abstract: within the framework of the article, a linguistic analysis of toponyms of China and Russia is carried out, a comparative study of the semantic and lexical features of the nomination of toponyms is carried out on the example of the Chinese and Russian languages. The article gives a definition of toponyms, presents their general specificity. In the course of the research, the analysis of the peculiarities of the formation of toponyms in comparable languages is carried out. In the course of the research, an attempt was made to conduct a comprehensive linguistic study of Chinese and Russian toponyms within the framework of a representative analysis. As a result of the study, it was proved that in the Russian language, toponyms are directly related to specific real events, existing personalities and historical facts. At the same time, the place names of the Chinese language reflect the aesthetic perception of the Chinese nation and are metaphorical and imaginative.

The practical results obtained in the process of research can be used in pedagogical practice in teaching Chinese and Russian languages, translation studies, comparative linguistics. In addition, the materials of the article can be used to compile a manual, which will include nominations of toponyms in Chinese and Russian.

Keywords: linguistic analysis, comparative linguistics, toponyms, nomination of toponyms

ХРИСТИАНСКАЯ МЕТАФОРА В ИТ ДИСКУРСЕ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

*Козышкова А.Д., кандидат филологических наук,
Нижегородский государственный педагогический университет
им. Козьмы Минина (Мининский университет)*

Аннотация: в статье анализируются значения слов, относящихся к тематической сфере «христианство», в современном ИТ дискурсе. Рассматриваются слова *библия*, *скрижали* и *православный*, используемые в сфере общения специалистов по информационным технологиям, в функциональном, семантическом и когнитивном аспектах. В отличие от других ИТ жаргонизмов, имеющих «христианское» происхождение (*апостол*, *евангелист*, *визионер*), которые являются терминологическими обозначениями, эти лексемы чаще реализуют метафору как риторический троп. Жаргонная семантика этих слов отчасти связана с общеязыковыми вторичными (нерелигиозными) значениями, однако именно в ИТ дискурсе обнаруживается их живое метафоричное употребление, которое имеет свойственную профессиональной коммуникации ироничность. Вместе с тем, устойчивость метафорического употребления этих лексем в текстах профессиональной сферы ИТ позволяет говорить о том, что христианская лексика реализует в дискурсе когнитивную метафору «ИТ – религия», которая приобретает национальную специфику, поскольку ее репрезентация оказывается отчасти соотнесена с русскоязычными культурными стереотипами.

Ключевые слова: дискурс, язык программистов, жаргонизм, христианская лексика, метафора

Понятие дискурса продолжает быть актуальным и востребованным в современных лингвистических исследованиях, позволяя соединить изучение языка в его функционировании с осмыслением его семантической структуры. По словам Н.Д. Арutyоновой, дискурс «обращен к ментальным процессам участников коммуникации: этнографическим, психологическим и социокультурным правилам и стратегиям порождения и понимания речи в тех или других условиях» [2, с. 136-137].

В настоящей работе мы опираемся на определение дискурса, данное в Лингвистическом энциклопедическом словаре: «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. – факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [2, с. 136-137]. Обращаясь к изучению христианской лексики в определенной сфере коммуникации, важно проследить функции и специфические значения исследуемых лексем, связанные с экстралингвистическими компонентами дискурса, с одной стороны, и когнитивными процессами, с другой.

Под ИТ дискурсом в настоящей работе мы понимаем коммуникативный дискурс представителей индустрии информационных технологий: программистов, веб-разработчиков, менеджеров ИТ-компаний, специалистов по продвижению технологий и цифровых продуктов и т.д. Источником исследования стал профессиональный информационный ресурс в сети Интернет Хабрахабр (<https://habr.com>). Этот сайт является коллективным блогом представителей сферы информационных технологий. Материалы Хабрахабра – это и профессионально-деловые тексты (обзоры, ин-

струкции), и журналистские работы (интервью, новостные заметки), в том числе переводы, и жанры неформального общения: комментарии, форумы. Тематическая и жанровая неоднородность текстов определяет лексико-стилистические особенности исследуемого материала: термины профессиональной области «информационные технологии» соседствуют с жаргоном, сленгом и просторечием.

Центром внимания в настоящей работе являются слова, которые обнаруживают специфическое метафорическое употребление в ИТ дискурсе: лексемы *библия*, *скрижали* и *православный*. Мы относим эти слова к христианской лексике, понимая ее, вслед за К.А. Тимофеевым, как «слова, обозначающие понятия, свойственные всем основным христианским конфессиям» [16, с. 5]. Метафоричность употребления этих слов в рассматриваемых текстах имеет устойчивый (не авторский, а дискурсивный) характер. Метафора с ироническим значением в целом свойственна жаргонам, где «стандартный термин общего языка заменяется кличкой, образным выражением, имеющим определенную эмоциональную окраску, насмешливым, ироническим, пародийным» [9, с. 115]. Именно такой характер имеют рассматриваемые лексемы, однако в целом тематическая группа христианской лексики в сфере ИТ может быть дополнена рядом других слов, некоторые из которых имеют общеязыкое (нежаргонное) переносное значение, лишенное отсылки к религиозной сфере: *апостол*, *евангелист*, *визионер*. Перечисленные примеры имеют в ИТ дискурсе терминологичный характер: например, *евангелист* – это специалист, профессионально занимающийся пропагандой в сфере информационных технологий [12]. Рассматриваемые в этой статье лексемы *библия*, *скрижали* и *православный* такой терминологичности значения

не имеют и могут использоваться в составе живой метафоры. Однако говорить о том, что для IT дискурса в целом характерна концептуальная метафора «IT-религия» все же можно.

Мы говорим именно о концептуальной метафоре в соответствии с программной работой Дж. Лакофа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [20, 5], такая метафора «отражает специфику человеческого мышления и познания, возникающая не столько как риторическое средство украшения речи, но, прежде всего, как результат сопоставления непознанного с познанным, и служит цели категоризации предметов и явлений окружающего мира» [10, с. 295]. Специфические концептуальные метафоры, в том числе религиозные, характерны для разных дискурсов [например: 14, 15, 17]. А.П. Чудинов, исследуя политическую метафору, определил ее функции: когнитивную, номинативную, прагматическую, изобразительную, инструментальную, гипотетическую, эвфемистическую, модулирующую, популяризаторскую [17]. Такие же назначения можно определить у религиозной метафоры в IT дискурсе, особенно подчеркнем прагматический аспект: метафора формирует определенное отношение к объекту, в данном случае ценностное, поскольку в языковом выражении метафора религии связана с религиозной лексикой и религиозным стилем, имеющими традиционно в русском языке высокую экспрессивную окраску. Вместе с этим метафоризация христианской лексики в исследуемых текстах не лишена иронии, что является характерной чертой любого жаргона, о чем уже говорилось выше. Тем не менее, ироничное употребление таких слов, как *библия*, *скрижали*, *православный*, в составе метафор, на наш взгляд, репрезентируют общую концептуальную метафору религии в IT-дискурсе так же, как и неэкспрессивное употребление христианизмов.

Общезыковое значение слова *библия* основано на метафорическом переносе и имеет помету «разговорное»: «1. библия ж. разг. Главная для кого-либо книга. 2. Библия ж. Собрание книг Священного Писания, содержащее мифы и догматы иудейской и христианской религий и состоящее из Ветхого и Нового Завета» [8]. Активный словарь русского языка тоже отмечает нерелигиозное значение лексемы *библия*, однако без пометы «разговорное»: «Самый авторитетный текст в области AI или для людей AI. AI: РОД. Библия социодарвинизма, библия американских лингвистов. Это была библия Художественного театра – «Моя жизнь в искусстве» К.С. Станиславского (В.Давыдов)» [1]. Отметим, что данное значение является конструктивно-ограниченным: реализуется в конструкции управления родительным падежом существительного.

Это вторичное значение, очевидно, образовано на основании метафорического переноса, который вписывает предмет, обозначаемый зависимым словом в родительном падеже, в концептуальную метафору «религия, учение, церковь (как сообщество)». Национальный корпус современного русского языка подтверждает наличие этого значения.

Тогда же вышла библия американских сурвивалистов, написанная телеведущим Говардом Раффом, «Голод и выживание в Америке», которая лежала в доме каждого приличного выжиальщика рядом с ружьем, тревожным чемоданчиком и ключом от бункера (Екатерина Климушкина. «Мы не боимся ядерных бомб» // lenta.ru, 2018.02.10).

Ваш «Код да Винчи» – практически библия конспирологии («Бог не переживет науку» // lenta.ru, 2017.12.27).

И совсем не потому, что тамошние власти обожают Гитлера, а ровно наоборот: «библия нацизма» служит примером того, «что такое плохо» (Андрей Камакин. Депутаты хотят нагнать страха на соцсети // Московский комсомолец, 2017.07.13).

У нас есть и своя «библия» – программа военного кораблестроения до 2050 года (Илья Крамник Беседовали Анастасия Воскресенская. «Ракета не летает – проблемы корабелов» // lenta.ru, 2017.06.15).

Рассмотрим употребление лексемы в IT дискурсе. С одной стороны, можно увидеть, что употребление этого слова, будучи жаргонным (свойственным определенному социолекту), реализует значение, данное в словаре Ефремовой с пометой «разговорное»:

Библия стартапера от Гая Кавасаки (The Art of the Start)

Поискал на Хабре, не нашел рецензии на русское издание знаменитой книги Гая Кавасаки The Art of the Start (2004) (на англоязычную было), поэтому решил «закрыть брешь» и поделиться ее кратким содержанием и своими мыслями.

Итак, в русской версии книга получила название «Стартап. 11 мастер-классов от экзевангелиста Apple и самого дерзкого капиталиста Кремниевой долины» (Библия стартапера от Гая Кавасаки (The Art of the Start). 18 мая 2010 в 00:23).

В данном случае слово *библия* используется как обозначение наиболее авторитетной книги для людей определенной области деятельности – молодых предпринимателей, стартаперов (в области IT, на что указывает характеристика личности автора книги, о которой идет речь). Однако с другой стороны, слово *библия* может

употреблять в текстах IT блога и не в значении «наиболее авторитетной книги»:

Добро пожаловать в Библию движений Doom! Во второй части, как и в первой разобраны и рас- сортированы по категориям все причуды и капри- зы кода движений в Doom, включая замысловатые трюки с описанием их работы (Библия движений Doom. Часть 2. 30 ноября 2017 в 23:59).

В данном контексте *библия* синонимична слову *руководство* или *энциклопедия*, т.е. лишена компонента превосходности ('главная книга', 'самый авторитетный текст'). Примечательно также, что значение англоязычного *bible* (англоязычное происхождение имеет подавляющее большинство жаргонизмов в IT [см. 4, 6, 7, 11]) отличается отсутствием компонента 'авторитетный' и количественной семантики превосходности: «A book, magazine, etc. that gives important advice and information about a particular subject: *Vogue magazine quickly became the bible of fashionable women*» [19]. Возможно, в подобных контекстах на Хабрахабре мы имеем дело с жаргонной семантической калькой.

Наиболее интересные и достаточно частые случаи употребления слова *библия*, на наш взгляд, представляют контексты, в которых реализуется аллюзия на сам прецедентный текст библии. В этом случае последовательно выстраивается метафора священного текста. Приведем несколько примеров.

1. *Библия проектирования. Часть первая. Создание мира* (Библия проектирования. 8 ноября 2011 в 20:35).

2. *В нашей области есть своя Библия. «Ветхий завет» – это книга Джеффри Мура о преодолении пропасти. «Новый завет» – это книги Стива Бланка о четырех шагах к прозрению и коллектива под руководством Александра Остервальдера про шаблоны бизнес моделей. А также пара дополнительных книг, которые я рекомендую, хотя они в массовом предпринимательском сознании еще не приобрели статус «священных текстов» Силиконовой Долины...* (Создание международного стартапа. 4 сентября 2011 в 10:30).

3. *На конференциях Профиклаба свои доклады делают те люди, которых по праву можно назвать не только гуру, но и технологическими евангелистами. Материалы их докладов легли в основу «Библия веб-разработки» – мы начали публиковать «Трехкнижие 2007: РИТ, HighLoad, ClientSide» и книга первая «РИТ-2007» уже доступна почти в полном объеме. Почему «почти»? Потому что в ближайшие дни текстовые материалы и презентации пополнятся еще и видео.*

Следом за «книгой первой» мы опубликуем тексты докладов конференций прошлого года «HighLoad» и «ClientSide» (Библия веб-разработки. 18 августа 2008 в 12:26).

В этих примерах метафора разворачивается с помощью разноуровневых языковых средств: метафорический перенос поддерживается контекстуальным соседством слова *библия* с такими единицами, как *создание мира*, *Ветхий завет*, *Новый завет*, *Священный текст* – прецедентные лексические единицы, отсылающие к библии. *Трехкнижие* выражает словообразовательную прецедентность (намек на *пятикнижие* – по общности словообразовательной модели, либо три части еврейской библии – *пятикнижие*, пророки, писания). И наконец, инвертированная конструкция *книга первая* – грамматический архаизм как средство стилизации библейского (церковнославянского) текста.

Поскольку во всех случаях речь идет о цифровых разработках, либо о построении успешного бизнеса в сфере IT, можно говорить о том, что жаргонное употребление слова *библия* является одним из способов реализации когнитивной метафоры «IT – религиозная организация».

Еще один пример христианской лексемы в IT дискурсе – слово *скрижали*. Его можно назвать библеизмом, хотя в словаре современного русского языка указывается вторичное, переносное нерелигиозное значение этого слова: «1. Каменные доски с написанными на них десятью божественными заповедями (по библейскому сказанию). 2. перен. То, куда заносятся памятные события, даты, имена и т.п.» [8]. Приведем примеры из Национального корпуса русского языка, иллюстрирующие второе значение этого библеизма.

Человек, чьё имя, вне всякого сомнения, будет внесено в криминальные скрижали города, погостим воскресным днём забрался на крышу 16-этажного дома по улице Керченской, привязал бельевую верёвку кподходящей железке и принялся спускаться вниз (Очередной подвиг отечественного воровства // «Криминальная хроника», 2003.06.10).

Ющенко назвал ветеранов УПА «живым примером для молодого поколения» и заявил, что «победа Украинской повстанческой армии уже стала легендой, которая золотыми буквами вписана в скрижали истории нашего государства и навсегда останется в памяти народа» (Проблема УПА: «зачистка исторической памяти» // Новый регион 2, 2006.10.14).

В частности, беспокоит судьба других территорий Донецкой области. По его словам. Минские Соглашения – это не скрижали. «Я не исключаю, что Минские соглашения претерпят изменения (Елена Гамаюн. Глава ДНР Захарченко рассказал,

почему желать вхождения в Россию эгоизм // Московский комсомолец, 2017.11.02).

В последнем примере употребление слова актуализирует компонент значения ‘нечто неизменное, неприкосновенное, вневременное’, который связан метафорически с первичным значением библеизма *скрижали*, его культурным христианским смыслом.

В текстах сферы IT у лексемы *скрижали* наблюдается специфическое значение, отличное от общезыкового.

Итак, ранним утром прихожу на работу и вижу – приложение зареджектили. Почитал святые скрижали, на которых ссылался ревьюер – и правда, нарушили заповеди №1 и №2. Но, прочитав №4, я понимаю, что лазейка всё-таки есть [...]

Учитывая скорость ответов от Apple (раз в 2-3-4 дня), обстановка накалялась. Складывалось впечатление, что ревьюер ниасилил четвёртый пункт скрижалей, остановившись на копинасте первых трёх (Новая файловая политика iOS 5 и история реджекта по-вахтёрски. 6 февраля 2012 в 18:54).

Когда вы открываете сайт очередного крупного российского холдинга и видите простыню напыщенных фраз, то начинаете задыхаться отнюдь не от восторга. Хорошо, не делайте так. Ведь скрижалей, на которых выбит завет «миссия компании должна быть настолько скучной, чтобы у всех читающих ее сводило зубы», не существует. (А мы что, не герои? Миссия для компании. 24 апреля 2013 в 00:43).

Завет «Испытывай эмпатию к пользователю» на скрижалях нашей дисциплины – юзабилити – не то, что начертан, он выполнен сквозной перфорацией (ПсУХотерапия. 21 октября 2013 в 12:11).

Очевидно, что в приведенных примерах значение слова *скрижали* метафорично: ‘место, где содержится обязательное правило, закон, незыблемый принцип’, оно отсылает к первичному христианскому содержанию (‘каменные доски с написанными божественными заповедями’). Таким образом, перед нами снова реализуется метафора религии. Устойчивость метафоры подчеркивает то, что в контекстуальной близости употребляется слово *завет*, *заповеди*, *святой*, используются и стилистические средства создания метафоры: например, *начертан* – имитация высокого стиля религиозных текстов. Безусловно, рассматриваемая метафора соседствует с иронией, что выражается лексически (см. например, гипербола «выбит сквозной перфорацией» в последнем примере) и стилистически – столкновением противоположных по экспрессии единиц: христианская (при-

поднятая по стилю) лексика в одном контексте с разговорными *лазейка*, *сводить зубы* и жаргонными *ревьюер*, *реджект*, *юзабилити*.

Третья лексема, связанная тематически с христианством, рассматриваемая нами в аспекте реализации когнитивной метафоры религии в IT дискурсе, – прилагательное *православный*. В отличие от предыдущих примеров, общезыковое значение этого прилагательного не подразумевает переноса семантики: «**православный**, -ая, -ое 1. Прил. к православию. *Православные праздники. Православная церковь.* 2. Исповедующий православие. *Православный народ.* – Я глубоко религиозный человек, православный в полном смысле слова. Тургенев, Новь. | в знач. суц. православный, -ого, м.; православная, -ой, ж. – *Почитай, детка!* – сказала она, доставая из угла евангелие. – Ты почитай, а православные послушают. Чехов, Мужики. || в знач. суц. православные, -ых, мн. Прост. устар. Употреблялось при обращении к собравшимся, к народу, к толпе. *Стрельцы несли на руках избитого человека.* – *Православные, – со слезами говорили они на все стороны, – глядите, что с купцом сделали.* А.Н. Толстой, Петр Первый» [8].

В текстах IT дискурса *православный* употребляется в новом жаргонном значении, в основе которого опять лежит метафора.

Интерфейсный разъем – MicroUSB. Не удивлён: в аппаратах такого уровня и такой цены православный USB Type-C я ещё ни разу не встречал. [...]

Для сравнения: в Xiaomi Redmi Note 5A стоят православный чипсет Qualcomm (против MediaTek в GM8 Go) и 2 Гб оперативки. И аппарат по скорости работы воспринимается иначе, он быстрее (Обзор смартфона General Mobile GM8 Go: турецкий бюджетник с Android 8.1 Oreo Go Edition. 31 августа 2018 в 14:50).

Оставим за кадром (или перенесем в комментарии) полемику на тему «зачем нам беспроводная передача аудио, если можно обойтись православными проводными решениями, сэкономив кучу денег и выиграв в качестве». Условимся, что беспроводной стриминг аудио с любых устройств, как портативных, так и не очень, нам интересен. [...]

Безусловно, православный путь – снизу вверх: от азов установления физических и логических управляющих каналов Bluetooth к базирующимся на их основе высокоуровневым протоколам. Этим путем я вас и попробую провести. (Беспроводной звук. Часть 1. Препарируем Bluetooth. 6 ноября 2013 в 16:44).

Русские православные альтернативы отсталому Скайпу

...Уверен, вы и без меня сможете придумать, как за гораздо меньшие деньги организовать поле-вую связь и полевой компьютер, который будет мощнее и удобнее этой русской **православной** разработки в базиллион раз. (Русские православные альтернативы отсталому Скайпу. 2 августа 2011 в 11:18).

В семантике этого слова, судя по употреблению, выделяются устойчивые компоненты: 'отечественный (российского производства)', 'традиционный', 'старый', 'привычный', 'понятный'. Оценочный компонент значения может различаться: в большинстве случаев *православный* выражает положительную оценку, связанную с утилитарным аспектом: 'привычный', 'понятный', однако возможна и отрицательная коннотация, также как возможна она у более широкого по значению синонима *старый*. Значение жаргонизма основано на метафорическом переносе первого общеязыкового значения прилагательного *православный* 'относящийся к православию', однако в приведенных примерах актуализируется неязыковое представление о том, что православие – традиционная религия российского общества и государства. Можно сказать, что в этой метафоре также проявляются устойчивые культурные смыслы, связанные с православием: консерватизм, обращенность в прошлое, представление о единственно возможном идеале.

Специфичность этого жаргонизма состоит в том, что слово *православный*, несмотря на отнесенность к общехристианской лексике, выражает значение, мотивированное исключительно русскоязычной культурой с ее многовековыми связями с православной культурой, тогда как первые два рассмотренных примера – *библия* и *скрижали* – являются более универсальными для выражения когнитивной метафоры «IT – религия» (первое даже возможно соотносится с англоязычным коррелятом). В употреблении жаргонизма *православный* выражена не столько названная метафора, сколько стереотипный русскоязычный взгляд на традиционную культуру.

Рассмотренные примеры показывают, что христианская лексика достаточно активна в IT дискурсе для того, чтобы считаться языковой особенностью этого дискурса и соответствующего социолекта. Отчасти она реализует устойчивую когнитивную метафору «IT – религия», которая заимствована из англоязычной картины мира, однако в русскоязычном употреблении есть некоторые особенности: ироничность и соотнесенность с национальной религиозной культурой.

Литература

1. Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д. и др. Активный словарь русского языка / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М., Языки славянской культуры, 2014. Т. 1. 408 с.
2. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1990. С. 136 – 137.
3. Балашова Л.В. Активные процессы в русском языке XXI века: институционально обусловленные метафоры // Коммуникативные исследования. 2019, Т. 6. № 3. С. 601 – 619.
4. Барт М.В. Некоторые пути пополнения современного русского компьютерного жаргона // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (21): в 3-х ч. Ч. I. С. 20 – 22. URL: www.gramota.net/materials/1/2009/2-1/7.html (дата обращения: 1.07.2021)
5. Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Изд. дом Яск, 2019. 480 с.
6. Гончарова Н.Н. Особенности формирования лексического фонда подязыка информатики и вычислительной техники: на материале кодифицированной и некодифицированной лексики: автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Орел, 2000. 24 с.
7. Горшков П.А. Сленг хакеров и геймеров в Интернете: автореферат дис. ... канд. филолог. наук / Моск. гос. обл. ун-т. Москва, 2006. 19 с.
8. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. URL: <https://gufo.me/dict/efremova/>
9. Жирмунский В.М. Национальный язык и социальные диалекты. Ленинград, 1936. С. 115.
10. Лаврова Н.А. Когнитивная метафора как способ представления знания в языке и как основополагающий принцип человеческого мышления // Преподаватель XXI век. 2015. № 1. С. 294 – 307.
11. Лушникова Е.В. Экстра- и интралингвистические факторы формирования компьютерного жаргона: на материале русского, английского и французского языков: автореф. дис. ... канд. филолог. наук / Саратов. гос. акад. права. Саратов, 2003. 23 с.
12. Маркетинговый эвангелизм // Википедия: свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Маркетинговый_эвангелизм (дата обращения: 1.07.2021)
13. Мечковская Н.Б. Язык и религия. М., 1998. 352 с.

14. Попова Г.В., Клименко А.Н. Библейские метафоры в экономике (на материале современных публицистических текстов) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2017. Т. 7. № 2 (23). С. 52 – 61.

15. Сангадиева А.В. Интерпретирующий потенциал религиозной метафоры в концептуализации знания о брексите // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2020. № 4 (210). С. 16 – 22.

16. Тимофеев К.А. Религиозная лексика русского языка как выражение христианского мировоззрения: учебное пособие. Новосибирск, 2001. 88 с.

17. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000) Екатеринбург, 2001. 238 с. URL: <http://philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm#6230> (дата обращения: 1.07.21)

18. Якимов П.А. Религиозная лексика – церковная лексика – библейская лексика: к вопросу о соотношении понятий // Вестник ОГУ. 2013. № 9 (158)/ сентябрь. С. 66 – 68.

19. Cambridge Dictionary. URL: dictionary.cambridge.org (дата обращения: 1.07.2021)

20. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.

References

1. Apresyan V.YU., Apresyan YU.D. i dr. Aktivnyj slovar' russkogo yazyka. Otv. red. YU.D. Apresyan. M., YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2014. T. 1. 408 s.

2. Arutyunova N.D. Diskurs. Lingvisticheskiĭ enciklopedicheskiĭ slovar'. M.: «Sovetskaya enciklopediya», 1990. S. 136 – 137.

3. Balashova L.V. Aktivnye processy v russkom yazyke XXI veka: institucional'no obuslovlennye metafory. Kommunikativnye issledovaniya. 2019, T. 6. № 3. S. 601 – 619.

4. Bart M.V. Nekotorye puti popolneniya sovremennoĭ russkogo komp'yuternogo zhargona. Al'manah sovremennoĭ nauki i obrazovaniya. Tambov: Gramota, 2009. № 2 (21): v 3-h ch. CH. I. С. 20 – 22. URL: www.gramota.net/materials/1/2009/2-1/7.html (дата обращения: 1.07.2021)

5. Boldyrev N.N. YAzyk i sistema znaniĭ. Kognitivnaya teoriya yazyka. M.: Izd. dom YAsk, 2019. 480 s.

6. Goncharova N.N. Osobennosti formirovaniya leksicheskogo fonda pod"yazyka informatiki i vychislitel'noj tekhniki: na materiale kodificirovannoj i

nekodificirovannoj leksiki: avtoref. dis. ... kand. filolog. nauk. Orel, 2000. 24 s.

7. Gorshkov P.A. Sleng hakerov i gejmerov v Internetе: avtoreferat dis. ... kand. filolog. Nauk. Mosk. gos. obl. un-t. Moskva, 2006. 19 s.

8. Efremova T.F. Novyj slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj. M.: Russkij yazyk, 2000. URL: <https://gufo.me/dict/efremova/>

9. Zhirmunskij V.M. Nacional'nyj yazyk i social'nye dialekty. Leningrad, 1936. S. 115.

10. Lavrova N.A. Kognitivnaya metafora kak sposob predstavleniya znaniya v yazyke i kak osnovopolagayushchij princip chelovecheskogo myshleniya. Prepodavatel' XXI vek. 2015. № 1. S. 294 – 307.

11. Lushnikova E.V. Ekstra- i intralingvisticheskie faktory formirovaniya komp'yuternogo zhargona: na materiale russkogo, anglijskogo i francuzskogo yazykov: avtoref. dis. ... kand. filolog. Nauk. Sarat. gos. akad. prava. Saratov, 2003. 23 s.

12. Marketingovij evangelism. Vikipediya: svobodnaya enciklopediya. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Marketingovij_evangelizm (дата обращения: 1.07.2021)

13. Mechkovskaya N.B. YAzyk i religiya. M., 1998. 352 s.

14. Popova G.V., Klimenko A.N. Biblejskie metafory v ekonomike (na materiale sovremennyh publicisticheskikh tekstov). Izvestiya YUGO-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika. 2017. T. 7. № 2 (23). S. 52 – 61.

15. Sangadieva A.V. Interpretiruyushchiĭ potencial religioznoĭ metafory v konceptualizacii znaniya o breksite. Vestnik TGPU (TSPU Bulletin). 2020. № 4 (210). S. 16 – 22.

16. Timofeev K.A. Religioznaya leksika russkogo yazyka kak vyrazhenie hristianskogo mirovozzreniya: uchebnoe posobie. Novosibirsk, 2001. 88 s.

17. Chudinov A.P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991-2000) Ekaterinburg, 2001. 238 s. URL: <http://philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm#6230> (дата обращения: 1.07.21)

18. YAkimov P.A. Religioznaya leksika – cerkovnaya leksika – biblejskaya leksika: k voprosu o sootnoshenii ponyatiĭ. Vestnik OGU. 2013. № 9 (158)/ sentyabr'. S. 66 – 68.

19. Cambridge Dictionary. URL: dictionary.cambridge.org (дата обращения: 1.07.2021)

20. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.

CHRISTIAN METAPHOR IN IT DISCOURSE: LINGUISTIC ASPECT

*Komyshkova A.D., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Nizhny Novgorod State Pedagogical University
named after Kozma Minin (Minin University)*

Abstract: the article analyzes meanings of words related to the thematic sphere of "Christianity" in modern IT discourse. We consider the words *Bible*, *scribbles* and *Orthodox*, used in communication of specialists in information technology, in the functional, semantic and cognitive aspects. Unlike other IT jargonisms that have a "Christian" origin (*apostle*, *evangelist*, *visionary*), which are terminological designations, these lexemes more often implement metaphor as a rhetorical trail. The jargon semantics of these words is partly associated with common-language secondary (non-religious) meanings, but in IT discourse they have metaphorical usage often with an ironic nature of professional communication. At the same time, the stability of the metaphorical use of these lexes in the texts of the IT professional sphere allows us to say that Christian vocabulary implements in discourse the cognitive metaphor "IT – religion", which acquires national specificity, as its representation is partially correlated with Russian cultural stereotypes.

Keywords: discourse, language of programmers, jargonism, Christian vocabulary, metaphor

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА ПРОСТРАНСТВА В ТОПОНИМАХ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ОБОЗНАЧЕНИЙ ПРОСТРАНСТВА СУШИ И ВОДНОГО ПРОСТРАНСТВА)

*Тишкова В.А., соискатель,
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена*

Аннотация: целью настоящей статьи является рассмотрение концепта пространства и анализ способов его реализации в современном немецком языке (на материале обозначений пространства суши и водного пространства). Материалом исследования послужили лексические единицы – немецкие топонимы. Для достижения поставленной цели используется метод дефиниционного анализа немецких топонимов и изучаются общие и специфические свойства исследуемого универсального концепта. Практическая значимость данного исследования состоит в возможности использовать полученные результаты для спецкурсов по когнитивной лингвистике.

Ключевые слова: немецкий язык, немецкие топонимы, концепт пространства, обозначения пространства, когнитивная лингвистика

Концепт пространства получает репрезентацию средствами языка и поэтому представляет большой интерес для когнитивной лингвистики, которая занимается исследованием языка как средства организации, обработки и передачи информации. Понятие концепта – это центральное понятие в когнитивной лингвистике [3].

В философской и лингвистической литературе определены общие и специфические признаки пространства, к которым относятся:

- протяжённость,
- конкретная форма и размеры,
- местоположение,
- расстояние между телами,
- трёхмерность,
- связность и непрерывность,
- бесконечность и безграничность,
- относительная прерывность,
- отношения величины,
- положение относительно других тел,
- объективность и независимость от сознания человека,
- абсолютность,
- симметрия и асимметрия [10].

Сложность выделения свойств пространства свидетельствует о многогранности этого понятия, а языковая интерпретация такого общепризнанного понятия переводит его в разряд базового концепта. Пространство как картина мира интересовала и продолжает интересовать многих учёных-лингвистов, так как язык непосредственно участвует в её формировании. Большинство работ, посвящённых реализации концепта пространства, выполнены на материале русского языка (Гак В.Г., Кубрякова Е.С., Топоров В.Н., Яковлева Е.С. и др.) [1]. Учёные, которые занимались исследованием пространства в языке, анализировали разные аспекты данной категории: одни занимались изучением способности наречий отображать категорию пространства (Кубрякова Е.С., Яковлева Е.С.

и др.), другие изучали предложно-падежные формы имён существительных с пространственной семантикой (Лежаева В.Г. и др.), третьи анализировали отображающие категорию пространства глаголы (Каменская И.В., Павленко А.Н. и др.). Также лингвистов интересует анализ пространства с позиций главного свойства этой категории – трёхмерности, т.е. изучение горизонтальной, вертикальной плоскостей данной категории, а также рассмотрение пространства как точку пересечения плоскостей (Горожанкина Е.М., Яковлева Е.Е. и др.) [2].

Обозначение пространства является актуальным вопросом и для современного немецкого языка, так как каждый язык имеет свои языковые формы реализации пространства. В немецких географических названиях реализуются различные уровни пространственных отношений. Для определения специфики того, как в немецкой топонимике находит своё выражение концепт пространства, оказалось целесообразным использование методов сплошной выборки из лексикографических источников. Из многочисленных географических названий Германии в статье рассматриваются немецкие топонимы, которые являются обозначениями пространства в природе, а именно: обозначения пространства суши и водного пространства.

В качестве определительных элементов в топонимах-композициях часто используются определения, в которых реализуется концепт пространства, а именно: „Groß“ (большой), „Klein“ (маленький), „Lang“ (длинный), „Ober“ (верхний), „Unter“ (нижний), „Hoch“ (верхний), „Nieder“ (нижний), „Mittel“ (средний), „Zentral“ (центральный), „Neben“ (расположенный рядом), „Vorder“ (расположенный спереди), „Hinter“ (расположенный сзади), „Nord“ (северный), „Süd“ (южный), „Ost“ (восточный), „West“ (западный).

В названиях топонимов, в составе которых содержатся составляющие „Groß“ (большой), „Klein“

(маленький), содержатся сведения о размерах географических объектов, таким образом, реализуется такое важное свойство пространства как «отношения величины»:

- большие по размеру географические объекты: „Großborstel“, „Großheide“, „Große Arber“, „Große Aue“, „Großer Beeberg“, „Große Belchen“, „Groß-Berßen“, „Großheide“, „Große Feldberg“, „Groß-Eislingen“, „Große Etz“, „Großenhain“, „Große Soon“, „Große Vils“, „Großheide“;

- небольшие по размеру географические объекты: „Klein Berßen“, „Kleine Laber“, „Kleine Etz“, „Rostock-Lütten Klein“, „Kleine Kalmit“, „Kleine Vils“.

Часто географические названия с определителями „Groß“ (большой) и „Klein“ (маленький), которые находятся относительно близко друг от друга, имеют одинаковый второй компонент:

- обозначения населённых пунктов: „Großbundenbach“ – „Kleinbundenbach“, „Groß Düben“ – „Klein Düben“;

- обозначения рек: „Große Enz“ – „Kleine Enz“, „Große Vils“ – „Kleine Vils“;

- обозначения озёр: „Großer Brombachsee“ – „Kleiner Brombachsee“, „Großer Bullensee“ – „Kleiner Bullensee“ [6].

Географические названия, в составе которых есть составляющие „Ober“, „Oberr“, „Oberst“ (верхний), указывают на расположение данных населённых пунктов на какой-либо возвышенности: „Oberammergau“, „Oberrkirchen“, „Oberolm“, „Oberstdorf“, „Obersdorf“, „Oberpfalz“, „Oberpfälzer Wald“, „Oberreichenbach“, „Ober-Abtsteinach“, „Ober Barkhausen“, „Oberspreewald“. Первая составляющая данных названий обозначает это пространственное направление.

В ряде случаев данные определители выступают в роли уточнителей, указывая на местоположение населённого пункта в верховьях или устье реки: „Oberlahnstein“ (вверх по течению реки „Lahn“), „Niederlahnstein“ (вниз по течению реки „Lahn“) , „Oberursel“ (вверх по течению реки „Ursel“), „Niederursel“ (вниз по течению реки „Ursel“) [4].

Другой составляющей многих географических названий является „Nieder“ (нижний): „Niederaußem“, „Niederfinow“, „Niederfrohne“, „Niedergandern“, „Niederkassel“, „Niederlahnstein“, „Niederlausitz“, „Niederlinxweiler“, „Niedernberg“, „Niederolm“, „Nieder-Roden“, „Nieder Prauske“.

Ещё одна распространённая составляющая многих географических названий – определитель „Unter“ (нижний): „Unterabtsteinach“, „Unterammergau“, „Untere Argen“, „Untere Etz“, „Untersee“.

В составе „Nieder“ и „Unter“ (нижний) также непосредственно реализуется концепт пространства, указывая на месторасположение населённых пунктов.

Анализ данных обозначений показал наличие одинаковой основной составляющей и разных определителей, которые указывают на местоположение объекта на относительно небольшой территории друг от друга:

- обозначения населённых пунктов: „Oberbodritz“ – „Unterbodritz“, „Oberellen“ – „Unterellen“, „Oberweid“ – „Unterweid“;

- обозначения рек: „Obere Argen“ – „Untere Argen“;

- обозначения озёр: „Oberweiher“ – „Unterweiher“, „Oberuckersee“ – „Unteruckersee“ [9].

Определение „Hinter“ (расположенный сзади) часто используется в составе географического названия и предполагает наличие другого места, которое расположено спереди. Например, „Hintere Etz“ указывает на то, что эта местность расположена за населённым пунктом с одноимённым названием „Etz“. Таким образом, в географических названиях с данными составляющими происходит реализация такого важного признака концепта пространства как местоположение относительно других объектов:

- обозначения населённых пунктов: „Vorderweidenthal“ – „Hinterweidenthal“;

- обозначения рек: „Vorder Rhein“ – „Hinter Rhein“ [5].

В ряде обозначений для различения одинаковых названий могут быть использованы разные определители. Например, обозначения населённых пунктов: „Hochdorf“ – „Niederdorf“, „Hohenfinow“ – „Niederfinow“.

В качестве определительного элемента топонима может быть указание на конкретное местоположение:

- обозначения населённых пунктов: „Ostfriesland“ – „Nordfriesland“, „Norderbarup“ – „Süderbarup“, „Nordhackstedt“ – „Süderhackstedt“;

- обозначения рек: „Norder Milde“ – „Süder Milde“, „Östliche Günz“ – „Westliche Günz“ [7].

Среди немецких топонимов распространены названия с предложными группами, в которых реализуются пространственные отношения между объектами. Частотными являются указания на определённую местность, область, где находится данный населённый пункт или реку, рядом с которой он расположен:

- с предлогом „an“ (у): „Neustadt am (an dem) Rügenberge“, „Neustadt an der Saale“, „Bad Neustadt an der Saale“, „Lutter am Barenberge“, „Frankfurt am Main“, „Lohr am Main“, „Zeil am Main“, „Rottenburg am Neckar“, „Höchstädt an der Donau“;

- с предлогом „in“: „Weissenberg in Bayern“, „Königsberg in Bayern“, „Hain im Spessart“, „Neustadt bei Coburg“, „In der Aue“, „In der Silbergrube“;
- с предлогом „unter“ (под): „Unter den Linden“;
- с предлогом „auf“ (на): „Landkirchen auf Fehmarn“;
- с предлогом „vor“ (перед): „Bad Homburg vor der Höhe“ [8].

Анализ семантической структуры исследуемого материала показал, что в семантике топонимов реализуется целый комплекс признаков пространства: отношения величины, протяжённость, форма, связность, относительная бесконечность, определённая прерывность, положение относительно других тел, расстояние между телами. Таким образом, в немецких топонимах реализуются различные уровни пространственных отношений.

Литература

1. Гак В.Г. Пространство вне пространства. Логический анализ языка. Языки пространств. Языки русской культуры. М., 2000.
2. Горожанкина Е.М. Языковая концептуализация вертикального пространства (на материале английского и русского языков). АКД. Великий Новгород, 2003.
3. Никитин М.В. Основания когнитивной семантики: учебное пособие. СПб, 2003. Nikitin M.W. Osnovaniya kognitivnoj semantiki. Uchebnoje posobie. SPb, 2003.
4. Bahlow H. Deutschlands geographische Namenwelt. Etymologisches Lexikon der Fluß- und Ortsnamen alteuropäischer Herkunft. Frankfurt am Main, 1985.
5. Bauer G. Deutsche Namenkunde. 2., überarb. Aufl. Berlin: Weidler Buchverlag, 1998.
6. Berger D.: Duden, Geographische Namen in Deutschland: Herkunft und Bedeutung der Namen von Ländern, Städten, Bergen und Gewässern. 2., überarb. Aufl. Mannheim; Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1999.
7. Koß G. Namenforschung: eine Einführung in die Onomastik. 3., aktualisierte Aufl. Tübingen: Niemeyer, 2002.
8. Urnes D. Handbuch der geographischen Namen. Ihre Herkunft, Entwicklung und Bedeutung.
9. Bayerisches Flurnamenbuch. Band 3, Gemeinde Krün. Augsburg: Haus der Bayerischen Geschichte, 1995.
10. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская Энциклопедия, 1983.

References

1. Gak V.G. Prostranstvo vne prostranstva. Logicheskij analiz yazyka. Yazyki prostranstv. Yazyki russkoj kul'tury. M., 2000.
2. Gorozhankina E.M. Yazykovaya konceptualizaciya vertikal'nogo prostranstva (na materiale anglijskogo i russkogo yazykov). AKD. Velikij Novgorod, 2003.
3. Nikitin M.V. Osnovaniya kognitivnoj semantiki: uchebnoje posobie. SPb, 2003. Nikitin M.W. Osnovaniya kognitivnoj semantiki. Uchebnoje posobie. SPb, 2003.
4. Bahlow N. Deutschlands geographische Namenwelt. Etymologisches Lexikon der Fluß- und Orts-namen alteuropäischer Herkunft. Frankfurt am Main, 1985.
5. Bauer G. Deutsche Namenkunde. 2., überarb. Aufl. Berlin: Weidler Buchverlag, 1998.
6. Berger D.: Duden, Geographische Namen in Deutschland: Herkunft und Bedeutung der Namen von Ländern, Städten, Bergen und Gewässern. 2., überarb. Aufl. Mannheim; Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1999.
7. Koß G. Namenforschung: eine Einführung in die Onomastik. 3., aktualisierte Aufl. Tübingen: Niemeyer, 2002.
8. Urnes D. Handbuch der geographischen Namen. Ihre Herkunft, Entwicklung und Bedeutung.
9. Bayerisches Flurnamenbuch. Band 3, Gemeinde Krün. Augsburg: Haus der Bayerischen Geschichte, 1995.
10. Filozofskij enciklopedičeskij slovar'. M.: Sovetskaya Enciklopediya, 1983.

**REPRESENTATION OF CONCEPT OF SPACE WITH TOPONYMS IN MODERN
GERMAN (BY THE MATERIAL OF LAND AND WATER DENOTATIONS)**

*Tishkova V.A., Applicant,
Herzen State Pedagogical University of Russia*

Abstract: the aim of this research is to study the problem of concept of space, as well as to analyse its linguistic realisation by the means of land and water denotations in modern German. German toponyms were chosen as research materials. To achieve this goal, the definitional analysis of German toponyms is being used to describe some general and specific features of this universal concept. The practical significance of this research consists in the possibility to use its results for special courses of cognitive linguistics.

Keywords: German, German toponyms, concept of space, space denotations, cognitive linguistics

ОБРАЩЕНИЕ К ПРОВЕРБИАЛЬНОМУ ФОНДУ ЯЗЫКА КАК ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ КОНЦЕПТА (НА МАТЕРИАЛЕ КОНЦЕПТА «СЕМЬЯ» В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ В СРАВНЕНИИ С РУССКИМ)

Чжао Юаньцзэ,

Ганьнаньский педагогический университет, Китай

Аннотация: на современном этапе интеграции культур актуально сопоставление лингвокультурных явлений, связанных с важнейшими ценностями – в частности с ценностью семьи, – в различных культурах, тем более с учетом давних связей между странами. Сопоставление концепта семьи в русской и китайской лингвокультурах, выражаемого через пословицы, дает дополнительную информацию в аспекте осмысления семейных ценностей представителями различных сообществ. Большую роль здесь играет специфика пословицы как афористического жанра, идущего из глубины веков.

Ключевые слова: концепт «Семья», Китай, Россия, духовные ценности, провербиальный фонд, особенности пословиц, афористичность, философский и бытовой смысл

Концепт как явление, более связанное с лексикой [18, с. 80-84; 2, 3-10; 14, с. 288-306], должно изучаться в основном именно через лексический состав языка, через многообразные связи слов, относящихся к данному концепту в языке, культуре. При этом, конечно, – в том числе в аспекте экспериментов – можно и нужно обращаться к более объемным единицам языка, речи. В частности помимо лексикографических источников разного периода, помимо ассоциативных экспериментов, основанных на ключевых словах, для изучения концептов в рамках определенной лингвокультуры, для изучения их движения, изменения во времени под влиянием изменяющейся социальной ситуации, используется и тавтологический эксперимент, заключающийся в определении с помощью предложения, законченного высказывания базового понятия концепта (например, понятия «Семья») современными носителями языка. Ясно, что и провербиальный фонд языка – пословицы – можно и нужно использовать для дополнительного изучения концепта, для более тонкой его верификации. Важно учесть, что тавтологический эксперимент представляет высказывания конкретных современных людей, пословицы же – продукт коллективного народного творчества, малый жанр словесного искусства, принципиально глубоко афористичный [5, с. 112-116]. Исходя из этого, по пословицам можно судить – достаточно тонко и широко – о фундаменте концепта в определенной лингвокультуре.

Известно, что концепт «Семья» в китайском языке заметно шире, чем таковой в русском [21, с. 250-255]. Он включает не только понятие о собственно нуклеарной семье, что, условно говоря, относится к культурным универсалиям [16, с. 73-80], но и расширенную семью, и род, и город, и даже государство. Именно семейственное, душевное отношение к макросоциуму, можно сказать, специфическое для Китая, думается, позволяет

этой стране выживать не в веках – в тысячелетиях, совершенствуя национальную культуру. Возникновение культуры, государства Китая достаточно давно (как многие древнейшие государства он возник в условиях теплого климата, близ рек), привело к глубокому закреплению традиционных ценностей, одним из важных моментов которых является семья. Интересно, что Китай, – так сказать, не очень религиозен: конфуцианство, даосизм, буддизм – многие религиозно-философские концепции, практики, предпочитаемые в этой стране, тяготеют именно к философскому началу, к социально-этическому его компоненту [11; 7, с. 82-96]. То есть собственно религиозность китайцев (немало связанная с древнейшим универсальным культом предков, также весьма закрепившимся) – не самая важная традиционная ценность, к которой они тяготеют, самая важная – семья. Даже государство жители Поднебесной в течение веков были склонны воспринимать в широком смысле через призму семьи, что поддерживается немалым чувством долга.

Что касается России, то, будучи также весьма традиционной страной [12; 15, с. 147-151], закрепившейся в этом качестве по причине холодного климата, трудного выживания, постоянной борьбы с тем, что можно назвать историческими катаклизмами (имеются в виду постоянные войны), по причине нравственного выбора населения, Россия все же более религиозна, непосредственно государственна – мышление в духе «на пользу Отечеству» свойственно русским без «прямого» посредства семьи. Для русских важнее дружба [1, с. 395-406], любовь к людям в принципе, что поддерживается христианскими ценностями. Исходя из этого, они любят мир и людей, исходя из этого для них, как минимум, своя страна может восприниматься «как семья», а не наоборот. Русские – европейцы в своей основе, поэтому они все-таки более, чем китайцы, тяготеют к индивидуальности,

ее выражению. Поэтому русский концепт семьи в течение истории все более тяготеет к нуклеарности. Указанные особенности подтверждаются лингвистическими показателями, в том числе лексико-семантическими, иными.

Если сравнивать провербиальный фонд русских и китайцев, связанный с концептом «Семья», то он подтверждает указанные культурные особенности, представляя их в более философском и одновременно в более конкретно-бытовом ракурсе, исходя из особенностей пословиц как жанра. Интересно, что традиционный концепт семьи в Китае не носит в целом очень эмоциональный характер (что меняется в последнее время [3, с. 191-193]). «Суровость» русских также «сковывает» непосредственное выражение любви к семье, которое должно быть свойственно тем, кто любит мир так, как это делают нередко жители России, кто столь положительно зарекомендовал себя на арене истории. Эмоциональность в любом случае важна для человека [8, с. 93-97; 19], тем более интересно обратиться к пословицам, которые в этом смысле выразительнее отдельных слов.

Есть немало работ, сопоставляющих русские и китайские пословицы в рамках осмысления феномена, концепта семьи, именно к ним мы обратимся, для сопоставления специальных подборок русских и китайских провербиальных единиц, осмысливающих семью [21, с. 250-254]. В известной книге В.И. Даля «Пословицы русского народа» собраны выражения народной мудрости, среди них – меткие выражения о семье [4, с. 266].

«В своей семье всяк сам большой». Данное выражение подчеркивает моральный статус человека, который нередко подвергался давлению в нашей стране, исторически деспотичной, с проявлениями «барства дикого». В высказываниях китайцев мы также увидим образ семьи как убежища от деспотического восточного общества.

«Вся семья вместе, так и душа на месте». Это универсальное представление о семье, о духовных связях между ее членами, что выражается и в этимологии русского слова «семья». Безусловно, китайцам даже в большей степени свойственно такое универсальное понимание семьи, в которой они порой буквально «растворяются». Если китайское понимание семьи в своей глубине базируется на расширении ее до пределов страны (что связано со «вселенской» гармонией китайской философии, ставшей принципами людей в реальной жизни), то русское понимание семьи проще для понимания «обычного» человека, оно связано, как мы говорили, с категорией настоящей доброты, дружбы, понятной для каждого и двигающей, в свою очередь, русскую цивилизацию, обеспечивающую периодически ее «феерически-неожиданное» воздей-

ствии на мировое сообщество. Характер приведенной пословицы связан с контекстом понимания дружбы и доброты русскими людьми.

«Ссора в своей семье до первого взгляда». Если речь идет о хорошей семье, то данная пословица абсолютно правильно отражает характер взаимоотношений членов семьи. Стоит обратить внимание: как китайцы бережно относятся к гармонии в семье и в социуме (к таким мерам их, видимо, побуждает очень длительная и очень деспотичная история традиционного восточного государства), так русские способны «рубить с плеча», при этом их поведение тоже, по большому счету, движется универсальными законами любви, прощения.

«В семье не без уroda, а на уroda все не в угоду». Здесь также видна способность русских к преодолению дисгармонии, сложных противоречий микро- (и макро-) социума. Здесь видна способность нашей нации к самокритике, без которой невозможно развитие, тем более в сложных исторических условиях.

В книге А.Н. Мартыновой «Пословицы. Поговорки. Загадки» также можно увидеть пословицы тематики нашей работы [9, с. 211].

«В семье и каша гуще». Просто, даже «грубо» подается здесь идея плюсов хорошей семейной жизни, связанной с дружбой, поддержкой, теплой, душевной атмосферой.

«В семье и смерть красна». Данное выражение соотносится с сильными чувствами китайцев по отношению к семейным ценностям, с чувством долга жителей Поднебесной. При этом китайцы, как мы говорили, имеют более масштабное чувство семейственности. Однако русские здесь употребили «негармоничное», не свойственное для подобных контекстов выражение «смерть» – в силу особенностей своей истории, особой стойкости характера, которая помогает преодолеть жесткую дисгармонию.

«Гляди семью, отколь берешь жену». Для китайского социума, более однородного в социальном плане, более иерархизированного по причине большей традиционности, подобные идеи, вероятно, не характерны. Что касается русских, то при их принадлежности к европейской культуре, с ее ролью личности, индивидуальности (значит, и семьи могут здесь иметь какой-то «индивидуальный» уклад), с ее большей динамикой к свободе, они породили пословицу, отражающую выбор супруга в соответствии с воздействием на него первичного социализирующего микросоциума.

«Дружно не грузно». Пословица отражает тяготы жизни, которые легче преодолеваются именно коллективом. Выражение «Семьей и горох молотят» близко по смыслу к предыдущему, по крайней мере оно подчеркивает эффективный коллек-

тивный труд, который производится в особой семейной атмосфере. Для русских постоянное преодоление тягот, в том числе силами всей семьи, в очень сложных социально-экономических условиях связано с особенностями развития, исторической реализации их социума.

«Мир в семье женой держится». Пословица отражает духовную роль женского гендерного начала. Она «напоминает» нашим сильным женщинам о роли прекрасной «слабости» – тонкости женской натуры – во взаимоотношениях. Для китайского социума такая мысль, вероятно, не характерна, ибо «восток – дело тонкое», роль женщины на востоке прочувствована, осмыслена сильнее. Кроме того, как мы говорили, восточному сообществу, тем более китайскому, не свойственно эксплицитно выражать многие душевно важные вещи, ему свойственна определенная «суровость» в плане отделения внешнего очень деспотичного пласта жизни от семейного ее аспекта – психологического убежища для членов восточных сообществ.

«На что и клад, когда в семье лад». Эта пословица показывает, что «лад» в русской семье бывает не всегда, но как и в любом другом социуме, его очень ценят. С данным выражением по смыслу схоже выражение «Семейное согласие всего дороже». «На вид» русские, славянские семьи более «экспрессивны», чем восточные, тем более китайские, в русских семьях, действительно, больше свободы у членов семьи для самовыражения, а значит, и для конфликтов... Трудная макросоциальная ситуация обостряет такое положение дел (что весьма заметно на современном этапе [10]), именно поэтому «лад» ценится особо.

«Семья воюет, один горюет». Выражение подчеркивает борьбу с невзгодами жизни, которая в русском социуме может быть социально более активной и продуктивной, которая в условиях хорошей семьи, безусловно, кратно эффективнее.

«Птицы в гнезде до осени, дети в семье до возраста». Данная пословица также показывает специфику социума более европейского типа, с тенденцией к более нуклеарной семье.

«Не велика семья, а все едоки». Здесь подчеркивается материальный аспект жизни, его трудность, весьма актуальная для русских, подчеркивается необходимость преодоления данного аспекта с учетом потребностей каждого члена семейного коллектива. Опять-таки – такая пословица возникает потому, что эти проблемы можно осмысливать на социальном уровне, здесь возможна вариативность: от активности людей зависит решение проблем.

Более современный социум вместо пословиц порой использует афоризмы известных деятелей культуры. В отношении семьи высказался знаме-

нитый русский писатель Л.Н. Толстого, известный своим вниманием к семейной тематике: «...все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему» [17]. Данное выражение акцентирует мысль о нравственном, психологическом выборе личности, семьи, которая выступает как будто единый организм, о выборе, от которого зависит счастье или несчастье того, что мы зовем семьей. Здесь подчеркиваются общие важные основы семейного счастья, заключающиеся в доброте, взаимоуважении, тактичности, стремлении постичь горести и радости другого, желании помочь... В социуме, более близком к европейской культуре, эти ценности должны переосмысливаться заново – на уровне именно личностного выбора. В этом смысле высказывания Толстого, показывающего отличие нашей семьи от семьи восточного типа, где отношения, так или иначе, более «заданы» на уровне макросоциума.

В китайском языке много пословиц, поговорок, связанных с семьей [13, с. 259-266].

«В дружной семье все получится (家和万事兴)». В отличие от высказываний современных китайцев, все более ориентирующихся на личностные переживания в семье, эта пословица говорит о совместном преодолении, о роли душевной атмосферы в семье для решения самых разных проблем (представленные ниже пословицы также говорят о тех или иных сложностях, что нехарактерно для современных высказываний китайцев о семье). Мысль о преодолении, тем более усилиями семьи, можно считать универсалией культуры традиционного типа, в данном случае в китайском варианте, в этом варианте она выражена мягче, по причине привычки китайцев как представителей глубоко традиционной культуры к терпению, «преодолению проблем гармонией»; приведенная пословица, вероятно, отражает меньшую возможность социальной активности, вариативности поведения людей.

«В каждой семье есть трудно читающие молитву» (то есть имеется своя проблема;家家有本难念的经). Речь идет также о более мягком варианте русской пословицы – воспроизводящей образ «урода».

«В своей семье все хорошо, а если выйдешь хотя бы на один день, будет трудно» (在家千日好, 出门一时难). Специфически восточное, китайское выражение, раскрывающее семью как «рай», подчеркивающее ее стабильные функции социально-духовного убежища. Выражению вторит пословица «Выходишь из дома, тогда узнаешь, что в своей семье лучше». Последнее выражение – очень мягко – затрагивает и проблематику внутрисемейных

сложностей.

Мы видим, что, даже обращаясь к проблемам, без которых не бывает жизни, произведений словесного искусства, пусть даже малого пословичного жанра, китайская культура сдержаннее, мягче говорит об этих проблемах через единицы провербиального фонда, делая больший акцент на благо семьи, что обусловлено спецификой культуры. Что касается русской семьи, то она в провербиальном фонде отражается в соответствии с более европейским типом культуры, она воспринимается как более социальная, активная, личностная, что предполагает больше противоречий, больше вариативности, активности субъектов. Резкость, контрастность социальных отношений в России находит отражение и в пословицах, связанных с семьей. Подобное противопоставление (как и сходство) отражается во многих единицах провербиального фонда, из которых мы для данной статьи взяли корпус выражений, проанализированных специалистами соответствующего профиля – с целью углубления нашего сравнительного анализа.

Есть работы, осмысливающие через провербиальный фонд содержание, элементы китайского концепта семьи [6]. Они напоминают о том, что семья включает в себя определенное количество близких людей, связанных узами родства, в том числе, конечно, на духовном уровне; что в течение длительного времени семья у самых разных этносов выступала в качестве наиболее прочного, надежного социального звена, явственно помогающего сохранять национальную культуру. К концепту «Семья» у китайцев относятся супруги, родственники, дети, любовь, родители, соседи, родина – речь идет об элементах концепта, наиболее близких к его ядру. Анализ словаря китайского языка позволил исследователям, занявшимся китайским провербиальным фондом на предмет отражения в нем семейных отношений, сформировать выборку из 80 пословиц, показывающих специфику китайской культуры [22].

Нельзя забывать, что пословицы – кристаллизация народной мудрости в течение веков, поэтому они, так или иначе, отражают устои традиционного общества. В наше время при осмыслении семьи китайцы делают акцент на переживании личности, что соответствует современным тенденциям, однако переживания, о которых идет речь, – стабильно положительные [3, с. 191-193], что подчеркивает издревле сложившееся отношение к семье в восточном обществе.

Первый компонент семантического поля концепта «Семья» в китайском языке, согласно данным исследования подходящих пластов провербиального фонда, на которое мы сослались, – компонент родителей.

«У реки есть исток, у дерева корень, кто не почитает родителей, подобен животному». 水有源, 树有根, 不认爹娘如畜生。 Shuǐ yǒu yuán, shù yǒu gēn, bù rèn diē niáng rú chùshēng. Китайские пословицы закономерно очень философичны, образны. Данное высказывание философски убедительно осмысливает роль памяти в культуре, роль памяти по отношению к самым близким людям, давшим биологическую, социальную жизнь человеку. Столь философски-глубокое отношение к семье обусловлено большой духовной глубиной восточного сообщества, вынужденного решать проблемы в основном на духовном уровне, ибо социальный уровень в деспотическом традиционном социуме носит жестко-стабильный характер. Пословица также достаточно «жестко» относится к нарушителю очень строгой социальной нормы уважения к родителям.

«Ребенок связан с матерью, как тыква связана с ее ростком». 孩儿不离娘, 瓜儿不离秧。 Háier bùlí niáng, guā er bùlí yāng. Также философская по характеру пословица, при этом очень образная, подчеркивает очень большую (и позитивную, согласно культурному контексту) зависимость ребенка от матери. Высказывание также отличается своеобразной «жесткостью» – для напоминания о роли семьи, матери для социального и физического выживания человека в трудных условиях очень традиционного быта.

«Дети – это отражение родителей». 父母是孩子的镜子。 Fùmǔ shì háizi de jìngzi. Пословица констатирует огромную социализирующую роль семьи в социуме глубоко традиционного типа. Подобное выражение (отражающее высокую степень зависимости), вероятно, невозможно в русле русской культуры.

Всего указанный исследователь выделяет 17 единиц провербиального фонда, связанных с родителями – из рассмотренных им 80 пословиц о семье (21%). Представители китайского этноса полагают в качестве своей непреложной обязанности – содержание родителей в старости. В рамках культуры, о которой идет речь, считается, что лишь люди, способные проявлять глубокую заботу о родителях, включая сложные обстоятельства, в отношениях с другими ведут себя честно, не проявляют неблагодарность. Следует заметить, что в подобном подходе есть смысл.

Еще один компонент – дети – представлен в исследованном пласте провербиального фонда в количестве 17 единиц (21%).

«Нужно сразу вырывать сорняки с корнем, а ребенка воспитывать с самого детства». 杂草铲除要趁早, 孩儿教育要从小。 Zá cǎo chǎnchú yào chèn zǎo, háier jiàoyù yào cóng xiǎo. Пословица

подчеркивает строгость воспитания и тонкость подхода к нему в китайском социуме. И в том, и в другом аспекте она выразительнее, «сильнее», чем это можно представить относительно русских пословиц с подобным содержанием.

«Земля, вспаханная плохо, – вред на весь урожай, плохо воспитанный ребенок не исправится всю жизнь». 春耕不好害一春, 教儿不好害一生。Chūngēng bù hǎo hài yī chūn, jiào er bu hǎo hài yīshēng. Пословица с тем же содержанием огромной важности воспитания, строгого воспитания, при этом здесь заметно «роковое» отношение к человеческой судьбе, свойственное мышлению людей древности. Интересно, что содержание 17 пословиц о детях подчеркивает, что главное для китайцев в деле воспитания детей – дать образование подрастающему поколению, способный ребенок может быть осмыслен как бесценное сокровище, при этом дети воспринимаются как отражение родителей... Акцент на тонком интеллекте во многих восточных сообществах показывает осознание глубокой важности образования уже «на заре цивилизации».

Еще один компонент концепта «Семья», выделенный в указанном исследовании, – родственники.

«Родственные связи ценятся так же, как говядина на косточке». 人亲骨肉香。Rén qīn gǔròu xiāng. Пословица подчеркивает органическую связь рода с конкретной семьей, она также возможна лишь в глубоко традиционном обществе. Всего выделено 15 пословиц указанной тематики (19%). Анализ данных провербиальных единиц установил большую значимость родственников для китайской семьи, она предостерегает: ни в коем случае не следует поддаваться соблазну отдаляться от родственников, членов более обширной семьи; хорошие потомки закономерно и мудро оцениваются гораздо выше почета, материального благосостояния.

Также 15 пословиц из 80 (19%) посвящено еще одному компоненту китайского концепта семьи – соседству. Это показывает общество с глубоко коллективистским началом. Впрочем, когда речь идет о соседях, в китайских реалиях можно говорить именно почти о родственности – более чем о дружбе в прямом смысле этого слова. Соединенные очень близким бытом, взаимно «наблюдающие» семейные отношения, часто коммуницирующие по самым разным будничным, праздничным и иным поводам, соседи в очень традиционном обществе – судьба. В рамках культуры Поднебесной соседей часто соотносят с близкими родственниками, полагая дом с хорошими соседями в качестве бесценного! Покой, «семья как убежище»

гарантируются более при мирных соседях. Представленные ниже пословицы показывают специфику восточного быта. Интересно, что соседи в какой-то мере, конечно, – уже «внешний мир» для китайской семьи.

«Плохие соседи еще опаснее коварного врага». 阴险的邻居, 有时比凶恶的敌人更可怕。Yīnxiǎn de línjū, yǒushí bǐ xiōng'è de dírén gèng kěpà. «Кто заботится только о себе, никогда не поладит с соседями». 只顾自己的人, 和邻居合不来。Zhǐgù zìjǐ de rén, hé línjū hébulái.

Компонент супружества представлен 11 единицами провербиального фонда (14%). Он уступает в количестве потому, что личные, любовные взаимоотношения между мужчиной и женщиной в традиционном обществе закономерно осмысливались как компонент важного целого, входя в целый ряд взаимообусловленных, взаимозависимых уровней.

«Легко создать семью, но трудно ее содержать». 成家容易, 养家难。Chéngjiā róngyì yǎngjiā nán. Высказывание подчеркивает разницу между любовью и именно супружеством, тяготы семейной жизни, которые приходится разделять супругам. Пословицу именно с таким противопоставлением не очень легко представить в рамках русской культуры.

«Сама отказывалась выходить замуж, но семья заставила». 自誓不嫁, 其家逼之。Zì shì bù jià, qí jiā bī zhī. Высказывание подчеркивает жесткую социальную обусловленность традиционного общества. Оно соотносится с русскими высказываниями «Замуж не напасть, кабы замужем не пропасть», «Бабы каются, девки замуж собираются». Русские выражения содержат больше юмора, экспрессии, их можно рассматривать в качестве маркера определенного динамизма социальных отношений: согласно русским пословицам, субъекту все же предоставляется выбор! Наши пословицы, скорее, предостерегают «свободную русскую душу» от опрометчивости, сообщают о «парадоксальных» противоречиях русской семьи, о которых мы уже говорили, чем констатируют жесткую зависимость.

Следующий компонент концепта «Семья» – любовь – представлен 7 пословицами (9%). Уменьшение количества в выборке говорит, помимо прочего, о том, что глубоко личное, межличностные отношения зачастую менее эксплицируются в традиционном обществе. Интересно, что понятие любви здесь проявляется в широком смысле, не только как любовь мужчины и женщины.

«Строгость – это любовь, свобода – вред, если оставить ребенка в покое и не воспитывать, он из-

менится к худшему». 严是爱, 松是害, 不管不教要变坏。 Yán shì ài, sōng shì hài, bùguǎn bù jiào yào biàn huài.

«Любишь цветок – люби и вазу, любишь дочку, так полюби и зятя». 爱花连盆爱, 爱女疼女婿。 Ài huā lián pén ài, ài nǚ téng nǚxù.

«Ругань на словах, а любовь в сердце». 骂在嘴上, 爱在心上。 Mǎ zài zuǐ shàng, ài zài xīn shàng.

Компонент Родина представлен в рассматриваемой выборке 3 пословицами (4%).

«Как в стране есть законы, так и в семье есть правила». 国有国法, 家有家规。 Guó yǒu guó fǎ, jiā yǒu jiā guī. На русской почве непросто представить такие глубоко философские единицы провербиального фонда.

Сказав выше о разнице в восприятии семьи в Китае и в России, заметном по пословицам, – о большей социальной, личностной динамике, контрастности, «дисгармонии» российской семьи по сравнению с китайской как с более стабильной, эмоционально-позитивной, глубоко-гармоничной, скажем здесь об особенностях китайского провербиального фонда в отношении концепта семьи. Пословицы показали определенное соотношение важных элементов концепта «Семья» в китайской лингвокультуре, его отличие от русского. Любые средства выражения концепта имеют свою специфику. В частности пословица имеет социальную направленность в смысле определенного научения, она нередко опирается на яркие, порой «резкие» бытовые образы (в китайской лингвокультуре последнее проявляется менее, хотя и здесь, конечно, присутствуют подобные компоненты: тыквы и ее хвостика, говядины на косточке, вырываемых с корнем сорняков и т. п.). Несмотря на свою социальность, пословица в Китае достаточно философична, что отражает специфику культуры, тем более что речь идет о важном феномене семьи, глубоко почитаемой в Китае.

Литература

1. Али Н.Ф. Концепт «Дружба» в русской лингвокультуре (на материале пословиц и поговорок русского языка) // Преподаватель XXI век. 2019. № 4. С. 395 – 406.
2. Ангелова М.М. «Концепт» в современной лингвокультурологии // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики: сборник научных трудов. 2004. вып. 3. С. 3 – 10.
3. Баяндина И.В. Концепт «Семья» в китайской лингвокультуре // Молодой ученый. 2020. № 16 (306). С. 191 – 193.
4. Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 2005. С. 266.

5. Доромбекова А.О. Пословицы и поговорки как почва для зарождения философского афоризма // Наука, техника и образование. 2016. № 2 (20). С. 112 – 116.

6. Дулуба Е.С. Концепт «Семья» в китайской лингвокультуре // Интернет-конференции Сибирского юридического университета, 27.05.2015 // <http://conf.omua.ru/content/koncept-semya-v-kitayskoy-lingvokulture>

7. Захарьин А.Б. Особенности религиозной политики КНР в XX в. // Вестник Московского университета. Серия 13, Востоковедение. 2015. № 1. С. 82 – 96.

8. Лапухина М.В. Эмоциональный уровень в индивидуальных представлениях человека о счастье (на примере эмоции радости) // Аналитика культурологии. 2005. № 2 (4). С. 93 – 97.

9. Мартынова А.Н., Митрофанова В.В. Пословицы. Поговорки. Загадки. М., 1986. С. 211.

10. Пьянкова Т.В. Лексическое представление ассоциативно-семантического поля «Семья» в современной женской прозе (на материале произведений Л. Улицкой и Л. Петрушевской) дис. ... канд. филолог. наук. СПб, 2012.

11. Религия Китая – симбиоз всех конфессий под одним небом // Mirkitaya.ru // <https://mirkitaya.ru/kitai/religiya-drevnego-kitaya.html>

12. Русская национальная идея и «русская мечта» // Военное обозрение, 01.04.2021 // <https://topwar.ru/181443-russkaja-nacionalnaja-ideja-i-russkaja-mechta.html>

13. Словарь китайских пословиц / под ред. Чжоу Цзинци. Пекин, 2006. С. 259 – 266.

14. Степанов Ю.С. Слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология. М.: Academia, 1997. С. 288 – 306.

15. Теплых Н.В. Русский мир как традиционная основа духовной культуры социума // Социально-политические науки. С. 147 – 151.

16. Тихомирова Е.И., Чжао Ц. Культурные универсалии и концепт «Дом-семья» // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2012, № 2 (6). С. 73 – 80.

17. Толстой Л.Н. Анна Каренина: роман: в 7 ч. Ч. 1-4. Л., 1987.

18. Файе Ф. Д. К уточнению понятия концептуально значимой лексики // Русистика. 2014. № 4. С. 80 – 84.

19. Эмоции // Рубинштейн С. Основы общей психологии. СПб, 2000.

20. Ян Ф. Концепт «Семья» в русской и китайской языковых картинах мира // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. 2013. Т. 323. № 6. С. 250 – 255.

21. Ян Ф. Концепт «Семья» в русской и китайской языковых картинах мира // Известия Томского политехнического университета. 2013. Т. 323. № 6. С. 250 – 254.

22. 汉语词典: Китайский толковый словарь // <http://cidian.xpcha.com/c0763nxd41e.html>

References

1. Ali N.F. Koncept «Druzha» v russkoj lingvokul'ture (na materiale poslovic i pogovorok russkogo yazyka). / Prepodavatel' НКНІ век. 2019. № 4. S. 395 – 406.

2. Angelova M.M. «Koncept» v sovremennoj lingvokul'turologii. Aktual'nye problemy anglijskoj lingvistiki i lingvodidaktiki: sbornik nauchnyh trudov. 2004. vyp. 3. S. 3 – 10.

3. Bayandina I.V. Koncept «Sem'ya» v kitajskoj lingvokul'ture. Molodoj uchenyj. 2020. № 16 (306). S. 191 – 193.

4. Dal' V.I. Posloviy russkogo naroda. M., 2005. S. 266.

5. Dorombekova A.O. Posloviy i pogovorki kak pochva dlya zarozhdeniya filosofskogo aforizma. Nauka, tekhnika i obrazovanie. 2016. № 2 (20). S. 112 – 116.

6. Duluba E.S. Koncept «Sem'ya» v kitajskoj lingvokul'ture. Internet-konferencii Sibirskogo yuridicheskogo universiteta, 27.05.2015. <http://conf.omua.ru/content/koncept-semya-v-kitayskoy-lingvokulture>

7. Zahar'in A.B. Osobennosti religioznoj politiki KNR v XX v. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13, Vostokovedenie. 2015. № 1. S. 82 – 96.

8. Lapuhina M.V. Emocional'nyj uroven' v individual'nyh predstavleniyah cheloveka o schast'e (na primere emocii radosti). Analitika kul'turologii. 2005. № 2 (4). S. 93 – 97.

9. Martynova A.N., Mitrofanova V.V. Posloviy. Pogovorki. Zagadki. M., 1986. S. 211.

10. P'yankova T.V. Leksicheskoe predstavlenie asociativno-semanticheskogo polya «Sem'ya» v sovremennoj zhenskoj proze (na materiale proizvedenij L. Ulickoj i L. Petrushevskoj) dis. ... kand. filolog. nauk. SPb, 2012.

11. Religiya Kitaya – simbioz vseh konfessij pod odnim nebom. Mirkitaya.ru. <https://mirkitaya.ru/kitai/religiya-drevnego-kitaya.html>

12. Russkaya nacional'naya ideya i «russkaya mechta». Voennoe obozrenie, 01.04.2021. <https://topwar.ru/181443-russkaja-nacionalnaja-ideja-i-russkaja-mechta.html>

13. Slovar' kitajskih poslovic. pod red. CHzhou Czinci. Pekin, 2006. S. 259 – 266.

14. Stepanov YU.S. Slovo. Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta: antologiya. M.: Academia, 1997. S. 288 – 306.

15. Teplyh N.V. Russkij mir kak tradicionnaya osnova duhovnoj kul'tury sociuma. Social'no-politicheskie nauki. S. 147 – 151.

16. Tihomirova E.I., CHzhao C. Kul'turnye univertsalii i koncept «Dom-sem'ya». Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2012, № 2 (6). S. 73 – 80.

17. Tolstoj L.N. Anna Karenina: roman: v 7 ch. CH. 1-4. L., 1987.

18. Faje F. D. K utochneniyu ponyatiya konceptual'no znachimoj leksiki. Rusistika. 2014. № 4. S. 80 – 84.

19. Emocii. Rubinshtejn S. Osnovy obshchej psihologii. SPb, 2000.

20. YAn F. Koncept «Sem'ya» v russkoj i kitajskoj yazykovyh kartinah mira. Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. Inzhiniring georesursov. 2013. T. 323. № 6. S. 250 – 255.

21. YAn F. Koncept «Sem'ya» v russkoj i kitajskoj yazykovyh kartinah mira. Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. 2013. T. 323. № 6. S. 250 – 254.

22. 汉语词典: Kitajskij tolkovyj slovar'. <http://cidian.xpcha.com/c0763nxd41e.html>

**APPEAL TO THE PROVERBIAL FUND OF THE LANGUAGE AS AN
ADDITIONAL METHOD OF STUDYING THE CONCEPT (BASED ON
THE MATERIAL OF THE CONCEPT “FAMILY”
IN CHINESE IN COMPARISON WITH RUSSIAN)**

*Zhao Yuanze,
Gannan Normal University, China*

Abstract: at the present stage of cultural integration, it is important to compare linguistic and cultural phenomena associated with the most important values – in particular, the value of the family – in different cultures, especially taking into account the long-standing ties between countries. The comparison of the concept of family in Russian and Chinese linguistic cultures, expressed through proverbs, provides additional information in the aspect of understanding family values by representatives of different communities. An important role here is played by the specifics of the proverb as an aphoristic genre coming from the depths of centuries.

Keywords: the concept of “Family”, China, Russia, spiritual values, proverbial fund, features of proverbs, aphorism, philosophical and everyday meaning

ОБ ИЗУЧЕНИИ ФОРМАЛЬНОГО И СЕМАНТИЧЕСКОГО ВАРЬИРОВАНИЯ В НОВОАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ БИБЛИИ КОРОЛЯ ИАКОВА)

*Шехтман Э.Н., кандидат филологических наук, доцент,
Исаев Д.В., кандидат филологических наук, старший преподаватель,
Оренбургский государственный педагогический университет*

Аннотация: статья посвящена изучению особенностей формального и семантического варьирования в новоанглийском языке на материале авторизованной Библии короля Иакова 1611 г. Формальное варьирование рассматривается с помощью анализа вариантных основных форм глаголов вариативного парадигматического оформления (ВПО) (см.: [10]), зафиксированных в этом тексте Библии, являющемся авторитетнейшим и потому показательным образцом литературного и духовного языка этой эпохи. Семантическое варьирование изучается на материале лексических единиц, представленных в переводе, с точки зрения синонимии и употребления определенных выражений при передаче оттенков значения оригинального текста. Варьирование лексического оформления высказываний позволяет выделить как чисто лингвистические аспекты перевода, во многом оказавшие влияние на развитие английского литературного языка, так и богословские идеи, воплотившиеся в тексте.

Целью исследования было обобщение характерных особенностей двух видов варьирования в новоанглийском языке на двух языковых уровнях: морфологическом и лексическом, насколько они поддаются анализу по тексту избранного источника. В соответствии с этим **задачи** были сформулированы следующим образом: 1) выявить варьирующие основные формы глаголов ВПО в новоанглийский период по тексту авторизованной Библии 1611 г. и изучить их особенности; 2) рассмотреть вариативы (не только варианты (видоизменения) одной и той же языковой единицы в пределах ее тождества, но и взаимозаменяемые разновыраженные единицы, структурные элементы текста, обладающие семантической и функциональной эквивалентностью [7, с. 5]) употребляемых в тексте лексем, принимая во внимание параллельные переводы библейских текстов и их оригиналы; 3) там, где варьирование не является свободным, выяснить, какова мотивация употребления вариантов конкретных морфологических форм и вариативов лексических единиц. **Практическая значимость** данной статьи заключается в том, что результаты предпринятого исследования могут быть использованы в преподавании курсов истории английского языка, лексикологии, теоретической грамматики и теории перевода в высшем учебном заведении.

Ключевые слова: новоанглийский период, формальное варьирование, вариативы, глаголы вариативного парадигматического оформления, перевод, авторизованная версия Библии короля Иакова

Данная статья выполнена в русле работ по вариологии, которая была и остаётся важнейшим направлением лингвистических исследований. Материалом исследования послужила английская Библия короля Иакова (King James Version, KJV) 1611 года, в статье применяется синхронический подход, изучается новоанглийский период истории языка. Изучение формального, в данном случае, морфологического, варьирования предпринято на материале глаголов вариативного парадигматического оформления (ВПО) в тексте Библии, вариативы как варианты лексического уровня рассматриваются в широком контексте различных переводов конкретных лексем. Изучение различных аспектов варьирования на данном материале обуславливает **актуальность** предпринятого исследования.

Новизна данного исследования заключается в том, что варьирование было рассмотрено в широком контексте, с одной стороны, изучено формальное варьирование на материале морфологических вариантов глаголов ВПО, с другой стороны, рассмотрено варьирование на лексическом уровне с привлечением разных способов перевода лексем.

Методы исследования включают лингвистический, грамматический и семантический, и пере-

водческий, сравнительно-сопоставительный анализ.

Теоретической базой исследования послужили работы таких авторов, как Е.С. Кубрякова, Дж. Макнайт, О.В. Москальская, Т.А. Расторгуева, Н.Н. Семенюк, А.Д. Швейцер, В.Н. Ярцева, А.С. Десницкий, А.А. Осипова и др.

Кроме основных морфологических классов глаголов, – стандартных и нестандартных, – и глаголов смешанных (с одной стандартной и одной нестандартной основными формами), глаголов супплетивных и претерито-презентных, существует ещё одна подгруппа глаголов, имеющих как стандартные, так и нестандартные основные формы и прошедшего времени, и причастия II, глаголов вариативного парадигматического оформления (глаголов ВПО) (термин наш – Э.Ш., см.: [10]).

На их примере предлагается изучать морфологическое варьирование в историческом плане, так как эти глаголы веками оставались варьирующими (и поныне сохраняют эту особенность своей морфологии).

Если по языку произведений Шекспира можно составить определённое представление об устной речи и языке художественной литературы 16 – начала 17 веков, о светском английском языке

эпохи Возрождения, то авторизованный перевод библии 1611 г. даёт картину того языка, на котором говорила церковь, занимавшая всё более значительное место в сознании людей в эпоху реформационных процессов, – «простого, безыскусного языка прозы религиозного характера, “good prose”, на смену которой пришла пресловутая изощрённость» [3, с. 94].

Авторизованная библия, созданная в 1611 году, является важнейшим языковым памятником новоанглийского периода. Она основывалась во многом на переводе библии Тиндала (Tyndale) 1525 г., а также на последовавшем за ним переводе Ковердала (Coverdale) 1535 года. Авторизованный перевод был выполнен по приказу короля Иакова (James) лучшими учёными университетов.

Дж. Макнайт [15, с. 113] пишет, что язык авторизованной библии не вполне соотносится с английским языком какого-либо определённого периода, но тем не менее основные черты «библейского английского» были predeterminedены в начале 16 века Вильямом Тиндалем.

Р. Лоут называет этот перевод библии “the vulgar translation of the Bible” [14, с.101], однако в словаре Кокерэма (1623 г.) помету “vulgar” получил очень широкий круг слов, в том числе устаревшие и диалектные. (см.: [6, с.111]. Скорее всего, под “vulgar” следует понимать «народный», «простой», без каких-либо коннотаций более позднего времени. Через библию шёл поток чисто английской традиции, так как библия 1611 года была призвана избежать двух крайностей: слишком сильного упрощения, с одной стороны, и ту-

манности, насаждаемой католическими переводчиками, с другой. Библия была одним из главных источников культуры 17 века. При пуританском режиме было множество статутов, предписывавших изучение и публичное чтение библии [15, с. 257].

Другая особенность, обуславливающая важность изучения этого литературного памятника, заключается в том, что, несмотря на несколько консервативный характер, авторизованная библия «по употреблению близка к современному английскому языку в большей степени, чем любая другая книга того времени» [16, с. 197]. Правда, это утверждение относится к началу XX века. В то же время Прайс отмечает, что орфография и грамматика авторизованной библии «кажутся заранее закреплёнными, так что варьирование сравнительно ограничено» [16, с. 197].

Данные по авторизованной версии получены из конкорданса Джеймса Стронга и сопоставлены с библиями 1592 и 1633 годов, причём с переизданием 1633 года – пословно, а с изданием 1592 года – выборочно. Необходимо отметить, что первый английский «новый завет» был опубликован Тиндалем в 1525 г., а первая полная библия – Ковердалем в 1535 г., хотя части её появились в печати до этого времени. Как указывают Т. Дарлоу и Ф. Моул, «после 1611 года каждое издание <...> воспроизводит текст King James’ version” [12, с.xviii]. Результаты рассмотрения состояния варьирования глаголов вариативного парадигматического оформления (глаголов ВПО) могут быть представлены в следующей таблице (см. табл. 1):

Таблица 1

Распределение варьирующих основных форм глаголов ВПО в авторизованной библии

Глагол в одном из вариантов основных форм	Суммарное количество употреблений	Соотношение основных форм	
		Past Tense	Past Participle
abode (-st)	66	65	1
bereaved	6	-	6
blessed	302	77	225
burned	97	37	60
burnt	357	39	318
chode	2	2	-
clad	2	-	2
clothed	73	14	59
dreamed	20	11	9
girded	33	12	21
girt	4	1	3
hanged	30	15	15
heaved	3	-	3
knit	6	-	6
leaned	6	6	-
leaped	8	5	3

Продолжение таблицы 1

learned	22	6	16
lighted	13	10	3
quit	3	-	3
smelled	2	2	-
sped	1	-	1
spilled	3	1	2
spilt	1	-	1
spoiled	55	16	39
waked	1	1	-
wrought	100	45	55

Таким образом, в формах претерита и/или причастия прошедшего времени в авторизованной библии употребляется 22 из 33 современных глаголов ВПО. Из них только четыре глагола – burn, clothe, gird, spill – имеют варианты основные формы, что подтверждает правоту замечания Прайса. Можно сказать, что большая часть основных форм была закреплена заранее. Там, где вариантность проявляется, она могла быть результатом действия неязыковых факторов, в частности, предпочтений и пристрастий переводчиков, ошибки наборщиков и т. д.

Так, форма clad в обоих случаях употреблена как причастие II в составе сложных форм: ... he had clad himself... (1 Kin 11:29); ... was clad with zeal... (Is 59:17). Но и clothed употребляется в числе прочих и в этих формах: ... which were clothed with blue (Eze 23:6); Thou hast clothed me with skin and flesh (Job 10:11).

Рассмотрим употребление основных форм глагола gird. Girt употреблено четыре раза: один – как форма прошедшего времени: He girt his father's coat unto him (Jn 21:7) и трижды – как причастие II в функциях определения и близкой к определению и в пассиве: ... your loins girt about with truth (Eph 6:14);

... a hairy man and girt with a girdle of leather (2 Kin 1:8).

В этих же функциях употребляется и girded: ... took a towel and girded himself (Jn 13:4); ... with your loins girded, your shoes on (Ex 12:11); ... the towel wherewith he was girded (Jn 13:5).

То же самое касается форм spilled – spilt:

... that he spilled it on the ground (Gen 38:9); ... and the wine is spilled (Mk 2:22); ... are as water spilt on the ground (2 Sa 14:14).

В приведённых случаях стандартная форма количественно преобладает над нестандартной: особенно ярко это преобладание проявляется в случаях clad (2) – clothed (73) и girt (4) – girded (33). Причём число употреблений причастия II заметно преобладает над числом употреблений форм претерита. Эта последняя особенность характеризует и варьирование burned/burnt. Однако в отличие от

трёх других варьирующих глаголов форма burnt употребляется значительно чаще, чем burned: burnt (357) – burned (97).

В библии Ковердаля употреблены формы brent, burned, burnt, burnt [Price, 1910, p. 87 – 89]. В издании авторизованной библии 1633 г. в формах претерита и причастия II преобладает burnt, так конкорданс авторизованной версии Дж. Стронга [18, с. 159] даёт претерит burned в случае the mountain burned with fire (Deut 4:11), а в библиях 1592 и 1633 годов здесь употреблена форма burnt; или: конкорданс даёт форму причастия II burned: ... had smitten Ziklag, and burned it with fire (1 Sa 30:1), а в изданиях 1592 г. и 1633 г. в этом случае употреблено burnt.

Выборочное сопоставление конкорданса и двух изданий библии показало, что таких несовпадений особенно много для тех случаев, где в 1611 г. употребляются формы с – (e)d. Употребление формы burnt в издании 1611 г. (авторизованной библии) в основном совпадает с употреблением этой формы в изданиях 1592 и 1633 годов.

Возможно, высокой устойчивости формы burnt способствовала её высокая употребительность. Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что из 378 случаев употребления причастий II и из 318 случаев употребления burnt 251 случай приходится на атрибутивное выражение burnt offering(s) или burnt sacrifice, где определение burnt является компонентом устойчивого словосочетания и во всех трёх изданиях библии, судя по выборочному сопоставлению, имеет единый вид – burnt.

Очевидно, существовала очень устойчивая традиция адъективного употребления причастия II burnt, которая противодействовала распространению стандартного варианта причастия II. Что касается количественного распределения форм претерита burned (37) и burnt (39), оно свидетельствует о том, что сознательное распространение стандартного варианта здесь (в случае претерита) шло более успешно. Возможно, это объясняется тем, что случаи употребления претерита более узнаваемы, по значению легче отождествляются с обозначением действия, чем многообразные сложные

глагольные формы, в состав которых входит причастие II. С другой стороны, оно свидетельствует об общей морфологической неустойчивости в употреблении этого глагола. Варьирование остаётся свободным; в 1633 г. на место *burned* в форме претерита часто возвращается *burnt*. Например,

1592 ...*burnt* it at the brook of Kidron (2 Kin 23:6);

1611 ... *burned* it at the brook of Kidron (2 Kin 23:6);

1633 ... *burnt* it at the brook of Kidron (2 Kin 23:6).

Что касается безвариантных форм прошедшего времени причастия II употреблённых в Библии 1611 г. предшественников глаголов вариативного парадигматического оформления (глаголов ВПО), необходимо отметить, что только шесть глаголов имеют нестандартные основные формы, в то время как 12 – стандартные.

Сравнение этих форм с предшествовавшими им и последующими формами не всегда возможно. Так, в Библии 1592 года употребляется *gobbed*, а в Библии 1633 года встречаются иносказания там, где в Библии 1611 года стоит *bereaved*, например:

1592 *Me haue ye robbed of my children* (Gen 42:36);

1611 *Me have ye bereaved of my children* (Gen 42:36) или:

1611 ... *and hast bereaved thy nations* (Eze 36:13);

1592, 1633 ... *and has been a waster of the people* (Eze 36:13).

Тем не менее, очевидна тенденция к сознательному употреблению стандартных форм. Это особенно заметно в тех случаях, когда стандартность / нестандартность (например, *hang*) могла служить у автора – и служила, например, у Шекспира, смысловоразличению, правда, не всегда последовательно. Так, у Шекспира употребляются разные формы в разных значениях:

(1) *Here hung those lips that I have kiss'd I know* (Ham 5.01.188).

(2) *She says she'll see thee hang'd first* (Shr 2.01.300);

а в Библии 1611 г. одинаковые:

(1) *We hanged our harps upon the willows* (Ps 137:2);

(2) ... *and departed, and went and hanged himself* (Mt 27:5).

Форма *hanged* употребляется во всех значениях также в переводах Библии Ковердаля и Тиндаля. Если сравнить употребление глаголов в Библии 1611 г. и у Шекспира, можно заметить как сходства (в употреблении *burnt/burned*, *clad/clothed*, *girded/girt*, *heaved*, *knit*, *leaned*, *lighted*, *spoiled*, *spilled/spilt*, *waked*, *wrought*), так и различия: в Библии употреблён только один вариант в случаях

bereaved, *blessed*, *dreamed*, *hanged*, *leaped*, *learned*, *quit*, *smelled*, *sped*, а у Шекспира – как минимум два варианта – стандартный и нестандартный.

Безвариантных нестандартных глаголов исследуемой группы в Библии немного: это формы *abode*, *chode* (явно аналогическая форма), *knit*, *quit*, *sped*, *wrought*, а у Шекспира их ещё меньше: *chid* (*chidden*), *knit*, *rid*, *wrought*. Обращает на себя внимание то, что все они имели дентальный согласный в исходе, что, возможно, тормозило присоединение к ним ещё одного дентального – в суффиксе (-'d/ed). Свою роль здесь, по-видимому, сыграли и корневые гласные. Здесь вновь налицо стремление к эвфонии.

Если Дж. Макнайт отмечает «отсутствие формального контроля» (“absence of formal control”) [15, с. 192] как особенность елизаветинского языка, то Библия 1611 года в определённой мере опровергает это. Язык Библии кажется сознательно упрощённым, предпочтение отдаётся наиболее употребительным морфологическим формам, налицо стремление унифицировать формы прошедшего времени и причастия II, заменить варианты единственной формой. Возможно по этим причинам язык Библии так высоко ценили нормализаторы XVIII века. Например, Роберт Лоут называл авторизованную версию 1611 года “the best standard of our language” [14, с. 109].

Изучение лексических аспектов англоязычного текста Библии в наиболее известной и наиболее распространённой версии текста позволяет не только определить характерные языковые особенности данного перевода Священного Писания, но и получить представление о переводческих аспектах, об экзегетическом осмыслении и культурной рецепции текста Библии в англоязычной культуре. Помимо выполнения религиозной функции, Библия короля Иакова оказала серьёзное влияние на формирование английского литературного языка, стала источником вошедших в него фразеологических оборотов, пословиц, цитат и может по праву считаться неотъемлемой частью английской языковой картины мира и англоязычной культуры [8, с. 3].

Библия Короля Иакова переводилась с греческого *Textus Receptus*, Ветхий Завет был переведён с иврита и арамейского масоретского, неканонические книги – в том числе с латинского [9]. Изучение вариативности в употреблении лексики позволяет проследить внутренние закономерности текста, а в случае с библейским переводом раскрыть также и экзегетические предпосылки авторов, так как любой перевод является ещё и комментарием, он «не делается в «богословски стерильном пространстве»... неизбежно приходится обращать

внимание и на некие общие или специфические богословские предпосылки» [5, с. 145].

В.Н. Ярцева отмечает, что «процессы варьирования морфологических и иных элементов в языковой структуре играют большую роль в историческом развитии любого языка» [11, с. 19], «именно при употреблении тех или иных лексем или тех или иных моделей возникают условия для сдвига старых и появления новых значений» [11, с. 22]. Таким образом, выбор тех или иных вариантов единиц языка, хотя и обусловлен контекстом, зачастую является своего рода фактором, определяющим дальнейшее развитие системы – в случае с таким влиятельным текстом, как King James Bible, влияние может быть действительно значительным.

Вариативность может пониматься как в узком лингвистическом смысле, так и в широком. Традиционно вариантами называются модификации одной и той же лексической единицы, однако допустимым представляется расширить понятие, включив однокоренную и разнокоренную синонимию [7, с. 5-6], что особенно актуально в тех случаях, когда вариативность может детерминироваться влиянием другого языка. Вариативность является универсалией, характеризующей все языковые системы, и при этом именно вариативность определяет эволюцию системы языка [2, с. 47]. В случае лексической вариативности речь идет об использовании параллельных способов выражения сходного плана содержания.

В целом текст King James Bible включает достаточно большое количество устаревших слов, так, Г.Н. Гумовская отмечает, что переводчики стремились следовать благородному, а не популярному стилю, часто обращались к старым формам языка, избегая употребления современных компонентов [4].

Рассмотренные нами случаи вариативности лексических единиц в англоязычном тексте Библии показывают, что среди причин вариативности в употреблении лексических единиц в английском тексте присутствуют стремление избежать повторов, передача оттенков значения, в том числе богословских, а также стилистические особенности контекста.

Прежде всего, рассмотрим стилистически детерминированную вариативность и вариативность, связанную с избеганием повтора.

Т.А. Полетаева отмечает, что возвышенный стиль достигается в том числе за счет употребления глагола behold («созерцать») [9] (1326 употреблений в варианте “behold”, по 4 употребления в формах “beholdest” и “beholdeth” и 15 употреблений “beholding”) (в греческом тексте соответствие глаголу εἶδω – «видеть, знать» в повелительном наклонении в форме ἰδοῦ (181 случай упо-

требления как behold в английском тексте) [13]. В трех случаях вместо behold или lo употреблена форма see, это следующие стихи:

And they shall say to you, See here; or, see there: go not after them, nor follow them (Luke 17:23).

... and the eunuch said, See, here is water; what doth hinder me to be baptized? (Acts 8:36).

Видно, что в данном случае выбор варианта see в английском тексте (при том, что в греческом оригинале употреблена та же форма ἰδοῦ, что и в случаях с behold и lo в Новом Завете) обусловлен более «простым» контекстом, изменением коннотации на более «приземленную», при этом во всех случаях передается речь людей. Характерно то, что употребление глагола see в английском тексте встречается в принципе реже, чем behold – 597 раз на весь текст King James Bible (lo используется 159 раз). Т. А. Полетаева пишет, что частица lo используется для того, чтобы подчеркнуть чувство потрясения от чуда, при этом в русском синодальном переводе этому междометию соответствует междометие «се» [9].

Употребление архаичной единицы anon (быстро, без колебаний) отмечается в тексте дважды, при этом она встречается только в Новом Завете:

... the same is he that heareth the word, and anon with joy receiveth it... (Matthew 13:20).

Данная единица соответствует греческому εὐθύς (сразу же, быстро, также прямо, тотчас), встречаются следующие варианты перевода (в скобках указано их количество): by (1), forthwith (1), immediately (3), right (3), Straight (5), straightway (2).

Во втором случае употребления присутствует соответствие греческому εὐθέως: ... and anon they tell him of her (Mark 1:30).

Представленная в греческом оригинале лексическая единица чаще всего передается как варианты immediately или straightaway, и лишь в двух указанных случаях дан вариант anon (как варианты). Это может быть связано со стремлением избежать повтора (буквально же 31 стих Евангелия от Марка предполагает употребление immediately для передачи греческого εὐθέως). В первом же из рассмотренных нами случаев вероятно стилистическое использование в контексте притчи.

Показательным с точки зрения передачи значений оригинала за счет синонимической вариативности перевод греческого глагола «λέω». Среди представленных вариантов отмечены: bid (1), bid-deth (1), called (37), said (200), saith (293), say (285), sayest (21), shew (1), uttered (1) и другие. Рассмотрим вариант с bid:

If there come any unto you, and bring not this doctrine, receive him not into your house, neither bid him God speed (2 John 2:10).

Характерно, что в следующем же стихе встречается употребление формы *biddeth*.

Существуют примеры вариативов, имеющие смысловую и богословскую детерминацию. В частности, «Ghost» и «Spirit» (*Ghost* и *Spirit* с заглавной буквы используются для обозначения Святого Духа, тогда как *spirit* служит для обозначения духа человека, ангелов и т.д. [9]).

Go ye therefore and teach all nations, baptizing them in the name of the Father, and of the Son, and of the Holy Ghost (Mt.28:19).

Греческое *πνεῦμα* чаще всего передается как *Ghost* (92), *Spirit* (257) или *spirit* (в форме множественного числа может обозначать и злых духов: *And I saw three unclean spirits...* (Rev. 16:13), однако присутствует один случай, когда *πνεῦμα* передано как *life*:

And he had power to give life unto the image of the beast... (Rev. 13:15).

В данном случае вероятно тенденция дистанцироваться от ассоциации духа с образом зверя, рассматриваемого в 13 главе Откровения, так как в других случаях в этой книге встречается обозначение как *Spirit* (например: *Yea, saith the Spirit, that they may rest from their labours; and their works do follow them* (Rev. 14:13). Кроме того, в определенных случаях вариативность в употреблении лексических единиц в английском тексте может быть связана с передачей оттенков значения, характерных для оригинального текста.

Πειράζω (испытывать, искушать) в переводе передается как *assayed* (1), *prove* (1), *tempt* (6), *tempted* (15) и др.

В частности, в следующем стихе:

... I also will keep thee from the hour of temptation, which shall come upon all the world, to try them that dwell upon the earth (Rev. 3:10).

В данном случае *try* и *temptation* передают однокоренные слова греческого оригинала (*πειρασμός* и *πειράζω*), речь идет о стремлении не повторять один корень (тем не менее, *πειρασμός* во всех случаях передается как *tempt* или *temptation*, а *try* служит и для передачи *δοκιμάζω*).

В одном случае *πειράζω* передано как *assayed*:

After they were come to Mysia, they assayed to go into Bithynia: but the Spirit suffered them not (Acts 16:7).

В данном случае передается значение «предпринимать попытку» (эта же форма используется для передачи древнееврейского *חָזַק* – *Or hath God assayed to go and take him a nation from the midst of another nation...* (Deut. 4:34).

Πειράζω также в одном случае переведено как *examine*:

Examine yourselves, whether ye be in the faith... (2 Cor. 13:5).

Prove в этом случае служит для передачи греческого *δοκιμάζω*, в этом случае вариативность служит для передачи оттенков значения оригинального текста.

Архаизмы в тексте *King James Version* характеризуются как таковые не только с точки зрения современного языка, – текст в целом достаточно архаичен [8, с. 27]. Выбор лексики в случае вариативности детерминируется различными факторами, среди которых следование стилистическому и контекстуальному оформлению оригинала, общая архаизация текста, а также «богослужебная направленность» в сочетании с четким и последовательным лингвистическим подходом. Е. М. Верещагин при анализе текста *King James Bible* отмечает, что переводчики английского текста в «в богословски ответственных контекстах» [1] обращались к Септуагинте, несмотря на главенствующую роль в переводе масоретского текста Танаха. Вариативность свидетельствует о том, что авторы перевода проводили последовательный поиск наиболее подходящих единиц для передачи значения текста и создания единого стилистического облика перевода Священного Писания.

Всё сказанное выше позволяет сделать следующие выводы: морфологическое варьирование в тексте Библии 1611 года проявляется в виде тенденций к упрощению языка, в частности, к унификации форм прошедшего времени и причастия II, варианты преимущественно заменяются единственной формой. В отношении использования вариативов зафиксированы такие особенности и мотивы варьирования, как стремление избежать повторов и передать оттенки значения, стилистические особенности контекста, создать единый стилистический облик текста. Таким образом, текст Библии короля Иакова отражает существующие в языке тенденции в сочетании с результатом лингвистической и экзегетической работы авторов.

Литература

1. Алексеев М.Е., Нагорная А.В. Библия Короля Иакова: 1611-2011: Культурное и языковое наследие // Языкознание: реферативный журнал. М., 2014. № 3. С. 47 – 54
2. Вагана Ж., Бондаренко Е.В., Чернова О.О. Теоретические основы изучения проблемы языковой вариативности. Научные ведомости. Серия гуманитарные науки, №6, 2012. С. 41– 49.
3. Гальперин И.Р. Некоторые типологические особенности литературного английского языка XVI в. // Типология германских литературных языков. М.: Наука, 1976. С. 92 – 107.

4. Гумовская Г.Н. Языки для специальных целей: религиозный английский язык // Религиозная коммуникация и профессиональное образование. Серия: Языкознание. М., 2014. Вып. 18 (704). С. 210 – 220.

5. Десницкий А.С. Современный библейский перевод: теория и методология. М.: Изд-во ПСТГУ, 2015. 432 с.

6. Линский С.С. Лексикографическая практика как отражение гомогенности и вариативности лексики литературного языка // Типология германских литературных языков. М.: Наука, 1976. С. 108 – 115.

7. Нагорная Т.А. Языковая вариативность библейских текстов в переводе М. Лютера: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2011. 201 с.

8. Осипова А.А. Русские и английские версии Священного Писания как переводческий и лингвокультурный феномен: автореферат дис. ... докт. филол. наук. М., 2016. 44 с.

9. Полетаева Т.А. Особенности языка King James Bible (на примере анализа текста Евангелия от Матфея) // Научный результат. Сетевой научно-практический журнал. Серия: Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2015. № 1. С. 49 – 56.

10. Шехтман Э.Н. Глаголы вариативного парадигматического оформления в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. М. 1989. 141 с.

11. Ярцева В.Н. Проблема вариативности и взаимоотношение уровней грамматической системы языка // Вопросы языкознания, 1983. № 5. С. 17 – 24.

12. Darlow T.H., Moule H.F. Historical Catalogue of Printed Editions of the English Bible 1525 1961. London N.Y.: Bible Societies, 1968. xxv, 549 p.

13. King James Bible Dictionary. Электронный ресурс. URL: <http://kingjamesbibledictionary.com/Dictionary> (дата обращения: 15.07.2021)

14. Lowth R.A. Short Introduction to English Grammar. London, J. Doddsen, 1769. 218 p.

15. McKnight G.H. The Evolution of the English Language from Chaucer to the 20th century. N.Y., Dover, 1968. 590 p.

16. Price H.T. A History of Ablaut in the Strong Verbs from Caxton to the End of the Elizabethan Period, Bonn: Peter Hanstein, 1910. 200 p.

17. Spevack M. The Harvard Concordance to Shakespeare. Cambridge, Mass.: Belknap Press, 1973. 1600 p.

18. Strong J. The New Strong's Exhaustive Concordance of the Bible. Nashville, etc., 1984. Sep. pag.

References

1. Alekseev M.E., Nagornaya A.V. Bibliya Korolya Iakova: 1611-2011: Kul'turnoe i yazykovoe nasledie. YAzykoznanie: referativnyj zhurnal. M., 2014. № 3. S. 47 – 54

2. Vagana ZH., Bondarenko E.V., Chernova O.O. Teoreticheskie osnovy izucheniya problemy yazykovoj variativnosti. Nauchnye vedomosti. Seriya gumanitarnye nauki, №6, 2012. S. 41– 49.

3. Gal'perin I.R. Nekotorye tipologicheskie osobennosti literaturnogo anglijskogo yazyka XVI v. Tipologiya germanskikh literaturnyh yazykov. M.: Nauka, 1976. S. 92 – 107.

4. Gumovskaya G.N. YAzyki dlya special'nyh celej: religioznyj anglijskij yazyk. Religioznaya kommunikaciya i professional'noe obrazovanie. Seriya: YAzykoznanie. M., 2014. Vyp. 18 (704). S. 210 – 220.

5. Desnickij A.S. Sovremennyj biblejskij perevod: teoriya i metodologiya. M.: Izd-vo PSTGU, 2015. 432 s.

6. Linskij S.S. Leksikograficheskaya praktika kak otrazhenie gomogenosti i variativnosti leksiki literaturnogo yazyka. Tipologiya germanskikh literaturnyh yazykov. M.: Nauka, 1976. S. 108 – 115.

7. Nagornaya T.A. YAzykovaya variativnost' biblejskikh tekстов v perevode M. Lyutera: dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 2011. 201 s.

8. Osipova A.A. Russkie i anglijskie versii Svyashchennogo Pisaniya kak perevodcheskij i lingvokul'turnyj fenomen: avtoreferat dis. ... dokt. filol. nauk. M., 2016. 44 s.

9. Poletaeva T.A. Osobennosti yazyka King James Bible (na primere analiza teksta Evangeliya ot Matfeya). Nauchnyj rezul'tat. Setevoy nauchno-prakticheskij zhurnal. Seriya: Voprosy teoreticheskoy i prikladnoj lingvistiki. 2015. № 1. S. 49 – 56.

10. SHEkhtman E.N. Glagoly variativnogo paradiгmaticheskogo oformleniya v sovremennom anglijskom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk. M. 1989. 141 s.

11. YArceva V.N. Problema variativnosti i vzaimootnoshenie urovnej grammaticheskoy sistemy yazyka. Voprosy yazykoznanija, 1983. № 5. S. 17 – 24.

12. Darlow T.H., Moule H.F. Historical Catalogue of Printed Editions of the English Bible 1525 1961. London N.Y.: Bible Societies, 1968. xxv, 549 p.

13. King James Bible Dictionary. Elektronnyj resurs. URL: <http://kingjamesbibledictionary.com/Dictionary> (data obrashcheniya: 15.07.2021)

14. Lowth R.A. Short Introduction to English Grammar. London, J. Doddsen, 1769. 218 p.

15. McKnight G.H. The Evolution of the English Language from Chaucer to the 20th century. N.Y., Dover, 1968. 590 p.

16. Price H.T. A History of Ablaut in the Strong Verbs from Caxton to the End of the Elizabethan Period, Bonn: Peter Hanstein, 1910. 200 p.

17. Spevack M. The Harvard Concordance to Shakespeare. Cambridge, Mass.: Belknap Press, 1973. 1600 p.

18. Strong J. The New Strong's Exhaustive Concordance of the Bible. Nashville, etc., 1984. Sep. pag.

ON THE STUDY OF FORMAL AND SEMANTIC VARIATION IN NEW ENGLISH (BASED ON THE MATERIAL OF KING JAMES BIBLE)

*Shekhtman E.N., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Isaev D.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Senior Lecturer,
Orenburg State Pedagogical University*

Abstract: the article is devoted to the study of the features of formal and semantic variation in the New English language based on the material of the authorized King James Bible of 1611. Formal variation is considered by analyzing the variant basic forms of verbs of variable paradigmatic design (VPD) (see: [10]), recorded in this text of the bible, which is the most authoritative and therefore indicative example of the literary and spiritual language of this era. Semantic variation is studied on the material of lexical units presented in the translation, from the point of view of synonymy and the use of certain expressions when transmitting shades of meaning of the original text. The variation of the lexical design of statements allows us to distinguish both the purely linguistic aspects of translation, which largely influenced the development of the English literary language, and the theological ideas embodied in the text.

The **aim** of the study was to generalize the characteristic features of the two types of variation in the New English language at two language levels: morphological and lexical, as far as they can be analyzed from the text from the source. In accordance with this, the **tasks** were formulated as follows: 1) to identify the varying main forms of VPD verbs in the New England period according to the text of the authorized Bible of 1611 and to study their features; 2) consider the variations (not only variants (modifications) of the same language unit within its identity, but also interchangeable differently expressed units, structural elements of the text that have semantic and functional equivalence [7, p. 5]) of the lexemes used in the text, taking into account parallel translations of biblical texts and their originals; 3) where the variation is not free, find out what is the motivation for using variants of specific morphological forms and lexical variations units. The **practical significance** of this article lies in the fact that the results of the undertaken research can be used in teaching courses in the history of the English language, lexicology, theoretical grammar and translation theory at a higher educational institution.

Keywords: New English period, formal variation, variations, verbs of variable paradigmatic design, translation, authorized version of the King James Bible

ЭЛЕМЕНТЫ PR ДИСКУРСА НА СТРАНИЦАХ ВЕБ-САЙТА ВОЕННОГО ВУЗА США (НА ПРИМЕРЕ АКАДЕМИИ ВЕСТ ПОЙНТ)

Голубева Т.Ю.,

Военный учебно-научный центр Сухопутных Войск
Общевойсковая академия Вооруженных Сил Российской Федерации

Аннотация: развитие технологий, коммерциализация и интернационализация высшего образования оказали значительное влияние на позиционирование вузов в сети интернет, превратив университетский веб-сайт из визитки, формирующей потенциального адресата о деятельности и программах вуза, в сложный многофункциональный инструмент воздействия, основными целями которого являются продвижение бренда вуза (PR дискурс) и продажа образовательных услуг (маркетинговый дискурс).

В статье приводится обзор актуальных тенденций, связанных с изменением способов представления информации в современном информационно-коммуникативном пространстве на примере веб-сайта американской военной академии Вест Пойнт (США). В рамках исследования рассматриваются структурные (относящиеся к функциональным возможностям сайта), лингвистические (языковые) и паралингвистические (все, что определяет визуальный образ сайта: рисунки, фотографии, цвета, шрифты и пр.) элементы сайта.

В ходе исследования выявлены релевантные компоненты в каждой из обозначенных групп. Среди структурных элементов, упорядочивающих и упрощающих восприятие информации на сайте: наличие качественной мобильной версии, привычная, интуитивно понятная навигация, а также использование иконок для перехода в мессенджеры и социальные сети. Среди паралингвистических элементов, способствующих привлечению внимания к информации: наличие ярких фотографий и контрастных оттенков шрифта, использование иконических знаков для обозначения ссылок на главные разделы второстепенного меню и слайдер на главной странице сайта. Среди лингвистических элементов: лексемы, служащие ценностными ориентирами для будущих кадетов академии; средства создания положительного образа вуза: прилагательные в превосходной степени, прилагательные с ярко выраженной положительной оценкой, а также средства диалогизации дискурса: местоимения второго лица, повелительные формы глагола, вопрошительные и побудительные высказывания.

Ключевые слова: военная академия Вест Пойнт; PR дискурс; веб-сайт вуза; бренд вуза

В лингвистических исследованиях начала XXI века дискурсивное пространство веб-сайта вуза преимущественно ограничивалось рамками образовательного дискурса. Основная цель создания вузовского сайта заключалась в информировании потенциального адресата о направлениях деятельности и образовательных программах вуза. Коммерциализация высшего образования и стремительное развитие интернет-технологий значительно повлияли на представления о роли веб-сайта в современном информационно-коммуникативном пространстве, превратив его в сложный многофункциональный инструмент, основными целями которого являются продвижение бренда вуза (PR дискурс) и продажа образовательных услуг (маркетинговый дискурс).

В данном исследовании под PR-дискурсом сайта вуза понимается специфический тип институционального дискурса, реализующийся в совокупности креолизованных текстов, существующих в рамках определенного веб-адреса и имеющих целью создание благоприятного имиджа вуза в глазах внутренних (сотрудники, студенты) и внешних адресатов (абитуриенты, родители, компании и пр.).

Внешние адресаты составляют основную целевую аудиторию веб-сайта вуза. Говоря об особенностях восприятия, свойственных данной целевой аудитории, следует отметить, что большинство из

них являются представителями так называемой *клиповой культуры*. Данный термин был предложен американским социологом и футурологом Э. Тоффлером и описан как особый способ восприятия информации в обществе будущего, где люди, имеющие определенный тип мышления, воспринимают не тексты, а мелькающие короткие фрагменты информации [4]. В настоящее время такой способ восприятия приобретает все большую актуальность и становится характерным не только для подростков, но и для более старшего поколения. Существенное влияние на восприятие информации оказывает и развитие технологий. Так, например, расширение возможностей мобильных устройств сделало их основным средством доступа в Интернет, что, в свою очередь, способствовало появлению новых, более эффективных способов представления информации в сети, если адресат заходит в неё с мобильного устройства.

Далее рассмотрим актуальные тенденции, связанные с изменением способов представления информации на сайте вуза, разделив все элементы сайта на структурные (относящиеся к функциональным возможностям сайта), лингвистические (языковые) и паралингвистические (все, что определяет визуальный образ сайта: рисунки, фотографии, цвета, шрифты и пр.).

Среди структурных элементов, обеспечивающих эффективность стратегий продвижения брен-

да вуза и продажи образовательных услуг, по мнению специалистов в области разработки и продвижения образовательных сайтов [7], можно отметить: наличие полноценной мобильной версии сайта, надежной и имеющей качественный «дорогой» дизайн; преимущество в использовании привычных вариантов навигации; максимальную информативность и конкретность пунктов меню [6]; необходимость оптимизации структуры и разделов сайта для продвижения его в конкретных поисковых системах; продвижение университета в социальных сетях и трансляции событий из жизни университета с использованием различных программных продуктов таких как Facebook, Instagram, Twitter, YouTube, и др. [7].

В ходе анализа веб-сайта военной академии Вест Пойнт (США) с позиции вышеописанных структурных элементов было выявлено, что мобильная версия сайта внешне схожа с десктопной (от англ. *desktop* рабочий стол, версия сайта для просмотра со стационарного компьютера), она быстро загружается, имеет аналогичный дизайн и удобную навигацию, упрощенную для удобства пользователей мобильных устройств. В десктопной версии сайта академии используется удобная традиционная структура навигационного меню с вертикальной прокруткой, что позволяет пользователям быстро находить нужную информацию.

Главное меню располагается в хедере (от англ. *header* – верхний колонтитул, шапка, заголовок окна) и состоит из шести основных и четырех дополнительных разделов.

Основные разделы хедера, как и название академии, обозначены белым цветом на темном фоне хедера. Это такие разделы как: *About* (Об академии), *Admissions* (Поступающим), *Academics* (Обучение), *The Corps* (Кадетский корпус), *Athletics* (Спортивная жизнь), *Cadet Experience* (Становление кадета). Они адресованы учащимся и поступающим. Отсюда можно сделать вывод о том, что данная группа является целевой аудиторией сайта, а, следовательно, его главным адресатом. Навигационную линейку основных разделов завершают иконки социальных сетей Facebook и Twitter, а также фото- и видеохостинговые сайты: Instagram, YouTube и Flickr, позволяющие потенциальным кадетам и всем желающим следить за событиями из жизни академии в режиме реального времени, что способствует созданию ощущения открытости учебного заведения и, как следствие, повышению уровня доверия.

Дополнительные разделы в десктопной версии расположены над основными пунктами меню в хедере и выделены желтым шрифтом, что делает их чуть менее контрастными, по сравнению с основными разделами. Это такие разделы как: *News*

(Новости), *Parents* (Родителям), *Alumni* (Выпускники), *Community* (Сообщества). Они предназначены для выпускников, родителей и различных сообществ, которые также являются адресатами дискурса, однако представляются второстепенными по отношению к основной группе.

Персуазивный характер PR дискурса образовательных сайтов определяет выбор лингвистических и паралингвистических средств, используемых с целью речевого воздействия адресанта на адресата и побуждения его к совершению определенных действий [3]. В основе акта персуазивной коммуникации лежат стратегии привлечения внимания к объекту, создания положительного имиджа объекта и поддержки интеракции адресант-адресат [2, 6].

Стратегия привлечения внимания за счет паралингвистических элементов сайта достигается путем использования ярких фото, контрастных цветов, различных вариантов шрифта в текстовом оформлении, иконических знаков для обозначения ссылок на основные разделы во всплывающем меню хедера и слайдера на главной странице (от англ. *slide* – скользить, элемент веб-дизайна, расположенный в хедере и представляющий собой блок изменяющихся в ручном или автоматическом режиме картинок, текстов, ссылок и пр.). Последний состоит из 25 коротких видео и фото, сменяющих друг друга в течение 1 минуты. За это время смотрящий не успевает осмыслить содержание посланий, но в его сознании возникает образ престижного, стабильного и успешного учебного заведения с богатой историей, где все работают на благо своей страны. Закрепляют созданный образ два фото, которые медленно сменяют друг друга, как будто давая посетителю возможность «уложить» в сознании полученную информацию.

На одной из этих фотографий изображен памятник суперинтенданту и генералу армии Дугласу Макатуру, чье послание «*Duty, Honor, Country*» (Долг, Честь, Отечество) является одним из значимых лингвистических элементов сайта. Озвученное во время публичного выступления, адресованного Кадетскому корпусу в 1962 году, оно стало девизом академии Вест Пойнт и сформировало ценностные ориентиры для всех последующих поколений кадетов. Подтверждением этому служит и миссия академии, которая также содержит эти лексемы [5]:

...to educate, train, and inspire the Corps of Cadets so that each graduate is a commissioned leader of character committed to the values of **Duty, Honor, Country** and prepared for a career of professional excellence and service to the Nation as an officer in the United States Army. – ...обучать и вдохновлять Кадетский корпус, чтобы каждый выпускник стал

сильным лидером, преданным ценностям Долга, Чести и Отечества, подготовленным к профессиональной карьере и служению нации в звании офицера Армии Соединенных Штатов.

Среди лингвистических средств, направленных на реализацию стратегии привлечения внимания и создания положительного образа академии Вест Пойнт, на сайте используются **прилагательные в превосходной степени**

Best and brightest high school students apply for admission to West Point each year. – Ежегодно самые достойные и талантливые выпускники стремятся поступить в Вест Пойнт;

и прилагательные с ярко выраженной положительной оценкой, которые, в сочетании с глаголом в форме пассивного залога, создают ощущение доверия к сказанному

...you are guaranteed employment in a leadership position, with competitive salary – Вам гарантирована должность руководителя с конкурентоспособной зарплатой.

Обращение к лингвистическим средствам диалогизации дискурса на сайте академии способствует стиранию границ между адресатом и адресантом, делая их равноправными участниками воображаемого диалога. Среди таких средств широко используются **местоимения второго лица**

If you are selected to attend the Academy, you will receive... – Если Вас приняли в Академию, Вы получите...;

формы повелительного наклонения

Read our Frequently Asked Questions and books about WestPoint, watch documentaries, and follow our social media accounts... – Читайте Часто Задаваемые Вопросы и книги о Вест Пойнте, смотрите документальные фильмы и присоединяйтесь к нам в социальных сетях;

побудительные и вопросительные высказывания

Go Army! – Выбирай сухопутные войска!

Do you have what it takes? – Ты такой?

Изменения, связанные с увеличением темпа поступления и обработки информации в современном мире, накладывают отпечаток на визуальное и содержательное представление о вузе во всемирной сети. Образовательный дискурс уступает место PR дискурсу и маркетинговому дискурсу, пришедшим в образование из сферы бизнеса и экономики.

В ходе исследования были рассмотрены современные тенденции, касающиеся структурных, паралингвистических и лингвистических элементов сайта, способствующие реализации основных целей создания веб-сайта вуза на примере академии Вест Пойнт (США) и выявлены релевантные компоненты в каждой из обозначенных групп. К эф-

фективным структурным элементам были отнесены: наличие качественной мобильной версии, привычная, интуитивно понятная навигация и продвижение бренда вуза в социальных сетях. Среди необходимых паралингвистических элементов, способствующих привлечению внимания к информации на сайте, мы отметили наличие ярких фотографий и контрастных оттенков шрифта, использование иконических знаков для обозначения ссылок на главные разделы второстепенного меню и слайдер на главной странице сайта. Среди лингвистических элементов были выделены: лексемы, служащие ценностными ориентирами для кадетов академии; средства создания положительного образа вуза, способствующие развитию стратегий продвижения бренда вуза и продажи образовательных услуг; а также средства диалогизации дискурса, создающие атмосферу открытости, доверия и равноправного диалога между адресатом и адресантом сайта.

Литература

1. Официальный сайт Военной академии США (Вест Пойнт) [Электронный ресурс] URL:<https://westpoint.edu/> (дата обращения: 23.05.2021)
2. Викулова Л.Г., Серебренникова Е.Ф. Структуры моделирования ценностных ориентиров дискурса социальной реальности в массмедийном коммуникативном пространстве // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 2 (14). С. 55 – 63.
3. Сулейманова О.А., Беклемешева Н.Н., Карданова К.С., Лягушкина Н.В., Яременко В.И. Стилистические аспекты перевода: учебное пособие для студ. учреждений высш. проф. Образования. М., 2010. 176 с.
4. Тоффлер Э. Третья волна: пер. с англ. М.: АСТ, 2004. 783 с.
5. Чернявская В.Е. Корпусно-ориентированный дискурсивный анализ идентичности российского университета 3.0 // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 58. С. 97 – 114.
6. Щепилова О.А., Сулейманова О.А., Фомина М.А., Водяницкая А.А. Учет фактора адресата в современном образовательном дискурсе // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2017. № 3 (27). С. 69 – 83.
7. 10 effective higher education marketing strategies for 2019 [Электронный ресурс]. URL: www.theseventh sense.com/blog/10-effective-higher-education-marketing-strategies-for-2019 (дата обращения 23.05.2021)

References

1. Oficial'nyj sajt Voennoj akademii SSHA (Vest Pojnt) [Elektronnyj resurs] URL:<https://westpoint.edu/> (data obrashcheniya: 23.05.2021)
2. Vikulova L.G., Serebrennikova E.F. Struktury modelirovaniya cennostnyh orientirov diskursa social'noj real'nosti v massmedijnom kommunikativnom prostranstve. Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazyka. YAzykovoe obrazovanie». 2014. № 2 (14). S. 55 – 63.
3. Sulejmanova O.A., Beklemesheva N.N., Kardanova K.S., Lyagushkina N.V., YAremenko V.I. Stilisticheskie aspekty perevoda: uchebnoe posobie dlya stud. uchrezhdenij vyssh. prof. Obrazovaniya. M., 2010. 176 s.
4. Toffler E. Tret'ya volna: per. s angl. M.: AST, 2004. 783 s.
5. CHernyavskaya V.E. Korpusno-orientirovannyj diskursivnyj analiz identichnosti rossijskogo universiteta 3.0. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2019. № 58. S. 97 – 114.
6. SHCHepilova O.A., Sulejmanova O.A., Fomina M.A., Vodyanickaya A.A. Uchet faktora adresata v sovremennom obrazovatel'nom diskurse. Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazyka. YAzykovoe obrazovanie». 2017. № 3 (27). S. 69 – 83.
7. 10 effective higher education marketing strategies for 2019 [Elektronnyj resurs]. URL: www.theseventh sense.com/blog/10-effective-higher-education-marketing-strategies-for-2019 (data obrashcheniya 23.05.2021)

**ELEMENTS OF PR DISCOURSE ON THE PAGES OF THE MILITARY
UNIVERSITY WEBSITE (ON THE EXAMPLE OF THE US MILITARY ACADEMY)**

*Golubeva T.Yu.,
Military Training and Research Center of the Ground Forces
Combined Arms Academy of the Armed Forces of Russian Federation*

Abstract: the development of technology, commercialization and internationalization of higher education have had a significant impact on the positioning of higher education institutions on the Internet, turning the university website from a business card informing the potential addressee about the activities and programmes of the university, into a complex multifunctional action tool, the main goals of which are promotion of the university's brand (PR discourse) and sale of educational services (marketing discourse). The article provides an overview of current trends in the way information is presented in the modern communications environment, using the website of the American Military Academy, West Point (USA). The study considers structural (related to site functionality), linguistic (language) and paralinguistic (everything that determines the visual image of the site: pictures, photos, colors, fonts, etc.) elements of the site. The study identified relevant components in each of the identified groups. Among the structural elements that streamline and simplify the perception of information on the site are the presence of a high-quality mobile version, habitual, intuitive navigation, as well as the use of icons for switching to messengers and social networks. Among the paralyzing elements that help to draw attention to the information are the presence of bright photos and contrast of the font, the use of iconic signs to refer to the main sections of the secondary menu and the slider on the main page of the site. Among the linguistic elements are: lexicons, which serve as a reference point for future cadets of the academy; means of creating a positive image of the university: adjectives to an excellent degree, adjectives with a clearly positive assessment, and means of dialogue of the discourse: second-person pronouns, imperative verb forms, interrogative and motivational statements.

Keywords: West Point military academy, PR discourse, university website, university brand

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В КИТАЕ И РОССИИ ПОД ВЛИЯНИЕМ КОРОНАВИРУСА

*Ван Миньминь,
Институт иностранных языков и литературы,
Ланьчжоуский университет, Китай*

Аннотация: со времени начала пандемии коронавируса Китай и Россия плыли в одной лодке, чтобы преодолеть пока еще не изученную вспышку инфекции. Однако в этой непростой борьбе с инфекцией иногда возникали нежелательные инциденты, появлению которых способствовали Интернет-сети как среда свободного выражения общественного мнения. В этой статье собраны некоторые новостные сообщения из официальных и неофициальных СМИ в Китае и России, и собраны некоторые публичные речи, сделанные людьми двух стран в социальных сетях, например, Веб-сайт газеты «Жэньминь жибао», агентство «Синьхуа», «Кругосветную ежедневную газету», Weixin Gongzhonghao (общественный номер счёта WeChat), Итап-ТАСС, РИА Новости, Weixin Pengyouquan (Круг друзей WeChat), Baidu Tieba (Платформа онлайн-общения Baidu), Instagram и т.д. Официальные СМИ в Китае и России положительно относятся к китайско-российским отношениям, но позиция граждан по российско-китайским отношениям было спровоцировано злыми силами, и возникли три позиции: положительная, отрицательная и нейтральная. В этой статье обобщено и проанализировано текущее состояние общественного мнения в Интернете двух стран на фоне эпидемии. В статье сочетаются такие факторы, как фон эпохи, современная политическая ситуация, национальный характер народов Китая и России, и состав пользователей сети, также анализируются сходства и различия общественного мнения в Интернете между Китаем и Россией и причины формирования общественного мнения. Мы исследовали положительное и отрицательное влияние онлайн-общественного мнения на Китай и Россию на фоне коронавируса, и предлагаем несколько предложений по здоровому развитию Интернет-общественного мнения в Китае и России с трех точек зрения: во-первых, правительство Китая и России; во-вторых, граждане двух стран; в-третьих, официальные СМИ и не официальные СМИ двух стран. Надеемся, что эта статья может служить руководством для здорового развития сетевой среды Китая и России и гармонии китайско-российских отношений.

Ключевые слова: коронавирус, общественное мнение, Интернет, российско-китайские отношения

Постановка проблемы

Эра Интернета наступила, понятие «общественное мнение в Интернете» постепенно стало привлекать внимание учёных и получило неоднозначные определения, объясняющиеся разными позициями ученых. Тан Вэй считает, что он-лайн-общественное мнение – это определенное влиятельное и тенденциозное мнение или высказывание о каком-то событии, которое обсуждается и распространяется в Интернете. Фан Пэн, Вэй Шэнвэнь и Вэй Ци считают, что он-лайн-общественное мнение – это сумма политических убеждений, отношений, мнений и эмоций, выражаемых людьми в отношении государственного управления, различных явлений и проблем в реальном обществе через Интернет. Интерпретация этого понятия в словаре «Цихай» такова: «Он-лайн-общественное мнение – это общественное мнение в Интернете, которое соответствует различным взглядам на популярные социальные проблемы. Это одна из форм выражения общественного мнения. Эти важные и ключевые проблемы обычно вызывают сильные влиятельные и тенденциозные замечания и мнения» [3].

Стремительное развитие Интернета не только приносит людям большое удобство, но и доставляет им массу хлопот. Поскольку способность

пользователей Интернета различать добро и зло является сильной или слабой, некоторые люди часто публикуют в Интернете безответственные слова. Некоторые замечания коснулись даже гармоничных отношений между Китаем и Россией, на это надо обратить внимание.

Обзор выраженного в Интернет-сетях общественного мнения, касающегося отношений Китая и России в контексте пандемии

Основываясь на двух критериях: количество перепечаток статей и влияние СМИ, мы выбрали для анализа отечественные СМИ, такие как Веб-сайт газеты «Жэньминь жибао», агентство «Синьхуа», «Кругосветную ежедневную газету», Китайскую сеть новостей, и отсортировали статьи этих четырех органов СМИ. Помимо вышеперечисленных основных средств массовой информации, большое количество независимых средств массовой информации и обычных пользователей сети также обращают внимание на российскую эпидемию и положение китайских граждан в России. Они выражают мнения через такие социальные сети, как Weixin Gongzhonghao (общественный номер счёта WeChat) и Weixin Pengyouquan (Круг друзей WeChat), Baidu Tieba (Платформа онлайн-общения Baidu), Сайт Sino-веб, Tencent QQ, Instagram и т.д. Рассматривая общественное мнение в Интернете,

мы обнаружили, что большинство СМИ публиковало объективные и справедливые отчеты, например, они объявили о количестве людей, зараженных коронавирусом каждый день, или о том, какую помощь Китай и Россия оказали друг другу. Чтобы привлечь внимание пользователей Интернета, неофициальные СМИ иногда публиковали ложные новости, такие как «русские изгнали большое количество китайцев» и «с этими китайцами несправедливо обошлись в России». Эти фейковые новости в большом количестве перепечатывались в Китае, что оказывало плохое влияние.

Основываясь на авторитете СМИ и количестве перепечаток, мы также проанализировали связанные с Китаем разные позиции в общественном мнении, отраженные ИТАР-ТАСС, РИА-Новостями и НТВ. В зависимости от отношения россиян в Интернете к китайско-российским отношениям мы разделяем их высказывания на три категории: во-первых, нейтральный, содержащий простое объяснение; во-вторых, отрицательный; в-третьих, придерживается положительного мнения по отношению к Китаю.

Путем анализа новостей мы также обнаружили, что российские СМИ редко обращают внимание на жизнь российских граждан в Китае и интересные события, произошедшие с китайскими гражданами в период изоляции. Но точка заботы китайских пользователей сети и российских пользователей сети настолько разна. Китайские пользователи сети очень обеспокоены интересными вещами, которые произошли с россиянами в период карантина. Мы думаем, что это связано с интересным и юмористическим характером россиян, а китайцы в основном мирные и спокойные.

Кроме того, «Исследовательский доклад об общественном мнении в России и Китае 2020 года» показывает, что китайцы и россияне нашли консолидирующую основу и российско-китайские отношения стабильны. На основании двух вышеупомянутых отчетов мы приходим к заключению, что антироссийское общественное мнение в Интернете неточно отражает общественное мнение Китая в целом, и не представляет истинный характер китайско-российских отношений.

Раннее предупреждение онлайн-общественного мнения с участием Китая и России в контексте коронавируса

До начала эпидемии граждане Китая в России часто вступали в конфликты с представителями российских правоохранительных органов из-за проблем с визами, паспортами, связанными с ними документами и незнанием местных правил управления. Сеть Sohu, Сеть Sino, китайский иммигрантский канал и Baidu-Новости об этом сообщали:

«Граждане Китая были оштрафованы за курение у входа и выхода в аэропорт», «Граждане Китая оштрафованы за незаконное проживание», «Граждане Китая оштрафованы за вывоз из страны 10 кг трепангов», «Гражданин Китая оштрафован за незаконную покупку костей тигра в России» и т.д. Мы считаем, что это не случайность и к этому следует относиться серьезно. Кроме того, необходимо обратить внимание на проблемы огромного числа пользователей сети и средств массовой информации, которые не умеют отличать истинное от ложного, правильное от неправильного и легко поддаются подстрекательству. В противном случае, по мере развития Интернета и повышения количества пользователей, подобные инциденты будут возникать один за другим. Наконец, государство недостаточно контролирует такие маркетинговые аккаунты. Такие маркетинговые аккаунты обычно уделяют больше внимания развлекательным сплетням и вводят в заблуждение несовершеннолетних пользователей сети. Когда случаются чрезвычайные ситуации, такие аккаунты своим подстрекательством вызывают нарушение общественного порядка, а значит, должны быть устранены.

Итог. Размышление об условиях формирования здорового общественного мнения в Интернете

В настоящее время в Китае существует ряд законов и постановлений об управлении общественным мнением в Интернете. 20 сентября 2000 г. 31-е заседание Государственного совета Китайской Народной Республики приняло документ «Меры по управлению информационными услугами в Интернете»; в октябре 2000 г. приказ №3 Министерства информационной индустрии Китайской Народной Республики, в котором объявлены «Временные положения об администрировании интернет-сайтов, занимающихся публикацией новостей» и «Административные положения об услугах электронных объявлений в Интернете»; в декабре 2012 г. 30-е заседание Постоянного комитета одиннадцатого Всекитайского собрания народных представителей приняло «Регламент Постоянного комитета собрания народных представителей КНР об усилении защиты он-лайн-информации» [5, с. 12]. 24-е заседание Постоянного комитета 12-го Собрания народных представителей КНР приняло «Закон Китайской Народной Республики о сетевой безопасности» в ноябре 2016 года; «Положение об администрировании информационных служб новостей в Интернете» было сформулировано в апреле 2018 г. [1, с. 11].

Россия также работает над управлением пространством Интернета: официально приняты «Закон о связи» в июле 2003 года и «Закон об информации, информационных технологиях и защите

информации» в июле 2006 года. Эти два закона официально учредили полномочия и обязанности государственных учреждений и пользователей Интернета. В июле 2012 года был принят «Закон о защите детей от запрещенной информации», и был составлен «черный список» Интернета для борьбы с незаконным распространением контента в Интернете. В мае 2014 года был принят «Закон о блогах»: блоги и веб-сайты с ежедневным объемом чтения более 3000 должны быть зарегистрированы как СМИ и находиться под государственным контролем. Несмотря на то, что были изданы соответствующие законы и постановления, интернет-технологии меняются с каждым днем, а законы и постановления не охватывают все аспекты. Например, короткое видео стало одной из основных форм мультимедиа, а соответствующие законы не разработаны в этой области. В настоящее время только ассоциация обслуживания сетевых аудиовизуальных программ Китая выпустила два документа: «Стандарты управления платформой сетевых коротких видео» и «Стандартная инструкция рассмотрения сетевого короткого видеоконтента». Мы считаем, что совершенствование соответствующих законов является сложной, кропотливой и трудоемкой задачей, которую необходимо решать в неотложном порядке.

В ответ на встречающиеся в интернет-общественном мнении вопросы, вызванные конфликтами между гражданами России в Китае и представителями местных правоохранительных органов или между гражданами Китая в России и представителями местных правоохранительных органов, необходимо проводить перед въездом в страну разъяснительную работу с гражданами двух стран. Эта работа должна сводиться к детальному ознакомлению с положениями, перечисленными посольствами двух стран, к внимательному изучению соответствующих законов страны въезда. Кроме того, граждане двух стран должны обращать внимание на списки запрещенных предметов, перечисленных Главным таможенным управлением, смотреть новости о штрафах и депортации соотечественников-иммигрантов.

Немаловажно понимать, что незнание государственных языков может привести к недопониманию и трениям в отношениях, и поэтому следует прогнозировать способы решения возможных проблем. Если при столкновении с трудностями вовремя обратиться за помощью в посольство или к соотечественникам, находящимся рядом или в он-лайн-общении, то проблем может не возникнуть. Не следует намеренно преувеличивать или искажать факты, чтобы привлечь внимание. Кроме того, граждане, владеющие языками двух стран, должны иметь смелость говорить правду, быть

связующим звеном между двумя странами и объективно выражать общественное мнение, чтобы упредить создание в СМИ атмосферы ложных мнений, не дать разрастаться тому кругу, в котором правда все больше замалчивается.

Владение языком-посредником (в настоящее время таковым является английский, и поэтому жители англоговорящих стран обладают преимуществом в области выражения международного права) еще не означает точного перевода. В подобных случаях нужно общение с помощью граждан, говорящих на китайском и русском языках, иначе трёх человек достаточно, чтобы заставить поверить в любую нелепость.

Наконец, основные и неосновные СМИ обязаны доносить правду до общественности, играя таким образом положительную роль в формировании общественного мнения. Например, в январе 2020 года российские СМИ прямо называли коронавирус «китайским вирусом», но 27 февраля 2020 года академик Чжун Наньшань заявил, что «корonavirus впервые появился в Китае, но не обязательно происходит из Китая». Впоследствии основные и неосновные СМИ высказались по этому поводу. Мы обнаружили, что слово «китайский вирус» редко появляется в пресс-релизах, публикуемых российскими СМИ, но называют его коронавирусом, и это типичный случай успешного руководства здоровым развитием общественного мнения.

Интернет – это палка о двух концах: приносит нам удобство, также открывает возможности для злых сил. Если все выполняют свои обязанности, соблюдают законы и этику, имеют ясное представление о международной ситуации, то их нелегко спровоцировать злые силы, они могут создать гармоничную сетевую среду и способствовать здоровому развитию китайско-российских отношений.

Литература

1. Закон Китайской Народной Республики о кибербезопасности // Правовая информационная сеть китайского правительства, 23. 11. 2016. URL: http://www.moj.gov.cn/Department/content/2016-11/23/592_201322.html (дата обращения: 12.04.2020)
2. Китайско-российские отношения выдержали испытание эпидемией // Международный официальный номер счёта Центрального управления по делам радиовещания. 29. 06. 2020. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1670823563034502500&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 10.07.2020)
3. Онлайн-запрос Цихая: официальный сайт. URL: <http://ciyu.cihai123.com/c/1115862.html> (дата обращения: 21.07.2020)

4. Отчет об исследовании общественного мнения между Китаем и Россией 2020 года: народы двух стран признают друг друга, и социальная основа китайско-российских отношений крепче // Веб-сайт агентства Синьхуа. 19. 06. 2020. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2020-06 / 19 / c_1210667848.htm (дата обращения: 10.07.2020)

5. Решение Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей по усилению защиты сетевой информации // Правовая информационная сеть китайского правительства. 31. 12. 2012. URL: http://www.moj.gov.cn/Department/content/201212/31/592_201259.html (дата обращения: 10.09.2020)

6. http://media.people.com.cn/GB/n1/2020/0430/c1467731694944.html?ivk_sa=1023197a (дата обращения: 19.08.2020)

References

1. Zakon Kitajskoj Narodnoj Respubliki o kiberbezopasnosti. Pravovaya informacionnaya set' kitajskogo pravitel'stva, 23. 11. 2016. URL: http://www.moj.gov.cn/Department/content/2016-11/23/592_201322.html (дата обращения: 12.04.2020)

2. Kitajsko-rossijskie otnosheniya vyderzhali ispytanie epidemiej. Mezhdunarodnyj oficial'nyj nomer schyota Central'nogo upravleniya po delam radioveshchaniya. 29. 06. 2020. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1670823563034502500&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 10.07.2020)

3. Onlajn-zapros Cihaya: oficial'nyj sajt. URL: <http://ciyu.cihai123.com/c/1115862.html> (дата обращения: 21.07.2020)

4. Otchet ob issledovanii obshchestvennogo mneniya mezhdru Kitaem i Rossiej 2020 goda: narody dvuh stran priznayut drug druga, i social'naya osnova kitajsko-rossijskih otnoshenij krepche. Veb-sajt agentstva Sin'hua. 19. 06. 2020. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2020-06 / 19 / c_1210667848.htm (дата обращения: 10.07.2020)

5. Reshenie Postoyannogo komiteta Vsekitajskogo sobraniya narodnyh predstavitelej po usileniyu zashchity setevoy informacii. Pravovaya informacionnaya set' kitajskogo pravitel'stva. 31. 12. 2012. URL: http://www.moj.gov.cn/Department/content/201212/31/592_201259.html (дата обращения: 10.09.2020)

6. http://media.people.com.cn/GB/n1/2020/0430/c1467731694944.html?ivk_sa=1023197a (дата обращения: 19.08.2020)

RESEARCH ON PUBLIC OPINION IN CHINA AND RUSSIA UNDER THE INFLUENCE OF COVID-19

*Wang Minmin,
Foreign Languages Institute,
Lanzhou University, China*

Abstract: since the outbreak of the coronavirus pandemic, China and Russia have been sailing in the same boat to tackle an as-yet-unexplored outbreak. However, in this challenging battle against infection, sometimes there were unwanted incidents that were promoted by the Internet as environment of free expression. This article compiles some news reports from official and unofficial media in China and Russia, and some public statements made by people of the two countries on social media, such as People's Daily, Xinhua News Agency, Global Daily, WeChat public account, Itar-TASS, RIA-Novosti, WeChat Moments, Baidu Online Communication Platform, Instagram, etc. The official media is taking a positive attitude towards Sino-Russian relations, but the people in China and Russia were provoked by evil forces. The people have three different attitudes towards the development of Sino-Russian relations: affirmative, negative, and neutral. This article summarizes and analyzes the current state of public opinion on the Internet in the two countries against the backdrop of the epidemic, and combines factors such as the historical past, the current political situation, the national character of Chinese and Russian, and the composition of Internet users. We also analyze the similarities and differences of public opinion on the Internet between China and Russia and the reasons for the formation of public opinion. We investigated the positive and negative impact of online public opinion on China and Russia against the COVID-19. We offer several proposals for the healthy development of Internet public opinion in China and Russia from three points of view: firstly, the government of China and Russia; secondly, nations of two countries; thirdly, the official media and non-official media in China and Russia. We hope this article can serve as a guide for the healthy development of the networked environment of China and Russia and the harmony of Sino-Russian relations.

Keywords: COVID-19, public opinion, The Internet, sino-russian relations

СПЕЦИФИКА ЖУРНАЛИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПЕРИОД COVID 19

*Цзянь Чжэн,**Белорусский государственный университет, Беларусь*

Аннотация: в разгар пандемии COVID-19 перед журналистами стоит сложная задача по сбору и распространению достоверной информации. Журналисты существуют как часть экологии, в которой их работа влияет на окружающую их среду и испытывает на себе ее влияние. Используя рамки экологии коммуникации катастроф, данное исследование изучает дискурсивное конструирование журналистики во время кризиса COVID-19. Чтобы понять этот процесс в сфере журналистики, мы распаковали дискурсы, касающиеся пандемии коронавируса, собранные из интервью с журналистами во время пандемии и из американской журналистской прессы, используя базу данных "Дискурсы журналистики". С помощью дискурс-анализа мы обнаружили, что во время COVID-19 журналисты дискурсивно поставили себя в ответственное, но уязвимое положение в коммуникационной экологии – не только в результате пандемии, но и в результате условий окружающей среды, которые задолго до нее. Во время пандемии журналисты столкнулись с трудностями при подготовке репортажей и стремились смягчить воздействие сил, мешающих их работе, пытаясь обратить вспять поток дезинформации.

Ключевые слова: медиаэкология, метажурналистский дискурс, коронавирус, кризисная коммуникация, коммуникационная экология COVID-19

Нормативная роль журналиста заключается в том, чтобы делиться с общественностью информацией, имеющей значение, и это особенно важно в разгар кризиса общественного здравоохранения, подобного пандемии COVID-19. Новостные организации обычно являются частью коммуникационной экологии, поэтому во время пандемии COVID-19 журналистов и новостные организации можно считать работающими в коммуникационной экологии COVID-19. Журналисты служат ресурсом для других в рамках этой экологии, одновременно решая личные проблемы, связанные с кризисом [1].

По словам журналиста, работающего в штате Висконсин, который был опрошен в ноябре 2020 года в рамках данного исследования, быть журналистом во время COVID-19 – это "отстаивать правду, отстаивать критическое мышление и пытаться научить важности этих вещей". Этот журналист рассказал о личной ответственности за обеспечение людей ресурсами, необходимыми для сохранения здоровья, особенно потому, что в начале пандемии люди "не чувствовали, что COVID-19 представляет собой реальную угрозу – они считали, что СМИ, правительство и здравоохранение сговорились сделать из этого большую проблему, чем она должна быть" [2].

Изучение процессов коммуникации требует всестороннего понимания среды, в которой существует коммуникация. При обмене информацией о кризисе и катастрофе журналисты существуют как часть экологии, в которой журналистика влияет на окружающую среду и испытывает ее влияние. Чтобы понять экологию коммуникации, исследователи часто выделяют определенные практики и изучают, как они связаны с другими процессами и данными. Нестабильность социальных медиа, колебания информации и желание проверить ин-

формацию о рисках, здоровье и кризисах создают почву для диалога о коммуникации [3].

Таким образом, коммуникационные экологии дают возможность обсудить более широкие вопросы. Границы новых журналистских практик (журналистика данных, анализ социальных сетей, предиктивная журналистика и геолокационные данные) могут оказаться сложными для традиционных журналистов, испытывающих нехватку ресурсов, в таких условиях.

На то, как журналисты говорят об освещении COVID-19, влияют более широкие разговоры за пределами журналистики. Метажурналистский дискурс, или журналистский дискурс о журналистике, дает возможность журналистам оценить свою экологию и договориться о границах своей работы. В данном исследовании изучается, как журналисты дискурсивно конструировали свои экологические отношения во время пандемии COVID-19 (с источниками, своими сообществами, информацией и личными сетями), а также как они помещали себя в эту экологию по отношению к кризисной информации [4].

Мы утверждаем, что журналисты, работавшие во время COVID-19, дискурсивно ставили себя в уязвимое положение в коммуникационной экологии, несмотря на свои обязанности по содействию взаимоотношениям. Поэтому во время пандемии журналистам было сложно вести репортажи, поскольку пандемия усугубила слабости, давно существовавшие в экологии.

Коммуникационная экология бедствия [5] относится к ресурсам и информации, которые люди используют до, во время и после бедствия. COVID-19 считается бедствием, поскольку это "потенциально травмирующее событие, которое переживается коллективно, имеет острое начало и ограничено по времени" [6]. Хотя экология ком-

муникации – это широкий подход к пониманию того, как. Хотя экология коммуникации – это широкий подход к пониманию того, как люди общаются и получают информацию [7], коммуникационные ресурсы, используемые в ситуации бедствия или кризиса, могут отличаться от тех, которые используются вне контекста бедствия или кризиса. Например, сирены торнадо или метеорологические радиостанции могут не использоваться регулярно вне торнадо и поэтому отсутствовать в обычной практике общения людей [8]. Аналогичным образом, журналистские отношения в условиях кризиса или катастрофы могут быть похожи на отношения вне кризисной ситуации, но могут и отличаться, учитывая обстоятельства, связанные с кризисом. Журналистам, работающим в условиях COVID-19, может быть сложно брать интервью у людей лицом к лицу, но использование программного обеспечения для видеоконференций онлайн, такого как Zoom, может смягчить проблему, связанную с ограничениями, связанными с пандемией.

Журналистика существует как микросреда в рамках коммуникационной экологии COVID-19. Распространение информации журналистами зависит от возможностей журналистов и общего состава медиасреды. Поэтому функция новостей в коммуникации кризисов и бедствий отражает пересечение граждан, организаций и журналистов через социальные медиа [9]. Во время кризиса или бедствия новостные организации могут чаще взаимодействовать с общественностью в режиме онлайн, поэтому структура социальных медиа создает гораздо более сложную экосистему для заинтересованных в информации сторон [10]. Таким образом, журналистика служит каналом, через который широкая общественность может не только узнать, но и задокументировать и поделиться информацией о кризисе.

Хотя журналисты, как и любые другие люди, должны адаптироваться к кризисам и катастрофам, коммуникационная экология COVID-19 обеспечивает среду, в которой могут быть установлены и опробованы новые нормы и практики, а возможно, и инновации. Эти инновации не являются чем-то новым для пандемии, скорее они являются результатом стремления журналистов установить практику, сфокусированную на четырех ключевых принципах: "исследование, приверженность свободе слова, стремление к правде и точности в репортажах и этика" [11]. С этой точки зрения, журналистика находится в среде не только прочных основ, но и новых колебаний.

В исследовательском комментарии, опубликованном на ранних стадиях пандемии, Льюис (2020) утверждал, что COVID-19 не только доба-

вил новые проблемы для журналистов, но и усугубил существующие проблемы и увеличил "слепые пятна в нашей работе" [12]. В частности, Льюис (2020) объяснил: "Журналистские исследования ... имеют тенденцию недооценивать некоторые аспекты их жизненного опыта. Подумайте о сложности освещения кризиса и травмы, когда сам переживаешь то же самое" [13]. Это относится и к местным журналистам, которые являются жителями и заинтересованными сторонами сообществ, в которых они работают [14]. Как сказал Кац (1989), работа над новостями напоминает научную работу. Журналисты несут ответственность за проверку фактов и передачу информации для общественности. Журналисты используют формальные, профессиональные, неформальные и личные средства, чтобы внести свой вклад в коммуникационную экологию COVID-19.

При коммуникации в случае бедствий и кризисов журналистика служит проводником информации от государственных чиновников и экспертов к широкой общественности, что известно как содействующая роль журналистики [15]. Журналисты представляют себе и выполняют свою роль с учетом того, что, по их мнению, нужно их аудитории. Например, исследования показали, что журналисты выполняют роль рассказчика, когда смягчают освещение опасных субъектов, роль обогатителя, когда пытаются всесторонне обслужить определенное сообщество [16], и роль распространителя, когда пытаются сохранить объективность в изменчивом культурном пространстве. В роли фасилитатора целью журналиста является мониторинг или наблюдение за окружающей средой для получения "актуальной информации о событиях, условиях, тенденциях и угрозах" (Christians et al., 2010, p. 139), и он действует в ответ на ощущаемую потребность в сотрудничестве. Фасилитативная роль основывается на понимании того, что журналист несет ответственность перед обществом и, возможно, способствует принятию общественностью решений в условиях кризиса.

Есть несколько моментов, которые требуют дальнейшего изучения и внимания. Пандемия все еще продолжается, и журналисты продолжают решать ежедневные проблемы, связанные с кризисом. На момент написания статьи пандемия не закончилась, несмотря на раннее появление вакцин, и уж точно не закончилось воздействие пандемии на медиаиндустрию, журналистику и журналистов. Коммуникационная экология COVID-19 предоставляет место для анализа того, как журналисты делают свою работу, а также думают о своей работе; возможно, журналистская индустрия станет более гибкой или изменится, чтобы адаптироваться к нынешней и будущей экологии. Эколо-

гия коммуникации в случае стихийных бедствий требует от журналистов сохранения последовательности и адаптации к меняющимся ожиданиям общественности, одновременно смягчая личные убеждения и опасения, связанные с вирусом. Потребности, которые журналистика удовлетворяет в условиях кризиса, противоречат самой практике журналистики, но, возможно, метадискурс является тем самым противоядием, которое поможет журналистам смягчить кризис и остаться в рамках норм и этики профессии.

Литература

1. Аллисон Дж. (2020, 18 мая). Предшествующие условия медиаиндустрии. *Columbia Journalism Review*.

https://www.cjr.org/the_media_today/layoffs_buzzfeed_quartz_vice.php Bauman Z., & Bordoni C. (2014). Состояние кризиса. Polity Press. С. 11.

2. Бентон Дж. (2020а, 18 марта). Газета Los Angeles Times использует своего владельца-врача, чтобы помочь объяснить научную подоплеку коронавируса. NiemanLab. <https://www.niemanlab.org/2020/03/the-la-times-uses-its-physician-owner-to-help-explain-the-science-behind-the-coronavirus/>

3. Бентон Дж. (2020b, 19 марта). "Полное уничтожение": Коронавирус может стать концом для многих альт-еженедельников. NiemanLab. <https://www.niemanlab.org/2020/03/total-annihilation-coronavirus-may-just-be-the-end-for-many-alt-weeklies/>

4. Берковиц Д. Выполняя двойную обязанность: Ремонт парадигмы и история с принцессой Дианой // *Журналистика*. 2000. № 1 (2). С. 125 – 143. <https://doi.org/10.1177/146488490000100203>

5. Broad G.M., Ball-Rokeach S.J., Ognyanova K., Stokes B., Picasso T., Villanueva G. Понимание коммуникационных экологий для объединения коммуникационных исследований и общественных действий // *Журнал прикладных коммуникационных исследований*. 2013. № 41 (4). С. 325 – 345. <https://doi.org/10.1080/00909882.2013.844848>

6. Кэндлин К.Н. (2014). Предисловие главного редактора. В В. L. Gunnarsson, P. Linell, & B. Nordberg (Eds.), *The construction of professional discourse* (pp. viii-xiv). Routledge.

7. Карлсон М. Метажурналистский дискурс и значения журналистики: Контроль определений, пограничная работа и легитимация // *Теория коммуникации*. 2016. № 26 (4) С. 349 – 368. <https://doi.org/10.1111/comt.12088>

8. Карлсон М., Льюис С. К. (ред.). (2015). *Границы журналистики: Профессионализм, практика и участие*. Routledge.

9. Карвальо А. Медиа (тед) дискурс и общество: Переосмысление рамок критического дискурс-анализа // *Журналистика*. 2008. № 9 (2). С. 161 – 177. <https://doi.org/10.1080/14616700701848162>

10. Кристианс К.Г., Глассер Т., Маккуэйл Д., Норденстренг К., Уайт Р.А. (2010). *Нормативные теории СМИ: Журналистика в демократических обществах*. Изд-во Иллинойского университета.

11. Эйснер Дж. (2020, 8 июня). Неопределенное будущее еврейских новостных СМИ. *Columbia Journalism Review*. <https://www.cjr.org/analysis/jewish-news-media-chronicle-pandemic.php>

12. Фэрклаф Н. (2001). Критический дискурс-анализ. В книге А. Макхоул и М. Рэпли (ред.) "Как анализировать разговоры в институциональных условиях: A casebook of methods (pp. 25-38). Continuum Press.

13. Фюрсих Е. В защиту текстуального анализа: Восстановление оспариваемого метода для исследований журналистики и СМИ // *Journalism Studies*. 2009. № 10 (2). С. 238 – 252. <https://doi.org/10.1080/14616700802374050>

14. Гарман, А. (2019). Публичная сфера и журналистика. Оксфордская исследовательская энциклопедия: *Communication*. <https://oxfordre.com/communication/view/10.1093/acrefore/9780190228613-e-880>

15. Грау М. (2020, 27 марта). Советы по освещению коронавируса от ветерана Wall Street Journal, пишущего о катастрофах. Poynter. <https://www.poynter.org/reporting-editing/2020/tipsfor-covering-the-coronavirus-from-a-veteran-wall-street-journal-disaster-reporter/>

16. Гупта Н., и Флюкигер С. (2020, 6 апреля). Расизм, дезинформация, инклюзия: Как этично освещать COVID-19. *World News Publishing Focus*. <https://wan-ifra.org/2020/04/racism-misinformation-inclusion-how-to-ethically-cover-covid-19/>

References

1. Allisop Dzh. (2020, 18 maya). Predshestvuyushchie usloviya mediaindustrii. *Columbia Journalism Review*.

https://www.cjr.org/the_media_today/layoffs_buzzfeed_quartz_vice.php Bauman Z., & Bordoni C. (2014). *Sostoyanie krizisa*. Polity Press. С. 11.

2. Benton Dzh. (2020a, 18 marta). Gazeta Los Angeles Times ispol'zuet svoego vladel'ca-vracha, chtoby pomoch' ob"yasnit' nauchnyu podopleku koronavirusa. NiemanLab. <https://www.niemanlab.org/2020/03/the-la-times-uses-its-physician-owner-to-help-explain-the-science-behind-the-coronavirus/>

3. Benton Dzh. (2020b, 19 marta). "Polnoe unich-tozhenie": Koronavirus mozhet stat' koncom dlya mnogih al't-ezhenedel'nikov. NiemanLab. <https://www.niemanlab.org/2020/03/total-annihilation-coronavirus-may-just-be-the-end-for-many-alt-weeklies/>
4. Berkovic D. Vypolnyaya dvojnuyu obyazanost': Remont paradigmy i istoriya s princessoj Dianoj. ZHurnalistika. 2000. № 1 (2). S. 125 – 143. <https://doi.org/10.1177/146488490000100203>
5. Broad G.M., Ball-Rokeach S.J., Ognyanova K., Stokes B., Picasso T., Villanueva G. Ponimanie kommunikacionnyh ekologij dlya ob"edineniya kommunikacionnyh issledovanij i obshchestvennyh dejstvij. ZHurnal prikladnyh kommunikacionnyh issledovanij. 2013. № 41 (4). S. 325 – 345. <https://doi.org/10.1080/00909882.2013.844848>
6. Kendlin K.N. (2014). Predislovie glavnogo redaktora. V B. L. Gunnarsson, P. Linell, & B. Nordberg (Eds.), *The construction of professional discourse* (pp. viii-xiv). Routledge.
7. Karlson M. Metazhurnalistskij diskurs i znacheniya zhurnalistiki: Kontrol' opredelenij, pogranichnaya rabota i legitimaciyai. Teoriya kommunikacii. 2016. № 26 (4) S. 349 – 368. <https://doi.org/10.1111/comt.12088>
8. Karlson M., L'yuis S. K. (red.). (2015). *Granicy zhurnalistiki: Professionalizm, praktika i uchastie*. Routledge.
9. Karval'o A. Media (ted) diskurs i obshchestvo: Pereosmyslenie ramok kriticheskogo diskursanaliza. ZHurnalistika. 2008. № 9 (2). S. 161 – 177. <https://doi.org/10.1080/14616700701848162>
10. Kristians K.G., Glasser T., Makkuejl D., Nordenstreng K., Uajt R.A. (2010). *Normativnye teorii SMI: ZHurnalistika v demokraticeskikh obshchestvah*. Izd-vo Illinojskogo universiteta.
11. Ejsner Dzh. (2020, 8 iyunya). Neopredelennoe budushchee evrejskih novostnyh SMI. *Columbia Journalism Review*. <https://www.cjr.org/analysis/jewish-news-media-chronicle-pandemic.php>
12. Ferklaf N. (2001). Kriticheskij diskurs-analiz. V knige A. Makkhoul i M. Repli (red.) "Kak analizirovat' razgovory v institucional'nyh usloviyah: A casebook of methods (pp. 25-38). Continuum Press.
13. Fyursih E. V zashchitu tekstual'nogo analiza: Vosstanovlenie osparivaemogo metoda dlya issledovanij zhurnalistiki i SMI. *Journalism Studies*. 2009. № 10 (2). S. 238 – 252. <https://doi.org/10.1080/14616700802374050>
14. Garman, A. (2019). *Publichnaya sfera i zhurnalistika*. Oksfordskaya issledovatel'skaya enciklopediya: Communication. <https://oxfordre.com/communication/view/10.1093/acrefore/9780190228613-e-880>
15. Grau M. (2020, 27 marta). Sovety po osveshcheniyu koronavirusa ot veterana Wall Street Journal, pishushchego o katastrofah. Poynter. <https://www.poynter.org/reporting-editing/2020/tipsfor-covering-the-coronavirus-from-a-veteran-wall-street-journal-disaster-reporter/>
16. Gupta N., i Flyukiger S. (2020, 6 aprelya). Rasizm, dezinformaciya, inklyuziya: Kak etichno osveshchat' COVID-19. *World News Publishing Focus*. <https://wan-ifra.org/2020/04/racism-misinformation-inclusion-how-to-ethically-cover-covid-19/>

SPECIFICS OF JOURNALISTIC ACTIVITY DURING THE COVID 19

*Jian Zheng,
Belarusian State University, Belarus*

Abstract. In the midst of the COVID-19 pandemic, journalists face the daunting task of gathering and disseminating reliable information. Journalists exist as part of an ecology in which their work affects and is affected by their environment. Using a disaster communication ecology framework, this study explores the discursive construction of journalism during the COVID-19 crisis. To understand this process in the field of journalism, we unpacked discourses related to the coronavirus pandemic, collected from interviews with journalists during the pandemic and from the US journalism press, using the Journalism Discourses database. Through discourse analysis, we found that during COVID-19, journalists discursively placed themselves in a responsible but vulnerable position in the communication ecology – not only as a result of the pandemic, but also as a result of environmental conditions that long predate it. During the pandemic, journalists faced difficulties in reporting and sought to mitigate the forces that hindered their work by trying to reverse the flow of misinformation.

Keywords: media ecology, meta-journalistic discourse, coronavirus, crisis communication, communication ecology COVID-19

РАСИЗМ, МИМИКРИЯ, СТЕРЕОТИПЫ В РОМАНАХ АББАСА ХИДЕРА

*Перфильева З.Е., кандидат филологических наук, доцент,
Оренбургский государственный педагогический университет*

Аннотация: литература писателей-эмигрантов стала неотъемлемой частью современной многонациональной культуры Германии. Проблемы, возникающие при интеграции и адаптации переселенцев в поликультурном пространстве Германии являются весьма актуальными в современном европейском сообществе, что обуславливает популярность данной тематики в художественном творчестве авторов с эмигрантским прошлым. Статья посвящена изучению особенностей творчества А. Хидера, в частности, анализу таких явлений, как расизм, мимикрия и стереотипы в его романах. Материалом исследования стали два произведения автора – «Ложный индус» (2008) и «Пощечина» (2016). Не идеализируя ни эмигрантское сообщество, ни коренное население Германии, писатель с присущей ему иронией изображает и изобличает проявления расизма, в основе которого лежат укоренившиеся в обществе стереотипные установки. А. Хидеру удается с юмором представить трагичное в своей сути стремление переселенцев уподобиться типичному европейцу. Цель статьи – изучить способы художественной передачи проявлений расизма, функционирования стереотипного мышления, а также мимикрии в произведениях А. Хидера. Задачами работы стали рассмотрение отдельных особенностей поэтики романов А. Хидера, а именно анализ средств и способов, применяемых автором в изображении актов расизма, стереотипного мышления, идентитарной классификации, мимикрии внутри немецкого мультикультурного общества. Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые предпринимается попытка проанализировать проблематику расизма и функционирование стереотипов в художественном творчестве А. Хидера. Результаты исследования расширяют представление о состоянии современного немецкоязычного литературного процесса.

Ключевые слова: зарубежная литература; эмигрантская литература Германии; расизм, стереотипы, мимикрия

Одной из важных социальных тем, поднимаемых в творчестве писателей-эмигрантов Германии, является тема расизма. Не остался в стороне от этой проблемы и Аббас Хидер, немецкоязычный автор иракского происхождения. В своих произведениях он изображает проявления расизма в карикатурной или иронической манере. А. Хидер представляет стереотипы, не фокусируясь при этом на одной перспективе, а разграничивая и разбирая эти стереотипы, используя мультиперспективный подход. Его персонажи часто прибегают к своего рода «маскировке», пытаются приспособиться во избежание стереотипных взглядов.

В романе «Пощечина» А. Хидер изображает немецкое общество, в котором темноволосые и смуглые люди рассматриваются как априори в чем-то подозреваемые. Автор впечатляюще показывает, с какой предвзятостью немцы обращаются с «чужаками». Но этот феномен предвзятого отношения к людям с арабским типом внешности характерен не только для немецкого общества. Главный герой романа Карим говорит, что уже во времена торгового эмбарго «in den Neunzigerjahren die Mesopotamier als unerwünschte Gäste in fast allen Staaten der Welt galten» («в девяностых годах выходцы из Месопотамии считались нежеланными гостями почти во всех странах мира» [здесь и далее перевод наш – З.П.] [8, с. 132].

Беженцы в Германии воспринимаются не просто как нежеланные, более того – как некая угроза. После 11 сентября 2001 года все «беженцы стали главными подозреваемыми» [8, с. 156], с тех пор «важным выражением», используемым по отно-

шению к арабам, стало «подозрительный» [8, с. 164]. Царящая по отношению к арабам антипатия обнаруживается не только со стороны немцев. Когда молодой курд получил отказ на свое прошение об убежище, он «не хотел ни говорить с арабами по-арабски, ни даже смотреть на них. Вместо этого, каждый раз, когда он замечал араба на курдском этаже, у него возникало желание прогнать его» [8, с. 118]. Подобные моменты воспринимались Каримом и другими арабами как проявление расизма. Остается неясным, откуда взялась ненависть курда по отношению к арабам, ведь, по словам Карима, арабы никак не могли быть виноватыми в отказе курду. На этом примере проявления ксенофобии внутри диаспоры беженцев А. Хидер показывает, насколько иррационален расистский образ мысли и действий, и одновременно, что расизм не знает социальных или культурных границ. Если в случае с немцем, абстрагируясь от подробных размышлений, это можно было бы назвать бытовым расизмом, то в случае с курдом вопрос заводит в тупик – что движет им? Читателю трудно ответить на этот вопрос, расизм курда ему непонятен. Возможно, играют роль известные конфликты на родине или частные случаи, способствующие разжиганию ксенофобии в Германии. А. Хидер указывает, какие последствия может иметь жесткая непреклонная миграционная политика для судьбы отдельно взятого человека.

Выразителем социальной критики в романе становится Карим Менси, выходец из Ирака, парень с гинекомастией, который приковывает к креслу и заставляет замолчать чиновницу, ответ-

ственную за решения по заявлениям на политическое убежище. Карим рассказывает ей о своей жизни в Ираке и о других беженцах. Так же, как Карим является рупором протестных заявлений беженцев, так и фрау Шульц олицетворяет собой систему, против которой восстает Карим.

Изображаемая жизнь претендентов на убежище несет в себе множество повседневных неприятностей, таких, как «факты полицейского расизма» [8, с. 19]. В своих зарисовках Карим обличает представителей власти, одетых в униформу: «Полицейские кружили на мюнхенском Центральном вокзале как грифы в поисках тухлого мяса и испытующе тарасились в лицо каждого прохожего» [8, с. 13]. Ситуация показывает, что Карим Менси рассматривает себя самого в качестве жертвы. В своих глазах он не более, чем «тухлое мясо», безжизненное мясо, легкая добыча, падаль для «грифов» – экстремальная деградация себя самого и других, попадающих под эту категорию. Но это еще и обличение полиции, так как грифы несут в себе негативную коннотацию: отвратительные птицы, которые могут заполучить лишь то, что уже не может сопротивляться.

Страх попасть в полицию может стать определяющим в жизни человека, проживающего в стране нелегально: Карим покидает квартиру своего друга Салима, чтобы работать на стройках. Общественные места становятся опасной зоной. Особенно опасны вокзалы и поезда, так как здесь всегда много полицейских. Но, не изменяя своему кредо, не терять чувство юмора даже в самых безнадежных ситуациях, А. Хидер оставляет своему герою с привычно циничной шуткой небольшое преимущество: когда Карим торопится на уже прибывший поезд, он сам замечает: «в любом другом месте бегущие иностранцы вызывают подозрение, на вокзале же бегут все, как будто их преследуют» [8, с. 17].

Однако опасность привлечь внимание здесь не становится менее острой. Конечно, бегущий на вокзале иностранец не так подозрителен, как бегущий иностранец в другом месте. Суть в другом: иностранец, бежит он или нет, постоянно главный подозреваемый. В последний момент Карим замечает, что его приятель Салим попал под проверку документов. В этот раз Кариму удается ускользнуть.

Не всегда Карим может положиться на товарища, свою осторожность или быструю реакцию. Зато он узнает о некоторых стратегиях поведения, которые облегчают жизнь беженца. Во избежание проверки и проявлений расизма со стороны полиции Карим прибегает к определенным хитростям. Он из опыта знает, что «пока сохраняешь види-

мость и соответствуешь ожиданиям людей, чувствуешь себя в Мюнхене в абсолютной безопасности» [8, с. 15]. По этой причине он появляется в офисе фрау Шульц без бороды, так как он знает, что «с 11 сентября было бы сумасшествием разгуливать с бородой, как Усама Бен Ладен» [8, с. 12]. После теракта борода в США стала очевидной приметой подозрительного человека, поэтому популярной стратегией поведения стало бритье. А. Хидер с едким юмором указывает на этот тренд: «с тех пор все арабские мужчины ходят с гладко выбритыми лицами, они выглядят, как попы младенцев» [8, с. 12]. С помощью комического сравнения лиц мужчин с «попами младенцев», с одной стороны, на языковом уровне подчеркивается невиновность арабов, с другой – автор выражает критическую позицию по отношению к вынужденному единообразию, которому из страха приходится подчиняться всем арабам.

Арабы защищаются от стереотипов со стороны немцев, сбривая бороды. Бритье может пониматься в этом контексте как стилизованный компонент процесса ассимиляции. Полное же уподобление попросту невозможно, ассимиляция остается частичным подражанием. Карим понимает, что его попытка ассимилироваться напрасна, это лишь кажущееся уподобление, некая маскировка. Актом сбривания бороды арабы подчиняются требованию доминирующего над ними сообщества, ожидающего от чужаков ассимиляции. Но чужаки при этом остаются чужаками [1, с. 122].

В контексте колониального дискурса Х. Бхабха излагает свою концепцию мимикрии: целью колонизаторов является уподобление колонизируемых по образу колонизаторов, но речь не идет о полном уподоблении, иначе бы пострадала существующая гегемония. Отсюда возникает компромисс: колонизаторы в процессе своей двуличной цивилизации задают синхронную фиксированную идентичность, которую необходимо обрести колонизируемым народам, при этом в условиях диалектического дестабилизирующего момента изменения и различия достичь эту идентичность не представляется возможным. Таким образом, в основе дискурса заложено принципиальное противоречие, обуславливающее разрушительную силу мимикрии: она может представить колонизаторов похожими, но может и чрезмерно исказить. Двойственность мимикрии, с одной стороны, гарантирует могущество, с другой – эта сила может быть уничтожена [1, с. 126].

Мимикрия может обнаружиться и в миграционной литературе в качестве стратегии разрушения. Е. Хаузбахер констатирует, что «она часто применяется в текстах авторов-эмигрантов в целях

критического протеста против механизмов идентитарной систематизации» [3, с. 72]. Через имитацию «колониальных структур» эти тексты призваны демаскировать их сущность, а также «расистские клише», которые повсеместно «иронически цитируются» и служат в качестве «передвижных декораций». Таким образом, литература способна с помощью мимикрии выявлять и изображать «театральность культурной идентификации» и, тем самым, бороться с идентитарными классификациями [3, с. 72].

В романе А. Хидера «Пощечина» Карим избавляется от бороды, чтобы лишиться себя того признака, который может привести к стереотипной классификации со стороны немецкого общества большинства. Сбривание бороды может рассматриваться как шаг к постепенному уподоблению, но ему присущ момент маскарада, раскрывающий цель этой ассимиляции.

Далее Карим использует «маскировку в качестве читающего» [8, с. 14], которая может сработать только в расчете на наивное предубеждение полицейских по отношению к беженцам: «наверняка они думают, что нелегал из развивающихся стран не умеет читать». Маскировка работает лучше всего, если она неожиданная. Немецкие полицейские вероятно не ожидают, что нелегал может читать «умную газету», [8, с. 15]. Карим не просто играет в «образцового беженца» или «интегрированного иностранца», он хочет, чтобы его воспринимали частью большинства: он играет «роль любознательного бюргера» и копирует поведение образованного гражданина Германии, читая *Süddeutsche Zeitung* [8, 15]. Это может рассматриваться как мимикрия, поскольку Карим всегда носит с собой газету, напряженно пытаясь приблизиться к зафиксированной в его сознании идентитарной инстанции. При этом он вряд ли понимает то, что читает [8, с. 14].

Этой игре с маскировкой Карима – он прячется как «в шпионском фильме» за газетой, выглядывая время от времени из своего укрытия, – и его подражанию «немецкому образованному бюргеру» присуща определенная комичность. Невольно главный герой ведет себя смешно, одновременно он пародирует «типичного образованного бюргера», который всегда носит с собой *Süddeutsche Zeitung*. В этой игре принимает участие и полиция, а это явный удар по представителям правоохранительных органов власти. Мимикрия в этом случае не просто меняет ролями наблюдателей и наблюдаемых, она также способна разрушить соотношение сил.

В произведениях А. Хидера изображение власти играет существенную роль. Его персонажи в

большинстве случаев – представители низших уровней гегемонистской структуры: беженцы, простые рабочие, девушки и женщины в патриархальных системах. В романе «Пощечина» центральное место отводится выявлению творящейся несправедливости внутри изображаемой системы. Важной стратегией не только для обнаружения гегемонистской структуры, но и ее для обличения, становится мимикрия.

Следующая субверсивная стратегия – применение стереотипов. В общем понимании стереотип – «(часто неосознанная) когнитивная стратегия выборочного восприятия» [10]. Целью литературного применения стереотипов может быть обнаружение и осознание селективного восприятия, выявление истинной конструкции стереотипов и изложение их структурной произвольности. Под «применением» здесь предполагаются два процесса: предотвращение, поскольку стереотипы изымаются из их первоначальной системы и помещаются в новый контекст, и использование, поскольку предотвращение и новая контекстуализация преследуют субверсивные цели. Согласно Е. Хаусбахеру, стереотипы в миграционной литературе применяются главным образом «с целью их деконструкции» [3, с. 73]. Таким образом, в применении стереотипов заложен момент разложения их структуры.

Стереотип – это «невозможный объект», его потенциальное определение всегда «перечеркивается взглядом другого» [3, с. 73]. Объект всегда есть субъект наблюдения, соответственно стереотип функционирует не односторонне, а всегда двусторонне.

Х. Бхабха с отсылкой к З. Фрейду определяет стереотип относительно его структуры и функции как фетиш, а страх перед сексуальным инобытием он переформулирует в страх перед расовым, культурным инобытием [9, с. 64]. Стереотип или фетиш может сохранять иллюзию расовой, культурной чистоты и демонстрировать превосходство. Иллюзия сохранится до тех пор, пока будет отрицаться различие.

Функционирование стереотипа как фетиш можно проследить на примере романа А. Хидера «Пощечина». Среди прочего здесь обсуждается стереотипное представление о мужчине. У Карима ясное представление того, каким должен быть мужчина: это несколько признаков, которые «необходимы мальчику, чтобы стать настоящим мужчиной: сильная, гладкая грудь и мужественный голос» [8, с. 77]. Тот факт, что у него растет грудь, разрушает не только его собственное представление о себе как о мужчине, он впоследствии опасается быть дисквалифицированным другими мужчинами, которые сочтут его немужественным.

На фоне осознания своей растущей физической феминизации Карим сопровождает страх тотальной потери своей мужественности. Ему кажется, что он – не совсем мужчина, не совсем женщина, нечто среднее. Карим воспринимает свое шаблонное представление как норму, исходя из которой, как он полагает, все и будут воспринимать его физическую особенность как немужскую. У него страх быть воспринятым как гомосексуалист: «я знаю, что меня сочтут им, когда все узнают, что я мужчина-женщина» [8, с. 101]. Страх собственной женственности описывается через призму персонажа, воспитанного в патриархальном обществе, где функционируют определенные гендерные стереотипы и любые проявления женского угрожают статусу стереотипной «чистой мужественности».

Карим, чувствуя угрозу со стороны своей феминизации, ведет себя не как стереотипный мужчина. Он скорее сдержан и пассивен в то время, когда наблюдает за той «мужественностью», которая, как ему кажется, у него отсутствует. Например, когда он рассматривает журнал с изображениями мужчин, «которые выглядят абсолютно безупречно, как боги греческого Олимпа» [8, с. 129]. В Нидергофене Карим знакомится с так называемой «Н&М бандой», группой агрессивных туркменских, курдских и иракских мужчин, промышляющих воровством преимущественно в магазинах Н&М и С&А [8, с. 136]. Карим признается, что он «часто завидовал этим парням. У них были деньги и женщины» [8, с. 139].

А. Хидер рассматривает стереотипные феномены мультиперспективно и тем самым демонстрирует иллюзорный характер возникновения стереотипов. Карим воспринимает «Н&М банду» в рамках своего собственного стереотипа мужественности. При этом автор описывает банду в карикатурном ключе. Уже само название «Н&М банда» производит комичный эффект: «Увешанные большим количеством украшений, с широкими ремнями с клепками, с прилизанными гелем волосами, в блестящих китайских копиях кроссовок и темных куртках из искусственной кожи или пиджаках цвета хаки, они втроем слонялись с понедельника по субботу каждый вечер перед Н&М и С&А. Они были похожи на мафиозные карикатуры из плохих гангстерских фильмов, когда стояли как кучка заговорщиков и сверлили глазами прохожих» [8, с. 136].

На основе примененного здесь карикатурного описания могут быть скомпрометированы расистские предрассудки против беженцев. Представляя читательской аудитории туго сплетенную сеть из клишированных нормативов и обрисовывая знакомый читателю стереотип в ироничном ключе,

автор показывает, что стереотип как стратегия восприятия является попросту искусственно сконструированным явлением.

В описании немцев А. Хидер тоже использует изобразительную технику стереотипа, чтобы, прежде всего, продемонстрировать господствующие классовые различия. В «Ложном индусе» протагонист сидит в поезде, направляющемся в Швецию. На одной из станций в вагон заходят полицейские и направляются напрямик к нему, не обращая внимания на светловолосых пассажиров. Похожая ситуация описывается и в «Пощечине» [7, с. 21; 8, с. 18].

Во всех своих романах А. Хидер играет со стереотипом белокурого немца. В восприятии Расула, которое, по всей видимости, весьма ограничено, немцы обозначаются обобщенно как «белокурые путешественники», «красивые белокурые пассажиры». Карим в «Пощечине» часто садится рядом с «белокурой шевелюрой» для тренировки немецкого языка и культурного обмена [8, с. 18]. Используя этот стереотип, который, может иметь место в восприятии, например, иракца, автор делает его уязвимым, непрочным.

Использование определения «белокурый» создает впечатление, что светловолосые люди в произведениях А. Хидера являются чем-то особенным. Первая любовь Расула, соседская девочка, кажется недостижимой. Примечательно, что у нее «длинные, светлые волосы, похожие на солнце» [8, с. 36]. Эта белокурая красота настолько особенная, что ей посвящаются некоторые измененные строки «старинного Рильке»: «Я хочу белокурую девочку, с которой поиграю. В дикие игры». Среди темноволосых людей она – «королева, одноплазая среди слепых» [8, с. 37].

Необычность светлых волос может восприниматься таковой только из перспективы таких персонажей, которые обитают в сферах, где «темные волосы» являются обычным повседневным «нормальным» явлением. Из установки «нормативности» создаются стереотипы. Эти стереотипы А. Хидер часто обыгрывает мультиперспективно и с иронией. Так, блондинка-соседка в Ираке – необычное явление и потому особенно красивое, иронично описывается как «одноплазая среди слепых» [8, с. 37], которые не могут видеть ее красоту. А многочисленные светловолосые немцы в поезде из-за своего количества делают темноволосых особенными, и, вместе с тем, подозрительными.

Карим рассказывает, что «только первый класс в скором поезде – верный способ» избежать контроля. Для этой цели подойдет также «рубашка от Hugo Boss». Полицейские, по всей видимости, рассуждают так, что подозрительные личности –

здесь это граждане, выглядящие как иностранцы, – не ездят первым классом, потому «полицейские там не показываются» [8, с. 18].

Снова мимикрия приводится как средство уподобления, в этот раз копируется не поведение образованных граждан, а их благосостояние. Таким образом обрисовываются расистские стереотипы подозрительных личностей: черные волосы или другие признаки иностранцев, отсутствие образования и денег. Представленное таким образом поведение полицейских основывается на их расистских стереотипах: «Глаза полицейских останавливаются сначала на одежде. Если их взгляд задерживается, то они смотрят на цвет волос и кожи. Шикарная одежда в западных странах также важна, как паспорт. Чем более элегантно и стильно ты выглядишь, тем в большей ты безопасности» [8, с. 42]. Ироничное сравнение одежды с паспортом подчеркивает абсурдность изображаемого стереотипа.

Несмотря на весь трагизм и нелепость любых проявлений расизма, А. Хидер изображает подобные явления в карикатурном ключе. Благодаря иронической манере передачи событий автору удается вскрыть, изобличить и тем самым скомпрометировать расистские установки общественного сознания, лежащий в их основе стереотипный образ мышления и возникающий как следствие безысходности сложившейся ситуации феномен мимикрии. Таким образом, следует отметить, что мимикрия и стереотипы функционируют в художественном пространстве произведений А.Хидера в качестве стратегии разрушения и деконструкции существующих в обществе идентитарных классификаций.

Литература

1. Bhabha H.K. *The Location of Culture*. London, New York: Routledge Classics. 1994. 440 p.
2. Geißler C. *Eine Begegnung mit Abbas Khider. Die deutsche Sprache ist wie eine schöne Frau*. URL: <https://www.berliner-zeitung.de/kultur-vergnuegen/eine-begegnung-mit-abbas-khider-die-deutsche-sprache-ist-wie-eine-schoene-frau-li.35304> (дата обращения: 02.04.2021)
3. Hausbacher E. *Migration und Literatur: Transnationale Schreibweisen und ihre «postkoloniale» Lektüre // Meine Sprache grenzt mich ab... / hrsg. von G. Vorderobmeier, M. Wolf*. Wien: Lit Verlag. 2008. 307 p.
4. Hausbacher E. *Mimikry, Grotteske, Ambivalenz, Zur Ästhetik transnationaler Migrationsliteratur // Zwischenräume der Migration / hrsg. von G. Marinelli-König, A. Preisinger*. Bielefeld: Transcript-Verlag. 2011. P. 217 – 234/

5. Hofmann M., Patrut I.-K. *Einführung in die interkulturelle Literatur*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. 2015. 168 p.

6. Huddart D. Homi K. Bhabha. London, New York: Routledge. 2006. 192 p.

7. Khider A. *Der falsche Inder*. Hamburg: Edition Nautilus. 2008. 157 p.

8. Khider A. *Ohrfeige*, München: Carl Hanser Verlag. 2016. 219 p.

9. Kossek B. *Begehren, Fantasie, Fetisch. Postkoloniale Theorie und die Psychoanalyse (Sigmund Freud und Jacques Lacan) // Schlüsselwerke der Postcolonial Studies / hrsg. von J. Reuter, A. Karentzos*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften. Springer Fachmedien. 2012. P. 51 – 68.

10. Metzler *Lexikon Literatur – und Kulturtheorie*. Stuttgart: Springer-Verlag. 2013. 849 p.

References

1. Bhabha H.K. *The Location of Culture*. London, New York: Routledge Classics. 1994. 440 p.
2. Geißler C. *Eine Begegnung mit Abbas Khider. Die deutsche Sprache ist wie eine schöne Frau*. URL: <https://www.berliner-zeitung.de/kultur-vergnuegen/eine-begegnung-mit-abbas-khider-die-deutsche-sprache-ist-wie-eine-schoene-frau-li.35304> (data obrashcheniya: 02.04.2021)
3. Hausbacher E. *Migration und Literatur: Transnationale Schreibweisen und ihre «postkoloniale» Lektüre. Meine Sprache grenzt mich ab... hrsg. von G. Vorderobmeier, M. Wolf*. Wien: Lit Verlag. 2008. 307 p.
4. Hausbacher E. *Mimikry, Grotteske, Ambivalenz, Zur Ästhetik transnationaler Migrationsliteratur. Zwischenräume der Migration. hrsg. von G. Marinelli-König, A. Preisinger*. Bielefeld: Transcript-Verlag. 2011. P. 217 – 234.
5. Hofmann M., Patrut I.-K. *Einführung in die interkulturelle Literatur*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. 2015. 168 p.
6. Huddart D. Homi K. Bhabha. London, New York: Routledge. 2006. 192 p.
7. Khider A. *Der falsche Inder*. Hamburg: Edition Nautilus. 2008. 157 p.
8. Khider A. *Ohrfeige*, München: Carl Hanser Verlag. 2016. 219 p.
9. Kossek B. *Begehren, Fantasie, Fetisch. Postkoloniale Theorie und die Psychoanalyse (Sigmund Freud und Jacques Lacan). Schlüsselwerke der Postcolonial Studies. hrsg. von J. Reuter, A. Karentzos*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften. Springer Fachmedien. 2012. P. 51 – 68.
10. Metzler *Lexikon Literatur – und Kulturtheorie*. Stuttgart: Springer-Verlag. 2013. 849 p.

RACISM, MIMICRY, STEREOTYPES IN THE NOVELS OF ABBAS KHIDER

*Perfileva Z.E., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Orenburg State Pedagogical University*

Abstract: the literature of emigrant writers has become an integral part of the modern multinational culture of Germany. The problems that arise during the integration and adaptation of immigrants in the multicultural space of Germany are very relevant in the modern European community, which causes the popularity of this topic in the artistic work of authors with an emigrant past. The article is devoted to the study of the features of the work of A. Khider. The material of the study was two novels of the author – "False Hindu" (2008) and "Slap in the Face" (2016). A. Khider reveals the current social problems that are the causes of conflicts and misunderstandings between refugees and representatives of the majority society. Without idealizing either the emigrant community or the native population of Germany, the writer, with his characteristic irony, caricatures and exposes manifestations of racism, which is based on stereotypical attitudes rooted in society. A. Khider manages to humorously present the tragic in its essence, the desire of immigrants to become like a typical European. The purpose of the article is to study the ways of depicting and functioning of manifestations of racism, stereotypical thinking, as well as mimicry in the works of A. Khider. The objectives of the work were to consider certain features of the poetics of Khider's novels, namely, to identify and analyze the means and methods used by the author in depicting manifestations of racism, stereotypical thinking, identitarian classification, and mimicry within the German multicultural society. The scientific novelty of the study lies in the fact that it is the first attempt to analyze the problems of racism and the functioning of stereotypes in the artistic work of A. Khider. The results of the study expand the understanding of the state of the modern German-language literary process.

Keywords: foreign literature; emigrant literature of Germany; racism, stereotypes, mimicry

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Б.К. УТИЖЕВА

*Хежева Л.Х., кандидат филологических наук,
Утижева Л.Б., кандидат филологических наук,
Кумыкова М.М., кандидат филологических наук,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова*

Аннотация: *цель исследования* – раскрыть типы женских образов в творчестве Б.К. Утижева и определить их роль в раскрытии и развитии сюжета. Женские образы в творчестве каждого автора играют определенную роль. У кого-то они главные, у кого-то второстепенные. Но нельзя сказать, что женские образы лишены доли важности в раскрытии основного сюжета или в раскрытии других образов произведения. В творчестве Бориса Утижева немало женских образов, которые несут в себе истинное женское начало. *Научная новизна работы* заключается в том, что в данном исследовании впервые отдельно рассматриваются героини произведений Бориса Утижева. *В результате исследования* были выявлены отличительные черты каждой из героинь, а также определено их общее женское начало.

Ключевые слова: Б.К. Утижев, женские образы, Тыргатао, женское начало

Введение

Борис Кунеевич Утижев – известный кабардинский деятель культуры, который прославился в большей мере как драматург. Но, изучив его наследие, становится понятным, что нельзя ограничиться только этим определением. Борис Кунеевич вобрал в свое творчество всю многоликость литературы: эпические, драматические жанры и лирику. По воспоминаниям самого автора, он не хотел «зацикливаться» на одном жанре или одной теме, этим и объясняется разнообразие жанров и форм его произведений.

Теоретическую базу исследования составляют литературоведческие работы, предметом изучения которых является творчество Бориса Утижева. Творчество Б.К. Утижева вызывает живой интерес у многих современных ученых. В 2010 году вышла монография Х.И. Бакова «Борис Утижев: поэт, писатель, драматург» [2], которую можно по праву назвать фундаментальной в изучении творчества автора. Написано множество статей [7, 8, 9], защищались диссертации по творчеству Б. К. Утижева. Но, несмотря на это, читая его произведения, можно найти все новые и новые темы для научного исследования. Произведения Утижева чаще рассматривались с точки зрения историчности, если говорилось о его трагедиях и драмах (например, «Тыргатао», «Дамалей» и др.) [1], фольклорных мотивов, если анализировались комедии (например, «Закливание», «Аул Свергайвекрухово») [6] и др.

Актуальность данного исследования заключается в том, что гендерная тема в последние десятилетия стала весьма популярной в научной сфере и в литературоведении, в частности. Занимаясь исследованием творчества Бориса Утижева нам стал интересен гендерный вопрос. Это обусловлено еще и тем, что существует устойчивое мнение об отсутствии каких-либо прав у женщин – представительниц народов Северного Кавказа.

Исходя из выбранной темы исследования, мы ставили перед собой решение **следующих задач:**

- показать природу женских образов и их неповторимость в произведениях Утижева;
- определить роль женщины в произведениях Утижева (на примере новелл «Суд сердца» и «Райская птица», а также пьес «Тыргатао» и «Дамалей»);
- показать роль женщин-горянок в судьбах мужских образов в произведениях Бориса Утижева.

В процессе исследования использовался **сравнительный метод научного анализа**. Сравниваются героини из произведений Бориса Утижева между собой. Выбор анализируемых нами произведений не случаен. Мы выбрали аналогичные по жанру и тематике пьесы и новеллы. Но, несмотря на «аналогичность», женские образы в данных произведениях абсолютно по-разному раскрываются в процессе развития действия.

Практическая значимость работы: материалы исследования могут быть использованы в вузах гуманитарного направления при изучении спецкурса по кабардинской драматургии, а также в учебном процессе по дисциплине «История кабардинской литературы».

Изучение женских образов в мировой литературе не ново. Можно найти собирательные образы как в литературе древних эпох, например амазонок, так и в литературе более позднего времени. Кроме того, можно найти общие черты у героинь из произведений отдельно взятых авторов. Например, термин «тургеневские девушки» давно стал собирательным для определения женских образов из произведений Ивана Сергеевича Тургенева.

Для анализа женских образов в творчестве Утижева были выбраны такие его произведения, как: «Тыргатао», «Дамалей» (исторические трагедии), «Райская птица», «Суд сердца» (новеллы) [4, с. 40-57].

Женские образы в пьесах «Тыргатао» и «Дамалей»

Трагедия «Тыргатао» Б.К. Утижева принесла славу молодому драматургу в 1977 году после постановки ее на сцене кабардинского драматического театра. Эта пьеса посвящена предкам современных адыгов – синдам и меотам. Название пьесы носит имя главной героини.

Тыргатао (Тиргатао) – меоитянка, жившая в начале IV века до н.э. Ее муж был царем Синдики – Джагатея (Гекатай). В то время Синдика непрерывно воевала с Боспорским царством и его правителем Шатиром (Сатиром). Впервые сведения о женщине-воительнице Тиргатао встречаются из сочинения Полиэна «Военные хитрости». Также, история борьбы Синдики и Боспорского царства описывается в «Истории народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века» [3, с. 76].

Взяв за основу исторический источник, Утижев описывает трагическую судьбу меоитянки Тыргатао. Автор сохраняет подлинную историю о том, что Боспорский царь Шатир, чтобы изнутри подчинить себе Синдику, отдает в жены синдскому царю Джагатею свою дочь, потребовав избавиться от первой жены – Тыргатао.

Утижев несколько иначе показывает этот «любовный треугольник»: опьяненный красотой и молодостью своей молодой жены, Джагатея становится легкой добычей для Боспорского царя. Но в источниках пишется, что Джагатея (Гекатай) очень любил Тыргатао и не хотел избавляться от нее, втайне от Шатира (Сатира) он отправляет свою жену на остров.

Сама же Адиса, молодая жена Джагатея, влюбляется в сына Тыргатао и Джагатея – Джатагазу. Адиса хочет соблазнить юношу, но он понимает о ее намерениях и не поддается ее чарам. Тогда она решила его напоить вином. Почти в бессознательном состоянии он засыпает в покоях новой царицы синдов. Там его застают Джагатея и в ревностном порыве убивает своего сына.

С криком выбегающую Адису убивает сводный брат царя – Шабзازهа. Джагатея решает, что Адиса стала самоубийцей от любви к его сыну, от горя и мук совести он теряет рассудок. Тем временем, Шабзازهа отправляется на остров к Тыргатао, куда ее сослал муж. Шабзازهа является незаконнорожденным братом Джагатея. Втайне от брата он договаривается с Шатиром о том, что они добровольно сдадутся Боспорскому царю, став его частью. Одним условием было замужество Тыргатао за Шабзازهу. Она понимает, что отомстить за все свои горести Джагатею она сможет лишь согласившись на эту сделку. Они отправляются в Синдику, где Тыргатао, полная ненависти к быв-

шему мужу, застают его умалишенным. Тут в ней просыпается лишь жалость к нему. В этот момент Джагатея хватается меч, упавший из рук Тыргатао, и вонзает себе в грудь. Тыргатао, которая прибыла на остров ради мести, не видит больше смысла ни в жизни, ни в борьбе с врагом. Ее окружают синды и меоты, уставшие от непрерывных войн с Боспорским государством, жаждущие мести. Тыргатао кидается на их копыта и умирает.

В данной трагедии образ Тыргатао показан двойко. С одной стороны – это женщина-воин, а с другой – дочь, жена и мать. Если в исторических источниках образ Тыргатао описывают лишь как воинственную меоитянку, то Утижев наделяет свою героиню естественными, природными инстинктами, человечностью, душевностью и любовью. Сама пьеса состоит из пяти актов. Но в театральной постановке она разделена на два акта. С самого начала перед нами предстает дочь царя меотов Шупаши, воинственная предводительница. По мере развертывания действия совсем иначе раскрывается образ Тыргатао. Она является продолжательницей рода меотов, а ее муж – синдов. Их сын – Джатагаза, символ единства двух племен. Но такое единство не на руку Боспорскому царю. Тут начинается конфликт, разрушается семья, разрушается государство. Именно эти факты позволяют нам увидеть нашу героиню в совсем ином облике.

Если изначально она представляется нам бесчувственной, бессердечной правительницей, то теперь мы видим ее боль, ее униженную женскую гордость. Она обманута любимым мужем. Она убита горем и сослана на остров. Ее разлучают с ребенком. Все это лишает ее способности действовать. Переступив свою гордость ради мести и ради спасения своего народа, она соглашается на поступок, который претит ее естеству. Но и это она готова стерпеть.

Интересным фактом является и то, что Утижев дает имя исторически существовавшей героини – дочери царя Шатира. В источниках нигде не встречается ее имя, но Утижев наделяет ее красивым именем Адиса. Ранее это имя не встречалось ни в обиходе адыгов, ни в исторических источниках того периода. Со слов самого автора, он подобрал это имя не случайно. Здесь синтез двух имен – греческого Аида, кабардинского – Диса. Диса, в переводе с кабардинского, означает «золото» (дыщэ), а прикрепленная «греческая» часть этого имени «А» в кабардинской транскрипции означает «рука» (1э). Из этого синтеза родилось новое имя, которое несет в себе новую смысловую нагрузку – «золотые руки» (1эдыщэ) [7, с. 50].

Как видим, образ Тыргатао исторический и утижевский несколько разнятся. Утижев, хотя и

лишен возможности выразить свою авторскую позицию по отношению к своей героине, все равно дает нам понять, что женщина от природы наделена особой чувственностью, что, однако, не мешает ей быть и хладнокровным предводителем армии, и правительницей одновременно. Утижев передает нам чувство того, что она в первую очередь женщина, которая с рождения была окружена заботой и любовью своего отца, а затем и мужа. Она безмерно любила их сына, продолжателя рода двух племен.

Ведь семья – это средоточие смысла жизни женщин, заложенное природой. Хотя Тыргатао является единственной претенденткой на престол своего отца, она наделена долгом перед своим народом, тем не менее, будучи истинной женщиной, она не видит больше смысла в продолжении своей борьбы, в которой она потеряла самых близких людей. Нет семьи – нет и нового объединенного государства

О роли Тыргатао – женщины пишет в своем исследовании и Хангери Баков: «Финал получился эмоциональным, убедительным и трогательным. У адыгов женское мнение пользовалось большим авторитетом. Об этом свидетельствуют старинные предания. Например, если женщина бросила свой платок, то любое столкновение тут же должно было быть приостановлено.

Ценой собственной жизни Тыргатао остановила целое сражение» [2, с. 269].

В своей следующей исторической трагедии «Дамадей» Борис Утижев тоже не обошелся без решительной роли женщины в раскрытии сюжета. Пьеса названа именем главного героя, которое с кабардинского переводится как «лишние плечи» (дословно) дамэ – плечи, лей – лишние, т.е. широкоплечий. Действие пьесы происходит в Кабарде в XVIII веке. Она повествует о восстании абреков под предводительством Дамалея. Кроме главного героя в пьесе присутствуют еще персонажи, которые были участниками данного исторического события. К ним относятся: верховный князь Кабарды Кетуко Асланбек, его помощник Дзапшоков Жамболат, уздень первой степени Кундетов Шолох и другие. Кроме того, Утижев вводит в пьесу образ известного на Кавказе общественного деятеля и мудреца Жабаги Казаноко. Доподлинно неизвестно о причастности Казаноко к данному историческому событию в Кабарде, т.к. в тот период еще не было письменности у адыгов. О данном факте существуют лишь фольклорные предания, на которые и опирался Утижев при создании своей пьесы. Но образ Жабаги Казаноко очень искусно вплетен автором в сюжетную канву.

Но в данной статье нам интересен образ Гошенанаго – дочери помощника верховного князя Жам-

болата Дзапшокова. Гошенанаго попадает в плен к абрекам в то время, когда ее хотели отдать замуж за крымского хана. Дамалей требует обмен: Гошенанаго на арестованных князем Асланбеком абреков. Посредником между князьями и абреками выступает Жабаги Казаноко, т.к. он пользовался большим уважением среди народа, и это пытается использовать в своих целях Асланбек Кетуко.

На тот момент у Асланбека были напряжёнными отношения с ведущими князьями Кабарды: Анзоровыми, Тамбиевыми, Мисостовыми, Атажукиными. Но ситуация усугубляется еще и тем, что крымский хан разгневан тем положением, в котором оказался. Несмотря на большую свиту, сопровождавшую его невесту, Гошенанаго попадает в плен к Дамалею. Гордость хана задета, он требует возмещение от верховного князя.

На фоне политических неурядиц развивается любовная линия Гошенанаго и Дамалея. Заведомо понятно, что княжеская дочь и абрек не могут иметь никаких отношений. Но сам автор в описании героя дает нам понять, что Дамалей был не только защитником и предводителем крепостного восстания, но он наделен красотой, статностью, умом и благородством. Такое описание уже располагает нас к тому, что молодая княжна не сможет устоять перед таким противником. В сцене, где Дамалей дает в руки Гошенанаго ружье, зарождается чувство молодой княгини. Дамалей предлагает ей выстрелить в него. Но ее взгляд останавливается на нем и ружье выпадает из рук. В этот момент она увидела в Дамалее все те качества, которыми наделил его автор, он не дрогнул ни перед чем, он со смирением ожидал своей участи. Но Гошенанаго сама не выдержала столь сильного напряжения и упала.

После такого напряженного момента на сцену выходит опять Жабаги Казаноко, который в ходе переговоров с Дамалеем добился освобождения молодой княгини в обмен на несколько арестованных абреков. Дамалей объявляет Гошенанаго о том, что она впредь свободна. Но она просит поговорить с ним наедине. Оставшись вдвоем, княгиня раскрывает свои чувства и говорит о том, что готова принять участь абрека. Дамалей ошеломлен от услышанного. Он не знает как ответить ей, говорит о своем долге перед народом, что должен закончить начатое дело. Все это звучит отговоркой для Гошенанаго. Ведь для нее, княжеской дочери, стоило огромных усилий признаться человеку гораздо ниже себя статусом в своих чувствах. Она оскорблена, она обижена. После того, как Дамалей говорит о своем долге, который предпочитает ее любви. У нее в голове мысли о том, кто он, чтобы пренебрегать ее любовью. Она смеется над его словами, говорит о том, чтобы он не верил сказан-

ному ею, что она придумала это ради смеха. После этого она угрожает отомстить.

Согласно уговору, Дамалей отпускает Гошенана в обмен на несколько абреков. представ перед князем Асланбеком, гошенана просит князя об одолжении: перед отъездом к своему жениху, крымскому хану, она хочет лишить жизни одного человека. На вопрос о том, кто же этот несчастный, она отвечает – Дамалей. Князь, немного подумав, соглашается. Решено было отравить Дамалея.

Дамалей отправляется на встречу с верховным князем, несмотря на то, что его приближенные были против подобных переговоров. Но перед ним предстает Гошенана, которая встречает своего возлюбленного отнюдь не сладкими речами, но потом меняет свой тон и предлагает выпить из чаши махъсыма (национальный напиток адыгов). Он с удовольствием соглашается. Гошенана на миг осталась в смятении и окликает Дамалея, но потом вновь предлагает отпить напиток. После того, как он выпил, Гошенана раскрывает, что в нем был яд. Он спрашивает у нее, за что такая позорная смерть для воина.

На что она отвечает: «Умирать как мужчины могут только достойные» (подстрочный перевод) [4, 3, с. 204].

Но Дамалей лишь призывает ее к голосу сердца, сердца, которое полно любви. Он раскрывает ей свои чувства, говорит о том, что ждал момента, чтобы признаться ей в своих чувствах. Но отвергнутая женщина опасна. Она перечеркнула свою любовь, ведь гнев овладевает ею.

Неожиданно Гошенана хватается за чашу и допивает напиток. Упав на пол, Гошенана просит Дамалея обнять ее. Он обнимает ее за шею, и последние мгновения они проживают свою любовь.

Какова же роль женщины в данной трагедии драматурга? На наш взгляд, Утижев наделил свою героиню и гордыней, и чистой любовью. Она отдается своим чувствам, наперекор всему, а он отвергает ее любовь. Но гордыня берет верх. Не поговорив, не поняв, она решает убить обидчика, убить любимого, искоренить свои чувства таким образом. Она не предполагала, что эти чувства взаимны. Он – мужчина, он предводитель, за ним пошел народ. Он не вправе отдаться зову своего сердца, он должен идти за разумом. Она же, – женщина, женщина княжеского рода, женщина, которая снизошла до простого абрека, а он не оценил ее самопожертвования. В ней противостоят и любовь, и гордыня. Она хочет любви, семьи, хочет свить свое гнездышко. Но это ей не удается. Она решает эту проблему по-своему.

Но и тут природа берет верх, услышав слова любви от возлюбленного, она опять совершает

необдуманный поступок. Она импульсивна, она молода. Для нее выйти замуж за нелюбимого не представляется возможным после признания Дамалея.

Утижев воссоздает перед нами картину Кабарды XVIII века, где царил кодекс чести - Адыгэ хабзэ. Герои наделены благородством и умом, наделены мужеством и храбростью. Но автор не может обойтись без любовных коллизий. Без этого мы не раскрыли бы для себя образ главного героя. Мы не прочувствовали бы его до конца. За столь непреклонной личностью автор скрыл романтика, человека, стремящегося к справедливости, наивного и чистого в своих помыслах. В этом автор противопоставляет Дамалея не только Гошенана, но и князьям и крымскому хану.

Но Гошенана не является лишь «оттеняющей» образ главного персонажа героиней. Она наделена гораздо большим. Она подводит к решающему концу жизненные линии: как своей, так и Дамалея. Да, это немного неожиданно, но, тем не менее, не случайно. Утижев раскрывает ее природный ум, ее княжескую горделивость, и, в то же время, слабость простой женщины перед чувствами. Все это смешано в образе Гошенана, она не просто персонаж данной пьесы, она – главная героиня. Ведь Дамалей, несмотря на ее недостатки, проникается к ней чувствами. Он видит в ней настоящую женщину, способную на самопожертвование, способную на решительные шаги. Ее образ не однозначен. Она вызывает и гнев, и сострадание, и сожаление. Именно через подобные чувства зрителей драматург достигает своей цели. Он показывает нам истинную женщину, которая полна чувств, полна любви, полна ненависти, полна сожаления.

Женские образы в новеллах «Суд сердца» и «Райская птица»

Несколько иными предстают женские образы в новеллах Утижева «Райская птица» и «Суд сердца», которые переносят нас в современность, со своими насущными проблемами.

В «Райской птице» автор повествует о молодой Зули, у которой муж Мурадин пристрастился к алкоголю. Она сидит в ожидании мужа, который вернулся, как всегда, пьяный. Его привели собутыльники, которые поспорили с Мурадином о том, как каждая из жен встретит своего мужа. Зули разочаровывает Мурадина тем, что не приглашает в дом гостей. Но это обусловлено отсутствием продуктов в доме, ведь она сидит дома с маленьким сыном, а муж пропивает все деньги. Разгневанный Мурадин дает ей пощечину и берет ружье. Она забирает спящего Хасена и убегает из дома. Она вынуждена вернуться к матери, которая упрекает Зули в непослушании мужу, советует ей вернуться к Мурадину. Но Зули против. Мать аргу-

ментит тем, что Мурадин все деньги пропивает, а им даже не на что купить обувь маленькому Хасену. Целый месяц Зули провела в ссорах и унижениях у матери. Затем Лялюх, мать Зули, советует ей отвести Хасена в отцовский дом и оставить мальчика там. Они хотели пробудить таким образом отцовские чувства. Мурадин вернулся поздно ночью, как всегда пьяный, и завалился на кровать. Утром пробудился и увидел страшную картину: придавленным к стене он обнаружил бездыханное тело сына. На крик Мурадина сбежались соседи, родственники, Зули и Лялюх. Мурадин опять попытался ударить Зули, обвиняя в содеянном, но люди не позволили ему это сделать. Все начали обсуждать и судить, кто виноват. Кто-то обвинял Мурадина, кто-то Зули.

В данной новелле автор поднимает проблему бедности и нравственного падения людей. Он показывает безысходность женщин, которые зависят от мужей. Через образ Лялюх Утижев раскрывает перед нами терпимость женщин, которые привыкли к такому существованию. Несмотря на нищету и рукоприкладство, женщины готовы простить своих мужей и вернуться к ним. Это раскрывает нам еще одну тенденцию женского поведения, мировоззрения – не быть разведенной. Именно это Лялюх говорит своей дочери. Что надо смириться, надо быть покорной, такова участь женщин. Все это приводит к еще большему нравственному падению мужчин, чувствующих безнаказанность и физическое превосходство. Но наказание несет совершенно невинный маленький мальчик, который не успел познать жизнь, познать ни огорчений, ни радостей. Он лишь становится птицей в раю.

В следующей новелле «Суд сердца» Утижев также раскрывает нам иной тип женщин. Действие происходит в 60-70-х гг. XX века, но проблема, которую автор поднимает, актуальна во все времена.

Снова нам предстоит сделать нравственный выбор. Главные герои – Жансох и Марят, молодые люди, которые полюбили друг друга и поженились. Он – талантливый художник, она – врач. Вскоре у них рождается сын. Они счастливы, успешны. На очередной день рождения Жансоха собрались родственники, друзья и коллеги. Гости празднуют день рождения без виновника. Он задерживается, так как в последние недели он выполнял работу в Приэльбрусье. Но раздался звонок, который разделит жизнь молодых людей на до и после: Жансох попал в аварию и находится в больнице Тырнауза.

Жансох получил страшные травмы, ему ампутировали ноги. Доктора не утешали прогнозами. Его отправили домой доживать свой век. Жансох осознает, что он становится грузом для Марят и

предлагает ей уйти, ведь за ним есть кому ухаживать, его мама не оставит его. Марят произносит очень обидные слова для Жансоха и уходит от него. Она выходит замуж и устраивает свою жизнь. Жансох не прожил и года после ухода Марят.

Все сложилось удачно для Марят, но сердце не умолкает. Каждой весной

Марят проживает суд сердца. Ведь именно весной соединились судьбы Жансоха и Марят. И в эту весну она вспоминает счастье и горечь, прожитые в прошлом. Автор дает и второе название данной новелле – «Весна воспоминаний». Каждое из названий, данных автором, раскрывает суть этого произведения. Главная героиня каждую весну заново переживает свою прошлую любовь, заново переживает разлуку с отцом своего ребенка, а муки совести не оставляют ее. Ведь она осознает, что поступила некрасиво и перед Жансохом, и перед его матерью. Она при первой возможности сбежала и построила новую семью. Это не так просто дается человеку, перечеркнуть все и начать жизнь с нуля. Тем более, что в любви родился их сын. Он, как и весна, напоминает Марят о прошлом, заставляет сердце заново страдать.

Если в предыдущей новелле образ Зули олицетворяет беспомощность и нерешительность женщин, то Марят, напротив: она не хочет становиться тенью мужа-инвалида, не хочет губить свою молодость и карьеру. Она решительна, хладнокровна и расчетлива.

Заключение

Если подвести итоги из выбранных нами произведений, то можно прийти к выводам, что женские образы в творчестве Бориса Кунеевича столь же неповторимы, как и его произведения. Если вспомним русских классиков, например, Тургенева И.С., Толстого Л.Н., Достоевского Ф.М., то можно говорить о некоторой типизации женских образов в творчестве данных авторов. В творчестве Утижева женские персонажи не поддаются собирательному типу образов. Если говорим о Тыргатао – это реальный исторический образ, который наделен, и в силу жанровой специфики, героизмом. Если говорим о Гошенано, то здесь преобладает женская месть из-за задетой женской гордости. Если вспомним героиню Зули, то здесь женская беспомощность. Марят – полная противоположность, расчетлива и бессердечна. Но объединяет их всех одно – женское начало. Каждая из героинь борется, как может, за свое счастье, за свою семью. Кто-то пытается ее сохранить, кто-то пытается ее построить. У каждой из них свой путь. Каждая в этом неповторима и самобытна.

Роль женских образов в произведениях Утижева немаловажна. Как видим, каждая из героинь

играет решающую роль как в собственной судьбе, так и судьбе близких.

Также можно говорить о том, что представленные героини из произведений Утижева не лишены ни права голоса, так и способности для принятия подобных судьбоносных решений.

Перспективы дальнейшего исследования заключаются в более детальном изучении темы женских образов в творчестве Б.К. Утижева. Это обусловлено еще и тем, что творчество Утижева не ограничивается лишь представленными нами в данной статье произведениями.

Литература

1. Астежева А.М. Национальное своеобразие драматургии Бориса Утижева: проблемы историзма и художественного мышления: дис. ... канд. филолог. наук. Карачаевск, 2003.
2. Баков Х.И. Борис Утижев: поэт, писатель, драматург. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2010. 344 с.
3. Истории народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века / под.ред. Пиотровского Б.Б. М.: Наука, 1988. 544 с.
4. Утижев Б.К. Ветви: Новеллы, притчи, стихотворения, сонеты, стихотворения в прозе, максимумы, пьесы. Нальчик: Эльбрус, 2005. 400 с.
5. Утижев Б.К. Тыргатао. Трагедии. Нальчик: Эльбрус, 2007. 292 с.
6. Утижева Л.Б. Жанр комедии в творчестве Б. К. Утижева: национально-художественные истоки, традиции, новаторство: дис. ... канд. филолог. наук. Нальчик, 2008.
7. Утижева Л.Б. Трагедия Б.К. Утижева «Тыргатао» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. Ч. 3. № 7 (61). С. 48 – 51.
8. Утижева Л.Б. Роль и место песен и куплетов в комедиях Б.К. Утижева // Научный диалог. 2016. № 3 (51). С. 146 – 158.

9. Утижева Л.Б. Трагедия «Эдип»: к вопросу авторства // Научный диалог. 2016. № 9 (57). С. 110 – 122.

10. Утижева Л.Б. Особенности ремарок в комедиях Б.К. Утижева // Культурная жизнь Юга России. Краснодар, 2007. № 3. С. 41 – 42.

References

1. Astezheva A.M. Nacional'noe svoeobrazie dramaturgii Borisa Utizheva: problemy istorizma i hudozhestvennogo myshleniya: dis. ... kand. filolog. nauk. Karachaevsk, 2003.
2. Bakov H.I. Boris Utizhev: poet, pisatel', dramaturg. Nal'chik: Izdatel'skij otдел KBIGI, 2010. 344 s.
3. Istorii narodov Severnogo Kavkaza s drevnejshih vremen do konca XVIII veka.pod.red. Piotrovskogo B.B. M.: Nauka, 1988. 544 s.
4. Utizhev B.K. Vetvi: Novelly, pritchi, stihotvoreniya, sonety, stihotvoreniya v proze, maksimumy, p'esy. Nal'chik: El'brus, 2005. 400 s.
5. Utizhev B.K. Tyrgatao. Tragedii. Nal'chik: El'brus, 2007. 292 s.
6. Utizheva L.B. Zhanr komedii v tvorchestve B. K. Utizheva: nacional'no-hudozhestvennye istoki, tradicii, novatorstvo: dis. ... kand. filolog. nauk. Nal'chik, 2008.
7. Utizheva L.B. Tragediya B.K. Utizheva «Tyrgatao». Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. CH. 3. № 7 (61). S. 48 – 51.
8. Utizheva L.B. Rol' i mesto pesen i kupletov v komediyah B.K. Utizheva. Nauchnyj dialog. 2016. № 3 (51). S. 146 – 158.
9. Utizheva L.B. Tragediya «Edip»: k voprosu avtorstva. Nauchnyj dialog. 2016. № 9 (57). S. 110 – 122.
10. Utizheva L.B. Osobennosti remarok v komediyah B.K. Utizheva. Kul'turnaya zhizn' YUga Rossii. Krasnodar, 2007. № 3. S. 41 – 42.

FEMALE IMAGES IN THE WORKS OF B.K. UTIZHEV

*Khezheva L.Kh., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Utizheva L.B., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Kumykova M.M., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov*

Abstract: *the purpose of the study* is to reveal the types of female images in the work of B.K. Utizhev and to determine their role in the disclosure and development of the plot. Female images play a certain role in the work of each author. For some, they are the main ones, for others they are secondary. But it cannot be said that female images are devoid of a share of importance in the disclosure of the main plot or in the disclosure of other images of the work. In the work of Boris Utizhev, there are many female images that carry a true feminine principle. *The scientific novelty of the work* lies in the fact that in this study, for the first time, the heroines of the works of Boris Utizhev are considered separately. As a result of the study, the distinctive features of each of the heroines were identified, as well as their common feminine principle was determined.

Keywords: B.K. Utizhev, female images, Tyrgatao, feminine principle

КОНФЛИКТ ПОКОЛЕНИЙ В ОТРАЖЕНИИ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ (НА ПРИМЕРЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ «ВОЗРАСТ-ОРИЕНТИРОВАННЫХ» ИЗДАНИЙ)

*Введенская О.В.,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Воскресенская М.А., доктор исторических наук, профессор,
журналист-фрилансер*

Аннотация: конфликт поколений в журналистском произведении – это отражение межпоколенческих противоречий и их интерпретация в тексте, это внешний, закономерный конфликт, он может быть как открытым, полемичным, так и закрытым, невербальным, выражать подсознательные ожидания и обиды [2]. На практике границы открытого и скрытого конфликтов размыты, один переходит в другой. Последствия могут быть деструктивными (усиление непонимания, стресс и ухудшение эмоционального состояния, нарастание напряжения) и конструктивными (изменения в ценностно-нормативной системе его участников, решение насущных проблем, снятие социального напряжения и утверждение новой расстановки сил). В статье рассматриваются пути разрешения и разжигания конфликта поколений в «возраст-ориентированных» изданиях. В основе исследования – психолингвистический подход Е. Шамис. Исследователь проводит контент-анализ ряда специализированных изданий, в том числе обращая внимание на взаимосвязь поколенческих особенностей журналистов и содержание текстов. Также, внимание уделяется и стилистическим особенностям публикаций. Автор приходит к выводу, что журналисты в своих материалах, с опорой на мнения экспертов, должны делать упор на благо подростков и молодежи, так как они – будущее страны. На данный момент есть материалы, которые посвящены мерам по улучшению качества государственной и общественной молодежной политики, в них говорится о правах и перспективах молодежи, необходимости вовлечения молодежи в широкий спектр общественно-значимых вопросов. Данных материалов должно быть больше, так как это способствует эффективному разрешению или минимизации негативных, деструктивных, последствий конфликта поколений при его отражении в отечественной прессе.

Ключевые слова: поколение, конфликт поколений, разрешение, разжигание, средства массовой информации

«Поколение» и «конфликт поколений» весьма широкие понятия. Чаще всего журналисты в своих произведениях используют терминологию и периодизацию психолингвиста Е. Шамис. Она определяет поколение как «группу людей, рожденных в определенный период, испытавших влияние одних и тех же событий, особенностей воспитания, окружающего мира и обладающих одинаковыми ценностями», и выделяет «Величайшее поколение» (1900-1923), «Молчаливое поколение» (1923-1943), «Поколение бэби-бумеров» (1943-1963), «Поколение X» («Икс») (1963-1984), «Поколение Y», или «Миллениум» («Игрек») (1984-2000), «Поколение Z» («Зэд») (с 2000-го года) [1].

Конфликт поколений в журналистском произведении – это отражение межпоколенческих противоречий и их интерпретация в тексте [2]. Последствия могут быть деструктивными (усиление непонимания, стресс и ухудшение эмоционального состояния, нарастание напряжения) и конструктивными (изменения в ценностно-нормативной системе его участников, решение насущных проблем, снятие социального напряжения и утверждение новой расстановки сил). Можно говорить о стадиях конфликта поколений в СМИ: предконфликтная ситуация, инцидент, эскалация, кульминация, завершение конфликта и постконфликтная ситуация – но и здесь границы весьма условны.

Средства массовой информации могут как разрешать, так и разжигать конфликты вообще, и конфликты поколений в частности. В.В. Горшкова отмечает, что роль СМИ в разрешении конфликтов, прежде всего, заключается в объективном информировании читателей о причинах конфликта, диагностике статуса и позиций сторон конфликта (в нашем случае разных поколений), в осуществлении информационного противоборства оппонентов [3]. По мнению К.У. Томаса и Р.Х. Килменна, основные стратегии разрешения конфликтов – это сотрудничество, соперничество, избегание, приспособление и компромисс [4]. Конфликтологи М.В. Цыбульская и Е.С. Яхонтова и выделяют еще один способ – привлечение третьей стороны [5]. Т.П. Ганижева выделяет стратегию применения силы власти и закона [6]. Поскольку одни авторы утверждают, что конфликт поколений вечен, другие ставят вопрос вечности под сомнение, то можно говорить, как о его регулировании, смягчении, так и о разрешении.

Е.В. Горина указывает на то, что понятие «разжигание конфликта» связано с термином «информационная война». Она определяет информационную войну как «комплекс действий по использованию, разрушению и искажению информации с целью достижения определенной цели». Цель информационной войны – изменить представление аудитории о чем-либо (в нашем случае о том или

ином поколении). Она отмечает, что современные средства массовой информации постоянно находятся в состоянии ведения информационной войны (не только в политическом плане). Это приводит к яркому противопоставлению групп «мы» и «они». Понятие информационной войны, в свою очередь, тесно связано с термином «манипуляция» [7]. А.В. Голубева и В.И. Максимов считают, что «манипуляция – это вид речевого воздействия, используемый для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент» [8]. Различаются различные приемы манипулятивного воздействия, которые используются и для разжигания конфликтов. К ним могут относиться следующие: игнорирование, замалчивание, отвлечение, фрагментарная ложь, прямая ложь, ложная проблема, ложный вывод, ложная трактовка, акцентное искажение, пристрастное массирование, рассеивающая детализация, компрометирующая поддержка, ссылка на авторитета, чрезмерная пропаганда патриотизма, высмеивание, негодование, контекстное искажение, ярлыки, стереотипы, дискредитация, фрустрация, троллинг, гедонизм (потребительство), журналистский комментарий (оценка) как отдельный прием манипулирования, чрезмерное использование интервью, сенсационные заголовки, дробление и многие другие [9, 10, 11, 12, 13, 14].

Так в нашей статье проводится контент-анализ публикаций главного портала пенсионеров «Пенсионер России», интернет-версий российской газеты «Пенсионерская правда», молодежной онлайн газеты «Молодежь.info» и молодежного портала «Наша молодежь». Публикации отбирались путем запроса в поисковой строке «конфликт поколений». В специализированных демографических «возраст-ориентированных» изданиях ситуации с применением физической силы не отражаются. Конфликт происходит в форме скрытых и открытых недовольств.

Следует отметить, что издания для пожилых отличаются чрезмерной пропагандой патриотизма, создается оппозиция «молодежь-пожилые», что обусловлено ценностными ориентациями старших поколений (коллективизм, обостренное чувство долга и справедливости). На информационную повестку влияют такие события как Пенсионная реформа, повышение пенсионных выплат, поправки в Конституции, акция «Бессмертный полк», череда отказов пенсионерам при устройстве на работу, появление национального проекта «Старшее поколение» и т.п.

Анализ публикаций портала «Пенсионер России» и интернет-версии «Пенсионерской правды»

позволяет сделать вывод, что конфликт поколений рассматривается на макроуровне (идеологии, общества в целом). Довольно мало внимания уделяется семейным отношениям.

Тональность материалов портала «Пенсионер России» в целом нейтральная. Стратегия решения конфликтов – приспособление. Конфликт поколений рассматривается односторонне: интересы молодых поколений почти не затрагиваются. Количество публикаций, найденных на портале, по ключевым словам, «конфликт поколений» – 16 (2016-2019 гг.). Журналисты поднимают следующие темы: «бездельники разрушают пенсионную систему», «в чем смысл пенсионной реформы», «можно ли найти работу человеку старше 50», «счастливых пенсионеров стало еще больше». Прослеживается одна смысловая позиция: проблема возрастной дискриминации пенсионеров и людей предпенсионного возраста со стороны младших поколений. Достичь общего взаимопонимания поколений, по мнению авторов, можно лишь в том случае, если молодежь будет следовать примеру старших, изучать историю, спрашивать советы и следовать им. Наиболее часто встречающиеся существительные: история (9), преподаватель (8), уважение(8), доверие(8), ответственный(8), уважение (7), память (7), пример (5), наставник (4), авторитет (4), государство (4), рассказы (2), друзья(4), глаголы, в основном связаны с верой в прошлое: проверить(8), хранить (5), поставить(4), вернуть (4), обратиться (3), прилагательные: старший (4), личный (2), опытный (2).

Авторы портала, среди которых немало представителей поколения «бэби-бумеров» и «Молчаливых», представляют пенсионеров и людей предпенсионного возраста честными, порядочными людьми, но, к сожалению, незаслуженно обиженными современной государственной системой. Например, в публикации Александра Гришина, журналиста пограничного поколения (на стыке «X» и «бэби-бумеров») «Можно ли найти работу, если тебе за 50?» обсуждаются ситуации, когда молодой начальник (представитель поколения «Игрек» или «Икс») открыто отказал соискателю «бэби-бумеру» из-за возраста [15]. Журналист провел эксперимент, самостоятельно выступив в роли соискателя. Такой возрастной дискриминации противопоставлена смысловая схема, например, из материала журналиста Яна Хуторянского (1931-й год рождения, «Молчаливое» поколение), прошедшего непростой жизненный путь [16], «Преемственность поколений существует?», в котором говорится, что во всем и везде нужен личный пример старшего поколения, младшие должны во всем слушать старших. В период молодости журналиста считалось, что все самое сакральное

можно обсуждать только в семье. Он с сожалением отмечает, что сейчас младшее поколение все больше делится переживаниями с друзьями в Интернете, а в кругу семьи, напротив, «зеты» молчаливы (пример цикличности поколений) [17]. Таким образом, немаловажный фактор достижения эмпатии: историческая память и преемственность поколений – значительно перевешивает в материалах портала, затеняет разные точки зрения, не способствует пониманию многих явлений меняющейся общественно-политической и экономической ситуации. Из-за этого функция налаживания межпоколенческого диалога в издании реализуется не в полной мере.

На примерах пенсионной реформы и связанной с ней социальной напряженности в деструктивном ключе изображаются возможные последствия конфликта поколений. Об этом свидетельствуют прилагательные: несправедливый (2), напряженный (2), существительные: судьба (3), страна (3), угроза (3), увеличение (3), законодательство (2) и власть (2). Так, житель Екатеринбурга в материале «Что уральцы думают о пенсионной реформе» отмечает: *«На мой взгляд, пенсионное законодательство должно мотивировать нынешнюю молодежь на работу в производственной сфере и на солидный трудовой стаж. Какие выводы делают дети, глядя на своих бабушек и дедушек, матерей и отцов? Они видят, что предки вкалывали в тяжелых и вредных условиях, но достойной пенсии не заработали. Выходит, государство не ценит добросовестный и многолетний труд. Так стоит ли стараться?»* [18].

В интернет-версии издания «Пенсионерская правда» нами были отобраны 25 публикаций за (2018-2020 гг.), в которых содержались ключевые слова «конфликт поколений». Эти тексты были посвящены следующим темам: «ВОВ», «забытые герои», трудности общения молодых и пожилых, возрастная дискриминация. Тональность проанализированных текстов преимущественно нейтральная или позитивная. Манера изложения материала в издании эссеистическая, исповедальная. Широко применяются художественные средства выразительности: ирония, метафоры, авторские оценки, гиперболы, олицетворения. Они иллюстрируют частные аспекты взаимодействия поколений. Конфликт, как и в предыдущем издании, рассматривается на макроуровне.

Материалы, в которых встретились искомые ключевые слова, оказались в основном открытыми письмами, «мемуарами-исповедями» и публицистически переработанными воспоминаниями представителей старших поколений, среди которых не все профессиональные журналисты. Стратегия разрешения конфликта в большинстве этих

произведений – уход (отстранение). Среди различных смысловых позиций в межтекстовом единстве предлагается выделить следующую: конфликт поколений в любом случае был, есть и будет, и нет необходимости пытаться его разрешить.

Неслучайно на лексическом уровне эта стратегия проявляется в углублении существительных: уступка (8), уход (5); глаголов: игнорировать (8), молчать (7) уступать (4); прилагательных: вечный (5), терпеливый (3).

Эпические истории представителей старших поколений контрастируют в «Пенсионерской правде» с разбором фактов возрастной дискриминации пенсионеров. Нередко молодые предписывают не-молодым некоторую пассивность, нетрудоспособность, ассоциируют их с «прошлым веком». Однако по мнению самих авторов, у любого возраста есть свои преимущества. В одном из немногих информационных материалов «Гордое звание – бабушка» его автор Галина Гольникова (поколение «бэби-бумеров») указывает, что по определению Всемирной организации здравоохранения человек считается старым лишь с 75 лет, что в обыденной жизни часто игнорируется, «старыми» нередко воспринимают и тех, кто значительно младше этого возраста. Стигматизации предлагается противостоять в первую очередь в самооценке. Автор призывает читателей старшего поколения ни в коем случае не торопиться называть и тем более чувствовать себя старыми: *«60-70-летние девчонки, вот стукнет»* семь с половиной десятков, тогда и будем мы с вами иметь на это право». Автор утверждает, что, слово «бабушка» не синоним старости. По ее мнению, если внуки называют бабушкой, это очень даже почетно, приводит примеры людей, которым в пожилом возрасте удавалось сохранять бодрость, радоваться жизни [19]. В соответствии со стратегией отстранения издание не предлагает дискуссию, спор с теми, кто стигматизирует пожилых, о них и за них говорят пенсионеры.

В «Пенсионерской правде», как и на портале «Пенсионер России» конфликт поколений рассматривается односторонне, а именно: интересы младших поколений почти не затрагиваются и никогда не выходят на первый план. Создается только эффект коммуникации, диалога поколений за счет подачи материала от первого лица, обилия выразительных средств. Возможно, «Пенсионерская правда» стремится к реализации функций социализации и воспитания молодых поколений, на это рассчитаны воспоминания и рассказы авторов о взаимоотношениях с членами семей, о строительстве взаимопонимания в молодости, о дружбе и предательстве. Но под большим вопросом оста-

ется донесение этих историй до адресатов, если считать ими в том числе и молодые поколения. Это опасение получает подтверждение в том, что в проанализированных материалах не было упоминаний о последствиях конфликта поколений. Возможно, это потому, что последствия локализованы в будущем, с которым у соответствующих изданий проблемы.

В проанализированных нами молодежных изданиях конфликт поколений рассматривается, как на микро-, так и на макроуровне. На повестку влияют такие события общенационального масштаба как обсуждение нашедшего федерального закона о молодежной политике, появление законопроекта о домашнем насилии, организация и проведение Всероссийских молодежных форумов, утверждение в 2018-м году национального проекта «Образование».

В онлайн газете «Молодежное.info» количество исследованных публикаций с ключевыми словами «конфликт поколений» – 9 (2014-2020гг.). Тональность текстов в газете «Молодежное.info» в целом позитивная с критическим уклоном. Критика проявляется в авторской иронии, сарказме, оценках. Материалы написаны от первого лица – примечательно, что это также, как и в Пенсионерской правде – издании для противоположной аудитории – в жанрах воспоминаний, исповедей, авторских колонок, открытых писем, личных историй. Благодаря такой подаче материалов авторы достигают эффекта присутствия. Так как публикуются тексты от первого лица и там, и там, можно утверждать, что оба СМИ тяготеют к коллективному блогу. Однако для журналистов молодежного издания характерна еще и незамысловатая, раскрепощенная речь, выход за пределы этических норм, повышенная экспрессивность, что призвано приблизить ее к читателям. Основные темы: молодежь глазами молодежи, конфликты в школе, бытовые и ценностные конфликты поколений.

Способ разрешения конфликтов в газете «Молодежное.info» – это сотрудничество. Причем, молодые авторы соперничают всем поколениям. Существительные, которые характеризуют способ решения конфликта поколений: толерантность (10), дружба (9), мир (6), глаголы: донести (5), осуществлять (4), изменить (4), решать (3), прилагательные: лучший (5), общечеловеческий (3). Так, автор издания Анна Ройтман (поколение Y), недавняя выпускница ф-та журналистики РГГУ, возторженно призывает людей разного возраста объединиться, относиться друг другу с уважением и состраданием [20]. Студенческая среда, в которой она находилась до недавнего времени, по ее словам, была на редкость позитивной (понимающие преподаватели, уважительное отношение на прак-

тике, однокурсники «как одна большая семья») [21]. Вероятно, поэтому у нее сохранился подобный настрой.

Авторы молодежного СМИ пишут и об ошибках собственного поколения. С одной стороны, современная молодежь («Игрек») и подростки (поколение «Z») не до конца осознают подвиг «Величайших» (ветеранов), не ценят наследие предков, культуру, загрязняют окружающую среду, имеют вредные привычки, что вызывает недовольство у старших поколений. С другой стороны, игреки и зеты сталкиваются с глубоким непониманием и недоверием со стороны старших поколений в психологическом плане. Их нередко воспринимают «потерянным» поколением, относятся несерьезно [22]. Так, Татьяна Манукян (поколение «Y») в авторской колонке «В чем ограничивает школа?» подчеркивает, что *«помимо того, что школа нередко учит мыслить стереотипно и шаблонно и большинство предметов не пригодятся в жизни, она ущемляет интересы младших (там тот, кто младше, определенно не может быть правым)»* [23, 24]. Речь идет не только о старшеклассниках, но об учителях.

Следующее проанализированное издание: портал «Наша Молодежь». В архиве портала нами было найдено и исследовано 6 публикаций с ключевыми словами «конфликт поколений» (за 2011-2020 гг.). Для портала «Наша Молодежь», в отличие от газеты «Молодежное.info» характерна не позитивная, а нейтральная тональность изученных материалов. Материалы написаны от третьего лица в информационных и аналитических жанрах без указания авторства. Журналисты поднимают следующие темы: отличия молодежи от других поколений, молодежь глазами молодежи, скрытый конфликт молодых поколений с властью и обществом, положение подростка в семье.

На портале «Наша Молодежь» как и в изданиях для пожилых людей присутствует одностороннее освещение конфликта: интересы старших поколений практически не учитываются, присутствует оппозиция «дети, подростки, молодежь – старшие поколения», только акценты смещаются в сторону интересов и потребностей первых.

Основные причины конфликта поколений в материалах портала «Наша Молодежь» – это кризис подросткового возраста, проблемы самореализации молодежи, отсутствие стабильной социальной перспективы для молодежи.

Основная стратегия разрешения конфликтов на портале «Наша Молодежь» – это приспособление. Как на портале «Пенсионер России» предлагалось приспособляться младшим поколениям к старшим, так и тут – в молодежном издании – речь идет о приспособлении старших поколений к де-

тям, подросткам и молодежи. Существительные: границы (7), контакт (6), примирение (5), интересы (4), мнение (4), поощрение (4); глаголы: выражать (5), принимать (4), уверять (4), поддерживать (3); прилагательные: вежливый (3), осознанный (3), обязательный (2). Некоторые материалы адресованы не только подросткам и молодежи, но и родителям (старшим «Игрекам» и «Иксам»). Например, в материале «Положение подростка в семье и отношение с родителями» автор открыто дает советы родителям, как вести себя с ребенком-подростком при различных типах семейных конфликтов. Так, при конфликте, связанном с избытком опеки родителей, рекомендуется помогать ребенку, но не решать все за него, стимулировать его общение со сверстниками, дозировать опеку и свободу. При конфликте «Шоковая терапия» (когда родители стремятся сделать из ребенка вундеркинда) рекомендуется стать терпимее к недостаткам подростков, восстановить его доверие к самому себе, поддерживать и развивать достоинства, которые свойственны его натуре [25].

Журналисты с опорой на экспертов отмечают, что все должно быть направлено на благо подростков и молодежи, так как они – будущее страны. Несколько материалов посвящено мерам по улучшению качества государственной и общественной молодежной политики, говорится о правах и перспективах молодежи, необходимости вовлечения молодежи в широкий спектр общественно-значимых вопросов [26].

На портале «Наша Молодежь» в отличие от газеты «Молодежное.info» встречаются упоминания о последствиях неразрешенного конфликта поколений, в частности, в деструктивном ключе. Если речь идет именно о семейных конфликтах, то отмечается, что страдают прежде всего дети и подростки. Об этом свидетельствуют существительные: преступления (4), безысходность (3), бессмысленность (3), трудности (2), эгоизм (2), агрессия (2), напряжение (2) и прилагательные: подавленный (3), эмоциональное (2). *«Если в семье гиперопека сочетается с рукоприкладством, то у подростка устанавливается недоверие к взрослым вообще, появляются трудности в общении с со сверстниками и с окружающим миром. В семьях, где родители употребляют алкоголь, больше вероятности, что подростков будет совершать преступления. Если ребенок ощущает заброшенность и ненужность, то у него появляется заброшенность и эгоизм по отношению к другим»* [27].

Литература

1. Regenerations URL: <https://regenerations.su> (дата обращения: 10.05.2021)
2. Герасимович О.П. Конфликтология журналистики: учебно-методический комплекс для студентов Института журналистики. Минск: БГУ, 2014.
3. Горшкова В.В. СМИ как субъект и участник конфликтов в современном обществе. СПб., 2017.
4. Thomas K.W., Kilmann R.H. The Thomas-Kilmann Conflict Mode Instrument (Mountain View, CA: CPP, Inc., 1974).
5. Цыбульская М.В., Яхонтова Е.С. Конфликтология. М., 2003.
6. Ганижева П.М. Судебная власть: выделение судебного способа разрешения конфликтов [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnaya-vlast-vydelenie-sudebnogo-sposoba-razresheniya-konfliktov/viewer> (дата обращения: 12.08.2018)
7. Горина Е.В. Коммуникативные технологии манипуляции в СМИ и вопросы информационной безопасности. Екатеринбург, 2006.
8. Голубева А.В., Максимов В.И. Русский язык и культура речи. М., 2008.
9. Бухарин С.Н. Методы и технологии информационных войн. М.: Академический Проект, 2007.
10. Евгеньева Т.В. Технологии социальных манипуляций и методы противодействия им. СПб.: Питер, 2007.
11. Почепцов Г.Г. Информация и дезинформация. Киев: Ника-Центр, Эльга, 2001.
12. Шейное В.П. Манипулирование сознанием. Минск: Харвест, 2010.
13. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М.: Политиздат, 1984; 2003.
14. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2002. С. 14.
15. Гришин А. Можно ли найти работу, если тебе за 50? // Пенсионер России. [Электронный ресурс]. URL: <http://pensionerrossii.ru/news/1591-mozhno-li-naiti-rabotu-esli-tebe-za-50.html> (дата обращения: 17.03.2020)
16. Биография журналиста Яна Хуторянского [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ekaterinburg/671/ХУТОРЯНСКИЙ> (дата обращения: 17.03.2020)
17. Хуторянский Я. Преемственность поколений существует? // Пенсионер России [Электронный ресурс]. URL: <http://pensionerrossii.ru/news/1653-vremensvjazuyuschaja-nit.html> (дата обращения: 17.03.2020)

18. Бузова Т. Что уральцы думают о пенсионной реформе? // Портал «Пенсионер» [Электронный ресурс]. URL: <http://pensionerrossii.ru/news/1544-chto-uralcy-dumayut-o-pensionnoi-reforme.html> (дата обращения: 17.03.2018)
19. Голыгина Г. Гордое звание – бабушка // Пенсионерская правда [Электронный ресурс]. URL: <https://vdvsn.ru/articles/pensioners/gordoe-zvanie-babushka/> (дата обращения: 05.08.2019)
20. Ройтман А. Печально я гляжу на наше поколение! // Молодежное.info [Электронный ресурс]. URL: <https://molodezhnoe.info/our-generation.html> (дата обращения: 17.07.2020)
21. Интервью с Анной Ройтман [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rsuh.ru/media/graduates/detail.php?ID=567465> (дата обращения: 17.07.2019)
22. Рябова Е.И. Ты знаешь, подруга, подросткам не просто... // Молодежное. Info [Электронный ресурс]. URL: <https://molodezhnoe.info/teens.html> (дата обращения: 17.03.2020)
23. Страница Татьяны Манукьян в соц.сети [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/tatmanukyan> (дата обращения: 18.05.2020)
24. Манукьян Т.А. В чем ограничивает школа? // Молодежное.info [Электронный ресурс]. URL: <https://molodezhnoe.info/school-limits.html> (дата обращения: 18.05.2019)
25. Положение подростка в семье и отношения с родителями // Наша Молодежь [Электронный ресурс]. URL: http://nashamolodezh.ru/zhitzdorovo/semya/polozhenie_podrostka_v_seme_i_otnosheniya_s_roditeljami.html (дата обращения: 20.05.2020)
26. О критериях эффективности молодежной политики // Наша Молодежь. [Электронный ресурс]. URL: http://nashamolodezh.ru/society/o_kriterijakh_effektivnosti_molodjozhnoj_politiki.html (дата обращения: 17.03.2020)
27. Диалог с молодежью – ключевой фактор движения вперед // Наша Молодежь [Электронный ресурс]. URL: http://nashamolodezh.ru/society/dialog_s_molodezhju_kljuchevoj_faktor_dvizheniya_vpered.html (дата обращения: 21.05.2020)
3. Gorshkova V.V. SMI kak sub"ekt i uchastnik konfliktov v sovremennom obshchestve. SPb., 2017.
4. Thomas K.W., Kilmann R.H. The Thomas-Kilmann Conflict Mode Instrument (Mountain View, CA: CPP, Inc., 1974).
5. Cybul'skaya M.V., YAhontova E.S. Konfliktologiya. M., 2003.
6. Ganizheva P.M. Sudebnaya vlast': vydelenie sudebnogo sposoba razresheniya konfliktov [Elektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnaya-vlast'-vydelenie-sudebnogo-sposoba-razresheniya-konfliktov/viewer> (дата обращения: 12.08.2018)
7. Gorina E.V. Kommunikativnye tekhnologii manipulyacii v SMI i voprosy informacionnoj bezopasnosti. Ekaterinburg, 2006.
8. Golubeva A.V., Maksimov V.I. Russkij yazyk i kul'tura rechi. M., 2008.
9. Buharin S.N. Metody i tekhnologii informacionnyh vojn. M.: Akademicheskij Proekt, 2007.
10. Evgen'eva T.V. Tekhnologii social'nyh manipulyacij i metody protivodejstviya im. SPb.: Piter, 2007.
11. Pochepcov G.G. Informaciya i dezinformaciya. Kiev: Nika-Centr, El'ga, 2001.
12. SHejnoe V.P. Manipulirovanie soznaniem. Minsk: Harvest, 2010.
13. SHiller G. Manipulyatory soznaniem. M.: Politizdat, 1984; 2003.
14. Kara-Murza S.G. Manipulyaciya soznaniem. M., 2002. S. 14.
15. Grishin A. Mozhno li najti rabotu, esli tebe za 50? Pensioner Rossii. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://pensionerrossii.ru/news/1591-mozhno-li-naiti-rabotu-esli-tebe-za-50.html> (дата обращения: 17.03.2020)
16. Biografiya zhurnalista YAna Hutoryanskogo [Elektronnyj resurs]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ekaterinburg/671/HUTORYANSKIJ> (дата обращения: 17.03.2020)
17. Hutoryanskij YA. Preemstvennost' pokolenij sushchestvuet? Pensioner Rossii [Elektronnyj resurs]. URL: <http://pensionerrossii.ru/news/1653-vremensvjazuyuschaja-nit.html> (дата обращения: 17.03.2020)
18. Buova T. CHto ural'cy dumayut o pensionnoj reforme? Portal «Pensioner» [Elektronnyj resurs]. URL: <http://pensionerrossii.ru/news/1544-chto-uralcy-dumayut-o-pensionnoi-reforme.html> (дата обращения: 17.03.2018)
19. Golygina G. Gordoe zvanie – babushka. Pensionerskaya pravda [Elektronnyj resurs]. URL: <https://vdvsn.ru/articles/pensioners/gordoe-zvanie-babushka/> (дата обращения: 05.08.2019)

References

1. Regenerations URL: <https://rugenations.su> (дата обращения: 10.05.2021)
2. Gerasimovich O.P. Konfliktologiya zhurnalistiki: uchebno-metodicheskij kompleks dlya studentov Instituta zhurnalistiki. Minsk: BGU, 2014.

20. Rojtman A. Pechal'no ya glyazhu na nashe pokolenie! Molodezhnoe.info [Elektronnyj resurs]. URL: <https://molodezhnoe.info/our-generation.html> (data obrashcheniya: 17.07.2020)

21. Interv'yu s Annoj Rojtman [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.rsuh.ru/media/graduates/detail.php?ID=567465> (data obrashcheniya: 17.07.2019)

22. Ryabova E.I. Ty znaesh', podrug, podrostkam ne prosto... Molodezhnoe. Info [Elektronnyj resurs]. URL: <https://molodezhnoe.info/teens.html> (data obrashcheniya: 17.03.2020)

23. Stranica Tat'yany Manuk'yan v soc.seti [Elektronnyj resurs]. URL: <https://vk.com/tatmanukyan> (data obrashcheniya: 18.05.2020)

24. Manuk'yan T.A. V chem ogranichivaet shkola? Molodezhnoe.info [Elektronnyj resurs]. URL: <https://molodezhnoe.info/school-limits.html> (data obrashcheniya: 18.05.2019)

25. Polozhenie podrostka v sem'e i otnosheniya s roditelyami. Nasha Molodezh' [Elektronnyj resurs]. URL: http://nasha-molodezh.ru/zhitzdorovo/semya/polozhenie_podrostka_v_seme_i_otnosheniya_s_roditeljami.html (data obrashcheniya: 20.05.2020)

26. O kriteriyah effektivnosti molodezhnoj politiki. Nasha Molodezh'. [Elektronnyj resurs] URL: http://nashamolodezh.ru/society/o_kriterijakh_effektivnosti_molodjozhnoj_politiki.html (data obrashcheniya: 17.03.2020)

27. Dialog s molodezh'yu – klyuchevoj faktor dvizheniya vpered. Nasha Molodezh' [Elektronnyj resurs]. URL: http://nasha-molodezh.ru/society/dialog_s_molodezhju_klyuchevoj_faktor_dvizheniya_vpered.html (data obrashcheniya: 21.05.2020)

THE CONFLICT OF GENERATIONS IN THE REFLECTION OF THE RUSSIAN PRESS (ON THE EXAMPLE OF DEMOGRAPHIC “AGE-ORIENTED” PUBLICATIONS)

*Vvedenskaya O.V.,
Saint Petersburg State University,
Voskresenskaya M.A., Doctor of Historical Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Freelance Journalist*

Abstract: the conflict of generations in a journalistic work is a reflection of intergenerational contradictions and their interpretation in the text, it is an external, natural conflict, it can be both open, polemical, and closed, non-verbal, expressing subconscious expectations and resentments [2]. In practice, the boundaries of open and latent conflicts are blurred, one passes into the other. The consequences can be destructive (increased misunderstanding, stress and deterioration of the emotional state, an increase in tension) and constructive (changes in the value-normative system of its participants, solving urgent problems, relieving social tension and approving a new alignment of forces). The article discusses ways of resolving and inciting generational conflict in “age-oriented” publications. The research is based on the psycholinguistic approach of E. Shamis. The researcher conducts a content analysis of a number of specialized publications, including paying attention to the relationship between generational characteristics of journalists and the content of texts. Also, attention is paid to the stylistic features of publications. The author comes to the conclusion that journalists in their materials, based on the opinions of experts, should focus on the benefit of adolescents and young people, as they are the future of the country. At the moment, there are materials that are devoted to measures to improve the quality of state and public youth policy, they talk about the rights and prospects of youth, the need to involve young people in a wide range of socially significant issues. There should be more of these materials, as this contributes to the effective resolution or minimization of the negative, destructive, consequences of the conflict of generations when it is reflected in the domestic press.

Keywords: generation, generational conflict, resolution, incitement, mass media

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ОНЛАЙН МЕДИА НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЖУРНАЛИСТА*Юань Е,**Московский государственный университет им М.В. Ломоносова*

Аннотация: влияние роста использования социальных медиа на журналистику и на различные позиции внутри отрасли обсуждалось несколькими исследователями. Однако современные исследования не содержат значимых качественных исследований, связанных с впечатлениями журналистов от взаимодействия с социальными медиа. Настоящее исследование посвящено изучению мнений иорданских журналистов о том, как социальные медиа повлияли на их профессию и роль в журналистике. Проводится несколько интервью, которые дают представление о восприятии журналистов, связанном с взаимодействием с читателем. В этом исследовании изучается взаимодействие с аудиторией, рост персонализированной журналистики и предпочтения журналистов, связанные с социальными медиа. Исследование позволяет получить контрастные мнения. Результат подтверждает кардинальное влияние социальных медиа на профессию: одни участники утверждают, что социальные медиа помогли продвинуться в их профессии, а другие считают их вмешательством в их профессиональную деятельность.

Ключевые слова: современная журналистика, социальные медиа, медиаглобализация, гражданская журналистика, интерактивность

Новости можно рассматривать как источник информации для человека [1], и каждый человек может столкнуться с этим источником в определенный момент своей жизни [2]. В прошлом наши предки использовали жесты и язык как инструмент для передачи информации, который известен как система коммуникации, основанная на воображении [3]. Их можно считать основой нынешнего способа передачи новостей. Хотя эти способы все еще остаются источником информации и доставки новостей, можно наблюдать значительное развитие модели доставки новостей, которая улучшается с течением времени. Действительно, эволюция средств коммуникации основана на развитии технологий.

Традиционно представления человека и общества о достоинствах журналистики подкреплялись использованием власти и статуса: "Я разделяю с тысячами других людей в журналистике чувство миссии, которое я видел только в двух других профессиях. Одна из них – преподавание, другая – служение" [4]. Тем не менее, журналистам приходится сталкиваться с некоторыми посягательствами на власть и статус, и это может существенно изменить их роль.

За последние годы в новостной индустрии произошли необратимые и радикальные изменения, связанные с развитием социальных медиа, которые изменили нормы двадцатого века. Повышение интереса и эффективности социальных медиа в основном связано с Интернетом, который помогает людям по всему миру оставаться на связи. Аналогичным образом, в сфере новостей расстояние между читателем, вещателем и журналистом значительно сократилось благодаря интернету, и у людей появилось ощущение, что они лучше знают друг с другом.

Предыдущая литература о социальных медиа и новостной индустрии фокусировалась на многих

интересах и перспективах, таких как мнения редактора, профессора СМИ, менеджера газеты и аудитории [5]. Однако восприятие и мысли традиционных новостных органов о социальных медиа рассматривались в ограниченных исследованиях. Данное исследование посвящено изучению мнений журналистов о том, как социальные медиа повлияли на их профессию и роль в журналистике.

Цель данного исследования – изучить восприятие и мнение журналистов о том, как социальные медиа влияют на их профессию. По сравнению с предыдущими десятилетиями, данное исследование также дает представление о том, как развитие социальных медиа влияет на читателей и их восприятие новостей? Логично, что мнение журналистов о том, как социальные медиа влияют на их профессию, очень актуально, потому что они являются активными участниками и, возможно, должны подстраиваться под новые события. Кроме того, исследование может помочь задокументировать недавнее развитие социальных медиа, их влияние на журналистов и журналистику, а также дать представление о будущем отрасли. В процессе проведения интервью необходимо учитывать, что среди участников должны быть как респонденты, так и информанты, а характер ответов может быть основан на мнениях и фактах соответственно [6].

Далее рассматривается влияние социальных медиа на изменения в процессе передачи новостей и их воздействие на теорию новостной культуры. Более того, меняет ли рост социальных медиа представление о новостях по сравнению с прежними представлениями? Являются ли эти новые комментарии новых авторов частью нового вида новостей?

Хабермас [7] критикует, что коммуникационная модель СМИ является односторонней, поскольку они не учитывают последствия для чита-

телей. Эта же проблема освещается в ряде других исследований, связанных с правами граждан на выражение недовольства и политическим вмешательством. Движение гражданской журналистики началось в 90-х годах прошлого века, и оно решительно поддержало идею о том, что необходимо учитывать мнение читателей по некоторым интересующим их темам, что может помочь восстановить связь с аудиторией [8].

Сегодня онлайн-сообщество партисипативной журналистики, являющееся переводом гражданской журналистики, активно продвигает двустороннюю связь между читателями и СМИ [9].

Современный вопрос, возникающий после вовлечения журналистики в онлайн, – это достоверность новостей. Интерактивность читателя естественным образом возникла в медиаиндустрии после того, как почти все газеты перешли на веб-ориентированную или онлайн-журналистику. Традиционная односторонняя коммуникация ставится под сомнение продвижением новых медиаплатформ. В современной журналистике читатели могут предоставлять персональную обратную связь ключевым писателям отрасли и активно участвовать в процессе производства новостей.

Интернет-журналистика следует выбору избирательности, оперативности и интерактивности. Читатели могут выбирать интересующие их темы с помощью гиперссылок и информационных бюллетеней. Это обеспечивает постоянную платформу для читателей и газет, где они могут общаться и давать отзывы на связанные с ними истории. Таким образом, именно с этого момента начинается персонализированная журналистика. За последние несколько лет традиционная журналистика сменилась современной журналистикой, и в идее совместных новостей наблюдается явный подъем. Интернет сократил расстояние между любителями и профессиональными журналистами, поскольку они работают вместе для взаимной выгоды, предоставляя самые правдивые новости самым быстрым способом.

Дьюз и другие [10] прогнозируют, что в современной журналистике с интерактивными отношениями новости публикуются на нескольких платформах, а читатели получают более развитую общественную сферу. Deuze et. Al[11] далее уточняют, что интерактивные отношения между аудиторией и журналистами являются инициативой организации, и описывают их как журналистику, основанную на участии. Кроме того, двусторонняя коммуникация подверглась тщательному анализу традиционно сложившиеся в журналистике представления о контроле и профессиональной идентичности [12]. В докладе Цви Райха подчеркивается, что включение гражданского участия в тради-

ционные СМИ является основой для новых СМИ, управляемых гражданами. В связи с этими изменениями журналистика переживает момент реформирования, когда традиционные авторитеты в СМИ могут быть обойдены или ослаблены [13].

По мнению Стинсена [14], социальные сети и интернет только способствовали этому, предоставляя новости из различных ресурсов самым быстрым способом. Новости, которые раньше ограничивались ограниченными сюжетами, ежедневным эфиром и утренними газетами, теперь доступны одним щелчком мыши. Уровень интерактивности только способствовал этому, обеспечивая легкость доступа как для производителей, так и для аудитории, а также развивая связь с источником, где публикуются новости. Гюнтер [15] пришел к выводу, что роль журналиста коррелирует со свободой аудитории в том, что она выбирает для чтения и когда она готова участвовать в создании новостей.

В онлайн-пространстве традиционная модель коммуникации "сверху вниз" не применима к читателям. Информация от источника напрямую предоставляется на онлайн-платформах, минуя роль журналистов. Таким образом, современная профессиональная журналистика устранила посредническую роль журналистов между аудиторией и внешним миром [16]. Современная коммуникация может быть применена и к газетам. Читатели онлайн-газет могут участвовать в обсуждении новостей, оставляя отзывы о них, а также напрямую взаимодействовать с читателями через блоги, чат-форумы и обмен сообщениями [17]. Изменения в коммуникации требуют изменений в восприятии журналистами своей роли и рутинной работы. Роль журналиста, которая ранее включала сбор информации, предоставление ответов на отзывы и продвижение своей работы, претерпела значительные изменения.

Влияние социальных медиа на журналистику многообразно и имеет много плюсов и минусов [18]. По мнению Стинсена, технологии повлияли на журналистику таким образом, что разница между ролью разносчиков новостей и журналистов в глазах журналистской общественности заключается лишь в их профессиональной идентичности. Поэтому идентичность журналиста приобретает все большее значение для его/ее успеха [19].

На онлайн-журналистику также влияет рост использования Интернета и увеличение количества пользовательского контента (UGC), доступного в сети. Что касается журналистской практики и пользовательского контента, в нескольких исследованиях предпринимались попытки измерить и проанализировать разнообразный вклад читате-

лей на онлайн-страницах и чат-платформах газет. В работе "Столкновение культур" Гермиды и Турман (2008) выявили значительный рост участия читателей и обратной связи в процессе создания новостей.

По словам Пола Саффо (Hermida & Thurman 2008), "Интернет в этой новой медиакультуре [позволяет] общественности больше не быть пассивным потребителем медиа, а активно участвовать в создании медиаландшафта". В применении к новостям это показывает, что с помощью различных платформ социальных медиа в Интернете можно донести сообщение до большой аудитории и отслеживать обновления в реальном времени как от аудитории, так и от журналистов. Например, социальные медиа-платформы активно участвовали во взрывах в Лондоне, делясь информацией: "BBC получила 22 000 электронных писем и текстовых сообщений, 300 фотографий и несколько видеороликов в день теракта" (Hermida & Thurman 2008). Таким образом, это хороший пример того, как читатель делает выводы об онлайн-платформах и помогает передавать новости и информацию в глобальном масштабе. Более того, по мнению Дугласа (Douglas, 2006), это было первое событие такого рода, когда материал, предоставленный на онлайн-платформе, считался более новостным, чем профессиональный контент. Позднее стало понятно, что информация, предоставленная читателями во время обычных новостей или во время определенных событий, может быть использована новостными сайтами.

Данные, полученные от журналистов, анализируются, и выявляются факторы, указывающие и подтверждающие тот факт, что социальные медиа оказывают постоянное сильное влияние на журналистику. Было отмечено, что постоянное взаимодействие с читателями и потенциальными источниками заставило журналиста отойти от традиционной роли репортера новостей. Дело в том, что нынешняя эпоха принадлежит социальным медиа, и это новое средство коммуникации полностью изменило концепцию традиционной журналистики. Теперь она должна играть совершенно иную роль в эпоху социальных медиа. Обязанности и ответственность полностью изменились. Теперь они должны развивать сильные сетевые связи, быстрее находить сюжеты, оценивать тенденцию обмена статьями, поддерживать взаимодействие со своими читателями, и все это они должны делать в режиме реального времени из-за динамичной природы социальных медиа.

Было замечено, что гражданские журналисты приобрели большее влияние и авторитет в социальных сетях. Социальные медиа являются источником новостей, и никто не знает, что произойдет

в будущем с журналистом и его публикациями. Социальные медиа настолько расширили возможности аудитории, что теперь они не только дают обратную связь, но и передают новости в качестве вещателя. Эти явления онлайн-журналистики уже повлияли на местный рынок новостей; большинство местных издательств не в состоянии продолжать печататься. Аналогичным образом, крупные издательские дома находятся под угрозой, и вполне возможно, что они сократятся или будут доступны исключительно в Интернете. При нынешнем сценарии вполне предсказуемо, что в ближайшем будущем роль традиционной журналистики перейдет к написанию материалов в социальных сетях.

Количество интервью, которые были собраны в данном конкретном исследовании, достаточно, чтобы подтвердить достоверность исследования. Более того, было бы лучше получить данные от различных демографических групп журналистов или от многочисленных признанных журналистов. Тем не менее, верно и то, что, к сожалению, работа журналистов очень суматошна, и в нынешних условиях им действительно трудно выделить немного времени для подобных запросов. Таким образом, без сильного контента будет трудно проводить подобные запросы.

Замечено, что индустрия постоянно отходит от традиционных методов журналистики. По мере того как новое поколение журналистов вовлекается в индустрию, для них будет более плодотворно использовать возможности социальных медиа и открывать новые горизонты, а также новые рынки. Те же, кто остался придерживаться традиционных взглядов, ничего не получают от индустрии, и вскоре они будут упразднены, поскольку невозможно остановить эту новую революцию социальных медиа.

Литература

1. Баркер Г.Г. Культурное влияние на новости: Изображение войны в Ираке в шведских и американских СМИ // Международный коммуникационный вестник. 2012 № 74 (1). С. 3 – 22.
2. Боуман С. и Уиллис К. (2003) "Мы, СМИ: Как аудитория формирует будущее новостей и информации. Медиа-центр при Американском институте прессы.
3. Бреннен Б.С. (2012) Методы качественных исследований для изучения СМИ, Routledge : London.
4. Брунс А (2007) Продусаж: к более широкой структуре для создания контента под руководством пользователя. Доклад представлен на конференции "Творчество и познание", Вашингтон, округ Колумбия, июнь 2007 года.

5. Чанг Д.С. (2007) "Прибыли и опасности. Восприятие интерактивности и использование интерактивных функций производителями онлайн-новостей" // Конвергенция. № 13 (1). С. 43 – 61.

6. Чанг Д.С. "Интерактивные функции онлайн-газет: выявление моделей и прогнозирование использования заинтересованными читателями" // Journal of Computer-Mediated Communication. 2008. № 13 (3). С. 658 – 679.

7. Дьюз М. "Веб и его журналистика: Рассмотрение последствий различных типов новостных СМИ онлайн" // Новые медиа и общество. 2003. № 5 (2). С. 203 – 230.

8. Дойзе М., Брунс А., Нойбергер К. "Подготовка к эпохе партисипативных новостей" // Журналистика. Практика. 2007. № 1:3. С. 322 – 338.

9. Доминго Д. Миф об интерактивности в повседневной рутине онлайн-редакций новостей: Этнографический подход, доклад представлен на конференции ICA. Сан-Франциско, май, 2007.

10. Дуглас Т. (2006) "Как 7/7 "демократизировали" СМИ", BBC News, 4 июля, Доступно на: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/uknews/5142702.stm> [Accessed 25 February 2013].

11. Гренсинг-Пофал Л. (2010) Социальные медиа: Друг или враг журналистики?, Jan/Feb 2010 ECONTENT. Available at: <http://econtentmag.com> [Accessed 1 June 2013].

12. Гюнтер Б. (2003) Новости и Сеть. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates

13. Хабермас Дж. (1989) Структурная трансформация публичной сферы: Исследование категории буржуазного общества. Кембридж: MIT Press.

14. Эрмида А., Турман Н. "Столкновение культур" // Журналистская практика. 2008. № 2:3. С. 343 – 356.

15. Хьюз Х.М. (1981) Новости и история человеческого интереса, Нью-Джерси: Transaction.

16. Джаблони Э., Гинсбург С., Дор Д. "Козволюция языка и эмоций" // Philosophical Transaction of the Royal Society. 2012. № 367. P. 2152 – 2159.

17. Каплан А.М., Хаенлейн М. (2012) "Социальные медиа: назад к истокам и назад в будущее", Мэсси, Б., и Леви, М. (1999) "Интерактивность, онлайн-журналистика и англоязычные веб-газеты в Азии" // Journalism & Mass Communication Quarterly, (1999). № 76 (1). С. 138 – 151.

18. Мерритт, Д. (1998) "Общественная журналистика и общественная жизнь: Why Telling the News is Not Enough. Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates.

19. Райх З. "Как граждане создают новостные истории" // Журналистские исследования. 2008 № 9:5. С. 739 – 758.

References

1. Barker G.G. Kul'turnoe vliyanie na novosti: Izobrazhenie vojny v Irake v shvedskih i amerikanskih SMI. Mezhdunarodnyj kommunikacionnyj vestnik. 2012 № 74 (1). S. 3 – 22.

2. Bouman S. i Uillis K. (2003) "My, SMI: Kak auditoriya formiruet budushchee novostej i informacii. Media-centr pri Amerikanskom institute pressy.

3. Brennen B.S. (2012) Metody kachestvennyh issledovanij dlya izucheniya SMI, Routledge : London.

4. Bruns A (2007) Produszh: k bolee shirokoj strukture dlya sozdaniya kontenta pod rukovodstvom pol'zovatelya. Doklad predstavljen na konferencii "Tvorchestvo i poznanie", Vashington, okrug Kolumbiya, iyun' 2007 goda.

5. CHang D.S. (2007) "Pribyli i opasnosti. Vospriyatie interaktivnosti i ispol'zovanie interaktivnyh funkcij proizvoditelyami onlajnovyh novostej". Konvergenciya. № 13 (1). S. 43 – 61.

6. CHang D.S. "Interaktivnye funkcii onlajnovyh gazet: vyyavlenie modelej i prognozirovaniye ispol'zovaniya zainteresovannymi chitatel'nyami". Journal of Computer-Mediated Communication. 2008. № 13 (3). S. 658 – 679.

7. D'yuz M. "Veb i ego zhurnalistika: Rassmotrenie posledstvij razlichnyh tipov novostnyh SMI onlajn". Novye media i obshchestvo. 2003. № 5 (2). S. 203 – 230.

8. Dojze M., Bruns A., Nojberger K. "Podgotovka k epohe partisipativnyh novostej". Zhurnalistika. Praktika. 2007. № 1:3. S. 322 – 338.

9. Domingo D. Mif ob interaktivnosti v povsednevnoj rutine onlajnovyh redakcij novostej: Etnograficheskiy podhod, doklad predstavljen na konferencii ICA. San-Francisko, maj, 2007.

10. Duglas T. (2006) "Kak 7/7 "demokratizirovali" SMI", BBC News, 4 iyulya, Dostupno na: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/uknews/5142702.stm> [Accessed 25 February 2013].

11. Grensing-Pofal L. (2010) Social'nye media: Drug ili vrag zhurnalistiki?, Jan/Feb 2010 ECONTENT. Available at: <http://econtentmag.com> [Accessed 1 June 2013].

12. Gyunter B. (2003) Novosti i Set'. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates

13. Habermas Dzh. (1989) Strukturnaya transformaciya publichnoj sfery: Issledovanie kategorii burzhuznogo obshchestva. Kембридж: MIT Press.

14. Ermida A., Turman N. "Stolknovenie kul'tur". *ZHurnalistskaya praktika*. 2008. № 2:3. S. 343 – 356.
15. H'yuz H.M. (1981) *Novosti i istoriya che-lovecheskogo interesa*, N'yu-Dzhersi: Transaction.
16. Dzhablona E., Ginsburg S., Dor D. "Koevolyciya yazyka i emocij". *Philosophical Transaction of the Royal Society*. 2012. № 367. P. 2152 – 2159.
17. Kaplan A.M., Haenlejn M. (2012) "Social'nye media: nazad k istokam i nazad v budushchee", Messi, B., i Levi, M. (1999) "Interaktivnost', onlajnovaya zhurnalistika i angloyazychnye veb-gazety v Azii". *Journalism & Mass Communication Quarterly*, (1999). № 76 (1). S. 138 – 151.
18. Merritt, D. (1998) "Obshchestvennaya zhurnalistika i obshchestvennaya zhizn': Why Telling the News is Not Enough. Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates.
19. Rajh Z. "Kak grazhdane sozdayut novostnye istorii". *ZHurnalistskie issledovaniya*. 2008 № 9:5. S. 739 – 758.

THE IMPACT OF MODERN ONLINE MEDIA ON THE JOURNALIST'S WORK

Yuan Ye,
Lomonosov Moscow State University

Abstract: the impact of the increasing use of social media on journalism and on various positions within the industry has been discussed by several researchers. However, current research lacks meaningful qualitative studies related to journalists' experiences with social media. The present study explores the views of Jordanian journalists on how social media has influenced their profession and role in journalism. Several interviews are conducted that provide insights into the perceptions of journalists related to interaction with readers. This study explores audience interaction, the rise of personalised journalism and journalistic preferences related to social media. The study provides contrasting views. The result confirms the cardinal impact of social media on the profession: some participants claim that social media has helped to advance their profession, while others see it as interfering with their professional activities.

Keywords: modern journalism, social media, media globalisation, citizen journalism, interactivity

РАБОТА ЖУРНАЛИСТА В ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ

Цзянь Чжэн,
Дун Юэцзяо,

Белорусский государственный университет, Беларусь

Аннотация: катастрофы природного и антропогенного характера, которые происходят во всем мире несут за собой значительную угрозу жизни и здоровью общества. За журналистским сообществом закрепилось множество разных функций касательно данной проблемы – от предупреждения, оповещения, до оценочных суждений касательно смягчения последствий происходящего. В рамках проведенного в статье анализа сделан вывод о том, что журналистика катастроф, которая плохо реализована может способствовать возникновению ущерба, в то время как качественно реализованная, она может выступать ключевым инструментом в вопросах планирования, реагирования и последующего восстановления в результате различных бедствий. Помимо всего прочего в рамках данной статьи рассматриваются правовые аспекты защиты журналистского сообщества в ходе осуществления ими профессиональной деятельности в чрезвычайных ситуациях. Рассматривая профессию является опасной во всем мире, поэтому проработка и совершенствование правовой базы по данному вопросу весьма актуально во всем мире.

Ключевые слова: кризис, бедствие, журналистика, СМИ, готовность, реагирование

И так, что же такое бедствия? Это то, что может нести риски для жизни и здоровья по всему миру. По своему характеру они могут быть природными (тайфун, землетрясение и т.д.) и те, которые происходят в результате человеческой деятельности (террористические акты, аварии и т.д.). Ущерб от таких бедствий может исчисляться сотнями тысяч жизней, а экономические убытки огромными суммами. Опасение вызывает тот факт, что катастрофы природного характера в последнее время происходят все чаще, во многом это связано с тем, что происходят значительные климатические изменения, а число людей, жилье которых находится в потенциально опасных районах, возрастает [1].

Именно коммуникация играет значимую роль при возникновении чрезвычайных ситуаций, она нацелена на формирование умения реагировать, на смягчение последствий, и последующее восстановление. За журналистикой закреплена ключевая роль в вопросах защиты граждан и снижении уровня возможных негативных последствий. Так например крайне важно своевременно передавать людям информацию о возможном возникновении ЧС или же оперативно знакомить с ситуацией, если что то уже произошло. Журналистская деятельность в данном случае охватывает период до наступления ЧС, во время оно и после. Люди данной профессии изучают возможные инициативы по смягчению последствий, содействуют восстановлению и повышению уровня готовности граждан. Есть много научных подходов к коммуникации в случае ЧС. Так называемая коммуникация риска представляет собой такой подход, который направлен на убеждение и оказание влияния на отношение к возможной серьезности ЧС [2].

К примеру в США разработана целая модель по рассматриваемой коммуникации, которая предназначена для осуществления руководства коммуни-

кацией в случае ЧС, которая реализуется на уровне государства [3]. Так же существует система коммуникационных интервенций в случае ЧС, которая базируется на психическом здоровье и поведении и нацелена на предотвращение психологических проблем возникающих вследствие возникшей чрезвычайной ситуации.

Еще одним видом журналистики, важным в контексте нашего изучения является журналистика катастроф. Это процесс в котором осуществляется сбор и последующее представление новостной информации по вопросам природных и техногенных ЧС [4].

Реализуется данный вид журналистики как правило перед ЧС, непосредственно в период его наступления или же после. К задачам в этот период относятся предупреждение и информирование о происходящем.

Именно предупреждение о ЧС самая важная задача журналиста [4]. Донесение оной информации до граждан может способствовать тому, что людям подготовятся и смогут найти иное временное жилище. Часто журналисты доносят информацию о ЧС в формате экстренных новостных выпусков [5].

То, как журналисты реализуют освещение ЧС оказывает непосредственное влияние на то, насколько качественно граждане и власти осведомлены о ситуации. Последние могут реагировать на ситуацию исходя из полученной информации.

Журналисты должны реализовывать освещение ЧС в соответствии с определенными рекомендациями, так освещение должно реализовываться оперативно и с точностью информации. К пострадавшим должно проявляться сострадание и уважение [6].

То, как СМИ освещают ЧС в своих публикациях, находит значительный отклик со стороны общественности.

Как уже говорилось выше, одной из функций СМИ при освещении ЧС является смягчение последствий и готовность к оным. Такие действия включают в себя некие действия в целях предотвращения ЧС или же уменьшения последствий его наступления [7].

В частных случаях это может быть подготовка в домашних условиях необходимого набора, который будет способствовать ликвидации возникших последствий, а для общностей например разработку мер, которые будут способствовать недопущению наводнений и т.д.

Представители СМИ могут выступать за определенные действия или политическую линию, которые способны уменьшить риски ЧС, улучшить уровень готовности или снизить последствия ЧС.

Журналисты находясь в эпицентре ЧС могут заниматься изучением возможных последствий стихии. В рамках репортажей могут освещаться услуги которые может получить население пострадавшее от ЧС. Таким образом журналисты оказывают положительное воздействие на укрепление выживаемости общества. Проведенное исследование демонстрирует могут сильно влиять на общество в положительном ключе при возникновении ЧС [8].

Однако отсутствует четкое понимание, насколько представители журналистики учитывают в своей работе, те дополнительные функции, которые на них возлагаются.

Журналистика катастроф, сделанная плохо, может принести вред (см., например, Vasterman, Yzermans, and Dirkzwager, 2005; Tierney, Bevc, and Kuligowski, 2006), но сделанная хорошо, она может выполнять важную функцию в отношении планирования, управления, реагирования и восстановления в случае бедствий[9].

Во время кризиса роль СМИ становится особенно важной. Например, во время войны почти нет организаций гражданского общества, которые могли бы контролировать власти и вооруженные силы, что делает журналистов главным (если не единственным) источником беспристрастной и объективной информации. Поэтому для многих работников СМИ сегодня журналистика в чрезвычайных ситуациях стала опасной профессией, требующей от них быть в центре событий – перед лицом смерти и насилия – и рисковать своей жизнью, поскольку жизнь и здоровье журналистов в зоне конфликта могут подвергаться большому риску.

Существует международная организация под названием Комитет по защите журналистов, освещающих чрезвычайные ситуации. Согласно Закону о СМИ (статья 47), журналисты имеют право посещать особо охраняемые места стихийных бед-

ствий, аварий и катастроф (включая те, в отношении которых введено чрезвычайное положение). Федеральный конституционный закон "О чрезвычайном положении" (№3-ФКЗ от 30 мая 2001 года) имеет фундаментальное значение для определения правового статуса и возможностей работы журналистов. В нем четко определены предпосылки для объявления чрезвычайного положения в стране или в отдельных регионах, условия введения особого правового режима и, среди прочего, ограничения на передвижение граждан. Хотя закон не накладывает прямых ограничений на работу журналистов, некоторые его положения могут быть истолкованы местными чиновниками как наложение дополнительных условий, затрудняющих выполнение журналистами своих профессиональных обязанностей. В дополнение к вышеупомянутым российским законам и правилам, журналистам рекомендуется ознакомиться с содержанием важнейшего документа – Военной доктрины Российской Федерации – и других документов в рамках готовности к работе в кризисной ситуации.

Кризисный информационный бюллетень может включать прямую трансляцию с места событий. Это происходит, когда событие совпадает с выпуском новостей, когда каждый его момент динамичен, значим и, одним словом, достоин показа. Такие прямые трансляции предоставляют наиболее важные и актуальные в данный момент новости, то есть показывают не то, что произошло, а то, что происходит в данный момент. Такая непосредственность (возможность показать событие на экране в тот момент, когда оно происходит) создает "эффект присутствия" для зрителя.

Литература

1. Битон Р. и др. "Роль общественного здравоохранения в психическом здоровье и поведенческом здоровье детей и семей в условиях бедствия" // *Journal of Public Health Management and Practice*. 2009. № 15 (6). P. E1 – E11.
2. Бернс А., Элгхэм Б. "Теории катастрофического провала" и журналистика катастроф: оценка объяснений СМИ пожаров в Черную субботу" // *Media International Australia*. 2010. № 137 (1). P. 90 – 99.; Коттл С. "Журналисты – свидетели катастрофы" // *Journalism Studies*. 2013. № 14 (2). P. 232 – 248.
3. Дилл Р.К., Ву Х.Д. "Освещение Катрины в местных, региональных и национальных газетах" // *Newspaper Research Journal*. 2009. № 30 (1). P. 6 – 20.
4. Гудман Л.А. "Выборка снежного кома" // *Анналы математической статистики*. 1961. № 32 (1). С. 148 – 170.

5. Хоторн Дж., Хьюстон Дж.Б., Маккинни М.С. "Прямая трансляция президентских первичных дебатов: исследование политических разговоров" // *Social Science Computer Review*. 2013. № 31 (5). P. 552 – 562.

6. Хайдер Д., Маккомбс М., Пойндекстер П.М. "Что публика ожидает от местных новостей: мнения о публичной и традиционной журналистике" // *Journalism and Mass Communication Quarterly*. 2005. № 82 (4). P. 952 – 967.

7. Хьюстон Дж.Б. "Коммуникация психического/поведенческого здоровья населения при стихийных бедствиях: вмешательство на всех этапах бедствия" // *Journal of Emergency Management*. 2012. № 10 (4). P. 283 – 292.

8. Хьюстон Дж.Б. "Прыжки вперед: оценка достижений в области оценки устойчивости сообщества, вмешательства и теории для руководства будущей работой" // *American Behavioral Scientist*. 2015. № 59 (2). P. 175 – 180.

9. Хьюстон, Дж.Б., Б. Пфедфербаум и К.Э. Розенгольц "Новости о катастрофах: фрейминг и смена фреймов в освещении крупных стихийных бедствий в США, 2000-2010 гг. // *Journalism and Mass Communication Quarterly*. 2012. № 89 (4). P. 606 – 623.

References

1. Biton R. i dr. "Rol' obshchestvennogo zdorov'ya v psichicheskom zdorov'e i povedencheskom zdorov'e detej i semej v usloviyah bedstviya". *Journal of Public Health Management and Practice*. 2009. № 15 (6). P. E1 – E11.

2. Berns A., Elthem B. "Teorii katastroficheskogo provala" i zhurnalistika katastrof: ocenka ob'yasnenij

SMI požarov v Chernuyu subbotu". *Media International Australia*. 2010. № 137 (1). P. 90 – 99.; Kottl S. 'ZHurnalisty – svideteli katastrofy'. *Journalism Studies*. 2013. № 14 (2). P. 232 – 248.

3. Dill R.K., Vu H.D. "Osveshchenie Katriny v mestnyh, regional'nyh i nacional'nyh gazetah". *Newspaper Research Journal*. 2009. № 30 (1). P. 6 – 20.

4. Gudman L.A. "Vyboroka snezhnogo koma". *Analiza matematicheskoy statistiki*. 1961. № 32 (1). S. 148 – 170.

5. Hotorn Dzh., H'yuston Dzh. B., Makkinni M.S. "Pryamaya translyaciya prezidentskih pervichnyh debатов: issledovanie politicheskikh razgovorov". *Social Science Computer Review*. 2013. № 31 (5). P. 552 – 562.

6. Hajder D., Makkombs M., Pojndekster P.M. "CHto publika ozhidaet ot mestnyh novostej: mneniya o publichnoj i tradicionnoj zhurnalistike". *Journalism and Mass Communication Quarterly*. 2005. № 82 (4). P. 952 – 967.

7. H'yuston Dzh.B. "Kommunikaciya psichicheskogo/povedencheskogo zdorov'ya naseleniya pri stihijnyh bedstviyah: vmeshatel'stvo na vsekh etapah bedstviya". *Journal of Emergency Management*. 2012. № 10 (4). P. 283 – 292.

8. H'yuston Dzh.B. "Pryzhki vpered: ocenka dostizhenij v oblasti ocenki ustojchivosti soobshchestva, vmeshatel'stva i teorii dlya rukovodstva budushchej rabotoj". *American Behavioral Scientist*. 2015. № 59 (2). P. 175 – 180.

9. H'yuston, Dzh.B., B. Pfefferbaum i K.E. Rozengol'c "Novosti o katastrofah: frejming i smena frejmov v osveshchenii krupnyh stihijnyh bedstvij v SSHA, 2000-2010 gg. *Journalism and Mass Communication Quarterly*. 2012. № 89 (4). P. 606 – 623.

THE WORK OF A JOURNALIST IN AN EMERGENCY SITUATION

*Jian Zheng,
Dong Yuejiao,
Belarusian State University, Belarus*

Abstract: natural and man-made disasters around the world pose a significant threat to the life and health of society. The journalistic community has a multitude of functions concerning this problem, from warning, to alerting, to making value judgments about mitigating the consequences of what is happening. The analysis in this article concludes that disaster journalism that is poorly implemented can contribute to damage, while well implemented it can serve as a key tool in the planning, response and subsequent recovery from various disasters. Among other things, this article examines the legal aspects of protecting the journalistic community in the course of their professional activities in emergency situations. Considering the profession is a dangerous one all over the world, the elaboration and improvement of the legal framework on this issue is very relevant all over the world.

Keywords: crisis, disaster, journalism, media, preparedness, response

ОСНОВНЫЕ ОБЛИКИ ДОМОВОГО В ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ БЫЛИЧКАХ XXI В.

Минина О.В.,

*Киселева М.С., кандидат филологических наук, доцент,
Восточный институт – Школа региональных и международных исследований,
Дальневосточный федеральный университет*

Аннотация: в работе даётся характеристика основных обликов домового, представленных в современных быличках Дальнего Востока: антропоморфного, зооморфного и хаотического. Доказывается, что антропоморфный облик домового в целом соответствует традиционному: сохраняется характеристика через высокий / маленький рост, чёрный и белый цвет, наличие обильной растительности. Также у домового в текстах XXI в. появляется облик африканца / гномика, что, с одной стороны, находится в русле традиционных представлений об этом духе как представителе иноного мира, а с другой – потенциально является результатом влияния современной массовой культуры. Фиксируется сохранение традиционных представлений о способности домового к оборотничеству, однако наблюдается сокращение числа зооморфных обликов: чёрный кот, белая или огромная собака. Это, предположительно, обусловлено изменяющимися реалиями быта. В текстах, записанных в XXI в., встречается изображение домового в виде круглого небольшого шарика или непонятной сущности, что, с одной стороны, обусловлено влиянием современной культуры, а с другой – содержит отсылку к традиционным представлениям о домовом как духе умершего предка.

В научный оборот вводится новый исследовательский материал: 28 текстов, одна часть которых собрана на популярном портале Дальнего Востока (vladmama.ru), а другая хранится в архиве кафедры русского языка и литературы ВИ-ШРМИ ДВФУ.

Ключевые слова: былички, современный фольклор, домовый, картина мира, Дальний Восток

Такой жанр традиционного фольклора, как быличка, привлекает внимание исследователей по сей день (например, работы И.А. Голованова [4], В.А. Черваневой [15] и др.). В фольклористике до сих пор существует проблема его определения (см. напр.: [1, с. 289-294; 9, с. 197-200; и др.]). В нашем исследовании под быличкой вслед за Э.В. Померанцевой мы будем понимать «рассказ о конкретном случае, который базируется на верованиях и связанных с ними повериях» [11, с. 274-275].

Существует много подходов к изучению быличек, один из них – выявление региональных особенностей их текстов. Учёными уже рассматривалась в различных аспектах мифологическая проза Поволжья [17], Дона [2], Омской [6, с. 99-112] и Новосибирской областей [10, с. 36-47], в то же время былички, бытующие на Дальнем Востоке в начале XXI в., изучены недостаточно. Мы обратимся к образу домового – одного из центральных персонажей русской демонологии, сохраняющему актуальность и в современной культуре, уже привлекавшему внимание исследователей [7, 16], которые, однако, не обращались к анализу записей, сделанных в XXI в., тогда как функционирование быличек о домовом в это время происходит на Дальнем Востоке достаточно активно. О последнем свидетельствует широкая представленность текстов данного жанра в контенте форума «vladmama.ru» [12] и в фольклорном архиве кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета [14].

Если актуальность нашей работы обусловлена обращением к активно изучаемому жанру, то её

новизна состоит в том, что мы вводим в научный оборот ранее не изученные тексты (28 шт.), которые функционируют в живом общении здесь и сейчас, выявляем изменения облика домового по сравнению с его традиционным образом [13, т. 2, с. 120-124].

Мы ставим цель выявить и охарактеризовать основные облики домового в быличках Дальнего Востока XXI в. и комплекс связанных с ними традиционных представлений. Материал искался по ключевым словам контента форума «vladmama.ru», а также отчётов из архива кафедры русского языка и литературы ВИ-ШРМИ, ДВФУ [14].

На основе анализа комплекса традиционных представлений о домовом [13, т. 2, с. 120-124] были выявлены ключевые темы, связанные с этим образом в народном сознании, определены самые распространённые слова, соотносящиеся с домовым. Во-первых, это производные от «домовой»: дом, дома, домовый, домовые, домовая, домик. Во-вторых, это эвфемизмы: хозяин, Антип. В-третьих, это обозначения мест обитания домового: печка, баня, кровать, порог. В-четвёртых, это слова, характеризующие наиболее яркие черты домового: волосы, шерсть, борода. В-пятых, это слова, связанные с оборотничеством, присущим домовому: кошка/кот, собака, коза, заяц, кролик.

В результате анализа обнаруженных 28 текстов мы выявили, что облики домашнего духа разнообразны и могут совмещать в себе антропоморфные, зооморфные и хаотические признаки существ раз-

ных размеров. Рассмотрим подробнее каждую из этих трёх групп.

В качестве основного антропоморфного воплощения мы можем отметить в текстах XXI в. сопоставление домового со взрослым человеком, но маленького роста. Такая особенность встречается в следующих быличках: «в простеночке стоит человек...» (Инф. BEG25) [12, 2015]), «...ходил небольшой человек, туда-сюда, маленький...» (Инф. Невеста Капитана) [12, 2011]). Но, кроме этого, наблюдается сравнение домового с ребёнком или с гномиком / карликом: «...рост как у ребенка десятилетнего примерно...» (Инф. BEG25) [11, 2015]), «...он чувствовал, как маленькими ногами по нему идет гномик...» (Инф. Н.А. Романюта, 42г.) [14, 2020, соб.: А.А. Романюта]), «слышу шаги, еле слышные, как карлик ходит...» (Инф. С.Н. Минина, 46л.) [14, 2019, соб.: О.В. Минина]). Здесь сравнение домового с ребёнком указывает не только на рост и возраст, но и на связь как с миром людей, так и с миром потусторонним.

В отдельных свидетельствах встречается указание и на высокий рост домового: «Возле нашей с тобой кровати стоял огромный, волосатый мужик...м» (Инф. Н.А. Романюта, 42 г.) [14, 2020, соб.: А.А. Романюта]), тем самым мы наблюдаем несоразмерность (очень большой или очень маленький) домашнего духа, что доказывает его традиционную отнесённость в народном сознании к потустороннему миру. Так, в волшебных сказках «большой или малый рост антагонистов (или иногда помощников) – в противопоставление персонажам-людям – является признаком их принадлежности иному миру» [8, с. 43].

В современных текстах появляется «африканский» домовый: «ходил небольшой человек... тело человеке как негр, волосы – завитушки, а в носу, почему-то, то ли кольцо, то ли кость вставлена...» (Инф. Невеста Капитана) [12, 2011]), что ранее в текстах не встречалось. Скорее всего, такой образ создаётся под влиянием массовой, современной культуры, в частности, мультфильмов, где образ африканца представлен очень ярко. Рассказчик хотел подчеркнуть, что домовый является чужим. Наблюдаем снова, как в образе домового подчёркивается его чуждость, соотнесённость с иным/другим миром.

В характеристике домового преобладает наличие чёрного и белого цветов. Чёрный встречается довольно часто: «...волосы тёмные... глаза круглые, тёмные...» (Инф. BEG25) [12, 2015]), «...тело человеке как негр...» (Инф. Невеста Капитана) [12, 2011]). Чёрный цвет, в народных представлениях, обладает негативной символикой, ассоциируясь с несчастьем, смертью, нечистотой, демоническим началом [13, т. 5, с. 513-518]. Белый встре-

чаем реже: «...Лицо круглое, светлое, как пудрой выбеленное...» (Инф. BEG25) [12, 2015]). Белый цвет – это символ, который характеризует домового как существо, обладающее особыми силами и принадлежащее иному миру [13, т. 1, с. 151-154]. А «светлое» лицо говорит о том, что оно сияло, вызывало положительные эмоции у рассказчика. Интересно, что одежда домового нигде подробно не описывается, лишь упоминается в одной из быличек: «...одежда непонятная, серая, бесформенная...» (Инф. BEG25) [12, 2015]). Отмечаем упоминание нового цвета – серого. Он обозначает отречение и смирение, кроме того, считается христианским символом земной смерти и духовного бессмертия [3]. Помимо этого, серый цвет можно трактовать как что-то непонятное, неопределённое, что подтверждает восприятие домового как существо потустороннее, «чужое».

В качестве важной черты облика домового выделяется его пушистость: «...волосы тёмные, чёлка ниже бровей...» (Инф. BEG25) [12, 2015]), «...волосы – завитушки...» (Инф. Невеста Капитана) [12, 2011]), «...стоял огромный, волосатый мужик...» (Инф. Н.А. Романюта, 42 г.) [14, 2020, соб.: А.А. Романюта]), «...он был...очень волосатый...» (Инф. Quite) [12, 2017]). Наличие волос у домового и их большое количество традиционно является символом богатства и изобилия [13, т. 2, с. 120-124].

Антропоморфный облик домового в целом соответствует традиционному. Сохраняется принцип изображения домового в виде взрослого человека высокого роста, однако появляется домовый в виде ребёнка, имеющего маленький рост. Основные цвета – чёрный и белый – сохраняются и являются преобладающими. Остаётся и наличие у домового большого количества волос. Интересно, что домового в текстах XXI в. появляется экзотический облик африканца / гномика, что, с одной стороны, находится в русле традиционных представлений об этом духе как выходеце из иного мира, а с другой – потенциально является результатом влияния современной массовой культуры.

Зооморфный облик домового достаточно разнообразен. Одним из самых устойчивых его воплощений является кот: «... домовый приходил ко мне во сне в виде черного кота и наваливался на ноги, лежал камнем. Это он так нервничал. А мой домовый сидел в уголке моей спальни и всегда чесался как кот...» (Инф. Герда) [12, 2015]). Средством создания образа является отождествление: домовый здесь как кот, то есть способен к оборотничеству. Важно, что кот – домашнее животное, наделяемое в народных представлениях двойственной символикой и различными демоническими функциями [13, т. 2, с. 637-639]. Домовой

предстаёт в виде кота / кошки, так как в традиционной картине мира имеет с этим животным особую связь: есть поверье, что кошка охраняет дом и дружит с домовым, и если у них «совпадала масть» – в доме было благополучие [5, с. 192-193].

Ещё одним часто встречаемым воплощением домового является собака. «У моей мамы домовый – белая собака. Много раз её видели, причём ночью с мамой одновременно просыпаемся, а она по комнате ходит...» (Инф. Василек) [12, 2010]. «До того, как ты у меня родилась, мы с отцом твоим одно время жили в доме его родителей, к бабь Маше часто ночью приходила собака, ну, она так говорила, что какая-то огромная собака встаёт на неё ночью лапами и душит» (Инф. Н.А. Романюта, 42 г.) [14, 2020, соб.: А.А. Романюта]. Важно, что собака в народных представлениях наделена различными демоническими свойствами [13, т. 5, с. 93-95]. Кроме того, замечаем, что домовый появляется именно ночью – особое время суток, когда всякая нечистая сила может проявлять себя [13, т. 2, с. 120-124].

Основные цвета, встречающиеся при описании домашнего духа в образе животного, снова белый и чёрный: «...в виде черного кота...» (Инф. Герда) [12, 2015]), «...домовой – белая собака» (Инф. Василек) [12, 2010].

В некоторых быличках замечаем указание на рост животного. Например: «...какая-то огромная собака...» (Инф. Н.А. Романюта, 42г.) [14, 2020, соб.: А.А. Романюта]. Характеристика «огромная» означает, что собака большая, высокая. Высокий рост снова выступает как маркер того, что домовый находится на приграничье: между миром живым и потусторонним.

Основные зооморфные облики современного домового – чёрный кот, белая или огромная собака. Набор животных, в которых может превращаться домовый, сократился. Предполагаем, что это связано с изменяющимися реалиями быта, а именно с тем, что городские жители чаще видят именно домашних животных: кошек или собак. Однако само представление о способности домового как представителя потустороннего мира к оборотничеству сохраняется.

Пограничными между антропоморфными и зооморфными обликами домового являются его облики в виде неопределённых существ разных размеров.

В текстах, записанных в XXI в., встречается домовый в виде круглого небольшого шарика или непонятной сущности: «...бесформенное пятно, диаметром 40-50 см, которое со свистом вылетело в окно на улицу из комнаты...» (Инф. Sladolya) [12, 2011]), «...гляжу на потолок, а с него шары медленно-медленно спускаются, полупрозрачные,

разных размеров, но небольшие, в целом. Дрейфуют в воздухе...» (Инф. Невеста Капитана) [12, 2011]), «...чуть с кровати не столкнула какая-то бесплотная сущность...» (Инф. emiren) [12, 2017]). Такая непонятность облика, способность летать снова отсылают к традиционным представлениям о домовом как духе умершего предка, хозяина дома и главы рода [13, т. 2, с. 120-124].

В современных быличках встречаются и отсылки к женскому образу домового – домовихи: «...слышу шаги в коридоре, совершенно явственные... Потом прислушалась – а шаги такие легкие как будто на каблуках по паркету ну или на копытах)))» Вот тогда я и поняла почему он не Домовой а Домовая... Частенько бродит по ночам...» (Инф. Изящная) [12, 2010]). Мы знаем, что, согласно народным представлениям, существуют женские парные соответствия домового: в одних случаях это его жена и дочь, в других – самостоятельные персонажи – мифологические хозяйки дома [13, т. 2, с. 120-124]. Интересно, что в нашем примере домовиха имеет каблук или копыта. Это упоминание важно, потому что копыта домашнего духа снова указывают на связь с нечистой силой [13, т. 2, с. 594-595] и общую неопределённость облика. Мы наблюдаем актуализацию архаических представлений в современной быличке, возможно, эта актуализация поддерживается тенденцией активного использования феминитивов в последние годы.

В создании хаотического образа домового также преобладает белый цвет: «...белое, бесформенное пятно...» (Инф. Sladolya) [12, 2011]), который снова характеризует домового как существо, обладающее особыми силами и принадлежащему иному миру [13, т. 1, с. 151-154].

Таким образом, облики домашнего духа в рассмотренных современных быличках разнообразны и могут совмещать антропоморфные, звериные и хаотические признаки. Фиксируем устойчивость комплекса традиционных представлений о домовом как представителя иного мира, чей облик хаотичен, однозначно не определён: то высокий, то низкий; то большой, то маленький. Непонятен возраст, рост, раса, пол домового, однако преобладает соотношение его с мужчиной, хотя встречается и актуализация женского образа. Сохраняется традиционная цветопись: белый и чёрный являются наиболее устойчивыми и подчёркивают принадлежность домового к иному миру и неоднозначность (и хороший, и плохой) этого персонажа.

Кроме того, мы заметили, что образ домового в текстах XXI в. имеет свои особенности: всё чаще в современных текстах домовый предстаёт в виде непонятного существа / пятна / сгустка. Это указывает на то, что его облик ассоциируется у чело-

века больше с духом потустороннего мира. Обнаруживаем меньшее количество примеров оборотничества домового в разных зверей, что, возможно, связано с изменяющейся средой бытования быличек: наиболее популярные животные в городе – домашние кот и собака. Также высока вероятность большого влияния на облик домового современной культуры, что обуславливает появление «африканского» домового, домового в виде гномика, актуализацию женского образа хранителя дома.

Литература

1. Аникин В.П. Русское устное народное творчество. М.: Высш. Школа, 2004. 735 с.
2. Архипенко Н.А. Лексика мифологической системы донских казаков как части духовной культуры. автореф. дис. ... канд. филол. Наук. Ростов-на-Дону, 2000 г.
3. Барышева Я.А. Культурно-аксиологический аспект колоратива «серый» [Электронный ресурс]. 2011. Электронный ресурс. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-aksiologicheskij-aspekt-kolorativa-seryy/viewer> (дата обращения: 15.07.2021)
4. Голованов И.А. Специфика пространственной организации жанра былички // Вестник ЧГПУ. Челябинск, 2009. Электронный ресурс. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-prostranstvennoy-organizatsii-zhanra-bylichki/viewer> (дата обращения: 15.07.2021)
5. Голубкова О.В. Душа и природа: Этнокультурные традиции славян и финно-угров. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 304 с.
6. Гордеева Н.А. Указатель сюжетов быличек и бывальщин Омской области (1978-1884) // Актуальные проблемы сибирской фольклористики. Межвуз. сб. научн. Трудов. Иркутск, 1991 г. С. 99 – 112.
7. Зиновьев В.П. Домовой // Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. Новосибирск: Наука, 1987. 401 с.
8. Краюшкина Т.В. Мотивы состояний персонажей в русских народных волшебных сказках: системный анализ: дис. ... д-ра филол. наук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2010. 493 с.
9. Криничная Н.А. Русская народная мифологическая проза. Истоки и полисемантизм образов: в 3 т. Т. 1: Былички, бывальщины, легенды, поверья о духах-«хозяевах». СПб.: «Наука», 2001. 576 с.
10. Мельникова М.Н. К вопросу о бытовании быличек и легенд в наши дни // Сибирский фольклор. Новосибирск. 1976 г. Вып. 3. С. 36 – 47.
11. Померанцева Э.В. Жанровые особенности русских быличек // История, культура, этнография

и фольклор славянских народов. VI Международный съезд славистов. М.: Наука, 1968. С. 285.

12. Пообщаемся / Неопознанное. Эзотерика. Парапсихология // Форум Vladmama.ru. URL: <http://vladmama.ru/forum/viewforum.php?f=272> (дата обращения: 15.07.2021)

13. Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Т. 1. 584 с.; 1999. Т. 2. 702 с.; 2004. Т. 3. 704 с.; 2009. Т. 4. 656 с.; 2012. Т. 5. 736 с.

14. ФА ДВФУ – Фольклорный архив кафедры русского языка и литературы Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета.

15. Черванева В.А. Между быличкой и сказкой: лингвистические маркеры жанра // Вестник славянских культур. 2020. Т. 56. С. 101 – 114. Электронный ресурс. URL: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-56-101-114> (дата обращения: 15.07.2021)

16. Черепанова О.А. Мифологические рассказы и легенды русского Севера. СПб.: СПбГУ, 1996. 401 с.

17. Шумов К. Былички и бывальщины Старозаветные рассказы, записанные в Прикамье / Сост. К. Шумов. Пермь, 1991 г. 410 с.

References

1. Anikin V.P. Russkoe ustnoe narodnoe tvorchestvo. M.: Vyssh. SHkola, 2004. 735 s.
2. Arhipenko N.A. Leksika mifologicheskoy sistemy donskih kazakov kak chasti duhovnoj kul'tury. avtoref. dis. ... kand. filol. Nauk. Rostov-na-Donu, 2000 g.
3. Barysheva YA.A. Kul'turno-aksiologicheskij aspekt kolorativa «seryj» [Elektronnyj resurs]. 2011. Elektronnyj resurs. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-aksiologicheskij-aspekt-kolorativa-seryy/viewer> (data obrashcheniya: 15.07.2021)
4. Golovanov I.A. Specifika prostranstvennoj organizatsii zhanra bylichki. Vestnik CHGPU. CHelyabinsk, 2009. Elektronnyj resurs. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-prostranstvennoy-organizatsii-zhanra-bylichki/viewer> (data obrashcheniya: 15.07.2021)
5. Golubkova O.V. Dusha i priroda: Etnokul'turnye tradicii slavyan i finno-ugrov. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2009. 304 s.
6. Gordeeva N.A. Ukazatel' syuzhetov bylichek i byval'shchin Omskoj oblasti (1978-1884). Aktual'nye problemy sibirskoj fol'kloristiki. Mezhvuz. sb. nauchn. Trudov. Irkutsk, 1991 g. S. 99 – 112.

7. Zinov'ev V.P. Domovoj. Mifologicheskie rasskazy russkogo naseleniya Vostochnoj Sibiri. Novosibirsk: Nauka, 1987. 401 s.

8. Krayushkina T.V. Motivy sostoyanij personazhej v russkih narodnyh volshebnyh skazkah: sistemnyj analiz: dis. ... d-ra filol. nauk. Vladivostok: IIAE DVO RAN, 2010. 493 s.

9. Krinichnaya N.A. Russkaya narodnaya mifologicheskaya proza. Istoki i polisemantizm obrazov: v 3 t. T. 1: Bylichki, byval'shchiny, legendy, pover'ya o duhah-«hozyaevah». SPb.: «Nauka», 2001. 576 s.

10. Mel'nikova M.N. K voprosu o bytovanii bylichek i legend v nashi dni. Sibirskij fol'klor. Novosibirsk. 1976 g. Vyp. 3. S. 36 – 47.

11. Pomeranceva E.V. Zhanrovye osobennosti russkih bylichek. Istoriya, kul'tura, etnografiya i fol'klor slavyanskikh narodov. VI Mezhdunarodnyj s"ezd slavistov. M.: Nauka, 1968. S. 285.

12. Poobshchaemysya. Neopoznanoe. Ezoterika. Parapsihologiya. Forum Vladmama.ru. URL:

<http://vladmama.ru/forum/viewforum.php?f=272> (data obrashcheniya: 15.07.2021)

13. Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskij slovar': v 5 t. pod red. N.I. Tolstogo. M., 1995. T. 1. 584 s.; 1999. T. 2. 702 s.; 2004. T. 3. 704 s.; 2009. T. 4. 656 s.; 2012. T. 5. 736 s.

14. FA DVFU – Fol'klornyj arhiv kafedry russkogo yazyka i literatury Vostochnogo instituta – SHkoly regional'nyh i mezhdunarodnyh issledovanij Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta.

15. CHervaneva V.A. Mezhdubyl'ichkoj i skazkoj: lingvisticheskie markery zhanra. Vestnik slavyanskikh kul'tur. 2020. T. 56. S. 101 – 114. Elektronnyj resurs. URL: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-56-101-114> (data obrashcheniya: 15.07.2021)

16. CHerepanova O.A. Mifologicheskie rasskazy i legendy russkogo Severa. SPb.: SPbGU, 1996. 401 s.

17. SHumov K. Bylichki i byval'shchiny Starozavetnye rasskazy, zapisannye v Prikam'e. Sost. K. SHumov. Perm', 1991 g. 410 s.

THE MAIN IMAGES OF THE BROWNIE IN THE FAR EASTERN BYLICHKI OF THE XXI CENTURY

Minina O.V.,

*Kiseleva M.S., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Oriental Institute-School of Regional and International Studies,
Far Eastern Federal University*

Abstract: the paper describes the main shapes of the brownie, represented in modern bylichki of the Far East: anthropomorphic, zoomorphic and chaotic. It is proved that the anthropomorphic appearance of the brownie generally corresponds to the traditional one: the characteristic is preserved through high / small growth, black and white color, the presence of abundant vegetation. Also in the brownie in the texts of the XXI century the appearance of an African / gnome appears, which, on the one hand, is in line with traditional ideas about this spirit as a representative of another world, and on the other hand, is potentially the result of the influence of modern mass culture. The preservation of traditional ideas about the ability of a brownie to werewolf is recorded, but there is a decrease in the number of zoomorphic forms: a black cat, a white or a huge dog. This is presumably due to the changing realities of everyday life. In the texts recorded in the XXI century, there is an image of a brownie in the form of a round small ball or an incomprehensible entity, which, on the one hand, is due to the influence of modern culture, and on the other hand, contains a reference to traditional ideas about the brownie as the spirit of a deceased ancestor.

A new research material is being introduced into scientific circulation: 28 texts, one part of which is collected on the popular portal of the Far East (vladmama.ru), and the other is stored in the archive of the Department of Russian Language and Literature of the FEFU OI-SRIS.

Keywords: bylichki, modern folklore, brownie, picture of the world, the Far East

ЭТИКА ЖУРНАЛИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Чжан Шухань,

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Аннотация: в данном исследовании проводится контент-анализ 103 кодексов журналистской этики со всего мира с целью проверки их адаптации к обстоятельствам, возникшим в связи с новой пандемией Covid 19. На основе семи рекомендаций, сформулированных Сетью этической журналистики (EJN), анализируется их наличие или отсутствие в кодексах. Результаты показывают неравномерное присутствие принципов и значительные различия между кодексами. Ни один из кодексов не включает все семь рекомендаций, и только один включает шесть из них. Напротив, 17 из рассмотренных кодексов содержат только одну рекомендацию, а два из них вообще не содержат никаких рекомендаций.

Пандемия Ковид-19 привела к возникновению глобальной ситуации, последствия которой пока трудно оценить. В области коммуникации и журналистики изучение этих эффектов представляет особый интерес, поскольку СМИ производят больше новостей, а граждане, проводящие больше времени дома, увеличивают потребление информации. Такое усиление воздействия повышает риск того, что граждане станут жертвами фальшивых новостей или будут дезинформированы. Этот контекст приводит к усилению чувства общественного страдания и критическому отношению к СМИ, которые рассматриваются как сенсационные и способствуют социальной тревоге. Поэтому, если основная цель журналистики – предоставление качественной информации, то в чрезвычайных ситуациях журналистская ответственность и этика имеют огромное значение. Поэтому целью данного исследования является проверка того, в какой степени существующие этические кодексы обеспечивают журналистов адекватным руководством для их работы в условиях, возникших в связи с пандемией Ковид-19.

Ключевые слова: журналистская этика, ковид, коронавирус, журналистика, здоровье

Этические кодексы – это документы, содержащие набор руководящих принципов и критериев, которые считаются необходимыми для осуществления той или иной деятельности [5]. Они формулируются и принимаются теми, кто осуществляет эту деятельность, они устанавливают стандарты, считающиеся хорошей практикой, и они являются основополагающими для того, чтобы можно было говорить о журналистике как о профессии [1].

Одна из важнейших задач журналистского сообщества – поддерживать кодексы в актуальном состоянии, чтобы они всегда служили ориентиром для ответственного выполнения своей работы. На самом деле, потеря доверия к СМИ и журналистам – это константа, которая проявляется и сегодня и обусловлена появлением Интернета и информационно-коммуникационных технологий, которые привели к существенной трансформации контекста и самой природы журналистской деятельности [2].

Более того, в этой медиасистеме у граждан складывается впечатление, что им не нужно искать информацию, поскольку она сама дойдет до них через социальные сети [9].

Этот сценарий порождает новые этические дилеммы, которые затрагивают такие аспекты, как достоверность информации, конфиденциальность, обработка данных или использование ссылок и социальных сетей [4]. Ключ к решению этих дилемм заключается не столько в создании новых кодексов, сколько в модификации и адаптации существующих к реалиям цифровой журналистики [3].

Такие принципы, как уважение к истине или неприкосновенности частной жизни, по-прежнему актуальны, но они приобретают новое измерение [7].

Именно поэтому в дополнение к кодексам часто появляются новые инструменты саморегулирования. [6] Это касается, в частности, советов по прессе, комиссий по рассмотрению жалоб или омбудсменов. В последнее время, в результате вышеупомянутой потери доверия, возникла другая концепция – подотчетность гражданам, которая привела к появлению других формул с более активным участием пользователей, таких как редакционные блоги, цифровые встречи с читателями или кнопки исправления ошибок [8].

Однако, когда журналистов спрашивают о том, перед кем или чем они чувствуют свою ответственность, они по-прежнему ссылаются на профессиональные этические кодексы.

Одним словом, Covid-19 также представляет собой вызов для журналистской этики, поскольку журналистская информация необходима гражданам для принятия важных решений.

В частности, одна из международных справочных организаций по журналистской этике, Сеть этической журналистики, выступила с инициативой. Эта сеть, объединяющая более 70 ассоциаций со всего мира, последовала линии действий, которую она уже предлагала по другим вопросам, таким как иммиграция или язык вражды. Таким образом, она разработала руководство с семью основными принципами освещения пандемии в новостях [10].

1. Придерживаться фактов. Надежные факты и данные являются ключом к актуальной и точной отчетности. Используйте проверенные, надежные и разнообразные источники, такие как ВОЗ, медицинские работники, персонал больницы или полиция. Проверьте дату данных, чтобы убедиться в их своевременности. Будьте прозрачны в отношении методов сбора данных. Исправляйте и перепроверяйте дезинформацию фактами. Предупредите, что дезинформация поощряет разжигание ненависти и причиняет вред.

2. Практиковать подотчетность. Контекстуализировать официальную статистику и данные. Быть ответственным и подотчетным перед аудиторией, взаимодействуя с ней, по возможности отвечая на ее запросы о предоставлении информации и обеспечивая ее ресурсами. Избегайте запугивания. Признать, что Covid-19 сильнее всего влияет на определенные сообщества и отдельных людей.

3. Быть знакомым с медицинской и научной терминологией. Избегать вводящих в заблуждение формулировок.

4. Проявлять человечность. Поделитесь историями о людях, восстановившихся после Covid-19, а также историями стойкости и солидарности. Достоинство человеческой подоплеку историй жертв и их семей. Относитесь с пониманием к воспоминаниям и эмоциям семей тех, кто пострадал.

5. Вызов ненависти. Избегайте выделения этнических или религиозных групп, а также приписывания болезни конкретным расовым или национальным группам. Избегайте использования гендерных стереотипов и дискриминационных формулировок.

6. Избегать социальной стигматизации и стереотипов. Болезнь должна быть представлена в объективной форме, избегая злоупотребления эмоциональными высказываниями. Поощряйте людей пользоваться доступными медицинскими услугами. Избегайте обвинений.

7. Защитите себя и других. Журналистика необходима, но не до такой степени, чтобы ставить под угрозу собственное здоровье и здоровье источников информации. Ответственные лица должны подавать пример. Они должны обеспечить соответствующие меры по защите физического и психического здоровья, а также снизить риски для их источников. Признать необходимость сопереживать пострадавшим и, при необходимости, сохранять конфиденциальность источников.

Общая цель данного исследования – проверить, адаптированы ли этические кодексы журналистики, чтобы обеспечить профессионалов необходимыми ориентирами для адекватного разрешения ситуации, порожденной Covid-19. Исходя из этой общей цели, ставятся две конкретные задачи [11]:

1. определить, какие из принципов, в наибольшей степени представлены в этических кодексах журналистов. Эта цель позволит проверить, все ли основные аспекты, определенные Европейским союзом, содержатся в кодексах, и, если нет, определить конкретные направления совершенствования.

2. Проанализировать, является ли дата утверждения или последнего пересмотра кодекса определяющим фактором для того, чтобы сделать его содержание более адаптированным. В некоторых предыдущих исследованиях этот элемент был признан определяющим фактором.

Всего было проанализировано 103 кодекса журналистской этики, действующих во всем мире. Были использованы два основных источника:

База данных кодов сайта Accountable Journalism, созданного и поддерживаемого Институтом журналистики Дональда В. Рейнольдса при Университете Миссури (<https://accountablejournalism.org/?/ethics-codes/>).

База данных EthicNet (<https://research.uta.fi/ethicnet/>), созданная и поддерживаемая факультетом журналистики и массовых коммуникаций Университета Тампере, Финляндия.

Были проанализированы этические кодексы общего и национального характера. Поэтому документы наднационального или регионального характера и документы, относящиеся к конкретным тематическим областям (защита несовершеннолетних, освещение выборов и т.д.), были отброшены, так как считалось, что их включение исказит полученные результаты, поскольку такие документы есть не во всех странах [12].

В тех странах, где существует более одного национального кодекса, рассматривался тот, который использовался в качестве эталона в предыдущих исследованиях аналогичного характера.

Каждый код в целом был взят в качестве единицы анализа. В свою очередь, каждая рекомендация функционировала как категория анализа, понимаемая как бинарная переменная. Другими словами, кодировалось его наличие или отсутствие в анализируемых кодах. Впоследствии к каждой рекомендации был применен тематический анализ, чтобы выделить основные аспекты, на основе которых они рассматриваются [13].

Анализ и кодирование принципов, представленных в этических кодексах, проводился четырьмя исследователями. Критерием для кодирования "соответствия" критериям было явное или неявное упоминание в каждой общей рекомендации любого из аспектов, установленных ЕСП. Другими словами, когда код включает любой из аспектов,

включенных в любую из рекомендаций ЕС, считается, что код включает эту рекомендацию [14].

Наиболее распространенными рекомендациями являются "Защищать себя и других" (91,26% кодов), "Бросить вызов ненависти" (73,78%) и "Придерживаться фактов" (66,99%). В то же время, "Избегание социальной стигматизации и стереотипов" (11,65%), "Знакомство с медицинской и научной терминологией" (7,76%), "Практика ответственности" (6,79%) и "Проявление человечности" (2,91%) представлены гораздо меньше.

Существенные различия наблюдаются и при анализе того, как каждый кодекс охватывает семь рекомендаций. Во-первых, нет ни одного кодекса, который бы включал все семь, и только один из них, Черногория, включает шесть рекомендаций. В трех других странах их пять (Канада, Хорватия и США). На другом конце шкалы находятся два кода, которые не ссылаются ни на одну из рекомендаций (Япония и Австралия), и 17 стран, в которых есть только одна.

Приверженность фактам. Это устоявшийся принцип, которому следуют 69 кодов (66,99% от общего числа). Он основан на общем утверждении, что "члены Коллегии должны предоставлять точную и беспристрастную информацию" (Коста-Рика) или предоставлять "точную, полную и проверенную" информацию (Хорватия). Это утверждение, с небольшими вариациями, повторяется в большинстве кодексов, содержащих этот принцип [15].

В этом смысле и в контексте пандемии концепция "общественного здравоохранения" приобретает важное значение, поскольку предполагается, что публикуемая информация должна быть направлена на благо общества. Риск несоблюдения этого принципа оговорен в Декларации прав и обязанностей турецких журналистов, где говорится: "При освещении вопросов, связанных со здоровьем, следует избегать сенсационности. Следует избегать распространения информации, которая вселяет отчаяние или создает ложные надежды. Предварительные результаты, являющиеся продуктом медицинских исследований, не следует представлять как окончательные.

Прежде чем предлагать использование того или иного лекарства, необходимо проконсультироваться с ученым-экспертом". Таким образом, большое количество кодексов рассматривают проверку, упомянутую в ЕСК, в очень общем виде. Так, ВОЗ упоминается только в определении сексуального насилия (Южная Африка) или как источник информации о самоубийствах (Кипр). В связи с этим, актуальность данного института и заявлений работников здравоохранения, полиции или других правоохранительных органов почти не

подчеркивается, как предлагает ЕС. Например, категоризация "чрезвычайная ситуация в области здравоохранения" встречается только в индийском или черногорском кодексе. Упоминается раскрытие информации о медицинских исследованиях (Непал, Черногория, Германия или Канада), чтобы предупредить о деликатности сообщения о частичных успехах или неудачах с точки зрения их влияния на общественное мнение. Однако некоторые кодексы (Словения) трактуют, что "журналисты должны представлять подробное описание событий и выполнять свою работу точно и добросовестно [...] работа, выполненная таким образом, является краеугольным камнем журналистского доверия". Конечно, когда эти протоколы не работают и допускаются неточности, право на исправление или ответ признается в качестве фундаментальной гарантии, хотя и ограниченной неточностями и ошибками, которые могли быть допущены.

В данном исследовании делается вывод о том, что этические кодексы неравномерно или неполностью адаптированы для того, чтобы обеспечить профессионалов журналистики необходимыми рекомендациями для адекватного освещения сценариев, подобных тому, который произошел в Covid-19. С одной стороны, только два из 103 проанализированных кодексов содержат руководящие принципы, которые ссылаются на пять или более из семи принципов, установленных ЕЕС. С другой стороны, четыре из этих принципов присутствуют менее чем в одной восьмой части кодексов. В целом, наиболее распространенные рекомендации связаны с устоявшимися принципами журналистской этики. Это относится к рекомендации защищать себя и других, которая касается источников; к вызову ненависти, который касается избегания дискриминации по этническому или религиозному признаку; или к необходимости придерживаться фактов, которая связана с уважением к истине. Эти три принципа (защита источников, недискриминация и уважение к истине) всегда были одними из тех, которые в наибольшей степени представлены в кодексах в предыдущих исследованиях. В отличие от этого, ссылки на терминологию всегда были связаны с тем, чтобы избежать оскорбления или неуважения, но не с этой рекомендацией о большей специализации. Аналогичным образом, концепция подотчетности, хотя и становится все более распространенной, пока не отражена в кодексах. Нечто подобное происходит и с рекомендацией проявлять человечность, что связано с современными тенденциями, подчеркивающими важность человеческого тона в журналистской информации, но что в определенной степени может противоречить классическому посту-

лату - избегать принимать чью-либо сторону. С другой стороны, было установлено, что дата утверждения или последнего пересмотра кодекса является фактором, который дает большую гарантию адаптации. Четыре кода, содержащие 5 и более ссылок на ЕЖН (Черногория, Канада, Хорватия и США), были обновлены после 2000 года. Между тем, 17 из 19 кодексов (все, кроме Бангладеш и Польши), которые содержат ссылки на одну или ни одной рекомендации ЕСП, были приняты до 2000 года. Более того, некоторые из них являются относительно старыми документами, например, Франция (1918), Ирак (1969), Пакистан (1972), Папуа-Новая Гвинея (1972) или Тунис (1975). Поэтому, как показали предыдущие исследования, степень обновления является определяющим фактором. В качестве ограничения исследования следует отметить, что контент-анализ кодов может быть противопоставлен другим методологическим инструментам, рассматривающим вопросы соответствия, таким как анализ СМИ или интервью или опросы профессионалов. В этом смысле данное исследование открывает двери для других исследований в этом направлении, но также и для повторения, когда пандемия Ковид-19 будет преодолена, чтобы проверить, сколько стран и в какой степени обновили свои этические кодексы.

Литература

- Masip P., Aran-Ramspott S., Ruiz-Caballero C., Suau J., Almnar E., Puertas-Graell D. Consumo informativo y cobertura mediática durante el confinamiento por el Covid-19: sobreinformación, sesgo ideológico y sensacionalismo // *El profesional de la información*. Prof Inf. 2020. № 29 (3):e290311. Doi: <https://doi.org/10.3145/epi.2020.may.12>
- Salaverría R., Buslón N., López-Pan F., León B., López-Goñi I., Erviti M.C. Desinformación en tiempos de pandemia: tipología de los bulos sobre la Covid-19 // *Prof Inf*. 2020. № 29 (3):e290315. Doi: <https://doi.org/10.3145/epi.2020.may.15>
- Garfin D.R., Silver R.C., Holman E.A. The novel coronavirus (Covid-2019) outbreak: amplification of public health consequences by media exposure // *Health Psychol*. 2020. № 39 (5). P. 355 – 357. Doi: <https://doi.org/10.1037/hea0000875>.
- Kovach B., Rosenstiel T. *The elements of journalism: What news people should know and the public should expect*. New York: Three Rivers Press; 2007.
- Aznar H. *Ética y periodismo*. Barcelona: Paidós, 1999.
- Barroso P. *Códigos deontológicos de los medios de comunicación*. Madrid: Ediciones Paulinas, 1984.
- Elliott-Boyle D. A conceptual analysis of ethics codes // *J Mass Media Ethics*. 1985. № 1 (1). P. 22 – 26.
- Real Rodríguez E. La profesión periodística ante sus retos éticos: autorregulación profesional y comunicativa frente a regulación // *La situación en España. Estud Mensaje Period*. 2018. № 24 (1). P. 341 – 360. Doi: <https://doi.org/10.5209/ESMP.59954>
- Luengo M., Maciá-Barber C., Requejo-Alemán J.L. Evaluating organizational ethics in Spanish news media. *Journalism*. 2017; 18(9):1142-62. Doi: <https://doi.org/10.1177/1464884916643682>
- Newman N., Fletcher R., Kalogeropoulos A., Nielsen R.K. *Reuters Institute digital news report 2019* [Internet]. Oxford: Reuters Institute for the Study of Journalism; 2020 [citado 18 Sep 2020] Disponible en: <http://www.digitalnewsreport.org>
- Chadwick A. *The hybrid media system: politics and power*. Oxford: Oxford University Press, 2017.
- Gil de Zúñiga H., Weeks B., Ardèvol-Abreu A. Effects of the news-finds-me perception in communication: Social media use implications for news seeking and learning about politics. *J Comput Mediated Commun*. 2017; 22(3):105-23. Doi: <https://doi.org/10.1111/jcc4.12185>
- Segado-Boj F., Díaz-Campo J., Navarro-Asencio E., Remacha-González L. Influence of news-finds-me perception on accuracy, factuality and relevance assessment. Case study of news item on climate change. *Rev Mediterránea Comun*. 2020; 11(2):85-103. Doi: <https://www.doi.org/10.14198/MEDCOM2020.11.2.12>.
- Díaz-Campo J., Chaparro-Domínguez M.A., Rodríguez-Martínez R. Los atentados terroristas de Barcelona y Cambrils en la prensa online. Tratamiento informativo en *El periódico*, *El país* y *The Guardian*. *Prof Inf*. 2018; 27(6):1358-67. Doi: <https://doi.org/10.3145/epi.2018.nov.18>
- Díaz-Campo J., Segado-Boj F. Journalism ethics in a digital environment: how journalistic codes of ethics have been adapted to the Internet and ICTs in countries around the world // *Telematics Informatics*. 2015. № 32 (4). P. 735 – 744. Doi: <https://doi.org/10.1016/j.tele.2015.03.004>

References

1. Masip P., Aran-Ramspott S., Ruiz-Caballero C., Suau J., Almnar E., Puertas-Graell D. Consumo informativo y cobertura mediática durante el confinamiento por el Covid-19: sobreinformación, sesgo ideológico y sensacionalismo. *El profesional de la información*. 2020. № 29 (3):e290311. Doi: <https://doi.org/10.3145/epi.2020.may.12>
2. Salaverría R., Buslón N., López-Pan F., León B., López-Goñi I., Erviti M.C. Desinformación en tiempos de pandemia: tipología de los bulos sobre la Covid-19. *Prof Inf.* 2020. № 29 (3):e290315. Doi: <https://doi.org/10.3145/epi.2020.may.15>
3. Garfin D.R., Silver R.C., Holman E.A. The novel coronavirus (Covid-2019) outbreak: amplification of public health consequences by media exposure. *Health Psychol.* 2020. № 39 (5). P. 355 – 357. Doi: <https://doi.org/10.1037/hea0000875>.
4. Kovach B., Rosenstiel T. *The elements of journalism: What news people should know and the public should expect*. New York: Three Rivers Press; 2007.
5. Aznar H. *Ética y periodismo*. Barcelona: Paidós, 1999.
6. Barroso P. *Códigos deontológicos de los medios de comunicación*. Madrid: Ediciones Paulinas, 1984.
7. Elliott-Boyle D. A conceptual analysis of ethics codes. *J Mass Media Ethics.* 1985. № 1 (1). P. 22 – 26.
8. Real Rodríguez E. La profesión periodística ante sus retos éticos: autorregulación profesional y comunicativa frente a regulación. La situación en España. *Estud Mensaje Period.* 2018. № 24 (1). P. 341 – 360. Doi: <https://doi.org/10.5209/ESMP.59954>
9. Luengo M., Maciá-Barber C., Requejo-Alemán J.L. Evaluating organizational ethics in Spanish news media. *Journalism.* 2017; 18(9):1142-62. Doi: <https://doi.org/10.1177/1464884916643682>
10. Newman N., Fletcher R., Kalogeropoulos A., Nielsen R.K. Reuters Institute digital news report 2019 [In-ternet]. Oxford: Reuters Institute for the Study of Journalism; 2020 [citado 18 Sep 2020] Disponible en: <http://www.digitalnewsreport.org>
11. Chadwick A. *The hybrid media system: politics and power*. Oxford: Oxford University Press, 2017.
12. Gil de Zúñiga H., Weeks B., Ardèvol-Abreu A. Effects of the news-finds-me perception in communication: Social media use implications for news seeking and learning about politics. *J Comput Mediated Commun.* 2017; 22(3):105-23. Doi: <https://doi.org/10.1111/jcc4.12185>
13. Segado-Boj F., Díaz-Campo J., Navarro-Asencio E., Remacha-González L. Influence of news-finds-me perception on accuracy, factuality and relevance assessment. Case study of news item on climate change. *Rev Mediterránea Comun.* 2020; 11(2):85-103. Doi: <https://www.doi.org/10.14198/MEDCOM2020.11.2.12>.
14. Díaz-Campo J., Chaparro-Domínguez M.A., Rodríguez-Martínez R. Los atentados terroristas de Barcelona y Cambrils en la prensa online. Tratamiento informativo en El periódico, El país y The Guardian. *Prof Inf.* 2018; 27(6):1358-67. Doi: <https://doi.org/10.3145/epi.2018.nov.18>
15. Díaz-Campo J., Segado-Boj F. Journalism ethics in a digital environment: how journalistic codes of ethics have been adapted to the Internet and ICTs in countries around the world. *Telematics Informatics.* 2015. № 32 (4). P. 735 – 744. Doi: <https://doi.org/10.1016/j.tele.2015.03.004>

ETHICS OF JOURNALISTIC ACTIVITY

*Zhang Shuhan,
Lomonosov Moscow State University*

Abstract: this study conducts a content analysis of 103 codes of journalistic ethics from around the world to test their adaptation to the circumstances raised by the new Covid 19 pandemic. Based on seven recommendations made by the Ethical Journalism Network (EJN), their presence or absence in the codes is analysed. The results show an uneven presence of the principles and considerable variation between codes. None of the codes include all seven recommendations, and only one includes six of them. In contrast, 17 of the codes examined contain only one recommendation and two of them contain no recommendations at all.

The Covid-19 pandemic has created a global situation, the impact of which is still difficult to assess. In the field of communication and journalism, it is of particular interest to study these effects because the media are producing more news and citizens spending more time at home are increasing their consumption of information. This increased exposure increases the risk of citizens falling victim to fake news or being misinformed. This context leads to an increased sense of public distress and a critical attitude towards media that is seen as sensationalist and contributes to social anxiety. Therefore, while the main purpose of journalism is to provide quality information, in emergency situations journalistic responsibility and ethics are of utmost importance. Therefore, the aim of this study is to test the extent to which existing codes of ethics provide journalists with adequate guidance for their work in the context arising from the Covid-19 pandemic.

Keywords: journalistic ethics, covid, coronavirus, journalism, health

СПЕЦИФИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННОГО ЖУРНАЛИСТА В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ

Юань Е,

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Аннотация: в нашей стране, как впрочем и во всем мире, специфика деятельности военного журналиста осложнена тем, что с одной стороны им необходимо освещать военные действия, но любые военные конфликты при этом сопряжены с необходимостью соблюдения тайны. То есть необходимо проинформировать общественность о происходящем, но при этом не нарушить военную тайну, в целях обеспечения безопасности и иных военных правил, не говоря уже о том, что наряду с горячей фазой войны всегда ведется война информационная. В нашей стране это наиболее ярко выражено. В военных конфликтах времен СССР журналисты были подвержены глобальным ограничениям со стороны власти. В те времена средства массовой информации было принято считать и средством пропаганды, соответственно журналисты были вынуждены постоянно балансировать между ограничениями и журналистским долгом. В 90х годах прошлого столетия представители рассматриваемой профессии больший уклон делали не на освещение военных событий, а на минусы и недостатки ВС. Однако с началом нового столетия поставил все на места, как военные журналисты реализуют свою деятельность сегодня мы рассмотрим в рамках данной статьи.

Ключевые слова: современная журналистика, военный журналист, гражданская журналистика

Что такое военная журналистика и с какими противоречиями она связана, на какие компромиссы приходится идти представителям данной профессии? Именно об этом мы и поговорим в рамках данной статьи.

Со времен, как перестал существовать Советский союз, специфика деятельности военных журналистов становится все более разнообразной и разносторонней. В специфике деятельности на самом деле присутствуют некоторые ограничения, но нельзя сказать что это напрямую оказывает влияние на свободу слова и мысли. Изучение данной профессии в контексте советской действительности и современных реалий, демонстрирует то, как происходила трансформация в вооруженных силах разных эпох в нашей стране и какое влияние эти трансформации оказывали на деятельность журналистов.

Профессиональное развитие военной журналистики можно наблюдать с освящение военных действий девятнадцатого столетия. В то время освящением событий занимались офицеры и гражданские лица, которые были заинтересованы в том, что бы освятить конфликты современности.

Особую значимость фигура военного журналиста приобрела в период Великой Отечественной войны.

В эту тяжелую пору, военные репортеры в своих репортажах проявляли независимость и свободу самовыражения, стремясь поддержать дух советских воинов в борьбе с нацизмом. Не смотря на очень тяжелое для страны время, стоит отметить, что в период войны у журналистского сообщества были едва ли не самые широкие возможности для самовыражения, нежели в последующие годы, когда возникли целые комитеты, которые занимались контролем над деятельностью военных журналистов. По окончанию войны военная печать

была подвержена жесткой бюрократии. Во времена правления Л.И. Брежнева военные издания напрямую демонстрировали бюрократизм в своей содержательной части.

Подготовкой профессионалов в области военной журналистики занималась непосредственно армия. Во времена военных действий в Афгане прослеживается информационная блокада.

Гласность, наступившая на заре Советского государства дала военным журналистам значительно больше свободы, исчезла цензура. Представители рассматриваемой профессии воспользовались возможностью и начали критиковать армию. Взялись за военную тему и не профильные специалисты и издания. В СМИ освящались рассказы очевидцев об Афганском конфликте.

Работа военного журналиста сопряжена с напряженностью и целым рядом различных противоречий. Были случаи, когда журналисты вырвались из под гнета своих работодателей и переквалифицировались в гражданских журналистов. Другие наоборот оставались, но изменяли взгляды и позиции. Такое положение дел образовывало две линии журналистики:

- Следование государственной линии;
- Критическая и исследовательская линия.

Такое положение дел вызвало реакцию со стороны государства, оно попыталось сохранить надзор над данными нововведениями, направляя провластных специалистов писать для гражданских СМИ. Тем не менее контроль со стороны власти спадал. Журналисты из других стран отправлялись в горячие точки и налаживали связи с отечественными журналистами[4]. Еще одним нововведением данного периода является появление женщин в стане военных журналистов (примерами может служить А. Политковская и О. Алленова).

Работавшие в то время журналисты показали независимость взглядов в описании новой военной действительности. Большую роль в дальнейшем развитии журналистской независимости сыграли современные онлайн медиа. Современные информационные реалии способствуют оперативному распространению информации и горячие точки в данном контексте не являются исключением. Однако здесь возникают новые проблемы.

Так, по мнению Андрея Раскина [5], в боевые точки зачастую отправляют неподготовленных представителей СМИ, которые в процессе освящения событий проявляют независимость, однако в ущерб собственной безопасности. Так же, он выразил точку зрения о том, что данная стезя не место для женщин, а неподготовленность некоторых представителей профессии, способствует росту недоверия со стороны профессионального журналистского сообщества [6].

В отечественной армии, рассмотренное выше недоверие послужило толчком к появлению новых стратегий в коммуникации. Не смотря на такое положение дел, военное руководство страны хорошо понимает важность взаимодействия с представителями военной журналистики. Практикуется внедрение гибких ограничений. Внедрение в освещение военного конфликта журналистов, лояльных к власти, дает возможность организации контроля над информацией транслируемой общественности. Здесь возникает другая проблема, с одной стороны близость к руководящим кругам дает доступ к информации, с другой ограничивает ее трансляцию [1].

Деятельность военных корреспондентов регулируется на законодательном уровне. С конца первого десятилетия текущего столетия было принято множество законов по данному вопросу. Не смотря на то, что фактически цензура отсутствует, значимую роль играет контроль со стороны Роскомнадзора [4].

То, насколько качественно отечественное законодательство в части журналистской деятельности, вопрос спорный. Однако одно можно сказать совершенно точно, они не гарантируют безопасности для журналистов.

События на Украине продемонстрировали наличие у журналистов, как ряда свобод, так и ограничений. Украинский конфликт имел и имеет по сей день широкое освящение во всех видах СМИ и при этом остается для журналистов очень опасным. Это связано с самим характером конфликта, поскольку официально война объявлена не была.

Противоречивость советской журналистики на протяжении всей ее истории проявлялась между провозглашаемыми ею целями и собственным от-

ношением к этим целям. Формализм, проникший во все сферы общественно-политической жизни, проник и в журналистику. Так, в журналах «Журналист», «Рабоче-крестьянский корреспондент», в газетах «Правда», «Известия» и других много писалось об общественных началах в советской прессе. Сколько добрых и вполне справедливых слов было сказано в адрес рабселькоров [3].

Фотожурналистика работает в рамках тех же этических подходов к объективности, которые применяются другими журналистами. Что снимать, как кадрировать и как редактировать - это постоянные вопросы. Фотографирование новостей для задания - одна из самых этических проблем, с которой сталкиваются фотографы. Фотожурналисты несут моральную ответственность за решение, какие снимки делать, какие снимки ставить и какие снимки показывать публике. Например, в американской журналистике преобладают фотографии насилия и трагедии, потому что в качестве эмпирического правила говорится, что «если оно кровоточит, оно ведет». Публику привлекают ужасные фотографии и драматические истории. Много противоречий возникает при принятии решения о том, какие фотографии слишком жестокие, чтобы показать их публике [2].

Фотографии погибших или раненых вызывают противоречия, поскольку чаще всего имя человека, изображенное на фотографии, не указывается в подписи. Семья человека часто не информируется о фотографии, пока не увидит ее опубликованной. Фотография уличной казни подозреваемого солдата Вьетконга во время войны во Вьетнаме вызвала большой интерес, поскольку она запечатлела точный момент смерти. Семья жертвы также не была проинформирована о том, что фотография будет опубликована. Подтверждение такому насилию может иметь физиологические и психологические последствия для тех, кто его документирует, и является всего лишь одной из многих различных форм эмоционального труда, которые испытывают журналисты.

Подводя итоги, можно сказать, что военная журналистика выступает рупором и зеркалом тех событий, которые происходили в нашей стране в различные исторические эпохи.

Литература

1. А также специфически военной концепцией письма и дискурса: К. Огер, "De l'esprit de corps au corps du texte: cohésion militaire et dissolution journalistique" // *Langage et société*. 2000. № 4. С. 90.
2. Н. Tumber J. Palmer Media at war. Иракский кризис, Лондон, Sage, 2004. P. 5.

3. Bizimana A.-J. "Les relations militaires-journalistes: évolution du contexte américain", *Les cahiers du journalisme*, # 16, Autumn 2006. P. 7.

4. Сеца-Козловски Е. "От контроля над военной информацией к контролю над обществом: политические интересы, вовлеченные в трансформацию военных СМИ при Путине" // *Малые войны и повстанческие движения*. 2009. Т. 20. № 2. С. 300 – 318.

5. C. Lemieux (dir), *La subjectivité journalistique. Onze leçons sur le rôle de l'individualité dans la production de l'information*, Paris, Editions de l'EHESS, 2010. P. 9.

6. *Международный круглый стол. Военная и военно-публицистическая журналистика от СССР до России: Полевая практика и правовое регулирование*. Москва, 15 апреля 2014 года. Организаторы: Региональное представительство Международного комитета Красного Креста (МККК) в Российской Федерации, Российский государственный гуманитарный университет, Союз журналистов России, Франко-российский центр общественных наук в Москве и журнал PIPSS. С. 24.

References

1. A takzhe specificheski voennoj koncepciej pis'ma i diskursa: K. Oger, "De l'esprit de corps au

corps du texte: cohésion militaire et dissolution journalistique". *Langage et société*. 2000. № 4. S. 90.

2. H. Tumber J. Palmer *Media at war. Irakskij krizis*, London, Sage, 2004. P. 5.

3. Bizimana A.-J. "Les relations militaires-journalistes: évolution du contexte américain", *Les cahiers du journalisme*, # 16, Autumn 2006. P. 7.

4. Seca-Kozlovski E. "Ot kontrolya nad voennoj informaciej k kontrolyu nad obshchestvom: politicheskie interesy, vovlechennyye v transformaciyu voennyh SMI pri Putine". *Malye vojny i po-vstancheskie dvizheniya*. 2009. Т. 20. № 2. С. 300 – 318.

5. C. Lemieux (dir), *La subjectivité journalistique. Onze leçons sur le rôle de l'individualité dans la production de l'information*, Paris, Editions de l'EHESS, 2010. P. 9.

6. *Mezhdunarodnyj kruglyj stol. Voennaya i voenno-publicisticheskaya zhurnalistika ot SSSR do Rossii: Poleyaya praktika i pravovoe regulirovanie*. Moskva, 15 aprelya 2014 goda. Organizatory: Regional'noe predstavitel'stvo Mezhdunarodnogo komiteta Krasnogo Kresta (MKKK) v Rossijskoj Federacii, Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, Soyuz zhurnalistov Rossii, Franko-rossijskij centr obshchestvennyh nauk v Moskve i zhurnal PIPSS. S. 24.

THE SPECIFICS OF MILITARY JOURNALISM IN TODAY'S REALITY

Yuan Ye,

Lomonosov Moscow State University

Abstract: in our country, just like in the rest of the world, the specifics of military journalism is complicated by the fact that, on the one hand, it is necessary to cover military operations, but in doing so any military conflicts are fraught with the necessity of keeping secrets. In other words, it is necessary to inform the public about what is going on, but at the same time not to violate military secrets for security purposes and other military rules, not to mention the fact that along with the hot phase of the war, there is always a war of information. This is most expressed in our country. In the military conflicts of Soviet times, journalists were subjected to global restrictions by the authorities. In those days, the media were considered a means of propaganda as well, so journalists were forced to constantly balance between restrictions and their journalistic duty. In the 1990s, members of the profession in question focused more on the shortcomings and restrictions of the armed forces than on the coverage of military events. However, with the beginning of the new century put everything in its place, as military journalists realize their activities today we will consider within the framework of this article.

Keywords: modern journalism, military journalist, civil journalism

**РУЧНОЙ АНГЕЛ»: МЕТОД «ЛЕЧЕНИЯ ОТДЫХОМ» ДОКТОРА
С.У. МИТЧЕЛЛА И ЕГО РЕЦЕПЦИЯ В НОВЕЛЛЕ
Ш. ПЕРКИНС ГИЛМАН «ЖЕЛТЫЕ ОБОИ**

*Васильева Э.В., кандидат филологических наук,
Санкт-Петербургский государственный
лесотехнический университет им. С.М. Кирова*

Аннотация: статья посвящена методу «лечения отдыхом» (англ. rest cure), предложенному американским врачом С.У. Митчеллом во второй половине XIX в. для борьбы с депрессией и неврастением у молодых пациенток. Метод доктора Митчелла освещается в его связи с культурной обстановкой того времени и, в частности, с доминировавшей идеологией «раздельных сфер», которую, по нашему мнению, он и был призван обслуживать. Во второй части статьи подробно рассматривается конкретный пример его рецепции знаменитой американской писательницей, испытавшей данный метод на себе. Новелла «Желтые обои» (*The Yellow Wall-Paper*, 1892) Ш. Перкинс Гилман – один из программных текстов раннего американского феминизма, обращение к которому позволяет дополнить представление о положении женщин в американском обществе на рубеже XIX-XX вв., а также о поэтике и тематике «женского письма» периода. Результаты исследования могут быть использованы при написании комментариев к ряду аналогичных художественных текстов, при подготовке лекционных курсов и семинаров по истории литературы США, истории и страноведению США, различных спецкурсов и спецсеминаров.

Ключевые слова: С.У. Митчелл, Ш. Перкинс Гилман, метод «лечения отдыхом», идеология «раздельных сфер», «женское письмо», мотивный анализ, феминистская критика

Американский врач С.У. Митчелл (Mitchell, 1829-1914) приобрел известность в профессиональных кругах в годы Гражданской Войны и последовавшей за ней Реставрации. Его специализацией было лечение нервных расстройств у участников, а впоследствии и ветеранов войны: так, им был впервые предложен термин «фантомные боли» для описания болезненных ощущений у инвалидов, переживших ампутацию конечности; также в его честь было названо заболевание эритромелалгия, прежде часто именуемое «синдромом Митчелла». В конце 1870-х гг. доктор Митчелл несколько изменил направление своей работы: его по-прежнему интересовали случаи «нервических расстройств», но пациентами его теперь были не бывшие участники боевых действий, а молодые женщины, страдающие от общего упадка сил. В монографии «Жир и кровь: как нарастить массу тела» (*Fat and Blood: and How to Make Them*, 1877) Митчелл так описывал своих типичных пациенток: «... класс, прекрасно знакомый любому врачу, – женщины нервического склада, как правило, чрезвычайно худые и страдающие малокровием» [11, р. 9. – *Здесь и далее перевод мой. Э.В.*]. Используя свой предшествующий профессиональный опыт, Митчелл разработал для них методику лечения, получившую название «лечение отдыхом», иногда отождествляемую с постельным режимом, хотя в действительности метод Митчелла подразумевал не только ограничение активности пациентки.

В уже упомянутой монографии «Жир и кровь» Митчелл сравнил врачевание израненной души с лечением перелома ноги: травмированную конечность необходимо привести в состояние покоя,

чтобы процесс срачивания кости мог идти стабильно. При этом, уточнил врач, важно не впасть в крайность и не допустить появления новых заболеваний, вызванных уже слишком долгой бездвиженностью, т.е. важно постепенно «разрабатывать» сломанную конечность, но крайне аккуратно и строго под контролем врача. То же самое, утверждал Митчелл, справедливо и при врачевании души, поэтому он рекомендовал коллегам зорко следить за тем, чтобы периоды абсолютного покоя чередовались с периодами подконтрольной активности пациенток, т.е. сеансами кормления (чаще принудительного) в соответствии с разработанной Митчеллом чрезвычайно богатой жирами диетой, массажа и, при необходимости, электрошоковой терапией. Важным аспектом «лечения отдыхом» был запрет на любые формы умственной деятельности, а именно чтение, письмо, творчество во всех его проявлениях, потому что в противном случае симптомы «истерии» могли вернуться с новой силой.

Ежедневное меню пациенток включало легкий завтрак, целую отбивную из баранины на полдник, полкило отварной говядины с наваристым бульоном с добавлением пяти капель соляной кислоты на порцию на обед, полтора-два литра жирного молока, хлеб с маслом трижды в день. В качестве добавок к пище полагалось ежедневно принимать железо, стрихнин, мышьяк и рыбий жир. Неудивительно, что практически все пациентки восставали против подобного кормления, вследствие чего пищу вводили принудительно; в особо трудных случаях нянечкам разрешалось прибегать к насилию, тем самым добиваясь полного подчинения [13, р. 23; 11, р. 78-79]. Митчелл полагал, что «ис-

терия» вызывается недостатком эритроцитов в крови, поэтому предложенная им диета вкупе с ограничением подвижности должны были в первую очередь способствовать набору массы тела и улучшению качества крови, что в свою очередь должно было привести и к укреплению душевного здоровья. Каждый день пациентки проходили обязательную процедуру взвешивания. Когда масса тела достигала нужного показателя, Митчелл объявлял пациентку полностью излечившейся, даже если сама она настаивала на том, что по-прежнему страдает от апатии или болей.

Митчелл не скрывал того, что относился к своим пациенткам с презрением, считая истерию во всех ее формах проявлением крайней избалованности и следствием праздной жизни. В «Жире и крови» он объяснял, что одним из основных достоинств предложенной им методики было помещение пациенток в условия, непохожие на привычную им домашнюю обстановку, где они «наслаждались самой драмой болезни, вниманием и заботой потакающих им родных <...>, чье терпение они денно и ночью подвергали испытанию» [11, р. 37]. Митчелл открыто признавал, что «лечение отдыхом» носит отчасти карательный характер: «Тот покой, который я прописываю [дамам-инвалидам], безусловно, имеет мало общего с тем, что сами они полагают отдыхом. Они бы хотели проводить по полдня в постели, а в остальное время развлекать себя вышивкой, необременительным чтением и беседой с сочувствующими слушателями, но, если запретить им все это, <...> покой становится жестоким наказанием, и они только рады излечиться и вернуться к полноценной жизни» [11, р. 43]. Н. Черветти полагает, что причина подобного отношения к пациенткам крылась в том, что оставшийся в душе военным медиком Митчелл считал вверенных ему больных «симулянтками», однако более вероятным видится иное объяснение [2].

Не только женщины, но и мужчины-неврастеники обращались к Митчеллу за помощью, однако методика лечения целиком и полностью зависела от пола пациента. Так, мужчинам, страдавшим от депрессии и упадка сил, Митчелл охотно прописывал «лечение Западом» (англ. West cure): им предлагалось на некоторое время уехать на Западный фронт и в непростых условиях неосвоенных земель восстанавливать силы, занимаясь возделыванием почвы, разведением скота, охотой и т. д. Физическая активность должна была освежить мужчину-неврастеника и помочь ему подготовиться к благополучному возвращению к привычной жизни [14]. С учетом этого обстоятельства метод «лечения отдыхом» представляется уже не столько комплексом медицинских проце-

дур, направленных на улучшение душевного и физического состояния пациентки, сколько действенным способом ее «перевоспитания»: прошедшей через комнату для «лечения отдыхом» женщине надлежало запомнить модель поведения, привитую ей доктором Митчеллом, и следовать ей в повседневной жизни. Избежать рецидива, полагал врач, можно было, лишь максимально приблизив свое существование к идеалу комнаты для «лечения отдыхом», являвшейся, в сущности, микрокосмом женского мира второй половины XIX в. [1, р. 249].

Метод доктора Митчелла справедливо рассматривать как практическое приложение доминировавшей в те годы идеологии «раздельных сфер», восходящей еще к «Политике» Аристотеля и предложенной им дихотомии «полис» – «ойкос». Мужчина в XIX в. мог реализовываться в политике, коммерции, юриспруденции, науке; за мужчинами были закреплены сферы, связанные с ростом, развитием и общественной деятельностью. Женская сфера – сфера семейной жизни – включила в себя ведение хозяйства, воспитание детей и духовность. Культ домашнего очага, возникший в Англии в ранневикторианскую эпоху, способствовал окончательному закреплению представления о женщине как о «гении домашнего очага» (англ. angel in the house) – слабом и беспомощном создании, по мере сил заботящемся о том, чтобы ее мужа – политика, коммерсанта или человека науки – дома всегда ждала тихая гавань, в которой он мог бы отдохнуть телом и душой. Этот идеал исповедовался и в Америке, где на протяжении всего XIX в. посредством художественной литературы и периодики насаждался культ «истинной женственности» (англ. true womanhood), в рамках которого транслировался образ слабой, зависимой, послушной воле мужа женщины.

На укрепление идеологии «раздельных сфер» по обе стороны Атлантики работали не только религия, искусство и журналистика, но и наука периода, объявлявшая женщину хрупким существом, физически неспособным самореализовываться наравне с мужчиной. Так, доктор Митчелл, также занимавшийся этим вопросом с позиций медицины, настаивал на том, что даже школьную программу для девочек нужно полностью пересмотреть, поскольку он верил: «Сама женская физиология делает женщину непригодной к продолжительной работе мысли» [12, р. 15. – *Перевод мой. Э.В.*]. В школе, полагал Митчелл, девочка должна учиться лишь одному – быть хранительницей домашнего очага. Если она усвоит эту истину в юном возрасте, то, став старше, избежит бессмысленного и обреченного на провал желания быть равной мужчине, а следовательно, сможет реали-

зовывать свою женскую задачу деторождения и тем самым позволит своему организму нормально функционировать [1, р. 252]. Что же до образования, творчества, профессиональных амбиций, то, по мнению Митчелла и ряда его коллег, они не несли в себе ничего, кроме вреда для женского организма, являясь ненужными отвлекающими факторами. Митчелл устанавливал неожиданную связь между ростом количества психических заболеваний среди женщин и новой риторикой женской эмансипации: стремиться к самореализации и бороться за невозможное, а именно за равные с мужчинами права, для женщины означало с неизбежностью оказаться в определенный момент жизни в комнате для «лечения отдыхом».

К 1880-1900-м гг. Митчелл уже считался крупнейшим в мире специалистом по женской истерии. Его методика представлялась единственным выходом для женщин, страдавших от самых разных расстройств, и попасть к нему на лечение было большой удачей. Таким образом Митчелл лечил выдающихся женщин своего времени – Джейн Аддамс, Эдит Уортон, Шарлотту Перкинс Гилман и др. Первая из дам, Джейн Аддамс (Addams, 1860-1935), американский социолог, благотворитель, одна из основательниц общественного центра Халл-Хаус, лауреат Нобелевской премии мира 1931 г., позднее вспоминала, что больше всего страдала именно от того, что на время лечения под запретом оказалось чтение, бывшее ее любимым занятием, без которого она не могла представить себе полноценной жизни.

В своей автобиографии американская писательница, феминистка и социальный мыслитель Ш. Перкинс Гилман (Perkins Gilman, 1860-1935) также подчеркивала жестокость запрета на интеллектуальный труд: «Меня уложили в кровать. В ней я и оставалась. Меня кормили, мыли, чем-то натирали <...>. [Доктор Митчелл] не сомневался, что физически со мной все в порядке, поэтому месяц спустя он отправил меня домой с таким предписанием: “Живите домашней и тихой жизнью. Не отпускайте от себя ребенка ни на минуту <...> После каждого приема пищи лежите не меньше часа. Занимайтесь интеллектуальным трудом не больше двух часов в день. И Бога ради, никогда не прикасайтесь к перу, кисти или карандашу до конца вашей жизни”» [6, р. 96. – *Перевод мой. Э.В.*]. Следуя этим указаниям, писательница почувствовала себя лишь хуже, и невозможность заниматься творчеством многократно усугубляла ее страдания. Гилман уверяла, что, соблюдая она предписания доктора Митчелла, она бы «верно потеряла рассудок» [ibid.].

Метод доктора Митчелла не только не помог Гилман преодолеть послеродовую депрессию, но и

привел ее к суицидальным настроениям. Лишь благодаря творчеству и общественной работе писательнице удалось побороть свое психологическое состояние и со временем вернуться к полноценной жизни. Осмысливая позднее пережитый опыт, Гилман, ставшая впоследствии одной из ключевых фигур американского феминизма первой волны, также пришла к выводу о том, что метод «лечения отдыхом» был лишь частным проявлением социальной несправедливости, жертвой которой были исключительно женщины, но которая была объявлена нормой в патриархальном обществе. Результатом ее размышлений явилась гнетущая новелла «Желтые обои», ставшая визитной карточкой писательницы и затмившая прочие ее произведения, включая целый ряд романов, философские и социальные трактаты, памфлеты, статьи, эссе и пр.

Новелла, написанная Гилман, по ее собственному признанию, с единственной целью привлечь внимание к чудовищной медицинской практике, показав, что чувствует приговоренная к «лечению отдыхом» женщина, не сразу увидела свет. Издатели отказывались публиковать столь эмоционально тяжелый текст. Х. Скуддер, главный редактор *Atlantic Monthly*, признался: «Я бы не простил себя, если бы заставил других чувствовать себя такими же несчастными, каким почувствовал себя я [прочитав вашу историю]». У.Д. Хауэллс, американский романист и литературный критик, парадоксально заметил, что «[новелла], пожалуй, слишком хороша, чтобы ее печатать» [цит. по: 10, р. 24. – *Перевод мой. Э.В.*]. В конечном счете «Желтые обои» все же были опубликованы в авторитетном *The New England Magazine*.

В новелле повествуется о молодой женщине, проходящей «лечение отдыхом» в загородном поместье под наблюдением мужа-врача. Ограничение физической и умственной активности, а также запрет на общение со всеми кроме мужа и единственной горничной приводят героиню в состояние глубокой депрессии. Не зная, чем занять долгие дни, женщина часами рассматривает безвкусные желтые обои, которыми оклеена ее комната. Постепенно состояние героини ухудшается: апатия сменяется плохо сдерживаемой агрессией, женщину начинают мучить галлюцинации, связанные с раздражающими ее обоями. В конце новеллы героиня окончательно утрачивает связь с реальностью, теряя рассудок.

Некоторые исследователи феминистского толка трактовали трагическое окончание истории в позитивном ключе как декларацию интеллектуального и духовного высвобождения героини из-под гнета патриархальных запретов, главным проводником которых является ее муж [9, р. 176; 5, р. 91].

Вместе с тем, биографический контекст ставит под сомнение возможность подобной интерпретации. Для самой Гилман недели «лечения отдыхом» были равносильны одиночному заключению; свое вынужденное заточение она воспринимала как наказание за вольномыслие – худший из пороков женщины, существующей в патриархальном обществе. Окончание курса лечения также не принесло ей ощущения освобождения, ведь дома первый муж писательницы художник Ч.У. Стетсон насаждал те же порядки, что и доктор Митчелл, требуя от жены абсолютного подчинения. Стетсон полагал, что стремление к творческой самореализации, построению карьеры, да и просто независимость суждений отвратительны и противоестественны в женщине, и поэтому настаивал на том, чтобы Шарлотта оставила все иллюзии относительно своего особого предназначения, да и самой возможности борьбы за права женщин. Следуя рекомендациям доктора Митчелла, он запрещал жене читать слишком прогрессивных авторов и самой заниматься литературным творчеством, императивно требуя от нее полной сосредоточенности на обеспечении его быта и заботе об их дочери. Видя, как ее мир сжимается до размеров комнаты для «лечения отдыхом», Гилман задыхалась, и только последовавший в 1888 г. развод со Стетсоном позволил ей преодолеть личностный кризис.

Мотив утраченной в замужестве свободы красной нитью проходит через всю ткань повествования в «Желтых обоях». Идиллическое загородное поместье становится для героини тюрьмой, а заботливый муж – тюремщиком, обрубающим последние ниточки, связывающие ее с внешним миром. Уже в первых описаниях особняка повествовательница сосредотачивает внимание на его изолированности: «... очаровательное местечко, и такое уединенное – вдали от дороги, в добрых трех милях от деревни. Оно напоминает мне особняки из английских романов <...>, потому что здесь есть живые изгороди, стены, запирающиеся ворота...» [7, р. 4. – *Здесь и далее перевод мой. Э.В.*]. Изгороди, стены и ворота – дополнительные укрепления, делающие дом непроницаемым, а также мощные суггестивные образы, посредством которых Гилман точно передает ощущение пугающей отрезанности ее героини от той жизни, которой она жила прежде.

Мотив темницы повторяется и в описании комнаты с желтыми обоями, в которую помещается главная героиня: все окна зарешечены, а в стены вмонтированы металлические кольца, которые, как предполагает рассказчица, в прошлом служили спортивными снарядами. Однако в общем кон-

тексте эти приспособления лишь усиливают ощущение заточения.

Основным же символом несвободы героини становятся вызывающие у нее отвращение желтые обои: «Хуже обоев я в жизни своей не видела. Их рисунок был совершенно безвкусным, как бы расплзающимся во все стороны, – настолько тусклым, что следить за ним взглядом было трудно, и в то же время достаточно отчетливым, чтобы постоянно раздражать и вызывать любопытство <...> Цвет был еще более отталкивающим, почти омерзительным: этакий грязно-желтый, местами выцветший до болезненного зеленоватого, а местами, напротив, превратившийся со временем в яркий оранжевый» [7, р. 5]. Страница за страницей повествовательница возвращается к описанию обоев, добавляя к нему все новые детали. Из простого отделочного материала обои превращаются в полноценное действующее лицо, оживая на наших глазах: героиня называет обои «нахальными», признается, что они «смотрят на нее как перевернутые глаза», потому что знают, «какое воздействие на нее оказывают»; она поражается их «невероятной для неодушевленного предмета выразительности» [7, р. 7]. Впоследствии героиня начинает утверждать, что обои меняются на глазах, источают неопределенный «желтый» запах, а также «нагло смеются» над ее попытками сорвать их [7, р. 18]. Несмотря на обилие подробностей, обои, как отмечает Э.Р. Хеджес, не вполне поддаются визуализации [8, р. 51]. Исследовательница полагает, что неспособность героини понять рисунок обоев символизирует ее неспособность самостоятельно идентифицировать саму себя, вследствие чего она вынуждена каждый раз полагаться на суждения отвечающих за нее мужчин – мужа и брата [ibid.]. Однако, на наш взгляд, важнее то, что в восприятии героини желтые обои предстают своеобразной решеткой, превращающей супружескую спальню в символическую тюремную камеру.

Страдающая от галлюцинаций героиня постепенно начинает различать за «решетчатым» узором таинственную женскую фигуру, хаотично перемещающуюся за обоями в поисках выхода. Первоначальный страх перед странной незнакомкой сменяется любопытством, за которым приходит и сочувствие: пленнице комнаты с желтыми обоями легко соотнести себя и свой печальный опыт со страданиями ее воображаемой компаньонки – пленницы самих обоев. Страстно желая помочь ей – и себе самой, – главная героиня принимается сдирать обои со стены: «Когда комната наполнилась лунным светом, а бедняжка вновь начала ползать за обоями и расшатывать их узор, я поднялась с кровати и побежала помогать ей. Я тяну-

ла, а она трясла. Я трясла, а она тянула, и к утру мы сумели оборвать много ярдов проклятых обоев» [7, p. 17].

Несмотря на то, что основное внимание в новелле уделяется именно созданию психологического профиля главной героини, постепенно теряющей рассудок, одним из двигателей сюжета является квазиготическая линия, касающаяся непосредственно особняка и комнаты с желтыми обоями. Обозначив в начале новеллы свои предчувствия относительно темного прошлого арендованного ее мужем дома, героиня впоследствии сосредотачивается исключительно на собственных ощущениях от созерцания обоев, очевидно, удовлетворившись первоначальной гипотезой о том, что комната, в которую ее поселили, служила детской комнатой для игр и спортивных занятий. Секрет комнаты с желтыми обоями раскрывается окончательно лишь в последней части новеллы: анализ текста позволяет предположить, что в действительности в прошлом комната служила импровизированной палатой для страдавшей от нервного расстройства пациентки, прошедшей тот же путь, что и главная героиня «Желтых обоев», от слабо выраженной депрессии к полному распаду личности. Именно для бывшей узницы комнаты были установлены решетки на окнах, которые рассказчица сперва приняла за стандартную меру безопасности, именно она сорвала большие фрагменты обоев, искусила деревянную мебель и протерла длинную полосу на стенах вдоль пола собственным телом, когда, – как и героиня новеллы, – потеряв человеческий облик, начала перемещаться по комнате ползком. Об этом в новелле не сообщается напрямую, но читатель может сопоставить поведение героини с теми сведениями об облике комнаты, которые приводились в начале повествования.

Так, впервые попав в комнату с желтыми обоями, героиня обращает внимание на то, что «[обои] были оборваны в нескольких местах – над изголовьем кровати <...> и на стене напротив у самого пола» [7, p. 5]. Проведя несколько недель в заточении, героиня и сама начинает «сдирать обои везде, где могла достать» [7, p. 18]. Также, впервые осматриваясь в комнате, рассказчица отмечает: «Я никогда не видела, чтобы дети оставляли после тебя такие разрушения. <...> На полу были глубокие царапины и даже выбоины <...> а большая тяжелая кровать, которую мы обнаружили в комнате, выглядит так, словно побывала на полях сражений» [7, p. 8]. Спустя несколько недель она и сама обрушивает весь свой гнев на мебель: «Проклятую кровать было не сдвинуть с места! Я попыталась отпихнуть ее и больно ударила ногу. Тогда я так разозлилась, что откусила небольшой

кусочек от одной из ножек, но только повредила зубы» [7, p. 18]. Наконец, тайна загадочной полосы на стене у пола раскрывается в самом конце повествования: «Я не на хочу на улицу. Даже если Дженни будет меня заставлять, я не пойду. Ведь здесь я могу беспрепятственно ползать по полу, и мое плечо оказывается как раз на уровне протертой полосы, поэтому я точно не сойду с пути» [7, p. 18].

Открывшиеся сведения о мрачном прошлом комнаты с желтыми обоями сообщают повествованию эффект цикличности, вполне свойственный готической поэтике. В «Желтых обоях» раз в несколько лет или десятилетий в комнате с желтыми обоями под крышей особняка оказывается молодая женщина, проходящая путь от депрессии до буйного помешательства, доведенная до безумия жестокими ограничениями тирана-патриарха. Мистически настроенный читатель, склонный воспринимать «Желтые обои» как готическую новеллу или новеллу ужасов, предположит, что прошлые узницы комнаты с желтыми обоями стали призраками, отравившими своим присутствием весь особняк, и именно их тлетворное влияние привело к ухудшению состояния главной героини новеллы. Чуткий к феминистской риторике новеллы читатель усмотрит в этой цикличности указание на то, что в каждой традиционной семье есть своя комната с желтыми обоями – условное пространство, закрепленное за женщиной, которая должна помнить свое место и никогда не преступать границ дозволенного. При этом оба прочтения будут правильными и соответствующими первоначальному замыслу Гилман, сознательно обратившейся к готическому художественному языку для того, чтобы посредством образов ужасного поделиться с читателями тем, что вызывало у нее самой подлинный страх и заставило ее посвятить всю жизнь поиску выхода из своей комнаты с желтыми обоями.

В небольшой заметке «Зачем я написала “Желтые обои”?» (*Why I Wrote “The Yellow Wall-Paper”, 1913*) Ш. Перкинс Гилман попыталась объяснить, почему самый тяжелый эпизод ее жизни стал вдохновением для художественного произведения, ведь о таком опыте было не принято говорить в приличном обществе и тем более с высокой трибуны. Писательница вспоминала: «Я была так рада своему чудесному спасению, что написала “Желтые обои” <...> и отправила копию своему лечащему врачу, который едва не довел меня до безумия. Он так и не ответил мне. <...> Много лет спустя от общих знакомых я узнала, что он стал иначе лечить неврастению, благодаря тому что прочитал “Желтые обои”» [7, p. 20]. Это она считала своим важнейшим достижением и подлинным мериллом успеха новеллы.

Литература

1. Bassuk E.L. The Rest Cure: Repetition or Resolution of Victorian Women's Conflicts? // *Poetics Today*. 1985. № 1/2. P. 245 – 257.
2. Cervetti N.S. Weir Mitchell Representing 'a Hell of Pain': From Civil War to Rest Cure // *Arizona Quarterly*. 2003. № 3. P. 69 – 96.
3. Davis C. Charlotte Perkins Gilman: A Biography. Stanford: Stanford University Press, 2010. 537 p.
4. Dock J.B. Charlotte Perkins Gilman's "The Yellow Wall-paper" and the History of Its Publication and Reception: A Critical Edition and Documentary Casebook. University Park, PA: The Pennsylvania State University Press, 1998. 132 p.
5. Gilbert S.M., Gubar S. "The Yellow Wallpaper" // *The Madwoman in the Attic. The Woman Writer and the Nineteenth-Century Literary Imagination*. New Haven and London: Yale University Press, 1984. P. 89 – 92.
6. Gilman Ch.P. The Living of Charlotte Perkins Gilman. An Autobiography. Madison: The University of Wisconsin Press, 1991. 341 p.
7. Gilman Ch.P. The Charlotte Perkins Gilman Reader. New York: Pantheon Books, 1980. 208 p.
8. Hedges E. Afterward to "The Yellow Wallpaper" // *The Captive Imagination. A Casebook on The Yellow Wallpaper* / Ed. by C. Golden. New York: The Feminist Press and The City University of New York, 1992. P. 123 – 136.
9. Kennard J. Convention Coverage, or How to Read Your Own Life // *The Captive Imagination: A Casebook on the Yellow Wallpaper* / Ed. by C. Golden. New York: The Feminist Press and The City University of New York, 1992. P. 168 – 190.
10. Kessler C.F. Charlotte Perkins Gilman. Her Progress Toward Utopia with Selected Writings. New York: Syracuse University Press, 1995. 316 p.
11. Mitchell S.W. Fat and Blood: and How to Make Them. Philadelphia: J.B. Lippincott & Co., 1877. 101 p.
12. Mitchell S.W. Lectures on Diseases of the Nervous System: Especially in Women. Philadelphia: J.B. Lippincott & Co., 1885. 287 p.
13. Poirier S. The Weir Mitchell Rest Cure: Doctor and Patients // *Women's Studies*. 1983. № 10. P. 15 – 40.
14. Stiles A. The Rest Cure, 1873-1925 // *BRANCH: Britain, Representation, and Nineteenth-Century History* / Ed. by D.F. Felluga. URL: http://www.branchcollective.org/?ps_articles=anne-stiles-the-rest-cure-1873-1925 (дата обращения: 10.06.2021)
15. Welter B. The Cult of True Womanhood: 1820-1860 // *American Quarterly*. 1966. № 2. Pt. 1. P. 151 – 174.

References

1. Bassuk E.L. The Rest Cure: Repetition or Resolution of Victorian Women's Conflicts? *Poetics Today*. 1985. № 1/2. P. 245 – 257.
2. Cervetti N.S. Weir Mitchell Representing 'a Hell of Pain': From Civil War to Rest Cure. *Arizona Quarterly*. 2003. № 3. P. 69 – 96.
3. Davis C. Charlotte Perkins Gilman: A Biography. Stanford: Stanford University Press, 2010. 537 p.
4. Dock J.B. Charlotte Perkins Gilman's "The Yellow Wall-paper" and the History of Its Publication and Reception: A Critical Edition and Documentary Casebook. University Park, PA: The Pennsylvania State University Press, 1998. 132 p.
5. Gilbert S.M., Gubar S. "The Yellow Wallpaper". *The Madwoman in the Attic. The Woman Writer and the Nineteenth-Century Literary Imagination*. New Haven and London: Yale University Press, 1984. P. 89 – 92.
6. Gilman Ch.P. The Living of Charlotte Perkins Gilman. An Autobiography. Madison: The University of Wisconsin Press, 1991. 341 p.
7. Gilman Ch.P. The Charlotte Perkins Gilman Reader. New York: Pantheon Books, 1980. 208 p.
8. Hedges E. Afterward to "The Yellow Wallpaper". *The Captive Imagination. A Casebook on The Yellow Wallpaper*. Ed. by C. Golden. New York: The Feminist Press and The City University of New York, 1992. P. 123 – 136.
9. Kennard J. Convention Coverage, or How to Read Your Own Life. *The Captive Imagination: A Casebook on the Yellow Wallpaper*. Ed. by C. Golden. New York: The Feminist Press and The City University of New York, 1992. P. 168 – 190.
10. Kessler C.F. Charlotte Perkins Gilman. Her Progress Toward Utopia with Selected Writings. New York: Syracuse University Press, 1995. 316 p.
11. Mitchell S.W. Fat and Blood: and How to Make Them. Philadelphia: J.B. Lippincott & Co., 1877. 101 p.
12. Mitchell S.W. Lectures on Diseases of the Nervous System: Especially in Women. Philadelphia: J.B. Lippincott & Co., 1885. 287 p.
13. Poirier S. The Weir Mitchell Rest Cure: Doctor and Patients. *Women's Studies*. 1983. № 10. P. 15 – 40.
14. Stiles A. The Rest Cure, 1873-1925. *BRANCH: Britain, Representation, and Nineteenth-Century History*. Ed. by D.F. Felluga. URL: http://www.branchcollective.org/?ps_articles=anne-stiles-the-rest-cure-1873-1925 (data obrashcheniya: 10.06.2021)
15. Welter B. The Cult of True Womanhood: 1820-1860. *American Quarterly*. 1966. № 2. Pt. 1. P. 151 – 174.

**“TAMED ANGEL:” DR S.W. MITCHELL’S “REST CURE”
AND ITS RECEPTION IN CH. PERKINS GILMAN’S
“THE YELLOW WALL-PAPER”**

*Vasileva E.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Saint-Petersburg State Forest Technical University named after S.M.Kirov*

Abstract: the article addresses the “rest cure” method introduced by a prominent American physician and a man of letters S.W. Mitchell in the second half of the 19th century as a treatment for young female patients troubled by depression and neurasthenia. Dr Mitchell’s method is discussed in its connection to the cultural atmosphere of the era and to the “separate spheres” ideology in particular, which, in my view, it was designed to serve. The second part of the article provides a detailed literary analysis of a real-life case, namely a text written by a famous American woman writer, who had happened to go through the “rest cure” chamber herself. The famous novelette “The Yellow Wallpaper” (1892) by Ch. Perkins Gilman is often viewed as one of the most significant pieces of early American feminist prose. This article aims at providing such an interpretation of the novelette, which would add to the current idea of a woman’s status in the American society at the turn of the century, as well as to the notion of *écriture féminine* of the period, its poetics and politics. The results of the study can provide material for academic commentaries on a wide range of similar literary texts, to lectures and seminars on the history of American literature, the US history and the US studies, varied special courses and special seminars.

Keywords: S.W. Mitchell, Ch. Perkins Gilman, “rest cure” method, “separate spheres” ideology, *écriture féminine*, motif analysis, feminist criticism

СПЕЦИФИКА ИНТЕГРИРОВАННЫХ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

*Маркина К.Н., кандидат культурологии, доцент,
Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов*

Аннотация: научный интерес данной работы обусловлен предположением о том, что для привлечения необходимого количества потребителей в условиях современного рынка необходимо использование инструментов интегрированных маркетинговых коммуникаций, преимущественно в глобальной сети. Учитывая значительные изменения в маркетинговых коммуникациях во всем мире, связанные не только с повышением плотности коммуникационного поля и определенной пресыщенностью потребителей объемом сообщений, но и с распространением нового типа вирусной инфекции и введением ограничений на различные оффлайн мероприятия, актуальность интегрированных маркетинговых коммуникаций в интернет-пространстве становится очевидной. Традиционное понимание интегрированных коммуникаций как плановой стратегической деятельности маркетинговых субъектов постепенно уступает осознанию роли интерактивности и персонализации в процессах позиционирования, формирования общественного мнения, изменения системы ценностей и ориентиров, брендинга товаров и услуг и пр. Пандемия, в свою очередь, повысила активность и вовлеченность адресата-потребителя в диалоге с маркетинговыми субъектами именно в интернет-пространстве. В результате, именно омниканальные интегрированные маркетинговые коммуникации способствуют формированию информационного поля и наращиванию репутационного и брендового капитала компании в интернет-среде наиболее ярко выраженным синергетическим эффектом.

Ключевые слова: интернет, интегрированные маркетинговые коммуникации, интеграция, социальные сети, реклама, PR

В конце XX века в бизнес-среде стала ощутима проблема установления нужного контакта с аудиторией, которая под воздействием процессов глобализации и повсеместной интернетизации сильно изменилась. Потребители начали осторожнее реагировать и анализировать любые рекламные сообщения в СМИ. Постепенно увеличивался индекс недоверия, наблюдалось снижение эффективности традиционных средств массовой коммуникации. В качестве противодействия новоявленной тенденции стали появляться инструменты не прямой рекламы, возникали новые методы воздействия и доступные каналы связи, уделяя большее значение персонализации транслируемых обращений, налаживанию прямого контакта с целевой аудиторией [2]. Все это способствовало формированию концепции интегрированных маркетинговых коммуникаций (ИМК).

«Поток информации из единого источника» [14], направленный на оптимизацию рекламного бюджета, повышение эффективности работы всех каналов маркетинговой коммуникации и создание централизованного и системного планирования – такое определение ИМК автор считает наиболее точным. Дополнительно рассмотрим нормативные определения описываемого термина.

Зарубежные специалисты в области маркетинга Д. Шульц, С. Танненбаум и Р. Лаутерборн первыми ввели в употребление термин ИМК. Согласно их определению, интегрированные маркетинговые коммуникации представляет собой новый способ анализа целого, синтез считавшихся отдельными направлений (стимулирование сбыта, PR, реклама, внутренние коммуникации т.п.) [14].

Последующие исследователи теории ИМК добавляют, что интеграция коммуникаций – это полноценная «концепция планирования, исходящая из необходимости оценки стратегической роли отдельных направлений и поиска оптимального сочетания для обеспечения четкости, последовательности и максимизации воздействия коммуникационных программ посредством непротиворечивой интеграции всех отдельных обращений» – подобное определение Американской ассоциации рекламных агентств, используется во многих учебниках и учебных пособиях по маркетингу и рекламе, а также у Ф.И. Шаркова, Е.В. Васильевой, М.Р. Зобниной и пр.

Основная цель ИМК заключается в том, чтобы разными способами маркетинговых коммуникаций поддерживать единое позиционирование и доносить до потребителя целостное сообщение, сохраняя образ и настроение бренда [10, с. 125-133]. Важность координированной работы каналов интегрированных коммуникации также отмечал Ф.Котлер, подчеркивая необходимость составления убедительного представления о компании и ее товарах [5].

Исследователи выделяют пять основных причин, определяющих эффективность использования интегрированного подхода к коммуникациям в XXI веке [9, с. 28]:

1. Потребитель и его отношение к рекламе изменились. Для него теперь важно получить как можно больше знаний о продукте, услышать советы от лидеров мнений, прежде чем принять рациональное решение о покупке.

2. Реклама на ТВ не оправдывает вложенных средств. Обилие каналов дает потребителю возможность не просматривать весь набор видеороликов во время рекламной паузы. Стоимость телевизионной рекламы растет, а ее эффективность падает.

3. Интегрированный подход позволяет оптимизировать бюджет за счет объединения отдельных его направлений в единый комплекс. Кроме того, сокращаются и затраты на партнеров, количество которых меньше, а их решения представляются цельным блоком.

4. Индивидуализация потребления привела к большой сегментации рынка с ориентированным подходом к каждому конкретному покупателю. Тщательнее происходит подбор каналов коммуникации и персонализируется распространяемая информация.

5. Новые информационные каналы трансформировали традиционные способы представления и распространения информации. Появились интерактивные медиа, большинство классических печатных, ТВ и радио СМИ открыли дополнительные возможности взаимодействия с аудиторией через онлайн-порталы своих изданий.

Интегрированная маркетинговая коммуникация способна активно влиять на сложившиеся в обществе ценности, значительно видоизменять основные потребности аудитории, формировать конкретное мнение о предмете продвижения и перенаправлять устремления потребителей в нужную сторону [9, с. 24]. Методология ИМК основывается на принципе синергии, которая за счет объединенных подходов приносит гораздо более значительный эффект, усиливающийся при оптимальном использовании и сочетании коммуникационных ресурсов всех элементов комплекса маркетинга [9, с. 28]. При этом происходит усиление преимуществ каждого вида маркетинговых коммуникаций, тогда как недостатки отдельных инструментов нивелируются.

К достоинствам использования ИМК относят следующие положения [6]:

1. Маркетинговые обращения воспринимаются и запоминаются целевой аудиторией за счет достижения синергии через координацию всех видов коммуникации;

2. Согласованные обращения наиболее действенны и увеличивают эффективность маркетинговой деятельности;

3. Лояльность клиентов увеличивается, поскольку все усилия маркетингового комплекса направлены на построение долгосрочных отношений со всеми участниками процесса;

4. Интегрированный подход к построению маркетинговых коммуникаций обеспечивает

единство идеи обращений и способствует устранению противоречий между ними.

Стоит сразу отметить, что классический вариант работы с ИМК подразумевает, как онлайн, так и оффлайн средства, однако в данной научной статье акцент будет смещен в сторону сетевого инструментария, как наиболее востребованного в актуальном пространстве с угрозой изоляции, распространения COVID-19, увеличением объема и качества ограничений на привычные форматы коммуникации. При этом виртуальная и реальная сферы использования средств ИМК могут пересекаться, тем самым лишь повышая синергетический эффект коммуникации.

Виртуальная среда обладает рядом преимуществ по сравнению с традиционными средствами коммуникаций. Информационная гиперактивность в сети зачастую усиливает эффект интерактивности маркетинговых обращений компании за счет оперативной коммуникативной реакции и возможности представить целевой аудитории максимум информации [3, с.100]. Некоторые сложности, связанные с донесением объема важной, по мнению компании, информации до аудитории, возникают по той причине, что Интернет позволяет пользователям осуществлять самостоятельный контроль и выбор потребляемых информационных потоков, а также предлагает принципиально больше вариантов взаимодействия.

Особенности интернет-среды формируют специфику использования ИМК, которая несколько отличается от традиционных средств массовой коммуникации (СМК). Информационное поле всемирной сети характеризуется [7, с. 65-67]:

- интерактивностью,
- гипертекстуальностью,
- мультимедийностью,
- эффектом присутствия,
- информационной насыщенностью,
- сетевой навигацией (нелинейность поиска и запроса предоставляет свободу выбора и контроля инфопотока),
- анонимностью коммуниканта,
- общедоступной, регулярно обновляемой информацией,
- неограниченной рамками объема и географией распространения, содержащей графическую информацию (видео, фото, инфографика и пр.),
- многонаправленной коммуникационной моделью (возможностью обращения к любым участникам коммуникации, получения обратной связи),
- активной ролью пользователей, выражающейся в контроле над поиском и получением информации.

К основным преимуществам и недостаткам ИМК в интернете можно отнести следующие положения [4, с. 100-115]:

1. Свободная конкурентная среда (системы встроенной аналитики, точные поисковые запросы позволяют быстро находить конкурентов);

2. Персонализация (ориентация только на ЦА);

3. Возможность налаживания обратной связи с ЦА (форумы, соцсети для отслеживания реакции);

4. Гибкие возможности целевого PR (продвижение бренда под маской новостей о компании с помощью различных материалов под разными углами);

5. Недобросовестная конкуренция (сайты-однодневки, черный PR, слухи на форумах и ложные страницы групп в соцсетях);

6. Быстрота реакции в виде ответных действий (динамическое ценообразование с ориентацией на конкурентов – намеренный демпинг или распродажи, скидки, акции);

7. Возможность быстрого обновления информации о компании (персонализация контента, изменения в соответствии с новостной повесткой и т.п.);

8. Высокий уровень коммуникационного шума (значительный объем оценочной информации, ссылки на непроверенные источники, обилие мнений и суждений по разным поводам).

ИМК равнозначна понятию омниканальность – это новая комплексная стратегия, позволяющая объединить различные каналы, такие как веб-сайты, приложения, социальные сети, «всплывающие окна» (pop-up-страницы) в одно целое [13]. Качественно проведенная интеграция позволяет пользователю работать в едином интерфейсе, совершать операции в любом из каналов коммуникации, видеть всю историю обращений по всем задействованным каналам, реагировать в соответствии с полученной информацией, получать обратную связь [12].

Специфику ИМК в интернет-пространстве формирует многообразие средств коммуникации во всемирной сети, которые можно разделить по нескольким основаниям [3, с. 100-102]:

1. В зависимости от целей компании [11, с. 67]:

- Веб-сайт или портал (а также лендинг или другого типа торговая площадка) с возможностью реализации всех инструментов маркетинговых коммуникаций, создание которого необходимо для реализации деятельности PR-направлений компании (работа со СМИ, контактные данные и новости, поддержка клиентов, общение с партнерами, поставщиками и др.), а также возможного формирования определенной торговой площадки для организации собственных или посреднических продаж [1, с. 45-51];

- Инструменты, увеличивающие количество посетителей сайта и общий трафик:

- Рекламные интернет-коммуникации (e-mail рассылки, контекстная и баннерная рекламы, форумы, партнерские программы, блоггинг, микроинфлюенсеры, pop-up окна, ко-брендинг, медиареклама, ретаргетинг, ремаркетинг, партизанский маркетинг, геотаргетинг, вирусный маркетинг, баннерные сети и пр.);

- Стимулирующие интернет-коммуникации (скидки, кешбэк);

- PR-активности (спонсорство популярных ресурсов, публикация пресс-релизов на отраслевых сайтах, порталах информационных агентств);

- Прямой маркетинг (RSS, чаты с клиентами, e-mail рассылки и др.);

- Поисковая оптимизация (SEO), оптимизация сайта под социальные сети (SMO), RTB-биржи, SMM.

- Инструменты, носящие информационный характер, не ставящие цель привлечь посетителей на сайт (видеозвонки, электронная переписка, чаты и пр.).

2. По наличию обратной связи:

- Интерактивные (мобильные приложения, Skype, Zoom, социальные сети, форумы, e-mail, мессенджеры и т.п.);

- Коммуникации без обратной связи (контекстная реклама, вирусная коммуникация, баннерная реклама и др.).

3. По бюджетному наполнению коммуникаций:

- Платные коммуникации (размещение на форумах в конкретной товарной категории, контекстная, баннерная рекламы и др.);

- Бесплатные или малобюджетные коммуникации (E-mail рассылка, вебинары, форум компании, SEO-продвижение, SMM и пр.).

4. По степени вовлеченности коммуникатора:

- Без вовлечения («традиционные» рекламные и PR-коммуникации);

- Со средней степенью вовлеченности (видео-контент, форумы);

- С высокой степенью вовлеченности (геймификация, опросы, голосование, оценка качества и пр.).

5. По продолжительности воздействия на ЦА:

- Ограниченные по времени (платные коммуникации или те, ограничение которых связано с особенностями функционирования);

- Неограниченные по времени (информация на новостных ресурсах, в соцсетях, блогах, на форумах и пр.).

Дополнительно можно назвать такие инструменты [9, с. 24-30], как интернет-брендинг, DSP-

площадки, изменение стратегии разработки адаптивных сайтов, селективные сети (НЛП), отслеживания пользователя на всех устройствах, СРА-сети, отслеживания пользователя на всех устройствах, сервис запуска рекламы из одного окна (автоматизация таргетированной рекламы), телеконференции, онлайн-вебинары, адаптированная реклама в играх, «разрешающий маркетинг» (permission marketing – показывает рекламу потребителю даже на сайтах конкурентов).

Использование того или иного инструмента интегрированных маркетинговых коммуникаций напрямую зависит от экономических возможностей, целей проекта и уровня коммуникаций (региональный, международный и др.). Кроме того, важно понимать, что определенные сетевые тенденции зачастую активно влияют на выбор средств коммуникации.

К концу 2019 года среди трендов сетевого маркетинга определились такие лидеры, как чат-боты, короткие видеоролики формата TikTok, анализ результатов голосового поиска, использование искусственного интеллекта, в том числе НЛП, смещение акцента в сторону контента, нативная реклама, аудиоконтент, видеомаркетинг, проведение сквозной аналитики, реклама через микроинфлюенсеров, а также геймификация контента и повсеместное использование push-уведомлений, которые выступают уже не только в качестве баннерного типа рекламы, но и как альтернативный канал обслуживания клиентов наряду с чат-ботами и классическим справочником ответов (FAQ). В 2020 году к части уже названных тенденций специалисты прогнозируют добавить онлайн-карты, анализ эмоций, спам-контроль и выделение Youtube в качестве отдельного инструмента маркетинга.

Персонализированное и адресное общение с клиентом – тренд сегодняшнего дня. И, как отмечают эксперты [8], эта тенденция сохранится и далее на протяжении всего 2020 и, возможно, следующего года. Помимо прочего, подобное увеличение интереса к «тет-а-тет» общению с пользователем сети спровоцировали недавние мировые события, связанные с введением карантинных мер и всевозможных ограничений из-за масштабного распространения нового типа вируса ОРВИ. На сегодняшний день COVID-19 серьезным образом меняет не только ту картину маркетинговых тенденций, которую прогнозировали ведущие специалисты отрасли, но и формирует новые формы коммуникаций, еще не получившие теоретического обоснования.

Литература

1. Волошин К. Маркетинговые коммуникации в интернете. Особенности интернет-маркетинга // Надежные программы, 2003. № 11. С. 45 – 51.
2. Голубкова Е.Н. Интегрированные маркетинговые коммуникации: учебник и практикум для академического бакалавриата. 3-е изд., пер. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2020.
3. Каптюхин Р.В. Особенности маркетинговых интернет-коммуникаций и их классификации // Transport business in russia. 2013. № 6-2. С. 100.
4. Киров А.Ю., Кирова И.В. Использование интегрированных маркетинговых коммуникаций в практике российских компаний // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 1-1. С. 100 – 115.
5. Котлер Ф. Основы маркетинга. М., 1999.
6. Кручинина Е.И., Солдатова Е.В. Концепция интегрированных маркетинговых коммуникаций. Режим доступа: <http://sisupr.mrsu.ru/2011-4/PDF/12/Kruchinina.pdf> (дата обращения: 15.03.2020)
7. Лоренц В.А., Резниченко С.С. Интегрированные маркетинговые коммуникации в сети интернет // Научный вестник Московского государственного горного университета. 2012. № 6. С. 65 – 67.
8. Основные тенденции и прогнозы в области digital-маркетинга в 2020 году // VC.RU. Режим доступа: <https://vc.ru/marketing/98650-osnovnyye-tendencii-i-prognozy-v-oblasti-digital-marketing-a-2020-godu> (дата обращения: 10.04.2020)
9. Коноваленко В.А., Коноваленко М.Ю., Швед Н.Г. Основы интегрированных коммуникаций: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Издательство Юрайт, 2019.
10. Сотникова Е.А., Зыкова М.Е. Интегрированные маркетинговые коммуникации как конкурентное преимущество компании // Вестник ОрелГИЭТ. янв.-март, 2009. № 1-1 (7). С. 125 – 133.
11. Шурчкова Ю.В. Интернет как среда формирования комплекса интегрированных маркетинговых коммуникаций // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 2. С. 67.
12. Malhotra J.S. Multi-channel Optical Communication. Scholars' Press, 2014.
13. Omni-channel banking. Global banking & finance review, 2015. URL: <http://www.globalbankingandfinance.com/omni-channel-banking/>; Arican A. Multichannel Marketing: Metrics and Methods for On and Offline Success. Wiley Publishing, 2008.
14. Schuitz D.E., Tannenbaum S.I, Lauterborn R.F. Integrated Marketing Communications. Chicago: NTC Busines Books, 1993.

References

1. Voloshin K. Marketingovyе kommunikacii v internete. Osobennosti internet-marketinga. Nadezhnye programmy, 2003. № 11. S. 45 – 51.
2. Golubkova E.N. Integrirovannye marketingovyе kommunikacii: uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata. 3-e izd., per. i dop. M.: Izd-vo YUrajt, 2020.
3. Kaptyuhin R.V. Osobennosti marketingovyh internet-kommunikacij i ih klassifikacii. Transport business in russia. 2013. № 6-2. S. 100.
4. Kirov A.YU., Kirova I.V. Ispol'zovanie integrirovannyh marketingovyh kommunikacij v praktike rossijskih kompanij. Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2017. № 1-1. S. 100 – 115.
5. Kotler F. Osnovy marketinga. M., 1999.
6. Kruchinina E.I., Soldatova E.V. Konceptiya integrirovannyh marketingovyh kommunikacij. Rezhim dostupa: <http://sisupr.mrsu.ru/2011-4/PDF/12/Kruchinina.pdf> (data obrashcheniya: 15.03.2020)
7. Lorenc V.A., Reznichenko S.S. Integrirovannye marketingovyе kommunikacii v seti internet. Nauchnyj vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gornogo universiteta. 2012. № 6. S. 65 – 67.
8. Osnovnye tendencii i prognozy v oblasti digital-marketinga v 2020 godu. VC.RU. Rezhim dostupa: <https://vc.ru/marketing/98650-osnovnye-tendencii-i-prognozy-v-oblasti-digital-marketinga-v-2020-godu> (data obrashcheniya: 10.04.2020)
9. Konovalenko V.A., Konovalenko M.YU., SHved N.G. Osnovy integrirovannyh kommunikacij: uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata. M.: Izdatel'stvo YUrajt, 2019.
10. Sotnikova E.A., Zykova M.E. Integrirovannye marketingovyе kommunikacii kak konkurent-noe preimushchestvo kompanii. Vestnik OreIGIET. yanv.-mart, 2009.№ 1-1 (7). S. 125 – 133.
11. SHurchkova YU.V. Internet kak sreda formirovaniya kompleksa integrirovannyh marketingovyh kommunikacij. Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2011. № 2. S. 67.
12. Malhotra J.S. Multi-channel Optical Communication. Scholars' Press, 2014.
13. Omni-channel banking. Global banking & finance review, 2015. URL: <http://www.globalbankingandfinance.com/omni-channel-banking/>; Arican A. Multichannel Marketing: Metrics and Methods for On and Offline Success. Wiley Publishing, 2008.
14. Schuitz D.E., Tannenbaum S.I, Lauterborn R.F. Integrated Marketing Communications. Chicago: NTC Busines Books, 1993.

THE SPECIFICS OF INTEGRATED MARKETING COMMUNICATIONS IN THE INTERNET SPACE

*Markina K.N., Candidate of Culturology (Ph.D.), Associate Professor,
St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions*

Abstract: the scientific interest of this work is due to the assumption that in order to attract the necessary number of consumers in the conditions of the modern market, it is necessary to use the tools of integrated marketing communications, mainly in the global network. Taking into account the significant changes in marketing communications around the world, associated not only with an increase in the density of the communication field and a certain satiety of consumers with the volume of messages, but also with the spread of a new type of viral infection and the introduction of restrictions on various offline events, the relevance of integrated marketing communications in the Internet space becomes obvious. The traditional understanding of integrated communications as a planned strategic activity of marketing entities is gradually giving way to awareness of the role of interactivity and personalization in the processes of positioning, forming public opinion, changing the system of values and guidelines, branding of goods and services, etc. The pandemic, in turn, has increased the activity and involvement of the addressee-consumer in the dialogue with marketing entities in the Internet space. As a result, it is the omnical integrated marketing communications that contribute to the formation of the information field and the increase of the company's reputation and brand capital in the Internet environment with the most expressed synergetic effect.

Keywords: internet, integrated marketing communications, integration, social networks, advertising, PR

ЛИРИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ПОЭЗИИ ИРИНЫ ЕРМАКОВОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ «СЕДЬМАЯ»)

*Матаненкова Т.А., кандидат филологических наук,
Смоленская православная духовная семинария,
Смоленский государственный университет*

Аннотация: в статье представлены результаты исследования коммуникативного аспекта книги стихов Ирины Ермаковой «Седьмая». Внутритекстовая коммуникация включает лирического субъекта, лирического адресата и мир как объект изображения. Соотношение этих элементов в стихотворении определяет коммуникативный тип текста. Наименее представлен в произведениях лирический субъект. В стихотворениях преобладает апелляция, а также безличное повествование. Сферы «мир» и «лирический адресат» сбалансированы.

Одним из главных концептов книги является «свет». Это и оптическое явление, и обозначение мира в целом. Мир представлен рядом оппозиций: «жизнь – смерть», «тело – душа (дух)», «небо – земля», «время – вечность», «тот свет – этот свет». Они отображают не только пространственные понятия, но и онтологические.

Лирический субъект в стихотворениях книги зачастую занимает позицию наблюдателя. Формы выражения лирического «я» также демонстрируют его скрытую позицию. Лирический субъект выражен в большей степени метонимически. Образ лирического субъекта приобретает более отчетливые очертания в обращении к адресатам.

Адресатами лирического субъекта являются Бог, жизнь, смерть и другие. Особое место занимает адресат «ты», который является поэтом. Обращения лирического субъекта характеризуют его с философской и творческой стороны.

Ключевые слова: коммуникативный тип текста, внутритекстовая коммуникация, лирический субъект, лирический адресат, безличное повествование, Ирина Ермакова

Современница Ирины Ермаковой Татьяна Бек рассматривала книгу стихов как обязательно структурированную стихию духа, как лирический роман в главах со своим сюжетом, композицией, лирическим героем и сквозной мелодией, на которой держится пестрота ритмов, интонаций, строфики [1, с. 31].

Ирина Ермакова почти буквально следует этому определению в поэтической книге «Седьмая», которая стала материалом нашего исследования [2].

Оглавление книги дает представление о ее неслучайной и продуманной структуре. Книга делится на семь глав, в каждой из которых, кроме последней, по семь пронумерованных частей, имеющих и самостоятельные заголовки. Части представляют собой один или редко два стихотворных текста. Открывается книга стихотворением, которое можно, на наш взгляд, считать эпиграфом, так как оно отражает тематику поэтической книги в целом. Завершается лирическая книга Ирины Ермаковой «Послесловием», также состоящим из одного стихотворения. Между частями располагается по одному стихотворению, выделенному курсивом. Таким образом, в книгу «Седьмая» входит 51 стихотворение (два стихотворения под одним заголовком мы рассматриваем как одно произведение).

Семь – одно из сакральных чисел, обозначающее в библейской нумерологии полноту или завершенность. Поиск полноты бытия и попытка отобразить эту полноту в поэтическом слове видится нам сверхзадачей этой книги. Таким образом, число семь не только указывает на порядко-

вый номер в списке поэтических книг Ирины Ермаковой, но и становится смысло- и структурообразующим.

Цель настоящего исследования – рассмотрение коммуникативного аспекта книги стихов Ирины Ермаковой «Седьмая». Мы принимаем во внимание внутритекстовую коммуникацию, оставляя за рамками исследования авторско-читательскую коммуникацию. Элементами внутритекстовой коммуникации являются лирический субъект, лирический адресат и мир как объект изображения. В связи с различными вариантами соотношения этих элементов в лирическом произведении на основании формальных способов их выражения можно выделить коммуникативные типы текстов. Мы воспользовались классификацией и терминологией И.В. Романовой («Поэтика Иосифа Бродского: лирика с коммуникативной точки зрения» [6]). В основе классификации лежит формально-тематический принцип.

Согласно классификации, выделяются следующие коммуникативные типы текстов:

1. «Безлично-безадресный тип. К нему относятся тексты, в которых автор и лирический субъект максимально скрыты» [6, с. 39]. Отсутствует и направленность речи на какого-либо адресата. Повествование в таких текстах ведется, как правило, от третьего лица. Тематикой становятся события, факты, картины окружающей действительности.

*Маркиз окучивает сад
подвязывает розы
сливает чуткий аромат
свежайшего навоза*

*с живой основой ключевой
стирает светотени
трясет садовой головой*

стрижет кусты сирени... [2, с. 26].

2. «Эготивный тип. Это стихотворения с лирическим субъектом в центре и без адресата. Они выявляют преобладание в поэтическом сознании сосредоточенности на «я». Лирический субъект, его переживания, восприятие мира становятся центром в данных текстах» [6, с. 39]. Способами выражения лирического субъекта являются местоимения 1-го лица («я», «мы») и/или соответствующие глагольные формы.

Хорошо сижу. Нет у меня врагов.

*А проплывет что-нибудь вдоль берегов –
птиц разногласных крепко собой держу –
только пернатый шорох по камышу [2, с. 85].*

3. «Апеллятивный тип. Такие стихотворения организованы как единое обращение к тому или иному эксплицитному адресату и выражают направленность поэтического сознания и лирического субъекта на «ты», другого» [6, с. 40]. Формально лирический адресат может быть выражен прямым обращением, местоимениями 2-го лица («ты», «вы») и/или соответствующими глагольными формами. Отметим, что в эту группу не включаются произведения с автоадресацией («ты» = «я»), которая выявляется из контекста. Такие стихотворения изображают размышления лирического субъекта. Также не относятся к данной группе произведения, в которых формальное 2-е лицо имеет обобщенное значение («ты» = «все»).

Напрягись, вспомни – остался пустяк, зазор.

Голова горит – сейчас ты услышишь хор [2, с. 32].

Другие типы текстов представляют собой то или иное сочетание трех названных. Текст может строиться по одному типу с включением элемента другого типа (например, безлично-безадресное повествование может быть прервано обращением или включением прямой оценки лирического субъекта, обнаруживающим себя местоимением «я»). Другим композиционным вариантом сочетания коммуникативных типов может быть их равноправное соположение в тексте. [6, с. 40].

Приведем статистические результаты коммуникативных типов текстов в книге Ирины Ермаковой «Седьмая»: эготивный тип – 12% (стихотворения «Герой», «Продираешь глаз: ну и ночка была!..», «Герметика» и др.), апеллятивный – 17% («Хор», «Святки», «Пролетом» и др.), безлично-безадресный – 16% («Кольцевая», «Свидетель», «Солнце» и др.), эготивно-апеллятивный – 8% («Как я жила до сих пор, ничего не зная...»), «Фонарики», «Рябина» и др.), безлично-безадресно-эготивный – 8% («Ветер», «Сахалин», «Стихи о

начале света» и др.), безлично-безадресно-апеллятивный – 21% («Лист», «Петрович», «Марсий» и др.), безлично-безадресно-эготивно-апеллятивный – 2% («Световорот»), другие – 16%.

Раздел «Другие» выпадает из представленной классификации. Его составили стихотворения с элементами драматизации, как правило, включающие диалог персонажей, в том числе с участием лирического субъекта. Процент данных текстов в книге высок. Для сравнения: во всей лирике Бродского такие тексты составляют 2% [6, с. 40], в лирике Пастернака и Татьяны Бек такие тексты единичны и не набирают даже 1% [6, с. 61-63; 4, с. 39-43]. Если учесть, что подобные произведения не редки в других книгах Ирины Ермаковой («Колыбельная для Одиссея», «Улей»), то можно считать это особенностью ее лирики, которая может стать предметом отдельного исследования [3].

Заслуживает внимания суммарное процентное соотношение текстов каждого из трех коммуникативных типов. Если суммировать все эготивные тексты или с эготивным элементом, получится 30%, текстов с безлично-безадресным компонентом – 47%, с апелляцией – 48%. Процентное соотношение показывает сбалансированность сфер «ты» и «мир», сфера «я» значительно «отстает». Лирический субъект уступает место адресатам, картинам и событиям окружающей действительности.

Определим, насколько статистические данные отражают содержательную сторону произведений книги.

Первая глава называется «Части света», четвертая – срединная – «Световорот», седьмая – «Полный свет». Свет как оптическое явление, как наименование видимого мира, мира посюстороннего и мира потустороннего, географическое обозначение – один из концептов книги. Не всегда можно в точности определить, какое значение приобретает в том или ином случае лексема «свет». Порой, значения перетекают одно в другое в контексте одного произведения:

*И вода заревет, взовьется, ахнет стекло,
отряхнется и медленно – разогнет вью,
и душа, вся в осколках, рванет, сверкнув зело,
в самый полный Свет, где ждут меня все живые
[2, с. 28].*

Другие темы заданы в стихотворении, которое мы условно определяем как эпиграф («Как я жила до сих пор, ничего не зная...»). Основные темы составляют устойчивые оппозиции-инварианты, присутствующие в разных вариантах в произведениях: «жизнь – смерть», «тело – душа (дух)», «небо – земля», «время – вечность», «тот свет – этот свет».

*Двойного зренья фокус точный
разводит я на я и я –
привычный мир и мир заочный, –
двоится жажда бытия [2, с. 8].
Человек проспится и живет,
ничего ни в чем не понимает,
врет, смеется, бережно листает,
перечень обид, а в нем растет
малютка-смерть и на ноги встает,
и ногами изнутри тинает [2, с. 10].
Вот вытрясли всю душу, вот она
взвилась, махнув рукой на это тело,
шарахнулась от койки до окна
и не оглядываясь полетела [2, с. 12].*

Варианты реализации полюсов данных оппозиций тесно связаны с образами лирического субъекта и лирических адресатов – основных образов, составляющих внутритекстовую коммуникацию.

Образ лирического субъекта. Книга открывается и завершается стихотворениями, в которых лирический субъект достаточно выраженно проявляет себя (стихотворение «Как я жила до сих пор, не зная...» эготивно-апеллятивное, «Время длинное, длинное, как вода...» – эготивное). Однако в стихотворениях нет личностных черт, из которых можно было бы создать отчетливый образ лирического субъекта, кроме одной ремарки: «нет у меня врагов». В первом стихотворении после заявления об ошибочности восприятия мира лирическим субъектом («Как я жила до сих пор, ничего не зная / вечно за целый свет принимая части» [2, с. 3]) внимание переключается на мир и адресата. В последнем стихотворении лирический субъект выступает в качестве наблюдателя, который сидит на берегу реки-времени.

Позиция стороннего наблюдателя за временем и миром поддерживается в книге формами выражения лирического субъекта. Ожидаемые «я» и «мы» не являются частотными формами. Наиболее продуктивной оказалось метонимическое выражение образа лирического субъекта, через духовные и телесные составляющие: тело, душа, дух, голова, сердце. Собственные душа и тело выступают в качестве антагонистов. Причем лирическое «я» – на стороне души, которая пытается вырваться из тела (во время болезни, сна) («лишь бы не заплывала телом / опять душа» [2, с. 45]). В стихотворении «Герметика» лирическое «я» – и субъект речи, и объект изображения, но выражен он только через метонимическое описание собственного сердечного приступа. Сердцебиение, головная боль – повторяющиеся состояния, указывающие на наличие в тексте образа лирического субъекта.

Особой духовной метонимической составляющей является речь. Это и восприятие речи извне («речь на мифодиче» [2, с. 3]), это и собственный

«накативший стих» [2, с. 70], и в целом «слова, слова, слова» [2, с. 47]. Речь, слово, создание дудки, чтобы петь как соловей, вводят тему творчества, связанную с лирическим субъектом. Однако, вместе с тем, в эготивных текстах или текстах, содержащих эготивный элемент, нет мотива говорения или мотивов, напрямую связанных с творческими действиями. Так констатируется результат творчества, а не сам процесс.

Другими способами выражения лирического субъекта являются личные формы глагола («стою на корме» [2, с. 53]), более завуалированная – форма глагола 2-го лица, имеющего семантику 1-го лица («идешь себе по воде пешком» [2, с. 64]). Еще более скрыт лирический субъект, выраженный формами условного наклонения глагола («Время длинное, длинное, как вода. / Вот бы сидеть над этой водой всегда» [2, с. 85]). Тексты эготивного типа, которые, как ожидается, должны демонстрировать разнообразие мотивов, связанных с лирическим субъектом (под мотивом мы понимаем «простейшую повествовательную единицу»). Однако в книге «Седьмая» широкой палитры мотивов в данных текстах не представлены, встречаются оппозиции некоторых из них (слышать – оглохнуть, спать – не заснуть, стоять – идти). Одним из частотных является мотив «смотреть», что указывает на склонность лирического субъекта к наблюдению за окружающей действительностью.

Портрет лирического субъекта составляют единично встречающиеся воспоминания о когда-то пережитом чувстве («Я всегда была счастливее всех в Египте» [2, с. 47]), автохарактеристика состояния («я сжимаюсь в ноль / в раздражение / в жалость / каждый первый встречный / жалит меня» [2, с. 38]), цепочка автономинаций («вот я / точка / земля / голая глина / идеальный калека» [2, с. 39]). Но существенными данные характеристики назвать нельзя, так как они не создают детальный образ лирического «я».

Итак, количественное «отставание» текстов с лирическим «я» поддерживается его положением и формами выражения. Лирического субъекта книги можно назвать недеklarативным. Он представлен не напрямую, а метонимически или вообще максимально скрыт. Лирический субъект в большей степени занимает позицию наблюдателя, который констатирует происходящее, фиксирует детали и явления, придавая им статус бытийственных. В этом, пожалуй, состоит особый взгляд лирического субъекта на мир. Болезненные состояния, в которых зачастую представлено лирическое «я», становятся своеобразной пограничной зоной между «тем светом» и «этим светом», а лириче-

ский субъект – наблюдателем двух миров, двух сторон оппозиции.

Образ лирического субъекта приобретает более отчетливые очертания в обращениях к адресатам.

Лирические адресаты. В разнообразном списке лирических адресатов есть два повторяющихся. В четырех произведениях лирический субъект обращается к Богу. Это обращения, скорее, к христианскому Богу, так как один из вариантов – «Царю Небесный» – традиционное обращение к Святому Духу в форме звательного падежа, принятого в православном церковном обиходе. Лирический субъект просит прощения за себя и за всех людей (это один из немногих случаев, когда лирический субъект включает себя в некую общность), просит Господа отпустить душу из тела погулять «в самой зеленой Твоей тучке» [2, с. 12]. В одном случае апелляции лирический субъект предлагает себя в качестве материала для божественного творчества: «Ты начни сначала / лепи с нуля / вырасти / сделай из меня человека» [2, с. 39].

Повторяющимся является обращение к жизни. В стихотворении «Белый день» лирический субъект, говоря о жизни, которая «не движется / стоит себе в одной точке / переминается с ноги на ногу чешет репу», за спиной которой вечность и впереди – вечность и которая вбирает в себя всё бытие, где «море-море» и «люди-люди», в итоге заявляет: «это я в зелёном небе стою живая» [2, с. 43]. Апелляция в этом случае двойка: это обращение к жизни, которая персонифицируется и вместе с тем философски онтологична, и в то же время здесь имеет место автоадресация, так как лирический субъект отождествляет себя с бытием, с воплощением жизни как таковой.

Повторяющимся можно было бы считать адресата, скрытого за местоимением «ты». Однако из контекста становится ясно, что это разные адресаты: неопределенный собеседник, которого лирический субъект призывает вспомнить умерших, поэт, в котором, благодаря посвящению и образу колокольчиков, угадывается Александр Башлачев. Дважды апелляция к некоему «ты» является предельно формальной, определить адресата не представляется возможным, в этом случае снова центральным в произведении является безлично-безадресный компонент, чаще всего заключающий в себе варианты указанных оппозиций.

Среди адресатов есть обращение к смерти, ее лирический субъект убаюкивает, так как время «малютки-смерти» [2, с. 10] не настало, не пришла осень. Тема смерти, хотя и соседствует с темой жизни, но не нагнетается. Даже обращение к умершим, название их по именам не звучит трагически (стихотворение «Святки»):

*Нет, не о смерти. Всё с ней и так понятно –
детская дрессировка, всегдаготова.*

Не о слезах – не зазовёшь обратно.

Просто скажи: Лёша. Наташа. Вова.

Бабушка Соня. Глебушка. Миша. Нина.

На табуретке. В кухне. Сижу живая.

*Таня и Толя. Внятно. Медленно-длинно,
бережно-бережно по именам называя [2, с. 33].*

Лирический субъект говорит о связи живых и умерших, которая проходит через его душу, связующей нитью между двумя мирами становится любовь: «Столько любви вашей во мне, родные, – / хватит на всё. Хватит на всех живущих» [2, с. 33].

У дождя и воды, льющейся одновременно с неба и из-под земли, душа лирического субъекта просит забрать ее с собой. Надо отметить, что эти настойчивые просьбы и попытки души вырваться из телесной оболочки, не синонимичны смерти. Это желание начать новую свободную жизнь, в горнем мире, где есть «начальник счастья» [2, с. 16] «и времени – доплетна» [2, с. 85].

Помимо обращения к Богу с просьбой сотворить нового человека, поэтам Александру Башлачеву и Полю Верлену, тема творчества, связанная с лирическим субъектом, актуализируется апелляцией к египетскому богу Тоту. В египетской мифологии Тот – «бог мудрости, счета и письма...», ему «приписывалось создание всей интеллектуальной жизни Египта», «его называли “владыка времени”» [5, с. 521]. Лирический субъект называет его «египетский световорот» [2, с. 49], имея в виду переворот в мире, произведенный им, родоначальником мировой культуры.

Таким образом, обращения к лирическим адресатам акцентирует в образе лирического субъекта отнесенность к творчеству, уточнение семантики оппозиций «жизнь – смерть» и «тот свет – этот свет» как сфер бытия, имеющих неразрывную связь, которая сосредоточена на лирическом субъекте.

Итак, исследование коммуникативной составляющей книги стихов Ирины Ермаковой «Седьмая» позволяет сделать выводы. Безлично-безадресное изложение и апелляция формально являются ведущими. Сферы «ты» и «мир» более представлены, чем сфера «я». Это подкрепляется формами выражения лирического субъекта: при весьма ограниченном употреблении местоимений 1-го лица преобладает метонимическое представление лирического субъекта. Его индивидуальные черты слабо выражены в эготивных текстах. Образ лирического субъекта семантизируется в текстах, включающих обращения к тем или иным эксплицитным адресатам. Именно в ситуации апелляции становится ясно, что лирический субъект связан с

творчеством, что он занимает позицию между двумя мирами, соединяя стороны оппозиций «жизнь – смерть» и «тот свет – этот свет» и даже включает себя в общность умерших («и никакой разницы между нами» [2, с. 33]). Безлично-безадресный компонент книги характеризуется онтологичностью: простые вещи возводятся в ранг бытийственных, что и создает «тот свет», «этот свет», «части света» и объединяет их в «полный свет».

Литература

1. Бек Т.А. Книга стихов как единство. Неакадемические заметки // Литература. 2003. № 2. С. 31 – 36.
2. Ермакова И.А. Седьмая. Книга стихов. М.: Воймега, 2014. 88 с.
3. Матаненкова Т.А. Организация книги Ирины Ермаковой «Улей» с точки зрения лирической коммуникации // Известия Смоленского государственного университета: ежеквартальный журнал. Смоленск, 2015. № 4. С. 45 – 53.
4. Матаненкова Т.А. Поэтический мир Татьяны Бек: монография Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2012. 236 с.

5. Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1992. 719 с.
6. Романова И.В. Поэтика Иосифа Бродского: Лирика с коммуникативной точки зрения: монография. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2007. 328 с.

References

1. Bek T.A. Kniga stihov kak edinstvo. Neakademicheskie zametki. Literatura. 2003. № 2. S. 31 – 36.
2. Ermakova I.A. Sed'maya. Kniga stihov. M.: Vojmega, 2014. 88 s.
3. Matanenkova T.A. Organizaciya knigi Iriny Ermakovoj «Ulej» s točki zreniya liricheskoj kommunikacii. Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta: ezhekvar'tal'nyj zhurnal. Smolensk, 2015. № 4. S. 45 – 53.
4. Matanenkova T.A. Poeticheskij mir Tat'yany Bek: monografiya Smolensk: Izd-vo SmolGU, 2012. 236 s.
5. Mify narodov mira: Enciklopediya: v 2 t. T. 2. M.: Sovetskaya enciklopediya, 1992. 719 s.
6. Romanova I.V. Poetika Iosifa Brodskogo: Lirika s kommunikativnoj točki zreniya: monografiya. Smolensk: Izd-vo SmolGU, 2007. 328 s.

LYRICAL COMMUNICATION IN THE POETRY OF IRINA ERMAKOVA (BASED ON THE MATERIAL OF THE BOOK "THE SEVENTH")

*Matanenkova T.A., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Smolensk Orthodox Theological Seminary,
Smolensk State University*

Abstract: the article presents the results of a study of the communicative aspect of the book of poems by Irina Ermakova "The Seventh". Intra-text communication includes a lyrical subject, a lyrical addressee and the world as an object of the image. The ratio of these elements in the poem determines the communicative type of the text. The lyrical subject is the least represented in the works. The poems are dominated by appeal, as well as impersonal narration. The spheres "world" and "lyrical addressee" are balanced.

One of the main concepts of the book is "light". This is both an optical phenomenon and a designation of the world as a whole. The world is represented by a number of oppositions: "life – death", "body – soul (spirit)", "heaven – earth", "time-eternity", "that world – this world". They reflect not only spatial concepts, but also ontological ones. The lyrical subject in the poems of the book often takes the position of an observer. The forms of expression of the lyrical "I" also demonstrate its hidden position. The lyrical subject is expressed more metonymically. The image of the lyrical subject takes on more distinct outlines in addressing the addressees.

The addressees of the lyrical subject are God, life, death and others. A special place is occupied by the addressee "you", who is a poet. The appeals of the lyrical subject characterize him from the philosophical and creative side.

Keywords: communicative text type, intra-text communication, lyrical subject, lyrical addressee, impersonal narration, Irina Ermakova

«ЧУЖИЕ» И ПРИШЕЛЬЦЫ: НОВЫЕ ПАРАДИГМЫ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ ФАНТАСТИКИ

*Толкачев С.П., доктор филологических наук, профессор,
Московский государственный лингвистический университет*

Аннотация: в статье прослежены истоки сравнительно нового жанра, популярного в современной англоязычной литературе, – постколониальной научно-фантастической прозы. В последние десятилетия в западном литературоведении отмечается тенденция толкования классических и новейших произведений научной фантастики в духе постколониальной теории. Такой подход побуждает современных авторов научно-фантастических произведений создавать сюжеты о космических путешествиях землян, освоении Вселенной и о вторжении инопланетян на землю в русле колониальной истории человечества и тенденций неокolonизма, который в новых реалиях XXI века приобретает особые черты: патерналистский подход цивилизаторства, распространение культуры бывших метрополий под предлогом «просветительской миссии» и т.д. При этом образ Другого в научно-фантастических произведениях – удобная точка отсчета для идентификации личности и объяснения экспериментов по использованию политической власти, поскольку он близок как к концепциям постколониализма, так и к корпусу текстов научной фантастики. Говоря о проблемах современной постколониальной фантастики, нельзя не упомянуть основополагающие научные идеи американского теоретика литературы арабского происхождения Эдварда Саида о Другом (книги «Ориентализм» и «Культура и империализм»), о концепциях центра и периферии, которые экстраполируются за пределы условностей ориентализма, выходят на более обширную тему завоевания человечеством пространства, в том числе и космического.

Ключевые слова: постколониальная теория, научная фантастика, образ Другого, мультикультурализм, нелинейная темпоральность

Введение

В последние десятилетия в англоязычной литературе появляется все больше произведений, которые совмещают в себе черты жанров научной фантастики и постколониального романа. Как известно, одна из насущных задач колониализма состояла в маргинализации культуры покоренных народов – тема, которая продолжает исследоваться и остается вполне актуальной в рамках современных сюжетов, которые определяют человечество либо как социум, подвергнувшийся нападению и разрушению, либо наоборот, – как общность, которая нуждается в помощи сверхцивилизаций, причем потребность в Другом столь же сильна и в описываемом будущем, поскольку именно через противоположность себе человек способен более четко осознать свои ценности. Исследуя роль Другого как враждебной сущности, американский философ индийского происхождения Гаятри Спивак ставит вопрос о субалтерне [12], бессловесный поработенный человек, неспособный говорить о своем положении на языке империи, что соприкасается с одной из важнейших тем научно-фантастических произведений, а именно, – использованием новой парадигмы расширяющейся коммуникации и силы западного нарратива как знаков человеческого сообщества, настроенного на расширение и колонизацию Вселенной.

В англоязычном литературоведении данный аспект проблемы рассматривался неоднократно и представлен такими важнейшими работами, как «Колониализм и появление научной фантастики» Дж. Райдера [8], «Глобализация, утопия и постколониальная научная фантастика» Э.Д. Смита [11],

«Научная фантастика и империя» П. Керслаке [7], «Встречи с чужими: анатомия научной фантастики» Марка Роуза [9] и т.д.

Несмотря на большое количество публикаций по проблемам научной фантастики в отечественном литературоведении, с точки зрения постколониальной теории этот жанр научной фантастики в нашей стране почти не получил всестороннего анализа. Исключение составляет наша статья [3], что само по себе обуславливает актуальность данного исследования, в то время как *новизна* материала связана с анализом некоторых произведений, которые впервые вводятся в контекст отечественного литературоведения.

Цель исследования – на примере конкретных литературных произведений проанализировать природу жанра постколониальной фантастики, пафос которой направлен в том числе на описание постколониального пространства с его феноменами гибридного сознания и мультикультурализма, на разоблачение манипуляций различными формами политического, экономического и культурного характера в рамках неокolonизма.

Основная часть

Важной темой современной постколониальной научной фантастики является сравнение будущего, предсказанного романами и рассказами, написанными полвека назад и более, с современной действительностью и научными достижениями человечества. Одно из ключевых произведений в этом жанре – научно-фантастический, постапокалиптический роман Уолтера Миллера-младшего «Страсти по Лейбовицу» (1960) – описывает трагическое повторение неудачных человеческих

экспериментов и сопутствующих им разрушительных последствий. «Страсти...» являются одним из связующих звеньев между фантастическими сюжетами эпохи зарождения этого жанра и современными фабулами, созданными за два десятилетия XXI века. Роман повествует о религиозных служителях монашеской общины Лейбовица, которые после некоего военного апокалипсиса пытаются защитить чудом сохранившуюся научную информацию и донести ее до гипотетического дня возрождения человечества. Напротив, концепция Дарко Сувина (род. 1930) – канадского литературного критика, социолога литературы хорватского происхождения, – о «новуме», некоем техническом изобретении или изменении состояния природы, которое заставит полностью пересмотреть все принципы человеческой жизни, выглядит контрастно на фоне повествования Уолтера Миллера о религиозной империи, и такой контраст задает широкий диапазон темам циклов человеческой истории, власти и манипулирования культурами уже в рамках неоимпериализма.

В современной научной фантастике разрабатывается и тема превращения человеческой расы в «метаимперию» в некоем отдаленном будущем, когда она достигнет пика своего развития и распространит влияние на множество галактик. Многие научно-фантастические произведения повествуют именно о разрушении империй, но обычно такой ход событий определяется поиском варианта возникновения новой жизни на обломках цивилизации. И поскольку развитие сюжетов научной фантастики во многом зависит от научных исследований в настоящем и будущем, что возможно приведет к заселению нашей и других галактик, важно спрогнозировать форму центрального правительства или общего контроля, чтобы человечество имело возможность продолжать мирную экспансию.

Тема прогресса и элитарности науки, которая зачастую предстает в постколониальной литературе в качестве символа современных форм порабощения, раскрывается в романе американской писательницы-фантаста Урсулы Ле Гуин «Обездоленный» (1974), повествующем об угнетении целой цивилизации. Конструируя реальность своего повествования в «Обездоленном», автор начинает развивать тему изоляции и бесправия некоей цивилизации с описания стены – объекта, который становится метафорой и главным лейтмотивом произведения. Более того, этот образ начинает двоиться, множиться, и стены предстают как символы межкультурного разделения разумных существ, лежащие в основе системы образов всего романа, который ставит читателя перед барьерами

эпистемологическими, научными, социальными, культурными.

В современных научно-фантастических произведениях одно из интересных направлений – анализ проблем темпоральности, а именно, нелинейного взаимодействия прошлого, настоящего и будущего. которое в разное время изучалось такими крупными философами, как Дж. Э. Мак-Таггарт, Э.Г.А. Гуссерль, М. Хайдеггер, Дж. Г. Мид и др. Так, Ж. Деррида в своих работах обосновывает мысль о том, что будущее является источником всех призраков, являющихся в настоящем. Как полагает философ и теоретик постмодернизма, первоначальный импульс человека привязать источник призрака к прошлому или будущему, вполне естественен [2, с. 183]. То есть, если эффект этого призрачного облика будущего – средство преобразования настоящего (и, следовательно, изменения траектории, ведущей к этому будущему), то настоящее мгновенно трансформируется из ослабленного посредника в средство преобразования будущего, которое, согласно знаменитой формулировке немецкого философа и теоретика культуры В. Беньямина, взрывает континуум истории [1].

Иллюстрацией это философской мысли служит рассказ американской писательницы индийского происхождения Ванданы Сингх «Дели» (2004) [10]. Он исследует временной ландшафт столицы Индии в качестве нового «старого города», архитектура которого строится не только на вкрапленных материальных напоминаниях о сложной колониальной истории, но также и на своего рода кристаллизации и критической историзации настоящего Дели как глобального топоса.

Главный герой рассказа, выходец из среднего класса, образованный молодой человек Асим страдает с детства от видений. Когда-то он верил, что призраки – духи умерших, но его опыт показал, что эти фантомы указывают на те точки, где прошлое и настоящее просачиваются друг в друга и на мгновение приостанавливаются, где синхронизирующее поле однородного времени нарушается запутанным вторжением другого и тем, о чем Деррида говорит, как «о разъятости, представляющей собой саму возможность Другого» [2, с. 38].

Для Асима различные исторические итерации Дели сосуществуют одновременно, прошлым и будущим, а происходящее на глазах обрушивается в то, что можно было бы признать, как радикальное настоящее время по Беньямину [1], освобожденное от детерминированной логики и исторической причинности.

Время от времени Асим встречает на улицах Дели вытянутые призраки британцев, и героя при этом поражает мысль об эфемерности Раджа (бри-

танского правления в Индии) и он начинает думать, что сам мог бы каким-то образом внести личный вклад в распад Британской империи, посеяв семена сомнения в прошлом. Но эта мысль чаще всего сменяется мрачной покорностью Истории. Несмотря на непредсказуемость появления большинства призраков, Асим замечает, что в метро среди пассажиров на платформах и по вагонам поездов перемещаются люди, с нездоровым цветом лица, словно они никогда не были на свежем воздухе. Основываясь на относительно небольшом возрасте системы метро, он делает вывод, что они должны быть призраками из будущего, которое, как уже было сказано выше, является истоком всех призраков, и их печальный, настойчивый вид обостряет чувство избранности Асима, что еще раз вдохновляя его на аллохронное вмешательство в темпоральность через уничтожение самого линейного времени.

Сюжет становится более ясным по мере того, как повествование возвращается в прошлое, чтобы объяснить отношение Асима к таинственному пандиту Видьянатхе и его помощнику Ому Пракашу. За три года до начала действия рассказа Асим, утомленный призраками, которые мучают его многие годы, стоит на мосту Ямуна – обветшалый памятник британского имперского правления, – и думает о самоубийстве. В тот момент, когда герой решается прыгнуть через перила, из тумана и появляется незнакомец и вкладывает визитную карточку в руку Асима, на которой изображен логотип в виде пчелиного улья и напечатан вопрос «Беспокойтесь о Вашем будущем?». Визитка предлагает обратиться в офис компании по продаже кондиционеров некоего пандита Видьянатха, где, как обещано герою, он поймет цель своей жизни.

Асим идет по указанному адресу, но помощник пандита Ом Пракаш сообщает, что его хозяин занят другими делами. Сильно разочарованный, Асим через открытое окно конторы рассеянно наблюдает за пчелиным ульем, и его околдовывает это зрелище, преисполненное некоего таинства. Говоря о предсказании будущего с помощью компьютера, который построил пандит Видьянатх, Ом Пракаш прибегает к аналогии, поясняя: компьютер подобен пчелиному улью. Множество ячеек памяти и деталей, но ни одна из них сама по себе не разумна, но, если собрать все вместе, получится нечто, способное думать. Пракаш колдует над компьютером, и в результате из принтера выползает распечатка из сочетаний буквы «X», размещенных на листе бумаги беспорядочно, которое, если присмотреться, напоминает портрет девушки. Она якобы и должна помочь Асиму.

На протяжении трех лет герой спасает десятки потенциальных самоубийц с помощью визитных карточек, полученных у Пракаша, и однажды среди средневековых руин Делийского хребта встречает слепую девушку, которая заблудилась, потеряла документы и теперь боится, что ее отправят в подземный город, который располагается в заброшенном метро. Герой по наитию подсказывает ей дорогу к улице, названия которой в современном городе он не знает, но после ее исчезновения понимает, что девушка – тоже призрак из будущего. В те грядущие времена контрасты Дели между нищетой и богатством будут еще более вопиющими: для богатых – летающие среди башен, покрытых бриллиантами, корабли «уданкхатолы» и залитые солнцем сады, для бедняков – жалкая возможность ютиться в заброшенных за ненадобностью тоннелях метро.

Полагая, что в момент растерянности, он возможно, дал девушке совет, который приведет ее в тюрьму бессолнечных недр города без надежды на освобождение, герой возвращается к Ому Пракашу и атакует его вопросами о и человеческой судьбе, пытаясь понять, имеет ли значение его воля, если он лишь ниточка в паутине? Ом Пракаш излагает свою концепцию, согласно которой все поступки, которые совершает человек, в той или иной степени влияют на вселенную, причем будущее не является определенным в той же мере, как и неопределенным. Линейная темпоральность и неумолимый закон причины и следствия скрывают глубинное настоящее время, эффекты которого в широком смысле являются кумулятивными и коллективными – как согласованный труд пчелиного улья.

В рассказе В. Сингх философская проблематика темпорального поля, которую пытались объяснить мыслители прошлого, переплетается с современными вопросами глобализации и мультикультурализма. Для иллюстрации проблем новой эпохи автор прибегает к яркому образу, из прошлого Асима: ночная фотография поверхности земного шара, со светящимися точками и линиями, похожими на огромный муравейник. Органическая метафора В. Сингх о глобальном свечении, о растущей транснациональной взаимосвязанности, идущей в ногу со слепым расползанием всеядного города, который, как и сама глобализация, сметает всякие бывшие границы и барьеры и проникает в капиллярные сети того, что некоторые исследователи называют «транснациональным воображаемым». Мировое сознание, которое «пробуждает» Сингх, таким образом, заключается в простом отклизе от политических императивов или тектонического давления глобализации, поскольку оно является его парадоксальным эффектом, явным выра-

жением «полемического избытка» глобализации. И действительно: утешительные топосы дома/города/нации сегодня используются в качестве стратегического бастиона против надэтнического транснационализма, который как раз и приводит к тотальному чувству бездомности человека и к агонистической лиминальности, пороговости мироощущения, что как раз и проиллюстрировано в произведении В. Сингх на примере судьбы главного героя. Причем возвращая будущему его полную потенциальность, а настоящему – динамическую незавершенность, рассказ «Дели» подводит итог, к которому, по замечанию Ф. Джеймисона [6], приводят большинство произведений утопического модернизма – к саморефлексии о невозможности для человека построить повествование о своей судьбе, что в свою очередь переводит этот текст в область философско-психологических проблем, связанных с коммуникацией в современном мире.

К будущему обращен и роман современного американского писателя индийского происхождения Амитава Гоша «Калькутская хромосома» (1996) [4], также написанный в жанре постколониальной научной фантастики. Он посвящен полемике вокруг реального научного открытия: идентификации переносчика малярии комара рода анофелес. Этот прорыв был в свое время совершен британским ученым, нобелевским лауреатом Рональдом Россом, который родился и долгие годы прожил в Индии. В ходе повествования автор вводит интригу, связанную с фантастическими домыслами, религиозными предрассудками и псевдонаучными гипотезами, зачастую сопровождающими научную находку. Повествование Гоша построено на гипотезе о том, что данное открытие произошло не в рамках официальной науки, а было связано с индийским спиритуалистическим культом, во главе которого стояла руководительница религиозной секты некая провидица Мангала.

В повествование вплетается другая тема, которая становится не менее важной по сравнению с историческим открытием Росса. Рассказчик, историк медицины Муруган, который, как позже узнает читатель, пропал в Калькутте в 1990 годах (об этом мы узнаем от другого героя, египтянина Антара, работающего в сфере компьютерных технологий в современном Нью-Йорке) ведет расследование по поводу научного прорыва, совершенного таким же, как Росс, реальным ученым по имени Юлиус Вагнер-Яурегг, австрийским психиатром, лауреатом Нобелевской премии по физиологии. Он совершил открытие, доказав, что малярийная плазмодия может быть использована для борьбы с болезнью люэс, которая всегда представляла серь-

езную проблему для Индийского субконтинента. При заражении малярией большинство пациентов излечивалось от этого заболевания. До изобретения антибиотиков этот метод имел большое значение в XX веке, поскольку его эффективность оставалась тайной даже для практикующих врачей, но, как утверждает Муруган, никто на самом деле не знает, как работал метод Вагнера-Яурегга. При этом каждая крупная венерологическая больница имела свою маленькую инкубационную лабораторию, где выращивали стаю малярийных комаров. Подумайте только, восклицает один из героев романа: больницы культивируют болезни! Это очень точное замечание свидетельствует о том, что каждое следующее поколение отвергает открытия, сделанные ранее, если они кажутся нежизнеспособными/

Оборотная сторона этого феномена также имеет место, когда дискредитированная теория опять становится актуальной, как это было с ученым из Франции Лавераном, который высказал предположение о том, что заболевание малярией вызывается паразитическими протистами, хотя самые видные инфекционисты того времени, даже гениальный микробиолог Луи Пастер, высмеяли его открытие. Этот факт связан с одной из важных философских мыслей романа: научное познание иногда идет по извилистому пути, гипотезы рождаются, умирают и вновь всплывают на поверхность. Этот процесс открытия нового имеет свои слабые места, отсюда и проницательность Мангалы, готовой манипулировать официальной наукой, чтобы достичь той фантастической цели, к которой и стремилась ее секта – реинкарнации в новом, молодом теле и фактическому бессмертию.

Важно отметить, что научный прорыв Росса изображается Гошем как результат сочетания удачных догадок, усвоения индийских медицинских знаний и преувеличенной веры в свою методологию. Это изображение ученого крайне противоречиво, поскольку Росс обычно воспринимался историками как исследователь-одиночка, делающий свое открытие, несмотря на препятствия со стороны метрополии, в обстоятельствах, крайне трудных для экспериментальной работы. Многие историки науки отмечали терпение Росса и его объективный подход к биологии. Напротив, по прочтении мемуаров Росса складывается впечатление, что он в своей работе во многом основывался на эмоциональных посылах и даже на вере в той же мере, что и на рациональном рассуждении. Росс в своем дневнике отмечает, что его открытие было победой не наблюдения, а веры. Дорога часто оканчивалась тупиком, и многие опустили бы руки писал он, но ученый и его помощники под-

нимали глаза и видели, что перст судьбы все еще указывает им путь.

Ссылка на то, что Росс видит некий знак, ведущий его вперед, не совпадает с современным образом естествоиспытателя, который руководствуется только опытами и добытыми фактами. Возможно автор романа «Калькуттская хромосома» сознательно смешивает научные мотивы со сказочной интригой, что наводит читателя на мысль об относительности фронта между наукой и чудом. Данное произведение допускает мысль о том, человеку доступны разные способы научного освоения мира, и что представители естественных наук создают «повествования» о тех или иных открытиях, а последние постоянно испытывают метаморфозы, вплоть до полного отказа от некоторых новых прорывов, поскольку вновь отрывшиеся обстоятельства могут привести к пересмотру уже вроде доказанных теорий. Среди ряда исследователей [5] бытует мнение, что научную теорию можно рассматривать как своего рода искусство рассказывания историй – управляемое, ограниченное, исторически изменяющееся умение толковать законы природы. Новые знания внедряются в сознание людей в виде конкретных нарративов, а любое научное утверждение о мире тесно связано с языком, с его метафоричностью.

Еще одна важная проблема, затронутая в этом произведении, заключается в том, что пласт истории, в который «встроен» сюжет об открытии Росса, связан с неравными отношениями властных структур и подчиненных народов. Искреннее стремление английского ученого найти для колониальной Индии метод лечения малярии постоянно наталкивался на сопротивление властей Великобритании, и это свидетельствовало в том числе и о том, что в определенной мере инфекции и эпидемии были одним из способов держать покоренные народы в «ежовых рукавицах». Автор романа, говоря такую правду о колониализме, искренне уходит от элитарности науки, которая, к сожалению, и в наш век является в том числе и средством манипулирования массами. При всем том наука, по мнению Амитавы Гоша, – живой феномен, она сродни рассказыванию историй, и ученый, занимаясь ею, вступает на изменяющийся, эволюционирующий путь знаний. Как замечает Муруган, знание начинается там, где человек вначале признает свое бессилие перед всеобъемлющей тайной природы, а уже после этого начинается мучительный поиск истины. В данном случае автор делает намек на то, что достижение исчерпывающей научной картины мира вряд ли представляется возможным. Как постколониальное состояние пространства является понятием скорее не временным, а экзистенциальным, тяготеющим к веч-

ности, так и наука, доходя до неких границ, будет стремиться к выходу за их пределы. Иными словами, модальность «Калькуттской хромосомы» как научно-фантастического романа позволяет сделать заключение о том, что риторика науки временами сближается с фантастикой, в данном случае – с постколониальной.

Заключение

Образы империи, постколониального пространства и кросс-культурных парадигм в современной научной фантастике сами по себе представляются сложными и многомерными, и зачастую приобретают глубокий философский контекст. Постколониальный подход к анализу научно-фантастических произведений, как и сами образчики постколониальной фантастики – своего рода профетическая попытка взглянуть в потенциальное будущее из прошлого. В этом смысле возрастает и роль интерсексуальности, поскольку только с помощью многократного воспроизведения аналогичных литературно-художественных моделей читатель может создать в своем воображении интеллектуальный образ, который связан с архетипическими оппозициями дома/чужбины, своего/чужого, центра/периферии и т.д., в связи с чем будущее данного жанра представляется довольно перспективным.

Литература

1. Беньямин В. Озарения. М.: Мартис, 2000. 376 с.
2. Деррида Ж. Призраки Маркса. М.: Logos-altera; изд-во «Ессе homo», 2006. 256 с.
3. Толкачев С.П. Об иммигрантах и «жидких» страхах: проблемы постколониальной научной фантастики // Национальные коды в европейской литературе XIX-XXI вв. Литературный канон в контексте межкультурной коммуникации: коллективная монография. Ч. 2. Нижний Новгород: изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020. С. 15 – 26.
4. Ghosh A. The Calcutta Chromosome, Basingstoke: Picador, 1996. 309 p.
5. Haraway D.J. Primate Visions: Gender, Race, and Nature in the World of Modern Science. London: Routledge, 1989. 486 p.
6. Jameson F. Archaeologies of the Future: The Desire Called Utopia and Other Science Fictions. New York: Verso: 2005. P. 293.
7. Kerslake P. Science Fiction and Empire. Liverpool: Liverpool University Press, 2007. 217 p.
8. Rieder J. Colonialism and the Emergence of Science Fiction. Middletown, Connecticut: Wesleyan University Press, 2008. 183 p.
9. Rose M. (ed.). Alien Encounters: Anatomy of Science Fiction. Cambridge: Harvard University Press, 1981. 216 p.

10. Singh V. Delhi // *So Long Been Dreaming. Postcolonial Science Fiction and Fantasy*. Hopkinson N. & Mehan U. (eds). Vancouver: Arsenal Pulp Press, 2004. P. 82 – 97.

11. Smith E.D. *Globalization, Utopia, and Postcolonial Science Fiction. New Maps of Hope*. London: Palgrave Macmillan, 2012. 244 p.

12. Spivak G. *Can the Subaltern Speak?* // Nelson, C. and Grossberg, L. (eds). *Marxist Interpretations of Culture*. Champaign, Illinois: University of Illinois Press, 1988. P. 271 – 313.

References

1. Ben'yamin V. *Ozareniya*. M.: Martis, 2000. 376 s.

2. Derrida ZH. *Prizraki Marksa*. M.: Logos-altera; izd-vo «Esse homo», 2006. 256 s.

3. Tolkachev S.P. *Ob immigrantah i «zhidkih» strahah: problemy postkolonial'noj nauchnoj fantastiki. Nacional'nye kody v evropejskoj literature XIX-XXI vv. Literaturnyj kanon v kontekste mezhkul'turnoj komunikacii: kollektivnaya monografiya*. CH. 2. Nizhnij Novgorod: izd-vo NNGU im. N.I. Lobachevskogo, 2020. S. 15 – 26.

4. Ghosh A. *The Calcutta Chromosome*, Basingstoke: Picador, 1996. 309 p.

5. Haraway D.J. *Primate Visions: Gender, Race, and Nature in the World of Modern Science*. London: Routledge, 1989. 486 p.

6. Jameson F. *Archaeologies of the Future: The Desire Called Utopia and Other Science Fictions*. New York: Verso: 2005. P. 293.

7. Kerslake P. *Science Fiction and Empire*. Liverpool: Liverpool University Press, 2007. 217 p.

8. Rieder J. *Colonialism and the Emergence of Science Fiction*. Middletown, Connecticut: Wesleyan University Press, 2008. 183 p.

9. Rose M. (ed.). *Alien Encounters: Anatomy of Science Fiction*. Cambridge: Harvard University Press, 1981. 216 p.

10. Singh V. Delhi. *So Long Been Dreaming. Postcolonial Science Fiction and Fantasy*. Hopkinson N. & Mehan U. (eds). Vancouver: Arsenal Pulp Press, 2004. P. 82 – 97.

11. Smith E.D. *Globalization, Utopia, and Postcolonial Science Fiction. New Maps of Hope*. London: Palgrave Macmillan, 2012. 244 p.

12. Spivak G. *Can the Subaltern Speak?* Nelson, S. and Grossberg, L. (eds). *Marxist Interpretations of Culture*. Champaign, Illinois: University of Illinois Press, 1988. P. 271 – 313.

"ALIENS" AND OUTSIDERS: NEW PARADIGMS OF POSTCOLONIAL FICTION

*Tolkachev S.P., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Moscow State Linguistic University*

Abstract: the article traces the origins of the comparatively new genre, popular in modern English-language literature – postcolonial science fiction. In recent decades, there was a tendency in Western literary studies to interpret classical and recent works of science fiction in the spirit of postcolonial theory. This approach encourages modern authors of science fiction works to create stories about the space travel of earthlings, the exploration of the Universe and the invasion of aliens onto Earth in the mainstream of the colonial history of mankind and the trends of neocolonialism, which in the new realities of the XXI century acquires special features: the paternalistic approach of civilizationism, the spread of the culture of former metropolises under the pretext of an "educational mission", etc. At the same time, the image of the Other in science fiction works is a convenient reference point for identifying a person and explaining experiments on the use of power and politics, as it is close both to the concepts of postcolonialism and to the corpus of science fiction texts. Speaking about the problems of modern postcolonial fiction, it is impossible not to mention the fundamental scientific ideas of the American literary theorist of Arab origin, Edward Said, about the Other (the books "Orientalism" and "Culture and Imperialism"), about the concepts of the center and the periphery, which are extrapolated beyond the conventions of orientalism, go to the broader topic of the conquest of space by humanity, including space.

Keywords: postcolonial theory, science fiction, the image of the Other, multiculturalism, nonlinear temporality

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ

*Цзянь Чжэн,**Белорусский государственный университет, Беларусь*

Аннотация: Интернет – всемирная паутина – оказал большое влияние на все уровни (информационных) обществ во всем мире. Отказ от традиционной монополии к централизации информационной власти в таком средстве массовой информации, как газета, является одной из наиболее разумных черт в информационную эпоху. В данной статье дается определение онлайн-журналистики, она рассматривается с точки зрения ключевых характеристик онлайн-изданий - гипертекстуальности, интерактивности, мультимодальности, политики и рекламы - и рассматривается текущее и потенциальное влияние, которое эта онлайн-журналистика может оказать на способы определения журналистики, как она функционирует в выборных демократиях по всему миру.

Кроме того, утверждается, что отсутствие ответственности и надежности является предметом беспокойства в онлайн-сообществе. Одной из причин может быть недостаточное количество профессиональных журналистов, работающих в онлайн-версии, особенно в странах третьего мира и развивающихся странах, поскольку отсутствие структурированного процесса проверки или неточности в репортажах вводят общественность в заблуждение.

Поощрение традиционных журналистов к работе или участию в онлайн-журналистике как новом поколении журналистики все еще невозможно, учитывая признание позиций журналистов. Это могло бы помочь найти некоторые эффективные способы поощрения профессиональных журналистов к использованию онлайн-версии как средства распространения информации.

Ключевые слова: Интернет, журналистика, онлайн-журналистика, журналист

В течение двух последних десятилетий двадцатого века стремительные изменения в информационных и коммуникационных технологиях (ИКТ) становились намного быстрее и более распространенными, а также более дешевыми и сложными. ИКТ оказали влияние на различные аспекты жизни людей, потому что "Интернет не является монолитным целым; это сеть сетей, созданных пользователями. Поскольку люди используют новые ИКТ для общения в онлайн-среде, они становятся участниками диалогов, высказываний, праздников, ритуалов, представлений, кампаний, собраний, коммерческих обменов и информационных операций. Эти участники совместно создают условия, в которых люди могут собираться для осуществления различных совместных начинаний, начиная от общения, торговли, образования и заканчивая приключениями" [1].

Один из таких аспектов ИКТ касается сферы коммуникационных средств, которые могут изменить функции СМИ. Зная это, СМИ можно разделить на две группы – основные СМИ и цифровые СМИ, онлайн СМИ против оффлайн СМИ, старые СМИ против новых СМИ. Основная разница, по сути, заключается в том, чтобы получать новости из телевизора, журнала или газеты, а не с экрана компьютера, подключенного к Интернету.

В свете множества изменений, происходящих в медиасреде и ее технологиях, одной из наиболее важных задач, стоящих перед нами сегодня при определении общественных интересов, является вопрос о природе новостной журналистики. В последние годы социальные медиа, блоги и онлайн-газеты значительно увеличили число конкурентов, достигающих определенной аудитории [2].

Если рассматривать другой аспект проблемы, то онлайн-журналистика может способствовать дискуссии между различными субъектами общества. Она может способствовать изменениям и дать возможность высказаться тем, кто не имеет права голоса в основных СМИ. Таким образом, переход от традиционной монополии к централизации информационной власти в таком СМИ, как газета, является одной из самых разумных черт в информационную эпоху [3].

Каждый день миллионы людей включают свои компьютеры и читают или слушают новости, не дожидаясь ежедневных газет. Помимо того, что технология приносит новые изменения в репортажи с помощью компьютера, она также меняет то, как журналисты выполняют свою работу. Кроме того, использование Интернета позволило журналистам иметь под рукой все влиятельные организации мира [4]. Среди некоторых исследователей существует мнение, что средства достижения успеха в области новой журналистики такие же, как и в области традиционных новостей, что они также включают в себя хорошее письмо, точность и готовность к инновациям [5].

Павлик и др. [6] считают, что онлайн-журналистика постепенно развивается, проходя три стадии. На первом этапе большая часть материалов из первичной публикации просто перепечатывается. На втором этапе журналисты создают новостные материалы для сайтов, а на третьем - разрабатывают оригинальные материалы специально для Интернета как нового средства коммуникации.

В 1997 году исследователи поняли, что большинство новостных сайтов находились на сере-

дине первого этапа, в то время как два других этапа только зарождались. Сегодня кажется, что большинство местных новостей все еще находятся на первой стадии, в то время как есть много региональных и национальных сайтов, которые успешно публикуют оригинальное содержание. Камалипур [7] отметил, что первая электронная публикация печатной прессы не может считаться онлайн-журналистикой. С его точки зрения, электронная журналистика – наиболее подходящее название для такого рода газет. Стовалл [8] также утверждает, что ни один из новостных сайтов еще не использовал весь потенциал Интернета. Есть лишь несколько новостных организаций, которые превзошли форсированное обновление в разработке оригинального содержания своих сайтов.

В целом, онлайн-журналистика определяется как: освещение фактов, которые производятся и распространяются через Интернет. С точки зрения традиционных СМИ, новая форма журналистики рассматривается как возможность и риск, в то время как важность этого вопроса заключается в укреплении традиционных наблюдательных функций журналистики путем предоставления репортерам эффективных способов более глубокого поиска информации.

Новая форма журналистики значительно выросла благодаря смешению различных СМИ (Интернета и традиционной журналистики) в середине 1990 годов [9].

Поэтому она принесла новое значение политики, пользователя, контента и т.д.

Здесь возникают некоторые вопросы. Один из них: как элементы ИКТ могут быть использованы для повышения эффективности использования ИКТ в журналистике по сравнению с традиционной журналистикой? С использованием ИКТ в журналистике изменения в новостях происходят в разных аспектах. Они расширяют возможности сбора новостей благодаря мультимедийной структуре, оперативности (переопределение времени и пространства) и интерактивности Интернета и Всемирной паутины, что делает их несравненными и мощными инструментами для демократии. На основе следующих заголовков я объясню эффективность ИКТ в журналистике по сравнению с традиционными способами журналистики.

Появление новых коммуникационных технологий изменило структуру газет. Качество мультимедиа для онлайн-версии является главной особенностью в структуре онлайн-газеты, что увеличивает дистанцию между печатной журналистикой и новым поколением, поскольку дизайн газет изменился в сторону мультимедийного содержания, т.е. дизайн онлайн-газеты в корне отличается

от печатной версии, поскольку дизайн в онлайн-газете охватывает распространение сообщений.

Приложения и методы веб-дизайна газет в Интернете демонстрируют информацию, отраженную в том, как издатели структурируют содержание новостей [10]. Интернет-газеты с разным дизайном могут давать разный уровень удовлетворения, потому что веб-дизайн – это важный подход, который может повлиять на эффективность поиска новостей [11]. Один из мыслителей в области журналистики использует два способа определения мультимедиа в журналистике, которые оба являются "идеально-типичными". Первый – это предоставление нового сюжета с помощью многих медиаформатов, таких как изображение, графическая анимация и движущаяся музыка, которые включают гипертекстовые элементы и интерактивность, тогда как второй – это использование нескольких медиа, таких как SMS, MMS, электронная почта, радио, телевидение, печатные газеты и журналы, для предоставления пакета новостных материалов на сайте [12]. В целом, онлайн-журналистика позволяет пользователям получать дополнительную информацию на отдельных страницах, которые они хотят узнать.

Односторонняя связь и отсутствие интерактивности в традиционных СМИ волновали многих исследователей в 1962 году, поскольку они считали, что связь между журналистикой и аудиторией была более ограниченной. Действительно, древние СМИ создавали свои сообщения в значительной степени независимо от аудитории [13].

Тем не менее, с появлением новых технологий (т.е. Интернета), недостаток интерактивности был устранен, и это дает аудитории власть, которая позволяет ей иметь двусторонний поток информации. Следовательно, интернет-журналистика как новая технология теперь является средством массовой информации, которое в корне отличается от традиционных СМИ благодаря способности к интерактивности. Кроме того, она была признана "критической концепцией в компьютерно-опосредованной коммуникации", определяемой как "термин, определяющий уровень связи между последовательными коммуникационными обменами, при котором третья (или более поздняя) передача зависит от того, как предыдущие обмены были связаны с еще более ранней передачей" [14]. Таким образом, это не только интерактивность, но и своего рода взаимосвязанность, которая определяет логику электронных медиа.

Один из ученых также определил некоторые важные факторы, влияющие на интерактивность онлайн-газет: статус владельца, размер газетного рынка, количество технического персонала для работы в онлайн-среде и продолжитель-

ность присутствия сайта в Интернете, что помогает журналистам освоиться и получить опыт работы с новой средой [15].

В области интерактивности один из ученых также подчеркнул, что новые медиа являются важным инструментом для развивающихся стран, чтобы отделиться от развитых стран. Это связано с тем, что односторонний поток взаимодействия от развитых стран к третьим и развивающимся будет изменен в сторону равенства [16].

Когда журналистика переходит в интернет-среду, это означает, что это новое пространство отличается от аналоговых СМИ. Среди других особенностей онлайн-СМИ - оперативность новостей, которая контрастирует с аналоговыми СМИ.

Основное содержание оперативности заключается в том, что нет разрыва между моментом получения или подготовки и формирования информации производителем новостей и моментом передачи данных и информации потребителям. Этот статус возможен благодаря природе цифровой информации, которая легко может быть непрерывно схематизирована. Хотя печатная журналистика допускает глубокую проработку новостной истории, новости в основном не распространяются до следующего утра или вечера. Поэтому, в отличие от печатной журналистики, оперативность в онлайн-версии является основополагающим элементом и действием для быстрой доставки информации через цифровую версию.

Многие исследования в области доставки показали, что цифровые новости могут публиковать дополнительные и обновленные новости [17], потому что у онлайн-изданий нет определенных сроков. Таким образом, они могут загружать новости в любое время, что намеренно меняет значение времени и пространства. Например, это дает возможность журналистам менять заголовки новостей много раз за день [18].

Термин "независимость прессы" относится к газетам, журналам и другим средствам коммуникации, которые обладают политической и экономической независимостью от правительства и других частных экономических монополий [19].

Концепция независимости стала предметом больших споров в современном мире СМИ. Она определяется как "не зависящая от власти другого или других, не находящаяся в подчиненном положении, не подверженная внешнему контролю или правлению, самоуправляемая и свободная". Однако применительно к СМИ идея независимого производства представляет собой парадокс: она одновременно проста и сложна" [20]. Это означает, что новости не обязательно должны подаваться в подходящее мейнстримное медиапроизводство. В от-

личие от новой формы журналистики, независимость печатных СМИ все еще ставится под сомнение некоторыми. Например, в Иране большинство ежедневных газет по-прежнему контролируются правительством, политическими партиями и богатыми людьми.

Несмотря на то, что в некоторых новостных СМИ наметился прогресс в удовлетворении общественных потребностей, большинство из них имеют тесную связь с политикой и властью. Это означает, что в политическом плане у каждого из них есть спонсор; следовательно, спонсоры должны искать определенную точку зрения, которая будет представлена в публикации. Кроме того, причина кроется в отсутствии соответствующего рынка СМИ, и это состояние в основном является результатом самоцензуры со стороны журналистов и новостных организаций, которые в основном учитывают финансовое положение газет и, следовательно, независимость СМИ.

В целом, журналисты, использующие эту новую технологию, могут расслабиться и чувствовать себя свободными от любых провокаций, потому что один из многих великих принципов журналистики – отсутствие страха и благосклонности [21].

Кроме того, под маркой новой технологии журналисты могут производить новости с различными подходами, чтобы создать электронную демократию, используя различные ресурсы. Тем не менее, в мире есть много стран, которые все еще используют фильтрацию, потому что, с их точки зрения, свобода (слова) не должна угрожать социальной, культурной и религиозной идентичности наций, которая может превратиться в (свободу) неэтичных вопросов [11].

По мнению Аддиса (2009), Интернет все еще связан ролью авторского права и права собственности. Это связано с тем, что многие сайты предоставляют новости, которые обычно были пересмотрены или переписаны, и хотя указывается время пересмотра, след первоначальной версии обычно не указывается. Чаще всего распространяемая ложная информация не исправляется для обеспечения точности и ясности. Таким образом, этнический аспект всегда ставится под сомнение. Остается все то же сомнение, т.е. применение стандартов к реальной жизни, и это делает Интернет ничем не отличающимся от других, поскольку он все еще пытается найти свой баланс.

Последовательно, акцент на концепции точности, которая является важнейшей нормой, которая должна существовать в нормах этической журналистики, оспаривается ограниченным числом профессиональных журналистов в онлайн-журналистике в настоящее время. Во многом это

связано с тем, что блоггеры – это люди без соответствующей академической квалификации в области коммуникативистики, а также те, кто не знаком со стандартами журналистики. Это люди, которые пишут или распространяют информацию, исходя из своих личных интересов, что может привести к распространению ложной информации; таким образом, отсутствие структурированного процесса проверки или неточные сообщения вводят общественность в заблуждение.

Новые технологии, по большому счету, могут предоставить как новые шансы, так и угрозы для существующих СМИ. На газетную индустрию оказала огромное влияние и, соответственно, изменила ее интеграция Интернета и печатной журналистики. Теперь онлайн-газета может предоставлять новые услуги через Интернет, которые традиционная газета не может предоставить из-за качества печатной продукции.

Очевидно, что онлайн-журналистика имеет следующие основные характеристики: возможность мультимедиа, интерактивность и оперативность. Кроме того, проблемы цензуры, пропаганды, высокой стоимости производства и нехватки места для новостей были решены с помощью онлайн-журналистики. Еще одним важным фактором, который следует принять во внимание, является то, что стоимость запуска онлайн-журналистики, по сути, намного ниже, чем печатной версии, так что эти преимущества онлайн-версии в значительной степени перевешивают преимущества печатной версии и в целом свидетельствуют о том, что она останется в будущем.

С другой стороны, то, что кажется предметом беспокойства в онлайн-сообществе, – это отсутствие ответственности и надежности, поскольку число профессиональных журналистов, работающих в онлайн-версии, все еще ограничено. Поэтому, учитывая признание позиций журналистов, поощрять традиционных журналистов работать или быть вовлеченными в онлайн-журналистику как новое поколение журналистики все еще не представляется возможным. Это может помочь найти некоторые эффективные способы поощрения профессиональных журналистов к использованию онлайн-версии как средства распространения информации.

Однако причиной нехватки журналистов можно считать такие параметры, как недостаток академического и технологического образования. В результате, каждый журналист должен учиться и развиваться в многочисленных навыках в сегодняшнюю цифровую эпоху, поскольку лучший журналист – это тот, кто может просто привлечь больше аудитории хорошей информацией и новостями.

Литература

1. Аддис С.Л. (2009). Президентские выборы в Иране в 2009 году. Получено 6 июля 2019 года с сайта <http://www.fas.org/sgp/crs/mideast/R40653.pdf>
2. Арант М., Андерсон Дж. Онлайн-редакторы газет поддерживают традиционные стандарты. Журнал исследований газет. 2001. № 22 (4). С. 57 – 70.
3. Арао, Д.А. (2006). Практика онлайн-журналистики на Филиппинах: личные наблюдения, получено 6 июля 2007 года с сайта <http://bulatlat.com/news/6-36/6-36-online.htm>
4. Банджаде А. (2006). Gaunle deurali: босоногая общинная журналистика в Западном Непале. Получено 6 июля 2009 года с сайта <http://lass.calumet.purdue.edu/cca/gmj/sp06/gmj-sp06banjade.htm>
5. Дебир А.С., Меррилл Дж.К. (2009). Глобальная журналистика: Актуальные вопросы и системы СМИ. Бостон: Pearson Education.
6. Дьюз М. Что такое мультимедийная журналистика? // Журнальные исследования. 2004. № 5 (2). С. 130 – 152.
7. Дойзе М. Веб и его журналистика: Рассмотрение последствий разного // Новые медиа и общество. 2003. № 5 (2). С. 203 – 230.
8. Фолаян О.О. (2004). Интерактивность в онлайн-журналистике: Исследование интерактивного характера нигерийской онлайн-газеты Guardian. Неопубликованная магистерская диссертация, Университет Родоса. Нигерия.
9. Холма Дж., Макгрегор М. Интернет как общее достояние: Вопрос доступа // Журнал коммуникационного права и политики. 2005. № 10 (3). С. 267 – 289.
10. Камалипур Й.Р. (2007). Онлайн-журналистика. Получено 13 июля 2007 г. с <http://www.hamshahrionline.ir/news-27442.aspx>
11. Ли Х. (2006). Интернет-газета: Создание мейнстримной среды. Нью-Джерси: Lawrence Erlbaum Associates, Inc.
12. Мотамеднежад, К. (2004). Электронная коммуникация и свобода слова. Получено 19 октября 2007 года. С сайта www.Iranwsis.org
13. Мотамеднежад К. (1995). Журналистика в Иране. Тегеран, Издательство Университета Алламах Табатабаи. Моулана Х. (1997). Глобальная информация и мировая коммуникация. Лондон: Sage Publications.
14. Павлик Дж., Карузо Д., Тучер А., Саган П. Будущее онлайн-журналистики: бонанза или черная дыра? // Columbia Journalism Review. 1997. № 36 (2). С. 30 – 38.

15. Сингер Дж.Б., Тарп М.П., Харута А. Сотрудники онлайн-изданий: Суперзвезды или граждане второго сорта. *Newspaper Research Journal*. 1999. № 20 (3) С. 29 – 47.

16. Стовалл, Дж. (2004). Веб-журналистика: Практика и обещания новой среды. Бостон, штат Массачусетс: Pearson Education.

17. Уошберн Р. (2009). Будущее журналистики в Интернете: Доводы в пользу электронной журналистики. Неопубликованная магистерская диссертация, Университет Йорка, Канада.

18. Вейр Т. Инноваторы или охотники за новостями: Исследование первых последователей электронной газеты // *Newspaper Research Journal*. 1999. № 20 (4). С. 62 – 81.

19. Волк Р.Д. (2001). Введение в онлайн-журналистику. Публикация новостей и информации. Бостон: Allyn & Bacon.

20. Zeng. Q. (2002). Изучение факторов, влияющих на уровень интерактивности, путем исследования от точки к онлайн-миру: Изучение предикторов, влияющих на уровень интерактивности газетных страниц World Wide Web. Магистерская диссертация. Университет международных отношений, Пекин.

References

1. Addis C.L. (2009). Prezidentskie vybory v Irane v 2009 godu. Polucheno 6 iyulya 2019 goda s sajta <http://www.fas.org/sgp/crs/mideast/R40653.pdf>

2. Arant M., Anderson Dzh. Onlajnovye redaktory gazet podderzhivayut tradicionnyye standarty. *ZHurnal issledovaniy gazet*. 2001. № 22 (4). С. 57 – 70.

3. Arao, D.A. (2006). Praktika onlajnoy zhurnalistiky na Filippinah: lichnye nablyudeniya, polucheno 6 iyulya 2007 goda s sajta <http://bulatlat.com/news/6-36/6-36-online.htm>

4. Bandzhade A. (2006). Gaunle deurali: bosonogaya obshchinnaya zhurnalistika v Zapadnom Nepale. Polucheno 6 iyulya 2009 goda. s sajta <http://lass.calumet.purdue.edu/cca/gmj/sp06/gmj-sp06banjade.htm>

5. Debir A.S., Merrill Dzh.K. (2009). Global'naya zhurnalistika: Aktual'nye voprosy i sistemy SMI. Boston: Pearson Education.

6. D'yuz M. CHto takoe mul'timedijnaya zhurnalistika? *ZHurnal'nye issledovaniya*. 2004. № 5 (2). С. 130 – 152.

7. Dojze M. Veb i ego zhurnalistika: Rassmotrenie posledstvij raznogo. *Novye media i obshche-stvo*. 2003. № 5 (2). С. 203 – 230.

8. Folayan O.O. (2004). Interaktivnost' v onlajnoy zhurnalistike: Issledovanie interaktivno-go haraktera nigerijskoj onlajn-gazety Guardian. Neopublikovannaya magisterskaya dissertaciya, Universitet Rodosa. Nigeriya.

9. Holma Dzh., Makgrekor M. Internet kak obshchee dostoyanie: Vopros dostupa. *ZHurnal kommuni-kacionnogo prava i politiki*. 2005. № 10 (3). С. 267 – 289.

10. Kamalipur J.R. (2007). Onlajnovaya zhurnalistika. Polucheno 13 iyulya 2007 g. s <http://www.hamshahrionline.ir/news-27442.aspx>

11. Li X. (2006). Internet-gazeta: Sozdanie mejnstrimnoj sredy. N'yu-Dzhersi: Lawrence Erlbaum Associates, Inc.

12. Motamednezhad, K. (2004). Elektronnyaya kommunikaciya i svoboda slova. Polucheno 19 oktyabrya 2007 goda. S sajta www.Iranwsis.org

13. Motamednezhad K. (1995). *ZHurnalistika v Irane*. Tegeran, Izdatel'stvo Universiteta AllamekhTabatabai. Moulana H. (1997). *Global'naya informaciya i mirovaya kommunikaciya*. London: Sage Publications.

14. Pavlik Dzh., Karuzo D., Tucher A., Sagan P. Budushchee onlajnoy zhurnalistiky: bonanza ili chernaya dyra? *Columbia Journalism Review*. 1997. № 36 (2). С. 30 – 38.

15. Singer Dzh.B., Tarp M.P., Haruta A. Sotrudniki onlajnovykh izdaniy: Superzvezdy ili grazhdane vtorogo sorta. *Newspaper Research Journal*. 1999. № 20 (3) С. 29 – 47.

16. Stovall, Dzh. (2004). Veb-zhurnalistika: Praktika i obeshchaniya novoy sredy. Boston, shtat Massachusets: Pearson Education.

17. Uoshbern R. (2009). Budushchee zhurnalistiky v Internetе: Dovody v pol'zu elektronnoj zhurnalistiky. Neopublikovannaya magisterskaya dissertaciya, Universitet Jorka, Kanada.

18. Vejr T. Innovatory ili ohotniki za novostyami: Issledovanie pervykh posledovatelej elektronnoj gazety. *Newspaper Research Journal*. 1999. № 20 (4). С. 62 – 81.

19. Volk R.D. (2001). Vvedenie v onlajnovuyu zhurnalistiku. Publikaciya novostej i informacii. Boston: Allyn & Bacon.

20. Zeng. Q. (2002). Izuchenie faktorov, vliyayushchih na uroven' interaktivnosti, putem issledovaniya ot tochki k onlajnovomu miru: Izuchenie prediktorov, vliyayushchih na uroven' interaktivnosti gazetnykh stranic World Wide Web. Magisterskaya dissertaciya. Universitet mezhdunarodnykh otno-shenij, Pekin.

INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN MODERN JOURNALISM

*Jian Zheng,
Belarusian State University, Belarus*

Abstract: the Internet – the World Wide Web – has had a major impact on all levels of (information) societies around the world. The shift away from a traditional monopoly to the centralisation of information power in a medium such as a newspaper is one of the most sensible features in the information age. This paper defines online journalism, examines it in terms of the key characteristics of online media - hypertextuality, interactivity, multimodality, politics and advertising - and considers the current and potential impact that this online journalism can have on the way journalism is defined as it functions in elected democracies around the world.

It is also argued that a lack of accountability and reliability is a concern in the online community. One reason may be the insufficient number of professional journalists working online, especially in third world and developing countries, as the lack of a structured vetting process or inaccurate reporting misleads the public.

Encouraging traditional journalists to work or participate in online journalism as a new generation of journalism is still not possible, given the recognition of journalists' positions. It might help to find some effective ways to encourage professional journalists to use online as a means of disseminating information.

Keywords: Internet, journalism, online journalism, journalist